3 1761 06381273 9

ЧТЕЦЪ ДЕКЛАМАТОРЪ

ТОМЪ I

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СБОРНИКЪ

стихотвореній, сценъ, разсказовъ
и монологовъ

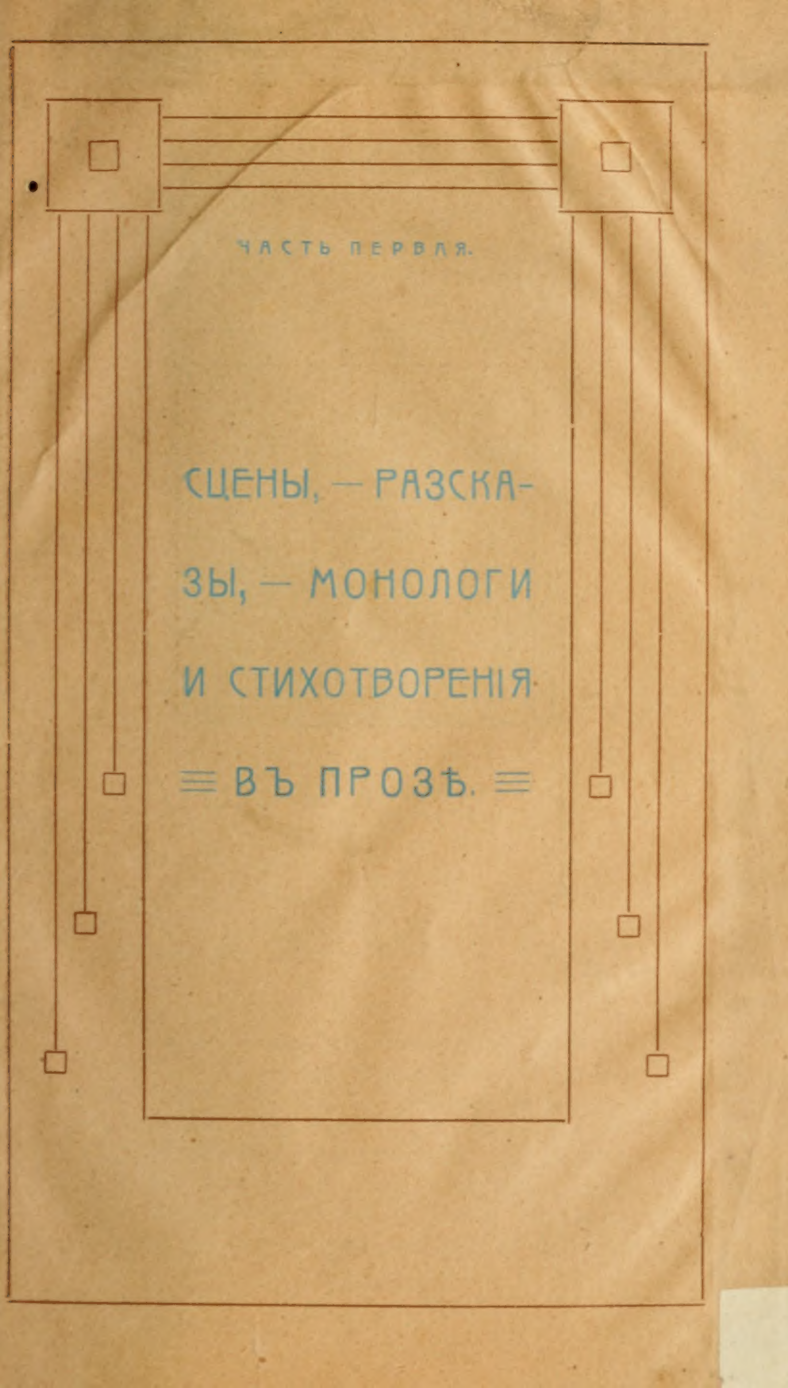
для чтенія въ дивертисментахъ, на драматическихъ курсахъ, литературныхъ вечерахъ и т. п.

I. Сцены, разсказы, монологи и стихотворенія въ прозѣ.
II. Declamatorium.
III. Мелодекламаціи и лирическія стихотворенія.
IV. Сатира и юморъ.

Съ портретами писателей и артистовъ.

Изданіе 9-е.

КІЕВЪ.
ИПОГРАФІЯ „ПЕТРЪ БАРСКІЙ“, КРЕЩАТИКЪ № 40.
1909.



ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
СЦЕНЫ, — РАЗСКАЗЫ, — МОНОЛОГИ И СТИХОТВОРЕНІЯ
ВЪ ПРОЗѢ.

Нѣтъ сомнѣнія, что хорошій чтецъ можетъ и долженъ стараться ярче выставить достоинства произведенія, которое онъ читаетъ и, напротивъ, скрыть его недостатки; но только съ условіемъ, чтобы онъ самъ прочувствовалъ эти достоинства и самъ убѣдился въ этихъ недостаткахъ.

Легуве.

Левъ Толстой

Отрывокъ изъ „Войны и Мира".

Князь Андрей не только зналъ, что онъ умретъ, но онъ чувствовалъ, что онъ умираетъ, что онъ уже умеръ наполовину. Онъ испытывалъ сознанiе отчужденности отъ всего земного и радостной легкости бытiя. Онъ, не торопясь и не тревожась, ожидалъ того, что предстояло ему. То грозное, вѣчное, невѣдомое и далекое, присутствiе котораго онъ не переставалъ ощущать въ продолже-

ніе всей своей жизни, теперь для него было близко и,—по той странной легкости бытія, которую онъ испытывалъ,—почти понятное и ощущаемое. .

. . . .

Прежде онъ боялся конца. Онъ два раза испыталъ это страшно-мучительное чувство страха смерти, конца, и теперь уже не понималъ его.

Первый разъ онъ испыталъ это чувство тогда, когда граната волчкомъ вертѣлась передъ нимъ, и онъ смотрѣлъ на жнивье, на кусты, на небо, и зналъ, что передъ нимъ была смерть. Когда онъ очнулся послѣ раны и въ душѣ его, мгновенно, какъ бы освобожденный отъ удерживавшаго его гнета жизни, распустился этотъ цвѣтокъ любви вѣчной, свободной, не зависящей отъ этой жизни, онъ уже не боялся смерти и не думалъ о ней.

Чѣмъ больше онъ, въ тѣ часы страдальческаго уединенія и полубреда, которые онъ провелъ послѣ своей раны, вдумывался въ новое, открытое ему начало вѣчной любви, тѣмъ болѣе онъ, самъ не чувствуя того, отрекался отъ земной жизни. Все, всѣхъ любить, всегда жертвовать собой для любви, значило никого не любить, значило не жить этою земною жизнью. И чѣмъ больше онъ проникался этимъ началомъ любви, тѣмъ больше онъ отрекался отъ жизни и тѣмъ совершеннѣе уничтожалъ ту страшную преграду, которая безъ любви стоитъ между жизнью и смертью. Когда онъ, это первое время, вспомнилъ о томъ, что ему надо было умереть, онъ говорилъ себѣ: ну, что жъ, тѣмъ лучше.

Но послѣ той ночи въ Мытищахъ, когда въ полубреду передъ нимъ явилась та, которую онъ желалъ, и когда онъ, прижавъ къ своимъ губамъ ея руку, заплакалъ тихими, радостными слезами, любовь къ одной женщинѣ незамѣтно закралась въ его сердце и опять привязала его къ жизни. И радостныя и тревожныя мысли стали приходить ему. Вспоминая ту минуту на перевязочномъ пунктѣ, когда онъ увидалъ Курагина, онъ теперь не

могъ возвратиться къ тому чувству: его мучилъ вопросъ о томъ, живъ ли онъ? И онъ не смѣлъ спросить этого.

Болѣзнь его шла своимъ физическимъ порядкомъ, но то, что Наташа называла: это сдѣлалось съ нимъ,—случилось съ нимъ два дня передъ пріѣздомъ княжны Маріи. Это была та послѣдняя, нравственная борьба между жизнью и смертью, въ которой смерть одержала побѣду. Это было неожиданное сознаніе того, что онъ еще дорожилъ жизнью, представлявшеюся ему въ любви къ Наташѣ, и послѣдній, покоренный припадокъ ужаса передъ невѣдомымъ.

Это было вечеромъ. Онъ былъ, какъ обыкновенно послѣ обѣда, въ легкомъ лихорадочномъ состояніи, и мысли его были чрезвычайно ясны. Соня сидѣла у стола. Онъ задремалъ. Вдругъ ощущеніе счастья охватило его.

— А, это она вошла!—подумалъ онъ.

Засыпая, онъ думалъ все о томъ же, о чемъ онъ думалъ все это время—о жизни и смерти. И больше о смерти. Онъ чувствовалъ себя ближе къ ней.

„Любовь? Что такое любовь?—думалъ онъ.

„Любовь мѣшаетъ смерти. Любовь есть жизнь. Все, все, что я понимаю, я понимаю только потому, что люблю. Все есть, все существуетъ, только потому, что я люблю. Все связано одною ею. Любовь есть Богъ и умереть—значитъ мнѣ, частицѣ любви, вернуться къ общему и вѣчному источнику". Мысли эти показались ему утѣшительны. Но это были только мысли. Чего-то недоставало въ нихъ что-то было односторонне-личное, умственное,—не было очевидности. И было то же безпокойство и неясность. Онъ заснулъ.

Онъ видѣлъ во снѣ, что онъ лежитъ въ той же комнатѣ, въ которой онъ лежалъ въ дѣйствительности, но что онъ не раненъ, а здоровъ. Много различныхъ лицъ, ничтожныхъ, равнодушныхъ, являются передъ княземъ Андреемъ. Онъ говоритъ съ ними, споритъ о чемъ-то ненужномъ. Они сби-

раются ѣхать куда-то. Князь Андрей смутно припоминаетъ, что все это ничтожно и что у него есть другія важнѣйшія заботы, но онъ продолжаетъ говорить, удивляя ихъ, какія-то пустыя, остроумныя слова. Понемногу, незамѣтно, всѣ эти лица начинаютъ исчезать и все замѣняется однимъ вопросомъ о затворенной двери. Онъ встаетъ и идетъ къ двери, чтобы задвинуть задвижку и запереть ее. Отъ того, что онъ успѣетъ или не успѣетъ запереть ее, зависитъ в с е. Онъ идетъ, спѣшитъ, ноги его не двигаются, и онъ знаетъ, что не успѣетъ запереть дверь, но все-таки болѣзненно напрягаетъ всѣ свои силы. И мучительный страхъ охватываетъ его. И этотъ страхъ есть страхъ смерти: за дверью стоитъ о н о. Но въ то же время, какъ онъ безсильно-неловко подползаетъ къ двери, это что-то ужасное съ другой стороны, уже надавливая, ломится въ нее. Что-то нечеловѣческое—смерть ломится въ дверь, и надо удержать ее. Онъ ухватывается за дверь, напрягаетъ послѣднія усилія—запереть уже нельзя—хоть удержать ее; но силы его слабы, неловки и, надавливаемая ужаснымъ, дверь отворяется и опять затворяется.

Еще разъ о н о надавило оттуда. Послѣднія, сверхъестественныя усилія тщетны, и обѣ половинки отворились беззвучно. О н о вошло, и оно есть с м е р т ь. И князь Андрей умеръ.

Но въ то же мгновеніе, какъ онъ умеръ, князь Андрей вспомнилъ, что онъ спитъ, и въ то же мгновеніе, какъ онъ умеръ, онъ, сдѣлавъ надъ собой усиліе, проснулся.

„Да, это была смерть, я умеръ—я проснулся. Да, смерть—пробужденіе“, вдругъ просвѣтлѣло въ его душѣ, и завѣса, скрывавшая до сихъ поръ невѣдомое, была приподнята передъ его душевнымъ взоромъ. Онъ почувствовалъ какъ бы освобожденіе прежде связанной въ немъ силы и ту странную легкость, которая съ тѣхъ поръ не оставляла его.

Когда онъ, очнувшись въ холодномъ поту, зашевелился на диванѣ, Наташа подошла къ нему и

спросила, что съ нимъ. Онъ не отвѣтилъ ей и, не понимая ея, посмотрѣлъ на нее страннымъ взглядомъ.

Это-то было то, что случилось съ нимъ за два дня до пріѣзда княжны Маріи. Съ этого же дня, какъ говорилъ докторъ, изнурительная лихорадка приняла дурной характеръ, но Наташа не интересовалась тѣмъ, что говорилъ докторъ: она видѣла эти страшные, болѣе для нея несомнѣнные, нравственные признаки.

Съ этого дня началось для князя Андрея вмѣстѣ съ пробужденіемъ отъ сна—пробужденіе отъ жизни. И относительно продолжительности жизни оно не казалось ему болѣе медленно, чѣмъ пробужденіе отъ сна относительно продолжительности сновидѣнія.

Ничего не было страшнаго и рѣзкаго въ этомъ относительно-медленномъ пробужденіи.

Послѣдніе дни и часы его прошли обыкновенно и просто. И княжна Марія и Наташа, не отходившія отъ него, чувствовали это. Онѣ не плакали, не содрогались и, послѣднее время, сами чувствуя это, ходили уже не за нимъ (его уже не было, онъ ушелъ отъ нихъ), а за самымъ близкимъ воспоминаніемъ о немъ—за его тѣломъ. Чувства обѣихъ были такъ сильны, что на нихъ не дѣйствовала внѣшняя, страшная сторона смерти, и онѣ не находили нужнымъ растравлять свое горе. Онѣ не плакали ни при немъ, ни безъ него, но и никогда не говорили про него между собою. Онѣ чувствовали, что не могли выразить словами то, что онѣ понимали.

Онѣ обѣ видѣли, какъ онъ глубже и глубже, медленно и спокойно, опускался отъ нихъ куда-то туда, и обѣ знали, что это такъ должно быть и что это хорошо.

Когда происходили послѣднія содроганія тѣла, оставляемаго духомъ, княжна Марія и Наташа были тутъ.

— Кончилось?!—сказала княжна Марія, послѣ того какъ тѣло его уже нѣсколько минутъ, непо-

движно, холодѣя, лежало передъ ними. Наташа подошла, взглянула въ мертвые глаза и поспѣшила закрыть ихъ. Она закрыла ихъ и не поцѣловала ихъ, а приложилась къ тому, что было ближайшимъ воспоминаніемъ о немъ.

„Куда онъ ушелъ? Гдѣ онъ теперь?...“

Когда одѣтое, обмытое тѣло лежало въ гробу на столѣ, всѣ подходили къ нему прощаться и всѣ плакали.

Наташа и княжна Марія плакали тоже теперь, но онѣ плакали не отъ своего личнаго горя,—онѣ плакали отъ благоговѣйнаго умиленія, охватившаго ихъ души передъ сознаніемъ простого и торжественнаго таинства смерти, совершившагося передъ ними.

Левъ Толстой.

Весенній дождь.

Отрывокъ изъ ром. „Семейное счастье“.

Ужъ солнце зашло, начинало смеркаться, и весенняя темная тучка висѣла надъ домомъ и садомъ, только изъ-за деревьевъ виднѣлся чистый край неба съ потухавшею зарей и только-что вспыхнувшею вечернею звѣздочкой. Надо всѣмъ стояла тѣнь легкой тучки, и все ждало тихаго весенняго дождика. Вѣтеръ замеръ, ни одинъ листъ, ни одна травка не шевелилась; запахъ сирени и черемухи такъ сильно, какъ будто весь воздухъ цвѣлъ, стоялъ съ саду и на террасѣ, и наплывами то вдругъ ослабѣвалъ, то усиливался, такъ что хотѣлось закрыть глаза и ничего не видѣть, не слышать, кромѣ этого сладкаго запаха. Георгины и кусты розановъ, еще безъ цвѣта, неподвижно вытянувшись на своей вскопанной черной рабаткѣ, какъ будто медленно росли

вверхъ по своимъ бѣлымъ, обструганнымъ подставкамъ; лягушки изъ всѣхъ силъ, какъ будто на послѣдкахъ предъ дождемъ, который ихъ загонитъ въ воду, дружно и пронзительно трещали изъ-подъ оврага. Одинъ какой-то тонкій, непрерывный водяной звукъ стоялъ надъ этимъ крикомъ. Соловьи перекликались вперемежку, и слышно было, какъ тревожно перелетали съ мѣста на мѣсто... А тучи безъ вѣтра все опускались ниже и ниже; все становилось тише, пахучѣе и неподвижнѣе, и вдругъ капля упала и какъ будто подпрыгнула на парусинномъ навѣсѣ террасы, другая разбилась на щебнѣ дорожки; по лопуху шлепнуло, и закапалъ крупный, свѣжій, усиливающійся дождикъ. Соловьи и лягушки совсѣмъ затихли, только тонкій водяной звукъ хотя и казался дальше изъ-за дождя, но все стоялъ въ воздухѣ, и какая-то птица, должно-быть, забившись въ сухіе листья, недалеко отъ террасы, равномѣрно выводила свои двѣ однообразныя ноты... Тучка, свѣтлѣя и рѣдѣя, проливалась надъ головою; ровный звукъ дождя замѣнился рѣдкими каплями, падавшими сверху и съ листьевъ. Опять внизу затрещали лягушки, опять встрепенулись соловьи, и изъ мокрыхъ кустовъ стали отзываться то съ той, то съ другой стороны. Все просвѣтлѣло въ природѣ.

Левъ Толстой.

Смерть дерева.

Отрывокъ изъ разсказа „Три смерти".

Раннимъ утромъ, чуть зорька, Серега взялъ топоръ и пошелъ въ рощу.

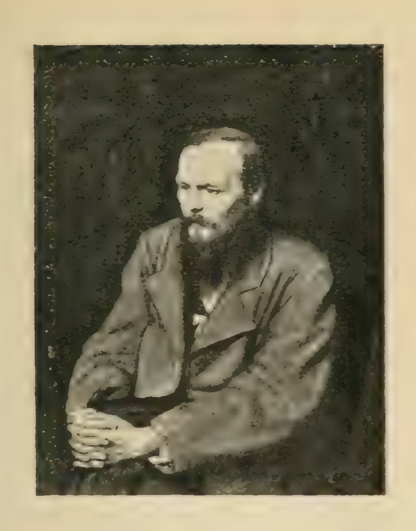
На всемъ лежалъ холодный матовый покровъ еще падавшей, не освѣщенной солнцемъ росы. Востокъ незамѣтно яснѣлъ, отражая свой слабый свѣтъ на подернутомъ тонкими тучами сводѣ неба. Ни одна травка внизу, ни одинъ листъ на верхней вѣткѣ

дерева не шевелились. Только изрѣдка слышавшіеся звуки крыльевъ въ чащѣ деревьевъ или шелеста по землѣ нарушали тишину лѣса. Вдругъ странный, чуждый природѣ, звукъ разнесся и замеръ на опушкѣ лѣса. Но снова послышался звукъ и равномѣрно сталъ повторяться внизу около ствола одного изъ неподвижныхъ деревьевъ. Одна изъ макушекъ необычайно затрепетала, сочныя листья ея зашептали что-то, и малиновка, сидѣвшая на одной изъ вѣтвей ея, со свистомъ перепорхнула два раза, и, подергивая хвостикомъ, сѣла на другое дерево.

Топоръ низомъ звучалъ глуше и глуше, сочныя бѣлыя щепки летѣли на росистую траву, и легкій трескъ послышался изъ-за ударовъ. Дерево вздрогнуло всѣмъ тѣломъ, погнулось и быстро выпрямилось, колеблясь на своемъ корнѣ. На мгновеніе все затихло, но снова погнулось дерево, послышался трескъ въ его стволѣ и, ломая сучья и опустивъ вѣтви, оно рухнулось макушкой на сырую землю. Звуки топора и шаговъ затихли. Малиновка свиснула и вспорхнула выше. Вѣтка, которую она зацѣпила своими крыльями, покачалась нѣсколько времени и замерла, какъ и другія, со всѣми своими листьями. Деревья еще радостнѣе красовались на новомъ просторѣ своими неподвижными вѣтвями.

Первые лучи солнца, пробивъ сквозившую тучу, блеснули въ небѣ и побѣжали по землѣ и небу. Туманъ волнами сталъ переливаться въ лощинахъ, роса, блестя, заиграла на зелени, прозрачныя побѣлѣвшія тучки, спѣша, разбѣгались по синѣвшему своду. Птицы гомозились въ чащѣ и, какъ потерянныя, щебетали что-то счастливое; сочные листья радостно и спокойно шептались на вершинахъ, и вѣтки живыхъ деревьевъ медленно, величаво зашевелились надъ мертвымъ поникшимъ деревомъ.

Левъ Толстой.



Ѳ. М. Достоевскій.

Отрыв. изъ „Неточки Незвановой."

Я лежала какъ будто въ забытьи, но сонъ не смыкалъ глазъ моихъ. Едва я заводила ихъ, какъ тотчасъ же просыпалась и вздрагивала отъ какихъ-то ужасныхъ видѣній. Тоска моя возрастала все болѣе и болѣе. Мнѣ хотѣлось кричать, но крикъ замиралъ въ груди моей. Наконецъ, уже поздно ночью, я услышала, какъ отворилась наша дверь. Не помню, сколько прошло времени, но когда я вдругъ совсѣмъ открыла глаза, я увидѣла батюшку. Мнѣ показалось, что онъ былъ страшно блѣденъ. Онъ сидѣлъ на стулѣ возлѣ самой двери и какъ будто о чемъ-то задумался. Въ комнатѣ была мертвая тишина. Оплывшая сальная свѣча грустно освѣщала наше жилище.

Я долго смотрѣла, но батюшка все еще не двигался съ мѣста; онъ сидѣлъ неподвижно, все въ томъ же положеніи, опустивъ голову и судорожно опершись руками о колѣни. Я нѣсколько разъ пыталась окликнуть его, но не могла. Оцѣпенѣніе мое продолжалось. Наконецъ, онъ вдругъ очнулся, поднялъ голову и всталъ со стула. Онъ стоялъ нѣсколько минутъ посреди комнаты, какъ будто рѣшаясь на что-нибудь; потомъ вдругъ подошелъ къ постели матушки, прислушался и, увѣрившись, что она спитъ, отправился къ сундуку, въ которомъ лежала его скрипка. Онъ отперъ сундукъ, вынулъ черный футляръ и поставилъ на столъ; потомъ снова оглядѣлся кругомъ; взглядъ его былъ мутный и бѣглый,—такой, какого я у него никогда еще не замѣчала.

Онъ было взялся за скрипку, но, тотчасъ же оставивъ ее, воротился и заперъ двери. Потомъ, замѣтивъ отворенный шкафъ, тихонько подошелъ къ нему, увидѣлъ стаканъ и вино, налилъ и выпилъ. Тутъ онъ въ третій разъ взялся за скрипку, но въ третій разъ оставилъ ее и подошелъ къ постели матушки. Цѣпенѣя отъ страха, я ждала, что̀ будетъ.

Онъ что-то очень долго прислушивался, потомъ вдругъ откинулъ одѣяло съ лица и началъ ощупывать его рукою. Я вздрогнула. Онъ нагнулся еще разъ и почти приложилъ къ ней голову, но когда онъ приподнялся въ послѣдній разъ, то какъ будто улыбка мелькнула на его страшно поблѣднѣвшемъ лицѣ. Онъ тихо и бережно накрылъ одѣяломъ спящую, закрылъ ей голову, ноги... и я начала дрожать отъ невѣдомаго страха: мнѣ стало страшно за матушку, мнѣ стало страшно за ея глубокій сонъ, и съ безпокойствомъ вглядывалась я въ эту неподвижную линію, которая угловато обрисовала на одѣялѣ члены ея тѣла... Какъ молнія, пробѣжала страшная мысль въ умѣ моемъ!

Кончивъ всѣ приготовленія, онъ снова подошелъ къ шкафу и выпилъ остатки вина. Онъ весь дрожалъ, подходя къ столу. Его узнать нельзя

было,—такъ онъ былъ блѣденъ. Тутъ онъ опять взялъ скрипку. Я видѣла эту скрипку и знала, чтó она такое, но теперь ожидала чего-то ужаснаго, страшнаго, чудеснаго... и вздрогнула отъ первыхъ ея звуковъ. Батюшка началъ играть. Но звуки шли какъ-то прерывисто; онъ поминутно останавливался, какъ будто припоминалъ что-то; наконецъ, съ растерзаннымъ. мучительнымъ видомъ положилъ свой смычекъ и какъ-то странно поглядѣлъ на постель. Тамъ его что-то все безпокоило. Онъ опять пошелъ къ постели... Я не пропускала ни одного движенія его и, замирая отъ ужаснаго чувства, слѣдила за нимъ.

Вдругъ онъ поспѣшно началъ чего-то искать подъ руками,—и опять та же страшная мысль, какъ молнія, обожгла меня. Мнѣ пришло въ голову: отчего же такъ крѣпко спитъ матушка? Отчего же она не проснулась, когда онъ рукою ощупывалъ ея лицо? Наконецъ, я увидѣла, что онъ стаскивалъ все, что могъ найти изъ нашего платья, взялъ салопъ матушкинъ, свой старый сюртукъ, халатъ, даже мое платье, которое я скинула, такъ что закрылъ матушку совершенно и спряталъ подъ набросанной грудой: она лежала все неподвижно, не шевелясь ни однимъ членомъ.

Она спала глубокимъ сномъ!

Онъ какъ будто вздохнулъ свободнѣе, когда кончилъ свою работу. Въ этотъ разъ уже ничто не мѣшало ему, но все еще что-то его безпокоило. Онъ переставилъ свѣчу и сталъ лицомъ къ дверямъ, чтобъ даже и не поглядѣть на постель. Наконецъ, онъ взялъ скрипку и съ какимъ-то отчаяннымъ жестомъ ударилъ смычкомъ... Музыка началась.

Но это была не музыка... Я помню все отчетливо, до послѣдняго мгновенія; помню все, что поразило тогда мое вниманіе. Нѣтъ, это была не такая музыка, которую мнѣ потомъ удавалось слышать! Это были не звуки скрипки, а какъ будто чей-то ужасный голосъ загремѣлъ въ первый разъ въ нашемъ темномъ жилищѣ. Или неправильны,

болѣзненны были мои впечатлѣнія, или чувства мои были потрясены всѣмъ, чему я была свидѣтельницей, подготовлены были на впечатлѣнія страшныя, неисходимо мучительныя,—но я твердо увѣрена, что слышала стоны, крикъ человѣческій, плачъ; цѣлое отчаяніе выливалось въ этихъ звукахъ и, наконецъ, когда загремѣлъ ужасный финальный аккордъ, въ которомъ было все, что есть ужаснаго въ плачѣ, мучительнаго въ мукахъ и тоскливаго въ безнадежной тоскѣ,—все это какъ будто соединилось разомъ... Я не могла выдержать,—я задрожала, слезы брызнули изъ глазъ моихъ и, съ страшнымъ, отчаяннымъ крикомъ бросившись къ батюшкѣ, я обхватила его руками. Онъ вскрикнулъ и опустилъ свою скрипку.

Съ минуту стоялъ онъ, какъ потерянный. Наконецъ, глаза его запрыгали и забѣгали по сторонамъ; онъ какъ будто искалъ чего-то, вдругъ схватилъ скрипку, взмахнулъ ею надо мною... еще минута, и онъ, можетъ быть, убилъ бы меня на мѣстѣ.

— Папочка! закричала я ему:—папочка!

Онъ задрожалъ какъ листъ, когда услышалъ мой голосъ, и отступилъ на два шага.

— Ахъ! Такъ еще ты осталась! Такъ еще не все кончилось! Такъ еще ты осталась со мной! закричалъ онъ, поднявъ меня за плечи на воздухъ.

— Папочка! закричала я снова:—не пугай меня, ради Бога! Мнѣ страшно! Ай!

Мой плачъ поразилъ его. Онъ тихо опустилъ меня на полъ и съ минуту безмолвно смотрѣлъ на меня, какъ будто узнавая и припоминая что-то. Наконецъ, вдругъ, какъ будто что-нибудь перевернуло его, какъ будто его поразила какая-то ужасная мысль,—изъ помутившихся глазъ его брызнули слезы; онъ нагнулся ко мнѣ и началъ пристально смотрѣть мнѣ въ лицо.

— Папочка! говорила я ему, терзаясь отъ страха:—не смотри такъ, папочка! Уйдемъ отсюда! Уйдемъ скорѣе! Уйдемъ, убѣжимъ!

— Да, убѣжимъ, убѣжимъ! Пора! Пойдемъ,

Нѣточка! Скорѣе, скорѣе! И онъ засуетился, какъ будто только теперь догадался, что ему дѣлать. Торопливо озирался онъ кругомъ и, увидя на полу матушкинъ платокъ, поднялъ его и положилъ въ карманъ, потомъ увидѣлъ чепчикъ,—и его тоже поднялъ и спряталъ на себѣ, какъ будто снаряжаясь въ дальнюю дорогу и захватывая все, что было ему нужно.

Я мигомъ надѣла свое платье и, тоже торопясь, начала захватывать все, что мнѣ казалось нужнымъ для дороги.

—Нѣточка! сказалъ онъ мнѣ, какъ будто размышляя съ усиліемъ:—дѣточка моя, я позабылъ... Что такое?.. Чтó это надо?.. Я не помню... Да, да, нашелъ, вспомнилъ!.. Поди сюда, Нѣточка!

Онъ подвелъ меня къ углу, гдѣ былъ образъ, и сказалъ, чтобъ я стала на колѣни.

—Молись, дитя мое, помолись! Тебѣ лучше будетъ!.. Да, право, будетъ лучше, шепталъ онъ мнѣ, указывая на образъ и какъ-то странно смотря на меня.—Помолись, помолись! говорилъ онъ какимъ-то просящимъ, умоляющимъ голосомъ.

Я бросилась на колѣни, сложила руки и, полная ужаса, отчаянія, которое уже совсѣмъ овладѣло мною, упала на полъ и пролежала нѣсколько минутъ, какъ бездыханная. Я напрягала всѣ свои мысли, всѣ свои чувства въ молитвѣ, но страхъ преодолѣвалъ меня. Я приподнялась, измученная тоскою. Я уже не хотѣла идти съ нимъ, боялась его; мнѣ хотѣлось остаться. Наконецъ, то, что томило и мучило меня, вырвалось изъ груди моей.

— Папа, сказала я, обливаясь слезами:—а мама?..—Чтó съ мамой? Гдѣ она? Гдѣ моя мама?..

Я не могла продолжать, и залилась слезами.

Онъ тоже со слезами смотрѣлъ на меня. Наконецъ, онъ взялъ меня за руку, подвелъ къ постели, разметалъ набросанную груду платья и открылъ одѣяло. Боже мой! Она лежала мертвая, уже похолодѣвшая и посинѣвшая. Я, какъ безчувственная, бросилась на нее и обняла ея трупъ. Отецъ поставилъ меня на колѣни.

—Поклонись ей, дитя! сказалъ онъ:—простись съ нею...

Я поклонилась. Отецъ поклонился вмѣстѣ со мною... Онъ былъ ужасно блѣденъ; губы его двигались и что-то шептали.

— Это не я, Нѣточка, не я,—говорилъ онъ мнѣ, указывая дрожащею рукою на трупъ.—Слышишь, не я: я не виноватъ въ этомъ. Помни, Нѣточка!

— Папа, пойдемъ, прошептала я въ страхѣ.—Пора.

— Да, теперь пора, давно пора! сказалъ онъ, схвативъ меня крѣпко за руку и торопясь выйти изъ комнаты.—Ну, теперь въ путь! Слава Богу, слава Богу, теперь все кончено!

Мы шли съ четверть часа; наконецъ, онъ повернулъ по скату тротуара на самую канаву и сѣлъ на послѣдней тумбѣ. Въ двухъ шагахъ отъ насъ была прорубь. Кругомъ не было ни души. Боже! Какъ теперь помню я то страшное ощущеніе, которое вдругъ овладѣло мною! Наконецъ, совершилось все, о чемъ я мечтала уже цѣлый годъ. Мы ушли изъ нашего бѣднаго жилища... Но того ли я ожидала, о томъ ли я мечтала, то ли создалось въ моей дѣтской фантазіи, когда я загадывала о счастіи того, котораго я такъ не дѣтски любила? Всего болѣе мучила меня въ это мгновеніе матушка. Зачѣмъ мы ее оставили, думала я:—одну? Покинули ея тѣло, какъ ненужную вещь? И помню, что это болѣе всего меня терзало и мучило.

—Папочка, начала я, не въ силахъ будучи выдержать мучительной заботы своей:—папочка!

—Что такое? сказалъ онъ сурово.

—Зачѣмъ мы, папочка, оставили тамъ маму? Зачѣмъ мы бросили ее? спросила я, заплакавъ.—Папочка! Воротимся домой! Позовемъ къ ней когонибудь.

—Да, да! закричалъ онъ вдругъ, встрепенувшись и приподымаясь съ тумбы, какъ будто что-то новое пришло ему въ голову, разрѣшавшее всѣ

сомнѣнія его.—Да, Нѐточка, такъ нельзя: нужно пойти къ мамѣ; ей тамъ холодно! Поди къ ней, Нѐточка, поди; тамъ не темно, тамъ есть свѣчка; не бойся, позови къ ней кого-нибудь, и потомъ приходи ко мнѣ; поди одна, а я тебя здѣсь подожду... Я вѣдь никуда не уйду...

Я тотчасъ же пошла, но едва только взошла на тротуаръ, какъ вдругъ будто что-то кольнуло меня въ сердце... Я обернулась и увидѣла, что онъ уже сбѣжалъ съ другой стороны и бѣжитъ отъ меня, оставивъ меня одну, покидая меня въ эту минуту! Я закричала сколько во мнѣ было силы и въ страшномъ испугѣ бросилась догонять его. Я задыхалась: онъ бѣжалъ все скорѣе и скорѣе... я его уже теряла изъ виду. На дорогѣ мнѣ попалась его шляпа, которую онъ потерялъ въ бѣгствѣ; я подняла ее и пустилась снова бѣжать. Духъ во мнѣ замиралъ и ноги подкашивались. Я чувствовала, какъ что-то безобразное совершалось со мною: мнѣ все казалось, что это сонъ и порой во мнѣ рождалось такое ощущеніе, какъ и во снѣ, когда мнѣ снилось, что я бѣгу отъ кого-нибудь, но что ноги мои подкашиваются, погоня настигаетъ меня и я падаю безъ чувствъ. Мучительное ощущеніе разрывало меня: мнѣ было жалко его, сердце мое ныло и болѣло, когда я представляла, какъ онъ бѣжитъ, безъ шинели, безъ шляпы, отъ меня, отъ своего любимаго дитяти... Мнѣ хотѣлось догнать его только для того, чтобъ еще разъ крѣпко поцѣловать, сказать ему, чтобъ онъ меня не боялся, увѣрить, успокоить, что я не побѣгу за нимъ, коли онъ не хочетъ того, а ворочусь одна къ матушкѣ. Я разглядѣла, наконецъ, что онъ поворотилъ въ какую-то улицу. Добѣжавъ до нея и тоже повернувъ за нимъ, я еще различала его впереди себя... Тутъ силы меня оставили: я начала плакать, кричать. Помню, что на побѣгѣ я столкнулась съ двумя прохожими, которые остановились посреди тротуара и съ изумленіемъ смотрѣли на насъ обоихъ.

— Папочка! Папочка! закричала я въ послѣдній

разъ, но вдругъ поскользнулась на тротуарѣ и упала у воротъ дома. Я почувствовала, какъ все лицо мое облилось кровью. Мгновеніе спустя, я лишилась чувствъ...

Ѳ. М. Достоевскій.

* * *

Въ слезахъ моя душа.

Живу. Смѣюсь. За часомъ часъ въ работѣ напряженной я провожу, и мыслью уношусь далеко,—въ тѣ свѣтлые края, гдѣ такъ привольно ей, гдѣ носится она свободно, видѣнія и образы встрѣчая, которыхъ не увидишь на землѣ,—

въ слезахъ моя душа.

Я въ гнѣвѣ задыхаюсь, отъ бурной ярости дрожу и въ бѣшенствѣ проклятья разсыпаю. Клокочетъ все во мнѣ, я какъ въ огнѣ горю, и нѣтъ ужъ силы жить. Погибнуть былъ бы радъ, исчезнуть, навсегда съ лица земли уйти—считалъ бы счастьемъ...

Упалъ приливъ. Прошли отчаянья минуты, и ненависти взрывъ погасъ,—

въ слезахъ моя душа.

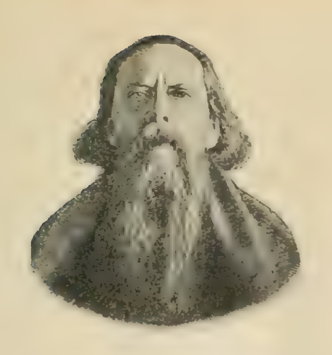
Побѣды день придетъ,—я знаю! И родину мою весь солнца свѣтъ зальетъ. И лучезарный гимнъ она споетъ, цвѣтами убрана. Улыбкой радостной земля родная засіяетъ и ликованіемъ наполнятся сердца.

Но все же грустно мнѣ и все жъ въ слезахъ душа.

А тѣ, которые за насъ погибли?
Въ безсмертье я не вѣрю, и въ рай не вѣрю я.—
Что жъ тѣ, которые за насъ погибли?!..

Въ слезахъ моя душа, въ слезахъ моя душа...

Д. Айэ.



М. Е. Салтыковъ [Щедринъ].

Рождественская сказка.

Прекраснѣйшую сегодня проповѣдь сказалъ для праздника нашъ сельскій батюшка.

„Много столѣтій тому назадъ,—сказалъ онъ:— въ этотъ самый день пришла въ міръ Правда.

„Правда извѣчна. Она прежде всѣхъ вѣкъ возсѣдала съ Христомъ-Человѣколюбцемъ одесную Отца, вмѣстѣ съ Нимъ воплотилась и возжгла на на землѣ свой свѣточъ. Она стояла у подножія Креста и сораспиналась съ Христомъ; она возсѣдала, въ видѣ свѣтозарнаго ангела, у гроба Его и видѣла Его воскресеніе. И когда Человѣколюбецъ вознесся на небо, Онъ оставилъ на землѣ Правду, какъ живое свидѣтельство своего неизмѣннаго благоволенія къ роду человѣческому.

. . . .

„Итакъ, будемъ любить Бога и другъ друга— таковъ смыслъ человѣческой Правды, будемъ искать ее и пойдемъ по стезѣ ея. Не убоимся козней лжи, но станемъ добрѣ и противопоставимъ имъ обрѣтенную нами Правду. Ложь посрамится, а Правда останется и будетъ согрѣвать сердца людей“.

Когда батюшка кончилъ, и съ клироса раздалось: „Буди имя Господне благословенно“, то по всей церкви пронесся глубокій вздохъ. Точно вся громада молящихся этимъ вздохомъ подтверждала: „да, буди благословенно!“

Но изъ присутствовавшихъ въ церкви всѣхъ внимательнѣе вслушивался въ слова отца Павла десятилѣтній сынъ мелкой землевладѣлицы, Сережа Русланцевъ По временамъ онъ даже обнаруживалъ волненіе, глаза его наполнялись слезами, щеки горѣли, и самъ онъ всѣмъ корпусомъ подавался впередъ, точно хотѣлъ о чемъ-то спросить.

По возвращеніи изъ церкви, за чаемъ, Сережа продолжалъ волноваться.

— Я, мамочка, по Правдѣ жить хочу!—повторялъ онъ.

— Да, голубчикъ, въ жизни главное—правда, —успокаивала его мать:—только твоя жизнь еще впереди. Дѣти иначе не живутъ, да и жить не могутъ, какъ по правдѣ.

— Нѣтъ, я не такъ хочу жить; батюшка говорилъ, что тотъ, кто по Правдѣ живетъ, долженъ ближняго отъ обидъ защищать. Вотъ какъ нужно жить, а я развѣ такъ живу? Вотъ, намеднись, у Ивана Бѣднаго корову продали—развѣ я заступился за него? Я только смотрѣлъ и плакалъ.

— Вотъ въ этихъ слезахъ—и Правда твоя дѣтская. Ты и сдѣлать ничего другого не могъ. Продали у Ивана Бѣднаго корову—по закону, за долгъ. Законъ такой есть, что всякій долги свои уплачивать обязанъ.

— Иванъ, мама, не могъ заплатить. Онъ и хотѣлъ бы, да не могъ. И няня говоритъ: бѣднѣе его во всемъ селѣ мужика нѣтъ. Какая же это Правда?

— Повторяю тебѣ, законъ такой есть, и всѣ должны законъ исполнять. Ежели люди живутъ въ обществѣ, то и обязанностями своими не имѣютъ права пренебрегать. Ты лучше объ ученьѣ думай —вотъ твоя Правда. Поступишь въ гимназію, будь прилеженъ, веди себя тихо—и это будетъ значить,

что ты по Правдѣ живешь. Не люблю я, когда ты такъ волнуешься. Что ни увидишь, что ни услышишь — все какъ-то въ сердце тебѣ западаетъ. Батюшка говорилъ вообще; въ церкви и говорить иначе нельзя, а ты ужъ къ себѣ примѣняешь. Молись за ближнихъ—больше этого и Богъ съ тебя не спроситъ.

Но Сережа не унялся. Онъ побѣжалъ въ кухню, гдѣ въ это время собрались челядинцы и пили, ради праздника, чай. Кухарка Степанида хлопотала около печки съ ухватомъ и то и дѣло вытаскивала горшокъ съ закипающими жирными щами. Запахъ прѣлой убоины и праздничнаго пирога пропиталъ весь воздухъ.

— Я, няня, по Правдѣ жить буду!—объявилъ Сережа.

— Ишь съ коихъ поръ собрался!—пошутила старуха.

— Нѣтъ, няня, я вѣрное слово себѣ далъ! Умру за Правду, а ужъ Неправдѣ не покорюсь!

— Ахъ, бо́лѣзный мой, ишь вѣдь что тебѣ въ головку пришло!

— Развѣ ты не слыхала, что въ церкви батюшка говорилъ? За Правду жизнь полагать надо —вотъ что! Въ бой за Правду идти всякій долженъ!

— Извѣстно, что же въ церкви говорить! На то и церковь дана, чтобъ въ ней объ праведныхъ дѣлахъ слушать. Только ты, миленькій, слушать-слушай, а умомъ тоже раскидывай!

— Съ Правдой-то жить оглядываючись надо, —резонно молвилъ работникъ Григорій.

— Отчего, напримѣръ, мы съ мамой въ столовой чай пьемъ, а вы въ кухнѣ? Развѣ это Правда?—горячился Сережа.

— Правда не правда, а такъ испоконъ вѣка идетъ. Мы люди простецкіе, намъ и на кухнѣ хорошо. Какъ бы всѣ-то въ столовую пошли, такъ комнатъ не наготовился бы.

— Ты, Сергѣй Ѳедорычъ, вотъ что,—вновь вступился Григорій: — когда будешь большой — гдѣ хочешь сиди: хошь въ столовой, хошь въ кухнѣ. А

покедова малъ, сиди съ мамашенькой — лучше этой правды по своимъ годамъ не сыщешь! Придетъ ужо батюшка обѣдать, и онъ тебѣ тоже скажетъ. Мы мало ли что дѣлаемъ: и за скотиной ходимъ, и въ землѣ роемся, а господамъ этого не приходится. Такъ-то!

— Да вѣдь это же Неправда и есть!

— А по-нашему такъ: коли господа добрые, жалостливые—это ихъ Правда. А коли мы, рабочіе, усердно господамъ служимъ, не обманываемъ, стараемся—это наша Правда. Спасибо и на томъ, ежели всякій свою Правду наблюдаетъ.

Наступило минутное молчаніе. Сережа, видимо, хотѣлъ что-то возразить, но доводы Григорія были такъ добродушны, что онъ поколебался.

— Въ нашей сторонѣ,—первая прервала молчаніе няня:—откуда мы съ маменькой твоей пріѣхали, жилъ помѣщикъ Разсошниковъ. Сначала жилъ, какъ и прочіе, и вдругъ захотѣлъ по правдѣ жить. И что-жъ онъ подъ-конецъ сдѣлалъ? Продалъ имѣніе, деньги нищимъ роздалъ, а самъ ушелъ въ странствіе... Съ тѣхъ поръ его и не видѣли.

— Ахъ, няня, вотъ это какой человѣкъ!

— А между прочимъ у него сынъ въ Петербургѣ въ полку служилъ!—прибавила няня.

— Отецъ имѣніе роздалъ, а сынъ ни причемъ остался... Сына-то бы спросить, хороша ли отцовская Правда?—разсудилъ Григорій.

— А сынъ развѣ не понялъ, что отецъ по Правдѣ поступилъ?—вступился Сережа.

— То-то, что не слишкомъ онъ это понялъ, а тоже пыталъ хлопотать. Зачѣмъ же, говоритъ, онъ въ полкъ меня опредѣлилъ, коли мнѣ теперь содержать себя ничѣмъ?

— Въ полкъ опредѣлилъ... содержать себя нечѣмъ...— машинально повторялъ за Григоріемъ Сережа, запутываясь среди этихъ сопоставленій.

— И у меня одинъ случай на памяти есть,—продолжалъ Григорій:—занялся отъ этого самаго Разсошникова у насъ на селѣ мужичокъ одинъ—

Мартыномъ прозывался. Тоже всѣ деньги, какія были, роздалъ нищимъ, оставилъ только хатку для семьи, а самъ надѣлъ черезъ плечо суму, да и ушелъ, крадучись, ночью, куда глаза глядятъ. Только, слышь, пачпортъ позабылъ выправить— его черезъ мѣсяцъ и выслали по этапу домой.

— За что? Развѣ онъ худое что-нибудь сдѣлалъ?—возразилъ Сережа.

— Худое не худое, я не объ этомъ говорю, а объ томъ, что по Правдѣ жить оглядываючись надо. Безъ пачпорта ходить не позволяется—вотъ и вся недолга. Этакъ всѣ разбредутся, работу бросятъ— и отбою отъ нихъ, отъ бродягъ, не будетъ...

Чай кончился. Всѣ встали изъ-за стола и помолились.

— Ну, теперь мы обѣдать будемъ,—сказала няня:—ступай, голубчикъ, къ маменькѣ, посиди съ ней: скоро, поди, и батюшка съ матушкой придутъ.

Дѣйствительно, около двухъ часовъ пришелъ отецъ Павелъ съ женою.

— Я, батюшка, по Правдѣ жить буду! Я за Правду на бой пойду! — привѣтствовалъ гостей Сережа.

— Вотъ такъ вояка выискался! Отъ земли не видать, а ужъ на бой собрался!—пошутилъ батюшка.

— Надоѣлъ онъ мнѣ. Съ утра все объ одномъ и томъ же говоритъ,—сказала Марья Сергѣевна.

— Ничего, государыня. Поговоритъ и забудетъ.

— Нѣтъ, не забуду! — настаивалъ Сережа.— Вы сами давеча говорили, что нужно по Правдѣ жить...

— Вотъ когда ты въ мѣру возраста придешь, тогда и Правду въ полномъ объемѣ поймешь, а покуда достаточно съ тебя и той Правды, которая твоему возрасту свойственна. Люби маменьку, къ старшимъ почтеніе имѣй, учись прилежно, веди себя скромно—вотъ твоя Правда.

— Да вѣдь мученики... вы сами давеча говорили...

— Были и мученики. За Правду и поношеніе

слѣдуетъ принять. Только время для тебя думать объ этомъ не приспѣло.

— Мученики.,. костры...—лепеталъ Сережа въ смущеніи.

— Довольно! — нетерпѣливо прикрикнула на него Марья Сергѣевна.

Сережа умолкъ, но весь обѣдъ оставался задумчивъ. Въ этотъ день въ его существо проникло что-то новое, что подстрекало и возбуждало его.

— Кушай—заставляла его мать, видя, что онъ почти совсѣмъ не ѣстъ.

— In corpore sano mens sana,—съ своей стороны прибавилъ батюшка.—Слушайся маменьки—этимъ лучше всего свою любовь къ Правдѣ докажешь. Любить Правду должно, но мученикомъ себя безъ причины воображать—это уже тщеславіе, суетность.

Новое упоминаніе о Правдѣ встревожило Сережу; онъ наклонился къ тарелкѣ и старался ѣсть, но вдругъ зарыдалъ. Всѣ всхлопотались и окружили его.

— Головка болитъ?—допытывалась Марья Сергѣевна.

— Болитъ,—отвѣтилъ онъ слабымъ голосомъ.

— Ну, поди, лягъ въ постельку. Няня, уложи его!

Его увели. Обѣдъ на нѣсколько минутъ прервался, потому что Марья Сергѣевна не выдержала и ушла вслѣдъ за няней. Наконецъ, обѣ возвратились и объявили, что Сережа заснулъ.

— Ничего, уснетъ и пройдетъ! успокаивалъ Марью Сергѣевну отецъ Павелъ.

Къ вечеру однако-жъ головная боль не только не унялась, но открылся жаръ. Сережа тревожно вставалъ ночью въ постели и все шарилъ руками около себя, точно чего-то искалъ.

— Мартынъ... по этапу, за Правду... что такое? —лепеталъ онъ безсвязно.

— Какого онъ Мартына поминаетъ?—недоумѣвая, обращалась Марья Сергѣевна къ нянѣ.

— А помните, у насъ на селѣ мужичокъ былъ,

ушелъ изъ дому Христовымъ именемъ... Давеча Григорій при Сережѣ разсказывалъ.

— Все-то вы глупости разсказываете!—разсердилась Марья Сергѣевна:—совсѣмъ нельзя къ вамъ мальчика пускать.

Къ утру однако-жъ Сережа успокоился и заснулъ.

Цѣлый день прошелъ между страхомъ и надеждой. Покуда на дворѣ было свѣтло, больной чувствовалъ себя лучше, но упадокъ силъ былъ настолько великъ, что онъ почти не говорилъ. Съ наступленіемъ сумерекъ пульсъ сталъ биться учащеннѣе. Марья Сергѣевна стояла у его постели въ безмолвномъ ужасѣ, усиливаясь что-то понять и не понимая.

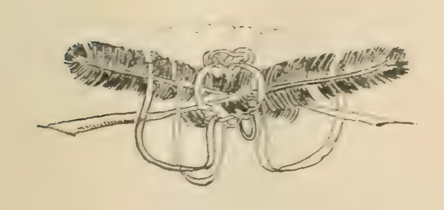
Къ ночи началась агонія. Въ восемь часовъ вечера взошелъ полный мѣсяцъ, и такъ какъ гардины на окнахъ по оплошности не были спущены, то на стѣнѣ образовалось большое свѣтлое пятно. Сережа приподнялся и потянулъ къ нему руку.

— Мама,—лепеталъ онъ:—смотри! Весь въ бѣломъ... это Христосъ... это Правда... За Нимъ... къ Нему...

Онъ опрокинулся на подушку, по-дѣтски всхлипнулъ и умеръ.

Правда мелькнула передъ нимъ и напоила его существо блаженствомъ; но неокрѣпшее сердце отрока не выдержало наплыва и разорвалось.

М. Е. Салтыковъ (Щедринъ).



Надъ бездной.

Корабль по морю плылъ. Грозныя тучи надъ моремъ ходили; волны, какъ горы, вздымались; вѣтеръ рвалъ снасти, срывалъ паруса и ревѣлъ, словно звѣрь, изъ клѣтки бѣжавшій на волю. Молніи мракъ освѣщали; громъ грохоталъ въ небесахъ.

Конецъ приходилъ кораблю; въ трюмѣ—вода, мачты поломаны, всѣ въ лохмотьяхъ висятъ паруса. Волны и вѣтеръ разбили корабль. Корабль потонулъ... И на мѣстѣ его, какъ забрезжило утро, плавали по морю бревна и доски, да бочки, да осмоленный канатъ.

Къ одной изъ досокъ чьей-то доброй рукой былъ младенецъ привязанъ... Дитя беззаботно носилось на утлой доскѣ по темнымъ водамъ океана. Съ веселой улыбкой носилось оно надъ страшною бездной, готовой его поглотить... Со смѣхомъ дитя опускало рученки въ студеную воду, иль ударяло рукой по волнамъ. Пѣной его обдавало, брызги летѣли въ лицо. Прищуривъ глазенки, дитя хохотало... Весело было ему.

Бездна морская его не пугала. Бездна морская ему не страшна...

Встрѣчаю я въ жизни улыбки на лицахъ веселыхъ, слышу я смѣхъ беззаботный... И при видѣ сіяющихъ лицъ и лучезарныхъ улыбокъ я каждый разъ вспоминаю невольно дитя, что такъ беззаботно, такъ мило—со смѣхомъ веселымъ—носилось на утлой доскѣ по темнымъ водамъ океана.

П. Засодимскій.

А. Н. Островскій.

Изъ драмы „Гроза“.

(Дѣйствіе 1-е, явленіе 7-е).

Въ саду на берегу рѣки Волги.

Катерина и Варвара.

Катерина.

Такъ ты, Варя, жалѣешь меня?

Варвара (глядя въ сторону).

Разумѣется, жалко.

Катерина.

Такъ ты, стало быть, любишь меня?

(Крѣпко цѣлуетъ).

Варвара.

За что жъ мнѣ тебя не любить-то!

Катерина.

Ну, спасибо тебѣ! Ты милая такая, я сама тебя, милая, люблю до смерти. (Молчаніе). Знаешь, мнѣ что въ голову пришло?

Варвара.

Что?

Катерина.

Отчего люди не летаютъ!

Варвара.

Я не понимаю, что ты говоришь.

Катерина.

Я говорю: отчего люди не летаютъ такъ, какъ птицы? Знаешь, мнѣ иногда кажется, что я птица. Когда стоишь на горѣ, такъ тебя и тянетъ летѣть. Вотъ такъ бы разбѣжалась, подняла руки и полетѣла. Попробовать нечто теперь? (Хочетъ бѣжать).

Варвара.

Что ты выдумываешь-то?

Катерина (вздыхая).

Какая я была рѣзвая! Я у васъ завяла совсѣмъ.

Варвара.

Ты думаешь, я не вижу?

Катерина.

Такая ли я была! Я жила, ни объ чемъ не тужила, точно птичка на волѣ. Маменька во мнѣ души не чаяла, наряжала меня какъ куклу, работать не принуждала; что хочу, бывало, то и дѣлаю. Знаешь, какъ я жила въ дѣвушкахъ? Вотъ я тебѣ сейчасъ разскажу. Встану я, бывало, рано; коли лѣтомъ, такъ схожу на ключекъ, умоюсь, принесу съ собой водицы, и всѣ, всѣ цвѣты въ домѣ полью. У меня цвѣтовъ было много, много. Потомъ пойдемъ съ маменькой въ церковь, всѣ и странницы—у насъ полонъ домъ былъ странницъ да богомолокъ. А придемъ изъ церкви, сядемъ за какую-нибудь работу, больше по бархату золотомъ, а странницы станутъ разсказывать: гдѣ онѣ были, что видѣли, житія разныя, либо стихи поютъ. Такъ до обѣда время и пройдетъ. Тутъ старухи уснуть лягутъ, а я по саду гуляю. Потомъ къ вечернѣ, а вечеромъ опять разсказы да пѣніе. Таково хорошо было!

Варвара.

Да вѣдь и у насъ то же самое.

Катерина.

Да здѣсь все какъ будто изъ-подъ неволи. И до смерти я любила въ церковь ходить! Точно, бывало, я въ рай войду, и не вижу никого, и время не помню, и не слышу, когда служба кончится. Точно какъ все это въ одну секунду было. Маменька говорила, что всѣ, бывало, смотрятъ на меня, что со мной дѣлается! А знаешь: въ солнечный день, изъ купола такой свѣтлый столбъ внизъ идетъ, и въ этомъ столбѣ ходитъ дымъ, точно облака, и вижу я, бывало, будто ангелы въ этомъ столбѣ летаютъ и поютъ. А то, бывало, дѣвушка, ночью встану—у насъ тоже вездѣ лампадки горѣли—да гдѣ-нибудь въ уголкѣ и молюсь до утра. Или рано утромъ въ садъ уйду, еще только солнышко восходитъ, упаду на колѣна, молюсь и плачу, и сама не знаю, о чемъ молюсь и о чемъ плачу; такъ меня и найдутъ. И о чемъ я молилась тогда, чего просила—не знаю; ничего мнѣ не надобно, всего у меня было довольно... А какіе сны мнѣ снились, Варенька, какіе сны! Или храмы золотые, или сады какіе-то необыкновенные, и все поютъ невидимые голоса, и кипарисомъ пахнетъ, и горы, и деревья, будто не такія, какъ обыкновенно, а какъ на образахъ пишутся. А то, будто я летаю, такъ и летаю по воздуху. И теперь иногда снится, да рѣдко, да и не то.

Варвара.

А что же?

Катерина (помолчавъ).

Я умру скоро.

Варвара.

Полно, что ты!

Катерина.

Нѣтъ, я знаю, что умру. Охъ, дѣвушка, что-то со мной недоброе дѣлается, чудо какое-то. Никогда со мной этого не было. Что-то во мнѣ такое необыкновенное. Точно я снова жить начинаю, или... ужъ и не знаю...

Варвара.

Что же съ тобой такое?

Катерина *(беретъ ее за руку).*

А вотъ что, Варя, быть грѣху какому-нибудь! Такой на меня страхъ! Точно я стою надъ пропастью, и меня кто-то туда толкаетъ, а удержаться мнѣ не за что. *(Хватается за голову рукой).*

Варвара.

Что съ тобой? Здорова ли ты?

Катерина.

Здорова... Лучше бы я больна была, а то не хорошо. Лѣзетъ мнѣ въ голову мечта какая-то. И никуда я отъ нея не уйду. Думать стану—мыслей никакъ не соберу, молиться—не отмолюсь никакъ. Языкомъ лепечу слова, а на умѣ совсѣмъ не то: точно мнѣ лукавый въ уши шепчетъ, да все про такія дѣла нехорошія. И то мнѣ представляется, что мнѣ самое себя совѣстно сдѣлается. Что со мной? Передъ бѣдой какой-нибудь это! Ночью, Варя, не спится мнѣ, все мерещится шопотъ какой-то: кто-то такъ ласково говоритъ со мной, точно голубитъ меня, точно голубь воркуетъ. Ужъ не снятся мнѣ, Варя, какъ прежде, райскія деревья, да горы; а точно меня кто-то обнимаетъ такъ горячо-горячо, и ведетъ меня куда-то, и я иду за нимъ, иду...

Варвара.

Ну?

Катерина.

Да что же это я говорю тебѣ: ты дѣвушка.

Варвара *(оглядываясь).*

Говори! Я хуже тебя.

Катерина,

Ну, что жъ мнѣ говорить? Стыдно мнѣ.

Варвара.

Говори, нужды нѣтъ!

Катерина.

Сдѣлается мнѣ такъ душно, такъ душно дома, что бѣжала бы. И такая мысль придетъ на меня, что кабы моя воля, каталась бы я теперь по Волгѣ, на лодкѣ, съ пѣснями, либо на тройкѣ на хорошей, обнявшись.

Варвара.

Только не съ мужемъ.

Катерина.

А ты почемъ знаешь?

Варвара.

Еще бы не знать!..

Катерина.

Ахъ, Варя, грѣхъ у меня на умѣ! Сколько я, бѣдная, плакала, чего ужъ я надъ собой не дѣлала! Не уйти мнѣ отъ этого грѣха. Никуда не уйти. Вѣдь, это не хорошо, вѣдь это страшный грѣхъ, Варенька, что я другаго люблю?

Варвара.

Что мнѣ тебя судить! У меня свои грѣхи есть.

Катерина.

Что же мнѣ дѣлать! Силъ моихъ не хватаетъ. Куда мнѣ дѣваться! Я отъ тоски что-нибудь сдѣлаю надъ собой!

Варвара.

Что ты! Что съ тобой! Вотъ, погоди, завтра братецъ уѣдетъ—подумаемъ; можетъ быть, и видѣться можно будетъ...

Катерина.

Нѣтъ, нѣтъ, не надо! Что ты! Что ты! Сохрани Господи!

Варвара.

Чего ты такъ испугалась?

Катерина.

Если я съ нимъ хоть разъ увижусь, я убѣгу изъ дому, а ужъ не пойду домой ни за что на свѣтѣ.

Варвара.

А вотъ погоди, тамъ увидимъ.

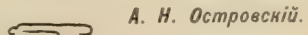
Катерина.

Нѣтъ, нѣтъ, и не говори мнѣ, я и слушать не хочу.

Варвара.

А что за охота сохнуть-то! Хоть умирай съ тоски, пожалѣютъ, что ль, тебя! Какъ же, дожидайся! Такъ какая жъ неволя себя мучить-то!

А. Н. Островскій.



У обрыва.

Отрывокъ.

Уже посинѣло надъ далекимъ поворотомъ рѣки, надъ желтѣющими песками, надъ обрывистымъ берегомъ, надъ примолкшимъ на той сторонѣ лѣсомъ.

Тускнѣли звуки, меркли краски, и лицо земли тихонько затягивалось дымкой покоя, усталости подъ спокойнымъ, глубоко синѣвшимъ, съ рѣдкими бѣлыми звѣздами, небомъ.

Баржа и лодка возлѣ нея, понемногу терявшія рѣзкость очертаній, неясно и темно рисовались у берега. Отражаясь и дробясь багровымъ отблескомъ, у самой воды горѣлъ костеръ, и поплескивалъ на шипѣвшіе уголья сбѣгавшей пѣной подвѣшенный котелокъ, ползали и шевелились, ища чего-то по узкой полосѣ прибрежнаго песку, длинныя тѣни, и задумчиво возвышался обрывъ, смутно краснѣя глиной.

Было тихо, и эту тишину наполняло немолчное роптаніе бѣгущей воды, непрерывающійся шопотъ, безпокойный и торопливый, то сонный и затихающій, то задорный и насмѣшливый, но рѣка была спокойна, и свѣтлѣющая поверхность не оскорблялась ни одной морщиной.

Всплескъ рыбы, или крикъ ночной птицы, или шорохъ осыпающагося песку, или едва уловимый шумъ пароходнаго колеса, или почудилось,—но что-то принеслось издалека. И снова дремотное, невнятное шептаніе, то замирающее и сонное, то встрепенувшееся и торопливое, и свѣтлый, ничѣмъ ненарушимый покой рѣки подъ все густѣющей синевой надвигающейся ночи.

Уже потонулъ въ темнѣющей синевѣ и не сталъ видимъ лѣсъ, и поворотъ рѣки, и дальніе пески, только вода попрежнему поблескивала, но уже чернымъ, вороненымъ блескомъ, и звѣзды въ ней бездонно повисли, яркія и безчисленныя.

Какъ будто кто-то задумчиво безъ словъ пѣлъ, и не было слышно голоса, и только представлялась потонувшая въ ночной синевѣ рѣка, и костеръ, и смутный обрывъ, и въ темной глубинѣ чуть зыблемыя звѣзды.

Тонкій щемящій крикъ пронесся надъ рѣкой.

Опять тихо, задумчиво-сумрачно, снова непрерывающійся безпокойно-торопливый шорохъ-шопотъ бѣгущей воды. Молчалъ въ наступившей со всѣхъ сторонъ темнотѣ смутно подымающійся обрывъ, молчала степь за нимъ. Котелокъ лѣниво вскипалъ, сонно подергиваясь пѣной.

Тонкій крикъ повторился противъ, надъ рѣкой. Водяной игралъ, а, можетъ быть, летѣла надъ самой водой невидимая птица,—нельзя было сказать. Ночь тѣснилась со всѣхъ сторонъ, молчаливая и темная.

А. Серафимовичъ.

Моряки.

Парусъ направимъ свободно и смѣло къ дальнимъ краямъ...

Взвейся гордо, серебряный парусъ и заблести... Морю суровому и непривѣтному радость свою возвѣсти! Длинныя волны глубокаго моря съ гнѣвомъ летятъ... Бѣлыя чайки, летая надъ моремъ, громко кричатъ.

Все побороть намъ въ пути непривѣтливомъ, край нашъ родной, пожелай... Море, ряды своихъ волнъ угрожающихъ гордо на насъ высылай! Мы не боимся трудовъ и страданья въ морѣ нѣмомъ. Парусъ взовьется... Затихнутъ рыданья въ селеньи

родномъ. И полетимъ мы, какъ бѣлая чайка, грудью впередъ... Смѣло, друзья! Безъ тоски и безъ страха... Смѣло, впередъ!

Женщинъ покинемъ мы дома, дома покинемъ дѣтей,—много чинить имъ оставимъ старыхъ сѣтей. Женщинъ и дѣвушекъ дома оставимъ мы сѣти чинить... Мало-ль на свѣтѣ есть женщинъ-красавицъ... будемъ любить! Грудь моряка и тверда и сурова: сердце стальное въ груди... Парусъ натянемъ, расправимъ, и снова будемъ въ пути. Путь насъ зоветъ и манитъ красотою бурныхъ ночей... Путь, озаряемый яркимъ сіяньемъ звѣздныхъ очей...

Звѣздныя очи горятъ и сверкаютъ въ мракѣ ночномъ. Насъ, моряковъ, ничего не пугаетъ въ морѣ нѣмомъ. Смѣло расправимъ мы парусъ могучій, и поплывемъ... Ночью ли, днемъ ли, корабль нашъ летучій свѣтлой волной обольемъ. И полетимъ мы на крыльяхъ свободныхъ смѣло, впередъ,—насъ красота наслажденья, опасности, битвы зоветъ. Много узнаемъ чудесъ и страданья въ дальней странѣ... Будутъ намъ чудиться вздохи, рыданья въ забытой семьѣ...

Мы, моряки, ничего не боимся, мы ничего не хотимъ... Гордо и вольно, какъ чайка морская, въ море летимъ. Если случится несчастье, буря корабль разобьетъ...—новыя тучи безстрашныхъ въ море нашъ берегъ пошлетъ.

Мирэ.

Н. В. Гоголь.

Жизнь.

Бѣдному сыну пустыни снился сонъ:

Лежитъ и разстилается великое Средиземное море, и съ трехъ разныхъ сторонъ глядятъ въ него палящіе берега Африки съ тонкими пальмами, сирійскія голыя пустыни и многолюдный, весь изрытый моремъ, берегъ Европы.

Стоитъ въ углу надъ неподвижнымъ моремъ древній Египетъ. Пирамида надъ пирамидою; граниты глядятъ сѣрыми очами, обтесанные въ сфинксовъ; идутъ безчисленныя ступени. Стоитъ онъ величавый, питаемый великимъ Ниломъ, весь убранный таинственными знаками и священными звѣрями. Стоитъ и неподвиженъ, какъ очарованный, какъ мумія, несокрушаемая тлѣніемъ.

Раскинула вольныя колоніи веселая Греція. Кишатъ на Средиземномъ морѣ острова, потопленные зелеными рощами; кинамонъ, виноградныя лозы, смоковницы помаваютъ облитыми медомъ вѣтвями; колонны, бѣлыя какъ перси дѣвы, круглятся въ роскошномъ маркѣ древесномъ; мраморъ страстный дышитъ, зажженный чуднымъ рѣзцомъ, и стыдливо любуется своею прекрасною наготою; увитый гроздіями, съ тирсами и чашами въ рукахъ, народъ

остановился въ шумной пляскѣ. Жрицы, молодыя и стройныя, съ разметанными кудрями, вдохновенно вонзили свои черныя очи. Тростникъ, связанный въ цѣвницу, тимпаны, мусикійскія орудія мелькаютъ, перевитыя плющемъ. Корабли какъ мухи толпятся близъ Родоса и Корциры, подставляя сладострастно выгибающійся флагъ дыханію вѣтра. И все стоитъ неподвижно, какъ бы въ окаменѣломъ величіи.

Стоитъ и распростирается желѣзный Римъ, устремляя лѣсъ копій и сверкая грозною сталью мечей, вперивъ на все завистливыя очи и протянувши свою жилистую десницу. Но онъ неподвиженъ, какъ и все, и не тронется львиными членами.

Весь воздухъ небеснаго океана висѣлъ сжатый и душный. Великое Средиземное море не шелохнетъ, —какъ будто бы царства предстали всѣ на страшный судъ передъ кончиною міра.

И говоритъ Египетъ, помавая тонкими пальмами, жилицами его равнинъ, и устремляя иглы своихъ обелисковъ: „Народы, слушайте! Я одинъ постигъ и проникъ тайну жизни и тайну человѣка. Все тлѣнъ. Низки искусства, жалки наслажденія, еще жалче слава и подвиги. Смерть, смерть властвуетъ надъ міромъ и человѣкомъ! Все пожираетъ смерть, все живетъ для смерти. Далеко, далеко до воскресенія! Да и будетъ ли когда воскресеніе? Прочь желанія и наслажденія! Выше строй пирамиду, бѣдный человѣкъ, чтобы хоть сколько-нибудь продлить свое бѣдное существованіе“.

И говоритъ ясный, какъ небо, какъ утро, какъ юность, свѣтлый міръ грековъ, и, казалось, вмѣсто словъ, слышалось дыханіе цѣвницы: „Жизнь сотворена для жизни. Развивай жизнь свою и развивай вмѣстѣ съ нею ея наслажденія. Все неси ему. Гляди, какъ выпукло и прекрасно все въ природѣ, какъ дышитъ все согласіемъ. Все въ мірѣ; все, чѣмъ ни владѣютъ боги, все въ немъ; умѣй находить его. Наслаждайся, богоподобный и гордый обладатель міра, вѣнчай дубомъ и лавромъ прекрасное чело свое! Мчись на колесницѣ, искусно правя конями, на блистательныхъ играхъ! Далѣе корысть и жад-

ность отъ вольной и гордой души! Рѣзецъ, палитра и цѣвница созданы быть властителями міра, а властительницею ихъ—красота. Увивай плющемъ и гроздіемъ свою благовонную главу и прекрасную главу стыдливой подруги! Жизнь создана для жизни, для наслажденія—умѣй быть достойнымъ наслажденія!"

И говоритъ покрытый желѣзомъ Римъ, потрясая блестящимъ лѣсомъ копій. „Я постигнулъ тайну жизни человѣка. Низко спокойствіе для человѣка: оно уничтожаетъ его въ самомъ себѣ. Малъ для души размѣръ искусствъ и наслажденій. Наслажденіе—въ гигантскомъ желаніи. Презрѣнна жизнь народовъ и человѣка безъ громкихъ подвиговъ. Славы, славы жаждай, человѣкъ! Въ порывѣ неразсказаннаго веселія, оглушенный звукомъ желѣза, несись на сомкнутыхъ щитахъ браноносныхъ легіоновъ! Слышишь ли, какъ у ногъ твоихъ собрался весь міръ и, потрясая копьями, слился въ одно восклицаніе? Слышишь ли, какъ твое имя замираетъ страхомъ на устахъ племенъ, живущихъ на краяхъ міра? Все, что ни объемлетъ взоръ твой, наполняй своимъ именемъ. Стремись вѣчно: нѣтъ границъ міру—нѣтъ границъ и желанію! Дикій и суровый, далѣе и далѣе захватывай міръ—ты завоюешь, наконецъ, небо!"...

Но остановился Римъ и вперилъ орлиныя очи свои на востокъ. Къ востоку обратила и Грецiя свои влажныя отъ наслажденія, прекрасныя очи; къ востоку обратилъ Египетъ свои мутныя, безцвѣтныя очи.

Камениста земля; презрѣненъ народъ; немноголюдная весь прислонилась къ обнаженнымъ холмамъ, изрѣдка, неровно оттѣненнымъ изсохшею смоковницею. За низкою и ветхою оградою стоитъ ослица. Въ деревянныхъ ясляхъ лежитъ младенецъ; надъ нимъ склонилась непорочная мать и глядитъ на него исполненными слезъ очами; надъ нимъ высоко въ небѣ стоитъ звѣзда и весь міръ осіяла чуднымъ свѣтомъ.

Задумался древній Египетъ, увитый іероглифа-

ми, понижая ниже свои пирамиды: безпокойно глянула прекрасная Греція; опустилъ очи Римъ на желѣзныя свои копья; приникла ухомъ великая Азія съ народами-пастырями; нагнулся Араратъ, древній прапращуръ земли...

Н. В. Гоголь.

Днѣпръ.

Отрывокъ.

Чуденъ Днѣпръ при тихой погодѣ, когда вольно и плавно мчитъ сквозь лѣса и горы полныя воды свои. Ни шелохнетъ, ни прогремитъ. Глядишь, и не знаешь, идетъ или не идетъ его величавая ширина; и чудится, будто весь вылитъ онъ изъ стекла, и будто голубая зеркальная дорога, безъ мѣры въ ширину, безъ конца въ длину, рѣетъ и вьется по зеленому міру. Любо тогда и жаркому солнцу оглядѣться съ вышины и погрузить лучи въ холодъ стеклянныхъ водъ, и прибрежнымъ лѣсамъ ярко отразиться въ водахъ. Зеленокудрые! они толпятся вмѣстѣ съ полевыми цвѣтами къ водамъ и, наклонившись, глядятъ въ нихъ и не наглядятся, и не налюбуются свѣтлымъ своимъ зракомъ, и усмѣхаются ему, и привѣтствуютъ его, кивая вѣтвями. Въ середину же Днѣпра они не смѣютъ глянуть: никто, кромѣ солнца и голубого неба, не глядитъ въ него; рѣдкая птица долетитъ до середины Днѣпра. Пышный! ему нѣтъ равной рѣки въ мірѣ. Чуденъ Днѣпръ и при теплой лѣтней ночи, когда все засыпаетъ: и человѣкъ, и звѣрь, и птица, а Богъ одинъ величаво озираетъ небо и землю и величаво сотрясаетъ ризу. Отъ ризы сыплются звѣзды; звѣзды горятъ и свѣтятъ надъ міромъ,

и всѣ разомъ отдаются въ Днѣпрѣ. Всѣхъ ихъ держитъ Днѣпръ въ темномъ лонѣ своемъ; ни одна не убѣжитъ отъ него—развѣ погаснетъ на небѣ. Черный лѣсъ, унизанный спящими воронами, и древле разломанныя горы, свѣсясь, силятся закрыть его хотя длинною тѣнью своею—напрасно! Нѣтъ ничего въ мірѣ, что бы могло прикрыть Днѣпръ. Синій, синій ходитъ онъ плавнымъ разливомъ и середь ночи, какъ середь дня, виденъ за столько вдаль, за сколько видѣть можетъ человѣчье око. Нѣжась и прижимаясь ближе къ берегамъ отъ ночного холода, даетъ онъ по себѣ серебряную струю, и она вспыхиваетъ, будто полоса дамасской сабли; а онъ, синій, снова заснулъ. Чуденъ и тогда Днѣпръ, и нѣтъ рѣки равной ему въ мірѣ! Когда же пойдутъ горами по небу синія тучи, черный лѣсъ шатается до корня, дубы трещатъ, и молнія, изламываясь между тучъ, разомъ освѣтитъ цѣлый міръ,—страшенъ тогда Днѣпръ! Водяные холмы гремятъ, ударяясь о горы, и съ блескомъ и стономъ отбѣгаютъ назадъ, и плачутъ, и заливаются вдали. Такъ убивается старая мать казака, выпровожая своего сына въ войско. Разгульный и бодрый, ѣдетъ онъ на вороночъ конѣ, подбоченившись и молодецки заломивъ шапку; а она, рыдая, бѣжитъ за нимъ, хватаетъ его за стремя, ловитъ удила и ломаетъ надъ нимъ руки, и заливается горючими слезами.

Н. В. Гоголь.

Затменіе солнца.

Сцена изъ Московскаго захолустья.

Что это за народъ собрамши?

— Богъ ихъ знаетъ... съ утра стоятъ.

— Не насчетъ ли солонины?

— Какой солонины?

— Да вѣдь какъ же: этотъ хозяинъ кормилъ фабрику солониной, но только теперича эту самую солонину запечатали, потому ѣсть ее нѣтъ никакой возможности.

— Это вы насчетъ солонины-то? Нѣтъ, ужъ онъ имъ три ведра поставилъ: распечатали, опять жрутъ...

— Да, ужъ эта солонина!..

— Что за народъ собрамши?

— Разно говорятъ: кто говоритъ—на небѣ неладно, кто говоритъ—купецъ повѣсился...

— А мы изъ Нижняго ѣхали... пьяные... Ѣдемъ мы пьяные и сейчасъ эта комета прямо къ намъ въ тарантасъ... инда хмѣль соскочилъ!.. Я говорю: Петръ Семеновъ, смотри!—Я, говоритъ, ужъ давно вижу... а самъ такъ и трясется.

— Затрясешься, коли, значитъ... Богу ежели что... Всѣ мы люди, всѣ человѣки...

— Не оборотить ли, говоритъ, намъ назадъ?— Богъ милостивъ, говорю, отъ судьбы не уйдешь, давай лучше выпьемъ, а она, матушка, можетъ стороной пройдетъ. Хвостъ ужъ очень разителенъ!.. Такой хвостъ, я тебѣ доложу, что просто...

— Грѣхи наши тяжкіе... Слабъ есть человѣкъ! Вотъ хоть бы теперь! этакое наказанье божеское, а сколько народу пьянаго.

— Безъ этого нельзя; иной опасается, а другой такъ опосля вчерашняго поправляется.

— Нѣтъ, вы докажите!

— И докажу!

— Одно ваше невѣжество!

— Извольте говорить, мы слушаемъ. Вы говорите...

— Я васъ очень хорошо знаю! вы—московскій мѣщанинъ и больше ничего!

— Очення это можетъ быть, а вы про затменіе докажите. Вы только народъ въ сумнѣніе привели!.. Изъ-за вашихъ пустыхъ словъ теперича этакое собраніе!.. Городовой!.. Городовой!..

— Вотъ онъ тебѣ покажетъ затменіе!..

— Да, нашъ городовой никого не помилуетъ!

— Докажите!

— Живемъ мы тихо, смирно, благородно, а вы тутъ пришли—всѣхъ взбудоражили.

— Хозяйка наша въ баню поѣхала и сейчасъ спрашиваетъ: зачѣмъ народъ собирается? А кучеръ-то, дуракъ, и ляпни: затменія небеснаго дожидаются... Сырой-то женщинѣ!..

— Образованіе!

— Такъ та и покатилась! Домой подъ руки потащили...

— Онъ съ утра здѣсь путается. Спервоначалу зашелъ въ трактиръ и сталъ эти свои слова говорить. Теперича, говоритъ, земля вертится, а Иванъ Ильичъ какъ свиснетъ его въ ухо!.. Развѣ мы, говоритъ, на вертушкѣ живемъ?..

— Дикая ваша сторона, дикая!..

— Мы довольны, слава тебѣ, Господи!..

— Господинъ, проходите!

— Баринъ, ступай лучше, откуда пришелъ, а то мы тебѣ лопатки назадъ скрутимъ.

— Смотри-ко, что народу подваливаетъ.

— Горяченькіе пирожки! У меня со вкусомъ! Такъ и кипятъ!

— Что это за народъ собравши?

— Вонъ пьяный какой-то выскочилъ изъ трактиру, наставилъ трубочку на солнышко, говоритъ, затменіе будетъ.

— А гдѣ жъ городовой-то?

— Чай пить пошелъ.

— Надо бы въ часть вести.

— Сведутъ, ужъ это безпремѣнно...

— За такія дѣла не похвалятъ.

— Все въ трубку глядитъ: можетъ, что и есть.

— У насъ, на Капказѣ, на правомъ флангѣ у ротнаго командира во какая труба была... все наскрозь видно... Ночью ли, днемъ ли—какъ наставитъ... шабашъ: что-нибудь да есть.

— Начало затменія! Вотъ, вотъ, вотъ... Сейчасъ, сейчасъ, сейчасъ...

— А вотъ и городовой идетъ.

— Сейчасъ выручитъ!

— Вотъ, г. городовой, теперича этотъ человѣкъ...

— Осади назадъ!

— Теперича этотъ человѣкъ...

— Неизвѣстный онъ намъ человѣкъ...

— Позвольте, спервоначалу здѣсь былъ... Вышелъ онъ, примѣрно, изъ трактира... но только народъ, извѣстно, глупый... и сталъ сейчасъ...

— Не наваливайте... которые!.. Осадите назадъ!

— Иванъ Павлычъ, ты нашъ тѣлохранитель, выручи! Выпилъ я за свои деньги...

— Вы тогда поймете, когда въ дискѣ будетъ.

— Почтенный, вы за это отвѣтите!

— За что?

— А вотъ за это слово ваше нехорошее...

— Выскочилъ онъ изъ трактира...

— Сейчасъ затмится!

— Можетъ и затмится, а вы, господинъ, пожалуйте въ участокъ. Этого дѣла такъ оставить нельзя.

— Какъ возможно!

— Можетъ, хозяйка-то наша теперича на тотъ свѣтъ убралась по твоей милости.

— Хотѣлъ на божью планиду, а попалъ въ часть...

— На Капказѣ бы за это...

— Сколько этого глупаго народу на свѣтѣ!..

И. Ѳ. Горбуновъ.

И. С. Тургеневъ.

Порогъ.

Я вижу громадное зданіе. Въ передней стѣнѣ узкая дверь раскрыта настежь; за дверью угрюмая мгла.

Передъ высокимъ порогомъ стоитъ дѣвушка... русская дѣвушка. Морозомъ дышитъ та непроглядная мгла и вмѣстѣ съ леденящей струей выносится изъ глубины медлительный, глухой голосъ.

„О ты, что желаешь переступить этотъ порогъ, знаешь ли ты, что тебя ожидаетъ?“

— Знаю, отвѣчаетъ дѣвушка.

„Холодъ, голодъ, ненависть, насмѣшки, презрѣніе, обида, тюрьма, болѣзнь, самая смерть?“

— Знаю.

„Отчужденіе полное, одиночество?“

— Знаю . . . Я готова. Я готова перенести всѣ страданія, всѣ удары.

„Не только отъ враговъ, но и отъ родныхъ, отъ друзей?“

— Да . . . и отъ нихъ.

„Хорошо. Ты готова на жертву?“

— Да.

„На безымянную жертву? Ты погибнешь,—и никто . . . никто не будетъ даже знать, чью память почтить.“

— Мнѣ не нужно ни благодарности, ни сожалѣнія. Мнѣ не нужно имени.

„Готова ли ты . . . на преступленіе?“

Дѣвушка потупила голову.

— И на преступленіе готова . . .

Голосъ не тотчасъ возобновилъ свои вопросы.

„Знаешь ли ты, заговорилъ онъ наконецъ, что ты можешь разувѣриться въ томъ, чему вѣришь теперь, можешь понять, что обманулась и даромъ погубила свою молодую жизнь?“

— Знаю и это. И все-таки я хочу войти.

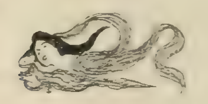
„Войди!“

Дѣвушка перешагнула порогъ — и тяжелая завѣса упала за нею.

— „Дура!“ проскрежеталъ кто-то сзади.

— „Святая!“ пронеслось откуда-то въ отвѣтъ.

И. С. Тургеневъ.



„Какъ хороши, какъ свѣжи были розы...“

Гдѣ-то, когда-то, давно-давно тому назадъ я прочелъ одно стихотвореніе. Оно скоро позабылось мною... но первый стихъ остался у меня въ памяти:

„Какъ хороши, какъ свѣжи были розы...“

Теперь зима; морозъ запушилъ стекла оконъ, въ темной комнатѣ горитъ одна свѣча. Я сижу, забившись въ уголъ; а въ головѣ все звенитъ, да звенитъ:

„Какъ хороши, какъ свѣжи были розы...“

И вижу я себя передъ низкимъ окномъ загороднаго русскаго дома. Лѣтній вечеръ тихо таетъ и переходитъ въ ночь, въ тепломъ воздухѣ пахнетъ резедой и липой;—а на окнѣ, опершись на выпрямленную руку и склонивъ голову къ плечу, сидитъ дѣвушка—и безмолвно, и пристально смотритъ на небо, какъ бы выжидая появленія первыхъ звѣздъ. Какъ простодушно вдохновенны задумчивые глаза, какъ трогательно-невинны раскрытыя, вопрошающія губы, какъ ровно дышетъ еще не вполнѣ расцвѣтшая, еще ничѣмъ не взволнованная грудь, какъ чистъ и нѣженъ обликъ юнаго лица! Я не дерзаю заговорить съ нею, но какъ она мнѣ дорога, какъ бьется мое сердце!

„Какъ хороши, какъ свѣжи были розы...“

А въ комнатѣ все темнѣй да темнѣй... Нагорѣвшая свѣча трещитъ, бѣглыя тѣни колеблются на низкомъ потолкѣ, морозъ скрипитъ и злится за стѣною—и чудится скучный, старческій шопотъ...

„Какъ хороши, какъ свѣжи были розы...“

Встаютъ передо мною другіе образы... Слышится веселый шумъ семейной, деревенской жизни. Двѣ русыя головки, прислонясь другъ къ дружкѣ, бойко смотрятъ на меня своими свѣтлыми глазками, алыя щеки трепещутъ сдержаннымъ смѣхомъ, руки ласково сплелись, въ перебивку звучатъ молодые, добрые голоса; а немного подальше, въ глубинѣ уютной комнаты, другія, тоже молодыя руки бѣгаютъ, путаясь пальцами, по клавишамъ старенькаго піанино, и Ланнеровскій вальсъ не можетъ заглушить воркотню патріархальнаго самовара...

„Какъ хороши, какъ свѣжи были розы...“

Свѣча меркнетъ и гаснетъ... Кто это кашляетъ

тамъ такъ хрипло и глухо? Свернувшись въ калачикъ, жмется и вздрагиваетъ у ногъ моихъ старый песъ, мой единственный товарищъ... Мнѣ холодно... Я зябну... и всѣ онѣ умерли.. умерли...

„Какъ хороши, какъ свѣжи были розы..."

И. С. Тургеневъ.

Прекрасна жизнь для воскресшихъ.

Не случалось ли вамъ гулять по кладбищамъ?

Есть своя, очень своеобразная и жуткая поэзія въ этихъ огороженныхъ, тихихъ и заросшихъ сочной зеленью уголкахъ, такихъ маленькихъ и такихъ жадныхъ.

Тихо, задумчиво бредете по кладбищу и вы. Ухо ваше воспринимаетъ тихіе отголоски глубокихъ стоновъ и слезъ, а глаза останавливаются на богатыхъ памятникахъ, скромныхъ деревянныхъ крестахъ и нѣмыхъ безвѣстныхъ могилахъ, укрывшихъ собой людей, которые нѣмы были всю жизнь, безвѣстны и незамѣтны. И надписи на памятникахъ читаете вы, и встаютъ въ вашемъ воображеніи всѣ эти исчезнувшіе изъ міра люди. Видите вы ихъ молодыми, смѣющимися, любящими; видите вы ихъ бодрыми, говорливыми, дерзко увѣренными въ безконечности жизни.

И они умерли, эти люди.

* * *

Но развѣ нужно выходить изъ дому, чтобы побывать на кладбищѣ? Развѣ недостаточно для этого, чтобы мракъ ночи охватилъ васъ и поглотилъ дневные звуки.

Сколько памятниковъ богатыхъ и пышныхъ! Сколько нѣмыхъ, безвѣстныхъ мѣстъ!

Но развѣ нужна ночь, чтобы побыть на кладбищѣ? Развѣ недостаточно для этого дня—безпокойнаго, шумнаго дня, которому довлѣетъ злоба его?

Загляните въ душу свою и, будетъ ли тогда день или ночь, вы найдете тамъ кладбище. Маленькое, жадное, такъ много поглотившее. И тихій, грустный шопотъ услышите вы—отраженіе бѣлыхъ тяжелыхъ стоновъ, когда дорогъ былъ мертвецъ, котораго опускали въ могилу, и вы не успѣли ни разлюбить его, ни позабыть; и памятники увидите вы, и надписи, которыя наполовину смыты слезами, и тихія, глухія могилки—маленькіе, зловѣщіе бугорки, подъ которыми скрыто то, что было живо, хотя вы не знали его жизни и не замѣтили смерти. А, можетъ быть, это было самое лучшее въ вашей душѣ...

Но зачѣмъ говорю я: загляните. Развѣ и такъ не заглядывали вы въ ваше кладбище каждый день, сколько есть этихъ дней въ длинномъ, тяжеломъ году? Быть можетъ, еще только вчера вы вспоминали дорогихъ покойниковъ и плакали надъ ними; быть можетъ, еще только вчера вы похоронили когонибудь, долго и тяжело болѣвшаго и забытаго еще при жизни.

Вотъ подъ тяжелымъ мраморомъ, окруженная частой чугунной рѣшеткой, покоится любовь къ людямъ и сестра ея, вѣра въ нихъ. Какъ онѣ были красивы и чудно хороши, эти сестры! Какимъ яркимъ огнемъ горѣли ихъ глаза, какой дивной мощью владѣли ихъ нѣжныя, бѣлыя руки!

Съ какой лаской подносили эти бѣлыя руки холодное питье къ воспаленнымъ отъ жажды устамъ и кормили алчущихъ; съ какой милой осторожностью касались онѣ язвъ болящаго и врачевали ихъ!

И онѣ умерли, эти сестры. Отъ простуды умерли онѣ, какъ сказано на памятникѣ. Не выдержали леденящаго вѣтра, которымъ охватила ихъ жизнь.

А вотъ дальше покосившійся крестъ знаменуетъ мѣсто, гдѣ зарытъ въ землю талантъ. Какой онъ

былъ бодрый, шумный, веселый; за все брался, все хотѣлъ сдѣлать и былъ увѣренъ, что покоритъ міръ.

И умеръ—какъ-то незамѣтно и тихо. Пошелъ однажды на люди, долго пропадалъ тамъ, и вернулся разбитый, печальный. Долго плакалъ, долго порывался что-то сказать—и такъ, не сказавши, и умеръ.

Вотъ длинный рядъ маленькихъ, осѣвшихъ бугорковъ. Кто тамъ?

Ахъ, да. Это дѣти. Маленькія, рѣзвыя, шаловливыя надежды. Ихъ было такъ много, и такъ весело и людно было отъ нихъ на душѣ—но одна за одной умирали онѣ.

Какъ много было ихъ, и какъ весело было съ ними на душѣ!

Тихо на кладбищѣ, и печально шелестятъ листьями бѣлыя березки.

* * *

Пусть же воскреснутъ мертвецы! Раскройтесь, угрюмыя могилы, разрушьтесь вы, тяжелые памятники, и разступитесь, о желѣзныя рѣшетки!

Хоть на день одинъ, хоть на мигъ одинъ дайте свободу тѣмъ, кого вы душите своей тяжестью и тьмой!

Вы думаете, они умерли? О, нѣтъ, они живы. Они молчаливы, но они живы.

Живы!

Дайте же имъ увидѣть сіяніе голубого, безоблачнаго неба, вздохнуть чистымъ воздухомъ весны, упиться теплымъ и любовью.

Приди ко мнѣ, мой уснувшій талантъ. Что такъ смѣшно протираешь ты глаза—тебя ослѣпило солнце? Не правда ли, какъ ярко свѣтитъ оно? Ты смѣешься? Ахъ, смѣйся, смѣйся—такъ мало смѣху у людей. Буду съ тобой смѣяться и я. Вонъ летитъ ласточка—полетимъ за нею! Ты отяжелѣлъ въ могилѣ? И что за странный ужасъ вижу я въ твоихъ глазахъ—словно отраженіе могильной тьмы? Нѣтъ, нѣтъ, не надо. Не плачь. Не плачь, говорю я тебѣ!

Вѣдь такъ прекрасна жизнь для воскресшихъ!

А вы, мои маленькія надежды! Какія милыя и

смѣшныя личики у васъ. Кто ты, потѣшный толстый карапузъ, я не узнаю тебя? И чему ты смѣешься? Или сама могила не устрашила тебя? Тише, мои дѣти, тише. Зачѣмъ ты обижаешь ее—ты видишь, какая она маленькая, блѣдненькая и слабая? Живите въ мирѣ—и не кружите меня. Развѣ не знаете вы, что я тоже былъ въ могилѣ и теперь кружится моя голова отъ солнца, отъ воздуха, отъ радости.

Ахъ, какъ прекрасна жизнь для воскресшихъ!

Пришли и вы, величавыя, чудныя сестры. Дайте поцѣловать ваши бѣлыя нѣжныя руки. Что я вижу? Вы несете хлѣбъ? Васъ, нѣжныхъ, жественныхъ и слабыхъ не испугалъ могильный мракъ, и тамъ, подъ этой тяжелой громадой вы думали о хлѣбѣ для голодныхъ? Дайте поцѣловать мнѣ ваши ножки. Я знаю, куда пойдутъ онѣ сейчасъ, ваши легкія быстрыя ножки, и знаю, что тамъ, гдѣ пройдутъ онѣ, выростутъ цвѣты—дивные, благоухающіе цвѣты. Вы зовете съ собой? Пойдемте.

Сюда, мой воскресшій талантъ—что зазѣвался тамъ на бѣгущія облачка? Сюда, мои маленькія, шаловливыя надежды.

Стойте!..

Я слышу музыку. Да не кричи же ты такъ, карапузъ! Откуда эти чудные звуки? Тихіе, стройные, безумно радостные и печальные. О вѣчной жизни говорятъ они.

...Нѣтъ, не пугайтесь Это. сейчасъ пройдетъ. Вѣдь отъ радости я плачу!

Ахъ, какъ прекрасна жизнь для воскресшихъ!

Л. Андреевъ.

Наполеонъ.

Изъ романа „Масоны“.

Задумалъ, сударь ты мой, французъ Наполеондера выкопать, а похороненъ этотъ самый Наполеондеръ на островѣ Аленѣ, гдѣ нѣтъ ни

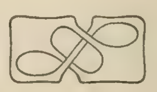
земли, ни воды, а только зыбь поднебесная. Но безъ Императора Всероссійскаго нельзя было того сдѣлать; они и пишутъ Государю Императору нашему прошеніе на гербовой бумагѣ: „Что такъ, молъ, и такъ, позвольте намъ Наполеондера выкопать!“— „А мнѣ что,—говоритъ,—плевать на то, пожалуй, выкапывайте!“ Стали они рыться и видятъ гробъ въявь, а какъ только къ нему, онъ глубже въ землю уходитъ... Бились они такимъ манеромъ долгое время; хорошо, что еще на умъ имъ пришло: взяли нашихъ ухтомцевъ; и тѣ въ пять дней, какъ пить дали, вырыли. Лежитъ, сударь ты мой, этотъ самый Наполеондеръ весь цѣлехонекъ, только сапогами поизносился, да волосами поистратился.

А. Ѳ. Писемскій.

Никто необъятнаго обнять не можетъ.

Однажды, когда ночь покрывала небеса невидимою своею епанчою, знаменитый французскій философъ Декартъ, у ступенекъ домашней лѣстницы своей сидѣвшій и на мрачный горизонтъ съ превеликимъ вниманіемъ смотрящій,—нѣкій прохожій подступилъ къ нему съ вопросомъ: „Скажи, мудрецъ, сколько звѣздъ на семъ небѣ?“—„Мерзавецъ“—отвѣтствовалъ сей:—никто необъятнаго обнять не можетъ“.—Сіи, съ превеликимъ огнемъ произнесенныя, слова возымѣли на прохожаго желаемое дѣйствіе.

Козьма Прутковъ.



Г. И. Успенскій.

Счастливѣйшія минуты въ жизни Михаила Иваныча.

Первый поѣздъ гремитъ по новымъ рельсамъ, оставляя за собою всеобщій испугъ простыхъ деревенскихъ людей и клубы дыма, который долго копошится среди придорожныхъ луговъ или комомъ застреваетъ въ густыхъ вѣтвяхъ лѣса.

Говоръ и шумъ наполняютъ вагонъ третьяго класса; но среди этого шума и говора самый крикливый голосъ, самая смѣлая рѣчь принадлежитъ Михаилу Иванычу, который переживаетъ поистинѣ счастливѣйшія минуты. По мѣрѣ того, какъ родной городъ остается все дальше и дальше, планы насчетъ Петербурга, насчетъ дѣлъ, которыя должны быть сдѣланы въ немъ, получаютъ все большую прочность и широту и заставляютъ Михаила Иваныча заламывать картузъ на ухо, подпирать рукою бокъ и разрумянивать свои впалыя худыя и черныя щеки посредствомъ буфетовъ, не забывая поминутно предъявлять права человѣка, который никого не грабилъ и не грабитъ.

Во всѣхъ проявленіяхъ Михаиломъ Иванычемъ его правъ и надеждъ принималъ весьма ревностное

участіе нѣкоторый сильно подгулявшій мужикъ, завербованный имъ въ поклонники чуть ли не съ первой станціи. Этотъ человѣкъ всегда доказывалъ полную охоту заорать на весь вагонъ о справедливости того, что говоритъ Михаилъ Иванычъ.

— Ай, намъ на пятачекъ-то выпить нельзя?— обращается къ нему Михаилъ Иванычъ, когда поѣздъ подходитъ къ станціи.—Василей! Неушто не разрѣшаютъ намъ, мужикамъ, этого? а? Вася?.. А не будетъ ли мужикъ-то почище?..

— Почище, братъ!—зѣваетъ поклонникъ:—почище!

— А Вася?—продолжаетъ Михаилъ Иванычъ, обнявшись съ мужикомъ и подходя къ буфету:—дозволяютъ мужикамъ буфету? Какъ ты думаешь? за свои, примѣрно, деньги, примѣрно, ежели бутенброду мужикамъ бы? а?

— Бутенброду!—грозно восклицаетъ мужикъ, вламываясь въ толпу у буфета, но, увидавъ господъ, пугается, снимаетъ шапку и бурчитъ:

— Дозвольте бутенброду, васкбродь!..

Михаилъ Иванычъ обиженъ такимъ поступкомъ мужика и долго ругаетъ его за малодушіе.

— За свои деньги да оробѣлъ!—укоризненно говоритъ онъ, отойдя отъ него въ сторону.—И дуракъ ты, сиволдай!..

— Голубчикъ!—умиленно разѣвая лохматый ротъ, винится мужикъ.—Милашка!..

— Ай, у нихъ деньги-то цѣннѣе нашихъ? Свинья ты, сволочь!

Мужикъ шатается и смотритъ на землю, оставивъ безъ вниманія собственную бороду и усы, которые носятъ обильные слѣды позорно добытаго бутерброда. Онъ виноватъ и готовъ чѣмъ угодно искупить свою вину.

Случаи къ такому искупленію представляются часто, поминутно, ибо Михаилъ Иванычъ тоже поминутно дѣлаетъ публичныя предъявленія своихъ плановъ или правъ, такъ какъ и къ этому тоже случаевъ довольно.

Какая-то барыня заняла два мѣста, ѣстъ сладкій пирожокъ и презрительнымъ тономъ разсказы-

ваетъ сосѣду-барину о томъ, что она никогда не ѣздила въ третьемъ классѣ, что быть съ мужиками она не привыкла, потому что она выросла въ знатномъ семействѣ, за ней ухаживали генералы, у ней былъ очаровательный голосъ. Какъ она пѣла!..

Этого достаточно, чтобы провинившійся мужикъ понадобился Михаилу Иванычу.

— Вася! Спой! Мужицкую...

— Спѣть, что ли?

— Громыхни, другъ! Вотъ барыня тоже очень хорошо поетъ! Спой! Нашу! Чево?

— Нашу! Э а-ахъ да-а...

Мужикъ разѣвалъ ротъ и горло во всю мочь.

— Кондукторъ, кондукторъ!—кричатъ баринъ и барыня.

— Кондукторъ! — тоже вопіетъ Михаилъ Иванычъ.—Пожалуйте! Разберите дѣло!..

— Что такое?—спрашиваетъ прибѣжавшій кондукторъ.

— Помилуйте! Пьяный мужикъ кричитъ, Богъ знаетъ, что! Силъ нѣтъ!

— Онъ запѣлъ!—вступается Михаилъ Иванычъ.—Мы по своему, по мужичьи, поемъ. Ежели вамъ угодно, вы по господски спойте. Чего же-съ? Громыхните ваше пѣніе... а мы наше... Г-нъ кондукторъ! Такъ я говорю? Гдѣ объ этомъ вывѣшено, чтобы не пѣть мужикамъ?..

Кондукторъ рѣшилъ дѣло въ пользу Михаила Иваныча, присовокупляя, что въ правилахъ нѣтъ пункта, чтобы не пѣть, и предлагаетъ барынѣ перейти во второй классъ.

— Пожалуйте во второй классъ!—прибавляетъ Михаилъ Иванычъ отъ себя.—Пожалуйте!

— Па-ажжальте!..—бурчитъ мужикъ.

— Тамъ вамъ не будетъ безпокойства... а тутъ мужики дураки... Черезъ нихъ вы получаете вашъ вредъ. Потому мы горластые, ровно черти... Вась! Громыхни-ко!..

— Э-о-а-а...

Хохотъ и гамъ на весь вагонъ.

— Что орешь, дуракъ!—вмѣшивается какая-то

новая фигура, и тоже изъ мужиковъ.—Барыня сладкіе пирожки кушаетъ, а ты орешь?

— Сладкіе?—перебиваетъ Михаилъ Иванычъ.— Василій! Чуешь?.. Попробовать мужикамъ сладкаго! Али мы не люди?.. Почему намъ сахарнаго не отвѣдать? Пирожникъ!..

— Эй!.. Пирожникъ!.. вторитъ мужикъ.

— Давай мужикамъ сахарнаго на пятачекъ!.. Барыня? почемъ платили?

— Кондукторъ! Кондукторъ!

— Кондукторъ!—кричитъ Михаилъ Иванычъ и мужикъ вмѣстѣ.—Къ разбору пожалуйте!

Является кондукторъ, узнаетъ, въ чемъ дѣло,— и Михаилъ Иванычъ снова правъ, ибо нигдѣ „не вывѣшено объявленія насчетъ того, чтобы не спрашивать—почемъ пирожки.“ Многочисленность и быстрота побѣдъ до такой степени переполняетъ гордостью душу Михаила Иваныча, что унять его отъ безпрерывныхъ предъявленій правъ рѣшительно нѣтъ никакой возможности.

— Позвольте васъ просить!—упрашиваетъ его, наконецъ, кондукторъ.—Сдѣлайте одолженіе, прекратите пѣніе!

— Не вывѣшен!..—начинаетъ дебоширничать мужикъ, но Михаилъ Иванычъ немедленно зажимаетъ ему ротъ рукою и говоритъ:

— Цыцъ! Васька! Ни-ни-ни!.. коли честно, благородно,—извольте! Ма-лчи!.. „Сдѣлайте одолженіе,“ „будьте такъ добры,“ это другое дѣло!.. Это, братъ, другого калибру!.. Извольте, съ охотой!..

И у буфета слѣдующей станціи можно снова видѣть фигуру мужика и Михаила Иваныча.

— Вася! Милый!—говоритъ Михаилъ Иванычъ, стараясь глядѣть прямо въ осовѣлые отъ водки глаза мужика.—Чуялъ, что-ли?.. „Вы...“ „сдѣлайте милость,“ ну! не по скулѣ же!.. Понимай-ко-сь!..

— Гол-лубчикъ!—лопочетъ мужикъ, обнимая Михаила Иваныча за шею и хороня на его груди безсильную, хмельную голову...

Глѣбъ Успенскій.

Жалобная книга.

Лежитъ она, эта книга, въ спеціально построенной для нея конторкѣ на станціи желѣзной дороги. Ключъ отъ конторки „хранится у станціоннаго жандарма“, на дѣлѣ же никакого ключа не нужно, такъ какъ конторка всегда отперта. Раскрывайте книгу и читайте:

„Милостивый государь! Проба пера!?“

Подъ этимъ нарисована рожица съ длиннымъ носомъ и рожками. Подъ рожицей написано:

„Ты картина, я портретъ, ты скотина, а я нѣтъ. Я—морда твоя“.

„Подъѣзжая къ сіей станцыи и глядя на природу въ окно, у меня слетела шляпа. И. Ярмонкинъ“.

„Кто писалъ не знаю, а я дуракъ читаю“.

„Оставилъ память начальникъ стола претензій Коловроевъ“.

„Приношу начальству мою жалобу на Кондуктора Кучкина за его грубости въ отношеніи моей женѣ. Жена моя вовсе не шумѣла, а напротивъ старалась, чтобъ все было тихо. А также и насчетъ жандарма Клятвина, который меня грубо за плечо взялъ. Жительство имѣю въ имѣніи Андрея Ивановича Ищеева, который знаетъ мое поведеніе. Конторщикъ Самолучшевъ“.

„Никандровъ социалистъ“.

„Находясь подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ возмутительнаго поступка... (зачеркнуто). Проѣзжая черезъ эту станцію, я былъ возмущенъ до глубины души слѣдующимъ... (зачеркнуто). На моихъ глазахъ произошло слѣдующее возмутительное происшествіе, рисующее яркими красками наши желѣзнодорожные порядки... (далѣе все зачеркнуто, кромѣ подписи). Ученикъ 7-го класса Курской гимназіи Алексѣй Зудьевъ“.

„Въ ожиданіи отхода поѣзда обозрѣвалъ физіогномію начальника станціи и остался ею весьма

недоволенъ. Объявляю о семъ по линiи. Неунывающiй дачникъ".

„Я знаю кто это писалъ. Это писалъ М. Д."

„Господа! Тельцовскiй шулеръ!"

„Жандармиха ѣздила вчера съ буфетчикомъ Костькой за рѣку. Желаемъ всего лучшаго. Не унывай, жандармъ!"

„Проѣзжая черезъ станцiю и будучи голоденъ въ разсужденiи чего бы покушать я не могъ найти постной пищи. Дьяконъ Духовъ".

„Лопай, что даютъ"...

„Кто найдетъ кожаный портсигаръ тотъ пущай отдастъ въ кассу Андрею Егорычу".

„Такъ какъ меня прогоняютъ со службы, будто я пьянствую, то объявляю, что всѣ вы мошенники и воры. Телеграфистъ Козьмодемьянскiй".

„Добродѣтелью украшайтесь".

„Катинька, я васъ люблю безумно!"

„Прошу къ жалобной книгѣ не писать постороннихъ вещей. За начальника станцiи Ивановъ 7-й".

„Хоть ты седьмой, адуракъ".

А. П. Чеховъ.

„Товарищъ".

Среди мрачной суеты горя и несчастья, въ судорожной схваткѣ жадности и нужды, въ тинѣ жалкаго себялюбiя, по подваламъ домовъ, гдѣ жила бѣднота, создавшая богатство города, невидимо ходили одинокiе мечтатели; полные вѣры въ человѣка, всѣмъ чужiе и далекiе проповѣдники возмущенiя, мятежныя искры далекаго огня правды. Они тайно приносили съ собой въ подвалы всегда плодотворныя, маленькiя сѣмена простого и великаго ученiя и то сурово съ холоднымъ блескомъ въ глазахъ, то мягко и любовно сѣяли эту ясную, жгучую правду въ темныхъ сердцахъ людей-рабовъ, людей, обращен-

ныхъ силою жадныхъ, волею жестокихъ въ слѣпыя и нѣмыя орудія наживы.

И эти темные, загнанные люди, недовѣрчиво прислушиваясь къ музыкѣ новыхъ словъ, музыкѣ, которую давно и смутно ждало ихъ больное сердце, понемногу поднимали свои головы, разрывая петли хитрой лжи, которой опутали ихъ властные и жадные насильники.

Въ ихъ жизнь, полную глубокой, подавленной злобы, въ сердца, отравленныя многими обидами, въ сознаніе, засоренное пестрою ложью мудрости сильныхъ—въ эту трудную печальную жизнь, пропитанную горечью униженій,—было брошено простое, свѣтлое слово:

— Товарищъ...

Оно не было новымъ для нихъ, они слышали и сами произносили его, оно звучало до этой поры такимъ же пустымъ и тупымъ звукомъ, какъ всѣ знакомыя стертыя слова, которыя можно забыть и ничего не потерять.

Но теперь оно, ясное и крѣпкое, звучало инымъ звукомъ, въ немъ пѣла другая душа и что-то твердое, сверкающее и многогранное, какъ алмазъ, было въ немъ.

Они приняли его и стали произносить осторожно, бережливо, мягко колыхая его въ сердцѣ своемъ, какъ мать новорожденнаго колышетъ въ люлькѣ, любуясь имъ.

И чѣмъ глубже смотрѣли они въ свѣтлую душу этого слова, тѣмъ свѣтлѣе, значительнѣе и ярче казалось имъ оно.

— Товарищъ!—говорили они.

— И чувствовалось, что это слово пришло объединить весь міръ, поднять всѣхъ людей его на высоту свободы и связать ихъ новыми узами, крѣпкими узами уваженія другъ къ другу, уваженія къ свободѣ человѣка, ради свободы его.

Оно звучало среди лживыхъ словъ настоящаго какъ радостная вѣсть о будущемъ, о новой жизни, которая открыта равно для всѣхъ впереди. Далеко или близко...

На лицахъ тѣхъ, которые выносили это слово въ сердцахъ своихъ, вложили въ него плоть и кровь и мѣдный, гулкій звукъ, призывая къ единенію,—на ихъ лицахъ сверкало гордое чуство юныхъ творцовъ; и было ясно, что та сила, которую они такъ щедро влагали въ это живое слово,—неистребима, непобѣдима, неизсякаема.

Уже гдѣ-то противъ нихъ собирались сѣрыя слѣпыя толпы вооруженныхъ людей и безмолвно стремились въ ровныя линіи: это злоба насильниковъ готовилась отразить волну справедливости.

А въ тѣсныхъ узкихъ улицахъ огромнаго города, среди его безмолвныхъ холодныхъ стѣнъ, созданныхъ руками невѣдомыхъ творцовъ, все росла и зрѣла великая вѣра людей въ братство всѣхъ со всѣми.

— Товарищи!

То тамъ, то тутъ вспыхивалъ огонекъ, призванный разгорѣться въ пламя, которое объемлетъ землю чувствомъ родства всѣхъ людей ея. Объемлетъ всю землю и сожжетъ и испепелитъ злобу, ненависть и жестокость, искажающія насъ; объемлетъ всѣ сердца и сольетъ ихъ въ единое сердце міра—сердце правдивыхъ благородныхъ людей,—въ неразрывно-дружную семью свободныхъ работниковъ.

На улицахъ мертваго города, созданнаго рабами, на улицахъ города, въ которомъ царила жестокость, росла и крѣпла вѣра въ человѣка, въ побѣду его надъ собой и зломъ міра.

И въ смутномъ хаосѣ тревожной, безрадостной жизни яркой, веселой звѣздой, путеводнымъ огнемъ въ будущее сверкало простое, глубокое, какъ сердце, слово:

— Товарищъ!

М. Горькій.

В. М. Гаршинъ.

Красный цвѣтокъ.

Отрывокъ.

И больного связали. Онъ лежалъ, одѣтый въ сумасшедшую рубаху, на своей постели, крѣпко привязанный широкими полосами холста къ желѣзнымъ перекладинамъ кровати. Но бѣшенство движеній не уменьшилось, а скорѣе возрасло. Въ теченіе многихъ часовъ онъ упорно силился освободиться отъ своихъ путъ. Наконецъ, однажды, сильно рванувшись, онъ разорвалъ одну изъ повязокъ, освободилъ ноги и, выскользнувъ изъ-подъ другихъ, началъ со связанными руками расхаживать по комнатѣ, выкрикивая дикія, непонятныя рѣчи.

— О, щобъ, тебе!..—закричалъ вошедшій сторожъ.—Якій тоби бісъ помогае! Грицько! Иванъ! Идить швыдче, бо винъ розвязавсь.

Они втроемъ накинулись на больного, и началась долгая борьба, утомительная для нападавшихъ и мучительная для защищавшагося человѣка, тратившаго остатокъ истощенныхъ силъ. Наконецъ, его повалили на постель и скрутили крѣпче прежняго.

— Вы не понимаете, что вы дѣлаете!—кричалъ больной, задыхаясь. Вы погибаете!—Я видѣлъ тре-

тій, едва распустившійся. Теперь онъ уже готовъ. Дайте мнѣ кончить дѣло! Нужно убить его, убить, убить! Тогда все будетъ кончено, все спасено. Я послалъ бы васъ, но это могу сдѣлать только одинъ я. Вы умерли бы отъ одного прикосновенія.

— Молчите, панычъ, молчите!—сказалъ старикъ-сторожъ, оставшійся дежурить около постели.

Больной вдругъ замолчалъ. Онъ рѣшился обмануть сторожей. Его продержали связаннымъ цѣлый день и оставили въ такомъ положеніи и на ночь. Накормивъ его ужиномъ, сторожъ постлалъ что-то около постели и улегся. Черезъ минуту онъ спалъ крѣпкимъ сномъ, а больной принялся за работу.

Онъ изогнулся всѣмъ тѣломъ, чтобы коснуться желѣзной продольной перекладины постели, и, нащупавъ ее спрятанной въ длинномъ рукавѣ сумасшедшей рубахи кистью руки, началъ быстро и сильно тереть рукавъ объ желѣзо. Черезъ нѣсколько времени толстая парусина подалась, и онъ высвободилъ указательный палецъ. Тогда дѣло пошло скорѣе. Съ совершенно невѣроятной для здороваго человѣка ловкостью и гибкостью, онъ развязалъ сзади себя узелъ, стягивавшій рукава, расшнуровалъ рубаху и послѣ этого долго прислушивался къ храпѣнію сторожа. Но старикъ спалъ крѣпко. Больной снялъ рубаху и отвязался отъ кровати. Онъ былъ свободенъ. Онъ попробовалъ дверь; она была заперта изнутри и ключъ, вѣроятно, лежалъ въ карманѣ у сторожа. Боясь разбудить его, онъ не посмѣлъ обыскивать карманы и рѣшился уйти изъ комнаты черезъ окно.

Была тихая, теплая и темная ночь; окно было открыто; звѣзды блестѣли на черномъ небѣ. Онъ смотрѣлъ на нихъ, отличая знакомыя созвѣздія и радуясь тому, что онѣ, какъ ему казалось, понимаютъ его и сочувствуютъ ему. Мигая, онъ видѣлъ безконечные лучи, которые онѣ посылали ему, и безумная рѣшимость увеличивалась. Нужно было отогнуть толстый прутъ желѣзной рѣшетки, пролѣзть сквозь узкое отверстіе въ закоулокъ, заросшій кустами, перебраться черезъ высокую каменную

ограду. Тамъ будетъ послѣдняя борьба, а послѣ— хоть смерть.

Онъ попробовалъ согнуть толстый прутъ голыми руками, но желѣзо не подавалось. Тогда, скрутивъ изъ крѣпкихъ рукавовъ сумасшедшей рубахи веревку, онъ зацѣпилъ ею за выкованное на концѣ прута копье и повисъ на немъ всѣмъ тѣломъ. Послѣ отчаянныхъ усилій, почти истощившихъ остатокъ его силъ, копье согнулось: узкій проходъ былъ открытъ. Онъ протискался сквозь него, ссадивъ себѣ плечи, локти и обнаженныя колѣни, пробрался сквозь кусты и остановился передъ стѣной. Все было тихо; огни ночниковъ слабо освѣщали изнутри окна огромнаго зданія; въ нихъ не было видно никого. Никто не замѣтитъ его; старикъ, дежурившій у его постели, вѣроятно, спитъ крѣпкимъ сномъ. Звѣзды ласково мигали лучами, проникавшими до самаго его сердца.

— Я иду къ вамъ,—прошепталъ онъ, глядя на небо.

Оборвавшись послѣ первой попытки, съ оборванными ногтями, окровавленными руками и колѣнями, онъ сталъ искать удобнаго мѣста. Тамъ, гдѣ ограда сходилась со стѣной мертвецкой, изъ нея и изъ стѣны выпало нѣсколько кирпичей. Больной нащупалъ эти впадины и воспользовался ими. Онъ влѣзъ на ограду, ухватился за вѣтки вяза, росшаго по ту сторону, и тихо спустился по дереву на землю.

Онъ кинулся къ знакомому мѣсту около крыльца. Цвѣтокъ темнѣлъ своей головкой, свернувъ лепестки и ясно выдѣляясь на росистой травѣ.

— Послѣдній!—прошепталъ больной,—послѣдній! Сегодня побѣда или смерть... Но это для меня уже все равно. Погодите,—сказалъ онъ, глядя на небо,—я скоро буду съ вами.

Онъ вырвалъ растеніе, истерзалъ его, смялъ и, держа его въ рукѣ, вернулся прежнимъ путемъ въ свою комнату. Старикъ спалъ. Больной, едва дойдя до постели, рухнулъ на нее безъ чувствъ.

Утромъ его нашли мертвымъ. Лицо его было спокойно и свѣтло; истощенныя черты съ тонкими губами и глубоко впавшими закрытыми глазами вы-

ражали какое-то горделивое счастье. Когда его клали на носилки, попробовали разжать руку и вынуть красный цвѣтокъ. Но рука закоченѣла, и онъ унесъ свой трофей въ могилу.

Вс. Гаршинъ.

Весеннія мелодіи.

Въ саду, за окномъ моей комнаты, по голымъ вѣтвямъ акацій прыгаютъ воробьи и оживленно разговариваютъ, а на конькѣ крыши сосѣдняго дома сидитъ почтенная ворона и, слушая говоръ сѣрыхъ пташекъ, важно покачиваетъ головой. Теплый воздухъ, пропитанный солнечнымъ свѣтомъ, приноситъ мнѣ въ комнату каждый звукъ, и я слышу торопливый и негромкій голосъ ручья, слышу тихій шорохъ вѣтвей, понимаю, о чемъ воркуютъ голуби на карнизѣ моего окна, и вмѣстѣ съ воздухомъ мнѣ въ душу льется музыка весны.

— Чикъ-чирикъ, говоритъ старый воробей, обращаясь къ товарищамъ:—вотъ и снова мы дождались весны. Не правда ли? Чикъ-чирикъ.

— Фа актъ, фа-актъ, граціозно потягивая шею, отзывается ворона.

Я хорошо знаю эту солидную птицу: она всегда выражается кратко и не иначе, какъ въ утвердительномъ смыслѣ. Будучи отъ природы глупой, она еще и пуганная, какъ большинство воронъ. Она занимаетъ въ обществѣ прекрасное положеніе и каждую зиму устраиваетъ что-нибудь благотворительное для старыхъ голубей. Я знаю воробья: хотя съ виду онъ кажется легкомысленнымъ и даже либераломъ, но въ сущности это птица себѣ на умѣ. Онъ прыгаетъ около вороны съ виду почтительно, но въ глубинѣ души хорошо знаетъ ей цѣну и ни-

когда не прочь разсказать о ней двѣ-три пикантныхъ исторіи.

А на карнизѣ окна молодой щеголеватый голубь горячо убѣждаетъ скромную голубку: „Я умру, умру отъ разочарованія, если ты не раздѣлишь со мною любовь мою“.

— А знаете, сударыня, чижики прилетѣли,—сообщаетъ воробей.

— Фа-актъ.

— Прилетѣли и шумятъ, порхаютъ, щебечутъ... Ужасно безпокойныя птицы. И синицы явились за ними... какъ всегда, хе-хе-хе. Вчера, знаете, я спросилъ въ шутку одного изъ нихъ: „Что, голубчикъ, вылетѣли?“ Отвѣтилъ дерзостью... Въ этихъ птицахъ совершенно нѣтъ уваженія къ чину, званію и общественному положенію собесѣдника. Я надворный воробей...

Но тутъ изъ-за угла трубы на крышу неожиданно явился молодой воронъ и вполголоса отрапортовалъ: „Внимательно прислушиваясь, по долгу службы, къ разговорамъ всѣхъ населяющихъ воздухъ, воду и нѣдра земли тварей и неукоснительно слѣдя за ихъ поведеніемъ, честь имѣю донести, что означенные чижики громко щебечутъ о всемъ и осмѣливаются надѣяться на якобы скорое обновленіе природы“.

— Чикъ-чирикъ, воскликнулъ воробей, безпокойно оглядываясь на доносителя.

А ворона благонамѣренно покачала головой.

— Весна уже была, она была уже не однажды, сказалъ воробей.—А насчетъ обновленія всей природы это... конечно, пріятно... если происходитъ съ разрѣшенія тѣхъ силъ, коимъ надлежитъ сіе вѣдать.

— Фа-актъ, сказала ворона, окинувъ собесѣдника благосклоннымъ взоромъ.

— Къ вышеизложенному долженъ добавить, продолжалъ воронъ:—означенные чижики выражали недовольство по поводу того, что ручьи, изъ которыхъ они утоляютъ жажду, якобы мутны; нѣкоторые изъ нихъ дерзаютъ даже мечтать о свободѣ...

— Ахъ, это они всегда такъ, воскликнулъ ста-

рый воробей:—это отъ молодости у нихъ, это ничуть не опасно. Я тоже былъ молодъ и тоже мечталъ о... ней. Разумѣется, скромно мечталъ... Но потомъ это прошло. Явилась другая „она," болѣе реальная... хе-хе-хе и, знаете, болѣе пріятная, болѣе необходимая воробью... хе-хе...

— Э-гмъ, раздалось внушительное кряхтѣнье. На вѣтвяхъ липы явился дѣйствительный статскій снѣгирь; онъ милостиво раскланялся съ птицами и заговорилъ:

— Э-ме... замѣчаете ли вы, господа, въ воздухѣ пахнетъ чѣмъ-то... э?

— Весенній воздухъ, ваше-ство, сказалъ воробей.

А ворона только склонила голову на бокъ и каркнула звукомъ нѣжнымъ, какъ блеяніе овцы.

— Н-да... вчера за винтомъ тоже говорилъ одинъ потомственный почетный филинъ... чѣмъ-то, говоритъ, пахнетъ... А я отвѣчаю: замѣтимъ, понюхаемъ, разберемъ. Резонно, э?

— Точно такъ, ваше-ство.

— Вполнѣ резонно, согласился почтительно старый воробей.—Всегда, ваше-ство, надо подождать. Солидная птица всегда ждетъ.

— На проталину сада спустился съ неба жаворонокъ и, озабоченно бѣгая по ней, забормоталъ:

— ... И заря своей улыбкой нѣжно гаситъ въ небѣ звѣзды... ночь блѣднѣетъ, ночь трепещетъ и, какъ ледъ на солнцѣ, таетъ тьмы ночной покровъ тяжелый... Какъ легко и сладко дышитъ сердце, полное надежды встрѣчи свѣта и свободы...

— Это что за птица? спросилъ снѣгирь, прищуриваясь.

— Жаворонокъ, ваше-ство, строго сказалъ воронъ изъ-за трубы.

— Поэтъ, ваше-ство, снисходительно добавилъ воробей.

Снѣгирь искоса посмотрѣлъ на поэта и прохрипѣлъ:

— М-м... какой сѣрый... прохвостъ. Онъ что-то тамъ насчетъ солнца, свободы прошелся, кажется?

— Такъ точно, ваше-ство, подтвердилъ воронъ:—занимается возбужденіемъ неосновательныхъ надеждъ въ сердцахъ молодыхъ птенцовъ, ваше-ство.

— Предосудительно и... глупо.

— Совершенно справедливо, ваше-ство, отозвался старый воробей:—глупо-съ. Свобода, ваше-ство, суть нѣчто неопредѣленное и, такъ сказать, неуловимое...

— Однако, если не ошибаюсь, вы сами къ ней.. взывали?

— Фа-актъ, вдругъ каркнула ворона.

Воробей смутился.

— Дѣйствительно, ваше-ство, однажды возвалъ... но при смягчающихъ вину обстоятельствахъ...

— А... то-есть какъ?

— Тихо сказалъ: да здравствуетъ свобода, и тотчасъ же громко добавилъ: въ предѣлахъ законности.

Снѣгирь посмотрѣлъ на ворона.

— Такъ точно, ваше-ство, отвѣтилъ воронъ.

— Я, ваше-ство, будучи надворнымъ воробьемъ, не могу себѣ позволить серьезнаго отношенія къ вопросу о свободѣ, ибо сей вопросъ не значится въ числѣ разрабатываемыхъ вѣдомствомъ, въ которомъ я имѣю честь служить...

— Фа-актъ, снова каркнула ворона. Ей все равно, что подтверждать.

А по улицѣ текли ручьи и пѣли тихую пѣсню о рѣкѣ, куда они вольются въ концѣ пути, и о своемъ будущемъ:

— Широкія, быстрыя волны насъ примутъ, обнимутъ и въ море съ собой унесутъ, и снова, быть можетъ, насъ въ небо поднимутъ горячаго солнца лучи, а съ неба мы снова на землю падемъ прохладной росою въ ночи, снѣжинками или обильнымъ дождемъ.

Солнце, великолѣпное, ласковое солнце весны, улыбается въ ясномъ небѣ улыбкою Бога, полнаго любви, пылающаго страстью творчества.

Въ углу сада, на вѣтвяхъ старой липы сидитъ стайка чижиковъ, и одинъ изъ нихъ вдохновенно поетъ товарищамъ гдѣ-то слышанную имъ пѣсню о Буревѣстникѣ:

Надъ сѣдой равниной моря вѣтеръ тучи собираетъ. Между тучами и моремъ гордо рѣетъ Буревѣстникъ, черной молніи подобный.

То волны крыломъ касаясь, то стрѣлой взмывая къ тучамъ, онъ кричитъ,—и тучи слышатъ радость въ смѣломъ крикѣ птицы.

Въ крикѣ этомъ – жажда бури!

Силу гнѣва, пламя страсти и увѣренность въ побѣдѣ слышатъ тучи въ этомъ крикѣ.

Чайки стонутъ передъ бурей,—стонутъ, мечутся надъ моремъ и на дно его готовы спрятать ужасъ свой предъ бурей.

И гагары тоже стонутъ,—имъ, гагарамъ, недоступно наслажденье битвой жизни: громъ ударовъ ихъ пугаетъ.

Глупый пингвинъ робко прячетъ тѣло жирное въ утесахъ...

Только гордый Буревѣстникъ рѣетъ смѣло и свободно надъ сѣдымъ отъ пѣны моремъ!

Все мрачнѣй и ниже тучи опускаются надъ моремъ и поютъ, и пляшутъ волны къ высотѣ, навстрѣчу грому.

Громъ грохочетъ. Въ пѣнѣ гнѣва стонутъ волны, съ вѣтромъ споря. Вотъ охватываетъ вѣтеръ стаи волнъ объятьемъ крѣпкимъ и бросаетъ ихъ съ размаха въ дикой злобѣ на утесы, разбивая въ пыль и брызги изумрудныя громады.

Буревѣстникъ съ крикомъ рѣетъ, черной молніи подобный, какъ стрѣла пронзаетъ тучи, пѣну волнъ крыломъ срываетъ.

Вотъ онъ носится, какъ демонъ,—гордый, черный демонъ бури,—и смѣется, и рыдаетъ... Онъ надъ тучами смѣется, онъ отъ радости рыдаетъ!

Въ гнѣвѣ грома,—чуткій демонъ,—онъ давно усталось слышитъ, онъ увѣренъ, что не скроютъ тучи солнца, нѣтъ, не скроютъ!

Вѣтеръ воетъ... громъ грохочетъ...

Синимъ пламенемъ пылаютъ стаи тучъ надъ бездной моря. Море ловитъ стрѣлы молній и въ своей пучинѣ гаситъ. Точно огненныя змѣи, вьются въ морѣ, исчезая, отраженья этихъ молній.

— Буря! Скоро грянетъ буря!

Это смѣлый Буревѣстникъ гордо рѣетъ между молній надъ ревущимъ гнѣвно моремъ; то кричитъ Пророкъ побѣды:

— Пусть сильнѣе грянетъ буря!..

М. Горькій.

Мститель.

Отрывокъ.

... Ночь... Темная, холодная, безумная. Я спокоенъ. Веревка виситъ на оконной задвижкѣ; надзиратель заснулъ... Мнѣ кажется, что я спокоенъ. Мнѣ только холодно, какъ будто внутренно холодно. И даже не холодно, а какъ-то пусто во мнѣ. Мысли мои исчезли и образы, страшные и милые, не преслѣдуютъ меня больше... Позади осталась большая, шумная и счастливая жизнь, далекая и чуждая, какъ прекрасный давнишній сонъ. Потомъ эти долгіе дни нечеловѣческой муки. Они тоже прошли и потускнѣли. Все суета суетъ. Смерть идетъ ко мнѣ торжественно и спокойно. Она даетъ мнѣ забвеніе и прощеніе. Все для нея: неподвижный мракъ ночи, тишина во всѣхъ концахъ этого огромнаго каменнаго мѣшка, тишина во мнѣ, во всемъ мірѣ. Холодно. Мнѣ кажется, въ темномъ окнѣ я вижу холодную вѣчную ночь, куда я ухожу. Холодно. Но нѣтъ, нѣтъ—не страшно. Мнѣ кажется, что я стою въ пустынномъ и безмолвномъ храмѣ и жду. Она придетъ молчаливая, величественная, гордая и прекрасная. Она все покрываетъ своимъ тяжелымъ и холоднымъ мракомъ: страданія, нечеловѣческія муки, и страсти, и свѣтлыя радостныя

молодыя мечты. Она возьметъ сегодня и мою молодость... Молодость... да... и надежды... Пусть же все снова исчезнетъ. Пусть уйдутъ мои мысли въ ту холодную пустоту. Я не хочу думать о молодости! Я не хочу, чтобы снова тревожили меня мои прошлые дни, дни счастья, чтобы снова воскресла предо мной моя честная, моя славная жизнь!.. Какъ она кипѣла!..

Какъ много силъ рвалось наружу! И какъ я могъ быть счастливъ! Міръ раскрывался предо мной невѣдомый и прекрасный. Тамъ, впереди, въ заманчивомъ и свѣтломъ будущемъ, я долженъ былъ бороться, бороться гордо и смѣло, такъ, чтобы грудь чувствовала удары, и съ каждымъ ударомъ я шелъ бы впередъ и впередъ. И, какъ въ сказкѣ, звучалъ бы предо мной впереди дивный колоколъ, и, какъ сказочный принцъ, пробивался бы я черезъ чащу лѣсную. Ночь идетъ. А колоколъ звучитъ впереди въ лѣсной тишинѣ. И я иду, иду по невѣдомымъ едва протоптаннымъ тропинкамъ, иду туда, куда онъ такъ таинственно зоветъ меня своимъ призывнымъ звукомъ... Сказка, бредъ... Веревка виситъ на окнѣ. Ночь идетъ, вѣчная ночь. И не будетъ звучать никогда мой колоколъ, и не буду я, какъ молодой принцъ, идти, вѣчно идти впередъ, и вѣчно отдавать свои силы могучей и радостной борьбѣ. Я ухожу туда... въ эту темноту. Я ухожу отъ борьбы, отъ невѣдомой еще и манящей меня жизни и, уходя, проклинаю всѣхъ угнетающихъ и ненавистныхъ. Пусть мои страданья, мои муки станутъ преслѣдовать васъ во вѣки вѣковъ. Пусть мститель суровый встанетъ изъ нашихъ погибшихъ костей, и жизнь, свѣтлая, радостная, любимая жизнь побѣдно пройдетъ надъ міромъ!..

Е. С. Левина-Сысоева.

В. Г. Короленко.

Огоньки.

Какъ-то давно, темнымъ осеннимъ вечеромъ случилось мнѣ плыть по угрюмой сибирской рѣкѣ. Вдругъ, на поворотѣ рѣки, впереди, подъ темными горами мелькнулъ огонекъ.

Мелькнулъ ярко, сильно, близко...

— Ну, слава Богу!—сказалъ я съ радостью,—деревня, близко ночлегъ!

Гребецъ—сибирякъ повернулся, посмотрѣлъ черезъ плечо на огонь и опять апатично налегъ на весло.

— Далече!

Я не повѣрилъ: огонекъ такъ и стоялъ, выступая впередъ изъ неопредѣленной тьмы. Но гребецъ былъ правъ: оказалось, дѣйствительно, далеко.

Свойство этихъ ночныхъ огней—приближаться, побѣждая тьму, и сверкать, и обѣщать, и манить, своею близостью. Кажется, вотъ-вотъ еще два-три удара весломъ,—и путь конченъ... А между тѣмъ—далеко!..

И долго еще мы плыли по угрюмой и мрачной, какъ чернила, рѣкѣ. Ущелья и скалы выплывали, надвигались и уплывали, оставаясь назади и теря-

ясь, казалось, въ безконечной дали, а огонекъ все стоялъ впереди, переливаясь и маня,—все такъ же близко, и все такъ же далеко.

Мнѣ часто вспоминается теперь и эта темная рѣка, затененная скалистыми горами, и этотъ живой огонекъ. Много огней и раньше, и послѣ манили не одного меня своею близостью. Но—жизнь течетъ все въ тѣхъ же угрюмыхъ берегахъ, а огни еще далеко. И опять приходится налегать на весла...

Но все-таки... все-таки впереди—огни!...

В. Г. Короленко.

Гимнъ.

Г. Гейне.

Я мечъ, я пламя.

Я освѣтилъ васъ въ темнотѣ, и когда началась битва, я сражался впереди, въ первомъ ряду.

Вокругъ меня лежатъ трупы моихъ друзей, но мы побѣдили. Мы побѣдили, но вокругъ меня лежатъ трупы моихъ друзей. Среди тріумфальныхъ пѣсенъ ликованья звучатъ похоронные хоралы. Но у насъ нѣтъ времени ни радоваться, ни скорбѣть. Снова грохочутъ барабаны, предстоитъ новая битва...

Я мечъ, я пламя.

Пер. П. И. Вейнбергъ.

Отрывокъ изъ разсказа „Крававое пятно".

„Завтра меня разстрѣляютъ!“ думалъ Анисимовъ, острыми блестящими глазами глядя въ холодный мракъ. „Завтра меня разстрѣляютъ“.

Это была не мысль, потому что нельзя было думать о томъ, что черезъ нѣсколько недолгихъ часовъ придутъ люди, которыхъ онъ никогда въ жизни даже не видалъ, и убьютъ его, страдающаго, живого человѣка, какъ старую, запаршивѣвшую собаку. Это было просто какое-то тяжелое и холодное давленіе на мозгъ, какое на человѣка, не вѣрящаго въ сверхъестественное, производитъ появленіе страшнаго необъяснимаго призрака.

Анисимову иногда хотѣлось пожать плечами и усмѣхнуться этой забавной несообразности, но вмѣсто того лицо его въ темнотѣ кривилось дикой и болѣзненной гримасой, принимая выраженіе зловѣще искаженной маски сходящаго съ ума.

Онъ запахнулся, точно въ больничный халатъ, въ пальто съ разорваннымъ клапаномъ, и короткими, неровными шагами, худой, длинный, какъ привидѣніе, заходилъ по комнатѣ, осторожно обходя въ темнотѣ мебель и почему-то стараясь не шумѣть. Странно было то, что эта его осторожность была вовсе не отъ страха: Анисимову только страстно хотѣлось, чтобы никто не помѣшалъ ему думать „объ этомъ“. Казалось, что, если онъ спокойно и точно обдумаетъ что-то до конца, то все перемѣнится,—онъ все пойметъ, и тогда все разъяснится очень просто и хорошо. И онъ думалъ, думалъ, думалъ... Лицо его принимало мучительное выраженіе свыше силъ напряженной думы, но ничего не выходило. Порой какъ будто и возникала яркая, спасительная мысль, но гдѣ-то очень глубоко и смутно. Анисимовъ дѣлалъ сверхъестественное усиліе, чтобы вызвать ее на поверхность и облечь въ слова. Мысль крѣпла, поднималась, начинала распутываться и приближаться къ какому-то слову. Становилось легче, голова свѣтлѣла, глаза теряли напряженное выраженіе. Анисимовъ останавливался, чтобы схватить

самое главное, схватывалъ и мысленно говорилъ, думая, что говоритъ именно то, что нужно:—„Завтра меня разстрѣляютъ!..“ И тогда вдругъ все снова путалось, мысль моментально и безслѣдно таяла въ мозгу, выступалъ липкій потъ на вискахъ; холодная туманная пустота, похожая на то, какъ будто всего его неожиданно окутывало густымъ облакомъ какого-то холоднаго пара, наполняла душу,—и Анисимовъ опять начиналъ мелкими шажками быстро и осторожно ходить изъ угла въ уголъ и напрягать свой усталый, горячій мозгъ.

Было тихо вокругъ, и только трескъ горѣвшаго дерева изрѣдка доносился въ окно.

Все быстрѣе и быстрѣе шагая изъ угла въ уголъ и кутаясь въ пальто, какъ въ больничный халатъ, Анисимовъ сталъ припоминать. Сначала онъ самъ не могъ понять, что именно ему хочется припомнить; но появилось и окрѣпло воспоминаніе о прожитой и теперь вдругъ неожиданно, но очевидно заканчивающейся жизни. Онъ сталъ проходить ее мыслью съ начала до конца и тщательно искать въ ней чего-нибудь такого, что имѣло бы связь съ тѣмъ, что должно было произойти завтра.

Вызванная изъ сѣраго тумана забвенія, стала проходить передъ нимъ вереница дней, годовъ, встрѣчъ, дѣлъ, настроеній и заботъ. Жизнь вставала передъ нимъ тускло и блѣдно, представляясь однообразно-сѣрой полосой, безъ начала и конца. Иногда ему казалось, что она началась еще раньше его рожденія, и что всѣ его страданія, болѣзни, униженія и заботы были только продолженіемъ неисчислимыхъ бѣдъ, идущихъ отъ времени. Точно это былъ безконечный путь изъ вѣчности въ вѣчность, на который онъ незамѣтно вступилъ гдѣ-то неизмѣримо далеко отъ начала, чтобы черезъ нѣсколько томительныхъ мгновеній сойти такъ же далеко отъ конца, какъ случайная тѣнь, тоскливо скользнувшая по проѣзжей дорогѣ.

Бѣднымъ родился онъ на свѣтъ, въ жестокой нищетѣ прожилъ все дѣтство и всегда вспоминалъ о немъ съ унылымъ отвращеніемъ, удивляясь тѣмъ людямъ, которые говорили о своемъ дѣтствѣ, какъ

о свѣтломъ праздникѣ жизни. Былъ онъ оборванный, плохо обутый, тщедушный и болѣзненный мальчикъ, типичный сынъ почтальона, на которомъ труды, болѣзни и горе родителей положили на вѣкъ свое блѣдное клеймо. Учиться ему пришлось немного и трудно, и то, чему онъ выучился, было сокомъ жизни, выжатымъ изъ себя отцомъ и матерью. Рано пришлось думать о пищѣ, и пятнадцати лѣтъ онъ уже поступилъ на желѣзную дорогу, гдѣ и прослужилъ двадцать пять лѣтъ въ разныхъ должностяхъ, всегда одинаково трудныхъ, томительно однообразныхъ и чуждыхъ душѣ. Ему было тяжело, часто унизительно и трудно; но отецъ и мать, пока не умерли, надорвавшись на работѣ, были счастливы, что онъ избѣжалъ участи отца. Ихъ чахоточная радость была безсмысленна и ужасна, но самое ужасное было то, что онъ самъ понималъ и раздѣлялъ ихъ радость. И это было похоже на ту радость, которою радуется человѣкъ, затонувшій въ топи по горло и видящій рядомъ другого, котораго вонючая, душащая грязь уже покрыла съ головой.

Страшна была его жизнь, какъ страшна была у всѣхъ окружающихъ его, и именно это скоро притупило сознаніе и скрыло отъ него ужасный видъ его существованія. Какъ ни мучительны были у него позывы что-то перемѣнить, что-то узнать, что-то устроить,—въ общемъ ему казалось, что такъ и надо, ибо такъ живетъ не онъ одинъ. Томленіе духа обратилось въ привычку, научило брюзжать, раздражаться, пить, и не было силъ задуматься, оглянуться и придти въ отчаяніе. Какъ кротъ, живущій въ вѣчной тьмѣ, Анисимовъ уже не видѣлъ тьмы, окружающей его, и думалъ, что онъ живетъ лучше многихъ; но не какъ кротъ,—онъ тяготился и страдалъ своей жизнью.

Такъ было до тѣхъ поръ, пока внезапный свѣтъ всеобщаго протеста и всеобщаго напряженія, какъ молнія, не освѣтилъ для него все и, какъ молнія, не убилъ его.

М. Арцыбашевъ.

Тройка.

И какой же русскій не любитъ быстрой ѣзды? Его ли душѣ, стремящейся закружиться, загуляться, сказать иногда: „чортъ побери все!“ его ли душѣ не любить ея? Ея ли не любить, когда въ ней слышится что-то восторженно-чудное? Кажись, невѣдомая сила подхватила тебя на крыло къ себѣ, и, самъ летишь, и все летитъ: летятъ версты, летятъ навстрѣчу купцы на облучкахъ своихъ кибитокъ, летитъ съ обѣихъ сторонъ лѣсъ съ темными строями елей и сосенъ, съ топорнымъ стукомъ и вороньимъ крикомъ; летитъ вся дорога нивѣсть куда въ пропадающую даль; и что-то страшное заключено въ семъ быстромъ мельканьи, гдѣ не успѣваетъ означиться пропадающій предметъ, только небо надъ головою, да легкія тучи, да продирающійся мѣсяцъ одни кажутся недвижимы. Эхъ тройка, птица тройка! кто тебя выдумалъ? Знать, у бойкаго народа ты могла только родиться,—въ той землѣ, что не любитъ шутить, ровнемъ-гладнемъ разметнулась на полсвѣта, да и ступай считать версты, пока не зарябитъ тебѣ въ очи. И не хитрый, кажись, дорожный снарядъ, не желѣзнымъ схваченъ винтомъ, а наскоро живьемъ, съ однимъ топоромъ да долотомъ, снарядилъ и собралъ тебя ярославскій расторопный мужикъ. Не въ нѣмецкихъ ботфортахъ ямщикъ; борода да рукавицы, и сидитъ, чортъ знаетъ на чемъ; а привсталъ, да замахнулся, да затянулъ пѣсню—кони вихремъ, спицы въ колесахъ смѣшались въ одинъ гладкій кругъ, только дрогнула дорога, да вскрикнулъ въ испугѣ остановившійся пѣшеходъ—и вотъ она понеслась, понеслась, понеслась!... И вонъ уже видно вдали, какъ что-то пылитъ и сверлитъ воздухъ.

Н. В. Гоголь.

М. Горькій.

Пѣсня о соколѣ.

I.

Высоко въ горы вползъ Ужъ и легъ тамъ въ сыромъ ущельѣ, свернувшись въ узелъ и глядя въ море.

Высоко въ небѣ сіяло солнце, и горы зноемъ дышали въ небо, и бились волны внизу о камень...

И по ущелью, во тьмѣ и въ брызгахъ, потокъ стремился навстрѣчу морю, скача чрезъ камни.

Весь въ бѣлой пѣнѣ, сѣдой и сильный, онъ рѣзалъ гору и падалъ въ море, сердито воя.

Вдругъ въ то ущелье, гдѣ Ужъ свернулся, палъ съ неба Соколъ съ разбитой грудью, въ крови на перьяхъ...

Съ короткимъ крикомъ онъ палъ на землю и бился грудью въ безсильномъ гнѣвѣ о твердый камень...

Ужъ испугался, отползъ проворно, но скоро понялъ, что жизни птицы двѣ-три минуты...

Подползъ онъ ближе къ разбитой птицѣ и прошипѣлъ онъ ей прямо въ очи:

— Что умираешь?

— Да, умираю!—отвѣтилъ Соколъ, вздохнувъ глубоко.—Я славно пожилъ!.. Я знаю счастье!.. Я храбро бился!.. Я видѣлъ небо... Ты не увидишь его такъ близко!.. Эхъ, ты, бѣдняга!

— Ну, что же небо?—Пустое мѣсто... Какъ мнѣ тамъ ползать? Мнѣ здѣсь прекрасно... тепло и сыро!

Такъ Ужъ отвѣтилъ свободной птицѣ и усмѣхнулся въ душѣ надъ нею за эти бредни.

И такъ подумалъ: „летай иль ползай, конецъ извѣстенъ: всѣ въ землю лягутъ, все прахомъ будетъ"...

Но Соколъ смѣлый вдругъ встрепенулся, привсталъ немного и по ущелью повелъ очами.

Сквозь сѣрый камень вода сочилась, и было душно въ ущельѣ темномъ и пахло гнилью.

И крикнулъ Соколъ съ тоской и болью, собравъ всѣ силы:

— О, если бъ въ небо хоть разъ подняться!.. Врага прижалъ бы я... къ ранамъ груди и... захлебнулся бъ моей онъ кровью!.. О, счастье битвы!..

А Ужъ подумалъ: „должно быть, въ небѣ и въ самомъ дѣлѣ пожить пріятно, коль онъ такъ стонетъ!.."

И предложилъ онъ свободной птицѣ:—„А ты подвинься на край ущелья и внизъ бросайся.

— Быть можетъ, крылья тебя поднимутъ и поживешь ты еще немного въ твоей стихіи."

И дрогнулъ Соколъ и, слабо крикнувъ, пошелъ къ обрыву, скользя когтями по слизи камня.

И подошелъ онъ, расправилъ крылья, вздохнулъ всей грудью, сверкнулъ очами и... внизъ скатился.

И самъ, какъ камень, скользя по скаламъ, онъ быстро падалъ, ломая крылья, теряя перья...

Волна потока его схватила и, кровь омывши, одѣла въ пѣну, умчала въ море.

А волны моря съ печальнымъ ревомъ о камень бились. И трупа птицы не видно было въ морскомъ пространствѣ.

II.

Въ ущельи лежа, Ужъ думалъ долго о смерти птицы, о страсти къ небу.

И вотъ взглянулъ онъ въ ту даль, что вѣчно ласкаетъ очи мечтой о счастьѣ.

— А что онъ видѣлъ, умершій Соколъ, въ пустынѣ этой безъ дна и края? Зачѣмъ такіе, какъ онъ, умерши, смущаютъ душу своей любовью къ полетамъ въ небо? Что имъ тамъ ясно? А я вѣдь могъ бы узнать все это, взлетѣвши въ небо хоть не надолго.

Сказалъ и—сдѣлалъ. Въ кольцо свернувшись онъ прянулъ въ воздухъ и узкой лентой блеснулъ на солнцѣ.

Рожденный ползать—летать не можетъ!.. Забывъ объ этомъ, онъ палъ на камни, но не убился, а разсмѣялся...

— Такъ вотъ въ чемъ прелесть полетовъ въ небо! Она въ паденьи!.. Смѣшныя птицы! Земли не зная, на ней тоскуя, онѣ стремятся высоко въ небо и ищутъ жизни въ пустынѣ знойной. Тамъ только пусто. Тамъ много свѣта, но нѣтъ тамъ пищи и нѣтъ опоры живому тѣлу. Зачѣмъ же гордость? Зачѣмъ укоры? Затѣмъ, чтобъ ею прикрыть безумство своихъ желаній и скрыть за ними свою негодность для дѣла жизни? Смѣшныя птицы!.. Но не обманутъ теперь ужъ больше меня ихъ рѣчи! Я самъ все знаю! Я—видѣлъ небо... Взлеталъ въ него я, его измѣрилъ, позналъ паденье, но не разбился, а только крѣпче въ себя я вѣрю. Пусть тѣ, что землю любить не могутъ, живутъ обманомъ. Я знаю правду. И ихъ призывамъ я не повѣрю. Земли творенье—землей живу я.

И онъ свернулся въ клубокъ на камнѣ, гордясь собою.

Блестѣло море, все въ яркомъ свѣтѣ, и грозно волны о берегъ бились.

Въ ихъ львиномъ ревѣ гремѣла пѣсня о гордой птицѣ, дрожали скалы отъ ихъ ударовъ, дрожало небо отъ грозной пѣсни.

„Безумству храбрыхъ поемъ мы славу!

„Безумство храбрыхъ — вотъ мудрость жизни!“ О, смѣлый Соколъ! Въ бою съ врагами истекъ ты кровью... Но будетъ время — и капли крови твоей горячей, какъ искры, вспыхнутъ во мракѣ жизни и много смѣлыхъ сердецъ зажгутъ безумной жаждой свободы, свѣта!

„Пускай ты умеръ!.. Но въ пѣснѣ смѣлыхъ и сильныхъ духомъ всегда ты будешь живымъ примѣромъ, призывомъ гордымъ къ свободѣ, къ свѣту!

„Безумству храбрыхъ поемъ мы пѣсню!..“

М. Горькій.

На городской площади.

Посвящаю жителямъ города Приволжска.

На лучшей площади Приволжска, какъ плѣнница, за рѣшеткой, охраняемая четырьмя фонарями, стоитъ на гранитномъ пьедесталѣ фигура богини Кліо.

— Эй! паштенный! — услышалъ я чей-то голосъ.

Я поднялъ голову. На лѣстницѣ, приставленной къ фонарю, стоялъ солдатъ. Онъ чистилъ стекла въ фонарѣ.

— Начто на рѣшетку становишься? Не приказано.

— Я снялъ ногу.

— Дьяволъ! Пра-дьяволъ! — бурчитъ солдатъ, — занапрасно зажигай.

— Кого это ты ругаешь? — спросилъ я.

— Да вотъ чорта-то! Прости Господи! — Онъ указалъ на Кліо. — Занапрасно зажигай.

— Не знаешь ли, милый, зачѣмъ она тутъ поставлена? — спросилъ я.

— Нешто вы не здѣшній?

— Нѣтъ, пріѣзжій.

— Для чего? Извѣстно, для чего! Для пожарной команды.

— Какъ для пожарной команды?!

— Какъ? Такъ и для пожарной. Кармазиной прозывается.

— Кармазина?

— Кармазина. Чтобъ, значитъ, кругъ ее скакать. Губернаторъ тоже бываетъ. Многіе одобряютъ.

— Зачѣмъ же скакать?

— Какъ зачѣмъ? Извѣстно, какъ теперича тревога фальшивая бываетъ временемъ. Ну, сичасъ брамбестеръ командовать. Значитъ, ѣхать къ Кармазиной.

— И ѣдутъ?

— Ѣдутъ. Тоже вѣдь начальство, а самъ отъ выѣденнаго яйца не стоитъ.

— Кто, Кармазина-то?

— Нѣтъ, брамбестеръ.—Кармазина что?! Кармазина како начальство! Ей честь тоже не лучше нашего.

— А это кто?—спрашиваю я, показывая на маленькій бюстъ, стоящій въ нишѣ, сдѣланной въ гранитномъ пьедесталѣ.

— Это, слышь, любовникъ.

— Кармазиной-то?

— Ея. Хорошенько-то не знаю. Я дальный, страханскій.

Солдатъ ушелъ.

Вотъ идетъ какой-то господинъ съ дамой.

— Ну, какъ вамъ нравится нашъ городъ?—спрашиваетъ онъ спутницу.

— Tout est brûle?.. Николай Петровичъ! Кому этотъ памятникъ?

— Э... писателю одному. Позвольте, какъ его фамилія-то?... на К начинается. Ахъ, батюшки!..

— Крестовскій?!

— Ахъ, нѣтъ! Изъ прежнихъ. На языкѣ вертится... дворянинъ еще здѣшній! Исторію написалъ... Ка, Ка, гм, Ка...

— Знаю, знаю! Кайдановъ?

— Нѣтъ-съ, не Кайдановъ.

— Какъ не Кайдановъ? Я сама училась. Кайдановъ, да еще Устряловъ, только двое.

— Да нѣтъ-съ. Вотъ придемъ, домой, Pierre знаетъ. Да и я помнилъ.

— А скажите, пожалуйста, въ какомъ онъ странномъ костюмѣ! Точно женщина... и съ косой...

— Это не онъ самъ.

— Кто же, жена, что ли?

— Не знаю, право, кто. Я думаю, не больше какъ фантазія мастера, который дѣлалъ.

— Отчего же его не поставили?

— Нельзя было.

— Отчего?—допытывается барыня.

— Потому что... мужчина... Что хорошаго? Нѣтъ, знаете, этой граціи, нѣжности... Да и цѣли-то никакой нѣтъ. Женщина—лучше... Вотъ за границей Баварія, тоже женщина...

...Ахъ, отличная статуя! Я лазилъ въ нее...

И, увидя подходящихъ мужиковъ, они удалились. Мужики, приблизившись къ рѣшеткѣ, были, видимо, въ нерѣшительности: перекреститься или нѣтъ, но все-таки не перекрестились. Они усѣлись на приступкахъ. Въ это время къ памятнику подошли еще двое мастеровыхъ.

— Ишь ты! Почитай, весь городъ сгорѣлъ, а баба цѣла.

— Што ей сдѣлатся! Всю жизнь должна каяться. Потому и не гибнетъ. Божье произволеніе...

— Извѣстно, Божье. И какъ теперича, братецъ ты мой, чай ея душеньки обидно—бяда!

— Ищо бы. Хошь до тебя доведись.

— Я?.. я, братъ, ни за что. Что хочь дѣлай, а на это я не согласенъ.

— Кому пріятно.

— Знаешь, кому это сдѣлать слѣдоватъ?

— Кому?

— Нашему хозяину.

— И какой ехидный! И какой ехидный!

— Ты что думаешь—онъ деньги отдастъ? Ни въ жисть. Какъ есть Кармазинъ настоящій.

— Вотъ, Ванька, какъ кого обругать—сичасъ Кармазинъ, а душа-то ея страдатъ.

— За дѣло! Не губи христіанъ православныхъ.

— Рай много народу померло отъ нея?

— Столь народу извела, что и... и... и...

— Робя! Не гожа этто сидѣть, ади лучи къ церкви Миколай Чудотворцу,—слышится въ толпѣ у мужиковъ.

— Чѣмъ она изводила? Корнями, что ли?

— Како корнями; корнями бы ничево.

— Чѣмъ же?

— А вотъ вишь ты! Идетъ теперича мастеровой, аль баринъ какой, вотъ онъ сичасъ глядитъ, и сичасъ приглашаетъ, такъ и такъ, говоритъ, желаете, говоритъ, ко мнѣ зайтить? Отчево не зайтить? Ты зашелъ. Ну, тамъ сичасъ, извѣстно, чай, водки эфтой сколько хочь.

— А она съ ядомъ?

— Нѣтъ, бизъ яду. Ты теперичи водку выпилъ. Хорошо. Какъ бы ты сейчасъ захмелѣешь, она и начинаетъ, значитъ, предъ тобой изворачиваться и всячески, примѣрно, тебя тревожить.

— А не трогатъ?

— Ну. Какъ растревожитъ, знаешь, человѣкъ, ровно тряпка, али мочена подошва сдѣлается, ну хорошо, и начнетъ таять. И таетъ и таетъ... а она сичасъ ножикомъ горло-то—чи-и-къ... кровь-то и вылокатъ.

— Окаянная...

Они замолчали и перешли на другую сторону памятника.

— А вотъ самъ пальциместеръ.

— Гдѣ?

— Вотъ въ конкуркѣ-то.

Онъ указалъ на бюстъ въ нишѣ.

— Не похожъ.

— Да рай нонишній. Эфто прежній.

— Видно тоже народъ губилъ?

— Нѣтъ. Онъ, знашъ, былъ лютой больно на бабъ. Ты слушай, каку онъ механику подсмолилъ.

— Сказывай скоре, да ади домой.

— Слушай. Какъ, знашъ, она сгубила народу тысячи двѣ, услыхалъ пальциместеръ.—Кто такой? спрашиваетъ. Ему сичасъ буточникъ докладывать. Въ чьемъ фарталѣ?

— Въ моемъ, ваше высокоблагородіе. Ладу нѣтъ. Ужъ я, говоритъ, всячески ублажалъ.— Все губитъ?— Все губитъ, ваше высокоблагородіе. - Какъ зовутъ? спрашиватъ.—Крамазина.—Крамазина?—Крамазина, ваше высокоблагородіе.—Крамазина, хорошо. Опосля эфтаго узялъ онъ ее самъ ловить. Долго, знашъ, ловилъ, одначе пымалъ.

— Чай, каку баню далъ?!

— Бяда. Слушай ты. Теперича ты здѣшняго палача видѣлъ? Мужикъ здоровый... ну хлестать. Онъ хлещитъ, она не кричитъ; онъ сильнѣ—она не кричитъ. Скончалась, говоритъ. Дохторъ подошелъ, поглядѣлъ, а она мѣдна.

— Врешь...

— Дохторъ, какъ стоялъ, такъ и померъ, начальства тоже вся за нимъ скончалась. Опосля, значитъ, какъ ее зачали здѣсь ставить, она сказала, чуть, знашъ, слышно: я, говоритъ, неповинна. Одначе не простили —поставили.

— Съ чего же, Ванька, вся начальства померла?

— Отъ ее.

— А пальциместеръ?

— Пальциместеръ—живъ.

— А какъ нонишній помретъ,—его тоже съ ней поставятъ?

— Что не поставить! безпримѣнно поставятъ.

— А ты сказывашъ, она мѣдна?

— Мѣдна.

Вдругъ одинъ изъ мастеровыхъ схватилъ камень и съ ругательствомъ кинулъ его въ богиню. Оба бросились бѣжать.

— И какъ, чай, ея душеньки-то обидно, вспомнились мнѣ слова мастерового.

В. А. Андреевъ-Бурлакъ.

А. И. Купринъ.

Счастье.

Сказка.

Одинъ великій царь велѣлъ привести къ себѣ поэтовъ и мудрецовъ своей страны. И спросилъ онъ ихъ:

— Въ чемъ счастье?

— Въ томъ,—отвѣтилъ поспѣшно первый,—чтобы всегда видѣть сіяніе твоего божественнаго лица и вѣчно чувствовать...

— Выколоть ему глаза—сказалъ царь равнодушно.—Слѣдующій!..

— Счастье—это власть. Ты, царь, счастливъ! вскричалъ второй.

Но царь возразилъ съ горькой улыбкой:

— Однако, я страдаю геморроемъ и не властенъ исцѣлить его. Вырвать ему ноздри, канальѣ. Дальше!..

— Быть богатымъ!—сказалъ, заикаясь, слѣдующій.

Но царь отвѣтилъ:

— Я богатъ, а вопрошаю о счастьѣ. Довольно ли тебѣ слитка золота вѣсомъ въ твою голову?

— О, царь!..

— Ты получишь его. Привяжите ему на шею

слитокъ золота вѣсомъ въ его голову и бросьте этого нищаго въ море.

И царь крикнулъ нетерпѣливо:—Четвертый!

Тогда вползъ на животѣ человѣкъ въ лохмотьяхъ, съ лихорадочными глазами, и забормоталъ:

— О, премудрый! Я хочу малаго! Я голоденъ! Сдѣлай меня сытымъ, и я буду счастливъ и прославлю имя твое во всей вселенной.

— Накормите его,—сказалъ царь брезгливо.— И, когда онъ умретъ отъ объяденія, придите сказать мнѣ объ этомъ.

И пришли также двое. Одинъ—мощный атлетъ съ розовымъ тѣломъ и низкимъ лбомъ. Онъ сказалъ со вздохомъ: „счастье въ творчествѣ". А другой былъ блѣдный, худой поэтъ, на щекахъ котораго горѣли красныя пятна. И онъ сказалъ: „счастье въ здоровьѣ".

Царь же улыбнулся съ горечью и произнесъ:

— Если бы въ моей волѣ было перемѣнить ваши судьбы, то черезъ мѣсяцъ ты, о, поэтъ, молилъ бы боговъ о вдохновеньѣ, а ты, о, подобіе Геркулеса, бѣгалъ бы къ врачамъ за редукаціонными пилюлями. Идите оба съ миромъ. Кто тамъ еще?

— Смертный!—сказалъ гордо седьмой, украшенный цвѣтами нарциса.—Счастье въ небытіи!

— Отрубите ему голову!—молвилъ лѣниво властелинъ.

— Царь, о, царь, помилуй!.. залепеталъ приговоренный и сталъ блѣднѣе лепестковъ нарциса... Я не то хотѣлъ сказать.

Но царь устало махнулъ рукой, зѣвнулъ и произнесъ:

— Уведите его... Отрубите ему голову. Слово царя твердо, какъ агатъ.

Приходили еще многіе. Одинъ изъ нихъ сказалъ только два слова:

— Женская любовь!..

— Хорошо,—согласился царь,—дайте ему сотню красивѣйшихъ женщинъ и дѣвушекъ моей стра-

ны. Но дайте ему также и кубокъ съ ядомъ. А когда настанетъ время—скажите мнѣ: я приду посмотрѣть на его трупъ.

И еще одинъ сказалъ:

— Счастье въ томъ, чтобы каждое мое желаніе исполнялось мгновенно.

— А что ты сейчасъ хочешь?—спросилъ лукаво царь.

— Я?

— Да. Ты.

— Царь... вопросъ слишкомъ неожиданъ.

— Закопать его живымъ въ землю... Ахъ, и еще одинъ мудрецъ? Ну, ну. Подойди поближе... Можетъ быть, ты знаешь, въ чемъ счастье?

Мудрецъ же—и онъ былъ истинный мудрецъ—отвѣтилъ:

— Счастье въ прелести человѣческой мысли.

Брови у царя дрогнули, и онъ закричалъ гнѣвно:

— Ага! Человѣческая мысль! Что такое человѣческая мысль?

Но мудрецъ—ибо онъ былъ истинный мудрецъ—лишь улыбнулся сострадательно и ничего не отвѣтилъ.

Тогда царь велѣлъ ввергнуть его въ подземную темницу, гдѣ была вѣчная темнота, и гдѣ не было слышно ни одного звука извнѣ. И когда черезъ годъ привели къ царю узника, который ослѣпъ, оглохъ и едва держался на ногахъ, то на вопросъ царя——„Что? и теперь ты счастливъ?“—мудрецъ отвѣтилъ спокойно!

— Да, я счастливъ. Сидя въ тюрьмѣ, я былъ и царемъ, и богачемъ, и влюбленнымъ, и сытымъ, и голоднымъ,—все это давала мнѣ моя мысль.

— Что же такое мысль?—воскликнулъ царь нетерпѣливо.—Знай, что черезъ пять минутъ я тебя повѣшу и плюну въ твое проклятое лицо! Утѣшитъ ли тебя тогда твоя мысль? И гдѣ будутъ тогда мысли, которыя ты расточалъ по землѣ?

Мудрецъ же отвѣтилъ спокойно, ибо онъ былъ истинный мудрецъ:

— Дуракъ! мысль безсмертна.

А. Купринъ.

Винтъ.

Въ одну скверную осеннюю ночь Андрей Степановичъ Пересолинъ ѣхалъ изъ театра. Ѣхалъ онъ и размышлялъ о той пользѣ, какую приносили бы театры, если бы въ нихъ давались пьесы нравственнаго содержанія. Проѣзжая мимо правленія, онъ бросилъ думать о пользѣ и сталъ глядѣть на окна дома, въ которомъ онъ, выражаясь языкомъ поэтовъ и шкиперовъ, управлялъ рулемъ. Два окна, выходящія изъ дежурной комнаты, были ярко освѣщены.

— Неужели они до сихъ поръ съ отчетомъ возятся?—подумалъ Пересолинъ.—Четыре ихъ тамъ дурака, и до сихъ поръ еще не кончили? Чего добраго, люди подумаютъ, что я имъ ночью покою не даю. Пойду погоню ихъ... Остановись, Гурій!

Пересолинъ вылѣзъ изъ экипажа и пошелъ въ правленіе. Парадная дверь была заперта, задній же ходъ, имѣвшій одну только испортившуюся задвижку, былъ настежь. Пересолинъ воспользовался послѣднимъ, и черезъ какую-нибудь минуту стоялъ уже у дверей дежурной комнаты. Дверь была слегка отворена и Пересолинъ, взглянувъ въ нее, увидѣлъ нѣчто необычайное. За столомъ, заваленнымъ большими счетными листами, при свѣтѣ двухъ лампъ, сидѣли четыре чиновника и играли въ карты. Сосредоточенные, неподвижные, съ лицами, окрашенными въ зеленый цвѣтъ отъ абажуровъ, они напоминали сказочныхъ гномовъ или, чего Боже избави, фальшивыхъ монетчиковъ... Еще болѣе таинственности придавала имъ ихъ игра; судя по ихъ манерамъ и карточнымъ терминамъ, которые они изрѣдка выкрикивали, то былъ винтъ; судя же по всему тому, что услышалъ Пересолинъ, эту игру нельзя было назвать ни винтомъ, ни даже игрой въ карты. То было нѣчто неслыханное, странное и таинственное... Въ чиновникахъ Пересолинъ узналъ Серафима Звиздулина, Степана Кулакевича, Еремѣя Недоѣхова и Ивана Писулина.

— Какъ это ты ходишь, чортъ голландскій,—разсердился Звиздулинъ, съ остервенѣніемъ глядя на своего партнера vis-à-vis.—Развѣ такъ можно ходить? У меня на рукахъ былъ Дороѳеевъ самъ-другъ, Шепелевъ съ женой, да Степка Ерлаковъ, а ты ходишь съ Кофейкина. Вотъ мы и безъ двухъ! А тебѣ бы, садовая голова, съ Поганкина ходить!

– Ну и что жъ тогда бы вышло?—окрысился партнеръ.—Я пошелъ бы съ Поганкина, а у Ивана Андреевича Пересолинъ на рукахъ.

— Мою фамилію къ чему-то приплели...—пожалъ плечами Пересолинъ.—Не понимаю!

Писулинъ сдалъ снова и чиновники продолжали:

— Государственный банкъ...

— Два—казенная палата...

— Безъ козыря...

— Ты безъ козыря?? Гм!.. Губернское правленіе—два... Погибать—такъ погибать, шутъ возьми! Тотъ разъ на народномъ просвѣщеніи безъ одной остался, сейчасъ на губернскомъ правленіи нарвусь. Плевать!

— Маленькій шлемъ на народномъ просвѣщеніи!

— Не понимаю! прошепталъ Пересолинъ.

— Хожу со статскаго... Бросай, Ваня, какого-нибудь титуляшку или губернскаго.

— Зачѣмъ намъ титуляшку? Мы и Пересолинымъ хватимъ...

— А мы твоего Пересолина по зубамъ... по зубамъ... У насъ Рыбниковъ есть. Быть вамъ безъ трехъ! Показывайте Пересолиху! Нечего вамъ ее, каналью, за обшлагъ прятать!

— Мою жену затрогали... подумалъ Пересолинъ...—Не понимаю.

И, не желая долѣе оставаться въ недоумѣніи. Пересолинъ открылъ дверь и вошелъ въ дежурную, Если бы передъ чиновниками явился самъ чортъ съ рогами и съ хвостомъ, то онъ не удивилъ бы и не испугалъ такъ, какъ испугалъ и удивилъ ихъ начальникъ. Явись передъ ними умершій въ прошломъ году экзекуторъ, проговори онъ имъ гробовымъ голосомъ: „идите за мной, аггелы, въ мѣсто уготован-

ное канальямъ", и дыхни онъ на нихъ холодомъ могилы, они не поблѣднѣли бы такъ, какъ поблѣднѣли, узнавъ Пересолина. У Недоѣхова отъ перепугу даже кровь изъ носа пошла, а у Кулакевича забарабанило въ правомъ ухѣ и самъ собою развязался галстукъ. Чиновники побросали карты, медленно поднялись и, переглянувшись, устремили свои взоры на полъ. Минуту въ дежурной царила тишина...

— Хорошо же вы отчетъ переписываете!—началъ Пересолинъ.—Теперь понятно, почему вы такъ любите съ отчетомъ возиться... Что вы сейчасъ дѣлали?

— Мы только на минутку, ваше-ство... прошепталъ Звиздулинъ.—Карточки разсматривали... Отдыхали...

Пересолинъ подошелъ къ столу и медленно пожалъ плечами. На столѣ лежали не карты, а фотографическія карточки обыкновеннаго формата, снятыя съ картона и наклеенныя на игральныя карты. Карточекъ было много. Разсматривая ихъ, Пересолинъ увидѣлъ себя, свою жену, много своихъ подчиненныхъ, знакомыхъ...

— Какая чепуха... Какъ же это вы играете?

— Это не мы, ваше-ство, выдумали... Сохрани Богъ... Это мы только примѣръ взяли...

— Объясни-ка, Звиздулинъ! Какъ вы играли? Я все видѣлъ и слышалъ, какъ вы меня Рыбниковымъ били... Ну, чего мнешься? Вѣдь я тебя не ѣмъ? Разсказывай!

Звиздулинъ долго стѣснялся и трусилъ. Наконецъ, когда Пересолинъ сталъ сердиться, фыркать и краснѣть отъ нетерпѣнія, онъ послушался. Собравъ карточки и перетасовавъ, онъ разложилъ ихъ по столу о началъ объяснять:

— Каждый портретъ, ваше-ство, какъ и каждая карта, свою суть имѣетъ... значеніе. Какъ и въ колодѣ, такъ и здѣсь 52 карты и четыре масти... Чиновники казенной палаты—черви, губернское правленіе—трефы, служащіе по министерству народнаго просвѣщенія—бубны, а пиками будетъ отдѣленіе го-

сударственнаго банка. Ну-съ... Дѣйствительные статскіе совѣтники у насъ тузы, статскіе совѣтники—короли, супруги особъ IV и V класса—дамы, коллежскіе совѣтники—валеты, надворные совѣтники—десятки, и такъ далѣе. Я, напримѣръ,—вотъ моя карточка,—тройка, такъ какъ, будучи губернскій секретарь...

— Ишь ты... Я, стало быть, тузъ?

— Трефовый-съ, а ея превосходительство—дама-съ...

— Гм!.. Это оригинально... А ну-ка, давайте сыграемъ! Посмотрю...

Пересолинъ снялъ пальто и, недовѣрчиво улыбаясь, сѣлъ за столъ. Чиновники тоже сѣли по его приказанію, и игра началась...

Сторожъ Назаръ, пришедшій въ семь часовъ утра мести дежурную комнату, былъ пораженъ. Картина, которую увидѣлъ онъ, войдя со щеткой, была такъ поразительна, что онъ помнитъ ее теперь даже тогда, когда, напившись пьянъ, лежитъ въ безпамятствѣ. Пересолинъ, блѣдный, сонный и непричесанный, стоялъ передъ Недоѣховымъ и, держа его за пуговицу, говорилъ:

— Пойми же, что ты не могъ съ Шепелева ходить, если зналъ, что у меня на рукахъ я самъчетвертъ. У Звиздулина Рыбниковъ съ женой, три учителя гимназіи, да моя жена, у Недоѣхова банковцы и три маленькихъ изъ губернской управы. Тебѣ бы нужно было съ Крышкина ходить! Ты не гляди, что они съ казенной палаты ходятъ! Они себѣ на умѣ!

— Я, ваше-ство, пошелъ съ титулярнаго, потому, думалъ, что у нихъ дѣйствительный.

— Ахъ, голубчикъ, да вѣдь такъ нельзя думать! Это не игра! Такъ играютъ одни только сапожники. Ты разсуждай!.. Когда Кулакевичъ пошелъ съ надворнаго губернскаго правленія, ты долженъ былъ бросать Ивана Ивановича Гренландскаго, потому что зналъ, что у него Наталья Дмитріевна самътретей съ Егоръ Егорычемъ... Ты все испортилъ!

Я тебѣ сейчасъ докажу. Садитесь, господа, еще одинъ роберъ сыграемъ!

И, уславши удивленнаго Назара, чиновники усѣлись и продолжали игру...

А. П. Чеховъ.

Странница.

Странница шепеляво разсказываетъ московской купчихѣ, окруженной приживалками съ собачками на рукахъ, о томъ, гдѣ и когда она побывала. Всѣ внимательно ее слушаютъ, за исключеніемъ великовозрастнаго сына купчихи, гимназиста, который углубился въ чтеніе интереснаго романа: „Клятва въ подземномъ коридорѣ, или отъ лысины не уйдешь."

Странница продолжаетъ разсказъ.

— Всюду, матушка моя, я побывала, всюду... сподобилась, матушка... На Аѳонъ-гору взбиралась, до Русалима съ посохомъ ходила, пупъ земли видала, въ Соловкахъ бывала, на Кіевъ-городъ лазила, ко всѣмъ гробамъ прикладывалась, во всѣхъ лавріяхъ, матушка, тоже побывала, сподобилась...

Гимназисту надоѣло слушать и онъ, бросивъ книгу, задаетъ вопросъ страницѣ:

— Ну, а Сару Бернаръ видѣла?

— Какъ же, красавецъ мой писанный, сподобилась... Въ Соловецкой лавріи рядышкомъ лежатъ,—вотъ этакъ лежитъ Сарочка, а рядомъ съ ней Бернарочка... Сподобилась, родненькій, прикладывалась!..

Н. Н.

И. Ѳ. Горбуновъ.

Производство въ генералы полковника Дитятина.

Я пролилъ кровь и, лежа на койкѣ, ждалъ послѣдствій. Хирургія уже въ мое время оказала успѣхи. Штабъ-лекарь Николай Пироговъ, обративъ вниманіе на мое серьезное положеніе, далъ мнѣ понюхать капель, и я впалъ въ сонное состояніе, послѣ чего онъ отдѣлилъ мнѣ половину черепа, вынулъ мозги, перемылъ ихъ и положилъ на тарелку. Дѣйствіе капель стало проходить и я, какъ сквозь сонъ, вдругъ услышалъ:

— Главнокомандующій требуетъ.

— Кого?

— Полковника Дитятина.

Я встрепенулся.

— Видите.

— Что съ нимъ?

— Апперація.

— Но, докторъ,—возразилъ адъютантъ:—отъ этого момента зависитъ дальнѣйшая карьера полковника Дитятина.

— Я хорошо понимаю, — подумавъ, сказалъ

штабъ-лекарь Николай Пироговъ, такъ какъ онъ всегда былъ умнымъ человѣкомъ.

И, взявъ крышку моего черепа, онъ надѣлъ ее опять на прежнее мѣсто, а кожу зашилъ.

— Я могу отпустить больного къ главнокомандующему,—произнесъ онъ,—но безъ мозговъ, чтобы онъ возвращенъ былъ ко мнѣ для продолженія апперацiи.

Мнѣ были даны новыя капли, и я раскрылъ глаза.

Адъютантъ вѣжливо повторилъ приказаніе. Я всталъ и застегнулъ помочи.

Штабъ-лекарь Пироговъ предостерегъ:

— Полковникъ, дальнѣйшая карьера ваша требуетъ немедленнаго представленія вашего къ главнокомандующему, но интересы науки...

Тутъ онъ указалъ на мои мозги.

Хорошо помню: они были совершенно чисты и немного плоски. Я съ умиленіемъ, но безъ сожалѣнія, посмотрѣлъ на нихъ, молча и значительно пожалъ руку штабъ-лекарю Пирогову и явился къ главнокомандующему.

— Вы полковникъ Дитятинъ?

— Такъ точно, ваше-ство.

— Вы вели себя геройски.

— Радъ стараться, ваше-ство.

Онъ протянулъ руку и пришпилилъ къ моей груди георгіевскій крестъ.

— Поздравляю васъ, генералъ Дитятинъ.

Не знаю, что со мною сдѣлалось, но я какъ-то сразу понялъ, что такихъ людей, какъ я, немного въ Россіи. Я не прослезился, но я проникся самоуваженіемъ и увидѣлъ, чтс я могу быть выше предразсудковъ. Именно, тогда во мнѣ ясно формулировалось призваніе направлять, принесшее мнѣ впослѣдствіи столько разочарованій, такъ какъ наступило другое время. Возвратившись въ госпиталь, я сказалъ штабъ-лекарю Николаю Пирогову:

— Я георгіевскій кавалеръ и генералъ.—А о мозгахъ забудьте. Въ настоящемъ моемъ положеніи это было бы неприлично. Наука не должна за-зна-а-ваться.

— Ваше превосходительство,— началъ было штабъ-лекарь Николай Пироговъ.

Но я остановилъ его ласковымъ мановеніемъ пальца и сказалъ:

— Непреодолимъ.

Штабъ-лекарь Николай Пироговъ не возражалъ, убралъ мозги и вскорѣ получилъ извѣстность.

И. Ѳ. Горбуновъ.

Тостъ генерала Дитятина.

Мм. гг!.. Вы собрались сюда чествовавать литератора 40-годовъ Ивана Тургенева... Я противъ этого ничего не имѣю, и, по приглашенію гг. директоровъ, явился сюда не приготовленнымъ встрѣтить здѣсь такое собраніе россійскаго ума и образованности. Хотѣлось бы и говорить, но говорить, находясь среди васъ, трудно: во 1-хъ, разница нашихъ взглядовъ, во 2-хъ, мое оффиціальное положеніе, въ 3-хъ, присущая людямъ нашей эпохи осторожность: насъ учили болѣе осматриваться, чѣмъ всматриваться; больше думать, чѣмъ говорить; однимъ словомъ, насъ учили тому, чему, къ сожалѣнію, уже не учатъ теперь. Мм. гг! Вы слишкомъ молоды. Изъ васъ нѣтъ ни одного, который былъ бы свидѣтелемъ того перелома и треска въ литературѣ, котораго я былъ свидѣтелемъ.

„Въ началѣ 30-хъ годовъ,—выражаясь риторическимъ языкомъ,—среди безоблачнаго неба, тайный совѣтникъ Дмитріевъ внезапно былъ обруганъ семинаристомъ Каченовскимъ. Подняли шумъ... Критикъ скрылся... Далѣе, генералъ-лейтенантъ, сочинитель

патріотической исторіи 12-года, Михайловскій-Даниловскій, былъ обруганъ. Были приняты мѣры... стало тихо. Но на почвѣ, усѣянной, удобренной мыслителями 30-хъ годовъ, показались всходы; эти всходы заколосились и первый тучный колосъ, сорвавшійся со стебля въ 40-хъ годахъ, были „Записки Охотника," принадлежащія перу чествуемаго вами литератора, отставного коллежскаго секретаря Ивана Тургенева.

„Въ просторѣ солдатскаго сердца я взялъ эту книгу, думая найти въ ней записки какого-либо военнаго охотника... Оказалось, что подъ поэтической оболочкой скрываются такія мысли, о которыхъ я не рѣшился не доложить графу Закревскому. Графъ сказалъ: „я знаю." Я въ разговорѣ упомянулъ объ этомъ князю Сергію Михайловичу Голицыну. Онъ говоритъ: „это дѣло администраціи, а не мое." Я сообщилъ конфиденціально митрополиту Филарету. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что это „вѣяніе времени."

„ Я увидалъ, что совершается что-то странное,—и посторонился."

„Теперь я, мм. гг., стою въ сторонѣ, пропускаю мимо себя нестройныя ряды идей, мнѣній, постоянно сбивающіеся съ ноги, и всѣмъ говорю: хорошо! Но мнѣ уже никто не отвѣчаетъ: „рады стараться, ваше превосходительство!" а только взводные кивають съ усмѣшкой головой. Я кончилъ."

И. Ѳ. Горбуновъ.

Разговоръ человѣка съ собакой.

Была лунная, морозная ночь. Алексѣй Иванычъ Романсовъ сбилъ съ рукава зеленаго чортика, отворилъ осторожно калитку и вошелъ во дворъ.

— Человѣкъ,—философствовалъ онъ, обходя помойную яму и балансируя,—есть прахъ, миражъ, пепелъ... Павелъ Николаичъ—губернаторъ, но и онъ пепелъ. Видимое величіе его—мечта, дымъ... Дунуть разъ—и нѣтъ его!

— Рррр...–донеслось до ушей философа.

Романсовъ взглянулъ въ сторону и въ двухъ шагахъ отъ себя увидѣлъ громадную черную собаку изъ породы степныхъ овчарокъ и ростомъ съ добраго волка. Она сидѣла около дворницкой будки и позвякивала цѣлью. Романсовъ поглядѣлъ на нее, подумалъ и изобразилъ на своемъ лицѣ удивленіе. Затѣмъ онъ пожалъ плечами, покачалъ головой и грустно улыбнулся.

— Рррр...—повторила собака.

— Нне-понимаю, развелъ руками Романсовъ.— И ты... ты можешь рычать на человѣка? А? Первый разъ въ жизни слышу... Побей Богъ... Да нешто тебѣ неизвѣстно, что человѣкъ есть вѣнецъ міроздания? Ты погляди... Я подойду къ тебѣ... Гляди вотъ... Вѣдь я человѣкъ? Какъ по твоему? Человѣкъ я или не человѣкъ? Объясняй!

— Рррр... Гавъ!

— Лапу!—протянулъ Романсовъ собакѣ руку.— Лапу! Не даете? Не желаете? И не нужно. Такъ и запишемъ. А пока позвольте васъ по мордѣ... Я любя...

— Гавъ! Гавъ! Рррр... гавъ! Ававъ...

— Ааа... ты кусаться? Очень хорошо, ладно. Такъ и будемъ помнить. Значить, тебѣ плевать на то, что человѣкъ есть вѣнецъ міроздания... царь животныхъ? Значитъ, изъ этого слѣдуетъ, что и Павла Николаича ты укусить можешь? Да? Передъ

Павломъ Николаичемъ всѣ ницъ падаютъ, а тебѣ— что онъ, что другой предметъ—все равно? Такъ ли я тебя понимаю? Ааа... Такъ, стало быть, ты соціалистъ? Постой, ты мнѣ отвѣчай... Ты соціалистъ?

— Рррр... гавъ! гавъ!

— Постой, не кусайся... О чемъ, бишь, я?.. Ахъ, да, насчетъ пепла. Дунетъ и—нѣтъ его! Пфф!... А для чего живемъ, спрашивается? Родимся въ болѣзняхъ матери, ѣдимъ, пьемъ, науки проходимъ, помираемъ... а для чего все это? Пепелъ! Ничего не стоитъ человѣкъ! Ты, вотъ, собака и ничего не понимаешь, а ежели бы ты могла... залѣзть въ душу! Ежели бы ты могла въ психологію проникнуть!

Романсовъ покрутилъ головой и сплюнулъ.

— Грязь... Тебѣ кажется, что я, Романсовъ, коллежскій секретарь... царь природы... Ошибаешься! Я тунеядецъ, взяточникъ, лицемѣръ!.. Я гадъ!

Алексѣй Иванычъ ударилъ кулакомъ себя по груди и заплакалъ.

— Наушникъ, шептунъ... Ты думаешь, что Егорку Корнюшкина не черезъ меня прогнали? А? А кто, позвольте васъ спросить, комитетскіе двѣсти рублей зажилилъ да на Сургучева свалилъ? Нешто не я? Гадъ, фарисей... Іуда! Подлипала, лихоимецъ... сволочь!

Романсовъ вытеръ рукавомъ слезы и зарыдалъ.

— Кусай! Ѣшь! Никто отродясь мнѣ путнаго слова не сказалъ... Всѣ только въ душѣ подлецомъ считаютъ, а въ глаза кромѣ хваленій да улыбокъ— ни-ни! Хоть бы разъ кто по мордѣ съѣздилъ да выругалъ! Ѣшь, песъ! Кусай! Рррви анаѳему! Лопай предателя.

Романсовъ покачнулся и упалъ на собаку.

— Такъ! именно такъ! Рви мордализацію! Не жалко! хоть больно, а не щади. На и руки кусай! Ага! кровь течетъ! Такъ тебѣ и нужно, шмерцу! Такъ, Мерси, Жучка... или какъ тебя? Мерси... Рви и шубу. Все одно—взятка... Продалъ ближняго и купилъ на вырученныя деньги шубу... И фуражка съ кокардой тоже... Однако, о чемъ, бишь, я?.. Пора итти... Прощай, собачечка... шельмочка...

— Рррр...

Романсовъ погладилъ собаку и, давъ ей еще разъ укусить за икру, запахнулся въ шубу и, пошатываясь, побрелъ къ своей двери..

Проснувшись на другой день въ полдень, Романсовъ увидѣлъ нѣчто необычайное. Голова, руки и ноги его были въ повязкахъ. Около кровати стояли заплаканная жена и озабоченный докторъ.

А. П. Чеховъ.

Власть имѣющій.

(Съ натуры).

Въ сторожевой будкѣ желѣзнодорожный сторожъ угощаетъ кума изъ ближней деревни.

— Вотъ что, кумъ, я человѣкъ маленькій, а власть имѣю большую. Сейчасъ долженъ пройти пассажирскій поѣздъ и мнѣ желательно его остановить!

— Ну, это ты, братъ, понапрасну: власти не имѣешь!

— Власти не имѣю... Врешь... доккажу... Теперь тамъ, къ примѣру, хоть земскій, енералъ, оберъ аль урядникъ... мнѣ все единственно... Стопъ и ни съ мѣста... Иванъ Парфеновъ желаетъ съ вами разговаривать!.. во какая власть!

— Ну, это погоди.

— Давай на полштофъ.

— Идетъ.

Сторожъ беретъ красный флагъ, выходитъ къ поѣду и даетъ сигналъ о неблагополучіи пути... Автоматическій тормазъ, испуганныя лица... Машинистъ, оберъ-кондукторъ, кое-кто изъ публики соскакиваютъ съ поѣзда... разспросы: гдѣ, на какой верстѣ? „должно быть, шпалы гнилыя“—„обыкно-

венная исторія“—слышатся голоса,—„мосты, говорятъ, здѣсь, того, ненадежные, дорогу наскоро сдѣлали... охъ, ужъ эти инженеры...“

Сторожъ добродушно улыбается...

— Пожжай дальше, все благополучно. Эфто я такъ съ кумомъ на полштофъ поспорилъ; кумъ говоритъ: власти не имѣешь, ну, а я, значитъ, въ доказательство... Трогай съ Богомъ. Чаво зря стоять-то.

— ???

Ѳ. П.

На почтовой станціи.

Ночью.

— Ямщики! Эй, ямщики! Тарантасъ подъѣхалъ...

— Вставай... чья череда-то?

— Микитки...

— Микитка!.. Слышь!.. Микитка, гладкій чортъ! тарантасъ подъѣхалъ..

Сичасъ!..

— Да какъ же ты теперича поѣдешь-то?

— А что?

— Ночью-то?!..

— Ну?

— Такъ что-же?

— По косогорамъ-то?

— Такъ тарантасъ-то вляпаешь!..

— Вляпаешь! Пятнадцать годовъ ѣзжу, да вляпаешь!..

— Ваше благородіе! Тутъ у насъ на 7-й верстѣ къ Озерецкому-то косогоры, такъ вотъ онъ поштоваго епартаменту обозначено, чтобъ сумлѣнія не было...

— Помилуйте, ваше благородіе, я пятнадцать годовъ ѣзжу...

— Онъ-тѣ въ загривокъ-то накладетъ...

— Наклалъ!.. Мазали чтолича?

— Смазано...

— Извольте садиться, ваше благородіе! Эхъ вы голубчики!..

— Смотри осторожнѣе...

— Помилуйте, сударь, я пятнадцать годовъ ѣзжу. Ямщики, извѣстно, со смотрителемъ за одно... Смотрителю то̀лько бы самовары наставлять, пользоваться... Тпру!

— Что?

— Вотъ этотъ самый косогоръ-то и есть.

— Осторожнѣе!

— Помилуйте, сударь, я пятнадцать годовъ ѣзжу. Не изволите сумнѣваться... Тпру..

— Смотри.

— Точно, что оно, опосля дождя, тутъ жидко...

— Держи!..

— Господи, ужли въ пятнадцать-то годовъ дороги не знаю..

[Тарантасъ падаетъ].

— Что-же, т̄ы, чортъ тебя возьми!..

— Поди-жъ ты! Кажинный разъ въ этомъ мѣстѣ...

И. Ѳ. Горбуновъ.

Гамлетъ.

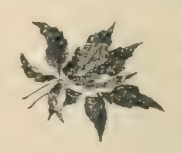
Изъ романа „Масоны“.

Идемъ, сударь ты мой, мы съ Иваномъ Петровымъ мимо тіатера. Я говорю: „Иванъ Петровъ, загляни въ объявленице, Мочаловъ значится тутъ?“—Значится-съ!—говоритъ. „Захвати два билетчика!..“ Пришли-съ... Занавѣска еще не подни-

малась... Ради скуки по десяточку яблочковъ сжевали... Наконецъ, дѣло пошло настоящимъ маneромъ, и какую, я тебѣ, братецъ ты мой, скажу, эти шельмы ахтеры штуку подвели... на удивленіе только!.. Кажутъ они намъ лѣсище густѣйшій, одно слово роща цѣлая, хоть на срубъ покупай, и выходитъ въ эту самую рощу принецъ, печальный, распечальный, какъ бы по торговлѣ что случилось, али съ хозяюшкой поразмолвился .. Къ нему является генералъ. „Ваше высочество,"—говоритъ,—„здѣсь неблагополучно!"—Что такое? — спрашиваетъ принецъ.—„Тятенька по ночамъ ходитъ!" А у принца, понимаешь, только передъ тѣмъ родитель побывшился, шести недѣль еще не прошло. „По ночамъ,—говоритъ,—ходитъ!"—Не можетъ быть,—говоритъ принецъ. И только онъ это слово сказалъ, смотримъ, изъ-за одного пня мужичище высокій лѣзетъ... Ну, какъ есть, я тебѣ говорю, живой человѣкъ, только что въ саванѣ, да глоткой немного поосипъ!..

— И прямо онъ подходитъ къ принцу и началъ онъ его костить: „Ты такой, этакой и разэтакой, мать твоя тоже такая!" Тотъ, братецъ, стоитъ, молчитъ: нельзя, хошь и мертвый, все-таки жъ родитель!.. Накостивши такимъ манеромъ сына своего, этотъ самый мертвецъ стукнулъ объ полъ ногой и провалился сквозь землю. Принецъ видитъ, дѣлать нечего, идетъ къ матери. „Маменька,"—говоритъ,—такъ и такъ, тятенька по ночамъ ходитъ!" Но королева, братецъ ты мой, вольнымъ духомъ это приняла.—Что же, — говоритъ, — вели тятенькѣ колъ осиновый покрѣпче въ спину вколотить!—„Въ томъ-то и штука,—говоритъ,—маменька, что это не поможетъ: тятенька-то нѣмецъ!"

А. Ѳ. Писемскій.



В. М. Дорошевичъ.

О пользѣ наукъ.

Былъ въ Китаѣ богдыханъ Цзанъ-Ли-О,— да сохранится его имя въ памяти людей до тѣхъ поръ, пока существуетъ наше отечество. Онъ очень интересовался науками, хотя самъ едва умѣлъ читать и поручалъ всегда подписывать свое имя другому, чѣмъ очень пользовались ближайшіе мандарины.

Но такъ какъ, несмотря на это, онъ очень интересовался науками, то однажды Цзанъ-Ли-О и задалъ себѣ вопросъ:

— Для какого дьявола онѣ существуютъ на свѣтѣ?

И онъ приказалъ въ опредѣленный день созвать всѣхъ ученыхъ для всенароднаго допроса.

Желаніе сына неба—законъ для земли.

У воротъ всѣхъ университетовъ забили огромные барабаны, и глашатаи закричали:

— Эй, вы! Ученый народъ! Бросайте-ка книги,

идите въ Пекинъ отвѣчать радости вселенной, нашему милостивому богдыхану, какую такую пользу приносятъ ваши науки.

Въ назначенный день на большой площади передъ дворцомъ собрались всѣ ученые люди Китая. Были тутъ такіе старики, что ихъ несли на носилкахъ, но были и молодые ученые, которые казались старше самыхъ старыхъ стариковъ. Были ученые, такъ высоко задиравшіе голову, что у нихъ спинной хребетъ выгнулся назадъ, и они не могли бы съ почтеніемъ поклониться при встрѣчѣ даже самому Богу. Были тутъ и люди, у которыхъ спинной хребетъ сломался въ уголъ отъ сидѣнья за книгами. Были люди очень награжденные за свою ученость. Были ученые съ тремя, четырьмя, попадались и съ пятью шариками на шапкѣ. Были такіе, которые носили трехглазое павлинье перо. Были ученые и въ зеленыхъ курткахъ и было даже нѣсколько желтыхъ кофтъ!

И всѣ были, конечно, въ очкахъ, потому что очки, какъ извѣстно, первый признакъ учености. Ученые всегда близоруки.

Когда солнце вышло изъ-за облаковъ и засверкало на этихъ очкахъ, богдыханъ даже зажмурился.

„Какъ горятъ у нихъ глаза!—подумалъ онъ.— словно ждутъ прибавки жалованья“.

И богдыханъ, оглядѣвъ толпу и увидавъ, что все въ порядкѣ, сказалъ:

— Въ никогда не прекращающихся заботахъ о благѣ нашихъ дѣтей-китайцевъ, рѣшили мы выяснить вопросъ: зачѣмъ это на свѣтѣ существуютъ науки? Давно уже онѣ существуютъ, и вотъ хотимъ мы узнать, для чего? А потому отвѣчайте намъ прямо и откровенно, безъ утайки и безо всякой хитрости: зачѣмъ науки и какой отъ нихъ толкъ? Начнемъ хоть съ тебя!—указалъ онъ на знаменитѣйшаго астронома,—самъ сынъ неба, съ неба я желаю и начать. Такъ будетъ мнѣ приличнѣе. Твоя наука самая высокая, ты первый и говори!

Знаменитый астрономъ вышелъ впередъ, отдалъ

сколько полагалось по этикету поклоновъ и ласково сказалъ:

— Когда невѣждѣ приходится вечеромъ выйти за чѣмъ-нибудь изъ дома, онъ, какъ свинья, смотритъ только себѣ подъ ноги, а если и случится ему взглянуть на небо,—онъ увидитъ только, что небо, словно оспой, покрыто звѣздами. Другое дѣло, ученый астрономъ! Для него рисунки изъ звѣздъ— это слова, и онъ читаетъ небо, какъ книгу; надо ли ждать наводненій, велики ли будутъ приливы и отливы водъ, какъ будетъ свѣтить солнце, сильно или не очень. Вообще, мы узнаемъ будущее.

— Будущее! Это любопытно!—сказалъ богдыханъ,—а отвѣть мнѣ: что дѣлается теперь, въ эту самую минуту, въ Нанкинѣ?

— Откуда же я могу знать это, свѣтило вселенной!—униженно кланяясь, отвѣтилъ астрономъ.

— Недурно!—воскликнулъ богдыханъ, — будущее-то вы знаете, а вотъ настоящаго-то—нѣтъ! Лучше бы вы настояшее знали, чѣмъ будущее! Полезнѣе бы! А то будущее! Будущее! Самая, помоему, твоя безполезная и глупая наука! Слѣдующій!

За астрономомъ стоялъ знаменитый историкъ.

Такой, говорятъ, историкъ, что зналъ по именамъ всѣхъ китайцевъ, которые когда-либо жили на свѣтѣ!

Онъ распростерся передъ богдыханомъ и сказалъ:

— Образецъ добродѣтелей, великій правитель, равнаго которому даже я не знаю во всей исторіи Китая! Моя наука не возбудитъ, конечно, твоего мудраго гнѣва, какъ наука моего предшественника. Мы занимаемся прошлымъ. Изучаемъ его, отмѣчаемъ всѣ промахи, ошибки, даже глупости.

— Наука, очень удобная для дураковъ!—воскликнулъ богдыханъ,—всякій дуракъ можетъ сколько угодно безнаказано дѣлать глупости. Стоитъ ему сослаться на вашу науку: вѣдь глупости и ошибки,—скажетъ онъ,—дѣлались всегда. Дурац-

кая наука! Убирайся!... Ты чѣмъ занимаешься, и какой толкъ отъ твоей науки?

Дрожащій ученый, къ которому былъ обращенъ этотъ вопросъ, поборолъ кое-какъ свое волненіе и сказалъ:

— Мы изучаемъ вопросы государственнаго устройства. Какъ должно управляться государство, какіе должны быть законы, какія права должны имѣть мандарины, какія—простой народъ.

— Должны! Должны!—крикнулъ богдыханъ,—какъ будто на свѣтѣ все дѣлается, какъ должно. На свѣтѣ никогда не дѣлается все, какъ должно. Поневолѣ, благодаря вашей наукѣ, всякій будетъ сравнивать то, что есть, съ тѣмъ, какъ должно быть,—и всегда останется недоволенъ. Самая вредная наука! Прочь съ глазъ моихъ! Вонъ!.. Ты что намъ разскажешь?

На этотъ разъ вопросъ былъ обращенъ къ доктору.

— Нашу науку,—отвѣчалъ онъ съ поклонами,—всѣ признаютъ полезной. Мы изучаемъ свойства травъ, и что изъ какой можно сдѣлать,—изъ какой вытяжку, изъ какой порошокъ, изъ какой бальзамъ. Мы собираемъ корни женъ-шеня и учимъ, что изъ нихъ надо отбирать—которые больше всего похожи на человѣческую фигуру. Мы сушимъ молодые, еще мягкіе рога оленя, толчемъ ихъ и дѣлаемъ изъ нихъ наваръ, густой, какъ клей, и цѣлебный, какъ воздухъ весны: онъ какъ рукой снимаетъ всѣ недуги. Конечно, когда человѣкъ здоровъ, ему не нужна наша наука, но если онъ не убережется и заболѣетъ,—мы ему помогаемъ.

— Не убережется! Пускай бережется!—мягче чѣмъ передъ этимъ, но все же съ гнѣвомъ, сказалъ богдыханъ,—только поощряете людей къ легкомыслію. Рѣшительно не понимаю, какой толкъ отъ всѣхъ вашихъ наукъ!

И, обратившись къ знаменитѣйшему и величайшему поэту Му-Си, который жилъ какъ разъ въ это самое время, богдыханъ приказалъ:

— Ты отвѣчай о пользѣ науки!

Му-Си вышелъ, поклонился, улыбнулся и сказалъ:

— Былъ у одного изъ твоихъ предковъ, сынъ неба, такой чудный садъ, въ которомъ росли такiе чудные, душистые цвѣты, что не только пчелы слетались со всей округи, но даже люди за милю и болѣе останавливались, нюхали воздухъ и говорили: „вѣроятно, сегодня дверь рая оставлена открытой". И забралась однажды въ этотъ садъ корова. Увидавъ, что изъ земли много кой-чего растетъ диковиннаго, она начала ѣсть цвѣты. Пожевала розу, но бросила, потому что наколола языкъ. Пожевала лилiй, пощипала резеды, левкоевъ, взяла въ ротъ жасмину и выплюнула. „Совсѣмъ, никакого вкуса!—сказала корова,—рѣшительно не понимаю, зачѣмъ это люди разводятъ цвѣты!" По-моему, сынъ неба, коровѣ лучше бы и не задавать себѣ этого вопроса.

Богдыханъ разсердился и сказалъ:

— А отрубите-ка ему голову!

Палачи сейчасъ же здѣсь же отрубили Му-Си голову.

И, глядя на обезглавленное тѣло Му-Си, богдыханъ задумался.

Довольно долго думалъ, наконецъ вздохнулъ и сказалъ:

— Одинъ былъ умный человѣкъ во всемъ Китаѣ, да и тотъ теперь померъ!

В. М. Дорошевичъ.

Распекъ.

Пьянаго денщика распекаетъ офицеръ:

— Ахъ, ты скотъ! Какъ смѣлъ напиться?

— Не могу знать, ваше-скородіе.

— Я тебѣ пить, болвану, не запрещаю, но пей всегда съ умомъ. Ну взгляни на себя! На что ты, мерзавецъ, похожъ? Свинья свиньей!

— Виноватъ, ваше-скородіе.

— Виноватъ! Вотъ посажу тебя, каналью, подъ арестъ—отвыкнешь отъ водки; проморю тебя, негодяя, на хлѣбѣ да на водѣ мѣсяца два,—забудешь, какъ и пить надо... Пить, скотина, не умѣешь... Всѣ пьютъ, а до такого подлаго состоянія никто не напивался...

— Не могу знать, ваше-скородіе.

— Да вотъ тебѣ, мерзавцу, близкій примѣръ: вотъ я, вѣдь, тоже пью, а между тѣмъ ты никогда меня такимъ пьянымъ не видалъ...

— Такъ точно, ваше-скородіе.

— А почему это?

— Не могу знать, ваше-скородіе.

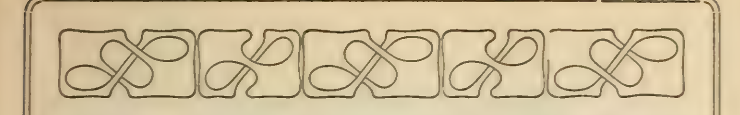
— Нѣтъ, ты скажи!

— Впились, ваше-скородіе.

— Дуракъ!.. Моли Бога, что я такой добрый: другой бы давно тебя, пропойцу, въ ряды отправилъ... Хотѣлось бы мнѣ посмотрѣть, что бы ты заговорилъ, если бы я былъ твой денщикъ, а ты мой офицеръ, и если бы я такъ же, какъ ты, напивался?

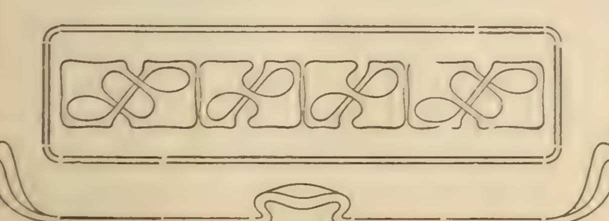
— А я бы съ такой свиньей, ваше-скородіе, и разговаривать не сталъ бы.

М. Ш—овъ.



ЧАСТЬ ВТОРАЯ

DECLAMATORIUM



А. С. Пушкинъ.

* * *

Есть упоеніе въ бою
И бездны мрачной на краю,
И въ разъяренномъ океанѣ
Средь грозныхъ волнъ и бурной тьмы,
И въ аравійскомъ ураганѣ,
И въ дуновеніи чумы!

Все, все, что гибелью грозитъ,
Для сердца смертнаго таитъ
Неизъяснимы наслажденья—
Безсмертья, можетъ быть, залогъ!
И счастливъ тотъ, кто средь волненья
Ихъ обрѣтать и вѣдать могъ...

А. С. Пушкинъ.

Послѣдній допросъ Кочубея.

Изъ „Полтавы“.

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополей листы.
Луна спокойно съ высоты
Надъ Бѣлой-Церковью сіяетъ
И пышныхъ гетмановъ сады
И старый замокъ озаряетъ.
И тихо, тихо все кругомъ;
Но въ замкѣ шопотъ и смятенье.
Въ одной изъ башенъ, подъ окномъ,
Въ глубокомъ тяжкомъ размышленьѣ,
Окованъ, Кочубей сидитъ
И мрачно ва небо глядитъ.
Заутра казнь. Но безъ боязни
Онъ мыслитъ объ ужасной казни;
О жизни не жалѣетъ онъ.
Что смерть ему?—желанный сонъ.
Готовъ онъ лечь во гробъ кровавый.
Дрема долитъ. Но, Боже правый!
Къ ногамъ злодѣя молча пасть,
Какъ безсловесное созданье,
Царемъ быть отдану во власть
Врагу царя на поруганье,
Утратить жизнь—и съ нею честь,
Друзей съ собой на плаху весть,
Надъ гробомъ слышать ихъ проклятья,
Ложась безвиннымъ подъ топоръ,
Врага веселый встрѣтить взоръ
И смерти кинуться въ объятья,
Не завѣщая никому
Вражды къ злодѣю своему!..
И вспомнилъ онъ свою Полтаву,
Обычный кругъ семьи, друзей,
Минувшихъ дней богатство, славу

И пѣсни дочери своей,
И старый домъ гдѣ онъ родился,
Гдѣ зналъ и трудъ, и мирный сонъ,
И все, чѣмъ въ жизни насладился,
Что добровольно бросилъ онъ,
И для чего!—
Но ключъ въ заржавомъ
Замкѣ гремитъ—и, пробужденъ,
Несчастный думаетъ: вотъ онъ!
Вотъ на пути моемъ кровавомъ
Мой вождь подъ знаменемъ креста,
Грѣховъ могучій разрѣшитель,
Духовной скорби врачъ, служитель
За насъ распятаго Христа,
Его святую кровь и тѣло
Принесшій мнѣ, да укрѣплюсь,
Да преступлю ко смерти смѣло
И жизни вѣчной пріобщусь!
И съ сокрушеніемъ сердечнымъ
Готовъ несчастный Кочубей
Передъ Всесильнымъ, Безконечнымъ
Излить тоску мольбы своей.
Но не отшельника святого,
Онъ гостя узнаетъ иного—
Свирѣпый Орликъ передъ нимъ.
И, отвращеніемъ томимъ,
Страдалецъ горько вопрошаетъ:
Ты здѣсь, жестокій человѣкъ?
Зачѣмъ послѣдній мой ночлегъ
Еще Мазепа возмущаетъ?

Орл. Допросъ не конченъ, отвѣчай.

Коч. Я отвѣчалъ уже, ступай,
Оставь меня.

Орл. Еще признанья
Панъ гетманъ требуетъ.

Коч. Но въ чемъ?
Давно сознался я во всемъ,
Что вы хотѣли. Показанья
Мои всѣ ложны. Я лукавъ,

Я строю козни. Гетманъ правъ.
Чего вамъ болѣе?

Орл. Мы знаемъ,
Что ты несчетно былъ богатъ.
Мы знаемъ не единый кладъ
Тобой въ Диканькѣ укрываемъ.
Свершиться казнь твоя должна;
Твое имѣніе сполна
Въ казну поступитъ войсковую:
Таковъ законъ. Я указую
Тебѣ послѣдній долгъ: открой,
Гдѣ клады, скрытые тобой?

Коч. Такъ! не ошиблись вы: три клада
Въ сей жизни были мнѣ отрада.
И первый кладъ мой—честь была:
Кладъ этотъ пытка отняла.
Другой былъ кладъ невозвратимый—
Честь дочери моей любимой.
Я день и ночь надъ нимъ дрожалъ:
Мазепа этотъ кладъ укралъ.
Но сохранилъ я кладъ послѣдній,
Мой третій кладъ—святую месть:
Ее готовлюсь Богу снесть.

Орл. Старикъ, оставь пустыя бредни!
Сегодня покидая свѣтъ,
Питайся мыслію суровой.
Шутить не время. Дай отвѣтъ,
Когда не хочешь пытки новой!
Гдѣ спряталъ деньги?

Коч. Злой холопъ!
Окончишь ли допросъ нелѣпый?
Повремени: дай лечь мнѣ въ гробъ,
Тогда ступай себѣ съ Мазепой
Мое наслѣдіе считать,
Окровавленными перстами
Мои подвалы разрывать,
Рубить и жечь сады съ домами.
Съ собой возьмите дочь мою;
Она сама вамъ все разскажетъ,

Сама всѣ клады вамъ укажетъ;
Но, ради Господа, молю,
Теперь оставь меня въ покоѣ.

Орл. Гдѣ спряталъ деньги? Укажи.
Не хочешь? Деньги гдѣ? Скажи,
Иль выйдетъ слѣдствiе плохое.
Подумай, мѣсто намъ назначь.
Молчишь?.. Ну въ пытку. Гей, палачъ!

Палачъ вошелъ... О, ночь мученiй!
Но гдѣ же гетманъ? Гдѣ злодѣй?
Куда бѣжалъ отъ угрызенiй
Змѣиной совѣсти своей?
Въ свѣтлицѣ дѣвы усыпленной,
Еще незнанiемъ блаженной
Близь ложа крестницы младой
Сидитъ съ поникшею главой
Мазепа тихiй и угрюмый.
Въ его душѣ проходятъ думы,
Одна другой мрачнѣй, мрачнѣй...
„Умретъ безумный Кочубей,
Спасти нельзя его. Чѣмъ ближе
Цѣль гетмана, тѣмъ тверже онъ
Быть долженъ властью облеченъ,
Тѣмъ передъ нимъ склоняться ниже
Должна вражда. Спасенья нѣтъ:
Доносчикъ и его клевретъ
Умрутъ". Но, бросяя взоръ на ложе,
Мазепа думаетъ: „О Боже!
Что будетъ съ ней, когда она
Услышитъ слово роковое?
Досель она еще въ покоѣ;
Но тайна быть сохранена
Не можетъ долѣе. Сѣкира,
Упавъ поутру, загремитъ
По всей Украйнѣ. Голосъ мiра
Вокругъ нея заговоритъ!..
Ахъ, вижу я: кому судьбою
Волненья жизни суждены,
Тотъ стой одинъ передъ грозою,
Не призывай къ себѣ жены.

Въ одну телѣгу впречь не можно
Коня и трепетную лань.
Забылся я неосторожно—
Теперь плачу безумства дань...“

. . . .

. . . . Содрогаясь,
Мазепа отвращаетъ взглядъ,
Встаетъ и, тихо пробираясь,
Въ уединенный сходитъ садъ.

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополей листы.
Но мрачны странныя мечты
Въ душѣ Мазепы. Звѣзды ночи,
Какъ обвинительныя очи,
За нимъ насмѣшливо глядятъ.
И тополи, стѣснившись въ рядъ,
Качая тихо головою,
Какъ судьи, шепчутъ межъ собою.
И лѣтней, теплой ночи тьма
Душна, какъ черная тюрьма.

Вдругъ... слабый крикъ... невнятный стонъ
Какъ бы изъ замка, слышитъ онъ.
То былъ ли сонъ воображенья,
Иль плачъ совы, иль звѣря вой,
Иль пытки стонъ, иль звукъ иной—
Но только своего волненья
Преодолѣть не могъ старикъ
И на протяженный, слабый крикъ
Другимъ отвѣтствовалъ—тѣмъ крикомъ,
Которымъ онъ въ весельи дикомъ
Поля сраженья оглашалъ,
Когда съ Забѣлой, съ Гамалѣемъ
И съ нимъ... и съ этимъ Кочубеемъ...
Онъ въ бранномъ пламени скакалъ!

А. С. Пушкинъ.

Земля.

Зима была томительно долга.
Наскучили морозы да метели.
Какъ щитъ стальной, холодные снѣга
Подъ солнцемъ мертвенно блестѣли.

Печальная, глухая сторона:
Лишь волчій вой-уныло слухъ тревожилъ.
Не вѣрилось, что вновь придетъ весна,
Не вѣрилось, чтобъ духъ усталый ожилъ.

Но потеплѣла неба синева,
Снѣга осѣли немощно и хило.
Еще земля казалася мертва,
Но въ ней уже предчувствіе бродило.

И по утрамъ, какъ кормчій съ корабля,
Съ крыльца вокругъ я всматривался зорко:
Не вышла ли на Божій свѣтъ земля,
Не виденъ ли изъ снѣга крестъ съ пригорка.

И радостно воспрянула душа:
Вдали я холмъ увидѣлъ почернѣлый;
Какъ богатырь, на солнце, не спѣша,
Молился онъ, снявъ шлемъ и панцырь бѣлый.

Земля! Съ какой глубокою, святой
Благоговѣйной радостью я снова
Тебя касаюсь вѣрною стопой.
Прими привѣтъ и ласку отъ родного.

Усталаго согрѣй и укрѣпи.
Земля! Земля! Ты слышишь ли мой голосъ!
Я—жаворонокъ, затерянный въ степи,
Я—въ плевелахъ запутавшійся колосъ.

Живую мощь торжественно яви!
Ее душой я въ этомъ прахѣ чую,
И комъ земли въ несказанной любви
Я прижимаю сердцу и цѣлую.

А. М. Ѳедоровъ.

* * *

Смотритъ мѣсяцъ ненастный, какъ сыплются желтые листья,
Какъ проносится вѣтеръ въ безпомощно-зыбкомъ саду.
На кусты и поляны въ тоскѣ припадаютъ деревья:
„Проноси, вольный вѣтеръ, скорѣй эту жуткую ночь!
„Не зато ль такъ нещадно насъ мучитъ холодная осень,
„Что цвѣли мы весной, упиваясь улыбкой небесъ,
„Забывая въ дни счастья про черныя ночи ненастья,—
„Роковую расплату за радость весны и любви?
„Жизнь въ борьбѣ не страшна, но предъ смертью бороться нѣтъ силы,
„Пусть скорѣе повѣетъ дыханіе бѣлой зимы!
„Смерть царитъ въ красотѣ и молчаніи синяго неба,
„Смерть придетъ въ тишинѣ и великомъ покоѣ снѣговъ!..“
Съ неземною печалью глядитъ затуманенный мѣсяцъ...
Вѣтеръ въ жуткомъ восторгѣ проносится въ черныхъ кустахъ:
„Достигайте въ несчастіи радости мукъ безпредѣльныхъ!
Приготовьтесь къ великому мукой великихъ потерь!“

Ив. Бунинъ.

В. А. Жуковскій.

Деревенскій сторожъ въ полночь.

Изъ Гебеля.

Полночь било! въ добрый часъ!
Спите, Богъ не спитъ за насъ!

Какъ все молчитъ!.. Въ полночной глубинѣ
Окрестность вся какъ будто притаилась;
Нѣтъ шороха въ кустахъ; тиха дорога;
Въ пустой дали не простучитъ телѣга,
Не скрипнетъ дверь; дыханье не провѣетъ,
И коростель замолкъ въ травѣ болотной.
Все, все теперь подъ занавѣсомъ спитъ;
И легкою ль, неслышною стопою
Прокрался здѣсь безплотный духъ... не знаю.
Но, чу... тамъ прудъ шумитъ: перебираясь
По мельничнымъ колесамъ неподвижнымъ,
Сонливою струей бѣжитъ вода;
И ласточка тайкомъ ползетъ по бревнамъ
Подъ кровлю, и сова перелетѣла
По небу тихому отъ колокольни;

И въ высотѣ, фонарь ночной, луна
Виситъ межъ облаковъ и свѣтитъ ясно,
И звѣздочки вдали небесной брежжутъ...
Не такъ же ли, когда осенней ночью
Измокнувшій, усталый отъ дороги,
Придешь домой, еще не видишь кровель,
А огонекъ ужъ тамъ и тутъ сверкаетъ?..
Но что жъ во мнѣ такъ сердце разгорѣлось?
Что на душѣ такъ радостно и смутно?
Какъ будто въ ней по родинѣ тоска!
Я плачу... но о чемъ? И самъ не знаю!

Полночь било! въ добрый часъ!
Спите, Богъ не спитъ за насъ!

Пускай темно на высотѣ;
Сіяютъ звѣзды въ темнотѣ.
То свѣтъ родимой стороны;
Про насъ онѣ тамъ зажжены.

Куда идти мнѣ? Въ нижнюю деревню,
Черезъ кладбище?.. Дверь отворена.
Подумаешь, что въ полночь изъ могилъ
Покойники выходятъ навѣстить
Свое село, провѣдать, все ли тамъ,
Какъ было въ старину. До сей поры,
Мнѣ помнится, еще ни одного
Не встрѣтилъ я. Не прокричать ли: полночь!
Покойникамъ?.. Нѣтъ, лучше по гробамъ
Пройду я молча, есть у нихъ на башнѣ
Свои часы. Къ тому же... какъ узнать,
Прошла ль уже ихъ полночь или нѣтъ?
Быть можетъ, что теперь лишь только тьма
Сгущается въ могилахъ... ночь долга;
Быть можетъ также, что струя разсвѣта
Уже мелькнула и для нихъ... кто знаетъ?
Какъ смирно здѣсь! знать мертвые покойны?
Дай Богъ!.. Но мнѣ чего-то страшно стало.
Не все здѣсь умерло: я слышу, ходитъ
На башнѣ маятникъ... ты скажешь, бьется
Пульсъ времени въ его глубокомъ снѣ.
И холодомъ съ вершины дуетъ полночь;

Въ лугу ея дыханье бродитъ, тихо
Соломою на кровляхъ шевелитъ,
И пробирается сквозь тынъ со свистомъ,
И сыростью отъ стѣнъ церковныхъ пашетъ—
Окончины трясутся, и порой
Скрипитъ, качаясь, крестъ—здѣсь подуваетъ
Оно въ открытую могилу... Бѣдный Фрицъ!
И для тебя готовятъ ужъ постелю,
И каменный покровъ лежитъ при ней,
И на нее огни отчизны свѣтятъ.
Какъ быть! а всѣмъ одно; всѣхъ на пути
Застигнетъ сонъ... что жъ нужды! все мы будемъ
На милой родинѣ; кто на кладбищѣ
Нашелъ постель—въ часъ добрый; вѣдь могила
Послѣдній на землѣ ночлегъ; когда же
Проглянетъ день, и мы, проснувшись, выйдемъ
На новый свѣтъ, тогда пути и часу
Не будетъ намъ съ ночлега до отчизны.

Полночь било! въ добрый часъ!
Спите, Богъ не спитъ за насъ!

Сіяютъ звѣзды съ вышины,
То свѣтъ родимой стороны:
Туда черезъ могилу путь;
Въ могилѣ жъ... только отдохнуть.

Гдѣ былъ я? Гдѣ теперь? Иду деревней;
Прошелъ черезъ кладбище... Все покойно
И здѣсь и тамъ.... И что жъ деревня въ полночь?
Не тихое ль кладбище? Развѣ тамъ,
Равно какъ здѣсь, не спятъ, не отдыхаютъ
Отъ долгія усталости житейской,
Отъ скорби, радости, подъ властью Бога,
Здѣсь въ хижинѣ, а тамъ въ сырой землѣ.
До яснаго, небеснаго разсвѣта?
А онъ ужъ не далёко.... Какъ бы ночь
Не длилася и неба ни темнила,
А все разсвѣта намъ не миновать.
Деревню разъ, другой я обойду—
И пѣтухи начнутъ мнѣ откликаться,
И воздухъ утренній начнетъ въ лицо
Мнѣ дуть; проснется день въ бору, отдернетъ

Небесный занавѣсъ, и утро тихой
Струей прольется въ сумракъ; наконецъ,
Посмотришь: холмъ, и долъ, и лѣсъ сіяютъ;
Все встрепенулося; тамъ ставень вскрылся,
Тамъ отворилась дверь; и все очнулось,
И всюду жизнь свободная взыграла.
Ахъ! Царь небесный, что за праздникъ будетъ,
Когда послѣдняя промчится ночь!
Когда всѣ звѣзды, малыя, большія,
И мѣсяцъ и заря, и солнце вдругъ
Въ небесномъ пламени растаютъ, свѣтъ
До самой глубины могилъ прольется,
И скажутъ матери младенцамъ: утро!
И все отъ сна пробудится,—тамъ дверь
Тяжелая отворится, тамъ ставень;
И выглянутъ усопшіе оттуда!..
О, сколько бѣдъ забыто въ тихомъ снѣ!
И сколько ранъ глубокихъ въ самомъ сердцѣ
Исцѣлено! Встаютъ, здоровы, ясны;
Пьютъ воздухъ жизни; онъ вливаетъ крѣпость
Имъ въ душу.... Но когда жъ тому случиться?

Полночь било! въ добрый часъ!
Спите, Богъ не спитъ за насъ!

Еще лежитъ на небѣ тѣнь;
Еще далеко свѣтлый день;
Но живъ Господь, онъ знаетъ срокъ:
Онъ вышлетъ утро на востокъ.

В. А. Жуковскій.

Изъ трагед. „Скованный Прометей"

Эсхила.

ХОРЪ НИМФЪ.

Строфа первая.

Горько я плачу о мукахъ твоихъ, Прометей!
Видишь,—изъ глазъ моихъ, полныхъ
Нѣжностью, слезы на щеки
Льются струею обильной.—
Правитъ вселенной
Богъ самовластный,
Богъ безпощадный
Къ древнимъ богамъ.

Антистрофа первая.

Стономъ и плачемъ окрестныя земли полны:
Люди скорбятъ надъ тобою.
Надъ вѣковѣчною славой
Братьевъ титановъ погибшихъ.
Плачутъ народы
Азіи древней,
Всѣ сострадаютъ
Мукамъ твоимъ.

Строфа вторая.

Плачутъ и дѣвы Колхиды,
Неустрашимыя въ битвахъ,
Плачутъ кочевники-скиѳы—
Тамъ, близъ болотъ Меотидскихъ
Въ чуждой далекой землѣ.

Антистрофа вторая.

Цвѣтъ аравійскихъ народовъ,
Плачутъ и горцы Кавказа,
Дикое племя въ щетинѣ
Копій желѣзныхъ и пикъ.

Эподосъ.

Одного мы прежде знали
Бога, скованнаго цѣпью,

Знали Атласа-титана,
Что, раздавленный, согнувшись,
На плечахъ могучихъ держитъ
Безпредѣльный сводъ небесъ.
Волны падаютъ на волны,
Плачетъ море, стонутъ бездны,
Подъ землей въ пещерахъ черныхъ
Содрогается Аидъ,—
И текутъ, какъ слезы горя,
Родники священныхъ рѣкъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Не думайте, что я молчу, о сестры,
Изъ гордости. Но вся моя душа
Сознаніемъ обиды нестерпимой
Поглощена. Не я ли даровалъ
Великую побѣду Олимпійцамъ?
Вы знаете о ней. Не буду вамъ
Разсказывать. Но выслушайте повѣсть
О жалкихъ смертныхъ.

Это я имъ далъ,
Безсмысленнымъ, могущественный разумъ!
Не съ гордостью объ этомъ говорю,
Но лишь затѣмъ, чтобъ объяснить причину
Моей любви къ несчастнымъ. Люди долго
И видѣли, но не могли понять,
И слушали, но не могли услышать.
Подобные тѣнямъ, какъ-бы во снѣ,
По прихоти случайностей, блуждали,
И было все въ нихъ смутно; и домовъ,
Открытыхъ солнцу, строить не умѣли
Изъ кирпичей иль бревенъ, но въ землѣ,
Какъ муравьи проворные, гнѣздились,
Во тьмѣ сырыхъ землянокъ и пещеръ;
Не вѣдали отличія зимы
Отъ лѣтнихъ дней горячихъ, плодоносныхъ,
Иль отъ весны цвѣтущей; дикари
Творили все безъ размышленья, слѣпо.
Но, наконецъ, я бѣднымъ указалъ
Восходъ свѣтилъ, закатъ ихъ, полный тайны,
Глубокую науку чиселъ, буквъ

Сложеніе и творческую память,
Великую родительницу музъ.
Я въ первый разъ животныхъ дикихъ, вольныхъ
Поработилъ ярму, чтобъ сдѣлать ихъ
Во всѣхъ трудахъ помощниками людямъ:
Послушнаго браздамъ запрягъ коня,
Красу для глазъ и гордость человѣка,
И съ крыльями льняными изобрѣлъ
Летающія въ морѣ колесницы
Для моряковъ. Но столько дивныхъ тайнъ,
Искусствъ, наукъ открывшій жалкимъ людямъ—
Спасти себя ничѣмъ я не могу!

ХОРЪ.

Увы! Отъ мукъ, отъ скорби обезумѣвъ,
Бродя во мглѣ, не можешь ты найти,—
Какъ нѣкій врачъ неопытный,—лекарства,
Чтобъ исцѣлить свой собственный недугъ!

ПРОМЕТЕЙ.

Еще не все: лишь до конца дослушавъ,
Увидите, какъ много я имъ далъ.
И вотъ мой даръ великій: въ дни былые
Не вѣдали они цѣлебныхъ травъ,
Лекарственныхъ напитковъ, притираній,
И умиралъ безпомощно больной.
Но я имъ далъ спасительныя травы,
Смѣшеніе лекарствъ, чтобъ злой недугъ
Одолѣвать. Искусство прорицаній
Установилъ и, правду ото лжи
Въ пророческихъ видѣньяхъ отдѣляя,
Я вѣщія примѣты указалъ,
Что путнику встрѣчаются въ дорогѣ,
Что видимъ мы въ полетѣ птицъ съ кривыми
Когтями—знакъ иль добрый, иль дурной;
Воздушныя собранія пернатыхъ,
Ихъ пищу, жизнь, любовь и непріязнь,
Отличія во внутренностяхъ теплыхъ,
И печени, и желчи цвѣтъ желанный—
Всѣ признаки, угодные богамъ;
И части жертвъ, обернутыя жиромъ,

И бедра ихъ широкія сложивъ
Надъ пламенемъ на алтарѣ священномъ,
Я всесожженью смертныхъ научилъ,
И знаменьямъ глубокимъ, сокровеннымъ
Являемымъ въ пылающемъ огнѣ.—
Таковъ мой даръ. И кто сказать посмѣетъ,
Что для людей не я открылъ руду,
Желѣзо, мѣдь, и серебро, и злато?..
Но въ двухъ словахъ — чтобъ кратокъ былъ разсказъ:
Все отъ меня—искусство, знанье, мудрость.

ХОРЪ.

Довольно ты заботился о людяхъ,
И о себѣ подумай: можетъ быть,
Еще, стряхнувъ позорныя оковы,
Ты будешь вновь могущественъ, какъ богъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Нѣтъ! Рокъ не то судилъ, неумолимый:
Лишь тысячи страданій претерпѣвъ,
Изъ этихъ узъ я вырвусь на свободу.
Мы всѣ—ничто предъ волею Судьбы!

ХОРЪ.

Но кто жъ Судьбы таинственный владыка?

ПРОМЕТЕЙ.

Эринніи и тройственныя Парки.

ХОРЪ.

Ужели Зевсъ слабѣй Богинь Судьбы?

ПРОМЕТЕЙ.

Что суждено, того онъ не избѣгнетъ.

. . . .

ПРОМЕТЕЙ.

Пусть нынѣ Зевсъ надменъ: онъ смирится
И вступитъ въ бракъ, что съ высоты небесъ
Его, могучаго, низринетъ въ бездну.
Въ тотъ страшный день исполнится надъ нимъ

Отцовское проклятье, что́ на сына
Обрушилъ Кроносъ, падая съ небесъ.
Но указать отъ этихъ бѣдъ спасенье
Изъ всѣхъ боговъ могу лишь я одинъ.
Я знаю тайну.—Пусть же Зевсъ на тронѣ
Пока сидитъ, довѣрившись громамъ
И молнію въ рукѣ своей сжимая.
Онъ со стыдомъ падетъ,—и ужъ ничто
Не защититъ его: боецъ возстанетъ
Невѣдомый, гигантъ непобѣдимый;
Онъ обрѣтетъ огонь сильнѣй огня
Кроніона, и громъ—сильнѣе грома
Небеснаго, которымъ раздробитъ
Грозу морей, трезубецъ Посейдона.
И богъ боговъ, привыкшій къ самовластью,
Тогда пойметъ, что значитъ быть рабомъ!

Пер. Д. С. Мережковскій.

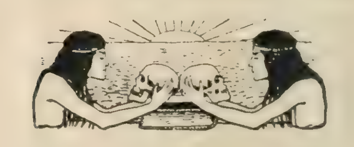
Поэтъ.

Замолкло все. Сплошнымъ навѣсомъ
Недвижныхъ тучъ тяжелый сводъ
Повисъ надъ мрачно стихшимъ лѣсомъ,
Надъ потемнѣвшей гладью водъ.
Нигдѣ ни звука, ни движенья,
Застылъ, какъ мертвый, воздухъ самъ...
Какъ будто часъ уничтоженья
Пробилъ землѣ и небесамъ.
Но вдругъ—далеко—змѣйка свѣта,
Скользнувъ, прорѣзываетъ тьму...

Глухой раскатъ пронесся гдѣ-то,
Другой и третій вслѣдъ ему...
Вотъ ближе, громче рокотанье,
Вотъ чаще и свѣтлѣе блескъ,
И все слилось въ гигантскій трескъ
Въ неугасимое сверканье...
И, вторя имъ, изъ щедрыхъ тучъ,
На нивы, мучимыя жаждой,
Дождь низвергается—могучъ
И плодотворенъ каплей каждой...

Таковъ и ты, пророкъ-поэтъ,
Стоишь недвижный и суровый,
Какъ будто въ сердцѣ жизни нѣтъ,
Какъ будто кровь сковалъ свинцовый,
Могильный сонъ... Но тишина—
Передъ грозой. То зрѣетъ дума
Въ тебѣ таинственно, безъ шума.
Но часъ приспѣетъ—и она
Изъ тайниковъ души священныхъ
Ворвется съ громомъ и огнемъ
Въ порочный міръ, и мчится въ немъ
Впередъ на крыльяхъ вдохновенныхъ,
Повсюду свѣтъ и красоту
Волшебно къ жизни вызывая,
Побѣдоносно разсѣвая
И мракъ, и смрадъ, и духоту,—
И все, что сохнетъ подъ палящимъ
Огнемъ пустыни и песковъ,
Кропя дождемъ животворящимъ
Для жатвы будущихъ вѣковъ.

П. И. Вейнбергъ.



М. Ю. Лермонтовъ.

Поэтъ.

Отдѣлкой золотой блистаетъ мой кинжалъ,
Клинокъ надежный, безъ порока:
Булатъ его хранитъ таинственный закалъ—
Наслѣдье браннаго Востока.
Наѣзднику въ горахъ служилъ онъ много лѣтъ,
Не зная платы за услугу;
Не по одной груди провелъ онъ страшный слѣдъ
И не одну прорвалъ кольчугу.
Забавы онъ дѣлилъ послушнѣе раба:
Звенѣлъ въ отвѣтъ рѣчамъ обиднымъ;
Въ тѣ дни была бъ ему богатая рѣзьба
Нарядомъ чуждымъ и постыднымъ.
Онъ взятъ за Терекомъ отважнымъ казакомъ
На хладномъ трупѣ господина,
И долго онъ лежалъ, заброшенный потомъ,
Въ походной лавкѣ армянина.
Теперь родныхъ ножонъ, избитыхъ на войнѣ,
Лишенъ героя спутникъ бѣдный;
Игрушкой золотой онъ блещетъ на стѣнѣ—
Увы, безславный и безвредный!

Никто привычною, заботливой рукой
Его не чиститъ, не ласкаетъ,
И надписи его, молясь передъ зарей,
Никто съ усердьемъ не читаетъ...

* * *

Въ нашъ вѣкъ изнѣженный не такъ ли ты, поэтъ,
Свое утратилъ назначенье,
На злато промѣнявъ ту власть, которой свѣтъ
Внималъ въ нѣмомъ благоговѣньѣ?
Бывало, мѣрный звукъ твоихъ могучихъ словъ
Воспламенялъ бойца для битвы;
Онъ нуженъ былъ толпѣ, какъ чаша для пировъ,
Какъ ѳиміамъ въ часы молитвы.
Твой стихъ, какъ Божій духъ, носился надъ толпой,
И отзывъ мыслей благородныхъ
Звучалъ, какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой
Во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ.
Но скученъ намъ простой и гордый твой языкъ,
Насъ тѣшутъ блестки и обманы;
Какъ ветхая краса, нашъ ветхій міръ привыкъ
Морщины прятать подъ румяны...
Проснешься ль ты опять, осмѣянный пророкъ,
Иль никогда, на голосъ мщенья,
Изъ золотыхъ ножонъ не вырвешь свой клинокъ
Покрытый ржавчиной презрѣнья?

М. Ю. Лермонтовъ.

Олень.

Густой зеленый ельникъ у дороги,
Глубокіе пушистые снѣга.
Здѣсь шелъ олень, могучій, тонконогій,
Къ спинѣ откинувъ тяжкіе рога.

Вотъ слѣдъ его. Здѣсь натопталъ тропинокъ,
Здѣсь елку гнулъ и бѣлымъ зубомъ скребъ--
И много хвойныхъ крестиковъ, остинокъ
Осыпалось съ макушки на сугробъ.

Вотъ снова слѣдъ—размѣренный и рѣдкій...
И вдругъ—прыжокъ! И далеко въ лугу
Теряется собачій гонъ—и вѣтки,
Обитыя рогами на бѣгу.

О, какъ легко онъ уходилъ долиной!
Какъ бѣшено, въ избыткѣ свѣжихъ силъ,
Въ стремительности радостно звѣриной,
Онъ красоту отъ смерти уносилъ!

Ив. Бунинъ.

Каменщикъ.

— Каменщикъ, каменщикъ, въ фартукѣ бѣломъ!
Что ты тамъ строишь? Кому?
— Эй не мѣшай намъ, мы заняты дѣломъ,
Строимъ мы, строимъ тюрьму.

— Каменщикъ, каменщикъ, съ вѣрной лопатой,
Кто же въ ней будетъ рыдать?
— Вѣрно не ты и не твой братъ, богатый:
Незачѣмъ вамъ воровать.

— Каменщикъ, каменщикъ, долгія ночи
Кто жъ проведетъ въ ней безъ сна?
— Можетъ быть сынъ мой, такой же рабочій:
Тѣмъ наша доля полна.

— Каменщикъ, каменщикъ, вспомнитъ, пожалуй,
Тѣхъ онъ, кто несъ кирпичи!
— Эй, берегись! подъ лѣсами не балуй...
Знаемъ все сами, молчи!

В. Я. Брюсовъ.

* * *

У дороги, за околицей—мертвая береза...

Въ вѣтрѣ сучьями шуршитъ,
Въ вѣтрѣ стонетъ и скрипитъ,
И стволомъ кривымъ, корявымъ
Плачетъ голосомъ гнусавымъ

У дороги, за околицей, мертвая береза.

Это стонетъ духъ убійцы,
Душегуба, кровопійцы?
Грѣхъ великій тяготитъ?
Тяжко молитъ: кто проститъ?

У дороги, за околицей—мертвая береза.

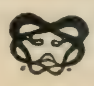
Это—Другъ, сѣдой и древній?
Сторожитъ онъ сонъ деревни?
Это Голодъ, Бѣлый Гость,
Гложетъ, лижетъ чью-то кость?

У дороги, за околицей—мертвая береза...

Сучья тянутся, какъ руки...
Въ скрипѣ—плачъ великой муки,
Плачъ великой Нищеты.
Это—Русь родная? Ты?

У дороги, за околицей—мертвая береза.

В. Стражевъ.



Могучія пѣсни.

Изъ А. Цатуріана.

Печальны наши дни, вся жизнь полна мученья,
И нѣтъ покоя намъ, нѣтъ радости вокругъ...
Тоскливо ноетъ грудь—и нѣтъ душѣ забвенья
Отъ скорби, отъ тоски, отъ безконечныхъ мукъ!
Надъ нами—сумракъ тучъ, и свѣтлой нѣтъ лазури,
И гибель впереди, и гнетъ лихой судьбы;
И намъ кругомъ грозятъ и ураганъ, и бури,
И цѣпи мы влачимъ, какъ жалкіе рабы.
Нѣтъ силъ... Душа скорбитъ, и горько льются слезы,
Въ душѣ у насъ темно, и мрачно впереди,—
Въ душѣ надежды всѣ, желанія и грезы
Подавленныя спятъ въ измученной груди!..

Печальны наши дни,—вся жизнь полна мученья,
Цѣпями, какъ рабы, мы связаны судьбой...
Проснись, пѣвецъ, воспрянь и, полонъ вдохновенья,
Намъ пѣснь могучую восторженно ты спой!
И славу дней былыхъ, и блескъ повѣдай міру,
Чтобъ смѣло прозвучалъ могучій гимнъ пѣвца,
Струнами звучными своей свободной лиры
Всесильно пробуждай заснувшія сердца!..
Да прозвучитъ опять та пѣсня вѣковая,
Завѣтный, мощный гимнъ и дѣдовъ, и отцовъ,
Что въ бурѣ битвъ звучалъ, сердца одушевляя,
И лаврами вѣнчалъ отважныхъ храбрецовъ!...

О, пой, пѣвецъ, и пѣснь восторгомъ вдохновенья
Разсѣетъ прежній мракъ изъ дремлющихъ сердецъ,
Вернетъ надежды намъ и свѣтлыя стремленья,—
Святой, могучій гимнъ о пой намъ, пой, пѣвецъ!..
Пусть пѣсни смѣлыя страну мою, какъ море,
Волнуютъ бурею и хоть на мигъ дадутъ
Забыть тернистый путь страданія и горя,
И къ возрожденію, и къ жизни насъ ведутъ!..
Печальны наши дни, вся жизнь полна мученья!

Цѣпями, какъ рабы, мы связаны судьбой...
Проснись, пѣвецъ, воспрянь и, полонъ вдохновенья,
Намъ пѣснь могучую восторженно ты спой!..

Л. Уманецъ.

Узники.

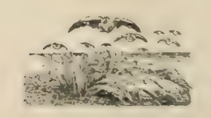
Въ черной пещерѣ жарко пылаетъ
Пламя костровъ;
Въ черной пещерѣ падаютъ звенья
Ржавыхъ оковъ.

Весело пляшутъ красныя искры.
Молотъ гудитъ.
Эхо смѣется... Пѣсня грядущей
Воли звучитъ.

Длиться не вѣчно будетъ глухая
Черная ночь,—
Мы изъ проклятой черной могилы
Вырвемся прочь:

Цѣпи свергаемъ, ржавыя цѣпи,—
Волю куемъ.
Скоро, о, скоро стѣны темницы
Мы разобьемъ!

Воронъ.



Н. А. Некрасовъ.

Тишина.

Отрывокъ.

Все рожь кругомъ, какъ степь живая,
Ни замковъ, ни морей, ни горъ...
Спасибо, сторона родная,
За твой врачующій просторъ!
За дальнимъ Средиземнымъ моремъ,
Подъ небомъ ярче твоего,
Искалъ я примиренья съ горемъ
И не нашелъ я ничего!
Я самъ не свой: хандрю, нѣмѣю,
Не одолѣвъ мою судьбу,
Я тамъ погнулся передъ нею,
Но ты дохнула—и сумѣю,
Быть можетъ, выдержать борьбу!

Я твой. Пусть ропотъ укоризны
За мною по пятамъ бѣжалъ,
Не небесамъ чужой отчизны—
Я пѣсни родинѣ слагалъ!
И нынѣ жадно повѣряю

Мечту любимую мою,
И въ умиленьи посылаю
Всему привѣтъ... Я узнаю
Суровость рѣкъ, всегда готовыхъ
Съ грозою выдержать войну,
И ровный шумъ лѣсовъ сосновыхъ,
И деревенекъ тишину,
И нивъ широкіе размѣры...
Храмъ Божій на горѣ мелькнулъ
И дѣтски-чистымъ чувствомъ вѣры
Внезапно на душу пахнулъ.
Нѣтъ отрицанья, нѣтъ сомнѣнья,
И шепчетъ голосъ неземной:
Лови минуту умиленья,
Войди съ открытой головой!
Какъ ни тепло чужое море,
Какъ ни красна чужая даль,
Не ей поправить наше горе,
Размыкать русскую печаль!
Храмъ воздыханья, храмъ печали—
Убогій храмъ земли твоей:
Тяжеле стоновъ не слыхали
Ни римскій Петръ, ни Колизей!
Сюда народъ, тобой любимый
Своей тоски неодолимой
Святое бремя приносилъ—
И облегченный уходилъ!
Войди! Христосъ наложитъ руки
И сниметъ волею святой
Съ души оковы, съ сердца муки
И язвы съ совѣсти больной...
Я внялъ... я дѣтски умилился...
И долго я рыдалъ и бился
О плиты старыя челомъ,
Чтобы простилъ, чтобъ заступился,
Чтобъ осѣнилъ меня крестомъ
Богъ угнетенныхъ, Богъ скорбящихъ,
Богъ поколѣній, предстоящихъ
Предъ этимъ скуднымъ алтаремъ!

Н. А. Некрасовъ.

„Тукъ... тукъ... тукъ“.

Посвящ. Н. А. Морозову.

Миновалъ обходъ докучный. Лязгнулъ ключъ, гремитъ засовъ...
Льется съ башни многозвучный перепѣвный бой часовъ.
Скоро полночь—мигъ свободы:
Жаркой искрой сквозь гранитъ къ мысли мысль перебѣжитъ,
Тайный зовъ, тоску невзгоды
Сердце сердцу простучитъ—
Тукъ... тукъ... тукъ!
Условный звукъ,
Звукъ привѣтный—стукъ отвѣтный,
Говоръ азбуки завѣтной,
Голосъ камня: тукъ-тукъ-тукъ! голосъ друга: здравствуй, другъ!

„Я томлюсь во мракѣ ночи;
Ноетъ грудь, не видятъ очи,
Одолѣлъ меня недугъ...

Слышу смерти приближенье... О, какъ жажду я забвенья,
Какъ зову успокоенье,
Наслажденье мертвымъ сномъ!
Другъ, отвѣть мнѣ, что съ тобою? Ты сильнѣй меня душою...
Спишь ли ты ночной порою
Въ этомъ склепѣ гробовомъ?“

Стукъ привѣтный, тихій стукъ,
Звукъ отвѣтный—тукъ... тукъ... тукъ:
„Я бы спалъ, и сонъ приходитъ, духъ усталый вдаль уводитъ,

Но не дологъ чуткій сонъ.
Вдругъ проснусь я, содрогнусь я, и такъ больно въ душу входитъ

Голосъ плѣнницы безумной, одинокій страшный
стонъ...

Часто ночью многодумной
Рядомъ, рядомъ за стѣной
Слышу смѣхъ ея безумный,
Слышу крикъ души больной...
Жутко... страшно... Но бываетъ, сердце тьму по-
забываетъ:

Въ просвѣтленный чудный мигъ
Мысль далёко улетаетъ—въ книгѣ звѣздъ душа
читаетъ

Откровенье древнихъ книгъ...
Другъ, мужайся! День настанетъ! Въ аломъ блескѣ
солнце встанетъ,
Синей бурей море грянетъ,
Волны—пѣсни загудятъ!
Будетъ веселъ многоводный пиръ широкій, пиръ
свободный,—

Онъ смететъ грозой народной
Нашъ гранитный казематъ.
Мы разскажемъ міру тайны
Долгихъ лѣтъ и долгихъ мукъ,
И въ садахъ родной Украйны вспомнишь ты, сосѣдъ
случайный,

Нашъ условный тихій стукъ,
Стукъ привѣтный, звукъ отвѣтный,
Говоръ азбуки завѣтной—
Голосъ камня: тукъ... тукъ... тукъ! голосъ друга:
здравствуй другъ!"

Тихій стукъ, печальный стукъ—
Тукъ... тукъ... тукъ:
„Нѣтъ, не мнѣ въ саду зеленомъ встрѣтить пѣсней
и поклономъ
Лучъ багряный—вспышку дня!
Слышишь: льется нѣжнымъ стономъ, бьетъ послѣд-
нимъ перезвономъ
Часъ, желанный для меня.
Другъ, прощаюсь я съ тобою: смерть склонилась на-
до мною

И рукою ледяною
Ужъ моихъ коснулась губъ....
Завтра утромъ два солдата
Унесутъ изъ каземата
Безымянный блѣдный трупъ...
Душно, душно... Умираю... Месть тебѣ я завѣщаю:
Разскажи родному краю
Этотъ ужасъ долгихъ мукъ.
Ближе, ближе холодъ ночи... Давитъ грудь... Не видятъ очи"...

Слабый стукъ—послѣднiй стукъ:
„Милый другъ, спокойной ночи!"
Тукъ. . тукъ... тукъ.

Юрiй Свѣтогоръ.

Соборный благовѣстъ.

Давно въ степи блуждая дикой,
Вдали отъ шумнаго жилья,
Внезапно благовѣстъ великiй,—
Соборный звонъ услышалъ я.

Охваченъ трепетнымъ смятеньемъ,
Забывши тѣсный мой шалашъ,
Спѣшу къ проснувшимся селеньямъ,
Твержу: „Товарищи, я—вашъ!

Унынье темное уснуло,
Оставилъ душу блѣдный страхъ,
И сколько говора и гула
На перекресткахъ и путяхъ!"

Клеветники толпою черной
У входа въ городъ намъ кричатъ:
„Вернитесь, то не звонъ соборный,
А возмущающiй набатъ!"

Но кто повѣритъ лживымъ крикамъ?
Кому ихъ злоба не ясна,
Когда въ согласіи великомъ
Встаетъ родимая страна!

Толпы благимъ вѣщаньямъ внемлютъ.
Соборный колоколъ великъ,
Труды безстрашные подъемлютъ
Его торжественный языкъ.

Онъ долго спалъ, надъ колокольней
Зловѣщимъ призракомъ вися,
Пока дремотой подневольной
Кругомъ земля дремала вся.

Свободный вѣтеръ бури дальней,
Порою мчась издалека,
Не могъ разрушить сонъ печальный,
Колыша мѣдные бока.

И лишь порою стонъ неясный
Издастъ тоскующая мѣдь,
Чтобы въ дремотѣ безучастной
Опять безсильно онѣмѣть.

Но часъ насталъ, запретъ нарушенъ,
Разрушенъ давній, тяжкій сонъ,—
Порыву гордому послушенъ
Торжественно-свободный звонъ.

Слѣпой судьбѣ противорѣча,
Горитъ надеждами востокъ,
И праздникъ радостнаго вѣча,
Великій праздникъ, недалекъ.

Онъ купленъ кровью нашихъ братій,
Слезами матери омытъ,
И вопль враждующихъ проклятій
Его побѣды не смутитъ.

Ѳ. Сологубъ.

Набатъ.

Ночь. Утомленные спятъ.
Люди забыли о скорби вчерашней...
Всѣ утомленные спятъ...
Надъ старою башней
Ударилъ набатъ.
Звонъ покатился по мертвымъ домамъ,
Гулко порвалъ сновидѣнья покоя,
Воплемъ надорваннымъ воя:
Бамъ! бамъ! бамъ!
Проснитесь! проснитесь! по темной дорогѣ
Безумныя силы ползутъ
И прячутъ кинжалы и въ жадной тревогѣ
Условнаго признака ждутъ...
Мы бились до ночи красиво и смѣло,
И много легло за стѣной.
Но врагъ замышляетъ позорное дѣло,—
Предательство мести ночной!..
Выростаетъ зловѣщій набатъ,
Ударяетъ по соннымъ сердцамъ...
У города черныя силы стоятъ!
Бамъ! бамъ! бамъ!

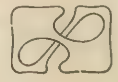
Дмитрій Цензоръ.

* * *

Какъ сонъ, пройдутъ дѣла и помыслы людей:
Забудется герой, истлѣетъ мавзолей—
И вмѣстѣ въ общій прахъ сольются.
И мудрость, и любовь, и знанья, и права,
Какъ съ аспидной доски ненужныя слова,
Рукой невѣдомой сотрутся.
И ужъ не тѣ слова подъ тою же рукой—
Далеко отъ земли, застывшей и нѣмой—
Возникнутъ вновь загадкой блѣдной.
И снова свѣтъ блеснетъ, чтобъ стать добычей тьмы,

И кто-то будетъ жить не такъ, какъ жили мы,
Но такъ, какъ мы, умретъ безслѣдно.
И невозможно намъ предвидѣть и понять,
Въ какія формы духъ одѣнется опять,
Въ какихъ созданьяхъ воплотится.
Быть можетъ, изъ всего, что будитъ въ насъ любовь,
На той звѣздѣ ничто не повторится вновь...
Но есть одно, что повторится.
Лишь то, что мы теперь считаемъ празднымъ сномъ,
Тоска неясная о чемъ-то неземномъ,
Куда-то смутныя стремленья,
Вражда къ тому, что есть, предчувствій робкій свѣтъ
И жажда жгучая святынь, которыхъ нѣтъ,—
Одно лишь это чуждо тлѣнья.
Въ какихъ бы образахъ и гдѣ бы средь міровъ
Ни вспыхнулъ мысли свѣтъ, какъ лучъ средь облаковъ,
Какія бъ существа ни жили,—
Но будутъ рваться вдаль они, подобно намъ,
Изъ страха своего къ несбыточнымъ мечтамъ,
Грустя душой, какъ мы грустили.
И потому не тотъ безсмертенъ на землѣ,
Кто превзошелъ другихъ въ добрѣ или во злѣ,
Кто славы хрупкія скрижали
Наполнилъ повѣстью, безцѣльною, какъ сонъ,
Предъ кѣмъ толпы людей—такой же прахъ, какъ онъ—
Благоговѣли иль дрожали.
Но всѣхъ безсмертнѣй тотъ, кому сквозь прахъ земли
Какой-то новый міръ мерещился вдали,
Несуществующій и вѣчный,
Кто цѣли неземной такъ жаждалъ и страдалъ,
Что силой жажды самъ миражъ себѣ создалъ
Среди пустыни безконечной.

Н. Минскій.



А. Н. Майковъ.

Старое и новое.

(Отрывокъ изъ поэмы „Поля").

Въ телегѣ ѣду по холмамъ.
Порой для взора нѣтъ границъ...
И все поля по сторонамъ,
И надъ полями стаи птицъ...
Я ѣду день, я ѣду два —
И все поля, кругомъ поля!
Мелькнетъ жилье, мелькнетъ едва,
А тамъ поля, опять поля!
Порой ручей, порой оврагъ,
А тамъ поля, опять поля!
И въ золотыхъ опять волнахъ
Съ холма на холмъ взлетаю я.
Но гдѣ же люди? Ни души
Среди безмолвныхъ деревень...
Не вѣрится такой глуши!
Хотя бы встрѣча въ цѣлый день!
Лишь утромъ сѣрый четверикъ
Передо мною пролетѣлъ...
Въ пыли лишь красный воротникъ
Да черный усъ я разглядѣлъ...

Вотъ наконецъ бредетъ старикъ...
Остановился, шляпу снялъ,
Бормочетъ что-то... „Стой ямщикъ!
Эй, дядя! съ чѣмъ Господь послалъ?“
—„Осмѣлюсь, баринъ, попросить—
Не подвезете ль старика?“
—„Садись! зачѣмъ не услужить;
Услуга жъ такъ не велика!“
— „Садись.“—„Я здѣсь, на облучекъ.“
— „Да мѣсто есть: садись рядкомъ!“
Но споромъ взять никто бъ не могъ!
Старикъ уперся на своемъ:
Твердилъ, что въ людяхъ онъ пожилъ
И къ обращенію привыкъ,
И знаетъ свѣтъ; иначе бъ былъ
„Необразованный мужикъ!“
У старика былъ хмурый видъ,
Цвѣтисто-вычурная рѣчь;
Одѣтъ былъ бѣдно, но обритъ,
И бакенбардъ висѣлъ до плечъ.
— „Я былъ дворовый человѣкъ—
Онъ говорилъ—у князя Б.,
Да вотъ, пришлось кончать свой вѣкъ
На волѣ! Самъ ужъ по себѣ!“
— „И слава Богу!“—„Какъ кому!
И какъ кто разумѣетъ свѣтъ!
А по понятью моему,
Отъ всей ихъ воли—толку нѣтъ!
Еще я нонѣшнихъ князей,
Выходитъ, дѣдушкѣ служилъ...
Князь различать умѣлъ людей:
Я въ домѣ, можетъ, первый былъ!
Да, вотъ, настали времена!
Теперь иди, хоть волкомъ вой!
Стара собака, не годна,
Ѣстъ даромъ хлѣбъ—такъ съ глазъ долой!
Еще скажу: добры князья!
— Съ тебя оброку не хотимъ;
А хочешь землю, молъ,—такъ я:
— Покорно васъ благодаримъ!—

Жаль ихъ самихъ!“ И тутъ старикъ
Повелъ разсказъ, какъ врозь идетъ
Весь княжій дворъ: шалитъ мужикъ,
Заброшенъ сахарный заводъ,
Слѣда ужъ нѣтъ оранжерей,
Охота, птичникъ и пруды,
И всѣ забавы для гостей,
И карусели, и сады—

Все въ запущеньи, все гніетъ...
Усадьба—прежде городокъ
Была! Вездѣ присмотръ, народъ,
И пей и ѣшь. Все было въ прокъ!
„Да, вспомянешь про старину!“
Онъ заключилъ: „былъ складъ да ладъ!
Э, ну ихъ съ волей! право, ну!
Да что она? одинъ развратъ!

Одинъ развратъ!“ онъ повторялъ...
Отжившій міръ въ его лицѣ,
Казалось, силы напрягалъ
Какъ пламя, вспыхнувъ при концѣ...
„Вотъ парень вамъ изъ молодыхъ“,—
Сказалъ онъ, кинувъ грозный взглядъ
На ямщика:—„спросите ихъ,
Куда глядятъ? чего хотятъ?“

Тотъ поглядѣлъ ему въ лицо,
Но за отвѣтомъ сталъ втупикъ:
Никакъ желанное словцо
Не попадало на языкъ...
— „Чего...“ онъ началъ быстро вслухъ...
Да вдругъ какъ кудрями встряхнетъ,
Да вдругъ какъ свистнетъ во весь духъ,—
И тройка ринулась впередъ!

Впередъ—въ пространство безъ конца!
Впередъ—не внемля ничему!
То былъ отвѣтъ ли молодца,
И кони ль вторили ему,—
Но мы неслись, какъ отъ волковъ,
Какъ изъ-подъ тучи грозовой.
Какъ бы мучителей-бѣсовъ
Погоню слыша за собой...

Неслись... а вкругъ по сторонамъ
Поля мелькали, и не разъ
Овечье стадо здѣсь и тамъ
Кидалось въ сторону отъ насъ..
Неслись... „Куда жъ те дьяволъ мчитъ!“
Вдругъ сорвалось у старика,
А тотъ летитъ, лишь въ даль глядитъ.
А даль-то, даль—какъ широка!..

А. Н. Майковъ.

Въ лунную ночь.

Полночный мракъ... Лишь луннымъ свѣтомъ
Въ моей тюрьмѣ озарена
Съ ночного неба, теплымъ лѣтомъ,
Рѣшетка узкаго окна.
О, сколько разъ, во дни былого,
Въ иные дни съ закатомъ дня,
Вотъ такъ же съ неба голубого
Луна смотрѣла на меня!

Я былъ дитя. Вскочивъ съ кроватки,
Прижавшись къ нянѣ въ поздній часъ,
Я слушалъ, словно въ лихорадкѣ,
О Змѣй-Горынычѣ разсказъ.
Все въ чудной сказкѣ было ново!..
А въ дѣтской темно... нѣтъ огня...
И такъ же съ неба голубого
Луна смотрѣла на меня!

Я помню ночь. Всѣ въ домѣ спали:
Лишь мы въ аллеѣ, милый другъ,
Какъ дѣти, трепетно дрожали
За каждый шелестъ, каждый звукъ...

Руки пожатье... полуслово...
И мягкимъ свѣтомъ осѣня,
Вотъ такъ же съ неба голубого
Луна смотрѣла на меня!

Осенній вечеръ. Тускло зала
Озарена... А впереди,
Въ гробу, въ цвѣтахъ она лежала,—
Сложивши руки на груди.
Въ углу отъ горя рокового
Рыдалъ я, жизнь свою кляня...
И такъ же съ неба голубого
Луна смотрѣла на меня!

Метель... Сугробы... съ дикимъ воемъ
Вокругъ меня стонала степь...
Я шелъ закованный, съ конвоемъ...
Въ ногахъ звучала мѣрно цѣпь...
Повсюду снѣгъ блестѣлъ... И снова,
Какъ будто путника виня,
Вотъ такъ же съ неба голубого
Луна смотрѣла на меня!

Свидѣтель жизни неудачной,
Ты ненавистна мнѣ, луна!
Такъ не смотри жъ въ мой уголъ мрачный
Сквозь раму тусклаго окна,
И не буди того тревожно,
Что улеглось во мнѣ давно...
Пусть лучше въ небѣ будетъ темно,
Какъ на душѣ моей темно!

Д. Д. Минаевъ

Путникъ.

По бѣломраморнымъ ступенямъ
Царевна сходитъ въ тихій садъ—
Понѣжить грудь огнемъ осеннимъ,
Сквозной листвой понѣжить взглядъ.
Она аллеей къ степи сходитъ,
Съ ней эѳіопскіе рабы.
И солнце острый лучъ наводитъ
На ихъ лоснящіеся лбы.
Гдѣ у границъ безводной степи,
Замкнувъ предѣлъ цвѣтовъ и влагъ,
Стоятъ столбы и дремлютъ цѣпи,—
Царевна задержала шагъ.
Лепечутъ пальмы; шумъ фонтанный
Такъ радостенъ издалека,
И вѣтеръ, весь благоуханный,
Летитъ въ пустыню съ цвѣтника.
Царевна смотритъ въ дѣтской дрожи,
Въ ея большихъ очахъ—слеза.
Красивый юноша-прохожій
Простерся тамъ, закрывъ глаза.
На немъ хитонъ простой и грубый,
У ногъ дорожная клюка.
Его запекшіяся губы
Скривила жажда и тоска.
Зоветъ царевна: „Братъ безвѣстный,
Приди ко мнѣ, сюда, сюда!
Вотъ здѣсь плоды въ корзинѣ тѣсной,
Вино и горная вода.
Я уведу тебя къ фонтанамъ,
Рабыни умастятъ тебя.
Въ моемъ покоѣ златотканномъ
Къ тебя я припаду, любя.“
И путникъ взоръ поднявъ неспѣшно,
Глядитъ, какъ царь, на дочь царя.
Она—прекрасна и безгрѣшна,
Она—какъ юная заря.

Но онъ въ отвѣтъ: „Сойди за цѣпи,
И кубокъ мнѣ сама подай!“
Закрылъ глаза бѣднякъ изъ степи,
Фонтаны бьютъ. Лепечетъ рай.
Блѣднѣетъ и дрожитъ царевна.
Лежатъ невольники у ногъ.
Она растерянно и гнѣвно
Бросаетъ кубокъ на песокъ.
Идетъ къ дворцу алеей сада.
Съ ней эѳiопскiе рабы...
И смѣхъ чуть слышенъ за оградой,
Гдѣ степь, и цѣпи, и столбы.

В. Брюсовъ.

Ты не уйдешь.

Изъ Ады Негри.

Ты сказалъ мнѣ: „О, блѣдная, что ты, тоскуя,
Прижимаешься страстно ко мнѣ?
Отчего на устахъ твоихъ звукъ поцѣлуя,
Какъ рыданье, звучитъ въ тишинѣ?
Твои взгляды, какъ ночь, и въ суровой кручинѣ
За толпою видѣнiй бѣгутъ,
Что подобно огнямъ на болотной трясинѣ,
Въ леденящемъ безвѣстномъ встаютъ.
Въ твоемъ сердцѣ восторги любви нашей юной
Пробуждаютъ не пѣсни, а крикъ,
Въ твоемъ сердцѣ какъ будто оборваны струны,
Слезъ таится въ нихъ вѣчный родникъ.
На груди моей ты. Но кровавой звѣздою
Въ твоемъ взорѣ лишь ужасъ горитъ.
О, скажи, предъ какой ты блѣднѣешь бѣдою?
Что тебя такъ глубоко томитъ?“
Я тебѣ отвѣчала: „Когда я всецѣло
Ощущаю, блѣднѣя лицомъ,
Какъ мое полудѣтское хрупкое тѣло

Замираетъ въ объятьи твоемъ,—
Тѣни, тѣни встаютъ въ этотъ мигъ предо мною,
Тѣни дѣвушекъ блѣдныхъ встаютъ.
Пламя слезъ и желаній порою ночною
Ихъ сожгло и измучилъ ихъ трудъ.
Онѣ были прекрасны. Ихъ косы сверкали
Золотыми струями въ лучахъ,
Но онѣ поцѣлуевъ и страсти не знали,
Утопая во тьмѣ и слезахъ;
Тѣни женщинъ, что видѣли, какъ къ изголовью
Мужа, сына ихъ смерть подошла,
И того, кто надеждой былъ ихъ и любовью,
Въ міръ забвенья и сна унесла,
И предъ духомъ, покинувшимъ прахъ незабвенный,
Содрогаются въ мракѣ сердца,
И блѣдны, одиноки въ безсмертной вселенной,
Ждутъ, какъ блага, отъ смерти вѣнца,
И, согбенныя, идутъ, шатаясь устало,
Всюду, всюду... за мной... впереди...
Чернымъ облакомъ падаютъ ихъ покрывала,
Бѣлый черепъ блеститъ на груди,
И глядятъ на меня и, какъ гибельный холодъ,
Ужасъ, ужасъ меня леденитъ
И сжимаетъ мнѣ грудь и, какъ тягостный молотъ,
Сердце больно стучитъ и стучитъ...
И тогда ощущаешь ты вдругъ содроганье
Въ мракѣ ночи, въ объятьяхъ моихъ,
И въ горячкѣ моихъ поцѣлуевъ нѣмыхъ
Тебѣ слышится трепетъ рыданья.
Тамъ...скосивъ на меня тусклый, пристальный взоръ
Среди терній идутъ... И, какъ ножъ,
Мнѣ вонзается въ сердце ихъ взглядъ и укоръ:
„Погоди же... И ты не уйдешь!"

А. М. Өедоровъ.

Я. П. Полонскій.

Холодѣющая ночь.

Тамъ, подъ лаврами, на югѣ—
  Странникъ бѣдный—только ночь
Могъ я взять себѣ въ подруги,
Юга царственную дочь.
И ко мнѣ она сходила
Въ свѣтломъ пурпурѣ зари,
На пути въ пространствахъ неба
Зажигая алтари.
Боже! Какъ она умѣла
Раны сердца врачевать!
Какъ она надъ моремъ пѣла!
Какъ умѣла вдохновлять!
Но, увы, судьбой на сѣверъ
Приневоленный идти,
Я сказалъ подругѣ-ночи:
„Ненаглядная, прости!“
А она со мной разстаться
Не хотѣла—не могла...
По горамъ, отъ слезъ мигая,
Вслѣдъ за мной она текла.
То сходила на долину
Съ томно-блещущимъ челомъ
И задумчиво стояла

Надъ моимъ степнымъ костромъ;
То со мною ночевала
Надъ рѣкою у скирдовъ,
Вѣя тонкимъ ароматомъ
Рано скошенныхъ луговъ...
Но чѣмъ дальше я на сѣверъ
Шелъ, чрезъ степи и лѣса,
Незамѣтно холодѣла
Ночи южная краса:
То, въ туманы облачаясь,
Мѣсяцъ прятала въ кольцо;
То съ одеждъ холодный иней
Отрясала мнѣ въ лицо.
Чѣмъ я дальше шелъ на сѣверъ,
Тѣмъ гналась она быстрѣй,
Раньше день перегоняла,
Уходила все позднѣй.
И молила, и стонала...
И, дрожа, я молвилъ ей:
„Ты на сѣверѣ не можешь
Быть подругою моей!“
И, сверкнувъ, у синей ночи
Помутилися глаза,
И застыла на рѣсницахъ
Накипѣвшая слеза.
И пошла она и бѣлымъ
Замахала рукавомъ,
И завыла, поднимая
Вихри снѣжныя столбомъ.
Сквозь мятель, на сѣверъ хладный
Я кой-какъ добрелъ домой.
Вижу—ночь лежитъ въ долинѣ
Подъ серебряной парчей.
И беззвучно мнѣ лепечетъ:
„Погляди, какъ я мертва!
Сердце глухо, очи тусклы,
Холодѣетъ голова.
„Но гляди—все тѣ же звѣзды
Надъ моею головой...
Красотой моею мертвой
Полюбуйся, милый мой!

„И, повѣрь, что если снова
Ты воротишься на югъ,
Въ прежнемъ блескѣ я возстану,
Чтобъ принять тебя, мой другъ!
„Съ прежней нѣгой надъ тобою
Я склоню главу мою
И тебѣ, сквозь сонъ, надъ ухомъ
Пѣсню райскую спою!"

Я. П. Полонскій.

Пѣсня Еремушкѣ.

Стой, ямщикъ! жара несносная,
Дальше ѣхать не могу!
Вишь, пора-то сѣнокосная—
Вся деревня на лугу.
У двора, у постоялаго,
Только нянюшка сидитъ,
Закачавъ ребенка малаго,
И сама почти-что спитъ;
Черезъ силу тянетъ пѣсенку,
Да зѣвая креститъ ротъ.
Сѣлъ я рядомъ съ ней на лѣсенку;
Няня дремлетъ и поетъ:
— „Ниже тоненькой былиночки
Надо голову клонить,
Чтобъ на свѣтѣ сиротиночкѣ
Безпечально вѣкъ прожить.
Сила ломитъ и соломушку—
Поклонись пониже ей,
Чтобы старшіе Еремушку
Въ люди вывели скорѣй.
Въ люди выйдешь, все съ вельможами
Будешь дружество водить,
Съ молодицами пригожими
Шутки вольныя шутить.

И привольная, и праздная
Жизнь покатится, шутя...“
— Эка пѣсня безобразная!
Няня дай-ка мнѣ дитя!

— „На родной! да ты откудова?“
— Я проѣзжій, городской.—
— „Покачай, а я покудова
Подремлю, да пѣсню спой!“

— Какъ не спѣть! спою, родимая,
Только, знаешь, не твою:
У меня своя, любимая...
— „Баю—баюшки баю!

— Въ пошлой лѣни усыпляющій
Пошлыхъ жизни мудрецовъ,
Будь онъ проклятъ, растлѣвающій
Пошлый опытъ, умъ глупцовъ!
— Въ насъ, подъ кровлею отеческой
Не запало ни одно
Жизни чистой человѣческой
Плодотворное зерно.

— Будь счастливѣй! Силу новую
Благородныхъ юныхъ дней
Въ форму старую, готовую
Необдуманно не лей!
— Жизни вольнымъ впечатлѣніемъ
Душу вольную отдай.
Человѣческимъ стремленіямъ
Въ ней проснуться не мѣшай!

— Съ ними ты рожденъ природою;
Возлелѣй ихъ, сохрани!
Братствомъ, Истиной, Свободою
Называются они.
— Возлюби ихъ, на служеніе
Имъ отдайся до конца!
Нѣтъ прекраснѣй назначенія,
Лучезарнѣй нѣтъ вѣнца!
— Будешь рѣдкое явленіе,
Чудо родины своей;
Не холопское терпѣніе
Принесешь ты въ жертву ей,

— Необузданную, дикую
Къ лютой подлости вражду
И довѣренность великую
Къ безкорыстному труду.
— Съ этой ненавистью правою,
Съ этой вѣрою святой
Надъ неправдою лукавою
Грянешь Божьею грозой!
— И тогда-то...“ Вдругъ проснулося
И заплакало дитя.
Няня быстро встрепенулася
И взяла его, крестя.
— „Покормись, родимый, грудкою!
Сытъ?.. Ну, баюшки баю!“—
И запѣла надъ малюткою
Снова пѣсенку свою...

Н. А. Некрасовъ.

Альпухара.

Изъ „Конрада Валленрода“ А. Мицкевича.

Смерть маврамъ! Испанцы, разбивъ ихъ ограды,
Ихъ давятъ подъ гнетомъ ярма;
У мавровъ остались твердыни Гренады.
Но горе! Въ Гренадѣ—чума.
Еще въ Альпухарѣ геройски безстрашенъ
Защитникъ ея—Альманзоръ,
Но врагъ подступилъ ужъ къ пятамъ ея башенъ,
И завтра—послѣдній напоръ!
И утро настало. Испанцы напали—
Твердыни разсыпались въ прахъ;
Съ чела минаретовъ кресты засверкали,
И замокъ—въ испанскихъ рукахъ.
Все пало: одинъ Альманзоръ не свалился
Съ врагами въ упорномъ бою;

Сквозь лѣсъ ихъ мечей онъ и копій пробился,
И бѣгствомъ спасъ душу свою.
Испанцы, справляя воинскій обычай,
Пируютъ; все взрыли до дна;
Средь падшаго замка живятся добычей,
Купаются въ морѣ вина,
И вдругъ—ихъ начальникамъ стража доноситъ,
Что прибылъ какой-то посолъ
И съ дарами,— и въ замокъ ихъ допуска проситъ.
„Впустить!“ И посланникъ вошелъ.
То былъ Альманзоръ, то былъ царь мусульманскій.
Покорный верховной судьбѣ,
Онъ самъ предаетъ себя власти испанской,
И проситъ пощады себѣ:

„Испанцы!“—взываетъ—„въ смиреньи глубокомъ,
Готовъ я главу низложить,
Увѣровать вашимъ великимъ пророкамъ,
И вашему Богу служить.

Весь свѣтъ пусть узнаетъ, что царь побѣжденный,
Своихъ побѣдителей зря,
Ихъ братомъ быть хочетъ въ странѣ ихъ законной,
Вассаломъ другого царя!“
Того, кто явилъ средь недавняго боя
Всю силу меча своего,
Узнали испанцы, и чтятъ въ немъ героя;
Ихъ вождь обнимаетъ его;

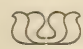
И всѣмъ Альманзоръ имъ лобзаньями платятъ,
Отъ этого рвется къ тому,
И снова вождя ихъ то за руку схватитъ,
То прянетъ на шею къ нему.
Упалъ на колѣни къ его онъ подножью,
Развитымъ тюрбаномъ своимъ
Обвилъ его ноги съ болѣзненной дрожью,
И тянется въ прахѣ за нимъ.

И всталъ,—и ужасенъ испанцамъ явился...
Весь синій взглянулъ на враговъ,—
Средъ адскаго хохота ротъ искривился,
Изъ глазъ его брызнула кровь.

„Взгляните, гяуры: каковъ я! Предъ вами
Въ лицѣ моемъ гибель сама.

Я къ вамъ изъ Гренады посланникъ съ дарами:
Гяуры! мой даръ вамъ—чума.
Я къ вамъ простиралъ зараженныя руки,
Мой ядъ будетъ васъ пожирать,
Мои изучайте вы корчи и муки:
Вѣдь въ нихъ же и вамъ умирать!“
Онъ ринулся наземь, и, кажется, хочетъ
Обнять всѣхъ испанцевъ, сводя
Средь судорогъ руки кольцомъ, и хохочетъ,
Хохочетъ, смотря на вождя.
И стынетъ, и взоръ онъ свой, кровью налитый,
Со злобой навѣкъ закатилъ;
И рта не замкнулъ онъ, и смѣхъ ядовитый
Къ устамъ искривленнымъ пристылъ.
Испанцы отъ горъ Альпухары въ тревогѣ
Помчались,—и войска ихъ тьма,
Средь страшныхъ мученій, легло на дорогѣ:
Ихъ всѣхъ доконала чума.

В. Г. Бенедиктовъ.



Опричникъ.

Отрывокъ.

Какая ночь! Морозъ трескучій;
На небѣ ни единой тучи;
Какъ шитый пологъ, синій сводъ
Пестрѣетъ частыми звѣздами.
Въ домахъ все темно. У воротъ
Затворы съ тяжкими замками.
Вездѣ покоится народъ:
Утихъ и шумъ, и крикъ торговый;
Лишь только лаетъ стражъ дворовый,
Да цѣпью звонкою гремитъ.
И вся Москва спокойно спитъ,
Забывъ волненіе боязни.
А площадь въ сумракѣ ночномъ
Стоитъ, полна вчерашней казни;
Мученій свѣжій слѣдъ кругомъ:

Гдѣ трупъ, разрубленный съ размаха,
Гдѣ столбъ, гдѣ вилы, тамъ котлы,
Остывшей полные смолы;
Здѣсь опрокинутая плаха;
Торчатъ желѣзные зубцы,
Съ костями груды пепла тлѣютъ.
На кольяхъ, скорчась, мертвецы
Оцѣпенѣлые чернѣютъ...
Кто тамъ? Чей конь во весь опоръ
По грозной площади несется?
Чей свистъ, чей громкій разговоръ
Во мракѣ ночи раздается?
Кто сей?.. Опричникъ удалой.
Спѣшитъ, летитъ онъ на свиданье:
Въ его груди кипитъ желанье.
Онъ говоритъ: „мой конь лихой,
Мой вѣрный конь, лети стрѣлой!
Скорѣй, скорѣй...“ Но конь ретивый
Вдругъ размахнулъ плетеной гривой
И сталъ. Во мглѣ, между столповъ,
На перекладинѣ дубовой
Качался трупъ. Ѣздокъ суровый
Подъ нимъ промчаться былъ готовъ,
Но борзый конь подъ плетью бьется,
Храпитъ и фыркаетъ, и рвется
Назадъ. „Куда, мой конь лихой?
Чего боишься? Что съ тобой?
Не мы ли здѣсь вчера скакали,
Не мы ли яростно топтали,
Усердной местію горя,
Лихихъ насмѣшниковъ царя?
Не ихъ ли кровію омыты
Твои булатныя копыта?
Теперь ужель ихъ не узналъ?
Мой борзый конь, мой конь удалый,
Несись, лети!...“ и конь усталый
Подъ трупомъ вихремъ проскакалъ...

. . . .

А. С. Пушкинъ.

А. И. Плещеевъ.

Apostaten Marsch.

(Мотивъ одного нѣмецкаго поэта)

Пресмыкаться въ грязи, ноги сильнымъ лизать,
За подачку отъ нихъ продавать убѣжденье,
Кто отваженъ и чистъ, на того клеветать,
Чтобъ извѣдалъ бѣду и гоненье—
Вотъ оно призванье наше!
Служимъ вѣрно мы ему.
Горе мысли неподкупной!
Гибель честному уму!
Горе пылкимъ сердцамъ, что мечты юныхъ дней,
Словно кладъ берегутъ, и, по старой привычкѣ,
Все о правдѣ кричатъ, да о благѣ людей;
Мы дадимъ имъ опасныя клички.
Горе тѣмъ, кто въ лицо намъ бросаетъ укоръ,
Кто позоромъ клеймитъ наше дѣло и слово:
Мы толпѣ закричимъ: онъ разбойникъ и воръ,
Подавайте скорѣе оковы!
Было время, когда мы, подъявши чело,
Тоже рвались къ борьбѣ и не мало шумѣли.
Слава Богу, теперь опьянѣнье прошло,
Мы другія преслѣдуемъ цѣли.
Мы сознали, что всѣ эти слезы смѣшны,

Что къ почету ведетъ насъ дорога иная,
И что старый свой грѣхъ искупить мы должны,
Честь и совѣсть въ грязи попирая!
Пресмыкаться въ грязи, ноги сильнымъ лизать,
За подачку отъ нихъ продавать убѣжденье,
Кто отваженъ и чистъ, на того клеветать,
Чтобъ извѣдалъ бѣду и гоненье—
Вотъ теперь призванье наше!
Служимъ вѣрно мы ему.
Горе мысли неподкупной!
Гибель честному уму!

А. Н. Плещеевъ.

Проклятіе пѣвца.

Изъ Уланда.

Былъ въ стары годы замокъ. Высоко на просторѣ
Стоялъ онъ, отражаясь далеко въ синемъ морѣ;
Вокругъ вѣнцомъ роскошнымъ раскинулись сады,
Въ нихъ радужно сверкали ключи живой воды.
Тамъ жилъ старикъ надменный, окрестныхъ странъ властитель,
Гроза своихъ сосѣдей и подданныхъ губитель,
Въ немъ ужасъ—каждый помыслъ, и ярость—каждый взоръ,
Терзанье—каждый возгласъ, кровь—каждый приговоръ.
Разъ къ замку шли два скальда. Одинъ былъ старецъ мудрый,
Другой—его питомецъ, цвѣтущій, златокудрый;
Съ завѣтной лирой ѣхалъ на лошади старикъ,
Съ нимъ весело шелъ рядомъ товарищъ-ученикъ.
Старикъ сказалъ: „Припомни всѣхъ нашихъ пѣсенъ звуки,

Изъ сердца вылей въ слово всѣ радости и муки!
Готовься—пусть твой голосъ торжественно звучитъ:
Жестокій духъ барона смягчить намъ предстоитъ."
Стоятъ въ высокой залѣ два благородныхъ друга.

На тронѣ тамъ баронъ и юная супруга;
Онъ—зарево пожара, духъ пытки и войны,
Она—сіянье мира, привѣтный свѣтъ луны.
И вотъ старикъ ударилъ по вдохновенной лирѣ;
Несутся диво-звуки, несутся шире, шире;
Имъ стройно вторитъ пѣснью товарищъ молодой,
И чудно струны лиры слилися съ пѣснью той.
Поютъ они про счастье временъ, уплывшихъ въ вѣчность,
Про вѣрность и свободу, любовь и человѣчность,
Поютъ про все святое, что возвышаетъ умъ,
Въ чемъ кроется источникъ высокихъ чувствъ и думъ.
Придворный кругъ имъ внемлетъ въ благоговѣньи строгомъ,
Склоняются надменность и дерзость передъ Богомъ.
Трепещетъ баронесса и, волю давъ слезамъ,
Бросаетъ въ умиленьи цвѣтокъ съ груди пѣвцамъ.
„Народъ мой и супругу вы обольстить хотѣли!"
Старикъ-баронъ воскликнулъ, и съ дикой дрожью въ тѣлѣ
Въ грудь скальда молодого метнулъ своимъ копьемъ.—
Изъ сердца, вмѣсто пѣсенъ, кровь брызнула ключемъ.
Бѣжитъ толпа подъ гнетомъ зловѣщаго испуга...
Пѣвецъ угасъ въ объятьяхъ наставника и друга;
Старикъ плащомъ широкимъ окуталъ мертвеца
И съ ношей драгоцѣнной поѣхалъ изъ дворца.
Но у воротъ высокихъ сдержалъ коня и, въ руки
Взявъ лиру, гдѣ таились такіе диво-звуки,
О мраморъ колоннады старикъ ее разбилъ
И воздухъ изступленнымъ проклятьемъ огласилъ:
„Будь проклятъ, гордый замокъ! Въ твоихъ стѣнахъ надменныхъ

Пусть смолкнутъ звуки лиры и пѣсенъ вдохновенныхъ,
И только вопли, стоны пускай терзаютъ слухъ,
Пока тебя не сломитъ кровавой мести духъ!
Будь проклятъ садъ роскошный съ душистыми цвѣтами,
И пѣньемъ птицъ волшебныхъ и свѣжими ключами.
Стань дикою пустыней, изсохни, пропади,
Какъ этотъ трупъ, лежащій на старческой груди!"
Старикъ воззвалъ—и небо услышало моленье.
Лежитъ надменный замокъ во прахѣ, въ запустѣньи.
Одна колонна только о прошломъ говоритъ,
И та ужъ, покачнувшись, паденіемъ грозитъ.
А тамъ, гдѣ красовались сады въ сіяньи мая,
Раскинулась пустыня песчаная, нѣмая,
Тирана злое имя забыто... До конца
Исполнилось проклятье свободнаго пѣвца.

Перев. ***П. Вейнбергъ.***

Кинжалъ.

Лемносскій богъ тебя сковалъ
Для рукъ безсмертной Немезиды,
Свободы тайный стражъ, карающій кинжалъ,
Послѣдній судія позора и обиды!
Гдѣ Зевса громъ молчитъ, гдѣ дремлетъ мечъ закона,
Свершитель ты проклятій и надеждъ;
Ты кроешься подъ сѣнью трона,
Подъ блескомъ праздничныхъ одеждъ.
Какъ адскій лучъ, какъ молнія боговъ.
Нѣмое лезвее злодѣю въ очи блещетъ,
И, озираясь, онъ трепещетъ
Среди своихъ пировъ.
Вездѣ найдетъ его ударъ надежный твой:
На сушѣ, на водахъ, во храмѣ, подъ шатрами,
За потаенными замками,
На ложѣ сна, въ семьѣ родной...

Шумитъ подъ Кесаремъ завѣтный Рубиконъ,
Державный Римъ упалъ, главой поникъ законъ,
Но Брутъ возсталъ вольнолюбивый...
Кинжалъ, ты кровь излилъ—и мертвъ объемлетъ онъ
Помпея мраморъ горделивый.
Исчадье мятежей подъемлетъ злобный крикъ,
Презрѣнный, мрачный и кровавый,
Надъ трупомъ вольности безглавой,
Палачъ уродливый возникъ.
Апостолъ гибели—усталому Аиду,
Перстомъ онъ жертвы назначалъ,
Но высшій судъ ему послалъ
Тебя и дѣву Эвмениду.
Свободы мученикъ, избранникъ молодой,
О, Зандъ, твой вѣкъ угасъ на плахѣ!
Но добродѣтели святой
Остался блескъ въ казненномъ прахѣ.
Въ твоей Германіи ты грозной тѣнью сталъ;
И на торжественной могилѣ.
Грозя бѣдой преступной силѣ,
Горитъ безъ надписи кинжалъ.

А. С. Пушкинъ.

Утесъ.

Отошло далеко море,
Опустѣли берега;
И утесъ—въ глубокомъ горѣ:
Нѣтъ ни друга, ни врага...
Это море такъ ласкало
Съ тихимъ трепетомъ его,
Такъ любовно обнимало
Ноги друга своего!
Но оно такъ прихотливо
И капризно, на бѣду:
И любовь его такъ живо
Переходитъ во вражду!

Много разъ оно вздымалось
Противъ друга своего,
Злобно пѣнилось, бросалось
Съ дикимъ ревомъ на него.
Терпѣливъ утесъ гранитный,—
Такъ онъ созданъ былъ судьбой,—
И спокойно, съ силой скрытной
Онъ вступилъ съ волнами въ бой.
Зналъ онъ, что побѣду въ спорѣ
Одержать всегда онъ могъ
И что снова ляжетъ море
У его гранитныхъ ногъ.
Зналъ, что, послѣ схватки бурной,
Любоваться будетъ онъ
Гладью водъ его лазурной,
Иль внимать ему сквозь сонъ.
Это все прошло,—и нынѣ—
Какъ онъ мраченъ и суровъ,
Одинокъ въ своей пустынѣ,
Посреди сухихъ песковъ!
Иль забылъ онъ, старый воинъ,
Что не разъ ему такъ зло
Много трещинъ и пробоинъ
Это море нанесло?
Нѣтъ! онъ любитъ эти раны,
Эту память прежнихъ дней;
Морю онъ простилъ обманы...
Тѣмъ печаль его сильнѣй.
Онъ простилъ,—онъ безконечно
Радъ прощать... Изъ-за чего
Такъ спокойно и безпечно
Море бросило его?
Иль душѣ его мятежной
Было слишкомъ скучно съ нимъ,
И всю прелесть ласки нѣжной
Море отдало другимъ?
И тоскуетъ старый воинъ,
И поетъ на всѣ лады:
„Неужели недостоинъ
Я ни дружбы, ни вражды?..“

Д. Михаловскій.

Входъ воспрещается.

„Входъ воспрещается",—какъ часто надпись эту
Встрѣчаешь на вратахъ, гдѣ хочешь ты войти,
Гдѣ входятъ многіе, тебѣ жъ—посмотришь—нѣту
Свободнаго пути!
Тамъ—кабинетъ чудесъ; тамъ—рѣдкостей палата!
Хотѣлъ бы посмотрѣть!—Туда навезено
Диковинъ множество, и мрамора, и злата:
Пойдешь—воспрещено!
Тамъ, смотришь, голова! Прекрасной мысли, знанья
Ты пробуешь внести въ нее отрадный свѣтъ;
Напрасно: тутъ на лбу, какъ на фронтонѣ зданья,
Отмѣтка: „впуска нѣтъ".
А тамъ—храмъ счастія; кругомъ толпы народа;
Иные входятъ внутрь; ты хочешь проскользнуть,
Но стража грозная, стоящая у входа,
Твой заграждаетъ путь.
Ты просишь, кланяясь учтиво и покорно,
Ногою шаркая, подошвою скользя:
„Позвольте!"—А тебѣ настойчиво, упорно
Отвѣтствуютъ:—нельзя.—
„Да почему жъ нельзя? Проходятъ же другіе!"
Спросили мы тогда, а намъ гремѣлъ отвѣтъ:
—Проходятъ, можетъ быть, да это не такіе;—
Для васъ тутъ мѣста нѣтъ.
Вы—безъ протекціи. Вы что? Народъ небесный!
Ни знатныхъ, ни большихъ рука вамъ не далась,
Вотъ если было бы хоть барыни извѣстной
Ходатайство объ васъ!
Просили бы о васъ пригожія сестрицы,
Колдунья-бабушка, иль полновѣсный братъ,
А то вы налегкѣ летите, словно птицы:
Назадъ, дружки, назадъ!
„Что дѣлать?—Отойдемъ! Намъ не добиться
счастья,"—
Мы грустно молвили:—„златой его вѣнецъ
Намъ, вѣрно, не къ лицу. Поищемъ же участья
У ангельскихъ сердецъ!"

Идемъ. Вотъ женщина: открытая улыбка,—
Открытое лицо, открытый милый взглядъ!
Знать, сердце таково жъ... Приблизились: ошибка!
И тутъ ступай назадъ!
„Входъ воспрещается;" задернута завѣса,
Дверь сердца заперта; несчастный не войдетъ,
А между тѣмъ туда жъ какой-нибудь повѣса
Торжественно идетъ.
Дивишься иногда, какъ въ самый мигъ рожденья
Намъ былъ дозволенъ входъ на этотъ бѣлый свѣтъ,
И какъ не прогремѣлъ намъ голосъ отверженья,
Что намъ тутъ мѣста нѣтъ.
Одинъ еще открытъ намъ путь—и насъ уважутъ:—
Я знаю, какъ придетъ святая череда,
„Не воспрещается,"—намъ у кладбища скажутъ:—
„Пожалуйте сюда!"
На дрогахъ насъ везутъ; широкую дорогу
Мы видимъ, наконецъ, и ѣдемъ безъ труда.
Вотъ тутъ и ляжемъ мы близъ церкви, слава Богу!.
Но нѣтъ—и тутъ бѣда:
И мертвымъ намъ кричатъ: „куда вы? Тутъ ограда;
Здѣсь мѣсто мертвецамъ большимъ отведено;
Вамъ дальше есть мѣста четвертаго разряда,
А тутъ—воспрещено!"

В. Г. Бенедиктовъ.

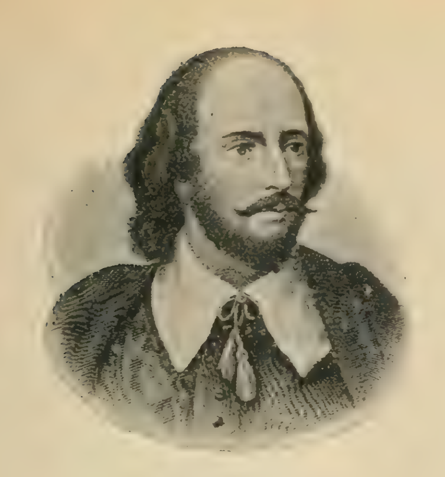
Изъ тюремныхъ мелодій.

Я отыскалъ два-три куплета
На старой выцвѣтшей стѣнѣ:
„Откликнись, братъ мой! Душно мнѣ!
Ночь безъ конца и безъ просвѣта."

. . . .

И вижу я, что риѳмы плохи,
Что стихъ небреженъ, но въ тиши
Я, будто, слышу, слышу вздохи
Тоской истерзанной души!

А. Ленцевичъ.



В. Шекспиръ.

Изъ трагедіи „Тимонъ Аѳинскій“.

В. Шекспира.

(Дѣйствіе 4-е, сцена 1-я.)

Передъ стѣнами Аѳинъ.

Тимонъ.

Дай на тебя послѣдній разъ взглянуть,
Стѣна, волкамъ служащая оградой!
О, провались ты въ землю, и Аѳинъ
Не защищай! Матроны, развратитесь!
Дитя, забудь родителей своихъ!
Рабы, шуты, низвергните на землю
Морщинистыхъ сенаторовъ-господъ,
И вмѣсто нихъ правителями станьте!
Ты, дѣвственность цвѣтущая, ступай
Немедленно въ пристанища разврата
И на глазахъ отцовъ и матерей
Распутничай! Банкроты, стойте твердо,
Когда придетъ за долгомъ кредиторъ,

И, вынувъ ножъ, ему порите горло!
Служители, воруйте у господъ,
Какъ господа воруютъ по закону
И грабятъ всѣхъ широкою рукой!

. . . .

. . . .

Ты, отрокъ-сынъ, костыль насильно вырви
У дряхлаго, увѣчнаго отца
И размозжи имъ голову сѣдую!
Любовь къ богамъ и набожность и страхъ,
И истина, и миръ, и справедливость,
Семейственность, сосѣдей добрый ладъ,
Ночной покой, приличье, просвѣщенье,
Религія, почтеніе къ лѣтамъ,
Промышленность, обычаи, законы—
Низвергнитесь въ то, что́ противно вамъ,
И пусть живетъ на свѣтѣ дикій хаосъ!
Ты, бичъ людей, зараза, ниспошли
На городъ мой, созрѣвшій для паденья,
Весь страшный ядъ твоихъ болѣзней. Вы,
Мученія подагры, изувѣчьте
Сенаторовъ, чтобъ стали члены ихъ,
Какъ нравственность, хромать и спотыкаться!
Нагой развратъ, проникни въ сердце, умъ
И мозгъ костей аѳинской молодежи,
Дай ей поплыть наперекоръ добру
И въ бѣшеномъ распутствѣ утопиться!
Вы, сѣмена нарывовъ, чирьевъ злыхъ,
Во всѣхъ грудяхъ аѳинскихъ распуститесь,
И сдѣлайте ихъ жатвою чумы
Всеобщей! Пускай одно дыханье
Вливаетъ ядъ въ другое, чтобъ ихъ жизнь,
Какъ дружба ихъ, была одна отрава!
Я уношу съ собою отъ тебя
Лишь нищету, о городъ ненавистный!
Возьми жъ и ты ее себѣ въ удѣлъ,
Возьми ее съ проклятьями моими!
Тимонъ уйдетъ въ лѣса: у самыхъ злыхъ звѣрей
Онъ больше доброты найдетъ, чѣмъ у людей.
Внемлите, боги, мнѣ: на жертву разрушенья
Отдайте городъ весь и всѣ его селенья,

И пусть во мнѣ растетъ все выше и сильнѣй
Съ годами ненависть къ породѣ всѣхъ людей!
Да будетъ такъ! (Уходитъ).

II.

(Дѣйствіе 4-е, сцена 3-я).

Лѣсъ и пещера около моря.

1-й Разбойникъ.

Откуда быть у него золоту? Это, вѣрно, какая-нибудь малость, какія-нибудь крохи отъ прежняго богатства. Оттого-то онъ и груститъ такъ, что денегъ нѣтъ, а друзья отвернулись.

2-й Разбойникъ.

Однако слыхать, что у него сокровищъ видимо-невидимо.

3-й Разбойникъ.

Попытаемся узнать. Коли онъ не дорожитъ деньгами, такъ безъ спору отдастъ ихъ; а вотъ какъ ихъ получишь, если онъ скряжничать станетъ?

1-й Разбойникъ.

Правда; вѣдь, онъ не носитъ ихъ съ собою, а прячетъ гдѣ-нибудь!

2-й Разбойникъ.

Не это ли онъ?

Всѣ.

Гдѣ?

1-й Разбойникъ.

Наружность—его.

2-й Разбойникъ.

Это онъ; я его знаю

Входитъ **Тимонъ**.

Всѣ.

Здорово, Тимонъ.

Тимонъ.

Чего вамъ, воры?

Всѣ.

Не воры, а солдаты.

Т и м о н ъ.

И воры, и солдаты, да вдобавокъ еще сыновья женщинъ.

В с ѣ.

Не воры мы, а люди въ самой крайней нуждѣ

Т и м о н ъ.

У васъ главнѣйшая нужда—
Питаніе: зачѣмъ же вамъ нуждаться?
Смотрите, вотъ въ землѣ коренья есть;
Тутъ сто ключей на небольшомъ пространствѣ;
Тамъ, на кустахъ, пурпурные плоды;
Здѣсь рядъ дубовъ, покрытыхъ желудями.
На всѣхъ кустахъ природа сытный столъ,
Какъ щедрая хозяйка, предлагаетъ—
И вы въ нуждѣ? Въ какой такой нуждѣ?

1-й Р а з б о й н и к ъ.

Не можемъ мы, какъ птицы, звѣри, рыбы,
Травою жить, плодами и водой.

Т и м о н ъ.

Не можете вы даже жить звѣрями,
И птицами, и рыбами: должны
Вы ѣсть людей. Но все же благодаренъ
Я вамъ за то, что хоть открыто вы
Воруете, не прикрывая дѣйствій
Почтенною личиной: вѣдь, у насъ
Сильнѣй всего воруется въ занятьяхъ,
Дозволенныхъ законами. Ну, вотъ
Вамъ золото *), мошенники и воры!
Ступайте же, сосите кровь лозы
До той поры, пока горячка вспѣнитъ
И вашу кровь, и тѣмъ избавитъ васъ
Отъ висѣлицъ. Врачамъ не довѣряйте:
Лѣкарства ихъ—отрава: чаще, чѣмъ
Вы грабите, они въ могилу сводятъ.
Лишайте всѣхъ и жизни, и богатствъ,
Всѣ гнусности свершайте: это ваше
Призваніе и ремесло. Вездѣ
Я вамъ найду грабительства примѣры:

---

*) Найденное Тимономъ въ землѣ.

Такъ, солнце—воръ, который океанъ
Обкрадываетъ силой притяженья;
И мѣсяцъ—воръ нахальный: крадетъ онъ
Свой блѣдный свѣтъ у солнца; океанъ—
Воръ: жидкостью своей онъ разрѣшаетъ
Луну въ потокъ соленыхъ слезъ; земля—
Такой же воръ: она родитъ, питаетъ
Навозомъ тѣмъ, что крадетъ для себя
Изъ всѣхъ людскихъ и скотскихъ испражненій.
Все въ мірѣ—воръ. Законъ—узда и бичъ
Подобныхъ вамъ—безъ наказанья грабитъ
Въ могуществѣ насильственномъ своемъ.
Самихъ себя вы не любите; грабьте
Другъ друга. Вотъ вамъ золота еще.
Пилите глотки: всѣ, кого вы только
Встрѣчаете—грабители. Теперь
Направьте путь въ Аѳины, разбивайте
Всѣ лавки тамъ: что́ ни украли бъ вы—
Украдете у вора. Не воруйте
Умѣреннѣй лишь оттого, что я
Вамъ это далъ. И пусть во всякомъ разѣ
Погубитъ васъ то золото. Аминь.

(Уходитъ въ пещеру.)

Перев. ***П. Вейнбергъ.***

Силуэтъ.

(Л. А. Е.).

„Если бъ ты умерла...“—эта мысль иногда,
Словно туча въ лазурно-сіяющій день,
Омрачаетъ любви моей сладкую лѣнь
И мои трудовые и дни и года.
Пусть давно окружаютъ насъ холодъ и мгла—
И къ теплу я, и къ свѣту съ тобою пробьюсь,
А одинъ, безъ тебя...—Я подумать боюсь,
Что бы сталось со мной, если бъ ты умерла.

Кто бы утромъ къ постели моей подошелъ
Звать меня поскорѣе взглянуть, какъ, горя
„Небывалой“ красой, занялася заря,
И какъ розанъ въ саду ей навстрѣчу расцвѣлъ?
Кто бы въ полдень на столъ мнѣ поставилъ букетъ
Изъ красивыхъ и нѣжныхъ цвѣтовъ полевыхъ,—
И цвѣты неземные мечтаній моихъ
Чей ласкалъ бы сердечно-привѣтливый свѣтъ?

Кто бъ согрѣлъ мнѣ горячимъ дыханьемъ своимъ
Въ зимній холодъ озябшія руки мои.—
Кто бъ съ улыбкой выслушивалъ повѣсть любви
Моей вѣтренной къ той, кѣмъ я не былъ любимъ?
Кто бы въ дни непосильныхъ заботъ и труда,
Когда врагъ насъ къ позорнымъ уступкамъ зоветъ
Обѣщая за нихъ и покой и почетъ,—
За меня и со мной отвѣчалъ: „никогда!“

Если бъ ты умерла, кто жъ въ послѣдній мой часъ
Мнѣ закроетъ глаза? Кто по смерти моей
Защититъ мою память отъ лживыхъ друзей
И не дастъ, чтобъ зажженный мой свѣточъ погасъ?
Я не знаю, какъ жизнь безъ тебя бы пошла,
Но моей путеводной звѣздой была ты,—
И все счастье мое, всѣ надежды, мечты
Я бъ съ тобой схоронилъ, если бъ ты умерла.

А. Луговой.

Л. А. Мей.

Отойди отъ меня, сатана.

На горѣ первозданной стояли Они
И надъ Ними, бездонны и сини,
Поднялись небосводы пустыни,
А подъ Ними земля—вся въ туманѣ, въ тѣни.
И Одинъ былъ блистательнѣй неба:
Благодать изливалась изъ кроткихъ очей
И сіялъ надъ главою вѣнецъ изъ лучей,
А другой былъ мрачнѣе эреба:
Изъ глубокихъ зеницъ вылетали огни;
На челѣ его злоба пылала
И подъ нимъ вся гора трепетала.
И Мессіи сказалъ сатана:
„Раввуни!
Отъ заката свѣтилъ до востока,
Землю всю, во мгновеніе ока,
Покажу я Тебѣ...“
И десницу простеръ...
Прояснилася даль... Изъ тумана
Засинѣлася зыбь океана,

Поднялися громады маститыя горъ
И земли необъятной равнина,
Вся въ свѣту и въ тѣни, подъ небеснымъ шатромъ,
Разостлалася круглымъ, цвѣтистымъ ковромъ.
Каменистая степь... Палестина...
Вотъ сѣдой Араратъ; вотъ угрюмый Синай;
Почернѣлые кедры Ливана;
Серебристая нить Іордана;
И десницей карающей выжженный край,
И возлюбленный градъ Саваоѳа:
Здѣсь Сіонъ въ тощей зелени маслинъ, а тамъ
Купы низкихъ домовъ съ плоской кровлею, храмъ,
Холмъ и крестъ на немъ праздный—Голгоѳа...
Къ югу—степь безъ границъ. Перекатной волной
Ураганы песокъ поднимаютъ,
А на немъ оазисы мелькаютъ,
Какъ зеленый узоръ на парчѣ золотой.
Красной пылью одѣты, деревья
Клонятъ книзу вершины подъ гнетомъ плода;
Разбрелись табуны кобылицъ и стада
Вкругъ убогихъ наметовъ кочевья;
Смугло-дикихъ наѣздниковъ рыщутъ толпы;
Воздухъ пламенемъ въ-встрѣчу имъ пышетъ,
А по воздуху марево пишетъ
Стѣны, башни, палаты, мосты и столпы.
Мимо...
Сѣрой, гремучей змѣею,
Безконечныя кольца влача черезъ илъ,
Въ тростникахъ густолиственныхъ тянется Нилъ.
Города многочленной семьею
Улеглися на злачныхъ его берегахъ;
Блещутъ синія воды Мерида;
Пирамида, еще пирамида,
И еще, и еще,—на широкихъ стопахъ
Опершись, поднялися высóко,
Обелисковъ идетъ непрерывная цѣпь;
Полногрудые сфинксы раскинулись, въ степь
Устремляя гранитное око...
Мимо...
Индъ и Гангесъ, сребро водной четой,
Катятъ волны въ далекое море;

Вѣковые лѣса на просторѣ
Разрослися вездѣ непроглядной стѣной:
Мелкой сѣтью заткали ліаны
Всѣ просвѣты съ верхушекъ деревъ до корней;
Попугаи порхаютъ; съ тяжелыхъ вѣтвей
Съ визгомъ прыгаютъ внизъ обезьяны;
Полосатую матку тигренекъ сосетъ;
Птичекъ носится яркая стая;
Осторожно сучки раздвигая,
Слонъ тяжелою поступью мѣрно бредетъ;
На коврахъ изъ цвѣтовъ и изъ ягодъ
Змѣи нѣжатся, свившись упругимъ кольцомъ,
И сквозь темную зелень зубчатымъ вѣнцомъ
Выдвигаются куполы пагодъ.
Подъ нависшимъ ихъ сводомъ, во мракѣ, блеститъ
Въ драгоцѣнныхъ каменьяхъ божница;
Безобразныя идоловъ лица
Лучъ священной лампады слегка золотитъ;
Предъ богами жрецы-изувѣры,
Преклоняясь во прахъ, благовонія жгутъ
И, въ неистовой пляскѣ кружася, поютъ
Свой молитвенный гимнъ баядеры.
Мимо...
Сѣверъ... Теряясь въ безвѣстной дали,
Разметались широко поляны;
Хмурой шапкой нависли туманы
Надъ челомъ побѣлѣлымъ холодной земли.
Нечѣмъ тѣшить пытливые взоры:
Снѣгъ да снѣгъ, все одинъ, вѣчно-дѣвственный снѣгъ,
Да узоры лиловые скованныхъ рѣкъ,
Да сосновые темные боры.
Сѣверъ спитъ: усыпилъ его крѣпкій морозъ,
Уложила сѣдая подруга,
Убаюкала буйная вьюга...
Не проснется во вѣкъ задремавшій колоссъ,
Или къ небу отчизны морозной
Приподниметъ главу, отягченную сномъ,
Зорко глянетъ очами во мракѣ ночномъ
И воспрянетъ громадою грозной!
Онъ воспрянетъ и, долгій нарушивши миръ,

Глыбы снѣга свои вѣковыя
И оковы свои ледяныя
Съ мощныхъ плечъ отряхнетъ на испуганный міръ!
Мимо...
        Словно младая наяда,
Въ свѣтлоструйномъ хитонѣ, съ вѣнчанной главой,
Изъ подводныхъ чертоговъ, изъ бездны морской
Выплываетъ небрежно Эллада.
Прорѣзные ряды величавыхъ холмовъ,
Острова, голубые заливы,
Виноградники, спѣлыя нивы,
Сладкозвучная сѣнь кипарисныхъ лѣсовъ,
Рощей пальмовыхъ темные своды—
Созданы для любви, наслажденій и нѣгъ...
Чудесами искусствъ увѣнчалъ человѣкъ
Вѣковѣчныя дива природы:
Вдохновеннымъ напѣвамъ слѣпого пѣвца
Вторятъ струны чарующей лиры;
Въ красотѣ первобытной кумиры
Возникаютъ подъ творческимъ взмахомъ рѣзца;
Взоръ дивятъ восковыя картины
Смѣлымъ очеркомъ лицъ, сочетаньемъ цвѣтовъ;
Горделивой красой храмовъ, стѣнъ и домовъ
Спорятъ Ѳивы, Коринѳъ и Аѳины.
Мимо...
        Римъ. Семихолмный, раскидистый Римъ,
Со своей нерушимой стѣною,
Со своею Тарпейской скалою,
Съ Капитоліемъ, съ пѣнистымъ Тибромъ своимъ...
        Груды зданій надъ грудами зданій:
Термы, портики, кровли домовъ и палатъ,
Тріумфальныя арки, дворцы и сенатъ—
        Въ коронадахъ нагихъ изваяній
И въ тройномъ ожерельѣ гранитныхъ столповъ.
        Вдоль по стогнамъ всесвѣтной столицы
        Скачутъ кони, гремятъ колесницы
И, блестя подвижной чешуею щитовъ,
        За когортой проходитъ когорта.
Мачты стройныхъ галеръ поднялись, какъ лѣса.
И, какъ чайки, трепещутъ крыломъ паруса
        На зыбяхъ отдаленнаго порта.

Форумъ стелется пестрою массой головъ;
Въ циркѣ зрителей тѣсныя группы
Обнизали крутые уступы;
Слышенъ смѣшанный говоръ и гулъ голосовъ:
Обитателей Рима арена
Созвала на позорище смертной борьбы,—
Здѣсь съ рабами сразятся другіе рабы,
Въ искупленье позорнаго плѣна;
Здѣсь боецъ-побѣдитель, слабѣя отъ ранъ,
Юной жизнью заплатитъ народу
За лавровый вѣнокъ и свободу;
Здѣсь, при радостныхъ кликахъ суровыхъ гражданъ,
Возрощенцевъ желѣзнаго вѣка,
Подъ вестальскою ложей отворится дверь,
На арену ворвется некормленный звѣрь
И въ куски изорветъ человѣка...
Мимо...
Полной кошницею свѣжихъ цвѣтовъ,
На лазурныхъ волнахъ Тирринеи,
Поднимаются скалы Капреи.
Посрединѣ густыхъ, благовонныхъ садовъ,
Вознеслася надменно обитель—
Перлъ искусства и верхъ человѣческихъ силъ:
Словно камни расплавилъ и снова отлилъ
Въ благолѣпныя формы строитель.
Въ темныхъ нишахъ, подъ вязами лилій и розъ,
Передъ мраморнымъ входомъ въ чертоги,
На-сторожѣ—хранители-боги
И трехглавый, изъ золота вылитый, песъ.
Купы миртъ и оливъ и алоэ
Водометы жемчужною пылью кропятъ...
Скоморохи въ личинахъ наполнили садъ,
Какъ собраніе статуй живое:
Подъ кустомъ отдыхаетъ сатиръ-паразитъ,
У фонтана гетэра-наяда,
И нагая плясунья-дріада
Сквозь зеленыя вѣтви лукаво глядитъ.
Вкругъ чертоговъ хвалебныя оды
Воспѣваетъ согласный, невидимый клиръ,
Призывая съ небесъ благоденственный миръ
На текущіе Кесаря годы,

Прорицая безсмертье ему впереди.
И, подъ стройные клирные звуки,
Опершись на изсохшія руки,
Старецъ, въ пурпурной тогѣ съ змѣей на груди,
Среди сонма Лаисъ и Глицерій,
Задремалъ на одрѣ золотомъ... Это самъ,
Сопрестольный, соравный безсмертнымъ богамъ,
Властелинъ полусвѣта—Тиверій.

—„Падши ницъ, поклонись—и отдамъ все сполна
Я Тебѣ...“—говоритъ искуситель.
Отвѣчаетъ Небесный Учитель:
—„Отойди, отойди отъ Меня, сатана!“.

Л. А. Мей.

* * *

Я хочу веселья, радостнаго пѣнья,
Буйнаго разгула, смѣха и остротъ—
Оттого, что зналъ я лишь одни мученья,
Оттого, что жилъ я подъ ярмомъ заботъ.
Воздуха, цвѣтовъ мнѣ, солнечной погоды!
Слишкомъ долго шелъ я грязью, подъ дождемъ.
Я хочу веселья, я хочу свободы—
Оттого, что былъ я скованнымъ рабомъ!
Я хочу рубиться, мстить съ безумной страстью—
Оттого, что долго былъ покоренъ злымъ.
И хочу любви я, и хочу я счастья—
Оттого, что не былъ счастливъ и любимъ!

Скиталецъ.

Юность.

Не съ горделивой усмѣшкой презрѣнья,
 Съ юностью вашей прощайтесь, друзья,
Съ этою ясной зарей бытія
Съ этой блаженной порой опьяненья,
Траты слѣпой самыхъ цѣнныхъ даровъ,
Дерзкой вражды и съ людьми, и съ богами,
Горькихъ ошибокъ, ребяческихъ сновъ,
Свѣтлыхъ побѣдъ и вѣнчанья цвѣтами!
Все, что живого подъ солнцемъ цвѣтетъ,
Къ свѣту и радости взоръ устремляя,
Движется ею одною впередъ:
— Благословенна ты, юность святая!
Пусть мудрецы съ охлажденнымъ умомъ
Трезвому опыту васъ поучаютъ,
Небо миражемъ пустымъ называютъ,
Грезы о крыльяхъ—несбыточнымъ сномъ.
Въ слѣдъ безпокойной Икаровой тѣни
Смѣло, о братья, отважно впередъ,
Выше, все выше! Не бойтесь паденій
Съ ясныхъ небесныхъ высотъ!
Слава побѣды лишь храбрымъ дается,
Срама на знаетъ погибшій въ борьбѣ...
— Юность, тебѣ наша пѣсня поется:
Вѣчная слава тебѣ!

П. Я.

Бой китовъ.

Передъ бурей въ непогоду
 Разыгралися киты.
Сколько ихъ! Кругомъ мелькаютъ
Будто темные щиты
Нѣкихъ витязей подводныхъ.

Бой незримъ, но слышенъ громъ.
Надъ пучиною кипящей
Ходятъ волны ходенемъ,
Проступаютъ остріями...
Нѣтъ сомнѣнья: подъ водой,
Подъ великими волнами,
Занялся могучій бой!
Волны—витязей шеломы,
Бури ревъ—ихъ голоса!
Блещутъ очи...
Кто на вахтѣ?
Убирайте паруса.
Чтобъ не спутаться снастями
Между дланей и мечей:
Увлекутъ они въ пучину
Насъ, непрошенныхъ людей.
Закрывай плотнѣе люки!
Такъ! Совсѣмъ безъ парусовъ
Съ ними мы еще поспоримъ!
Ходу дай! Прибавь паровъ...
Налетаетъ шквалъ за шкваломъ,
Черезъ бортъ идетъ волна;
Грохотъ, посвистъ и шипѣнье,
Въ стройныхъ мачтахъ дрожь слышна.
Не уловишь взглядомъ въ тучахъ
Очертаній буревыхъ...
Какъ зато повеселѣли
Стаи грустныхъ птицъ морскихъ!
Кто сказалъ, что въ бурѣ страхи?
Подъ размахами ея (ее)
Вялы, робки и пугливы
Только слабость да нытье...

К. К. Случевскій.

М. Л. Михайловъ.

Изъ Гейне.

Брось свои иносказанья
И гипотезы святыя!
На проклятые вопросы
Дай отвѣты намъ прямые!

Отчего подъ ношей крестной,
Весь въ крови, влачится правый?
Отчего вездѣ безчестный
Встрѣченъ почестью и славой?

Кто виной? иль силѣ Бога
На землѣ не все доступно?
Или онъ играетъ нами?
Это подло и преступно!

Такъ мы спрашиваемъ жадно
Цѣлый вѣкъ, пока безмолвно
Не забьютъ намъ рта землею...
Да отвѣтъ ли это, полно?

М. Л. Михайловъ.

Мятежъ.

Les sourds tambours de tant de jours.
E. Verhaeren.

Туда, гдѣ надъ площадью—ножъ гильотины,
Гдѣ вольно по улицамъ рыщетъ набатъ,
Мечты, обезумѣвъ, летятъ.

Бьютъ сборъ барабаны былыхъ оскорбленій,
Проклятій безсильныхъ, раздавленныхъ въ прахъ,
Бьютъ сборъ барабаны въ умахъ.

Глядитъ циферблатъ колокольни старинной
Съ угрюмаго неба ночного, какъ глазъ...
Чу! бьетъ предназначенный часъ!

Надъ крышами вырвалось мстящее пламя,
И вѣтеръ змѣистыя жала разнесъ,
Какъ космы кровавыхъ волосъ.

Всѣ тѣ, для кого безнадежность—надежда,
Кому внѣ отчаянья—радости нѣтъ,
Выходятъ изъ мрака на свѣтъ.

Безсчетныхъ шаговъ возрастающій топотъ
Все громче и громче въ зловѣщей тѣни,
На дорогѣ въ грядущіе дни.

Протянуты руки къ разорваннымъ тучамъ,
Гдѣ вдругъ прогремѣлъ угрожающій громъ,
И молніи ловятъ изломъ.

Безумцы! кричите свои повелѣнья!
Сегодня всему наступаетъ пора,
Что бредомъ казалось вчера!

Зовутъ... приближаются... ломятся въ двери,—
Удары прикладовъ качаютъ окно,—
Убивать—умереть—все ровно!

В. Брюсовъ.

Рыцарь на часъ.

Звукъ за звукомъ гудя прокатился,
Насчиталъ я двѣнадцать часовъ.
Съ колокольни старикъ возвратился,
Слышу шумъ его звонкихъ шаговъ,
Вижу тѣнь его; сѣлъ на ступени,
Дремлетъ, голову свѣсивъ въ колѣни.
Онъ въ мохнатую шапку одѣтъ,
Въ балахонѣ убогомъ и темномъ...
Все, чего не видалъ столько лѣтъ,
Отъ чего я пространствомъ огромнымъ
Отдѣленъ,—все живетъ предо мной,
Все такъ ярко рисуется взору,
Что не вѣрится мнѣ въ эту пору,
Чтобъ не могъ увидать я и той,
Чья душа здѣсь незримо витаетъ,
Кто подъ этимъ крестомъ почиваетъ...

Повидайся со мною, родимая!
Появись легкой тѣнью на мигъ;
Всю ты жизнь прожила нелюбимая,
Всю ты жизнь прожила для другихъ.
Съ головой, бурямъ жизни открытою,
Весь свой вѣкъ подъ грозою сердитою
Простояла ты,—грудью своей
Защищая любимыхъ дѣтей...
И гроза надъ тобой разразилася!

Ты, не дрогнувъ, ударъ приняла,
За враговъ, умирая, молилася,
На дѣтей милость Бога звала.
Неужели за годы страданія
Тотъ, кто столько тобою былъ чтимъ,
Не пошлетъ тебѣ радость свиданія
Съ погибающимъ сыномъ твоимъ?..

Я кручину мою многолѣтнюю
На родимую грудь изолью,
Я тебѣ мою пѣсню послѣднюю,
Мою горькую пѣсню спою.

О, прости! то не пѣснь утѣшенія,—
Я заставлю страдать тебя вновь,
Но я гибну—и ради спасенія
Я твою призываю любовь!
Я пою тебѣ пѣснь покаянія,
Чтобы кроткія очи твои
Смыли жаркой слезою страданія
Всѣ позорныя пятна мои!
Чтобъ ту силу свободную, гордую,
Что въ мою заложила ты грудь,
Укрѣпила ты волею твердою
И на правый поставила путь...

Треволненья мірского далекая,
Съ неземнымъ выраженьемъ въ очахъ,
Русокудрая, голубоокая,
Съ тихой грустью на блѣдныхъ устахъ,
Подъ грозой величаво-безгласная—
Молодая умерла ты, прекрасная,
И такой же явилась ты мнѣ
При волшебно свѣтящей лунѣ.
Да! я вижу тебя, блѣднолицую,
И на судъ твой себя отдаю.
Не робѣть передъ правдой-царицею
Научила ты музу мою;
Мнѣ не страшны друзей сожалѣнія,
Не обидно враговъ торжество,—
Изреки только слово прощенія,
Ты, чистѣйшей любви божество!
Что враги? пусть клевещутъ язвительнѣй,
Я пощады у нихъ не прошу.
Не придумать имъ казни мучительнѣй
Той, которую въ сердцѣ ношу!
Что друзья? Наши силы не ровныя:
Я ни въ чемъ середины не зналъ:
Что обходятъ они, хладнокровные,
Я на все безразсудно дерзалъ;
Я не думалъ, что молодость шумная,
Что надменная сила пройдетъ—
И влекла меня жажда безумная,
Жажда жизни,—впередъ и впередъ!

Увлекаемъ безславною битвою,
Сколько разъ я надъ бездной стоялъ,
Поднимался твоею молитвою,
Снова падалъ—и вовсе упалъ!..
Выводи на дорогу тернистую!
Разучился ходить я по ней,
Погрузился я въ тину нечистую
Мелкихъ помысловъ, мелкихъ страстей.
Отъ ликующихъ, праздно болтающихъ,
Обагряющихъ руки въ крови
Уведи меня въ станъ погибающихъ
За великое дѣло любви!
Тотъ, чья жизнь безполезно разбилася,
Можетъ смертью еще доказать,
Что въ немъ сердце неробкое билося,
Что умѣлъ онъ любить...

Н. А. Некрасовъ.

Пробужденіе.

Прилетѣли сюда изъ цвѣтущей земли,
Высоко въ небесахъ пронеслись журавли.
Прилетѣлъ вѣтерокъ изъ свободной земли,
Всколыхнулъ паруса, понеслись корабли.
Онъ снѣга растопилъ, и по лику земли,
Словно бурныя слезы, ручьи потекли.

И звенятъ ручейки о лучахъ, о теплѣ,
И о томъ, какъ свѣтла станетъ жизнь на землѣ,
Какъ ворвется въ тюрьму вольный вѣтеръ степей
И растаютъ, какъ снѣгъ, звенья тяжкихъ цѣпей,
И навстрѣчу ему—встрепенутся сердца,
И цвѣты расцвѣтутъ на могилѣ борца.

О. Чюмина.

Голосъ изъ вьюги.

Въ стонахъ вѣтра и бури, во мракѣ ночномъ,
Въ тьмѣ, рокочущей вьюгою снѣжною,
Чей-то голосъ мнѣ слышится все за окномъ,
Полный мощи, но съ ласкою нѣжною.
Слышу вѣщій глаголъ я, какъ будто въ бреду,
Сквозь порывы метели рыдающей:
Я иду! я иду! я иду!
Бѣдный людъ, горемычный, страдающій
Въ мукахъ жизни, какъ будто въ аду,—
Жди и вѣрь: я иду! я иду!
Ты, затерянный въ мракѣ забвенія,
Ты, задавленный игомъ мученія!
Черезъ бури, туманы и тьму
Я къ порогу иду твоему!
Ты, утратившій всѣ упованія,
Ты, съ невольной печатью молчанія
На запекшихся блѣдныхъ устахъ!
Все я вижу и слышу впотьмахъ:
Твой недугъ, и печаль, и рыданья!
Жди, иду я на помощь, мой братъ,
Мимо гордыхъ, высокихъ палатъ,
Мимо храмовъ, блистающихъ славою,
Гдѣ главу лицемѣрно клоня,
Распиная меня,
Лѣвой душатъ, но крестятся правою!
Вѣрь, мой братъ, не безслѣдно текли
Кровь и слезы для міра незримыя,
Что струилися въ лоно земли!
Охъ, несчастные! охъ, вы, гонимые!
Васъ укрыть отъ меня не могли!
Слышу, вижу тебя я, страдающій,
И къ порогу иду твоему,
Въ полночь, въ стонахъ метели рыдающей
Я иду черезъ бурю и тьму.

А. И. Пальминъ.

Альбатросъ.

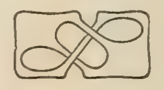
Усталый бѣлый альбатросъ,
Вдали отъ береговъ пустынныхъ,
Летѣлъ за мной на крыльяхъ длинныхъ
Навстрѣчу шкваловъ, бурь и грозъ.
Крылами грузно шевеля,
Борьбой измученный жестокой,
Спустился хищникъ одинокій
На бортъ могучій корабля.
Невольный, нелюдимый гость,
Онъ былъ не плѣнникъ и не нищій.
Когда ему я бросилъ пищи,
Въ зрачкахъ его сверкнула злость.
Подачки брать онъ не привыкъ:
Изъ бездны онъ хваталъ добычу,
Внимая грозной бури кличу,
Сливая съ нею рѣзкій крикъ.
Онъ вдаль глядѣлъ передъ собой,
Угрюмый, гордый, недвижимый,
Какъ я, безуміемъ гонимый,
Какъ я—обманутый судьбой.
И, можетъ быть, какъ я, впередъ
Летѣлъ онъ къ цѣли неизвѣстной,
Прочь отъ борьбы земли безчестной,
Въ родное царство непогодъ.
Лишь только неба темный край
Заря слегка позолотила,
Къ нему опять вернулась сила,
И я сказалъ ему: „Прощай.
Меня, товарищъ, не забудь
И не забудь мою услугу.
Случайно встрѣченному другу
Ты отплати когда-нибудь.
Когда къ землѣ прибьетъ мой трупъ,
Ты вырви острымъ клювомъ очи,
Чтобъ мнѣ не видѣть въ вѣчной ночи
Предательски лобзавшихъ губъ."

А. М. Өедоровъ.

Чайка.

Безконечная ширь, безконечный просторъ
Голубого, спокойнаго моря.
По водѣ пробѣгаетъ волнистый узоръ,
И въ туманную даль точно просится взоръ
За предѣлы и счастья, и горя.
Тишина... Ни души надъ спокойной водой.
Только чайка одна молодая,
Отражаясь въ глубокой лазури морской,
Тихо рѣетъ и вьется надъ сонной волной,
Бѣлой грудью на солнцѣ сверкая.
Слышитъ чайка знакомый ли голосъ родной
Полный ласки, любви и участья?
Иль мерещится ей, тамъ, въ дали голубой,
Окрыленный волшебной, завѣтной мечтой,
Призракъ свѣтлаго, тихаго счастья?
Иль, быть можетъ, мятежной душою она
Ищетъ бури, невзгодъ и страданья?
Только крикъ ея громкій порою волна
Отражаетъ, и въ голосѣ чайки слышна
Безпокойная грусть ожиданья.
Пусть нахмурится неба сіяющій сводъ,
Пусть ударитъ гроза боевая,
И волна, на волну подымаясь, встаетъ,
И бушующій вѣтеръ и мечетъ, и рвѳтъ,
Брызги, пѣну кругомъ разметая,—
Съ крикомъ радостнымъ кинется чайка на бой,
Чтобы съ бурею крѣпче схватиться,
Чтобы выдержать смѣло ударъ грозовой,
И бороться съ холодною страшной волной,—
И побѣды желанной добиться!

В. К—ая.



П. Я. [П. Ф. Якубовичъ].

Матери.

Мнѣ снилось сегодня—въ безвѣстномъ краю
Въ слезахъ я родимую видѣлъ свою.
— „Скажи, мой желанный, скажи, дорогой,
Дождусь ли тебя я, соколикъ, домой?
Взгляни: мои очи ослѣпли отъ слезъ,
И снѣга бѣлѣй стали пряди волосъ...
Все грезятся мнѣ на яву и во снѣ,
Страданья твои въ чужедальней странѣ,
Все слышу бряцанье тяжелыхъ цѣпей,
Все вижу замки у дубовыхъ дверей;
За ними—знакомыя поступь и рѣчь...
Нельзя мнѣ спокойно въ могилушку лечь!"
— О, матушка милая! Радъ бы душой
Тебя я утѣшить, вернуться домой...
Три были бы жизни даны мнѣ въ удѣлъ—
Всѣ отдалъ бы я,—и къ тебѣ полетѣлъ!
Но душу живую посмѣю ль продать?
Могла ли-бъ меня ты за сына признать?—
И слезы лились у родимой рѣкой,
И дряхлой качала она головой...

П. Я.

Казнь Стеньки Разина.

Точно море въ часъ прибоя,
Площадь Красная гудитъ.
Что за говоръ? Что тамъ противъ
Мѣста лобнаго стоитъ?

Плаха черная далеко
Отъ себя бросаетъ тѣнь...
Нѣтъ ни облачка на небѣ...
Блещутъ главы... Ясенъ день.

Ярко съ неба свѣтитъ солнце
На кремлевскіе зубцы,
И вокругъ высокой плахи
Въ два ряда стоятъ стрѣльцы.

Вотъ толпа заколыхалась,—
Проложилъ дорогу кнутъ:
Той дороженькой на площадь
Стеньку Разина ведутъ.

Съ головы казацкой сбриты
Кудри черныя, какъ смоль;
Но лица не измѣнили
Казни страхъ и пытки боль.

Такъ же мрачно и сурово,
Какъ и прежде, смотритъ онъ.—
Передъ нимъ былое время
Возстаетъ, какъ яркій сонъ:

Дона-тихаго приволье,
Волги-матушки просторъ,
Гдѣ съ судовъ большихъ и малыхъ
Бралъ онъ съ вольницей поборъ!

Какъ онъ съ силою казацкой
Рыскалъ вихоремъ степнымъ,
И кичливое боярство
Трепетало передъ нимъ.

Душитъ злоба удалого,
Жжетъ огнемъ и давитъ грудь,
Но тяжелыя колодки
Съ ногъ не въ силахъ онъ смахнуть.

Съ болью тяжкою оставилъ
Въ это утро онъ тюрьму;
Жаль не жизни, а свободы,
Жалко волюшки ему.

Не придется Стенькѣ кликнуть
Кличъ казацкой голытьбѣ
И призвать ее на помощь
Съ Дона-тихаго къ себѣ.

Не удастся съ этой силой
Силу ратную тряхнуть,—
Воеводъ, бояръ московскихъ
Въ три погибели согнуть.

„Какъ подъ городомъ Симбирскомъ,—
Думу думаетъ Степанъ—
Рать казацкая побита,
Не побитъ лишь атаманъ.

Знать ужъ долюшка такая,
Что не палъ казакъ въ бою,
И сберегъ для черной плахи
Буйну голову свою.

Знать ужъ долюшка такая.
Что на Донъ казакъ бѣжалъ.
На родной своей сторонкѣ
Во пойманіе попалъ.

Не больна мнѣ та обида,
Та истома не горька,
Что московскіе бояре
Заковали казака;

Что на помостѣ высокомъ
Поплачусь я головой
За разгульныя потѣхи
Съ разудалой голытьбой.

Нѣтъ, мнѣ та больна обида,
Мнѣ горька истома та,
Что измѣною, неправдой
Голова моя взята!

Вотъ сейчасъ на смертной плахѣ
Срубятъ голову мою,
И казацкой алой кровью
Черный помостъ я полью...

Ой ты, Донъ ли мой родимый!
Волга матушка рѣка!
Помяните добрымъ словомъ
Атамана казака!..“
Вотъ и помостъ передъ Стенькой...
Разинъ бровью не повелъ
И наверхъ онъ, по ступенькамъ,
Бодрой поступью взошелъ.
Поклонился онъ народу,
Помолился на соборъ...
И палачъ, въ рубахѣ красной,
Высоко взмахнулъ топоръ...
„Ты прости, народъ крещеный!
Ты прости-прощай, Москва!..“
И скатилась съ плечъ казацкихъ
Удалая голова.

И. З. Суриковъ.

Розы.

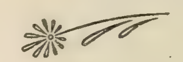
(Изъ лѣтняго альбома).

Въ разсвѣтномъ туманѣ стоятъ острова;
Скрывается море за сѣрою далью;
Несетъ къ нему гордыя воды Нева,
Сверкая то чернью, то жидкою сталью.
Какъ сторожъ суровый и вѣрный, гранитъ
Красавицу-рѣку безмолвно хранитъ.
И только съ далекаго моря, свободный,
Бушуетъ и рветъ ее вѣтеръ холодный.
Все мрачные, сѣрые всюду тона;
Блестящая звѣздами ночь—холодна.

Деревья шумятъ своей темной листвою
Съ какою-то тайной тоской роковою,
А длинныя, черныя крылья тѣней
Отъ звѣзднаго свѣта чернѣй и страшнѣй.
Не спитъ еще городъ,—и мчатся коляски,
Спѣша уносить за четою чету.
Смѣхъ, говоръ, слова беззастѣнчивой ласки
Звучатъ въ этотъ утренній часъ на мосту;
Усталыя лица... небрежныя позы...
Пресыщенность позднихъ ночныхъ кутежей...
А рядомъ вдругъ—голосъ:
— „Душистыя розы!
Вотъ розы! Вы розъ не найдете свѣжѣй!..“
То жалкій бѣднякъ, озираясь съ опаской,
Тревожно и долго бѣжитъ за коляской,
Стремясь обогнать поворотъ колеса;
Охрипъ, весь оборванъ, прикрытъ еле-еле,
Лохмотья на тощемъ, продрогнувшемъ тѣлѣ,
Въ глазахъ—выраженье голоднаго пса!
А въ грязныхъ рукахъ его свѣжія розы,
Съ улыбкой своей безсознательной грезы!..
— Не въ пышныхъ садахъ благодатной земли,
Италіи свѣтлой, тѣ розы цвѣли,
Не роскоши дерзкой Нероновскихъ оргій
Онѣ въ упоеньи вѣнчали восторги:
На сѣверѣ бѣдномъ взростали цвѣты;
Въ позорныхъ и пестрыхъ притонахъ разгула
Мгновеньемъ ихъ юная свѣжесть мелькнула...
Тамъ къ стройнымъ ногамъ покупной красоты
Несла ихъ толпа раболѣпною данью,
Покорна грѣха и позора созданью.
Свое отыграли—и брошены прочь...
Бѣднякъ подобралъ ихъ подъ страхомъ угрозы,
И такъ простоитъ онъ до утра всю ночь,
Взывая напрасно:
— Душистыя розы!
Купите, вотъ розы, вотъ свѣжія розы!..
Я помню—однажды—преданье прочла:
„Въ Тюрингіи гдѣ-то графиня жила.
Какъ ангелъ прекрасна, добра и свѣтла.
Небесная кротость! Само состраданье!..

Судьба наградила святое созданье
Супругомъ, подобнымъ исчадію зла.
Однажды графиня—гласило преданье—
Несчастнымъ голоднымъ несла подаянье
Тайкомъ отъ жестокаго графа, какъ вдругъ—
О, ужасъ—ей встрѣтился грозный супругъ!
— Что вижу? Нарушивъ мои запрещенья,
Ты снова подачки несешь бѣднякамъ?
Скорѣй покажи мнѣ, что прячешь ты тамъ?
И если то хлѣбъ, такъ не будетъ прощенья:
Своею свободой поплатишься ты!
— Цвѣты!—прошептала бѣдняжка въ смущеньи...
— Давай-ка... взгляну я на эти цвѣты!
И что же? Увидѣлъ Господь ея слезы,
И хлѣбъ превратилъ Онъ въ душистыя розы.
Всевышній, на трудномъ житейскомъ пути
Когда-то помогшій прекрасной графинѣ,
Скорѣй сотвори жъ свое чудо и нынѣ—
И розы ты въ хлѣбъ бѣдняку преврати!

Т. Л. Щепкина-Куперникъ.



Міазмъ.

Домъ стоитъ близъ Мойки,—вензеля въ коронкахъ
Скрасили балконъ,
Въ домѣ роскошь—мраморъ, хоры на колонкахъ,
Расписной плафонъ.
Шумно было въ домѣ: гости пріѣзжали—
Вечера, балы.
Вдругъ все стало тихо—даже перестали
Натирать полы.
Няня въ кухнѣ плачетъ, поваръ снялъ передникъ,
Перевязь—швейцаръ:
Заболѣлъ внезапно маленькій наслѣдникъ—
Судороги, жаръ...
Вотъ—передъ кіотой огонекъ лампадки...
И хозяйка-мать

Приложила ухо къ пологу кроватки—
Стоновъ не слыхать.
— „Боже мой! ужели?!.. Кажется, что дышитъ".
Но на этотъ разъ
Мнимое дыханье только сердце слышитъ—
Сынъ ея погасъ.
— „Боже милосердный! Я ли не молилась
„За родную кровь!
„Я ли не любила! Чѣмъ же отплатилась
„Мнѣ моя любовь!
„Боже! страшный Боже! Гдѣ жъ твои щедроты,
„Коли отнялъ ты
„У отца надежду, у моей заботы
„Лучшія мечты!"
И отъ взрыва горя въ ней изсякли слезы,—
Жалобы напѣвъ
Перешелъ въ упреки, въ дикія угрозы,
Въ богохульный гнѣвъ.
Вдругъ остановилась, дрогнула отъ страха,
Крестится, глядитъ:
Видитъ—промелькнула бѣлая рубаха,
Что-то шелеститъ.
И мужикъ косматый, точно изъ берлоги,
Вылѣзъ на просторъ,
Сѣлъ на табуретѣ и босыя ноги
Свѣсилъ на коверъ.
И вздохнулъ и молвилъ: „Ты ужъ за ребенка
„Лучше помолись;
„Это я, голубка, глупый мужиченко...
„На меня гнѣвись..."
Въ ужасѣ хозяйка—жмурится, читаетъ:
„Да воскреснетъ Богъ!"
„Няня, няня! Люди!—Кто ты?" вопрошаетъ:
„Какъ войти ты могъ?!"
— „А сквозь щель, голубка: вѣдь твое жилище
„На моихъ костяхъ;
„Новый домъ твой давитъ старое кладбище—
„Нашъ отпѣтый прахъ.
„Вызваны мы были при Петрѣ Великомъ—
„Къ намъ пришелъ указъ.
„Взвыли наши бабы и ребята крикомъ

„Проводили насъ.
„И, крестясь, мы вышли. Съ родиной проститься
„Жалко было, тожъ—
„Подростали дѣтки, да и колоситься
„Начинала рожь...
„За спиной то пилы, топоры несли мы:
„Шелъ не я одинъ.
„Къ Петрову, голубка, подъ Москву пришли мы,
„А сюда—въ Ильинъ.
„Истопталъ я лапти... Началась работа;
„Почали спѣшить;
„Лѣсъ валить дремучій, засыпать болота,
„Сваи колотить.—
„Годикъ былъ тяжелый. За Невою, въ лѣто,
„Выросъ городокъ!—
„Прихватила осень—я шубенку гдѣ-то
„Заложилъ въ шинокъ.
„Къ зимѣ-то пригнали новыхъ на подмогу;
„А я слегъ въ шалашъ;
„Къ утру, подъ рогожей, отморозилъ ногу,
„Умеръ и шабашъ!
„Вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ и зарыли.—
„Барыня, повѣрь,
„Въ тѣ поры тутъ ночью только волки выли—
„То ли что теперь!
„Ге! теперь не то что... милліонъ народу...
„Стѣны ваше горъ.
„Изъ подвальной ямы выкачали воду—
„Дали мнѣ просторъ...
„Ты меня не бойся—что я? мужиченко!
„Грязенъ, бѣденъ, сгнилъ,
„Только вздохъ мой тяжкій твоего ребенка
„Словно придушилъ...“
Онъ исчезъ—хозяйку около кровати
На полу нашли;
Появленье духа къ нервной лихорадкѣ,
Къ бреду отнесли.
Но съ тѣхъ поръ хозяйка въ сѣверной столицѣ
Что-то не живетъ.
Вѣчно то въ деревнѣ, то на югѣ, въ Ниццѣ...
Домъ свой продаетъ.—

И пустой стоитъ онъ,—только дождь стучится
Въ запертой подъѣздъ,
Да въ окошкахъ темныхъ по ночамъ слезится
Отраженье звѣздъ.

Я. П. Полонскій.

На улицѣ.

На снѣгу ты лежишь неподвижная,
Разметалися косы кругомъ
И застыла тоска непостижная
На лицѣ посинѣвшемъ твоемъ...
Прямо въ небо глядятъ безмятежное,
Не смыкаяся, очи твои...
Въ нихъ сквозитъ безконечное, нѣжное
Выраженіе скорбной любви...
Какъ погибла ты, жертва несчастная,
За кого отдала ты себя,
Въ это утро морозное, ясное
Безпросвѣтную жизнь загубя?
Нищета ль истомила глубокая,
Или общества злой приговоръ,
И на смерть ты пошла одинокая.
Пережить не могла ты позоръ?
Ты молчишь... Суетливая, праздная
Собралася толпа... Надъ тобой
Ужъ ростетъ клевета безобразная;
Подымается говоръ глухой.
Полицейскій руками нечистыми
Поднялъ дивныя пряди волосъ.
Ихъ цвѣтами убралъ серебристыми,
Какъ фатою вѣнчальной, морозъ.
И лежишь ты невѣстой печальною
На постели своей снѣговой,
Поражая красой идеальною,

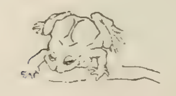
Бездыханною, мертвой красой...
Успокоилась ты, одинокая!
Пусть кругомъ говорятъ и шумятъ—
Не смыкаяся, въ небо высокое
Прямо гордыя очи глядятъ...

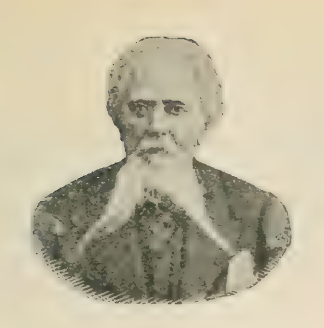
В. И. Немировичъ-Данченко.

* * *

Жизни угрюмое море
Много послало намъ горя,
Много губительныхъ волнъ!
Часто съ могучаго вала
Буря насъ въ бездну бросала
И затопляла нашъ челнъ!
Люди спокойно взирали,
Какъ мы въ борьбѣ погибали
И выбивались со дна.
Съ берега тихаго счастья
Было красиво ненастье
И развлекала волна.
Вѣрой и смѣлой борьбою
Мы побѣдили съ тобой!
Но въ этотъ радостный часъ
Снова насъ манитъ стихія:—
Тамъ погибаютъ другіе...
Счастье преступно для насъ!

А. Лукьяновъ.





А. М. Жемчужниковъ.

Осенніе журавли.

Сквозь вечерній туманъ, мнѣ, подъ небомъ стем-
нѣвшимъ.
Слышенъ крикъ журавлей все яснѣй и яснѣй...
Сердце къ нимъ понеслось, издалёка летѣвшимъ,
Изъ холодной страны, съ обнаженныхъ степей.
Вотъ ужъ близко летятъ, и все громче рыдая,
Словно скорбную вѣсть мнѣ они принесли...
Изъ какого же вы непривѣтнаго края,
Прилетѣли сюда на ночлегъ, журавли?..

Я ту знаю страну, гдѣ ужъ солнце безъ силы;
Гдѣ ужъ савана ждетъ, холодѣя, земля,
И гдѣ въ голыхъ лѣсахъ воетъ вѣтеръ унылый,—
То родимый мой край, то отчизна моя.
Сумракъ, бѣдность, тоска, непогода и слякоть,
Видъ угрюмый людей, видъ печальный земли...
О, какъ больно душѣ, какъ мнѣ хочется плакать!..
Перестаньте рыдать надо мной, журавли!..

А. М. Жемчужниковъ.

Галатэя.

I.

Бѣлою глыбою мрамора, высей прибрежныхъ отброскомъ,
Страстно плѣнился ваятель на рынкѣ паросскомъ;
Сталъ передъ ней—вдохновенный, дрожа и горя...
Фебъ утомленный закинулъ свой щитъ златокованный за́-море,
И разливалась на мраморѣ
Вешнимъ румянцемъ заря...
Видѣлъ ваятель, какъ чистыя крупинки камня смягчались,
Въ нѣжное тѣло и въ алую кровь превращались,
Какъ округлялися формы—волна за волной,
Какъ, словно воскъ, растопилася мрамора масса послушная,
И облеклася, бездушная,
Въ образъ жены молодой.
— „Душу ей, душу живую!—воскликнулъ ваятель въ восторгѣ,—
Душу вложи ей, Зевесъ!“
Изумились на торгѣ
Граждане—старцы, и мужи, и жены, и всѣ,
Кто только былъ на агорѣ... Но, полонъ святымъ вдохновеніемъ,
Онъ обращался съ моленіемъ
Къ чудной, незримой красѣ:
— „Вижу тебя, богоданная, вижу и чую душою—
Жизнь и природа красны мнѣ одною тобою...
Обликъ безсмертья провижу я въ смертныхъ чертахъ“...
И передъ нею, своей вдохновенною свыше идеею,—
Передъ своей Галатэею,—
Пигмаліонъ палъ во прахъ...

II.

Двѣсти дней славили въ храмахъ Кивеллу, небесную жницу;

Двѣсти дней Геліосъ съ неба спускалъ колесницу;
Много свершилось въ Элладѣ событій и дѣлъ;
Много красавицъ въ Аѳинахъ мелькало и гасло
зарницею,
Но передъ ней, чаровницею,
Даже лучъ солнца блѣднѣлъ...
Бѣлая, яркая, свѣтъ и сіянье кругомъ разливая,
Стала въ ваяльнѣ художника дѣва нагая,
Мраморный, дѣвственный образъ чистѣйшей красы...
Пѣнились юныя перси волною упругой и зыбкою;
Губы смыкались улыбкою,
Кудрились пряди косы.
— „Боги!—молилъ въ изступленіи страстномъ ваятель.—Ужели
Жизнь не проснется въ такомъ обаятельномъ тѣлѣ?
Боги! пошлите неслыханной страсти конецъ...
Нѣтъ!.. Ты падешь, Галатэя, съ подножья въ эти
объятія,
Или творенью проклятія
Грянетъ безумный творецъ!“
Взялъ ее за руку онъ... И чудесное что-то свершилось...
Сердце подъ мраморной грудью тревожно забилось;
Хлынула кровь по очерченнымъ жиламъ ключемъ;
Дрогнули гибкіе члены, недавно еще каменѣлые;
Очи, безжизненно-бѣлыя,
Вспыхнули синимъ огнемъ.
Вся обливаяся розовымъ блескомъ весенней денницы,
Долу стыдливо склоняя густыя рѣсницы,
Дѣва съ подножія легкою грёзой сошла;
Алыя губы раскрылися, грудь всколыхнулась волнистая,
И, что струя серебристая,
Тихая рѣчь потекла:
— „Вѣстницей воли боговъ предстою я теперь предъ
тобою.
Жизнь на землѣ—сотворенному смертной рукою;
Творческой силѣ—безсмертье у насъ
въ небесахъ!“

...И передъ нею, своей воплощенною свыше идеею,—
Передъ своей Галатэею,—
Пигмаліонъ палъ во прахъ.

Л. А. Мей.

Призывъ.

Глухо въ берегъ каменистый
Бьетъ девятый, грозный валъ.
Теменъ ночи саванъ мглистый,
Длиненъ, труденъ перевалъ...
Что жъ! Бери скорѣй правило!
Чутко ухо, зорокъ взоръ...
Лучше ранняя могила,
Чѣмъ бездѣйствія позоръ,
Чѣмъ проклятый гнетъ насилья,
Чѣмъ безплодныхъ слезъ порывъ,
Чѣмъ сомнѣнія безсилье,
Чѣмъ презрѣнныхъ жалобъ взрывъ!
Утромъ съ яркимъ солнца блескомъ
Ждетъ тебя твоя страна,
Или трупъ твой съ жаднымъ плескомъ
Приметъ бурная волна...
Глухо въ берегъ каменистый
Бьетъ девятый, грозный валъ,
Теменъ ночи саванъ мглистый,
Труденъ, дологъ перевалъ...
Чу! Волна стѣною взмыла,
Пѣна мечетъ свой узоръ...
Лучше ранняя могила,
Чѣмъ бездѣйствія позоръ!

О. Рунова.

***

Нѣтъ, я не съ вами; своимъ напрасно
И лицемѣрно меня зовете.
Я ненавижу глубоко, страстно
Всѣхъ васъ: вы—жабы въ гниломъ болотѣ!
Я появился изъ пѣны моря,
Волной къ вамъ брошенъ со дна пучины:
Тамъ кровь и слезы, тамъ тьма и горе...
Но слезы—перлы, а кровь—рубины!
На дно морское мнѣ нѣтъ возврата,
Но въ мірѣ вашемъ я умираю,
И не найдете во мнѣ вы брата:
Я между вами, какъ врагъ, блуждаю,
Вы все хотите, чтобъ я былъ миренъ,
Не отомщалъ бы за преступленья
И вмѣстѣ съ вами, въ тѣни кумиренъ,
Молилъ у Бога для васъ прощенья.
Мой Богъ—не вашъ Богъ: вашъ Богъ прощаетъ,
Онъ чуждъ и гнѣву, и укоризнѣ;
Къ такому Богу васъ обращаетъ
Страхъ наказанья за грѣхъ всей жизни.
А мой Богъ—мститель! Мой Богъ могучій!
Мой Богъ—караетъ! И божьимъ домомъ
Не храмы служатъ—гроза и тучи,
И говоритъ онъ лишь только громомъ!
Я чуждъ вамъ, трупы! Пѣвца устами
Мой Богъ предастъ васъ громамъ и карамъ,
Господь мой грянетъ грозой надъ вами,
И—оживитъ васъ своимъ ударомъ!..

Скиталецъ.

Тише, тише.

Тише, тише совлекайте съ древнихъ идоловъ одежды,
Слишкомъ долго мы молились: не забудьте прошлый свѣтъ.
У развѣнчанныхъ великихъ, какъ и прежде, горды вѣжды,
И слагатель вѣщихъ пѣсенъ былъ поэтъ и есть поэтъ.
Побѣдитель благородный съ побѣжденнымъ будетъ равенъ,
Съ нимъ заносчивъ только низкій, съ нимъ жестокъ одинъ дикарь.
Будь въ раскатѣ бранныхъ кликовъ ясновзоренъ, хладнокровенъ,
И тогда тебѣ скажу я, что—въ тебѣ мудрецъ и царь.
Дѣти Солнца, не забудьте голосъ меркнущаго брата,
Я люблю въ васъ ваше утро, вашу смѣлость и мечты,
Но и къ вамъ придетъ мгновенье охлажденья и заката,—
Въ первый мигъ и въ мигъ послѣдній будьте, будьте какъ цвѣты.
Расцвѣтайте, отцвѣтайте многоцвѣтно, полновластно,
Раскрывайте все богатство вашихъ скрытыхъ юныхъ силъ.
Но въ расцвѣтѣ не забудьте, что и смерть, какъ жизнь, прекрасна,
И что царственно величье холодѣющихъ могилъ.

К. Д. Бальмонтъ.

П. И. Вейнбергъ.

Безконечной пеленою.

Безконечной пеленою
Развернулось предо мною
Старый другъ мой—море.
Сколько власти благодатной
Въ этой шири необъятной,
Въ царственномъ просторѣ!
Я пришелъ на берегъ милый,
Истомленный и унылый,
Съ ношею старинной
Всѣхъ надеждъ моихъ разбитыхъ,
Всѣхъ сомнѣній ядовитыхъ,
Всей тоски змѣиной.
Я пришелъ повѣдать морю,
Что съ судьбой ужъ я не спорю,
Что бороться болѣ
Силы нѣтъ, что я смирился
И позорно покорился
Безобразной долѣ.
Но, когда передо мною
Безконечной пеленою
Развернулось море,
И, отваги львиной полны,

Вдругъ запѣли пѣсню волны
Въ исполинскомъ хорѣ,—
Пѣсню мощи и свободы,
Пѣсню грозную природы,
Жизнь берущей съ бою—
Все во мнѣ затрепетало,
И такъ стыдно, стыдно стало
Предъ самимъ собою—
За унынье, за усталость,
За болѣзненную вялость,
За потерю силы—
Ни предъ чѣмъ не преклоняться
И съ врагомъ-судьбой сражаться
Смѣло до могилы...
Отряхнулъ съ себя я снова
Малодушія пустого
Пагубное бремя,
И врагу съ отвагой твердой
Снова кинулъ вызовъ гордый,
Какъ въ былое время...
А сѣдыя волны моря,
Пробужденью духа вторя
Откликомъ природы,
Все впередъ быстрѣй летѣли,
Все грознѣе пѣсню пѣли
Жизни и свободы...

П. И. Вейнбергъ.

Бѣлое покрывало.

Изъ М. Гартмана.

I.

Позорной казни обреченный,
Лежитъ въ цѣпяхъ венгерскій графъ.
Своей отчизнѣ угнетенной
Хотѣлъ помочь онъ; гордый нравъ

Въ немъ возмущался: межъ рабами
Себя онъ чувствовалъ рабомъ—
И взятъ въ борьбѣ съ могучимъ зломъ
И къ петлѣ присужденъ врагами.
Едва двадцатая весна
Настала для него—и надо
Покинуть міръ! Не смерть страшна,—
Больному сердцу въ ней отрада!
Ужасно въ петлѣ роковой
Средь людной площади качаться...
Вороны жадныя слетятся,
И надъ опальной головой
Голодный рой ихъ станетъ драться.
Но графъ въ тюрьмѣ, въ углу сыромъ,
Заснулъ спокойнымъ, дѣтскимъ сномъ.
Поутру, грустно мать лаская,
Онъ говорилъ: „Прощай, родная!
Я у тебя дитя одно;
А мнѣ такъ скоро суждено
Разстаться съ жизнью молодою!
Погибнетъ безъ слѣда со мною
И имя честное мое.
Ахъ, пожалѣй дитя свое!
Я въ вихрѣ битвъ не зналъ боязни,
Я не дрожалъ въ дыму, въ огнѣ;
Но завтра, при позорной казни,
Дрожать, какъ листъ, придется мнѣ."
Мать говорила, утѣшая:
— „Не бойся, не дрожи, родной!
Я во дворецъ пойду; рыдая:
Слезами, воплемъ и мольбой
Я сердце разбужу на тронѣ...
И въ утра часъ, какъ поведутъ
Тебя на площадь, стану тутъ,
У мѣста казни, на балконѣ.
Коль въ черномъ платьѣ буду я,
Знай—неизбѣжна смерть твоя...
Неправда ль, сынъ мой, шагомъ смѣлымъ
Пойдешь на встрѣчу ты судьбѣ?
Вѣдь кровь венгерская въ тебѣ!
Но если въ покрывалѣ бѣломъ

Меня увидишь надъ толпой,
Знай—вымолила я слезами
Пощаду жизни молодой.
Пусть будешь схваченъ палачами—
Не бойся, не дрожи, родной!“
И графу тихо, мирно спится
И до утра онъ будетъ спать...
Ему все на балконѣ мать
Подъ бѣлымъ покрываломъ снится.

II.

Гудитъ набатъ; бѣжитъ народъ...
И тихо улицей идетъ,
Угрюмой стражей окруженный,
На площадь графъ приговоренный.
Всѣ окна настежь: сколько глазъ
Его глазами провожаетъ,
И сколько женскихъ рукъ бросаетъ
Ему цвѣты въ послѣдній разъ!
Графъ ничего не замѣчаетъ:
Впередъ на площадь онъ глядитъ...
Тамъ на балконѣ мать стоитъ,
Спокойна, въ покрывалѣ бѣломъ.
И заиграло сердце въ немъ!
И къ мѣсту казни шагомъ смѣлымъ
Пошелъ онъ... съ радостнымъ лицомъ
Вступилъ на помостъ съ палачемъ...
И ясенъ къ петлѣ поднимался,
И въ самой петлѣ улыбался.
Зачѣмъ же въ бѣломъ мать была?
О, ложь святая!.. Такъ могла
Солгать лишь мать, полна боязнью,
Чтобъ сынъ не дрогнулъ передъ казнью.

М. Л. Михайловъ.

Дѣлежъ.

Изъ Э. Манюэля.

Въ рабочій день, въ обѣденную пору,
На чердакѣ, высоко надъ землей
Мы застаемъ супружескую ссору...
Лишь на зарѣ вернувшійся домой,
Проснулся мужъ—съ тяжелой головой
И ноющимъ, какъ-бы разбитымъ тѣломъ.
Въ хмѣльномъ чаду—и голоденъ и золъ—
Вокругъ глядитъ онъ взглядомъ отупѣлымъ.
Очагъ потухъ—и пустъ убогій столъ;
Повсюду грязь; безъ ласки и вниманья,
Въ угрюмую печаль погружена,
Скользитъ, какъ тѣнь, увядшая жена...
Онъ удрученъ; онъ ищетъ оправданья.
— Ты только что явилась? гдѣ была?
Чуть отвернись—тебя ужъ нѣтъ и дома!
А мужъ одинъ... Все это намъ знакомо.
Ну, сказывай, съ кѣмъ утро провела?
— Съ ума сошелъ! вотъ не было заботы!
Никакъ, меня онъ ревновать готовъ!
Смотри—у насъ ни хлѣба нѣтъ, ни дровъ!
Ты пьянствуешъ всю ночь, а я работы,
Весь день, снуя по городу, ищу...
— Я дѣлаю все то, что я хочу.
— Ну, хорошо! я стану дѣлать то же.
— Что любо мнѣ—ужъ тѣмъ не поступлюсь.
— Тогда и я дружкомъ обзаведусь!
Я не шучу. Смотри за мной построже...
— Негодная!
И полился потокъ
Обидъ, угрозъ, проклятій, сожалѣній:—
О, если бъ кто предвидѣть это могъ!
Былой любви—ни признака, ни тѣни;
Взамѣнъ ея—лишенья и разладъ,
А въ будущемъ—не жизнь—кромѣшный адъ!
И, споръ прервавъ, воскликнулъ мужъ:
— Довольно!

На каторгу никто насъ не обрекъ,—
Къ чему жъ терзать другъ друга добровольно?
Я выбился изъ силъ! я изнемогъ!
— Ты изнемогъ? зачѣмъ же дѣло стало?
Разстанемся!
— Ну, этимъ ужъ давно
Грозимся мы—да толку что-то мало.
— А, если такъ—прекрасно! рѣшено!
Сегодня же... ни часа, ни мгновенья...
И, вся дрожа отъ гнѣвнаго смятенья,
— Ступай! ступай! закончила она:
— Я какъ-нибудь одна прожить сумѣю;
Мнѣ черная работа не страшна—
И о тебѣ, хоть буду голодна,
Не вспомню я—не то что пожалѣю!
Вѣдь насъ двоихъ кормилъ не ты, а я...
Спѣши въ кабакъ! тамъ ждутъ тебя друзья
И женщины продажныя, быть можетъ.
Пей до ночи, проспись и снова пей,
Пока вино всего тебя не сгложетъ,—
Но въ эту дверь стучаться ужъ не смѣй!
— Повремени! я не уйду такъ скоро:
Какъ нищаго, ни съ чѣмъ, средь бѣла дня,
На улицу не вышвырнешь меня!
Я не дуракъ... такъ лучше ужъ безъ спора
Намъ порѣшить. Вѣдь это все мое:
Давай дѣлить по совѣсти...
— Твое?!
Изъ-за чего я сна порой не знала,
Что по крохамъ сбирала я, любя,
Надъ чѣмъ не разъ я слезы проливала—
Твое? Гдѣ стыдъ, гдѣ совѣсть у тебя?
Э, Богъ съ тобой! Чужого мнѣ не надо:
Уходишь ты—и то ужъ мнѣ отрада...
Давай дѣлить!
И начался дѣлежъ.
Безъ устали, порывисто, сурово—
Чтобы успѣть покончить до огня—
Работали они при свѣтѣ дня,
Лишь изрѣдка роняя два-три слова.
Мужъ былъ жестокъ; мужъ былъ неумолимъ.

Исполненный безумнаго злорадства,
Въ пыли, въ поту, съ усердіемъ тупымъ—
Сознательно творилъ онъ святотатство!
Въ той комнатѣ, гдѣ нѣкогда вдвоемъ
Живой любви зари они встрѣчали
И гнали прочь сомнѣнья и печали,—
Царилъ теперь безжалостный разгромъ,
Тамъ слышались отрывисто и рѣзко:
— Мое... твое...
— Вотъ скатерть... занавѣска...
— Стаканъ возьми, а чашку не отдамъ...
Кровать моя...
— Простыни пополамъ...
— Подсвѣчники—тебѣ и мнѣ по штукѣ...
Такъ рушился былого счастья храмъ!
Такъ, все поправъ,—безъ слезъ, безъ тайной муки—
Жена и мужъ готовились къ разлукѣ!
Пришелъ къ концу супружескій раздѣлъ.
Какъ-бы застывъ въ нѣмомъ ожесточеньѣ,
Мужъ всѣ углы еще разъ оглядѣлъ—
И вдругъ въ шкапу, въ укромномъ углубленьѣ,
Чуть видимый замѣтилъ узелокъ...
— А это что? Какіе-то наряды
Припрятала?
Онъ развернулъ платокъ...
И встрѣтились растерянные взгляды,
И дрогнули смущенныя сердца
Надъ платьицемъ ребенка-мертвеца!
Разсѣялось постыдное забвенье,
Въ душевный мракъ лучъ прошлаго проникъ,—
И дѣвочки прелестное видѣнье
Въ ихъ памяти воскресло въ этотъ мигъ...
И мужъ сказалъ тревожно и поспѣшно:
— Ужъ этого я не отдамъ, конечно...
— Нѣтъ, ты отдашь! на что оно тебѣ?
Я берегла... Возьми все остальное...
О, ангелъ мой! дитя мое родное!
Съ тѣхъ поръ, какъ Богъ прибралъ ее къ себѣ,
Все мучусь я—и нѣтъ конца мученью...
Да что! теперь ужъ поздно горевать;
И, смутному покорствуя влеченью,

Онъ уступилъ. Взволнованная мать,
Не отводя отчаяннаго взора
Отъ нѣжнаго поблекшаго узора,
Счастливыхъ дней любимаго труда,—
Безцѣнные останки бережливо
Сложила вновь и шопотомъ тоскливо
Промолвила:
— Теперь ужъ поздно!—Да?
Ты думаешь?—невнятный и покорный
Послышался вопросъ—а ради той,
Что къ намъ пришла? чей образъ дорогой
Смирилъ нашъ гнѣвъ безбожный и позорный?
Я виноватъ... я говорю: прости...
Ну, что жъ еще?... я не могу уйти!
Онъ смолкъ и сѣлъ, закрывъ лицо руками,
Она къ нему тихонько подошла...
Окликнула... склонилась... обняла...
— Не уходи!
И залилась слезами.

В. С. Лихачевъ.

Умирающая мать.

„Что, умерла? Жива? Потише говорите:
Быть можетъ, удалось на время ей заснуть.“
И кто-то предложилъ: „ребенка принесите
И положите ей на грудь!“
И вотъ, на мѣстѣ томъ, гдѣ прежде сердце билось,
Ребенокъ съ плачемъ скрылъ лицо свое...
О, если и теперь она не пробудилась,—
Все кончено: молитесь за нее!

А. Н. Апухтинъ.

А. Н. Апухтинъ.

Ледяная дѣва.

Изъ норвежскихъ сказокъ.

Зимняя ночь холодна и темна.
Словно застыла въ морозѣ луна,
Буря то плачетъ, то злобно шипитъ,
Снѣжныя тучи надъ кровлей крутитъ.
Въ хижинѣ тѣсной надъ сыномъ больнымъ
Мать наклонилась и шепчется съ нимъ.

Сынъ.

Матушка, тяжкимъ забылся я сномъ...
Кто это плачетъ и стонетъ кругомъ?
Матушка, слышишь, какъ буря шумитъ?
Адское пламя мнѣ очи слѣпитъ.

Мать.

Полно, мой сынъ, то не ада лучи,—
Сучья березы пылаютъ въ печи.
Что намъ за дѣло, что буря грозна?
Въ хижину къ намъ не ворвется она.

Сынъ.

Матушка, слушай! недолго мнѣ жить,—
Душу хочу предъ тобою открыть.

Помнишь, ты слышала прошлой зимой,
Какъ заблудился я въ чащѣ лѣсной?
Долго я шелъ, утихала метель,
Вижу—поляна, знакомая ель;
Юная дѣва подъ елью стоитъ,
Манитъ рукою и словно дрожитъ.
— „Юноша,—шепчетъ она,—подойди,
„Душу согрѣй у меня на груди...“
Я обомлѣлъ предъ ея красотой,—
Я красоты и не видѣлъ такой:
Стройная, свѣтлая, ласковый взглядъ
Очи куда-то глубоко глядятъ,
Бѣлыя ризы пушистой волной
Падаютъ, ярко блестя подъ луной...
Дрогнуло сердце, почуя любовь,
Страстью невѣдомой вспыхнула кровь.
Все позабылъ я въ тотъ мигъ роковой,
Даже не вспомнилъ молитвы святой...
Цѣлую зиму, лишь ночь посвѣтлѣй,
Я приходилъ на свиданіе къ ней
И до утра, пока мѣсяцъ сіялъ,
Блѣдныя руки ея цѣловалъ.
Разъ, въ упоеніи, полный огня,
Я говорю ей: „Ты любишь меня?“
— „Нѣтъ,—говоритъ,—я правдива, не лгу:
„Я полюбить не хочу, не могу:
„Тщетной надеждой себя не губи,
„Но, если хочешь, меня полюби“.
Жесткое слово кольнуло ножемъ...
Скоро, безумецъ, забылъ я о немъ.
Въ бурю не разъ, весела и грозна,
Странныя пѣсни пѣвала она:
Все о какой-то полярной странѣ,
Гдѣ не мечтаютъ о завтрашнемъ днѣ,
Нѣтъ ни заботъ, ни огня, ни воды,—
Вѣчное счастье и вѣчные льды.
Чѣмъ становилося время теплѣй,
Тѣмъ эта пѣсня звучала грустнѣй;
Въ день, какъ растаялъ на кровлѣ снѣжокъ,
Я ужъ найти моей милой не могъ.
Много тебѣ со мной плакать пришлось!

Лѣто безжизненнымъ сномъ пронеслось;
Съ радостью, вамъ непонятной, смѣшной,
Слушалъ я вѣтра осенняго вой;
Жадно слѣдилъ я, какъ стыла земля,
Рощи желтѣли, пустѣли поля,
Какъ изстрадавшійся листъ отпадалъ,
Какъ его медленно дождь побивалъ,
Какъ нашъ ручей затянулся во льду...
Разъ на поляну я тихо иду,
Смутно надежду въ душѣ затая,—
Вижу: стоитъ дорогая моя,
Стройная, свѣтлая, ласковый взглядъ,
Очи глубоко, глубоко глядятъ...
Съ трепетомъ я на колѣни упалъ,
Все разсказалъ, какъ томился и ждалъ,
Какъ моя жизнь только ею полна...
Но равнодушно смотрѣла она:
„Что мнѣ въ твоихъ безразсудныхъ мечтахъ?
„Въ томъ, что ты блѣденъ, и желтъ, и зачахъ?
„Жалкій безумецъ! Со смертью въ крови
„Все еще ждешь ты какой-то любви!“
— „Нѣтъ!—говоритъ,—я правдива, не лгу:
„Я ни любить, ни жалѣть не могу!“
Преобразились черты ея вмигъ:
Холодомъ смерти повѣяло въ нихъ.
Бросивъ мнѣ полный презрѣнія взоръ,
Скрылась со смѣхомъ она... Съ этихъ поръ
Я и не помню, что было со мной!
Помню лишь взоръ безпощадный, нѣмой,
Жегшій меня на яву и во снѣ,
Мучившій душу въ ночной тишинѣ...
Вотъ и теперь, посмотри, оглянись...
Это она! ея очи впились,
Въ душу вливаютъ смятенье и страхъ,
Злая усмѣшка скользитъ на губахъ.

Мать.

Сынъ мой, то призракъ: не бойся его!
Здѣсь, въ этой хижинѣ, нѣтъ никого.
Сядь, какъ бывало, и слезъ не таи,
Я уврачую всѣ раны твои.

Сынъ.

Матушка, прежній мой пламень потухъ:
Самъ я сталъ холоденъ, самъ я сталъ сухъ;
Лучше уйди, не ласкай меня, мать!
Ласки тебѣ я не въ силахъ отдать.

Мать.

Сынъ мой, я жесткое слово прощу,
Злобнымъ упрекомъ тебя не смущу,—
Что мнѣ въ объятьяхъ и ласкахъ твоихъ?
Матери сердце тепло и безъ нихъ.

Сынъ.

Матушка, смерть ужъ въ окошко стучитъ...
Душу одно лишь желанье томитъ:
Въ этотъ послѣдній и горестный часъ
Встрѣтить ее хоть одинъ еще разъ,
Чтобы подъ звукъ нашихъ пѣсенъ былыхъ
Таять въ объятьяхъ ея ледяныхъ!

Смолкла бесѣда... Со стономъ глухимъ
Сынъ повалился. Лежитъ недвижимъ,
Тихо дыханье, какъ будто заснулъ...
Длинную пѣсню сверчокъ затянулъ...
Молится старая, шепчетъ, не спитъ...
Буря то плачетъ, то злобно шипитъ,
Воетъ, въ замерзшее рвется стекло...
Словно ей жаль, что въ избушкѣ тепло,
Словно досадно ей, вѣдьмѣ лихой,
Что не кончается долго больной,
Что надъ постелью, гдѣ бѣдный лежитъ,
Матери сердце надеждой дрожитъ...

А. Н. Апухтинъ.

Ткачи.

Глаза ихъ сухіе не блещутъ слезами;
Сидятъ у станковъ и скрежещутъ зубами:
„Германія, саванъ тебѣ мы соткемъ,
Въ него мы тройное проклятье вплетемъ.
Мы ткемъ, неустанно мы ткемъ!

„Проклятіе богу, предъ кѣмъ мы съ мольбой
Склонялися въ голодъ и холодъ зимой!
Напрасно мы ждали, надежды полны:
Онъ насъ обманулъ, одурачены мы.
Мы ткемъ, неустанно мы ткемъ!

„Проклятье ему, королю всѣхъ счастливыхъ!
Не жаль ему насъ, бѣдняковъ терпѣливыхъ,
Послѣдній онъ грошъ отнимаетъ у насъ;
„Стрѣлять по собакамъ!"—онъ отдалъ приказъ!
Мы ткемъ, неустанно мы ткемъ!

„Проклятье тебѣ, о нашъ край лицемѣрный,
Гдѣ царствуетъ стыдъ и позоръ безпримѣрный,
Гдѣ вянетъ безъ свѣта цвѣтокъ полевой,
Гдѣ кормится тлѣньемъ червякъ гробовой!
Мы ткемъ, неустанно мы ткемъ!"

Челнокъ снуетъ, станокъ гремитъ,
И день, и ночь все ткачъ сидитъ:
„Мы старой Германіи саванъ соткемъ,
Въ него мы тройное проклятье вплетемъ.
Мы ткемъ, неустанно мы ткемъ!"

Генрихъ Гейне.

* * *

Впередъ—безъ страха и сомнѣнья
   На подвигъ доблестный, друзья!
Зарю святого искупленья
Ужъ въ небесахъ завидѣлъ я!

Смѣлѣй! Дадимъ другъ другу руки
И вмѣстѣ двинемся впередъ,
И пусть подъ знаменемъ науки
Союзъ нашъ крѣпнетъ и растетъ!

Жрецовъ грѣха и лжи мы будемъ
Глаголомъ истины карать,
И спящихъ мы отъ сна разбудимъ,
И поведемъ на битву рать!

Не сотворимъ себѣ кумира
Ни на землѣ, ни въ небесахъ;
За всѣ дары и блага міра
Мы не падемъ предъ нимъ во прахъ!

Провозглашать любви ученье
Мы будемъ нищимъ, богачамъ,
И за него снесемъ гоненье,
Простивъ озлобленнымъ врагамъ!

Блаженъ, кто жизнь въ борьбѣ кровавой,
Въ заботахъ тяжкихъ истощилъ,
Какъ рабъ лѣнивый и лукавый,
Талантъ свой въ землю не зарылъ!

Пусть намъ звѣздою путеводной
Святая истина горитъ,—
И, вѣрьте, голосъ благородный
Недаромъ въ мірѣ прозвучитъ!

Внемлите жъ, братья, слову брата!
Пока мы полны юныхъ силъ,
Впередъ, впередъ,—и безъ возврата,
Чтобъ рокъ вдали намъ ни сулилъ!

А. Н. Плещеевъ.

Зеленый шумъ.

Идетъ-гудетъ Зеленый Шумъ,
Зеленый Шумъ, весенній шумъ!
Играючи расходится
Вдругъ вѣтеръ верховой:
Качнетъ листы ольховые,
Подниметъ пыль цвѣточную,
Какъ облако: все зелено,—
И воздухъ и вода!

Идетъ-гудетъ Зеленый Шумъ,
Зеленый Шумъ, весенній шумъ!

Скромна моя хозяюшка,
Наталья Патрикѣевна,
Водой не замутитъ!
Да съ ней бѣда случилася,
Какъ лѣто жилъ я въ Питерѣ...
Сама сказала, глупая,
Типунъ ей на языкъ!
Въ избѣ самъ-другъ съ обманщицей
Зима насъ заперла;
Въ мои глаза суровые
Глядитъ, молчитъ жена.
Молчу... а дума лютая
Покоя не даетъ:
Убить... такъ жаль сердечную!
Стерпѣть—такъ силы нѣтъ!
А тутъ зима косматая
Реветъ и день, и ночь:
— „Убей, убей измѣнницу!
Злодѣя изведи!
Не то весь вѣкъ промаешься
Ни днемъ, ни долгой ноченькой
Покоя не найдешь.
Въ глаза твои безстыжіе
Сосѣди наплюютъ!..“
Подъ пѣсню-вьюгу зимнюю
Окрѣпла дума лютая—

Припасъ я вострый ножъ—
Да вдругъ весна подкралася...

Идетъ-гудетъ Зеленый Шумъ,
Зеленый Шумъ, весенній шумъ!

Какъ молокомъ облитые,
Стоятъ сады вишневые,
Тихохонько шумятъ;
Пригрѣты теплымъ солнышкомъ,
Шумятъ повеселѣлые
Сосновые лѣса;
А рядомъ съ новой зеленью
Лепечутъ пѣсню новую
И липа блѣднолистая,
И бѣлая березынька
Съ зеленою косой!
Шумитъ тростинка малая,
Шумитъ высокій кленъ...
Шумятъ они по новому,
По новому, весеннему...

Идетъ-гудетъ Зеленый Шумъ,
Зеленый Шумъ, весенній шумъ!

Слабѣетъ дума лютая,
Ножъ валится изъ рукъ,
И все мнѣ пѣсня слышится
Одна—въ лѣсу, въ лугу:
„Люби, покуда любится,
Терпи, покуда терпится,
Прощай, пока прощается,
И—Богъ тебѣ судья!"

Н. А. Некрасовъ.

С. Г. Фругъ.

Тризна.

Орла убили. Царственныя крылья
   Раскинувъ, очи гордыя смеживъ,
Лежалъ онъ—жертва хищнаго насилья...
Щенокъ лягавый, лапой наступивъ
На грудь его, вылизывалъ изъ раны
Кровинокъ теплыхъ алую росу...
Ключи застыли. Мракъ стоялъ въ лѣсу.
Притихли сѣдокрылые бураны.
А черный воронъ съ бѣлою совой—
Залетной гостьей тундры вѣковой—
Четою богомольною сидѣли
На бастіонѣ старой цитадели,
Пронизывая рѣзкимъ крикомъ тьму:
„Анаѳема! Анаѳема ему!...“
. . . .

Только вѣтеръ, вѣтеръ вольный
Съ братской скорбью вспоминалъ,
Какъ полетъ его раздольный
Мѣрилъ онъ по гребнямъ скалъ.
Вспыхнулъ въ строѣ похоронномъ
Блѣдныхъ звѣздъ безмолвный хоръ.

И глубокимъ, долгимъ стономъ
Всколыхнулъ суровый боръ
Потускнѣвшее въ покоѣ
Мхомъ окутанныхъ руинъ
Звука зеркало живое—
Эхо чуткое долинъ...

С. Г. Фругъ.

Вѣтеръ.

По полямъ и рощамъ, шелестя травою,
Пробѣгаетъ вѣтеръ легкою волною.
То въ густыхъ вершинахъ тихо онъ застонетъ,
То, къ землѣ сгибая, спѣлый колосъ клонитъ.
То подыметъ вихремъ листья надъ землею
И несетъ и кружитъ рѣзвою толпою.
Подлетѣлъ онъ къ вѣткѣ молодой березы;
Въ листьяхъ не обсохли утреннія слезы,
Видно въ каждой почкѣ нѣгу и истому—
Какъ не погулять тутъ вѣтру удалому!
Шепчетъ ей онъ тихо, листьями играя:
„Полюби скитальца вѣтка молодая.
„Долженъ я скитаться надъ сырой землею.
„Нѣтъ мнѣ ни отрады, нѣтъ мнѣ и покою.
„Погляди мнѣ въ очи съ необычной лаской.
„Я тебя потѣшу заунывной сказкой,
„Я къ тебѣ склонюся буйной головою,
„И обвѣю нѣжно отъ жары и зною.
„Пригоню къ тебѣ я птичекъ разныхъ стаю.
„Полюби скитальца, вѣтка молодая!"
И въ тревогѣ тайной отъ нежданной встрѣчи
Слушаетъ малютка ласковыя рѣчи,
Листьями на солнцѣ радостно играетъ,
Сладко ей и больно,—почему не знаетъ,

Сладко ей склониться предъ безвѣстной властью.
А красавецъ вѣтеръ такъ и дышитъ страстью,
Льнетъ, цѣлуя нѣжно, ближе и смѣлѣе,
Словно нѣтъ на свѣтѣ никого милѣе.
Дунулъ онъ порывомъ, будто съ ней играя,
Дунулъ—и сломалась вѣтка молодая.
Листьями поблекла, листья пожелтѣли,
Отъ дорожной пыли почки потускнѣли,
На землю скатились утреннія слезы:
Нѣтъ, ужъ не родятся въ ней былыя грезы!..
Посмотрѣлъ на вѣтку вѣтеръ съ тихимъ смѣхомъ:
Много ль въ ней осталось играмъ и потѣхамъ?
И порхнулъ онъ снова по полямъ и чащамъ,
Отъ росы хрустальной юнымъ и блестящимъ.
То въ густыхъ вершинахъ смѣло забушуетъ,
То младыя вѣтки ласково цѣлуетъ,
И твердитъ, небрежно листьями играя:
„Полюби скитальца, вѣтка молодая!“

А. Турскій.

Братьямъ соблазненнымъ.

Великаго въ человѣкѣ то,
что онъ мостъ, а не цѣль.
Заратустра.

Свѣтлымъ облакомъ плѣненные,
Долго мы смотрѣли вслѣдъ.
Полно, братья соблазненные!
Это только бѣглый свѣтъ.
Развѣ есть предѣлъ мечтателямъ?
Развѣ цѣль намъ суждена?
Назовемъ того предателемъ,
Кто намъ скажетъ—здѣсь она!
Развѣ рѣдко въ прошломъ ставили
Мертвый идолъ Красоты?
Но одни лишь мы прославили
Бога жажды и мечты!

Горе, кто прельстился красками,
Кто увѣровалъ въ слова!
Сонъ его, повитый ласками,
Сонъ стыда, не торжества.

Подымайте, братья, посохи,
Дальше, дальше, какъ и шли!
Паруса развѣйте въ воздухѣ,
Дерзко правьте карабли!

Жизнь не счастье, но томленіе,
Но презрѣнье, но борьба.
Все впередъ—отъ возрожденія
Къ возрожденью сквозь гроба!

Валерій Брюсовъ.

Изъ тьмы временъ.

Фантазія.

Въ ночь, когда родился Александръ Македонскій, безумецъ Геростратъ, томимый жаждой славы, сжегъ знаменитый храмъ Діаны въ Ефесѣ, за что и поплатился жизнью.

Учебн. древн. исторіи.

Герои древности, съ торжественной ихъ славой,
Отзывныхъ струнъ души во мнѣ не шевелятъ:
По тяжкимъ ихъ стопамъ дорогою кровавой
Вступали въ міръ вражда, насилье и развратъ...
За грознымъ шествіемъ побѣдной колесницы,
За радужнымъ дождемъ привѣтственныхъ цвѣтовъ
Мнѣ стоны слышатся изъ длинной вереницы
Угрюмыхъ, трепетныхъ, окованныхъ рабовъ;
Мнѣ видятся поля съ сожженными хлѣбами,
Позоръ прекрасныхъ дѣвъ и слезы матерей,
И стая вороновъ, кружащихъ надъ костями,—
И стыдно мнѣ тогда и больно за людей!..

Но въ мракѣ прошлаго, въ ряду его преданій,
Есть тѣнь, покрытая безславьемъ и стыдомъ,—

Но близкая душѣ огнемъ своихъ страданій,
Своимъ паденіемъ и грознымъ торжествомъ.
Передо мной встаютъ—больной и изможденный
Суровый ликъ и взоръ загадочныхъ очей,
И мрачно-строгій лобъ въ безмолвьи думъ склоненный,
И волны черныя отброшенныхъ кудрей...
И снится мнѣ, что ночь нависла надъ Элладой,
Что тихо въ морѣ спитъ лазурная волна,
И цѣпь далекихъ горъ неясною громадой
Въ прозрачномъ сумракѣ едва-едва видна;
И будто эта ночь и нѣжитъ, и ласкаетъ,
И жжетъ, опьянена дыханіемъ цвѣтовъ,—
И будто въ эту ночь на землю прилетаетъ
Рой вдохновенныхъ грезъ и благодатныхъ сновъ...
О, счастливъ тотъ, кому во мракѣ этой ночи,
Въ пустынной улицѣ или въ саду нѣмомъ
Яснѣе звѣздъ горятъ возлюбленныя очи,
И руку жметъ рука въ порывѣ молодомъ!..
О, счастливъ тотъ, кто могъ привѣтными огнями
Спугнуть душистый мракъ подъ сводами аллей
И весело возлечь за шумными столами
Въ ликующей толпѣ красавицъ и друзей!..
Но если ты одинъ... но если ты судьбою
На жизненномъ пиру, какъ нищій, обойденъ,
Но если, какъ туманъ, развѣянный грозою,
Бѣгутъ твоихъ очей забвеніе и сонъ,—
О, бойся ихъ,—ночей ласкающихъ и нѣжныхъ:
Суровый твой недугъ въ затишьи ихъ слышнѣй,
И вдвое тяжелѣй отрава слезъ мятежныхъ,
Когда отъ сладкихъ слезъ томится соловей!..

Мнѣ снится эта ночь, и снится онъ... Угрюмый,
Безъ цѣли онъ бредетъ по площади глухой,
Сжигаемый своей мучительною думой,
Страдающій своей непонятой тоской...
Спокоенъ шагъ его: никто его лобзаній
Не ждетъ въ ночной тиши, и не къ кому на грудь
Съ отрадой горькою нахлынувшихъ рыданій
И съ братской жалобой во мглѣ ему прильнуть;
И если бъ даже въ дверь къ гетерѣ беззаботной

Ударилъ онъ,—любви желаніемъ объятъ,—
Она отвѣтила бъ съ боязнью безотчетной:
„Уйди,—ты страшенъ мнѣ, безумный Геростратъ!..“
Безумный?.. Да, умамъ ребячески-пугливымъ
И мелочнымъ сердцамъ его не оцѣнить:
Какъ свѣтъ исчадьямъ тьмы, онъ страшенъ всѣмъ
счастливымъ,
Всѣмъ дѣтски-вѣрящимъ и рвущимся любить...
Онъ ихъ покой смутилъ безжалостнымъ сомнѣньемъ,
Открылъ имъ тайный ядъ въ дыханіи цвѣтовъ,
И бросилъ, не страшась, насмѣшкой и презрѣньемъ
И въ нихъ, объятыхъ сномъ, и въ мертвыхъ ихъ
боговъ!
Онъ юношѣ сказалъ: „Когда передъ тобою,
Стыдливо опустивъ мерцающій свой взглядъ,
Пройдетъ красавица медлительной стопою
И вдругъ, украдкою, оглянется назадъ,
И, уловивъ ея невольное движеніе,
Прочтетъ въ чертахъ ея восторженный твой взоръ
И радость дѣтскую, и трепетъ восхищенья,
Забрезжившей любви безмолвный разговоръ,
Бѣги и не ищи отраднаго свиданья:
Любовь—безумный звукъ... Любви на свѣтѣ нѣтъ:
Есть только ложь одна, есть жгучія страданья,
Да кровь кипучая да юношескій бредъ!..“
И дѣвѣ онъ сказалъ: „Не вѣрь въ его лобзанья;
Онъ лгалъ, когда клялся навѣки быть твоимъ;
Онъ твой, пока къ тебѣ влекутъ его желанья;
Ударитъ часъ—и страсть развѣется, какъ дымъ...“
Онъ говорилъ жрецамъ:—„Смѣшны мольбы ка-
меньямъ...“
Онъ воину сказалъ:—„Стыдись,—ты не герой...“
Онъ ихъ отвергнулъ всѣхъ, исполненный презрѣ-
ньемъ,—
И самъ отвергнутъ былъ невнемлющей толпой...

По звонкой площади далеко раздаются
Во мглѣ шаги его... На встрѣчу изъ садовъ,
Къ нему томительно и радостно несутся
И звуки пѣнія и говоръ голосовъ...
Но онъ на ихъ призывъ чела не подымаетъ...

Предъ нимъ—старинный храмъ; холодный лучъ луны,
Скользя по мрамору, изъ мрака вырываетъ
Лѣпной узоръ колоннъ и выступы стѣны...
Онъ тихо входитъ внутрь.. Глубоко ночи тѣни
Стоятъ, таинственно сгустившись по угламъ.
Вотъ и алтарь... Предъ нимъ курится фиміамъ...
Гирлянда алыхъ розъ упала на ступени,
И, полною луной въ окно озарена,
Стоитъ, божественной сверкая наготою,
Діана строгая, нѣма и холодна,
На лань покорную облокотясь рукою...
У ногъ богини жрецъ уснулъ глубокимъ сномъ,
На мраморъ статуи склонясь сѣдымъ челомъ.
И мысль внезапная безумца озарила:
Жить, чтобъ потомъ не жить! . Томиться и страдать,
Чтобъ все взяла съ собой безмолвная могила
И чтобъ о томъ никто во вѣкъ не могъ узнать!..
А если стонъ души, исторгнутый мученьемъ,
Заставитъ прозвучать въ грядущихъ временахъ,
Чтобъ пробуждать въ слѣпцахъ, объятыхъ опьяненьемъ,—
Какъ встарь я пробуждалъ,—сомнѣнія и страхъ?..
Сіяньемъ истины слѣпить глаза разврату,
Ничтожество людей сурово озарять,
И сквозь позоръ вѣковъ страдающему брату
Могучій откликъ свой торжественно подать?..
. . . .
. . . .
И вспыхнулъ гордый храмъ, какъ факелъ погребальный,—
И не угасъ еще донынѣ этотъ свѣтъ...
А въ ту же ночь другой безумецъ геніальный
Безвѣстно въ міръ вступалъ—для крови и побѣдъ!..

С. Я. Надсонъ.

Отрочество.

Когда, почти дѣтьми, ухабистой тропинкой
Мы бѣгали въ березовый лѣсокъ,
Какъ жарко грудь ея дышала подъ косынкой,
Какъ шаловливъ былъ съ ней пахучій вѣтерокъ!
Намъ было весело... мы оба задыхались...
Другъ другу руки жали иногда...
Но никогда мы, никогда
Въ своей любви не признавались!

Когда восходъ луны мы съ ней вдвоемъ встрѣчали
И дымчатый туманъ вставалъ съ рѣки,—
Какъ звѣзды, при лунѣ глаза ея мерцали,
Блаженная слеза скользила вдоль щеки...
И тамъ, гдѣ локоны плеча ея касались,
Мои уста касались иногда...
Но никогда мы, никогда
Въ своей любви не признавались!

Зимой, когда метель шумѣла въ вечеръ поздній,
И погасалъ въ лампадкѣ огонекъ,
И странный храпъ въ дому былъ слышенъ,—адскихъ козней,
Не разъ мы трусили, забившись въ уголокъ.
Тогда плечомъ къ плечу впотьмахъ мы робко жались...
Быть можетъ, цѣловались иногда;
Но никогда мы, никогда
Въ своей любви не признавались!

Но вотъ, жизнь грубая на все дохнула прозой,
Неопытныхъ дѣтей подстерегла;
Мнѣ отравила умъ неслыханной угрозой,
Постыдной клеветой ей душу обожгла,
И, какъ враги, съ тѣхъ поръ другъ друга мы чуждались.
Мы смутно понимали, въ чемъ бѣда...
И все вдругъ поняли, когда
Въ прощальный часъ въ любви признались.

Я. П. Полонскій.

Г. Байронъ.

Изъ „Каина."

Г. Байрона.

Каинъ.

Я несчастенъ.
А ты съ твоимъ могуществомъ—кто ты?

Люциферъ.

Тотъ, кто дерзалъ съ твоимъ творцомъ равняться
И кто тебя такимъ не сотворилъ бы.

Каинъ.

Да, ты глядишь почти что Богомъ. Ты...

Люциферъ.

Но я не богъ и, не достигнувъ бога,
Хочу одно: самимъ собой остаться.
Онъ побѣдилъ,—пусть царствуетъ!

Каинъ.

Кто—онъ?

Люциферъ.

Творецъ земли, творецъ людей..

Каинъ.

И неба,
И сущаго на небѣ. Такъ поютъ
Архангелы, такъ говоритъ родитель.

Люциферъ.

Они поютъ и говорятъ лишь то,
Что имъ велятъ. Ихъ устрашаетъ участь
Быть въ мірѣ тѣмъ, чѣмъ мы съ тобою стали:
Ты—межъ людей, я—межъ безсмертныхъ духовъ.

Каинъ.

А мы съ тобой—кто мы?

Люциферъ.

Мы существа,
Дерзнувшія сознать свое безсмертье,
Взглянуть въ лицо всесильному Тирану,
Сказать ему, что зло не есть добро.
Онъ говоритъ, что создалъ насъ съ тобою—
Я этого не знаю и не вѣрю,
Что это такъ—но, если онъ насъ создалъ,
Онъ насъ не уничтожитъ: мы безсмертны!
Онъ долженъ былъ безсмертными создать насъ,
Чтобъ мучить насъ: пусть мучитъ! Онъ великъ,
Но онъ въ своемъ величіи несчастнѣй,
Чѣмъ мы въ борьбѣ. Зла не рождаетъ благо,
А онъ родитъ одно лишь зло. Но пусть
Онъ на своемъ престолѣ величавомъ
Творитъ міры, чтобъ облегчить себѣ
Ни съ кѣмъ не раздѣленное безсмертье;
Пусть громоздитъ на звѣзды звѣзды: все же
Онъ одинокъ, тиранъ безсмертный. Если бъ
Онъ самого себя могъ уничтожить,
То это былъ бы лучшій даръ изъ всѣхъ

Его даровъ. Но пусть царитъ, пусть страждетъ!
Мы, духи, съ вами, смертными, мы можемъ
Хоть сострадать другъ другу; мы, терзаясь,
Мученія другъ другу облегчаемъ
Сочувствіемъ: оно весь міръ связуетъ;
Но Онъ! въ своемъ величіи несчастный,
Въ несчастіи не знающій отрады,
Онъ лишь творитъ, чтобъ безъ конца творить!

Каинъ.

Ты говоришь о томъ, что хоть неясно,
Но ужъ давно въ моемъ умѣ носилось:
Я никогда не могъ согласовать
Того, что видѣлъ, съ тѣмъ, что говорятъ мнѣ.
Мать и отецъ толкуютъ мнѣ о зміѣ,
О древѣ, о плодахъ его; я вижу
Врата того, что было ихъ Эдемомъ,
И ангеловъ съ палящими мечами,
Изгнавшихъ насъ изъ Рая; я томлюсь
Въ трудахъ и думахъ; чувствую, что въ мірѣ
Ничтоженъ я, межъ тѣмъ какъ мысль моя
Сильна, какъ Богъ! Но я молчалъ, я думалъ,
Что я одинъ страдаю.
. . . . Я еще не встрѣтилъ
Ни въ комъ себѣ сочувствія! Тѣмъ лучше:
Я съ духами въ сообщество вступлю.

Люциферъ.

Ты этого сообщества достоинъ.
Иначе ты не видѣлъ бы меня:
Довольно было бъ змія.

Каинъ.

А! Такъ это
Ты соблазнитель матери?

Люциферъ.

Ничѣмъ,
Помимо правды, я не соблазняю.
Вѣдь вы вкусили знанія, вѣдь были
Плоды на древѣ жизни? Развѣ я
Давалъ запретъ вкушать отъ нихъ? И я ли

Растилъ плоды запретные къ соблазну
Существъ душой невинныхъ, любопытныхъ
Въ своей святой невинности? Я бъ создалъ
Богами васъ, а онъ лишилъ васъ Рая,
„Чтобъ вы отъ древа жизни не вкусили
И не были, какъ боги“. Таковы
Его слова.

Каинъ.

Ты правъ. Я это слышалъ
Отъ тѣхъ, кому они звучали въ громѣ.

Люциферъ.

Такъ кто жъ злой духъ? Тотъ, кто лишилъ васъ жизни,
Иль тотъ, кто вамъ хотѣлъ дать жизнь и радость,
И знаніе?

Каинъ.

Имъ нужно было оба
Сорвать плода, иль не срывать совсѣмъ!

Люциферъ.

Одинъ ужъ вашъ; стремитеся къ другому.

Каинъ.

Но какъ?

Люциферъ.

Сопротивляясь. Угасить
Ничто не можетъ духа, если хочетъ
Духъ быть самимъ собой и средоточьемъ
Всего, что окружаетъ духъ; онъ созданъ,
Чтобъ царствовать.

Каинъ.

Не ты ли соблазнилъ
Отца и мать?

Люциферъ.

Я? Жалкій прахъ! Зачѣмъ мнѣ
Васъ соблазнять? И какъ?

Каинъ.

Мнѣ говорили,
Что змій былъ духъ.

Люциферъ.

Кто это говоритъ?
Не жалкое ль тщеславье человѣка,
Что силится свалить свое паденье
На насъ, на духовъ? Змій былъ змій, не больше,
Но и не меньше тѣхъ, что соблазнились.
Онъ тоже прахъ, но онъ мудрѣе ихъ,
Затѣмъ, что побѣдилъ ихъ. Развѣ сталъ бы
Я принимать подобье смертной твари.

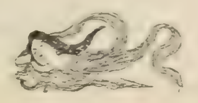
Каинъ.

Но тварь въ себѣ скрывала злого духа.

Люциферъ.

Нѣтъ, тварь его лишь разбудила въ тѣхъ,
Съ кѣмъ говорилъ языкъ ея коварный.
Я говорю, что змій былъ только змій:
Спроси у херувимовъ, стерегущихъ
Запретный плодъ. Когда вѣка вѣковъ
Пройдутъ надъ вашимъ прахомъ безглагольнымъ.
Потомки ваши баснею украсятъ
Вашъ первый грѣхъ и мнѣ припишутъ образъ,
Который презираю я, какъ все,
Что предъ творцомъ склоняется, создавшимъ
Все сущее въ живыхъ для поклоненья
Передъ его безсмертіемъ угрюмымъ.
Но мы—мы знаемъ истину и станемъ
Провозглашать лишь истину. Адамъ
Плѣненъ былъ пресмыкающейся тварью.
Но духъ не пресмыкается: чему
Завидовать въ предѣлахъ тѣсныхъ Рая
Владыкѣ безпредѣльнаго пространства?..

Пер. ***И. Бунинъ.***



* * *

Милый другъ,—я знаю, я глубоко знаю,
Что безсиленъ стихъ мой, блѣдный и больной;
Отъ его безсилья часто я страдаю,
Часто тайно плачу въ тишинѣ ночной...
Нѣтъ на свѣтѣ мукъ сильнѣе муки слова:
Тщетно съ устъ порой безумный рвется крикъ,
Тщетно душу сжечь любовь порой готова:
Холоденъ и жалокъ нищій нашъ языкъ!..
Радуга цвѣтовъ, разлитая въ природѣ,
Звуки стройной пѣсни, стихшей на струнахъ,
Боль за идеалъ и слезы о свободѣ,—
Какъ ихъ передать въ обыденныхъ словахъ?
Какъ безбрежный міръ, исполненный тревогъ,
Жизненно набросить робкими штрихами
И вмѣстить въ размѣры тѣсныхъ этихъ строкъ?..
Но молчать, когда вокругъ звучатъ рыданья
И когда такъ жадно рвешься ихъ унять,—
Подъ грозой борьбы и передъ лицомъ страданья—
Братъ, я не хочу, я не могу молчать!..
Пусть я, какъ боецъ, цѣпей не разбиваю,
Какъ пророкъ, во мглу не проливаю свѣтъ:
Я ушелъ въ толпу, и вмѣстѣ съ ней страдаю,
И даю, что въ силахъ—откликъ и привѣтъ!..

С. Я. Надсонъ.

Къ Мефистофелю.

(Поставленному между „Христомъ“ и „Сократомъ“).

Зачѣмъ ты здѣсь, духъ злобы и сомнѣнья,
Съ усмѣшкой, искривленной на устахъ,
Съ туманомъ лжи, съ отравою презрѣнья
Въ уклончиво блуждающихъ очахъ?
Зачѣмъ тебя художникъ вдохновенный

Впустилъ въ тотъ храмъ таинственно священный
Величія, добра и красоты,
Гдѣ усмѣхаться... можешь только ты?!
Отъ глазъ Христа, отъ близости Сократа,
Отъ юности, отъ славы, отъ ума
Бѣги въ вертепы лести и разврата,
Туда, гдѣ звонъ цѣпей, бряцанье злата,
Гдѣ пьяное веселье, шумъ и тьма!
Тебя я проклинаю, ненавижу:
Ты оскорбилъ восторгъ души святой—
Зачѣмъ ты здѣсь? Зачѣмъ тебя я вижу?
Зачѣмъ твой взоръ смѣется надо мной?..
Увы! Отвѣтъ предвижу я заранѣ,
И шопотъ твой знакомъ мнѣ съ давнихъ дней—
Знакомъ, какъ боль въ незаживленной ранѣ,
Какъ тяжкій бредъ безсонныхъ злыхъ ночей.
Когда, добра и свѣта полонъ жажды,
Искалъ я новыхъ знаній, думъ и встрѣчъ,
Не ты ль шепталъ въ тиши мнѣ не однажды
Лукавую, язвительную рѣчь:
„Добро и зло, ничтожество, величье,
Все, что живетъ, что отжило давно—
Гдѣ судъ тому, гдѣ мѣра, гдѣ различье,
Не все ль людьми поругано равно?“
И нынѣ здѣсь, въ святилищѣ искусства,
Ты въ правѣ вновь язвить и хохотать,
Развѣнчивать святыни, клеветать,
Подмигивать на красоту, на чувство,
Сжигать людей презрѣнія огнемъ,
Дышать въ лицо имъ ложью и развратомъ
Между отравленнымъ Сократомъ
И крѣпко связаннымъ Христомъ.

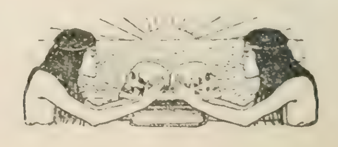
Гр. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

Игры.

(„Хлѣба и зрѣлищъ!“).

Кипѣлъ народомъ циркъ. Дрожащіе рабы
Въ аренѣ съ ужасомъ плачевной ждутъ борьбы.
А тигръ межъ тѣмъ ревѣлъ и прыгалъ барсъ игривый,
Голодный левъ рычалъ, желѣзо клѣтки грызъ,
И кровью, какъ огнемъ, глаза его зажглись.
Отворено: взревѣлъ, взмахнулъ хвостомъ и гривой,
На жертву кинулся... Народъ рукоплескалъ...
Въ толпѣ, окутанный льняною грубой тогой,
Съ нахмуреннымъ челомъ сѣдой старикъ стоялъ.
И ликъ его сіялъ, торжественный и строгій.
Съ угрюмой радостью, казалось, онъ взиралъ,
Спокоенъ, холоденъ, на страшныя забавы,—
Какъ кровожадный тигръ добычу раздиралъ,
И злился въ клѣткѣ барсъ, почуя духъ кровавый.
Близъ старца юноша, смущенный шумомъ игръ,
Воскликнулъ: „Проклятъ будь, о Римъ, о лютый тигръ!
О, проклятъ будь народъ безъ чувства, безъ любви,
Ты, рукоплещущій, какъ звѣрь, при видѣ крови!“
— Кто ты? спросилъ старикъ.— „Аѳинянинъ! Привыкъ
Рукоплескать однимъ я стройнымъ лиры звукамъ,
Однимъ жрецамъ искусствъ, не воплямъ и не мукамъ...“
— Ребенокъ, ты не правъ, отвѣтствовалъ старикъ.
— „Злодѣйство хладное душѣ невыносимо!“
— А я благодарю боговъ-пенатовъ Рима!—
— „Чему же ты такъ радъ?“—Я радъ тому, что есть
Еще въ сердцахъ толпы свободы голосъ-честь:
Бросаются рабы у насъ на растерзанье—
Рабамъ смерть рабская! Собачья смерть рабамъ!
Что толку въ жизни ихъ—привыкнувшихъ къ цѣпямъ?
Достойны ихъ они, достойны поруганья!

А. Майковъ.



А. К. Толстой.

Колодники.

Спускается солнце за степи,
Вдали золотится ковыль,—
Колодниковъ звонкія цѣпи
Взметаютъ дорожную пыль.
Идутъ они съ бритыми лбами,
Шагаютъ впередъ тяжело;
Угрюмо сдвинули брови,
На сердце раздумье легло.
Идутъ съ ними длинныя тѣни,
Двѣ клячи телѣгу везутъ.
Лѣниво сгибая колѣни,
Конвойные съ ними идутъ.
— Что, братцы, затянемте пѣсню,
Забудемъ лихую бѣду!
Ужъ, видно, такая невзгода
Написана намъ на роду!

И вотъ, повели, затянули.
Поютъ, заливаясь, они
Про Волги широкой раздолье,
Про даромъ минувшіе дни;
Поютъ про свободныя степи,
Про дикую волю поютъ...
День меркнетъ все болѣ,—а цѣпи
Дорогу метутъ, да метутъ...

А. К. Толстой.

Вскрытіе.

Изъ Ады Негри.

О, докторъ, твой взглядъ безпокоенъ и дикъ,
Исполненъ ты бѣшеной страсти,
Ты острымъ ланцетомъ мнѣ въ тѣло проникъ,
Мнѣ тѣло терзаешь на части..
Напрасная ненависть: я не дрожу
Предъ яростью рѣжущей стали,
И, хочешь, сейчасъ о себѣ разскажу,
Межъ труповъ въ покойницкой залѣ.
Средь жизненныхъ терній я съ дѣтства росла,
Семьи и пріюта не зная,
Въ разгулъ непогодъ одиноко брела,
Безъ крова, въ лохмотьяхъ, босая;
Я знала безсонницу скорбныхъ ночей,
О завтрашнемъ хлѣбѣ заботы,
Тщету изступленной мольбы и рѣчей,
И дни безъ гроша и работы;
Я видѣла темныя язвы нужды,
Я видѣла стыдъ усыпленный,
Бродила я въ царствѣ и зла и вражды
И слышала вѣчные стоны...
И вотъ—обрѣла я послѣдній покой
Въ просторной и свѣтлой больницѣ,

И смерть, торжествуя, взвилась надо мной
Зловѣщею черною птицей.
И я умерла, какъ заброшенный песъ,
Какъ чуждое людямъ творенье,
И въ часъ мой послѣднiй никто не принесъ
Мнѣ дружескихъ словъ утѣшенья.
Смотри, какъ коса разметалась моя
Блестящею черной волною,
Но скоро ее гробовая земля
Обложитъ корой ледяною.
Какъ гибокъ, и нѣженъ, и строенъ мой станъ,
И свѣтится дѣвственнымъ свѣтомъ,
И только тускнѣетъ отъ боли и ранъ,
Лобзаемый алчнымъ ланцетомъ.
Ну, что же! И рѣжь, и терзай, и коли,
Свершая свой трудъ неустанный,
И купленнымъ тѣломъ его утоли,
Утѣшься побѣдой желанной.
Ну, что жъ! Наслаждайся жестокой игрой:
Я прахъ, ни на что непригодный,
И въ тѣлѣ моемъ ты искусно раскрой
Всѣ тайны невзгоды голодной.
Съ ланцетомъ приникни къ глубокой груди,
Разрѣжь всѣ сердечныя ткани,
И въ сердцѣ больномъ поскорѣе найди
Великую тайну страданiй...
Я снова страдаю подъ взглядомъ твоимъ:
Стыдливое чувство ты будишь,—
Но взоръ мой стеклянный глядитъ недвижимъ:
Ты долго его не забудешь.
А съ устъ побѣлѣвшихъ, какъ скорбный итогъ
Борьбы безполезной, суровой,
Слетаетъ подавленный горькiй упрекъ,
Проклятья послѣднее слово...

В. Ш.

Бурлакъ.

Эхъ, пріятель, и ты, видно, горе видалъ,
Коли плачешь отъ пѣсни веселой!
Нѣтъ, послушай-ка ты, что вотъ я испыталъ,
Такъ узнаешь о жизни тяжелой!
Девятнадцати лѣтъ, послѣ смерти отца,
Я остался одинъ сиротою.
Дочь сосѣда любила меня молодца.
Я женился,—и зажилъ съ женою!
Словно счастье на дворъ мнѣ она принесла,—
Дай Богъ царство небесное бѣдной,—
Ужъ такая-то, братецъ, хозяйка была,—
Дорожила полушкой мѣдной!
Въ зимній вечеръ, бывало, лучину зажжетъ
И прядетъ себѣ, глазъ не смыкаетъ;
Пѣтухи пропоютъ,—ну, тогда отдохнетъ
И приляжетъ; а чуть разсвѣтаетъ,—
Ужъ она на ногахъ: поглядишь—побѣжитъ,
И овцамъ, и коровкамъ дастъ корму,
Печь истопитъ и снова за прялкой сидитъ
Или что прибираетъ по дому;
Лѣтомъ рожь станетъ жать иль снопы подавать
Съ земли на возъ,—и горя ей мало.
Я, бывало, скажу: „не пора ль отдыхать?“.
— „Ничего, говоритъ, не устала“,—
Иногда ей случится обновку купить
Для утѣхи, такъ скажетъ: „напрасно!
Мы безъ этого будемъ другъ друга любить,
Что ты тратишься, соколъ мой ясный!“
Какъ въ раю съ нею жилъ!.. да не намъ, вѣрно, знать,
Гдѣ и какъ насъ кручина застанетъ!
Улеглася жена въ землю навѣки спать..
Вспомнишь,—жизнь не мила тебѣ станетъ!
Вся надежда была—словно вылитый въ мать,
Темнорусый красавецъ-сынишка.
По складамъ ужъ псалтырь было началъ читать...
Думалъ: „выйдетъ, молъ, въ люди мальчишка“.
Да не то Богъ ему на роду написалъ:

Заболѣлъ отъ чего-то весною.—
Я и бабокъ къ нему, знахарей призывалъ
И поилъ наговорной водою,
Обѣщалъ и рублевую свѣчку купить,—
Предъ иконою въ церкви поставить,—
Не услышалъ Господь... и пришлось положить
Сына въ гробъ, на кладбище отправить...
Было горько мнѣ, другъ, въ эти черные дни!
Опустились совсѣмъ мои руки!..
Стали хлѣбъ убирать,—въ полѣ пѣсни, огни;
А я сохну отъ горя и скуки!
Снѣга перваго ждалъ я: продамъ, молъ, вотъ рожь,
Справлю сани, извозничать буду.—
Вдругъ—бѣда за бѣдой—на скотину падежъ...
Чай, по гробъ этотъ годъ не забуду!
Кой-какъ зиму провелъ; вижу—честь мнѣ не та:
То на сходкѣ иной посмѣется:
„Дескать,—всякая вотъ что ни есть мелкота
Тоже въ дѣло мірское суется!“
То бранятъ за глаза: „не съ его-де умомъ
Жить въ нуждѣ: видишь, какъ онъ лѣнится;
Нѣтъ, по нашему такъ: коли быть молодцомъ,
Не тужи, хоть и горе случится!“
Образумилъ меня людской смѣхъ, разговоръ;
Видно, Богъ свою помощь мнѣ подалъ.
Запросилась душа на широкій просторъ.
Взялъ я паспортъ, подушное отдалъ,
И пошелъ въ бурлаки. Разгуляли тоску
Волги-матушки синія волны!..
Коли отдыхъ придетъ,—на крутомъ бережку
Разведешь огонекъ въ вечеръ темный,
Изъ товарищей пѣсню одинъ заведетъ,
Тѣ подхватятъ,—и вмигъ встрепенешься,
Съ головы и до ногъ жаръ и холодъ пойдетъ,
Слезы сдержишь,—и самъ тутъ зальешься.
Непогода ль случится, и вдругъ посѣтитъ
Мою душу забытое горе,—
Есть разгулъ молодцу: Волга съ шумомъ бѣжитъ
И про волю поетъ на просторѣ;
Ретивое забьется,-и вспыхнешь огнемъ!
Осень, холодъ,—не надобна шуба!

Сядешь въ лодку,—гуляй! Размахнешься весломъ,
Силой съ бурей помѣряться любо!
И летишь по волнамъ, только брызги кругомъ...
Крикнешь: „ну, теперь Божія воля!
Коли жить,—будемъ жить, умереть,—такъ умремъ!“
И въ душѣ словно не было горя!

И. С. Никитинъ.

Борьба.

Я гасъ, я умиралъ... И у моей постели,
Одинъ съ Распятіемъ, другой съ косой въ рукахъ,
Два гордыхъ ангела стояли на часахъ,
И оба красотой нездѣшнею блестѣли.
Одинъ изъ ангеловъ былъ ангелъ бытія,
Другой—духъ тлѣнія и сумрачнаго гроба;
Два ангела владѣть хотѣли мною оба,
И спорили о томъ, кому отдамся я?
— Ко мнѣ, красавецъ мой,—шепталъ мнѣ ангелъ тлѣнья,
Склонись на грудь мою усталой головой:
Я дамъ тебѣ покой, дамъ вѣчное забвенье
Страданій и тревогъ, испытанныхъ тобой!
— „Не вѣрь ему, дитя: имъ управляетъ злоба,
Въ немъ говоритъ вражда и зависть силы злой.
Что можетъ быть страшнѣй и неизмѣннѣй гроба?
Гдѣ нѣтъ борьбы, тамъ, знай, немыслимъ и покой!
Не вѣрь ему! Взгляни, какъ Божій міръ прекрасенъ,
Какъ солнце весело сіяетъ надъ землей!
Взгляни, какъ сводъ небесъ безбрежно синь и ясенъ,
Какъ зеленъ лѣсъ и лугъ, сверкающій росой;
Взгляни на города, воздвигнутые мною,
Взгляни на общества, на все, что создалъ я,—

На этихъ дѣвъ и женъ, блестящихъ красотою
И отвѣчай: еще ль ты смерть съ ея косою
Предпочитаешь мнѣ — владыкѣ бытія?..“
Такъ говорилъ мнѣ духъ любви и возрожденья.
— Ко мнѣ, дитя мое! Кто мнѣ, красавецъ мой,—
Настаивалъ опять угрюмый ангелъ тлѣнья,
Взмахнувши надо мной губительной косой.
— Не такъ прекрасенъ міръ, какъ думаютъ иные:
Повѣрь, въ немъ нѣтъ клочка, чтобъ грѣшная земля
Осталась чистою, гдѣ бъ потъ и кровь людскіе
Не заливали въ ней цвѣтущія поля,
Гдѣ бъ не былъ слышенъ стонъ и вопли угнетенныхъ,
Гдѣ бъ не царилъ порокъ и не цвѣла нужда.
А ваши общества? А ваши города?
Всѣ ваши города—дома умалишенныхъ!
Чѣмъ нравится тебѣ жизнь въ этомъ мірѣ тлѣнья?
Что можетъ дать она? Познанье силы зла,
Борьбу, страданья да вѣчныя сомнѣнья?
А я... я дамъ тебѣ великіе дары!
Я объясню тебѣ всѣ тайны мірозданья,
Я облечу съ тобой всѣ звѣздные міры,
Я укажу тебѣ и путь, и разстоянья,
И жизнь всѣхъ этихъ солнцъ и солнечныхъ системъ.
Я ниспущусь съ тобой въ бездонный сумракъ ада,
Я вознесу тебя въ надоблачный эдемъ,
Гдѣ будетъ ждать тебя послѣдняя награда—
Жизнь въ лицезрѣніи великаго Творца,
Жизнь въ сонмѣ ангеловъ съ безгрѣшными духами,
Подъ кущами садовъ, сверкающихъ плодами,—
Жизнь безъ сомнѣнія, безъ муки, безъ конца.—
„Помедли,“ вновь сказалъ мнѣ ангелъ возрожденья,
„Онъ говоритъ, что жизнь полна тревогъ, борьбы,
Что большинство людей—тираны иль рабы,
Что міръ весь заклейменъ печатью преступленья!
Пусть такъ! Не спорю я. Но развѣ ты забылъ
Завѣтъ Спасителя? Того, Кто нисходилъ,
Чтобъ искупить вашъ грѣхъ своей безгрѣшной кровью,
Того, Кто васъ училъ, съ божественной любовью,
Стремиться къ лучшему, надѣяться и ждать,
Любить и вѣровать, бороться и страдать.

Повѣрь, дитя мое, чѣмъ больше пытокъ ада
Ты вынесъ на землѣ, тѣмъ большая награда
Тебѣ воздастся тамъ, на небѣ голубомъ."
Сказалъ, и осѣнилъ меня своимъ крестомъ:
— „Борись же и страдай!"
И вдругъ... исчезли оба—
И ангелъ бытія и мрачный ангелъ гроба.
И я остался жить, чтобъ сызнова начать
Любить и вѣровать, бороться и страдать

Н. Пушкаревъ.

Сонъ.

Вошелъ я въ храмъ. Кругомъ дремали боги.
И былъ мнѣ голосъ: „предъ тобой весь міръ:
Вотъ слава шумная, вотъ долгъ—молчальникъ строгій,—
Богатство, знанье,—выбирай кумиръ!"
И я отвѣтилъ:—я усталъ и боленъ,
Я—трупъ живой. И я равно безволенъ
Желать или желанья одолѣть.
Одно, одно могло бъ мнѣ грудь согрѣть!
Есть мысли,—въ нихъ зіяеть разрушенье,
Есть музыка безумно-дерзкихъ словъ,—
Лишь внемля имъ, я живъ, и жить готовъ"!
Дитя съ огнемъ во взорѣ—дерзновенье—
Дало мнѣ молотъ. Я разбилъ боговъ,
Разрушилъ храмъ—и палъ въ изнеможеньѣ.

Н. М. Минскій.

К. К. Случевскій.

Людскіе вздохи.

Въ глубокую полночь, какъ люди всѣ спятъ,
И свѣтлыя звѣзды на землю глядятъ,

И мѣсяцъ высокій, дробясь серебромъ,
Въ поляхъ застилаетъ коверъ за ковромъ,

И тѣни въ громадныхъ размѣрахъ своихъ
Лежатъ, повалившись однѣ на другихъ;

Когда въ неподвижно-сверкающій лѣсъ
Спускаются росы съ высокихъ небесъ,

И бѣлыя тучи по небу плывутъ,
И горныя кручи въ туманахъ встаютъ —

Легки и воздушны въ сіяньи лучей
На игры слетаются вздохи людей.

И въ образахъ легкихъ, свѣтясь красотой,
Безплотно рожденные свѣтомъ и тьмой,

Они вереницей, незримо для насъ,
Нашъ міръ облетаютъ въ полуночный часъ.

Съ душистыхъ сиреней, съ ясминыхъ кустовъ,
Съ безсоннаго ока, могильныхъ крестовъ,

Съ горящаго сномъ молодого лица,
Съ остынувшихъ щекъ старика-мертвеца,

Со слезъ, ускользающихъ въ лунномъ свѣту,
Они собираютъ лучи на лету;

Собравши,—вѣнцы золотые плетутъ,
По спящему міру тревожно снуютъ,

И гибнутъ подъ утро, при первыхъ лучахъ,
Съ вѣнцами на ликахъ, съ мольбой на устахъ.

К. К. Случевскій.

Хозяинъ.

Впряженъ въ телѣгу конь косматый,
Откормленъ на диво овсомъ,
И бляхи мѣдныя на немъ
Блестятъ при заревѣ заката.
Купцу дай-Господи пожить;
Широкоплечъ, какъ клюква, красенъ,
Казной отъ бѣдъ обезопасенъ,
Здоровъ,—о чемъ ему тужить?
Да мой купецъ и не горюетъ.
Съ какой-то бабой за столомъ
Въ особой горенкѣ, вдвоемъ,
Сидитъ на мельницѣ, пируетъ.
Вода реветъ, вода шумитъ,
Отъ грома мельница дрожитъ,
Идетъ работа толкачами,
Идетъ работа рѣшетомъ,
Колесами и жерновами—
И стукотня и пыль кругомъ...
Купецъ мой рюмку поднимаетъ
И кулакомъ объ столъ стучитъ.
— „И выпью!.. кто мнѣ помѣшаетъ?
И пью... самъ чортъ не запретитъ!
Пей, Марья!..“

— То-то, ненаглядный,
Ты мнѣ на платье обѣщалъ...
— „И кончено! Сказалъ—и ладно,
Будетъ такъ, какъ я сказалъ!
Мнѣ что жена? Сыта, одѣта—
И все.. вотъ выпрягу коня
И прогуляю до разсвѣта,
И баста! Обними меня!“
Вода шумитъ—не умолкаетъ,
При свѣтѣ мѣсяца кипитъ,
Алмазной радугой сверкаетъ,
Огнями синими горитъ.
Но даль темна и молчалива.
Огонь веселый рыбака
Краснѣетъ въ зеркалѣ залива,
Скользитъ по листьямъ лозняка.
Купецъ гуляетъ. Мы не станемъ
Ему мѣшать. Въ тиши ночной
Мы лучше въ домъ его заглянемъ,
Войдемъ неслышною стопой.
Ужъ поздно. Свѣчка догорѣла.
Больной лежитъ и смерти ждетъ,
Его лицо, какъ мраморъ, бѣло,
И руки холодны, какъ ледъ;
На лобъ открытый кудри пали;
Остатокъ прежней красоты,
Печать раздумья и печали
Еще хранятъ его черты;
Такъ освѣщенные зарею,
Въ замолкшемъ надолго лѣсу,
Листы осеннею порою
Еще хранятъ свою красу.
Пора на отдыхъ. Грудь разбита,
На сердцѣ запеклася кровь—
И радость навѣкъ позабыта...
А ты, горячая любовь,
Явилась поздно. Доля! доля!
И если бъ раньше ты пришла,—
Какой бы здѣсь пріютъ нашла?
Здѣсь трудъ и бѣдность, здѣсь неволя,
Здѣсь горе гнѣзда вьетъ свои,

И вѣетъ холодъ отъ порога,
И стѣны дома смотрятъ строго.—
Здѣсь нѣтъ прiюта для любви!
Лежитъ больной, лицо печально,
И будто тѣнью лобъ покрытъ;
Такъ лѣтомъ, только догоритъ
Румяной зорьки лучъ прощальный,—
Подъ сводомъ сумрачныхъ небесъ
Стоитъ угрюмъ и теменъ лѣсъ.
Родная мать роняетъ слезы,
Облокотясь на столъ рукой;
Надежды, молодости грезы,
Миръ сердца—этотъ рай земной—
Все унесло, умчало горе,
Какъ бурный вѣтеръ уноситъ пыль,
Когда въ степи шумитъ ковыль,
Шумитъ взволнованный, какъ море,
И догораетъ вся до-тла
Грозой зажженная ветла.
Плачь, бѣдное созданье!
И не слезами,—кровью плачь!
Безвыходно твое страданье
И безпощаденъ твой палачъ.
Невесела, невыносима,
Горька, какъ ядъ, твоя судьба;
Ты жизнь убила, какъ раба,
И не была никѣмъ любима...
Твой мужъ... но виноватъ ли онъ,
Что пьянъ, и грубъ, и не уменъ?
Когда бъ онъ могъ подумать строго,
Какъ зла надѣлано имъ много,
Какъ много ранъ нанесено,—
Себя онъ проклялъ бы давно.
Въ борьбѣ тяжелой ты устала,
Изнемогла и въ грязь упала,
И въ грязь затоптана толпой.
Увы! Сгубилъ тебя запой!
Твоя слеза на кровь походитъ...
Плачь больше! Въ воздухѣ чума!
Любимый сынъ въ могилу сходитъ,

Другой давно сошелъ съ ума.
Вотъ онъ сидитъ на лежанкѣ просторной,
Голо остриженъ, и блѣденъ и хилъ;
Палку, какъ скрипку, къ плечу прислонилъ;
Бровью и глазомъ моргаетъ проворно,
Правой рукой взадъ и впередъ
Водитъ по палкѣ, и пѣсню поетъ:
— „На старомъ курганѣ, въ широкой степи,
Прикованный соколъ сидитъ на цѣпи.
Сидитъ онъ ужъ тысячу лѣтъ,
Все нѣтъ ему воли, все нѣтъ!
И грудь онъ съ досады когтями терзаетъ,
И каплями кровь изъ груди вытекаетъ...
Летятъ въ синевѣ облака,
А степь широка, широка!..“
Вдругъ палку кинулъ онъ, закрылъ лицо руками,
И плачетъ горькими слезами:
— „Больно мнѣ! больно мнѣ! мозгъ мой горитъ.
Счастье тому, кто въ могилѣ лежитъ!
Мать моя, матушка, полно рыдать!
Долго ли намъ эту жизнь коротать?
Знаешь ли? Спальню запри изнутри,
Сторожемъ стану я подлѣ двери.
Прочь! закричу я: здѣсь мать моя спитъ!
Больно мнѣ, больно мнѣ! мозгъ мой горитъ!..“
Больной все слушалъ эти звуки,
Горѣлъ на медленномъ огнѣ;
Сказать хотѣлъ онъ:
— Дайте мнѣ
Хоть умереть безъ слезъ и муки!
Ужель не могъ я отъ судьбы
Дождаться мира въ часъ кончины
За годы думы и кручины,
За годы пытки и борьбы?
Иль эти пытки шуткой были?
Иль мало, среди стѣнъ родныхъ,
Отравой зла меня поили?
Иль, вмѣсто слезъ, изъ глазъ моихъ
Текла вода на изголовье,
Когда, губя свое здоровье,
Я думалъ ночи безо сна,

Зачѣмъ мнѣ эта жизнь дана?
И, догорающій въ постели,
Всю жизнь припомнивъ съ колыбели,
Хотѣлъ онъ на своемъ пути
Хоть точку свѣтлую найти—
И не сыскалъ.
Такъ въ полдень жгучій,
Спустившись съ каменистой кручи,
Томимый жаждой пѣшеходъ
Искать ключа въ оврагъ идетъ.
И долго тамъ, усталый, бродитъ,
И влаги капли не находитъ
И падаетъ едва живой,
На землю, съ болью головной...
— „Ну, отпирай! заснули скоро!"
Ударивъ въ ставень кулакомъ,
Хозяинъ крикнулъ подъ окномъ...
Печальный домъ, пріютъ раздора!
Нѣтъ, тяжело срывать покровъ
Съ твоихъ таинственныхъ угловъ,
Срывать покровъ, какъ уголь черный!
Угрюмъ твой видъ, какъ гроба видъ,
Какъ мѣсто казни, гдѣ стоитъ
Съ желѣзной цѣпью столбъ позорный,
И плаха съ топоромъ лежитъ!
За то, что здѣсь такъ мало свѣта,
Что воздухъ солнцемъ не согрѣтъ,
За то, что нѣтъ на мысль отвѣта,
За то, что радости здѣсь нѣтъ,
Ни ласкъ, ни милаго объятья,
За то, что гибнетъ человѣкъ,—
Я шлю тебѣ мои проклятья,
Чужой оплакивая вѣкъ!

И. С. Никитинъ.

На городскомъ мосту.

Прохожій! спасите несчастную мать!
Я буду немногому рада:
Подайте отъ сердца, что можете дать...
„Работать, сказали вы,—надо!“
Я рада работать какъ лошадь, весь день,
Работать всю ночь до разсвѣта,—
Недаромъ смотрю я какъ призракъ, какъ тѣнь,
Съ того убѣжавшая свѣта.
Но въ щепку моя исхудавшая грудь,
Повисшія руки, какъ плети,
Вамъ скажутъ, что надо и мнѣ отдохнуть
Въ холодной могилѣ... А дѣти?
Я такъ вотъ и слышу малютокъ моихъ,
Вникающихъ въ скорбную драму;
Я вижу, какъ ширятся глазки у нихъ,
Смотря на остывшую маму...
Но что же мнѣ дѣлать? вѣдь имъ не дадутъ
Питанья изсохшія груди;
А гдѣ же найду я по силамъ мнѣ трудъ?
Гдѣ сыщутся добрые люди?
Сегодня веселыя елки горятъ,
Всѣ окна сіяютъ огнями—
Мои же малютки голодныя спятъ,
Довольствуясь дѣтскими снами.
Я тоже, какъ будто стою въ полуснѣ
И вижу блестящіе круги...
Прохожій! Но гдѣ жъ онъ? иль чудилось мнѣ?
Иль, можетъ, спѣшилъ онъ къ супругѣ?
А! вотъ онъ подходитъ... ужъ это другой...
— „Пойдемъ за хорошую плату
Со мной,“ вы сказали? О, Боже ты мой!
Вѣдь я неспособна къ разврату;
И я ни къ чему неспособна теперь...
Мнѣ хочется только забыться,
Открыть заповѣдную къ вѣчности дверь;
Я даже не въ силахъ молиться.
Молиться! Уже много безсонныхъ ночей

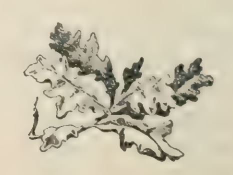
Прошу я защиты у неба,
Но съ этого царства холодныхъ лучей
На землю не падаетъ хлѣба...
Все черныя мысли впиваются въ умъ
Мнѣ чудной какой-то отравой...
Какъ сладко до уха донесся бы шумъ
Теченья рѣки величавой!
Но холодъ, на зло мнѣ, сковалъ ее льдомъ,—
Для бѣдныхъ вездѣ неудача...
Когда бы могла я пробить его лбомъ—
Рѣшилась бы мигомъ задача.
Тамъ славно, тамъ ждетъ меня вѣчная ночь,
Тамъ нѣтъ ужъ житейской заботы...
А дѣти-малютки?!.. Несчастная! Прочь!
Работы мнѣ!.. Дайте работы!!..

И. В. Омулевскій.

Изъ Петефи.

Спишь ты, справедливость, или ты убита?..
Кто служить свободѣ на землѣ стремится,
Кто въ борьбу съ неправдой выступилъ открыто,
Тотъ закованъ въ цѣпи, тотъ въ тюрьмѣ томится.
Кто же губитъ въ сердцѣ лучшія стремленья,
Съ совѣстью вступая въ сдѣлки безъ стѣсненья,
Тотъ живетъ свободно, весело и сыто...
Спишь ты, справедливость, или ты убита?..

В. Башкинъ.



В. Гете.

Моя богиня.

Изъ В. Гете.

Какую безсмертную
Вѣнчать предпочтительно
Предъ всѣми богинями
Олимпа надзвѣзднаго?
Не спорю съ питомцами
Разборчивой мудрости,
Учеными строгими;
Но свѣжей гирляндою
Вѣнчаю веселую,
Крылатую, милую,
Всегда разновидную,
Всегда животворную
Любимицу Зевсову—
Богиню-Фантазiю!
Ей далъ онъ тѣ вымыслы,
Тѣ сны благотворные,
Которыми въ области
Олимпа надзвѣзднаго,

Съ амврозіей, съ нектаромъ,
Подчасъ утѣшается
Онъ въ скукѣ безсмертія.
Лелѣя съ усмѣшкою
На персяхъ родительскихъ,
Ее величаетъ онъ
Богинею-радостью.
То въ утреннемъ вѣяньи,
Съ лилейною вѣткою,
Одѣтая ризою,
Сотканной изъ нѣжнаго
Денницы сіянія,
По долу душистому,
По холмамъ муравчатымъ,
По облакамъ утреннимъ
Малиновкой носится;
На ландышъ, на лилію,
На цвѣтъ-незабудочку,
На травку дубравную
Спускается пчёлкою;
Устами пчелиными
Впиваяся въ листики,
Пьетъ рóсу медвяную;
То, кудри съ небрежностью
По вѣтру развѣявши,
Во взорѣ уныніе,
Тоской отуманена,
Глава наклонённая,
Сидитъ на крутой скалѣ
И смотритъ въ мечтаніи
На море пустынное
И любитъ прислушивать,
Какъ волны плескаются,
О камни дробимыя;
То внемлетъ, задумавшись,
Какъ вѣтеръ полуночный
Порой подымается,
Шумитъ надъ дубравою,
Качаетъ вершинами
Деревъ сѣннолиственныхъ;
То въ сумракѣ вечера,

Когда златорогая
Луна изъ-за облака
Надъ рощею выглянетъ
И, сливши дрожащій лучъ
Съ вечерними тѣнями,
Одѣнетъ лѣсъ и долъ
Туманнымъ сіяніемъ,
Играетъ съ наядами
По гладкой поверхности
Потока дубравнаго
И, струекъ съ журчаніемъ
Мѣшая гармонію
Волшебнаго шопота,
Наводитъ задумчивость,
Дремоту и легкій сонъ.
Иль быстро съ зефирами
По дремлющимъ лиліямъ,
Гвоздикамъ узорчатымъ,
Фіалкамъ и ландышамъ
Порхая, питается
Душистымъ дыханіемъ
Цвѣтовъ, ожемчуженныхъ
Росинками свѣтлыми,
Иль съ сонмами геніевъ,
Воздушною цѣпію
Віясь, развиваяся,
Въ мерцаніи мѣсяца,
Невидима-видима,
По облакамъ носится
И, къ рощѣ спустившися,
Играетъ листочками
Осины трепещущей.
Прославимъ Создателя,
Могущаго, древняго
Зевеса, пославшаго
Намъ Радость-Фантазію!
Въ сей жизни, гдѣ радости
Прямыя—лучъ молніи,
Онъ далъ намъ въ ней счастіе,
Всегда неизмѣнное,
Супругу веселую,

Красой вѣчно-юную,
Цвѣтокъ разнолиственный,
Душистый, не вянущій,
И съ нею насъ цѣпію
Сопрягъ нераздѣльною.
„Да будешь," сказалъ онъ ей,
„И въ счастьи, и въ горести
Имъ вѣрная спутница,
Утѣха, прибѣжище!"
Другія творенія
Цибелы, обильныя
Дарами и жизнею,
Съ очами незрящими,
Въ слѣпыхъ наслажденіяхъ,
Съ печалями смутными,
Гнетомыя бременемъ
Нужды непреклонныя,
Начавшись, кончаются
Въ кругу, ограниченномъ
Чертой настоящаго,
Минутною жизнію;
Но мы, отличенные
Зевесовой благостью...
Онъ далъ намъ сопутницу,
Игривую, нѣжную,
Летунью, искусницу
На милые вымыслы,
Причудницу рѣзвую,
Любимую дщерь свою
Богиню-Фантазію.
Ласкайте прелестную!
Кажите вниманіе
Ко всѣмъ ея прихотямъ,
Невиннымъ, младенческимъ!
Пускай почитается
Надъ вами владычицей
И дома хозяйкою!
Чтобъ вотчиму старому,
Брюзгливцу суровому,
Разсудку не вздумалось
Ее переучивать,

Пугать укоризнами
И мучить уроками.
Я знаю сестру ея
Степенную, тихую..
Мой другъ утѣшительный,
Тогда лишь простись со мной,
Когда изъ очей моихъ
Лучъ жизни сокроется;
Тогда лишь покинь меня,
Причина всѣхъ добрыхъ дѣлъ,
Источникъ великаго,
Намъ твердость и мужество
И силу дающая,
Надежда отрадная!

В. Жуковскій.

Сумасшедшій.

Садитесь, я вамъ радъ. Откиньте всякій страхъ
И можете держать себя свободно,—
Я разрѣшаю вамъ. Вы знаете, на дняхъ
Я королемъ былъ избранъ всенародно.
Но это все равно. Смущаютъ мысль мою
Всѣ эти почести, привѣтствія, поклоны...
Я день и ночь пишу законы
Для счастья подданныхъ и очень устаю...
Какъ вамъ моя понравилась столица?
Вы изъ далекихъ странъ? А, впрочемъ, ваши лица
Напоминаютъ мнѣ знакомыя черты;
Какъ будто я встрѣчалъ, именъ еще не зная,
Васъ гдѣ-то тамъ, давно...
Ахъ, Маша, это ты?
О, милая моя, родная, дорогая,
Ну, обними меня, какъ счастливъ я, какъ радъ!
И Коля!.. здравствуй, милый братъ!
Вы не повѣрите, какъ хорошо мнѣ съ вами,
Какъ мнѣ легко теперь! Но что съ тобой, Мари?

Какъ ты осунулась... страдаешь все глазами?
Садись ко мнѣ поближе, говори,
Что наша Оля? все растетъ? здорова?
О, Господи! Что далъ бы я, чтобъ снова
Разцѣловать ее, прижать къ моей груди!..
Ты приведешь ее?.. Нѣтъ, нѣтъ, не приводи!
Расплачется, пожалуй, не узнаетъ,
Какъ, помнишь, было разъ... А ты теперь о чемъ
Рыдаешь? Перестань! Ты видишь, молодцомъ
Я сталъ совсѣмъ, и докторъ увѣряетъ,
Что это легкій рецидивъ,
Что скоро все пройдетъ, что нужно лишь терпѣнье...
О да, я терпѣливъ, я очень терпѣливъ,
Но все-таки... за что? Въ чемъ наше преступленье?..
Что дѣдъ мой боленъ былъ, что боленъ мой отецъ?
Что этимъ призракомъ меня пугали съ дѣтства?
Такъ что жъ изъ этого? Я могъ же, наконецъ,
Не получить проклятаго наслѣдства!..
Такъ много лѣтъ прошло, и жили мы съ тобой
Такъ дружно, хорошо и все намъ улыбалось...
Какъ это началось? Да, лѣтомъ, въ сильный зной,
Мы рвали васильки, и вдругъ мнѣ показалось...

. . . .

Да, васильки, васильки,
Много мелькало ихъ въ полѣ...
Помнишь, до самой рѣки
Мы ихъ сбирали для Оли.
Оличка броситъ цвѣтокъ—
Въ рѣку, головку наклонитъ...
„Папа,—кричитъ,—василекъ
Мой поплыветъ, не утонетъ?"

Я ее на руки бралъ,
Въ глазки смотрѣлъ голубые,
Ножки ея цѣловалъ,
Блѣдныя ножки, худыя.
Какъ эти дни далеки...
Долго ль томиться я буду?
Все васильки, васильки
Красные, желтые всюду...
Видишь, торчатъ на стѣнѣ,

Слышишь, сбѣгаютъ по крышѣ,
Вотъ подползаютъ ко мнѣ,
Лѣзутъ все выше и выше...
Слышишь, смѣются они...
Боже, за что эти муки?
Маша, спаси, отгони,
Крѣпче сожми мои руки!
Поздно! Вошли, ворвались,
Стали стѣной между нами!..
Въ голову такъ и впились,
Колютъ ее лепестками.
Рвется вся грудь отъ тоски...
Боже! куда мнѣ дѣваться?
Все васильки, васильки...
Какъ они смѣютъ смѣяться?
. . . .

Однако, что же вы сидите предо мной?
Какъ смѣете смотрѣть вы дерзкими глазами?
Вы избалованы моею добротой,
Но все же я—король, и я расправлюсь съ вами!
Довольно вамъ держать меня въ плѣну, въ тюрьмѣ!
Для этого меня безумнымъ вы признали...
Такъ я вамъ докажу, что я въ своемъ умѣ:
Ты мнѣ жена, а ты—ты братъ ея... Что, взяли?
Я справедливъ, но строгъ. Ты будешь казнена.
Что? Не понравилось? Блѣднѣешь отъ боязни?
Что дѣлать, милая, недаромъ вся страна
Давно ужъ требуетъ твоей позорной казни!
Но, впрочемъ, можетъ быть, смягчу я приговоръ
И благости примѣръ подамъ родному краю.
Я не за казни, нѣтъ, всѣ эти казни—вздоръ.
Я взвѣшу, посмотрю, подумаю... не знаю...
Эй, стража, люди... кто-нибудь!
Гони ихъ въ шею всѣхъ: мнѣ надо
Быть одному... Впередъ же не забудь:
Сюда никто не входитъ безъ доклада.

А. Н. Апухтинъ.

Къ побѣдѣ изъ побѣдъ.

Горитъ и блещетъ Жизнь... Съ стремленіемъ безбрежнымъ,
Могучая, какъ вихрь, безстрашна и сильна,
Несется и горитъ... Ея огнемъ мятежнымъ,
Какъ солнцемъ радостнымъ, вся даль озарена...

Горитъ и блещетъ Жизнь... Ея жрецы суровы,
Ея жрецы сильны: подъ тяжестью борьбы
Лишь крѣпнутъ силы ихъ... И рушатся оковы
И тьма бѣжитъ, бѣжитъ, и возстаютъ рабы...

И тамъ, въ нѣмой дали, какъ солнцемъ, озаренный
Огнями мятяжа,—тамъ новый міръ встаетъ,
Свободный, юный міръ... И весь, весь обновленный,
Побѣдой изъ побѣдъ—ликуетъ и поетъ.

. . . .

И вѣримъ, вѣримъ мы, что близокъ праздникъ Бога,
Что близокъ вѣчный день... О, пусть еще жива
Въ измученныхъ сердцахъ тревога.
О, пусть еще звучатъ печальныя слова...

То—боль послѣднихъ ранъ; сраженнаго насилья
Предсмертный слабый бредъ, тускнѣющій кошмаръ...
Но мы, друзья, сильны... знавали наши крылья
Удары сильные,—снесутъ еще ударъ...

О, пусть же блещетъ Жизнь! О, пусть сильнѣй пылаютъ
Мятежные огни! На ихъ зовущій свѣтъ
Идутъ, идутъ борцы... И борются, и знаютъ,
Что впереди—побѣда ихъ побѣдъ!

Г. Вяткинъ.

Фр. Шиллеръ.

Раздѣлъ земли.

Изъ Ф. Шиллера.

„Возьмите міръ!—онъ мнѣ не нуженъ болѣ!“
Воскликнулъ Зевсъ съ заоблачныхъ высотъ:
„Пусть каждый въ немъ возьметъ себѣ по долѣ,
„Владѣетъ ей изъ рода въ родъ“.

Сказалъ, и словъ его лишь только смолкли звуки,
Всѣ земнородные, отъ нищихъ до вольможъ,
И старъ, и младъ, всѣ, у кого есть руки,
Всѣ съ шумомъ бросились толпами на дѣлёжъ.

Кто села взялъ, кто мирныя долины,
Кто быстрыхъ рѣкъ свирѣпое русло;
Поля и пропасти, болота и стремнины:
Все вмигъ себѣ хозяина нашло.

И послѣ всѣхъ, когда раздѣлъ скончали,
Пришелъ поэтъ. Онъ грустнымъ взоромъ міръ
Окинулъ, и главой поникъ на грудь въ печали:
У всѣхъ пріютъ—лишь онъ забытъ и сиръ.

Гдѣ кровъ искать? и изъ груди невольно
Излилась жалоба на судъ судьбы слѣпой:

— О, богъ боговъ! подъ небомъ всѣмъ привольно,
Всѣмъ мѣсто есть, никто здѣсь не чужой.

—Лишь я одинъ всему чужой, бездомный,
Скитальцемъ жить навѣки осужденъ.
Твой міръ великъ; ужель пріютъ укромный
Откажетъ мнѣ суровый твой законъ?

„Все кончено! роптать и плакать поздно!
„Что дѣлалъ ты, когда дѣлили свѣтъ?
„И гдѣ ты былъ?“ Зевесъ воскликнулъ грозно.
— Я былъ съ тобой!—отвѣтствовалъ поэтъ.

—Мой взоръ въ величіи строенья мірового,
Мой слухъ въ гармоніи небесной утопалъ,
И я за мигъ блаженства неземного
Земное все забылъ и потерялъ.—

„Какъ быть!“ сказалъ Зевесъ: „я больше надъ землею
„Не властенъ: рóздалъ все—степь, дебри и лѣса;
„Но если хочешь ты, иди, живи со мною:
„Тебѣ всегда открыты небеса“.

Б. Алмазовъ.

Утесъ на Волгѣ.

Есть на Волгѣ утесъ. Дикимъ мохомъ обросъ
Онъ съ боковъ отъ подножья до края,
И стоитъ сотни лѣтъ, только мохомъ одѣтъ,
Ни нужды, ни заботы не зная.

На вершинѣ его не растетъ ничего;
Тамъ лишь вѣтеръ свободный гуляетъ
Да могучій орелъ свой притонъ тамъ завелъ
И на немъ свои жертвы терзаетъ.

Изъ людей лишь одинъ на утесѣ томъ былъ,
Лишь одинъ до вершины добрался,—
И утесъ человѣка того не забылъ,
И съ тѣхъ поръ его именемъ звался.

И хотя каждый годъ по церквамъ на Руси
Человѣка того проклинаютъ,—
Но приволжскій народъ о немъ пѣсни поетъ
И съ почетомъ его вспоминаетъ.

Разъ, ночною порой, возвращаясь домой,
Онъ одинъ на утесъ тотъ взобрался,—
И въ полуночной мглѣ, на высокой скалѣ,
Тамъ всю ночь до зари оставался.

Много думъ въ головѣ родилось у него,
Много думъ онъ въ ту ночь передумалъ,
И подъ говоръ волны, средь ночной тишины,
Онъ великое дѣло задумалъ.

И задумчивъ, угрюмъ отъ надуманныхъ думъ,
Онъ на утро съ утеса спустился,—
И задумалъ пойти по другому пути,
И идти на Москву онъ рѣшился.

Но свершить не успѣлъ онъ того, что хотѣлъ,
И не то ему пало на долю.
И расправой крутой, да кровавой рѣкой
Не помогъ онъ народному горю.

Не владыкою онъ былъ въ Москву приведенъ,
Не почетнымъ пожалованъ гостемъ,
И не ратнымъ вождемъ на конѣ и съ мечемъ,—
А въ постыдномъ бою съ мужикомъ-палачомъ
Онъ сложилъ свои буйныя кости.

И Степанъ будто зналъ: никому не сказалъ,
Никому своихъ думъ не повѣдалъ,
Лишь утесу тому, гдѣ онъ былъ, одному
Онъ тѣ думы хранить заповѣдалъ.

И понынѣ стоитъ тотъ утесъ и хранитъ
Онъ завѣтныя думы Степана.
И лишь съ Волгой одной вспоминаетъ порой
Удалое житье атамана.

Но зато, если есть на Руси хоть одинъ,
Кто съ корыстью житейской не знался,
Кто неправдой не жилъ, бѣдняка не давилъ,
Кто свободу, какъ мать дорогую, любилъ
И во имя ея подвизался—

Пусть тотъ смѣло идетъ, на утесъ тотъ взойдетъ
И къ нему чуткимъ ухомъ приляжетъ,—
И утесъ-великанъ все, что думалъ Степанъ,
Все тому смѣльчаку перескажетъ.

А. Навроцкій.

Письмо.

Дышала ночь восторгомъ сладострастья...
Неясныхъ думъ и трепета полна,
Я васъ ждала съ безумной жаждой счастья,
Я васъ ждала и млѣла у окна.
Нашъ уголокъ я убрала цвѣтами,—
Къ вамъ одному неслись мечты мои,
Мгновенья мнѣ казалися часами...
Я васъ ждала; но вы... вы не пришли.
Въ окно вливался ароматъ сирени,
Въ лучахъ луны дремалъ заглохшій садъ,
Дрожа мерцали трепетныя тѣни,—
Съ надеждой въ даль я устремляла взглядъ!
Меня томилъ горячій воздухъ ночи,
Она меня, какъ поцѣлуй вашъ, жгла,
Я не могла сомкнуть въ волненьи очи,—
Но вы не шли... А я васъ такъ ждала.
Вдругъ соловей защелкалъ надъ куртиной,
Притихла ночь, въ молчаніи застывъ,
И этотъ рокотъ трели соловьиной
Будилъ въ душѣ таинственный призывъ.
Призывъ туда, гдѣ счастіе возможно

Безъ этой лжи, безъ пошлой суеты...
И поняла я сердцемъ, какъ ничтожна
Моя любовь,—дитя больной мечты.
Я поняла, что счастіе не въ ласкахъ
Грѣховныхъ сновъ съ возлюбленнымъ моимъ,
Что этотъ міръ разсѣется, какъ въ сказкахъ
Завѣтныхъ чаръ завороженный дымъ...
Что есть другое, высшее блаженство—
Имъ эта ночь таинственно полна—
Въ немъ чистота, отрада, совершенство,
Въ немъ утѣшенье, миръ и тишина.
Мнѣ эта ночь навѣяла сомнѣнье...
И, вся въ слезахъ, задумалася я.
И вотъ теперь скажу безъ сожалѣнья:
„Я не для васъ, а вы не для меня!"
Любовь сильна не страстью поцѣлуя!—
Другой любви вы дать мнѣ не могли...
О, какъ же васъ теперь благодарю я,
За то, что вы на зовъ мой не пришли!

В. Мазуркевичъ.

* * *

— „Скажи мнѣ, ты любилъ на родинѣ своей.
Признайся, что она была меня милѣй,
Прекраснѣе?"
— Она была прекрасна...
— „Любила ли она, какъ я, тебя, такъ страстно?
Скажи мнѣ, у нея былъ мужъ, отецъ, иль братъ,
Надъ чьимъ дозоромъ вы смѣялися заочно?
Все разскажи... и какъ порою полуночной
Она спускалася къ тебѣ въ тѣнистый садъ..
Могла ль она, какъ я, такъ пламенно руками,
Какъ змѣи сильными, обвить тебя? Уста,
Ненасытимыя въ лобзаньи никогда,
Съ твоими горячо ль сливалися устами?

Въ тѣ ночи тайныя, когда бъ застали васъ,
Достало ли бъ въ ней силъ, открыто, не страшась,
Въ глаза имъ объявить, что ты ея владѣнье,
Жизнь, кровь, душа ея? На строгій судъ людей
Глядѣла бъ ли она спокойнымъ, смѣлымъ взоромъ?
Гордилась ли бъ она любви своей позоромъ?..
Ты улыбаешься... Ты думаешь о ней...
О, хороша она!.. И образъ ненавистной
Я вырвать не могу изъ памяти твоей!.."
— Ахъ не брани ея! Глубоко, безкорыстно
Любили мы. Но вѣрь, ни разу, ни она,
Ни я, любви своей мы высказать не смѣли.
Она была со мной какъ будто холодна;
Любя, друга друга мы стыдились и робѣли...
Лишь худо скрытый вздохъ, случайный, бѣглый взоръ
Ей измѣнялъ. У насъ всегда былъ разговоръ
Незначущъ, о вещахъ пустыхъ, обыкновенныхъ,
Но какъ-то въ тѣхъ словахъ, въ той болтовнѣ пустой
Угадывали мы душою смыслъ иной,
И голосъ слышали страданій сокровенныхъ.
И только разъ уста мои ея руки
Коснулись; но потомъ мнѣ стыдно, больно было,
Когда она ко мнѣ безмолвно обратила
Взоръ, полный слезъ, мольбы, укора и тоски...
Тотъ взоръ мнѣ все сказалъ: онъ требовалъ пощады...
Онъ говорилъ мнѣ: намъ пора, разстаться надо...
— „И вы разстались?"
— Разстались. Я сказать
Хотѣлъ ей что-то, и она, казалось, тоже;
Но тутъ вошли—должны мы были замолчать...
—„Любить?.. Молчать?.. И вы любили?! Боже, Боже!.."

А. Н. Майковъ.

Дочери горя.

Мы—дочери горя, мы блѣдныя тѣни,
Мы часто проходимъ на вашемъ пути;
Сторонимся робко, боясь подойти,
Но въ храмѣ мы входимъ на тѣ же ступени.
Мы—дочери горя, рабы нищеты!
Пусть солнце сіяетъ съ весенняго неба,
Пусть пышно кругомъ расцвѣтаютъ цвѣты,
Мы мимо проходимъ: намъ хлѣба! намъ хлѣба!
Другимъ—наслажденій и славы вѣнецъ,
Пиръ юности свѣтлой, мечтами богатой...
Кружись колесо нашей жизни проклятой,
Кружись, пока смерть не сказала—конецъ!

Зачѣмъ мы живемъ? для чего существуемъ?
Зачѣмъ намъ и мысли и чувства даны?
Зачѣмъ иногда наши юные сны
Любовь обжигаетъ своимъ поцѣлуемъ?
Ужасна борьба увлеченныхъ сердецъ:
Мы купимъ мигъ счастья тяжелою платой...
Кружись колесо нашей жизни проклятой,
Кружись, пока смерть не сказала—конецъ!

О бѣдныя дѣти! Ихъ лучшіе годы
Не знаютъ блаженства, не знаютъ свободы;
Въ погонѣ за хлѣбомъ всегда и всегда,
Ихъ матери—ясная нѣжность чужда.
И часто ихъ смерть не бываетъ утратой
Для горемъ и зломъ забитыхъ сердецъ...
Кружись колесо нашей жизни проклятой,
Кружись, пока смерть не сказала—конецъ!

Деревья, и камни, и тучи—свободны!
Покой имъ дарованъ велѣньемъ судьбы;
А мы... рождены мы для вѣчной борьбы,
Но наши усилья напрасны, безплодны!
Труда мы хотимъ?—Нѣтъ страшнѣе труда,
Какъ трудъ отыскать, если душитъ нужда!
И мы надрываемъ послѣднія силы,
Мы рвемся впередъ, чтобъ дойти—до могилы.

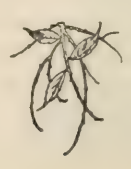
За что эту жизнь ниспослалъ намъ Творецъ?
За что, за чей грѣхъ она служитъ расплатой?
Кружись, колесо нашей жизни проклятой,
Кружись, пока смерть не сказала—конецъ!

Т. Л. Щепкина-Куперникъ.

Ребенокъ.

Мать въ гробу лежитъ, цвѣтами
Убрана въ послѣднiй разъ,
А ребенокъ, удивленный,
Съ тѣхъ цвѣтовъ не сводитъ глазъ.
На одеждѣ бѣлой—розы,
Иммортели въ волосахъ;
Не срывалъ цвѣтовъ красивѣй,
Онъ ни въ полѣ, ни въ лѣсахъ.
И звучитъ его молящiй,
Серебристый голосокъ:
„Мама, мама! Подари мнѣ
Хоть одинъ такой цвѣтокъ!"
Но отвѣта не дождавшись,
Про себя онъ говоритъ:
„Спитъ она! Когда проснется,
Непремѣнно подаритъ!"
И на цыпочкахъ ушелъ онъ;
Но потомъ къ дверямъ опять
Подходилъ не разъ послушать:
Можетъ быть, проснулась мать.

А. Н. Плещеевъ.



Генрихъ Гейне

Вопросы.

Изъ Г. Гейне.

У моря пустыннаго, моря полночнаго
Юноша грустный стоитъ;
Въ груди тревога, сомнѣньемъ полна голова.
И мрачно волнамъ говоритъ онъ:
— „О, разрѣшите мнѣ, волны,
Загадку жизни—
Древнюю, полную муки загадку!
Ужъ много мудрило надъ нею головъ—
Головъ въ колпакахъ съ іероглифами,
Головъ въ чалмахъ и черныхъ съ перьями шапкахъ,
Головъ въ парикахъ и тысячи тысячъ другихъ
Головъ человѣческихъ, жалкихъ, безсильныхъ...
Скажите мнѣ волны: что есть человѣкъ?
Откуда пришелъ онъ? куда пойдетъ?
И кто тамъ надъ нами на звѣздахъ живетъ?"
Волны звучатъ своимъ вѣчнымъ журчаньемъ;
Вѣетъ вѣтеръ; бѣгутъ облака;
Блещутъ звѣзды безучастно—холодныя...
И ждетъ безумецъ отвѣта!

Пер. ***М. Л. Михайловъ.***

Двѣ сестры.

Изъ А. Теннисона.

Насъ было двѣ сестры. Милѣй изъ двухъ сестеръ была она;
Какъ лилія родныхъ полей, всегда задумчива, блѣдна.
Я дикой розой расцвѣла,
Коварна, мстительна и зла.
(Я слышу: вѣтеръ шелеститъ,
О бѣдной Дженни онъ груститъ).
Узнала поздно я о томъ, что графъ укралъ у Дженни честь,
И поклялась святымъ крестомъ исполнить праведную месть—
За преступленіе и ложь...
А графъ былъ демонски хорошъ!
(Я слышу: вѣтеръ стонетъ злѣй
Въ густомъ саду среди аллей)!

Сестра погибла... Тамъ—въ аду—ее, страдалицу, найду.
Мнѣ рѣшено, мнѣ суждено съ сестрой погибнуть заодно.
(Я слышу: вѣтеръ, буенъ, смѣлъ,
Еще сильнѣе зашумѣлъ).
Шли дни и мѣсяцы; но я, святую месть въ душѣ тая,
Ждала, чтобы измѣнникъ-графъ, съ одной сестрою поигравъ,
Другую также оскорбилъ: чтобы меня онъ полюбилъ,—
И я тайкомъ точила ножъ...
А графъ былъ демонски хорошъ!
Онъ не избѣгъ моихъ сѣтей. Я балъ дала. Въ толпѣ гостей,
Какъ къ обольстительной рабѣ, я привлекла его къ себѣ.
Торжествовала я надъ нимъ, какъ надъ невольникомъ моимъ.

(Я слышу: вырвавшись изъ тучъ,
Бушуетъ вѣтеръ дикъ, могучъ;
Въ старинныхъ башняхъ воетъ онъ...
Ужасный свистъ! Могильный стонъ!
По тѣлу пробѣгаетъ дрожь...
А графъ былъ демонски хорошъ)!

И вотъ остались мы вдвоемъ
На ложѣ дѣвичьемъ моемъ.
Онъ мнѣ тогда принадлежалъ,
Принадлежала я ему.
Онъ нѣжно руку мнѣ пожалъ,
Склонившись къ стану моему.
А я готовила кинжалъ
Въ глухую ночь, въ густую тьму,
И прошептала:—„Ты умрешь!"
А графъ былъ демонски хорошъ!
Поцѣловавъ его въ глаза,
Я не спала, а графъ уснулъ.
(Я слышу: страшная гроза!
И трескъ, и блескъ, и шумъ, и гулъ)!..

Я ненавидѣла его въ минуту роковую ту;
Но графъ, близъ сердца моего, былъ дорогъ мнѣ...
за красоту.
Я тихо встала... Онъ лежалъ...
Въ моей рукѣ сверкнулъ кинжалъ.
Какъ сладко графъ дремалъ тогда!
Какъ грудь, роскошно молода,
Вздымалась тихо у него!
Но не щадила я его.
Три раза мой кинжалъ сверкнулъ—
Въ крови три раза утонулъ,
Казня измѣнника за ложь...
А графъ и мертвый былъ хорошъ!

Тогда, припавъ лицомъ къ лицу,
Я причесала мертвецу
Густые локоны; волной
Они упали предо мной.
Какъ былъ его прекрасенъ ликъ

На ложѣ смерти и любви!
(О, буря, не реви)!
Поцѣловавши, обвила я бѣлымъ саваномъ его,
И мать-графиню призвала взглянуть на сына своего.
Святое небо! Для чего жъ
Мертвецъ былъ демонски хорошъ?

Л. Н. Трефолевъ.

Молчаніе.

Къ чему твердить скалѣ: ты чувства лишена,
И тѣлу мертвому: ты болѣе не живо,
Къ чему твердить душѣ порочной: ты грязна,
И къ сердцу лживому взывать съ тоской: ты лживо.
Гдѣ правды тлѣетъ лучъ,—тамъ пусть звучатъ слова!
Когда жъ любовь и стыдъ погибли безъ возврата,
И радуетъ блудницъ пророка голова,
И агнецъ связанный предсталъ предъ судъ Пилата,—
Лишь ты, молчаніе, взявъ раскаленный мечъ;
Тогда становишься у вратъ пустого рая.
Невинной жертвы взоръ умѣешь ты зажечь
Такимъ могуществомъ, что, на нее взирая,
Насмѣшливый палачъ вдругъ прерываетъ рѣчь,
Дрожитъ, потупя взоръ и руки омывая.

Н. М. Минскій.

Размышленія у параднаго подъѣзда.

Вотъ парадный подъѣздъ. По торжественнымъ
днямъ,
Одержимый холопскимъ недугомъ,
Цѣлый городъ съ какимъ-то испугомъ
Подъѣзжаетъ къ завѣтнымъ дверямъ.
Записавъ свое имя и званье,
Разъѣзжаются гости домой,
Такъ глубоко довольны собой,
Что подумаешь—въ томъ ихъ призванье!
А въ обычные дни этотъ пышный подъѣздъ
Осаждаютъ убогія лица—
Прожекторы, искатели мѣстъ,
И преклонный старикъ и вдовица.
Отъ него и къ нему, то и знай, по утрамъ
Все курьеры съ бумагами скачутъ.
Возвращаясь, иной напѣваетъ: „трамъ-трамъ,"
А иные просители плачутъ.
Разъ я видѣлъ: сюда мужички подошли,
Деревенскіе русскіе люди;
Помолились на церковь и стали вдали,
Свѣсивъ русыя головы къ груди.
Показался швейцаръ.—„Допусти," говорятъ,
Съ выраженьемъ надежды и муки.
Онъ гостей оглядѣлъ: некрасивы на взглядъ!
Загорѣлыя лица и руки,
Армячишка худой на плечахъ,
По котомкѣ на спинахъ согнутыхъ,
Крестъ на шеѣ и кровь на ногахъ,
Въ самодѣльные лапти обутыхъ.
(Знать брели-то долгонько они
Изъ какихъ-нибудь дальнихъ губерній).
Кто-то крикнулъ швейцару: „гони:
Нашъ не любитъ оборванной черни!"
И захлопнулась дверь. Постоявъ,
Развязали кошли пилигримы,—
Но швейцаръ не пустилъ, скудной лепты не взявъ.
И пошли они, солнцемъ палимы,

Повторяя: суди его Богъ!
Разводя безнадежно руками!
И, покуда я видѣть ихъ могъ,
Съ непокрытыми шли головами...
А владѣлецъ роскошныхъ палатъ
Еще сномъ былъ глубокимъ объятъ...
Ты, считающій жизнью завидною
Упоеніе лестью безстыдною,
Волокитство, обжорство, игру,
Пробудись! есть еще наслажденіе!
Вороти ихъ: въ тебѣ ихъ спасеніе!
Но счастливые глухи къ добру...
Не страшатъ тебя громы небесные,
А земные ты держишь въ рукахъ,—
И несутъ эти люди безвѣстные,
Неисходное горе въ сердцахъ.
Что тебѣ эта скорбь вопіющая?
Что тебѣ этотъ бѣдный народъ?
Вѣчнымъ праздникомъ быстро бѣгущая
Жизнь очнуться тебѣ не даетъ.
И къ чему? Щелкоперовъ забавою
Ты народное благо зовешь;
Безъ него проживешь ты со славою
И со славой умрешь!
Безмятежнѣй аркадской идилліи
Закатятся преклонные дни
Подъ плѣнительнымъ небомъ Сициліи,
Въ благовонной древесной тѣни.
Созерцая, какъ солнце пурпурное
Погружается въ море лазурное,
Полосами его золотя,—
Убаюканный ласковымъ пѣніемъ
Средиземной волны,—какъ дитя
Ты уснешь, окруженъ попеченіемъ
Дорогой и любимой семьи,
(Ждущей смерти твоей съ нетерпѣніемъ).
Привезутъ къ намъ останки твои,
Чтобъ почтить похоронною тризною.
И сойдешь ты въ могилу... герой,
Втихомолку проклятый отчизною,
Возвеличенный громкой хвалой!

Впрочемъ, что жъ мы такую особу
Безпокоимъ для мелкихъ людей?
Не на нихъ ли намъ выместить злобу?—
Безопаснѣй... Еще веселѣй
Въ чемъ-нибудь пріискать утѣшенье...
Не бѣда, что потерпитъ мужикъ:
Такъ ведущее насъ Провидѣнье
Указало... да онъ же привыкъ!
За заставой, въ харчевнѣ убогой
Все пропьютъ бѣдняки до рубля,—
И пойдутъ, побираясь дорогой,
И застонутъ... Родная земля!
Назови мнѣ такую обитель,
Я такого угла не видалъ,
Гдѣ бы сѣятель твой и хранитель,
Гдѣ бы русскій мужикъ не стоналъ?
Стонетъ онъ по полямъ, по дорогамъ,
Стонетъ онъ по тюрьмамъ, по острогамъ,
Въ рудникахъ на желѣзной цѣпи;
Стонетъ онъ подъ овиномъ, подъ стогомъ,
Подъ телѣгой, ночуя въ степи;
Стонетъ въ собственномъ бѣдномъ домишкѣ,
Свѣту божьяго солнца не радъ;
Стонетъ въ каждомъ глухомъ городишкѣ,
У подъѣзда судовъ и палатъ.
Выдь на Волгу: чей стонъ раздается
Надъ великою русской рѣкой?
Этотъ стонъ у насъ пѣсней зовется—
То бурлаки идутъ бичевой!..
Волга! Волга! Весной многоводной
Ты не такъ заливаешь поля,
Какъ великою скорбью народной
Переполнилась наша земля!
Гдѣ народъ, тамъ и стонъ... Эхъ сердечный!
Что же значитъ твой стонъ безконечный?
Ты проснешься, исполненный силъ,—
Иль, судебъ повинуясь закону,
Все, что могъ, ты уже совершилъ—
Создалъ пѣсню, подобную стону,
И духовно на вѣки почилъ?

Н. А. Некрасовъ.

Дубинушка.

По кремнистому берегу Волги-рѣки
Надрываясь идутъ бурлаки.
Тяжело имъ, на каждомъ шагу устаютъ;
И „дубинушку“ тихо поютъ.
Хоть бы дождь оросилъ, хоть бы выпала тѣнь
Въ этотъ жаркій безоблачный день!
Все бы легче народу неволю терпѣть,
Все бы легче „дубинушку“ пѣть.
— „Ой дубинушка, ухнемъ!“ И ухаютъ въ разъ;
Покатилися слезы изъ глазъ.
Истомилася грудь. Лямка рѣжетъ плечо...
Надо „ухать“ еще и еще!
...Отъ Самары до Рыбинска пѣсня одна;
Не на радость она создана:
Въ ней звучитъ и тоска—похоронный напѣвъ
И безсильный, страдальческій гнѣвъ.
Это—праведный гнѣвъ на злодѣйку-судьбу,
Что вступила въ борьбу,
И велѣла ему, подъ ярмомъ, за гроши,
Добывать—для другихъ барыши...
— „Ну, живѣе!“—хозяинъ на баржѣ кричитъ
И костями на счетахъ стучитъ...
...Сосчитай лучше ты, борода-грамотей,
Сколько сложено русскихъ костей
По кремнистому берегу Волги-рѣки,
Нагружая твои сундуки!

Л. Н Трефолевъ.

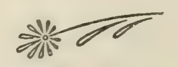
О. Н. Чюмина (Михайлова).

Пловцы.

Было утро. На солнцѣ сверкая
Бѣлизною своихъ парусовъ,
Гордо мчался корабль, разсѣкая
Серебристую пѣну валовъ.
Не страшася ни скалъ, ни тумана,
Ни затишья, ни злыхъ непогодъ,
По лазурнымъ волнамъ океана
Онъ стремился впередъ и впередъ!
Смѣло къ цѣли!.. И небо такъ ясно,
Такъ легко развѣвается флагъ...
А осенною ночью ненастной
Засіяетъ огнями маякъ!
Но внезапно въ стемнѣвшей лазури
Бѣлой искрой мелькнулъ альбатросъ,
И какъ будто дыханіе бури
Надъ пучиной морской пронеслось...
Солнце скрылось за тучей кровавой,
И—добычей бушующихъ волнъ—
Закружился корабль величавый,
Словно утлый заброшенный челнъ.

Шли грознѣе волна за волною,
Надвигался зловѣщѣе мракъ,—
Но увы! путеводной звѣздою
Не блеснулъ погибавшимъ маякъ!
Успокоилось бурное море.
И спокойно въ его глубинѣ
Спятъ пловцы, позабывшіе горе
И борьбу, въ заколдованномъ снѣ.
Тамъ не слышно волненія шкваловъ,
Тамъ блеститъ золотистый песокъ,
И подъ сѣнью гигантскихъ кораллов
Сонъ пловцовъ безмятежно глубокъ...
Имъ не грезятся чудныя цѣли
Безвозвратно исчезнувшихъ дней,
Имъ не грезятся бури и мели
И сіянье маячныхъ огней...

О. Н. Чюмина (Михайлова).



Письмо.

Увидя почеркъ мой, вы вѣрно удивитесь:
Я не писала вамъ давно.
Я думаю, вамъ это все равно.
Тамъ, гдѣ живете вы и, значитъ, веселитесь,
Въ роскошной южной сторонѣ,
Вы, можетъ быть, забыли обо мнѣ.
И я про все забыть была готова...
Но встрѣча странная,—и вотъ,
Съ волшебной силою изъ сумрака былого
Передо мной вашъ образъ возстаетъ.
Сегодня, проѣзжая мимо,
Къ NN случайно я зашла.
Съ княгиней, вами нѣкогда любимой,
Я встрѣтилась у чайнаго стола.

Насъ познакомили, двумя-тремя словами
Мы обмѣнялися, но жадными глазами
Впилися мы другъ въ друга. Взоръ нѣмой,
Казалось, проникалъ на дно души другой.
Хотѣлось мнѣ ей броситься на шею
И долго, долго плакать вмѣстѣ съ нею!
Хотѣлось мнѣ сказать ей: „Ты близка
Моей душѣ. У насъ одна тоска.
Насъ одинаково грызетъ и мучитъ совѣсть,
И, если оттого не станешь ты грустнѣй,
Я разскажу тебѣ всю повѣсть
Души истерзанной твоей.
Ты встрѣтила его впервые въ вихрѣ бала.
Плѣнительнѣй его до этихъ поръ
Ты никого еще не знала:
Онъ былъ красивъ, какъ богъ, и нѣженъ, и остеръ.
Онъ ѣздить сталъ къ тебѣ, почтительный, влюбленный.
Но, покорясь его уму,
Рѣшилась твердо ты остаться непреклонной—
И отдалась безропотно ему.
Дни счастія прошли, какъ сновидѣнье,
Другіе наступили дни...
О, дни ревнивыхъ слезъ, обмановъ, охлажденья,—
Кому изъ насъ не памятны они?
Когда его встрѣчала ты покорно,
Онъ называлъ твою печаль притворной
И комедьянткою тебя.
Когда же приходилъ условный часъ свиданья
И въ домѣ наступала тишина,
Въ томительной тревогѣ ожиданья
Садилась ты у темнаго окна.
Понуривши головку молодую
И приподнявъ тяжелыя драпри,
Не шевелясь, сидѣла до зари,
Вперяя взоры въ улицу пустую.
Привыкла различать кареты стукъ
Отъ стука дрожекъ издалека.
Но вотъ все ближе, ближе, вотъ
Остановился кто-то у воротъ...
Вскочила ты въ одно мгновенье ока,

Бѣжишь къ дверямъ..! напрасный трудъ—
Обманъ, опять обманъ! О, что за наказанье!
И вотъ опять на нѣсколько минутъ
Царитъ нѣмое, мертвое молчанье,
Лишь видно фонарей неровное мерцанье.
И скучные часы убійственно ползутъ.
И проходила ночь, кипѣла жизнь дневная...
Тогда ты шла къ себѣ, съ огнемъ въ крови,
И падала въ подушки, замирая
Отъ бѣшенства и горя, и любви!..“
Изъ этого, конечно, я ни слова
Княгинѣ не сказала. Разговоръ
У насъ лѣниво шелъ про разный вздоръ,
И имени для насъ обѣихъ дорогого
Мы не рѣшилися назвать.
Настало вдругъ неловкое молчанье;
Княгиня встала. На прощанье
Хотѣлось мнѣ ей крѣпко руку сжать,
И дружбою у насъ окончиться могло бы.
Но въ этотъ мигъ прочла я столько злобы
Въ ея измученныхъ глазахъ,
Что на меня нашелъ невольный страхъ,
И молча мы разстались: я—съ поклономъ,
Она—съ кивкомъ небрежнымъ головы...
Я начала свое письмо на вы,
Но продолжать не въ силахъ этимъ тономъ.
Мнѣ хочется сказать тебѣ, что я
Всегда, вездѣ попрежнему твоя.
Что женщина, которую случайно
Любилъ ты хоть на мигъ одинъ,
Ужъ никогда тебя забыть не можетъ,
Что день и ночь ее воспоминанье гложетъ,
Какъ злой палачъ, какъ милый властелинъ.
Она не задрожитъ предъ свѣтскимъ приговоромъ:
По первому движенью твоему,
Покинетъ свѣтъ, семью, какъ душную тюрьму,
И будетъ счастлива однимъ своимъ позоромъ!
Она отдастъ послѣдній грошъ,
Чтобъ быть твоей рабой, служанкой,
Иль вѣрнымъ псомъ твоимъ—Діанкой,
Которую ласкаешь ты и бьешь!

P. S.

Тревога, ночь, — вотъ что письмо мнѣ диктовало...
Теперь, при свѣтѣ дня, оно
Мнѣ только кажется смѣшно,
Но изорвать его мнѣ какъ-то жалко стало!
Пусть къ вамъ оно летитъ отъ береговъ Невы,
Хотя бы для того... чтобъ разсердились вы.
Какое дѣло вамъ, что тамъ васъ любятъ гдѣ-то?
Лишь та, что возлѣ васъ, волнуетъ вашу кровь.
И знайте: я не жду отвѣта
Ни на письмо, ни на любовь.
Вамъ чувство каждое всегда казалось рабствомъ,
А отвѣчать на письма... Боже мой!
На вашемъ языкѣ, столь вѣжливомъ порой,
Вы это называли „бабствомъ".

А. Н. Апухтинъ.

Царица Марья Долгорукая.

Повѣнчали. Весь свадебный чинъ соблюдая, какъ встарь,
Самодержецъ Руси, ея первый и памятный царь,
Отпустивъ поѣзжанъ, одаривъ ихъ богато казной,
Удалился въ сѣнникъ ночевать съ молодою женой
На пухову постель, съ кадью, полной пшена въ головахъ,

Среди воткнутыхъ стрѣлъ съ сорока соболями въ
углахъ.
Тишина во дворцѣ, тишина и повсюду извнѣ.
Съ обнаженною саблей конюшій на царскомъ конѣ
Объѣзжаетъ дворецъ, смотритъ,—нѣтъ ли измѣны
какой.
Спитъ Малюта въ сѣняхъ, охраняючи царскій покой.
Вдругъ раздался ударъ—отскочила и хлопнула дверь.
Какъ хозяинъ крутой, иль сорвавшійся бѣшеный
звѣрь,
Вышелъ Грозный. На немъ сверхъ рубахи кафтанъ.
Онъ, шатаяся, шелъ, хотя былъ и здоровъ и не
пьянъ.
На столѣ стоялъ кубокъ съ виномъ; царь глотнулъ—
И ногою Малюту, какъ пса, онъ со злобой толкнулъ.
Тотъ вскочилъ, ошалѣвъ, и съ хмѣльною еще головой
Взоръ вперилъ на царя: онъ привыкъ уже къ ласкѣ
такой.
—„Отправляйся сейчасъ на конюшенный дворъ и
вели
„Чтобы пару лихихъ, самыхъ буйныхъ коней запрягли
„Въ колымагу, въ которой я ѣхалъ сегодня къ вѣнцу;
„Но ея подавать чтобъ не смѣли сюда, ко дворцу!
„А поставь ее тамъ, за оврагъ, по дорогѣ къ пруду—
„И держать тѣхъ коней подъ уздцы, пока я не приду.
„Самыхъ буйныхъ, смотри! коль не сдержатъ, такъ
я не стерплю,
„Ротозѣевъ дрянныхъ головами свиней накормлю!“
Для царицы Руси, для супруги царя молодой
День расплаты пришелъ за порывъ для нея роковой.
Страшный часъ наступилъ, и никто ужъ не могъ
ей помочь,
И ждала ее смерть въ ея первую брачную ночь!
Вмѣсто мужней любви, вмѣсто сладостныхъ брач-
ныхъ утѣхъ
Страшной казнью пришлось искупить ей свой дѣви-
чій грѣхъ.
На полу, босикомъ, лишь въ сорочкѣ вѣнчальной
одной,
Съ разметавшейся вдоль ея плечъ темнорусой косой,
Закрывая рукой свои чудныя очи, она

И дрожала, и билась, смятенья и страха полна.
Не какъ мужъ,—а судья, полный страшныхъ кровавыхъ угрозъ,
Царь стоялъ передъ ней и чинилъ ей свой властный допросъ.
Страшенъ былъ тотъ допросъ—испугалась царица-жена,
И съ рыданьемъ царю разсказала всю правду она.
Разсвѣло. На дорогѣ передъ царскимъ дворцовымъ прудомъ
Пару дикихъ коней, въ колымагу впряженныхъ съ трудомъ,
Рой опричниковъ рослыхъ въ смятеньи великомъ держалъ.
Кони бились,—одинъ, словно пойманный звѣрь, весь дрожалъ.
Хорошо былъ извѣстенъ тотъ прудъ: сотни сгубленныхъ тѣлъ,
Послѣ дьявольскихъ мукъ, находили въ немъ смертный удѣлъ!
Въ немъ отборная рыба была, и жирна, и вкусна.
И частенько Ивану къ столу подавалась она.
Изъ дворца вышелъ царь, злобой ярой и местью палимъ,
Страшный посохъ въ рукахъ, хищный взглядъ, волчья поступь;—за нимъ
Молодую царицу подъ ручки двѣ мамы вели.
И съ трудомъ она шла, образокъ прижимая къ груди,
Въ полномъ брачномъ нарядѣ, блѣдна, ни кровинки въ лицѣ,
Лишь въ очахъ проблескъ мысли о страшномъ и близкомъ концѣ.
Подошли... Обернулся Иванъ—говорить онъ не могъ—
Изъ запекшихся устъ лишь раздался позорный упрекъ;
Съ страшной злобой взглянулъ на жену и, взмахнувши рукой,
Онъ сорвалъ съ нея кику съ покровомъ вѣнчальнымъ долой!
Задрожала царица, какъ листъ; то не боли боязнь—

Ей позоръ площадной тяжелѣе, чѣмъ лютая казнь.
Какъ змѣя, опустилась коса, извиваясь межъ плечъ.
Ужъ некому ей ту роскошную косу беречь.
—„Ну! входи!"—Отворили ей дверцы: покорна она
Въ колымагу вошла и поникла главой у окна.
Кони бились храпя, озираясь пугливо кругомъ;
Ихъ опричники держатъ на мѣстѣ съ великимъ трудомъ.
—„Отпускай!"—Отскочили!.. Рванулись они, понеслись—
И быстрѣе стрѣлы въ одинъ мигъ до пруда донеслись,
Не замѣтивъ обрыва, стремглавъ очутились въ водѣ
И исчезли совсѣмъ съ колымагой въ глубокомъ прудѣ.
Страшный крикъ за обрывомъ раздался и смолкъ... лишь прибой
Отъ волненья воды ударялся о берегъ крутой.
Всѣ молчали... Никто этой казни внезапной не ждалъ.
Царь Иванъ, опираясь на посохъ, угрюмый стоялъ.
—„Эй, Грязной! отправляйся не медля въ Рязань, и въ пути
„Ни мгновенья не мѣшкай напрасно, какъ птица лети!
„Средь боярскихъ дѣтей отыщи Салтыкова Илью,
„Онъ, я помню, въ Литвѣ отличался отвагой въ бою,
„Передай, что за то, что красивъ онъ и молодъ, и смѣлъ,
„И со мной породниться чрезъ дѣвку-гулену хотѣлъ,
„Я его отличаю и даромъ почетнымъ дарю—
„Этотъ ножъ, что при мнѣ, я въ награду ему отдаю.
„Только ты постарайся, получше ему угоди—
„Прямо въ сердце его этотъ ножъ ты съ размаха всади!"

А. Навроцкій.

Скиталецъ.

* * *

Я оторванъ отъ жизни родимыхъ полей,
Позабытъ моимъ краемъ далекимъ.
Сталъ чужимъ для родныхъ подъяремныхъ людей
И отверженцемъ сталъ одинокимъ.
Но для тѣхъ, въ чью страну я заброшенъ судьбой,
Я не сдѣлался близкимъ и другомъ;
Я ихъ проклялъ проклятіемъ злобы святой
И отброшенъ я сытымъ ихъ кругомъ.
Сытой пошлости я покориться не могъ—
И ушелъ, унося свою муку...
И тому, кто отверженъ, какъ я, одинокъ,
Подаю мою сильную руку.
О, придите ко мнѣ, кто душой изболѣлъ,
Кто судьбою своей не изнѣженъ!
О, придите ко мнѣ, кто озлобленъ и смѣлъ!
О, придите, кто гордъ и мятеженъ!
Вы живете во мракѣ, въ оковахъ, въ аду...
Я васъ къ свѣту, свободѣ—впередъ поведу!..
Вѣрьте—некуда больше идти!
Нѣтъ иного пути!

Скиталецъ.

Анчаръ.

Древо яда.

Въ пустынѣ чахлой и скупой,
На почвѣ, зноемъ раскаленной,
Анчаръ, какъ грозный часовой,
Стоитъ, одинъ во всей вселенной.
Природа жаждущихъ степей
Его въ день гнѣва породила,
И зелень мертвую вѣтвей,
И корни ядомъ напоила.
Ядъ каплетъ сквозь его кору,
Къ полудню растопясь отъ зною,
И застываетъ ввечеру
Густой, прозрачною смолою.
Къ нему и птица не летитъ
И тигръ нейдетъ: лишь вихорь черный
На древо смерти набѣжитъ—
И мчится прочь уже тлетворный.
И если туча ороситъ,
Блуждая, листъ его дремучій,
Съ его вѣтвей ужъ ядовитъ
Стекаетъ дождь въ песокъ горючій.
Но человѣка человѣкъ
Послалъ къ Анчару властнымъ взглядомъ:
И тотъ послушно въ путь потекъ,
И къ утру возвратился съ ядомъ;
Принесъ онъ смертную смолу
Да вѣтвь съ увядшими листами—
И потъ по бѣлому челу
Струился хладными ручьями;
Принесъ—и ослабѣлъ, и легъ
Подъ сводомъ шалаша, на лыки,—
И умеръ бѣдный рабъ у ногъ
Непобѣдимаго владыки.
А царь тѣмъ ядомъ напиталъ
Свои послушливыя стрѣлы,
И съ ними гибель разослалъ
Къ сосѣдямъ въ чуждые предѣлы.

А. С. Пушкинъ.

Изъ „Бѣлыхъ ночей“.

Въ шумный досугъ, за работой нѣмою,
Въ тихую ночь и въ рокочущій день—
Вѣчно мелькаетъ, паритъ предо мною
Чья-то воздушная тѣнь.
Кто она? Чья она? Добрая, блѣдная,
Съ ласковой скорбью на тонкихъ устахъ,
Свѣтитъ—лучится любовь всепобѣдная
Въ дѣвственно-скромныхъ глазахъ.
Всѣ мои думы, глубоко хранимыя,
Всякій порывъ сокровенныхъ страстей,
Тайны молитвъ моихъ, пѣсни любимыя—
Все это вѣдомо ей.
Вѣчно мнѣ въ сердце глядитъ она, нѣжная...
Если покой въ этомъ сердцѣ царитъ,
Кроткій покой и любовь безмятежная—
Взоръ ея счастьемъ горитъ.
Если же сердце враждой зажигается,
Если мой стихъ превращается въ мечъ,
Плача, она надо мною наклоняется,
Шепчетъ мнѣ кроткую рѣчь...
Кто ты? Уйди, о подруга воздушная!
Въ грозный нашъ вѣкъ развѣ кротость нужна?
Видишь: враговъ безпощадно-бездушная
Насъ обступила стѣна.
Полно шептать мнѣ слова безполезныя!
Намъ безъ вражды невозможно любить,
Какъ невозможно оковы желѣзныя
Кроткой слезою разбить.
Дай ненавидѣть мнѣ! Въ битвѣ пылающей
Муки дай сѣять и муки принять!..
—Что же ты снова глядишь умоляюще,
Что же ты плачешь опять?..

Н. М. Минскій.

Передъ судомъ.

Смотрите всѣ: я хороша,
Мой взоръ не охлажденъ годами;
Читайте въ немъ: моя душа
Теперь открыта передъ вами!
Больную гордость затая,
Свое молчанье я нарушу...
За что онъ полюбилъ меня—
За красоту мою иль душу?..
Въ какомъ-то непонятномъ снѣ,
Онъ овладѣлъ моей душею:
И въ сердце тихо вкралась мнѣ
Любовь коварною змѣею.
И долго я боролась съ ней;
Но воля чувству уступила—
И я, не выплакавъ очей,
Ушла отъ матери моей...
О судьи! Я его любила!

Свой стыдъ дѣвичій, свой позоръ
Я на груди его забыла;
Но ласку прежнюю съ тѣхъ поръ
Холодность явная смѣнила!
Въ кругу товарищей своихъ
Своей любовницы красою
Онъ гордо хвасталъ; ради нихъ
Онъ дорожилъ, безумецъ, мною!
Онъ былъ съ душой моей жестокъ:
Вѣдь ждалъ интрижки онъ веселой!
Онъ въ сердце кинулъ мнѣ упрекъ
И безпощадный, и тяжелый...
Онъ грубъ со мною былъ,—но я
Ему мученья всѣ простила;
Онъ гналъ на улицу меня!..
И я ушла, себя жъ кляня...
О судьи! Я его любила!

Отчаянье мнѣ сжало грудь;
И въ сердцѣ жить не стало силы;

Куда пойти?.. Позорный путь
Лежалъ до сумрачной могилы.
Но я жила: въ груди больной
Надежда слабая таилась...
Его я встрѣтила съ другой—
Душа заныла... и скатилась
Изъ глазъ тяжелая слеза...
И онъ узналъ меня; съ презрѣньемъ
Онъ засмѣялся мнѣ въ глаза!
Какимъ стыдомъ, какимъ мученьемъ
Душа наполнилась моя!..
Я не снесла... я все забыла!
И, сердце грубое кляня,
Въ него свой ножъ вонзила я!..
О судьи! Я его любила!

Н. Н.

Орелъ и змѣя.

На горахъ, подъ мятелями,
Гдѣ лишь ели однѣ вѣчно зелены,
Сѣлъ орелъ на скалу въ тѣнь подъ елями
И глядитъ: изъ разсѣлины
Выползаетъ змѣя, извивается,
И на темномъ гранитѣ змѣиная
Чешуя серебромъ отливается.
У орла гордый взглядъ загорается:—
Заиграло, знать, сердце орлиное...
— „Высоко, ты, змѣя, забираешься!
Молвилъ онъ: будешь плакать—раскаешься!“
Но змѣя ему кротко отвѣтила:
— „Изъ подъ камня горючаго
Я давно тебя въ небѣ замѣтила
И тебя полюбила, могучаго...

Не пугай меня злыми угрозами,
Нѣтъ! бери меня въ когти желѣзные,
Познакомь меня съ темными грозами,
Иль умчи меня въ сферы надзвѣздныя."—
Засвѣтилися глазки змѣиные
Тихимъ пламенемъ, по змѣиному.
Распахнулися крылья орлиныя,—
Онъ прижалъ ее къ сердцу орлиному,
Полетѣлъ съ ней въ пространство холодное.
Туча грозная съ нимъ повстрѣчалася:
Изгибаясь, змѣя подколодная
Подъ крыло его робко прижалася.
Съ бурей борются крылья орлиныя...
Близко молнія гдѣ-то ударила...
Онъ сквозь громъ слышитъ рѣчи змѣиныя...
Вдругъ—
Змѣя его въ сердце ужалила.
И въ очахъ у орла помутилося,
Онъ отъ боли упалъ, какъ подстрѣленный,
А змѣя уползла и сокрылася
Въ глубинѣ, подъ гранитной разсѣлиной.

Я. П. Полонскій.

Египетскія ночи.

Чертогъ сіялъ. Гремѣли хоромъ
Пѣвцы при звукѣ флейтъ и лиръ,
Царица голосомъ и взоромъ
Свой пышный оживляла пиръ.
Сердца неслись къ ея престолу.
Но вдругъ надъ чашей золотой
Она задумалась и долу
Поникла дивной головой...
И пышный пиръ какъ будто дремлетъ;
Безмолвны гости; хоръ молчитъ;

Но вновь она чело подъемлетъ
И съ видомъ яснымъ говоритъ:
„Въ моей любви для васъ блаженство...
Блаженство можно вамъ купить...
Внемлите мнѣ: могу равенство
Межъ вами я возстановить.
Кто къ торгу страстному приступитъ?
Свою любовь я продаю!
Скажите: кто межъ вами купитъ
Цѣною жизни ночь мою?“

Рекла—и ужасъ всѣхъ объемлетъ,
И страстью дрогнули сердца,—
Она смущенный ропотъ внемлетъ,
Съ холодной дерзостью лица,
И взоръ презрительный обводитъ
Кругомъ поклонниковъ своихъ...
Вдругъ изъ толпы одинъ выходитъ,
Вослѣдъ за нимъ и два другихъ:
Смѣла ихъ поступь, ясны очи;
Она навстрѣчу имъ встаетъ.
Свершилось: куплены три ночи,
И ложе смерти ихъ зоветъ.

Благословенные жрецами,
Теперь изъ урны роковой
Предъ неподвижными гостями
Выходятъ жребіи чредой.
И первый—Флавій, воинъ смѣлый,
Въ дружинахъ римскихъ посѣдѣлый;
Снести не могъ онъ отъ жены
Высокомѣрнаго презрѣнья.—
Онъ принялъ вызовъ наслажденья,
Какъ принималъ во дни войны
Онъ вызовъ яраго сраженья.
За нимъ Критонъ, младой мудрецъ,
Рожденный въ рощахъ Эпикура,
Критонъ, поклонникъ и пѣвецъ
Харитъ, Киприды и Амура—
Любезнымъ сердцу и очамъ.
Какъ вешній цвѣтъ едва развитый,
Послѣдній имени вѣкамъ

Не передалъ. Его ланиты
Пухъ первый нѣжно оттѣнялъ,
Восторгъ въ очахъ его сіялъ;
Страстей неопытная сила
Кипѣла въ сердцѣ молодомъ...
И съ умиленіемъ на немъ
Царица взоръ остановила.

„Клянусь... о матерь наслажденій!
Тебѣ неслыханно служу:
На ложе страстныхъ искушеній
Простой наемницей схожу!
Внемли же, мощная Киприда,
И вы, подземные цари
И боги грознаго Аида!
Клянусь, до утренней зари
Моихъ властителей желанья
Я сладострастно утолю,
И всѣми тайнами лобзанья
И дивной нѣгой утомлю!
Но только утренней порфирой
Аврора вѣчная блеснетъ,
Клянусь, подъ смертною сѣкирой
Глава счастливцевъ отпадаетъ!“

И вотъ уже сокрылся день,
И блещетъ мѣсяцъ златорогій;
Александрійскіе чертоги
Покрыла сладостная тѣнь;
Фонтаны бьютъ, горятъ лампады,
Курится легкій фиміамъ,
И сладострастныя прохлады
Земнымъ готовятся богамъ.
Въ роскошномъ золотомъ покоѣ,
Средь обольстительныхъ чудесъ,
Подъ сѣнью пурпурныхъ завѣсъ
Блистаетъ ложе золотое.

. . . .

А. С. Пушкинъ.

Н. А. Смирнова.

Человѣкъ.

Пусть перлъ созданья ты, могучій царь творенья:
Кто далъ тебѣ, скажи, вѣнецъ твой золотой?
Ужель ты возмечталъ, въ безумномъ ослѣпленьѣ,
Что я—раба твоя, а ты—властитель мой?
Частицу тайнъ моихъ тебѣ постичь дала я,
И ты возмнилъ, пигмей, что всю меня познал̃ъ,
Что дерзко заглянулъ въ моя святыхъ святая
И свой тамъ начерталъ законъ и идеалъ!
Глупецъ! Я захочу—и, пораженный страхомъ,
Покорнѣй станешь ты твоихъ смирнѣйшихъ псовъ.
Я землю потрясу—и разлетится прахомъ
Величіе твоихъ гигантовъ-городовъ.
Я вышлю грозный моръ съ его сестрой-войною,
Цвѣтущія поля я превращу въ пески,
Я разолью моря, одѣну солнце тьмою—
И взвоешь ты, какъ звѣрь, отъ боли и тоски!
Повѣрь: мнѣ дѣла нѣтъ ни до твоихъ стремленій,
Ни до твоихъ скорбей. Я знаю лишь числа
Безжалостный законъ. Ни мукъ, ни наслажденій,
Нѣтъ въ мірѣ для меня, ни красоты, ни зла!
Живи жъ, какъ все живетъ: минутною волною

Плесни—и пропади въ пучинахъ вѣковыхъ,
И не дерзай вставать на буйный споръ со мною,
Предвѣчной матерью всѣхъ мертвыхъ и живыхъ!"

Такъ въ вихрѣ, въ молніи, въ грозѣ стихій природа
Гремитъ, какъ легіонъ нездѣшнихъ голосовъ.
Но съ поднятымъ челомъ и съ возгласомъ: „свобода!"
Въ обѣтованный край своихъ лазурныхъ сновъ,
Сквозь бурю, ливень, мракъ, къ долинѣ тихой рая,
Шатаясь, падая подъ ношей крестныхъ мукъ,
Впередъ идетъ титанъ, на мигъ не выпуская
Хоругви мятежа изъ напряженныхъ рукъ.
И гордо говоритъ:
— „Кто бъ этотъ пылъ священный
Мнѣ въ душу ни вдохнулъ, карая иль любя,
Игра бездушныхъ силъ иль разумъ сокровенный,
Вновь погасить его нѣтъ власти у тебя!
Казни меня, бичуй—пощады не прошу я,
Но знай: и ты во мнѣ пощады не найдешь.
На грозный бой тебя, на смертный бой зову я—
Лишь трупъ холодный мой ты въ цѣпи закуешь!
Слѣпа ты и мертва въ красѣ твоей суровой,—
А я согрѣтъ огнемъ безсмертнаго ума.
Изъ книги бытія, законодатель новый,
Я вычеркну порокъ, скажу: погибни, тьма!
Скажу: зажгись, разсвѣтъ! взойди, эдемъ, въ пустынѣ,
Гдѣ потъ я засѣвалъ кроваваго труда!
И будешь ты сама служить моей святынѣ,
Иль я съ лица земли исчезну навсегда!"

П. Я.

На прощанье.

Идете?.. Ну, съ Богомъ! Да будетъ легка
Вамъ, юноши, въ жизни дорога.
Предъ вами она широка, далека,—
А мнѣ ужъ осталось немного.

Вы просите пѣсни... Извольте, спою...
Напѣнимъ прощальную чашу!
Готово?.. Ну, слушайте пѣсню мою:
Спою вамъ про молодость вашу.
Взгляните, какъ въ чашѣ бушуетъ вино
И, бѣлую пѣну взбивая,
Кипитъ, и шипитъ, и сверкаетъ оно,
Сребристою искрой играя.
Въ игрѣ этой—сила, букетъ, ароматъ,
Такъ пейте же, пейте скорѣе,
Не ждите, покуда они улетятъ,—
Отъ нихъ и вино веселѣе.
Живите жъ, покуда душа молода,
Доступна мечтамъ и обманамъ,
Покуда спознаться придетъ череда
Вамъ съ опытомъ—жизни тираномъ.
Угрюмый, придетъ онъ и вслѣдъ приведетъ
Сомнѣній разладъ безконечный,
Обманетъ надежды, мечты оборветъ,
Придавитъ тоскою сердечной,
И все, чѣмъ теперь въ васъ душа такъ полна:
Порывы высокихъ стремленій,
Сочувствія правдѣ живая струя,
И пылъ молодыхъ увлеченій,
И вѣра въ добро, и потребность любить,
И дружбы святые обѣты,
Все будутъ пытаться убить и разбить
Въ васъ опыта злые навѣты!..
Скорѣе же, други, покуда пора,
Пока въ васъ душа не остыла,
Идите свершить сколько можно добра,
Съ недобрымъ помѣряться силой.
Широко раскинетъ васъ въ жизни судьба,
Пытая въ соблазнахъ лукаво;
Но что бъ васъ не ждало—успѣхъ иль борьба—
Да будетъ вамъ „правда и право"
Вашъ лозунгъ повсюду, во всемъ и всегда,
Въ почетѣ, въ нуждѣ и въ страданьѣ!
Чтобъ, если случится сойтись вамъ когда,
Вамъ было бы въ радость свиданье,
Чтобъ были вы въ правѣ другъ друга обнять,

Какъ нынѣ, и послѣ разлуки,
Чтобъ смѣло могли вы другъ другу подать
Такія же чистыя руки,
И честно сказать, оглянувшись назадъ,
Другъ другу у края могилы:
„Что смогъ я, то сдѣлалъ... На большее, братъ,
Не воли не стало, а силы...

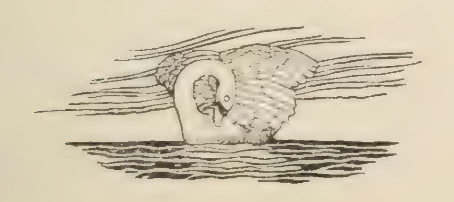
М. Розенгеймъ.

Искушеніе.

Былъ садъ, роскошный садъ, струившій арома-
томъ;
Онъ въ нѣгѣ сладостной мечтательно дремалъ.
А сребroводный Тигръ, сливаяся съ Евфратомъ,
Въ тѣни кудрявыхъ кущъ, какъ зеркало, лежалъ.
И этотъ садъ не зналъ туманнаго ненастья,
Въ немъ вѣчный звонъ стоялъ отъ пѣнья птичьихъ
стай,
И былъ онъ озаренъ улыбкой свѣтлой счастья—
И этотъ садъ былъ рай.
Былъ день, горячій день, но подъ листвой зеленой
Широколистыхъ пальмъ еще стояла тѣнь...
Тамъ вѣтерокъ дышалъ струею благовонной,
И съ молодыхъ деревъ срывалъ листы олень.
Тамъ пили влагу росъ оливы и мимозы,
Тамъ пряталась змѣя въ душистой полумглѣ,
И сумракъ напѣвалъ таинственныя грезы
О Богѣ и землѣ.
А мимо дерева познанья зла и блага,
Съ очами гордыми подъ соболемъ бровей,
Съ величьемъ царственнымъ замедленнаго шага,
Шла первая жена, праматерь всѣхъ людей.
Но пѣнья райскихъ птицъ и трепетнаго шума,

Царившаго въ саду, не слышала она...
Ей жгла лицо огнемъ мучительная дума
И новыхъ чувствъ волна.
Что если эта жизнь и это счастье ложно?
Не лучше ль разумомъ добро и зло познать?
Что если на землѣ иная жизнь возможна
Прекраснѣй и полнѣй?.. Что если плодъ сорвать?..
А садъ, роскошный садъ, куреньемъ опьяненный,
Пригрѣтый жаркимъ днемъ, мечтательно дремалъ.
Но первой женщинѣ, сомнѣньями смущенной,
Отвѣта не давалъ.
Лишь пѣли стаи птицъ, да на волнахъ залива
Плескалась радостно станица лебедей,
Да грѣлся крокодилъ на солнышкѣ лѣниво,
Да серны рѣзвились, да нардъ сочилъ елей.
Вдругъ вѣтеръ пробѣжалъ горячею струею,
И съ крикомъ лебеди снялись съ сребристыхъ водъ,
И голосъ прозвучалъ: „Безтрепетной рукою
Сорви запретный плодъ!
Сорви запретный плодъ и выйди изъ темницы!
Пусть силы вольныя на волѣ расцвѣтутъ,
Пусть счастіе создастъ тебѣ, земной царицѣ,
Не небо гордое, а твой упорный трудъ!
И ты поймешь тогда всю прелесть наслажденій
Въ борьбѣ съ природою, въ затишьи послѣ грозъ,
Въ побѣдѣ знанія надъ хаосомъ сомнѣній,
И въ счастьѣ послѣ слезъ!“
Такъ дьяволъ искушалъ въ Раю Господнемъ Еву...
Ей жажда новыхъ чувствъ пожаромъ грудь зажгла.
И подошла она походкой смѣлой къ древу
И запрещенный плодъ поспѣшно сорвала.

А. Н. Будищевъ.



Ф е я.

Волошская легенда.

Въ лѣсу надъ рѣкой жила фея;
Въ рѣкѣ она часто купалась.
Но разъ, позабывъ осторожность,
Въ рыбацкія сѣти попалась.
Ея рыбаки испугались...
Но былъ съ ними юноша Марко—
Схватилъ онъ красавицу-фею
И сталъ цѣловать ее жарко.
А фея, какъ гибкая вѣтка,
Въ могучихъ рукахъ извивалась,
Да въ марковы очи глядѣла,
И тихо чему-то смѣялась...
Весь день она Марко ласкала;
А какъ только ночь наступила,
Пропала веселая фея...
У Марко душа загрустила...
И дни ходитъ Марко, и ночи
Въ лѣсу надъ рѣкою Дунаемъ,
Все ищетъ, все стонетъ: „гдѣ фея?“
Волны смѣются: „не знаемъ.“
Но онъ закричалъ имъ: „вы лжете!
Вы сами играете съ нею!“
И бросился юноша глупый
Въ Дунай, чтобъ найти свою фею.
Купается фея въ Дунаѣ,
Какъ раньше до Марко купалась...
А Марко ужъ нѣту... Но все же
О Марко хоть пѣсня осталась.

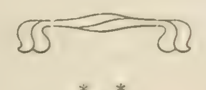
А вы на землѣ проживете,
Какъ черви слѣпые живутъ,
Ни сказокъ про васъ не разскажутъ,
Ни пѣсенъ про васъ не споютъ.

М. Горькій.

Баллада.

Передъ воеводой молча онъ стоитъ;
Голову потупилъ—сумрачно глядитъ.
Съ плечъ могучихъ сняли бархатный кафтанъ;
Кровь струится тихо изъ широкихъ ранъ.
Скованъ по ногамъ онъ, скованъ по рукамъ:
Знать ему не рыскать ночью по лѣсамъ!
Думаетъ онъ думу—дышитъ тяжело...
Плохо!.. видно, время доброе прошло.
„Что, попался, парень? Долго жъ ты гулялъ!
Долго мнѣ въ тенета волкъ не забѣгалъ.
Что же пріумолкъ ты? Слышалъ я не разъ—
Пѣсенки ты мастеръ пѣть въ веселый часъ;
Ты на ладъ сегодня врядъ ли попадешь...
Завтра мы услышимъ, какъ ты запоешь".
Взговорилъ онъ мрачно:—„Не услышишь, нѣтъ!
Завтра пѣть не буду—завтра мнѣ не слѣдъ;
Завтра умирать мнѣ смертію лихой;
Самъ ты запоешь, чай, съ радости такой!..
Мы пѣвали пѣсни, какъ изъ лѣса шли—
Какъ купцовъ съ товаромъ мы въ оврагъ вели...
Ты бъ насъ тутъ послушалъ—ладно пѣли мы.
Да не долго пѣсней тѣшились купцы...
Да еще пѣвалъ я—въ домикѣ твоемъ;
Запивалъ я пѣсни—все твоимъ виномъ;
Заѣдалъ я чарку—хозяйской ѣдой;
Цѣловался сладко—да съ твоей женой!"

И. С. Тургеневъ.



* * *

Женщинѣ дорогу!
И рабой-царицей,
Безмятежно шла ты яркой вереницей
Выспреннихъ восторговъ, робкихъ воздыханій,
Сладко-звучныхъ пѣсенъ, пламенныхъ желаній,

И безумныхъ вспышекъ доблести спѣсивой—
Шла на жертву страсти въ храмъ любви ревнивой.

Но разбиты мощнымъ духомъ обновленья
Обветшалой цѣпи вѣковыя звенья!
Брани и лишеній тяжкою стезею
Шествуешь ты нынѣ къ пышному чертогу
Знанія и свѣта...
Женщинѣ дорогу!

В. Лихачевъ.

Умирающій гладіаторъ.

Изъ Байрона.

Ликуетъ буйный Римъ... Торжественно гремитъ
Рукоплесканьями широкая арена...
А онъ, пронзенный въ грудь, безмолвно онъ лежитъ,
Во прахѣ и крови скользятъ его колѣна...
И молитъ жалости напрасно мутный взоръ.
Надменный временщикъ и льстецъ его, сенаторъ,
Вѣнчаютъ похвалой побѣду и позоръ...
Что яростной толпѣ сраженный гладіаторъ?
Онъ презрѣнъ и забытъ... освистанный актеръ!
И кровь его течетъ—послѣднія мгновенья
Мелькаютъ—близокъ часъ... Вотъ лучъ воображенья
Сверкнулъ въ его душѣ... Предъ нимъ шумитъ Дунай...
И родина цвѣтетъ—свободной жизни край;
Онъ видитъ кругъ семьи, оставленной для брани,
Отца, простершаго нѣмѣющія длани,
Зовущаго къ себѣ опору дряхлыхъ дней...
Дѣтей играющихъ—возлюбленныхъ дѣтей!
Всѣ ждутъ его назадъ съ добычею и славой...
Напрасно: жалкій рабъ, онъ палъ, какъ звѣрь лѣсной,
Безчувственной толпы минутною забавой...
„Прости, развратный Римъ!—прости, о край родной!“

М. Ю. Лермонтовъ.

Танъ (В. Г. Богоразъ).

* * *

Не скорбнымъ, безсильнымъ, остывшимъ бойцамъ,
Усталымъ отъ долгихъ потерь,—
Хочу я отважнымъ и юнымъ сердцамъ
Пропѣть свою пѣсню теперь!

Пусть мертвые мертвымъ приносятъ любовь
И плачутъ у старыхъ могилъ!
Мы живы: кипитъ наша алая кровь
Огнемъ неистраченныхъ силъ.

Священную память погибшихъ въ бою
Безъ слезъ мы сумѣемъ хранить!
Мы жаждемъ всю силу, всю душу свою
На тотъ же алтарь возложить!

Чьи смутные взоры поникли къ землѣ?
Пытливо глядимъ мы впередъ,
Упрямо стремимся увидѣть во мглѣ
Зари отдаленный восходъ.

Несись, моя пѣсня, какъ радости кликъ,
На дальній безвѣстный предѣлъ!
Да здравствуетъ юность, кипучій родникъ
Великихъ стремленій и дѣлъ!

Несись, моя пѣсня! Взлети до небесъ,
Какъ соколъ, свободный отъ путъ!
Да здравствуетъ геній всемірныхъ чудесъ,
Могучій и творческій трудъ!

Несись, моя пѣсня, опять и опять!
Греми надъ землей, какъ труба!
Да здравствуетъ жизни всесильная мать,
Владычица міра, борьба!

Отъ края до края родимой страны
Другъ другу несемъ мы привѣтъ...
Мы ласточки свѣжей, зеленой весны,
Идущей за нами вослѣдъ.

Пусть скована стужей нѣмая земля
И каждый шумливый потокъ,
И умерли листья, и снѣгъ на поля
Серебрянымъ саваномъ легъ,—

Уже прокатился громовый ударъ
Съ невѣдомыхъ горныхъ высотъ,
И дрогнула сила безжизненныхъ чаръ,—
Тяжелый колеблется гнетъ.

И вѣтеръ предъ утромъ повѣялъ теплѣй;
Во мракѣ, на каждомъ шагу,
Незримыя струйки ожившихъ ключей
Ужъ роются тайно въ снѣгу.

Да скроется сумракъ, да здравствуетъ свѣтъ!
Мы вѣстники новыхъ временъ!
Весна молодая идетъ намъ вослѣдъ
Подъ сѣнью несчетныхъ знаменъ.

В. Танъ.

Уличный мальчикъ.

Изъ А. Негри.

Если я вижу: по улицѣ грязной,
Блузою рваной прикрытъ,
Весь перепачканъ, походкой развязной
Мальчикъ красавецъ спѣшитъ;
Если я вижу: испорченный рано,
Плутъ и охотникъ до дракъ,
Между пролетокъ онъ, въ обуви рваной,
Съ камнемъ гоняетъ собакъ;
Если рѣзвится на полной свободѣ
Этотъ терновый цвѣтокъ—
— Можетъ быть, мама его на заводѣ,
Батька засаженъ въ острогъ—
Сердце мое замираетъ въ тревогѣ:
„Много ль отъ жизни ты ждешь?
Въ рубищѣ ветхомъ, по темной дорогѣ
Ты беззащитнымъ бредешь!
Что-то тебѣ, мой птенецъ говорливый,
Годы весны принесутъ:
Жажду ль разврата и жажду наживы,
Или терпѣнье и трудъ?
Будешь ходить ты въ клейменомъ халатѣ?
Блузу носить батрака?
Чахнуть въ тюрьмѣ, иль въ больничной палатѣ?
Дни коротать у станка?..“
О, какъ прижала бъ я, крѣпко и страстно,
Бѣднаго крошку къ себѣ,
Въ бурномъ порывѣ печали всевластной,
Въ горькой душевной борьбѣ!
Бѣдному крошкѣ отдать я готова
Всѣ поцѣлуи свои—
Молвить, рыдая, великое слово,
Братское слово любви:
„Дикимъ терновникомъ я уродилась,
Вскормлена трудной борьбой,—
Мама моя на заводѣ трудилась:
Мальчикъ, мы—братья съ тобой!“

Н. Н.

Яблоня.

Полная силъ, ароматная, нѣжная,
Яблоня въ нашемъ саду расцвѣла;
Словно невѣста, фатой бѣлоснѣжною
Скромно покрылась и ласки ждала.
Снились ей солнца лобзанія знойныя,
Душная ночь... тишина... соловей...
Грезы неясныя, сны безпокойные
Тихо кружились, витали надъ ней...

Вдругъ, помавая крылами могучими,
Вѣтеръ, соперникъ ревнивый и злой,
Небо задернулъ свинцовыми тучами,
Чтобъ не пробрался къ ней лучъ золотой.
Пѣлъ онъ красавицѣ пѣсни побѣдныя,
Бѣшено плакалъ, метался, молилъ
И лепестки ароматные, блѣдные
Съ хохотомъ злобнымъ срывалъ и кружилъ.

— Будешь моею!—шепталъ, задыхаяся,—
Стану я нѣженъ, какъ юный зефиръ,
Буду я пѣть тебѣ, тихо ласкаяся,
Сказки про чудный, плѣнительный міръ...
Я пролетаю равнины безводныя,
Пышныя нивы, пространства морей;
Южныя страны и страны холодныя
Я покажу тебѣ въ пѣснѣ своей!
Я принесу тебѣ сны лучезарные,
Бабочекъ пестрыхъ, прохладу степей,—
Небо и воды, и тучки янтарныя
Будутъ завидовать милой моей!

Громче и громче мольба разросталася;
Яблоню звуки томили и жгли.
Ниже и ниже она наклонялася,
Полная нѣги, до самой земли...
Ночь протекла безпокойная, бурная...
Къ утру порывистый вѣтеръ утихъ,
Тучи умчались и небо лазурное
Кротко сіяло въ лучахъ золотыхъ,

Птичка въ кустахъ шаловливо смѣялася,
Все отдыхало подъ лаской лучей...
Стройная яблоня только сломалася,
Слезы-росинки дрожали на ней...

С. В. Потресовъ.

Статуя.

(В. В. Быкову).

Надъ озеромъ дикимъ и соннымъ,
Прозраченъ, игривъ и пѣвучъ,
Сливается съ камней на камни
Холодный желѣзистый ключъ.
Надъ нимъ молодой гладіаторъ;
Онъ раненъ въ тяжеломъ бою,
Онъ силится брызнуть водою
Въ глубокую рану свою.
Какъ только затеплятся звѣзды,
И ночь величаво сойдетъ,
Выходятъ на землю туманы,—
Выходитъ русалка изъ водъ.
И, къ статуѣ грудь прижимая,
Косою ей плечи обвивъ,
Томится она и вздыхаетъ,
Глубокія очи закрывъ.
И видятъ полночныя звѣзды,
Какъ проситъ она у него
Отвѣта, лобзанья и чувства
И какъ обнимаетъ его.
И видятъ полночныя звѣзды,
И шепчутъ двурогой лунѣ,
Какъ холоденъ къ ней гладіаторъ
Въ своемъ заколдованномъ снѣ.
И долго два чудныя тѣла
Бѣлѣютъ надъ спящей водой...

Лежитъ неподвижная полночь,
Сверкая алмазной росой;
Сіяетъ торжественно небо,
На землю туманы ползутъ;
И слышно, какъ мхи проростаютъ,
Какъ сонныя травы цвѣтутъ...
Подъ утро уходитъ русалка,
Печальна, бѣла и блѣдна,
И, въ сонныя волны спускаясь,
Глубоко вздыхаетъ она...

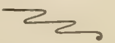
К. К. Случевскій.

Vae victis!

...И показался на конѣ
При кликахъ войска вождь веселый,—
Рога на шлемѣ, на спинѣ
Медвѣжьей шкуры мѣхъ тяжелый.
Весь въ мылѣ, конь степной подъ нимъ
Звенитъ серебрянымъ наборомъ...
И бросилъ вождь на волчій Римъ
Своихъ медвѣдей властнымъ взоромъ...
Предъ мощью алчныхъ дикарей
Орлы былыхъ побѣдъ склонились,—
Въ тотъ день у гордыхъ алтарей
Напрасно женщины молились;
Въ тотъ день державный пурпуръ тогъ
И стóлу съ плечъ верховной жрицы
Свирѣпый варваръ рвалъ и жегъ
Въ гнѣздѣ затравленной волчицы;
Въ тотъ день тонулъ въ крови весь Римъ,
И ночь его въ огнѣ застала...
И долго зарево надъ нимъ
Зловѣщимъ призракомъ стояло;
И искры сыпались, какъ дождь,
Вились, какъ змѣи, клубы дыма,

Когда съ дружиной грозный вождь
Скакалъ по грознымъ плитамъ Рима...
При видѣ крови и огня
Онъ въ изступленьѣ дикомъ вопитъ,
И утомленнаго коня
Бичомъ изломаннымъ торопитъ.
Весь Римъ въ крови, въ огнѣ весь Римъ.
Онъ, гордый Римъ, предъ нимъ склонился...
И вдругъ предъ портикомъ однимъ
Могучій вождь остановился...
Слегка склонившись надъ лукой,
Изъ-за щита, какъ зоркій кречетъ,
Зачѣмъ онъ, сжавъ копье рукой,
На ликъ богини взоры мечетъ?..
Откуда, въ блескѣ красоты,
На землю къ намъ она явилась?
Какой таинственной мечты
На ней святыня отразилась?
Онъ, этотъ камень, онъ живетъ!..
Сквозь мраморъ грудь богини дышитъ...
Ужель она съ своихъ высотъ
Своихъ жрецовъ молитвы слышитъ?..
Или сегодня передъ нимъ,
Какъ жалкій рабъ, въ презрѣнномъ страхѣ,
Еще не весь склонился Римъ,
Не весь дрожитъ предъ нимъ во прахѣ?
Онъ хочетъ крови, хочетъ слезъ,
Онъ приметъ этотъ вызовъ новый!..
И вождь копье свое занесъ,
Въ богиню имъ метнуть готовый...
Зачѣмъ же на ея челѣ
Нѣтъ ни смущенья, ни тревоги?
Иль снова ходятъ по землѣ
Среди людей живые боги?
Какимъ божественнымъ огнемъ
Безсмертный ликъ ея сіяетъ!..
И вождь, закрывъ себя щитомъ,
Копье тихонько опускаетъ...

Н. М. Соколовъ.



Отецъ.

Изъ Ф. Коппе.

Онъ каждый день, мертвецки пьянъ,
Къ своей любовницѣ являлся,
Безбожно билъ ее, буянъ,
И всласть надъ бѣдной надругался.
Два безсердечныхъ кузнеца—
Порокъ и голодъ—ихъ сковали.
По воплямъ жертвы наглеца
Часы сосѣдки узнавали,
А коль стихали вопли вдругъ,
Всѣхъ бралъ за жизнь ея испугъ.—
Былъ день... Морозъ трещалъ сильнѣй...
Два дня очагъ ихъ не топился,
Душилъ ихъ голодъ, а у ней,
Какъ точно назло, сынъ родился.
Не лаской встрѣтили его...
Но не зачахъ онъ оттого.
Какъ и всегда, мервецки пьянъ,
Къ несчастной женщинѣ явился
Ея безжалостный тиранъ.
Но что же онъ остановился
Въ дверяхъ?.. что жъ въ комнату нейдетъ?
Какая сила приковала
Его къ порогу?.. Что жъ не бьетъ
Онъ мать ребенка, какъ бывало?
Укора полный, злобный взглядъ
Скривилъ лицо ея... „Скорѣе
Бей насъ обоихъ съ нимъ!"—шипятъ
Ему уста ея.—Пьянѣе,
Вѣдь, не напьешся ты, и хлѣба
Не дастъ съ тобой намъ даромъ небо!.."
А онъ, какъ вкопанный, стоялъ,
Не смѣя даже шевельнуться,
Его нетрезвый взоръ блисталъ
Любовью, лаской... Онъ шепталъ:
— „Потише, можетъ сынъ проснуться!.."

Петръ Быковъ.

Е. А. Лепковскій.

Казиміръ Великій.

(Посв. памяти А. Ф. Гильфердинга).

I.

Въ расписныхъ саняхъ, ковромъ покрытыхъ,
Нараспашку въ буркѣ боевой,
Казиміръ, круль польскій, мчится въ Краковъ
Съ молодой веселою женой.
Къ ночи онъ домой спѣшитъ съ охоты;
Позвонки бренчатъ на хомутахъ;
Впереди, на всемъ скаку, не видно,
Кто трубитъ, вздымая снѣжный прахъ.
Позади въ саняхъ несется свита...
Ясный мѣсяцъ выглянулъ едва...
Изъ саней торчатъ собачьи морды,
Свѣсилась оленья голова...
Казиміръ на пиръ спѣшитъ съ охоты:
Въ новомъ замкѣ ждутъ его давно
Воеводы, шляхта, краковянки,
Музыка, и танцы, и вино.
Но не въ духѣ круль: насупилъ брови,
На морозѣ дышитъ горячо.

Королева съ ласкою склонилась
    На его могучее плечо.
— Что съ тобою, государь мой? другъ мой?
    У тебя такой сердитый видъ...
Или ты охотой недоволенъ?
    Или мною? на меня сердитъ?..
— „Хороши мы!“ молвилъ онъ съ досадой:
    „Хороши мы! Голодаетъ край,
Хлопы мрутъ,—а мы и не слыхали,
    Что у насъ въ краю неурожай!..
Погляди-ка, ѣдетъ ли за нами
    Тотъ гусляръ, что встрѣтили мы тамъ?..
Пусть-ка онъ споетъ магнатамъ нашимъ
    То, что спьяна пѣлъ онъ лѣсникамъ...“
Мчатся кони, рѣзче раздается
    Звукъ роговъ и топотъ,—и встаетъ
Надъ заснувшимъ Краковомъ зубчатой
    Башни тѣнь, съ огнями у воротъ.

II.

Въ замкѣ свѣтятъ фонари и лампы.
    Музыка и пиръ идутъ горой;
Казимiръ сидитъ въ полукафтаньѣ,
    Подпираетъ бороду рукой.
Борода впередъ выходитъ клиномъ,
    Волосы подстрижены въ кружокъ;
Передъ нимъ съ виномъ стоитъ на блюдѣ
    Въ золотой оправѣ турiй рогъ;
Позади,—въ чешуйчатыхъ кольчугахъ,
    Стражниковъ колеблющiйся строй.
Надъ его бровями дума бродитъ,
    Точно тѣнь отъ тучи грозовой.
Утомилась пляской королева,
    Дышитъ зноемъ молодая грудь,
Пышутъ щеки, свѣтится улыбка...
    „Государь мой, веселѣе будь!..
„Гусляра вели позвать, покуда
    Гости не успѣли задремать...“
И къ гостямъ идетъ она, и гости,
    — „Гусляра“, кричатъ: „скорѣй позвать!“

III.

Стихли трубы, бубны и цимбалы;
И, венгерскимъ жажду утоля,
Чинно сѣли подъ столбами залы
Воеводы, гости короля.
А у ногъ хозяйки-королевы,
Не на табуретахъ и скамьяхъ,
На ступенькахъ трона сѣли панны
Съ розовой усмѣшкой на устахъ.
Ждутъ—и вотъ на праздникъ королевскій
Сквозь толпу идетъ, какъ на базаръ,
Въ сѣрой свиткѣ, въ обуви ременной,
Изъ народа вызванный гусляръ.
Отъ него надворной вѣетъ стужей,
Искры снѣга таютъ въ волосахъ,
И, какъ тѣнь, лежитъ румянецъ сизый
На его обвѣтренныхъ щекахъ.
Низко передъ царственной четою
Преклонясь косматой головой,
На ремняхъ повиснувшія гусли
Поддержалъ онъ лѣвою рукой,
Правую подобострастно къ сердцу
Онъ прижалъ, отдавъ поклонъ гостямъ.
— „Начинай"—И дрогнувшіе пальцы
Звонко пробѣжали по струнамъ.
Подмигнулъ король своей супругѣ,
Гости брови подняли: гусляръ
Затянулъ про славные походы
На сосѣдей, нѣмцевъ и татаръ...
Не успѣлъ онъ кончить этой пѣсни,
Крики: „Vivat" огласили залъ,—
Только круль махнулъ рукой, нахмурясь;
Дескать, пѣсни эти я слыхалъ!
— „Пой другую!"—И, потупивъ очи,
Прославлять сталъ молодой пѣвецъ
Молодость и чары королевы,
И любовь—щедротъ ея вѣнецъ.
Не успѣлъ онъ кончить этой пѣсни,
Крики: „Vivat!" огласили залъ,—
Только круль сердито сдвинулъ брови:

Дескать, пѣсни эти я слыхалъ!
— „Каждый шляхтичъ—молвилъ онъ—поетъ ихъ
„На ухо возлюбленной своей.
„Спой мнѣ пѣсню ту, что пѣлъ ты въ хатѣ
„Лѣсника,—та будетъ поновѣй...
„Да не бойся!"
Но гусляръ, какъ будто
Къ пыткѣ присужденный, поблѣднѣлъ...
И, какъ плѣнникъ, дико озираясь,
Заунывнымъ голосомъ запѣлъ:
„Ой вы, хлопы, ой вы, Божьи люди!
Не враги трубятъ въ побѣдный рогъ,
По пустымъ полямъ шагаетъ голодъ,
И кого не встрѣтитъ—валитъ съ ногъ,
Продаетъ за пудъ муки корову,
Продаетъ послѣдняго конька!
Ой, не плачь, родная, по ребенкѣ!
Грудь твоя давно безъ молока.
Ой, не плачь ты, хлопецъ, по дѣвчинѣ!
По веснѣ, авось, помрешь и ты...
Ужъ растутъ, должно быть къ урожаю,
На кладбищахъ новые кресты.
Ужъ на хлѣбъ, должно быть къ урожаю,
Цѣны, что ни день, растутъ, растутъ...
Только паны потираютъ руки—
Выгодно свой хлѣбецъ продаютъ..."
Не успѣлъ онъ кончить этой пѣсни:
„Правда ли?" вдругъ вскрикнулъ Казиміръ
И привсталъ, и въ гнѣвѣ, весь багровый,
Озираетъ онѣмѣвшій пиръ.
Поднялись, дрожатъ, блѣднѣютъ гости.
„Что же вы не славите пѣвца?
Божья правда шла съ нимъ изъ народа
И дошла до нашего лица.
Завтра же, въ подрывъ корысти вашей,
Я мои амбары отопру...
Вы... лжецы! глядите: я, король вашъ,
Кланяюсь за правду гусляру..."
И пѣвцу поклонъ отвѣсивъ, вышелъ
Казиміръ—и пиръ его притихъ...
„Хлопскій круль!" въ сѣняхъ бормочутъ паны...

„Хлопскій круль!“ лепечутъ жены ихъ.
Онѣмѣлъ гусляръ, поникъ, не слышитъ
Ни угрозъ, ни ропота кругомъ...
Гнѣвъ Великаго великъ былъ, страшенъ—
И отраденъ, какъ въ засуху громъ!

Я. П. Полонскій.

Тарантелла.

Нина, Нина! тарантелла!
Старый Чьеко ужъ идетъ!
Вонъ ужъ скрипка загудѣла!
Въ кругъ становится народъ!
Пріударилъ Чьеко старый...
Точно птички на зерно,
Отовсюду мчатся пары!..
Вонъ—ужъ кружатся давно!
Какъ стройна, гляди, Аглая!
Вотъ помчалась въ кругъ живой—
Очи долу, ударяя
Въ тамбуринъ надъ головой!
Ловокъ съ нею и Дженнаро!..
Вслѣдъ за ними намъ—смотри!
Послѣ тотчасъ третья пара...
Ну, Нинета... разъ, два, три...
Завязалась, закипѣла,
Все идетъ живѣй, живѣй,
Обуяла тарантелла
Всѣхъ отвагою своей...
Эй, простору! шибче скрипки!
Юность мчится! съ ней цвѣты,
Беззаботныя улыбки,
Беззавѣтныя мечты!
Эй, синьоръ, синьоръ! угодно
Вамъ въ кружокъ нашъ, можетъ быть?

Иль свой санъ въ толпѣ народной
Вы боитесь уронить?
Ну, такъ мимо!.. шибче скрипки!
Юность мчится! съ ней цвѣты,
Беззаботныя улыбки,
Беззавѣтныя мечты!

Вы, синьора? Вы бъ и рады:
Къ намъ сердечко васъ зоветъ...
Да шнуровка безъ пощады
Вашу грудь больную жметъ...
Ну, такъ мимо!.. шибче скрипки!
Юность мчится! съ ней цвѣты,
Беззаботныя улыбки,
Беззавѣтныя мечты!

Вы, философъ! дайте руки:
Не угодно ль къ намъ сюда!
Иль кто разъ вкусилъ науки—
Не смѣется никогда?
Ну, такъ мимо! шибче скрипки!
Юность мчится! съ ней цвѣты,
Беззаботныя улыбки,
Беззавѣтныя мечты!

Ты, что смотришь такъ сурово,
Босоногій капуцинъ?
Въ сердцѣ памятью былого,
Чай, отдался тамбуринъ?
Ну—такъ къ намъ,—и шибче скрипки!
Юность мчится! съ ней цвѣты,
Беззаботныя улыбки,
Беззавѣтныя мечты!

Словно въ вихрѣ мчатся пары,
Не сидится старикамъ...
Расходился Чьеко старый
И подплясываетъ самъ...
Мудрено ль?—вкругъ старой скрипки
Такъ и носятся цвѣты,
Беззаботныя улыбки,
Беззавѣтныя мечты!

Не робѣйте! смѣйтесь дружно!
Пусть дѣтьми мы будемъ ввѣкъ!
Человѣку знать не нужно,

Что такое человѣкъ!..
Что тутъ думать!.. шибче скрипки!
Наши—юность и цвѣты,
Беззаботныя улыбки,
Беззавѣтныя мечты!

А. Н. Майковъ.

* * *

Я повѣдалъ безбрежному морю
Про великія муки мои—
И оно мнѣ отвѣтило нѣжно
Тихимъ плескомъ привѣтной струи.

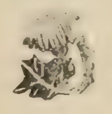
Я повѣдалъ свободному вѣтру,
Какъ мнѣ душно на свѣтѣ—и онъ
Мнѣ принесъ благодатную свѣжесть
Изъ далекихъ волшебныхъ сторонъ.

Я повѣдалъ вѣтвистымъ деревьямъ
Про томленье мое—и они
Поспѣшили меня убаюкать
Тихимъ шелестомъ въ чудной тѣни.

Я повѣдалъ горячему солнцу,
Что не вижу я свѣтлаго дня—
И оно лучезарною мощью
Освѣтило, согрѣло меня.

Я сказалъ человѣку-собрату
О моемъ безотрадномъ пути—
И, пожавъ какъ-то странно плечами,
Поспѣшилъ онъ подальше уйти.

П. И. Вейнбергъ.



Чинара.

Средь горнаго шумящаго потока,
На мшистомъ камнѣ, надъ волной студеной,
Накинувши на плечи плащъ зеленый,
Чинара поднялась высоко.
Чуть шелестя дрожащею листвою,
Она стояла думою объята.
Глядѣла въ даль, гдѣ алый лучъ заката
Сливался съ моря синевою.
Ее плѣняла эта даль нѣмая,
Влекла къ себѣ чарующей загадкой...
А здѣсь подъ ней то громко, то украдкой,
Шумѣлъ потокъ, не умолкая...
То напѣвалъ онъ сладостныя грезы,
То рвался, полный страсти и тревоги,
И съ дикимъ воплемъ цѣловалъ ей ноги...
И брызги сыпались, какъ слезы...
Онъ говорилъ ей плача и тоскуя:
— „Отдайся мнѣ! О, сжалься надо мною!
Въ волшебный край могучею волною
Тебя въ объятьяхъ унесу я!
Взгляни кругомъ: здѣсь такъ бѣдна природа,
Громадой высятся угрюмой горы...
Ты здѣсь раба,—а тамъ все манитъ взоры,
Тамъ жизнь, раздолье и свобода!"—
Смѣлѣй все выше обнимали волны
Чинары станъ. Бороться силъ не стало:
Она качнулась тихо и упала
Въ потокъ, безумной страстью полный...
Какъ дикій хищникъ, онъ неумолимо
Въ объятьяхъ сжалъ Чинару молодую
И, по стремнинамъ пѣнясь и ликуя,
Помчался съ ней неудержимо.
Но на пути, не доведя до цѣли,
Ее онъ бросилъ на берегъ песчаный
И скрылся тамъ, гдѣ западъ гасъ багряный,
Гдѣ волны синія шумѣли.

В. Л. Величко.

А. А. Мурскій.

Сакія-Муни.

По горамъ, среди ущелій темныхъ,
Гдѣ ревѣлъ осенній ураганъ,
Шла въ лѣсу толпа бродягъ бездомныхъ
Къ водамъ Ганга изъ далекихъ странъ.
Подъ лохмотьями худое тѣло
Отъ дождя и вѣтра посинѣло:
Ужъ они не видѣли два дня
Ни пріютной кровли, ни огня.
Межъ деревъ, во мракѣ непогоды,
Что-то тамъ мелькнуло на пути.
Это храмъ... Они вошли подъ своды,
Чтобы тамъ убѣжище найти.
Передъ ними—на высокомъ тронѣ
Сакья-Муни, каменный гигантъ.
У него въ порфировой коронѣ
Исполинскій чудный брилліантъ.
Говоритъ одинъ изъ нищихъ: „Братья,
Ночь темна... Никто не видитъ насъ,
Много хлѣба, серебра и платья
Намъ дадутъ за дорогой алмазъ.
Онъ не нуженъ Буддѣ: свѣтятъ краше

У него, царя небесныхъ силъ,
Груды брилліантовыхъ свѣтилъ
Въ ясномъ небѣ, какъ въ лазурной чашѣ."
Поданъ знакъ, и вотъ ужъ по землѣ
Воры тихо крадутся во мглѣ.
Но едва дотронуться святыни
Трепетной рукой они хотятъ,—
Вихрь, огонь и громовой раскатъ,
Повторенный откликомъ въ пустынѣ,
Далеко откинулъ ихъ назадъ...
И отъ страха все окаменѣло...
Лишь одинъ, спокойно величавъ,
Изъ толпы впередъ выходитъ, смѣло
Говоритъ онъ Богу:—„Ты не правъ!
Или намъ жрецы твои солгали,
Что ты кротокъ, милостивъ и благъ,
Что ты любишь утолять печали
И, какъ солнце, разгоняешь мракъ!
Нѣтъ, ты мстишь намъ за ничтожный камень,
Намъ, въ пыли простертымъ предъ тобой,
Но, какъ ты, съ безсмертною душой!
Что за подвигъ сыпать громъ и пламень
Предъ безсильной, жалкою толпой!
О, стыдись, стыдись, владыка неба,
Ты воспрянулъ, грозенъ и могучъ,
Чтобъ отнять у нищихъ корку хлѣба!
Царь царей! Сверкай изъ темныхъ тучъ!
Грянь въ безумца огненной стрѣлою,—
Я стою, какъ равный предъ тобою,
И, высоко голову поднявъ,
Говорю предъ небомъ и землею:
Самодержецъ міра, ты не правъ!"
Онъ умолкъ... и чудо совершилось:
Чтобъ алмазъ тотъ взять они могли,
Изваянье Будды преклонилось
Головой вѣнчанной до земли.
На колѣняхъ, кроткій и смиренный,
Предъ толпою нищихъ царь вселенной,
Богъ, великій Богъ—лежалъ въ пыли.

Д. С. Мережковскій.

Пиръ Петронія.

Сіяютъ пышные чертоги,
Благоуханья льютъ цвѣты.
Сюда собрались полубоги,
Жрецы любви и красоты.
Здѣсь все, что лучшаго есть въ мірѣ,
Здѣсь все, чѣмъ Римъ гордиться могъ:
Поэтъ, бряцяющій на лирѣ,
Мудрецъ-философъ, педагогъ.
Здѣсь блещутъ женщины красою,
Мужчины—сердцемъ и умомъ,
Здѣсь все наполнено кругомъ
Какой-то нѣгой неземною.
Гремятъ кимвалы и цѣвницы,
Въ разгарѣ пылкій разговоръ,
Тутъ тихій вздохъ, тамъ нѣжный взоръ,
И всюду радостныя лица...
Петроній вызвалъ гнѣвъ Нерона;
Любимецъ плебса, женъ кумиръ,
Петроній удаленъ отъ трона
И задаетъ послѣдній пиръ.
Въ его душѣ ни искры свѣта,—
Лишь холодъ, холодъ пустоты,
Но маской радости одѣты
Его красивыя черты;
Онъ всѣхъ прекраснѣй здѣсь безъ спора.
Желаній подавляя стонъ,
Съ него свести не можетъ взора
Цвѣтникъ прелестныхъ римскихъ женъ.
Въ разгарѣ пиръ, живѣе лица.
Петроній всѣхъ другихъ живѣй...
И никому изъ всѣхъ гостей
Не знать того, что съ нимъ творится;
Зачѣмъ онъ этотъ пиръ задалъ,
О чемъ веселіе такое...
Огнями блещетъ яркій залъ,
Несется пѣнье молодое,
Гремятъ кимвалы и цѣвницы,

Въ разгарѣ пылкій разговоръ.
Тутъ тихій вздохъ, тамъ нѣжный взоръ,—
И всюду радостныя лица...

. . . .

Летѣла ночь, блѣднѣло небо,
И новый день опять всходилъ,
Лучами блещущаго Феба
Онъ пиръ богатый озарилъ.
Умолкли пѣсни, что звучали,
Увяли яркіе цвѣты,
И на усталыя черты
Нисходитъ облако печали...
И вдругъ Петроній, величаво
Привставъ, сказалъ своимъ гостямъ:
— „О, римляне! почетъ и славу,
Богатство,—все, я все отдамъ
За красоту любви могучей,
За пламя любящихъ сердецъ...
И вотъ я здѣсь приму конецъ
Съ моей рабой, съ подругой лучшей
Моихъ земныхъ, ничтожныхъ дней—
Съ Эвникой милою моей.
О, Римляне! кратка и тлѣнна
Земная жизнь, она—мечта,
И велика, и неизмѣнна
Одна, одна лишь красота!..“
И, заглянувъ своей рабынѣ
Въ ея лучистые глаза,
Гдѣ, сердца чуткаго святыня,
Дрожала чистая слеза,
— „Пойдешь со мной, моя Эвника?“
Онъ вопросилъ. Любви полна,
Безъ содраганія, безъ крика
Къ нему склонилася она.
Онъ подалъ знакъ, и рабъ умѣлый
Надрѣзалъ вены имъ ножемъ.
И кровь ударила ключомъ
Передъ толпой оцѣпенѣлой.
Онъ подалъ знакъ и вновь цѣвницы
Полили нѣжно звуки съ хоръ...
И тихо ихъ блѣднѣли лица...

Тускнѣлъ все больше ясный взоръ.
„О, римляне!—уста шептали,
Вся наша жизнь—туманъ и дымъ...“
И гости, полные печали,
Склонялись трепетно надъ нимъ.
—„Эвника!...“ слышалося въ стонѣ.
— О, господинъ мой!.. я съ тобой...
Такъ кончилъ жизнь свою Петроній
У ногъ рабыни молодой.

Д. М. Ратгаузъ.

Мостъ вздоховъ.

Изъ Т. Гуда.

Вотъ еще одна жертва несчастная,
Утомяся житейской борьбой,
Еще юная, нѣжно-прекрасная,
Такъ покончила рано съ собой!
Окажите усопшей вниманіе,
Подымите ее поскорѣй!
Это хрупкое было созданіе—
Прикасайтеся бережно къ ней!
Посмотрите на тѣло застывшее:
На немъ платье какъ саванъ лежитъ,
И вода, этотъ трупъ напоившая,
Съ него, капля-по-каплѣ бѣжитъ.
Не гнушайтеся тѣломъ безжизненнымъ,
Подымите его на рукахъ,
Не клеймя языкомъ укоризненнымъ
Этотъ бѣдный истерзанный прахъ.
Не съ холодностью сердца жестокаго,
Не съ презрѣньемъ сухимъ на лицѣ,—
Но подумайте съ скорбью глубокою
Объ ея злополучномъ концѣ.
Позабудьте ея согрѣшенія:
Смертью смытъ ея жизни позоръ...

Пусть отнынѣ ея преступленія
Не коснется людской приговоръ!
Здѣсь некстати упреки безплодные!
Позабудьте, простите вполнѣ—
И утрите ей губы холодныя:
Вязкой тиной покрыты онѣ.
Уберите ей косы прекрасныя,
Эти темныя волны кудрей,
Между тѣмъ какъ догадки напрасныя
Праздный людъ составляетъ о ней.
Кто она? Надъ печальной могилою
Слезы есть ли кому проливать?
У ней были ль родные иль милые,
Братья, сестры, отецъ или мать?
Иль другой кто-нибудь еще болѣе
Близкій сердцу, чѣмъ домъ и семья,
Погорюетъ надъ грустною долею,
Надъ несчастной кончиной ея?
Нѣтъ!—обширна столица богатая
И толпой многолюдной полна;
Но, всѣмъ чуждая, точно проклятая,
Не имѣла пріюта она.
Тамъ, гдѣ въ черной рѣкѣ отражается
Слабый свѣтъ отъ вечернихъ огней,
И, дрожа, въ темной влагѣ купается
Дальній отблескъ ночныхъ фонарей,
И бушуетъ пучина глубокая,
Ударяя о берегъ волной,—
Тамъ стояла она одинокая,
Безпріютная, ночью глухой.
Но ее эта ночь непроглядная
Не пугала ужъ тьмою своей,
Не пугала и арка громадная,
Ни холодная бездна подъ ней.
Смерть влекла ее съ страшною силою
И тоска надрывала ей грудь...
Только бъ съ жизнью покончить постылою,
Какъ-нибудь—все равно—какъ-нибудь!
И отважно, безъ слезъ, безъ раскаянья,
Она бросилась въ волны рѣки...
Кто пойметъ эту бездну отчаянья,

Этотъ адъ безнадежной тоски?!
Окажите жъ усопшей вниманіе,
Подымите ее поскорѣй!
Это хрупкое было созданіе—
Прикасайтеся бережно къ ней!
Пока смерти рука леденящая
Не сковала ей членовъ нѣмыхъ,
Осторожно, съ заботой любящею,
Распрямите, расправьте вы ихъ.
И закройте глаза ей стеклянные,
Что сквозь тьму такъ слѣпо глядятъ,
Будто въ вѣчность вперивши туманную
Свой послѣдній отчаянный взглядъ.
Надоѣла ей жизнь безотрадная,
Преступленье, позоръ впереди,
И жестокость людей безпощадная,
И тоска въ наболѣвшей груди...
Пусть, измучась житейскою битвою,
Она вѣчнымъ покоится сномъ!
И, какъ будто съ нѣмою молитвою,
Вы сложите ей руки крестомъ.
И простите ей съ кроткой любовію!
Вы не судьи! Судья у ней—Тотъ,
Кто своею божественной кровію
Искупилъ человѣческій родъ.

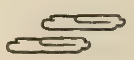
Д. Михаловскій.

Раба.

И праздникъ, и солнце. На землю глядитъ
Роскошное утро, сіяя.
И колоколъ въ воздухѣ мѣрно гудитъ,
Къ молитвѣ людей призывая.
По улицамъ ходитъ нарядный народъ;
На лицахъ—ни тучки, ни тѣни,
И юная мать надъ ребенкомъ поетъ,
Его опустивъ на колѣни.

Зачѣмъ же въ тюрьмѣ, на соломѣ, одна,
Прекрасна, какъ ночь Лузіаны,
Лежитъ негритянка и стонетъ она,
Слезами смочивъ свои раны?
И штатъ Лузіаны намъ мрачно гласитъ:
Законъ нашъ рабовъ не прощаетъ—
Когда господина раба оскорбитъ,
Ее эшафотъ ожидаетъ.
Невольникамъ этимъ, причисля къ скотамъ,
По милости кожи ихъ черной,
Велятъ подчиняться ременнымъ кнутамъ
И кланяться плети позорной.
Она жъ, негритянка, побой не снесла,
Ударивъ жену властелина.
И казни публичной въ темницѣ ждала
Невольница, черная Дина.
Но смертная казнь для нея не страшна.
Пугала ее не могила,
Но новое чувство пугало: она
Подъ сердцемъ младенца носила.
Давно ли ее обольстилъ, какъ рабу,
Плантаторъ, заплывшій въ развратѣ?..
И вотъ раздалися въ тюрьмѣ, какъ въ гробу,
И стоны, и крики дитяти,
Но сына отъ груди пришли оторвать...
Безстрастны злодѣйскія лица...
Напрасно, рыдая, металася мать,
Какъ львенка лишенная львица;
Напрасны безумныя клятвы и плачъ!...
Запоры вдругъ падаютъ снова,
И вотъ къ эшафоту угрюмый палачъ
Влечетъ негритянку сурово.
А тамъ на площадку сбѣжался народъ.
Толпа весела и нарядна;
Когда задымится въ крови эшафотъ,
Она дожидается жадно.

Д. Д. Минаевъ.



Викторъ Гюго.

Изъ посмертныхъ стихотворенiй

В. Гюго.

1.

Межъ тѣмъ, какъ сыплются надъ городомъ гранаты
И рушатся во прахъ твердыни и палаты,
О, Мудрость дивная, воздвигни свой шатеръ
Среди враждующихъ и сѣющихъ раздоръ;
Повѣдай, спутница божественнаго Данта,
Какими пушками, достойными гиганта,
Имъ нужно запастись, и чѣмъ ихъ зарядить,
Чтобъ мысли вѣковой твердыню сокрушить?

2.

Когда поэтъ, гонимый мiромъ генiй,
Парить на крыльяхъ вдохновенiй
Въ безбрежности великой устаетъ—
Онъ замедляетъ свой полетъ,
Межъ горнею страной и сумракомъ могилы
Подняться къ небесамъ онъ не имѣетъ силы
И, временно спускаяся съ высотъ,

Онъ ищетъ отдыха въ земной доступной страсти:
Подобно гордому полярному орлу,
Когда въ метель ненастную и мглу
Въ изнеможеньи тотъ спускается на снасти,
На груду старую канатовъ у руля
Зетертаго межъ льдами корабля.

3.

Судьба, подобная желѣзному узлу,
Матерія и плоть—являются обычной
Для духа нашего рѣшеткою темничной.
Плѣненная душа томится, какъ въ тюрьмѣ.
Но только что заря затеплится во тьмѣ,
И съ неба дивный гласъ провозгласитъ прощенье,
Какъ плоть, которая обременяетъ насъ,
Матерія и скорбь и горечь искупленія—
Въ божественную пѣснь сольются въ тотъ же часъ—
Во мракѣ новой свѣтъ блеснетъ зарей священной,
Прочтутся письмена загадки вѣковой,
И станетъ каждый прутъ рѣшетки роковой—
Струною лиры вдохновенной.

Пер. ***О. Н. Чюмина.***

Прокаженный.

...Богъ, желая примирить столь враждебныя противоположности, какъ скорбь и радость, срастилъ ихъ вершины.

Платонъ.

Чуть прикрывъ наготу, съ головой обнаженной,
Въ сторонѣ отъ дороги онъ тихо шагалъ,
И, завидя людей, издалека кричалъ:
— „Берегитесь! Идетъ прокаженный!“
И съ невольнымъ проклятьемъ, толпа за толпой,

Обходили его каменистой тропой
И роптали: „зачѣмъ вслѣдъ за нами
Онъ къ Сіону на праздникъ бредетъ?
Преступить городскихъ онъ не можетъ воротъ,
И нѣтъ мѣста ему на холмахъ за стѣнами...“
А когда Элеонъ показался вдали,
Весь до верху шатрами усѣянъ,
Къ его рощамъ цвѣтущимъ толпы галилеянъ,
Распѣвая осанну, пошли.
А несчастный тропой обожженной,
Вдоль по ложу Кедрона, въ пустыню побрелъ,
Гдѣ гіена живетъ, гдѣ гнѣздится орелъ.
— Пощадите! Идетъ прокаженный!
И его, беззащитнаго, звѣрь пощадилъ
И бездомному нору свою уступилъ.
Пышно праздникъ великій встрѣчаетъ Солимъ:
Полонъ храмъ, всѣ ступени народомъ покрыты,
Брыжжетъ кровь, и возносится жертвенный дымъ,
И поютъ славословья левиты.
Всѣ пришли преклониться предъ грознымъ Отцомъ
И просить—кто богатства, кто жизни,
Кто побѣды надъ римскимъ надменнымъ орломъ
И свободы для плѣнной отчизны.
И левиты поютъ, и литавры гремятъ,
И далеко по вѣтру тѣ звуки летятъ—
До пещеры въ скалѣ, до звѣринаго лога,
Гдѣ теперь человѣкъ обиталъ.
Онъ увидѣть хоть издали храмъ пожелалъ,
Но просить ему не о чѣмъ даже у Бога.
Онъ привыкъ жить безъ крова отъ бурь и песковъ,
Онъ привыкъ свои струпья не кутать въ одежды.
У него нѣтъ отчизны, друзей и враговъ,
Нѣтъ желаній давно и давно нѣтъ надежды.
Что влекло его къ храму, не знаетъ онъ самъ,
И теперь, изъ пещеры, наполненной смрадомъ
Его собственныхъ язвъ, онъ блуждающимъ взглядомъ
Смотритъ вдаль, гдѣ блеститъ своею кровлею храмъ,
И въ тоскѣ безпредѣльной, безъ мысли и слова,
Какъ тростникъ въ ураганъ, повергается въ прахъ,
И руками бьетъ въ грудь, и бросается снова,
И какъ будто весь хочетъ истаять въ слезахъ...

Если бъ камень иль дерево чувствовать стали
И свое одиночество поняли вдругъ,
Ихъ бы тотъ же объялъ безсловесный испугъ,
Они бъ такъ же, какъ онъ, зарыдали.
Онъ рыдалъ оттого, что такъ тягостно жить,
Что разстаться съ сіяніемъ солнца такъ трудно...
Цѣлый день онъ скорбѣлъ... но съ вечерней зарей
Стали слезы его все добрѣе и чище.
Такъ на старомъ, забытомъ кладбищѣ
Вдругъ повѣетъ прохладной весенней порой.
Изможденный, онъ молча лежалъ предъ пещерой
И глядѣлъ, какъ на храмѣ играетъ закатъ,
И какъ звѣзды одна за другою спѣшатъ
Лить потоки лучей надъ пустынею сѣрой,—
И цѣлительной влагой на язвы его
Тихо падали слезы прощенья.
И простилъ онъ, не вѣдая самъ отчего,
Всѣхъ простилъ онъ, кто мучилъ его отъ рожденья.
Вѣтеръ, зной, непогоду и даже—людей.
Онъ былъ счастливъ избыткомъ печали своей.
Величайшее счастье въ ту ночь онъ извѣдалъ,
Онъ, природою проклятый, людямъ чужой,
Кому Богъ ничего, кромѣ горестей, не далъ,
Самъ онъ далъ себѣ счастье, какъ Богъ...
А съ зарей,
Чуть прикрывъ наготу, съ головой обнаженной,
Въ сторонѣ отъ дороги онъ тихо шагалъ,
И, завидя людей, издалека кричалъ:
— „Берегитесь! Идетъ прокаженный!"

Н. М. Минскій.

Три души.

Три блѣдныхъ тѣни чередой
Стучатся робко въ двери рая,
— „Открой, святой ключарь, открой!"
Съ мольбою тихою взывая.

И вопрошающій вдали
Онѣ внимаютъ голосъ: „кто вы,
Во тьмѣ грядущія съ земли
Подъ эти благостные кровы?
Чѣмъ были вы? Въ какой борьбѣ
Какіе подвиги свершали?
Какъ жили вы и чемъ себѣ
Блаженство райское стяжали?“
И говоритъ изъ нихъ одна:
— „Мнѣ чуждъ былъ громъ житейской битвы;
Вся жизнь моя была полна
Благоговѣнья и молитвы:
Жрецомъ я былъ, всю жизнь людей
Добру и правдѣ поучая,
Гася постыдный пылъ страстей
И свѣточъ вѣры возжигая...“
— „Съ мечомъ въ рукѣ я міръ земной
Прошелъ—отвѣтила вторая—
Широкой пламенной волной,
И страхъ и гибель разливая.
Вся жизнь прошла средь буйныхъ сѣчъ...
Но лишь за немощныхъ и правыхъ
Я поднималъ и стягъ и мечъ
Въ бояхъ свирѣпыхъ и кровавыхъ...“
— „А твой путь чѣмъ былъ озаренъ?“
Апостолъ третью вопрошаетъ.—
Глубокій, долгій, тяжкій стонъ
Звучитъ въ отвѣтъ и замираетъ.
И голосъ робкій и больной
Пугливо шепчетъ:—„Я!.. Не знаю...
Не помню... Что-то... мракъ сырой...
Пустыня, холодъ, ночь нѣмая...
Чужія окна—въ нихъ огни;
Чужія двери на запорѣ...
И такъ вся жизнь,—вся жизнь и дни
И ночи—голодъ, мракъ и горе...“
„Молилась?..“—Нѣтъ, я не могла.
Я не умѣла... Богъ?... Не знаю,
Не помню... Голодъ, стужа, мгла...
О, посмотри, какъ я страдаю!..
Какъ страстно жаждала я дня

И часа благостной кончины!
Открой, открой, впусти меня—
Прилечь, согрѣться разъ единый...
Уснуть... уснуть... А тамъ—конецъ:
Покой и миръ и тишь нѣмая...“
— „Посторонитесь, вождь и жрецъ!..“
Раздался гласъ у двери рая.

С. Фругъ.

Змѣя подколодная.

Гей, растворяйтеся, двери кабацкія,
Поразгулялись натуры бурлацкія,
Лейся рѣкою вино!
Тяпнули, братцы, мы холоду, голоду,
Силы истратили сызмала, смолоду,
Съ кругу спилися давно.
Горе по бѣлому свѣту скиталося,
Съ нами слюбилося, съ нами спозналося,
Въ грудь насадило тоску.
Въ голову вдумало думушку черную,
И указало дорогу намъ торную
Прямо къ нему, къ кабаку.
Гей, растворяйтеся, двери кабацкія,
Поразгулялись натуры бурлацкія!
Ванька, чего пріунылъ?
Выпей стаканчикъ, одною минутою
Въ сердцѣ зальешь ты кручинушку лютую.
„Братцы, мнѣ свѣтъ опостылъ!
Помню я, братцы, деревню убогую
Съ низкими хатами, съ пыльной дорогою,
Съ лѣсомъ дремучимъ, густымъ,
Съ старой часовней, подъ вязами старыми,
Съ теремомъ, брошеннымъ нашими барами,
Съ теремомъ старымъ, пустымъ.
Помню я, братцы, весеннія ноченьки...

Эхъ-ма! разсказывать силы и моченьки
Мало... налейте вина!
Сердце въ жару, ну а водка холодная.
Выпью... гой ты, змѣя подколодная!
Ты извела молодца!
Околдовала рѣчами пѣвучими
И поцѣлуями страстными, жгучими
Въ пору весеннихъ ночей.
Выжгла изъ молодца силы кипучія;
Плакать заставила. Слезы горючія
Выплакалъ я изъ очей.
Крѣпко любилъ я тебя, чернобровую;
Нужду мужицкую, нужду суровую
Я прогонялъ, молодецъ,
Нашей работой мужицкой, тяжелою;
Думалъ-гадалъ, передъ вешнимъ Николаю
Стану съ тобой подъ вѣнецъ.
Нѣтъ, не пришлось. И любовь молодецкая,
Видно, похуже, чѣмъ придурь купецкая,
Видно, не такъ горяча,
Что промѣняла ты прежняго милаго
На шепеляваго, хвораго, хилаго,
На старика-богача.
Видно, наряды, уборы узорные
Лучше, чѣмъ оченьки милаго черныя,
Лучше, чѣмъ кудри мои;
Лучше, чѣмъ рѣчи любимыя, нѣжныя,—
Что старика-богача бѣлоснѣжныя
Обняли руки твои...
Эхъ-ма! Товарищи, горе сердечное,
Горе великое и безконечное
Пѣннымъ виномъ не запьешь!
Пилъ и тогда я. Все пропилъ имѣніе,
Пропилъ и разумъ. Зато въ заведеніи
Дали мнѣ въ рученьки ножъ.
Кто далъ—не знаю. И въ ноченьку темную
Думу обдумалъ я, думушку черную.
Вышелъ изъ хаты съ ножемъ.
Воромъ прокрался въ свѣтлицу высокую
И, какъ барашка, ее черноокую...
Спящую... Ночь... все кругомъ...

Вотъ и она, черной кровью облитая,
Саваномъ бѣлымъ и длиннымъ повитая,
Взоромъ суровымъ глядитъ..."
— Ванька! Чего пялишь глотку-то?
Въ ротъ тебѣ каши! На, лопай-ка водку-то!
Тутъ вѣдь никто не стоитъ.—
— „Вотъ она!..."
— Полно!! Такъ славно разсказывалъ,
Точно, какъ масло по хлѣбу намазывалъ!
А подъ конецъ и орать:
Вотъ она!..
Врешь ты, натура бурлацкая,
Самая, то-есть простая вахлацкая,
Гдѣ ей видѣнья видать?..

С. Рыскинъ.

* * *

Что мнѣ она? Не жена, не любовница
И не родная мнѣ дочь!
Такъ отчего жъ ея доля проклятая
Спать не даетъ мнѣ всю ночь?
Спать не даетъ—оттого, что мнѣ грезится
Молодость въ душной тюрьмѣ.
Вижу я своды... окно за рѣшеткою,
Койку въ сырой полутьмѣ...
Съ койки глядятъ лихорадочно-знойныя
Очи безъ мысли и слезъ,
Съ койки висятъ чуть не до полу темныя
Космы тяжелыхъ волосъ,
Не шевелятся ни губы ни блѣдныя
Руки на блѣдной груди,
Слабо прижатыя къ сердцу безъ трепета
И безъ надеждъ впереди...
Что мнѣ она!—не жена, не любовница,
И не родная мнѣ дочь!
Такъ отчего жъ ея образъ страдальческій
Спать не даетъ мнѣ всю ночь?

Я. П. Полонскій.

В. И. Немировичъ-Данченко.

Родной край.

Засыпанный глубокими снѣгами,
Какъ трупъ въ землѣ, молчитъ мой край родной...
Стоитъ рѣка, окованная льдами,
И дремлетъ лѣсъ подъ шапкой снѣговой.
Въ дыму лачугъ, спасаясь отъ мороза,
Заснулъ народъ. Какъ туча ходитъ сонъ.
Безсиленъ умъ. Не расцвѣтаетъ греза.
Запѣть—кому?.. Тутъ пѣсня тотъ же стонъ!

Я уходилъ въ край солнца и свободы,
Въ край яркихъ розъ и говорливыхъ водъ.
Не зная сна, на праздникѣ природы
Тамъ весело волнуется народъ,
И жизнь кипитъ. Подъ сводами руины,
Какъ будто бы забывшими упасть,
По вечерамъ рокочутъ мандолины
И пѣснь звучитъ, и вспыхиваетъ страсть...

Но тамъ меня отчаянье томило:
Мнѣ чудился, далекій и глухой,
Холодный край, раскинутый уныло
Въ оковахъ льда, подъ шапкой снѣговой...
На праздникѣ плѣнительнаго юга

Мнѣ видѣлась голодная страна;
Забытыхъ селъ—убогая лачуга,
Густыхъ лѣсовъ—угрюмая сосна.

Какъ богатырь, забытый небесами,
Къ полярнымъ льдамъ волшебницей-зимой
Прикованный желѣзными цѣпями,
Давнымъ-давно ты дремлешь, край родной.
И я все жду—съ живительной весною
Проснешься ты, колодникъ-великанъ,
Очнется Русь, какъ бѣшеной грозою
Разбуженный могучій океанъ!

Изъ-подъ снѣговъ сыны былого вѣча
Подымутся дружинами на бой,
И дрогнетъ тьма. Начнется злая сѣча;
Волшебныхъ чаръ не станетъ надъ землей;
Въ родномъ краю, не знавшій лучшей доли,
Безграмотенъ, лицомъ и нравомъ дикъ,
Голодный рабъ, стонавшій лишь отъ боли,
Воскреснешь ты, свободенъ и великъ!

Пускай кругомъ царитъ еще могучій
Тяжелый мракъ, грядущее тая,
Мнѣ чудится порою изъ-за тучи
Сверкнувшая огнистая струя...
Я васъ пою, таинственныя силы,
Пою весну и солнце лучшихъ дней...
Откроются забытыя могилы:
Воскреснетъ жизнь на родинѣ моей...

Проснется жизнь съ весенними громáми
И царство тьмы разсѣетъ навсегда.—
Чу!.. слышите, подъ старыми снѣгами
Уже бѣжитъ и точитъ ихъ вода...
Морозъ куетъ въ послѣдній разъ природу,
Бѣснуется, почуявши тепло...
Кто раньше всталъ—тотъ громко пой свободу,
Чтобъ дрогнуло ликующее зло!

В. И. Немировичъ-Данченко.

Кому на Руси жить хорошо.

(Отрывокъ).

— „Умны крестьяне русскіе,
Одно не хорошо,
Что пьютъ до одуренія:
Во рвы, канавы валятся—
Обидно поглядѣть!“.
Крестьяне рѣчь ту слушали,
Поддакивали барину,
Павлуша что-то въ книжечку
Хотѣлъ уже писать.
Да выискался пьяненькій
Мужикъ,—онъ противъ барина
На животѣ лежалъ,
Въ глаза ему поглядывалъ
Помалчивалъ,—да вдругъ
Какъ вскочитъ! Прямо къ барину—
Хвать карандашъ изъ рукъ!
— „Постой, башка порожняя!
Шальныхъ вѣстей, безсовѣстныхъ
Про насъ не разноси!
Чему ты позавидовалъ?
Что веселится бѣдная
Крестьянская душа?
Пьемъ много мы по времени,
А больше мы работаемъ,
Насъ пьяныхъ много видится,
А больше трезвыхъ насъ.
По деревнямъ ты хаживалъ?..
Возьмемъ ведерко съ водкою,
Пойдемъ-ка по избамъ;
Въ одной, другой навалятся,
А въ третій не притронутся—
И насъ на семью пьющую
Непьющая семья!
Не пьютъ, а также маются;
Ужъ лучше бъ пили глупые,
Да совѣсть такова...

Чудно смотрѣть, какъ ввалится
Въ такую избу трезвую
Мужицкая бѣда, —
И не глядѣлъ бы! Видывалъ
Въ страду деревни русскія?..
Въ питейномъ, что ль народъ?
У насъ поля обширныя,
А не гораздо щедрыя;
Скажи-ка, чьей рукой
Съ весны они одѣнутся,
А осенью раздѣнутся?
Встрѣчалъ ты мужика
Послѣ работы вечеромъ?
На пожнѣ гору добрую
Поставилъ, съѣлъ съ горошину:
— Эй, богатырь, соломинкой
Сшибу, посторонись!—
— „Сладка ѣда крестьянская!
Весь вѣкъ пила желѣзная
Жуетъ, а ѣсть не ѣстъ!
Да брюхо-то не зеркало,
Мы на ѣду не плачемся...
Работаешь одинъ,
А чуть работа кончена,
Гляди, стоятъ три дольщика...
А есть еще губитель-тать
Четвертый, злѣй татарина;
Такъ тотъ и не подѣлится,
Все слопаетъ одинъ!
У насъ присталъ третьеводни
Такой же баринъ плохонькій
Какъ ты, изъ-подъ Москвы.
Записываетъ пѣсенки,
Скажи ему пословицу,
Загадку загани...
А былъ другой—допытывалъ,
На сколько въ день сработаешь,
По малу ли, по многу ли
Кусковъ пихаешь въ ротъ!
Иной угодья мѣряетъ,
Иной въ селенъѣ жителей

По пальцамъ перечтетъ!
А вотъ не сосчитали же,
Поскольку въ лѣто каждое
Пожаръ пускаетъ на вѣтеръ
Крестьянскаго труда?..
Нѣтъ мѣры хмѣлю русскому!—
А горе наше мѣряли?
Работѣ мѣра есть?
Вино валитъ крестьянина,
А горе не валитъ его?
Работа не валитъ?
Мужикъ бѣды не мѣряетъ,
Со всякою справляется,
Какая ни приди.
Мужикъ, трудясь, не думаетъ,
Что силы надорветъ;
Такъ неужели надъ чаркою
Задуматься, что съ лишняго
Въ канаву угодишь?
А что глядѣть зазорно вамъ,
Какъ пьяные валяются,—
Такъ погляди, поди,
Какъ изъ болота волокомъ
Крестьяне сѣно мокрое,
Скосивши, волокутъ.
Гдѣ не пробраться лошади,
Гдѣ и безъ ноши пѣшему
Опасно перейти,
Тамъ рать-орда крестьянская
По кочкамъ, по зажоринамъ
Ползкомъ-ползетъ съ плетюхами,—
Трещитъ крестьянскій пупъ!
Подъ солнышкомъ безъ шапочекъ,
Въ поту, въ грязи по макушку,
Осокою изрѣзаны,
Болотнымъ гадомъ-мошкою
Изъѣденные въ кровь,—
Небось, мы тутъ красивѣе?
Жалѣть—жалѣй умѣючи:
На мѣрочку господскую
Крестьянина не мѣрь!

Не бѣлоручки нѣжные,
А люди мы великіе
Въ работѣ и гульбѣ!..
У каждаго крестьянина
Душа что туча черная—
Гнѣвна, грозна—и надо бы
Громамъ гремѣть оттудова,
Кровавымъ лить дождямъ,—
А все виномъ кончается.
Пошла по жиламъ чарочка—
И разсмѣялась добрая
Крестьянская душа!
Не горевать тутъ надобно,
Гляди кругомъ,—возрадуйся!
Ай парни, ай молодушки,
Умѣютъ погулять.
Повымахали косточки,
Повымахали душеньку,
А удаль молодецкую
Про случай сберегли!..“

Мужикъ стоялъ на валикѣ,
Притоптывалъ лаптишками
И, помолчавъ минуточку,
Прибавилъ громкимъ голосомъ,
Любуясь на веселую,
Ревущую толпу:
— „Эй! царство ты мужицкое,
Безшапочное, пьяное,
Шуми—вольнѣй шуми!..“
— Какъ звать тебя старинушка?—
— „А что запишешь въ книжечку?
Пожалуй, нужды нѣтъ!
Пиши: „Въ деревнѣ Босовѣ
Акимъ Нагой живетъ,
Онъ до смерти работаетъ,
До полусмерти пьетъ!“

Н. А. Некрасовъ.

* * *

Чего хочу?.. чего?.. О! такъ желаній много,
Такъ къ выходу ихъ силѣ нуженъ путь,
Что кажется порой—ихъ внутренней тревогой
Сожжется мозгъ и разорвется грудь.
Чего хочу? Всего, со всею полнотою!
Я жажду знать, я подвиговъ хочу,
Еще хочу любить съ безумною тоскою,
Весь трепетъ жизни чувствовать хочу!
А втайнѣ чувствую, что всѣ желанья тщетны,
И жизнь скупа, и внутренно я хилъ,
Мои стремленія замолкнутъ безотвѣтны,
Въ попыткахъ я запасъ растрачу силъ.
Я самъ себѣ кажусь, подавленный страданьемъ,
Какимъ-то жалкимъ, маленькимъ глупцомъ,
Среди безбрежности затеряннымъ созданьемъ,
Томящимся въ броженіи пустомъ...
Духъ вѣчности обнять заразъ не въ нашей долѣ,
А чашу жизни пьемъ мы по глоткамъ;
О томъ, что́ выпито, мы все жалѣемъ болѣ,
Пустое дно все больше видно намъ;
И съ каждымъ днемъ душѣ тяжеле устарѣлость,
Больнѣе помнить и страшнѣй желать.
И кажется, что жить—отчаянная смѣлость,
Но биться пульсъ не можетъ перестать,
И дальше я живу въ стремленьи безотрадномъ,
И жизни крестъ беру я на себя,
И весь душевный жаръ несу въ движеньи жадномъ,
За мигомъ мигъ хватая и губя.
И все хочу?.. О! такъ желаній много,
Такъ къ выходу ихъ силѣ нуженъ путь,
Что кажется порой—ихъ внутренней тревогой
Сожжется мозгъ и разорвется грудь.

П. Огаревъ.

Свободное слово.

Ты—чудо изъ божьихъ чудесъ,
Ты мысли свѣтильникъ и пламя,
Ты лучъ намъ на землю съ небесъ,
Ты намъ человѣчества знамя.
Ты гонишь невѣжества ложь,
Ты вѣчною жизнію ново.
Ты къ свѣту, ты къ правдѣ ведешь,
Свободное слово!

Лишь духу власть духа дана,
Въ животной же силѣ нѣтъ прока:
Для истины—гибель она,
Спасенье для лжи и порока;
Враждуетъ ли съ ложью—равно
Живитъ его жизнію новой...
Неправдѣ опасно одно—
Свободное слово!

Отрады властямъ никогда
Ни зижди на рабствѣ народа!
Гдѣ рабство, тамъ бунтъ и бѣда;
Защита отъ бунта—свобода.
Рабъ въ бунтѣ опаснѣй звѣрей,—
На ножъ онъ мѣняетъ оковы...
Оружье свободныхъ людей—
Свободное слово!

О, слово, даръ Бога святой!...
Кто слово, даръ божескій, свяжетъ,
Тотъ путь человѣку иной—
Путь рабства преступный укажетъ.
На казни, на вредную рѣчь
Въ тебѣ жъ исцѣленье готово,
О, духа единственный мечъ,
Свободное слово!

К. С. Аксановъ.

Артистъ Е. А. Недѣлинъ.

Стрѣлочникъ.

(Отрывокъ).

Степанъ исправно третій годъ
На мѣстѣ въ Серпуховѣ служитъ.—
Онъ стрѣлочникъ, живетъ не тужитъ,
И службу легкую несетъ.
Дѣвчурка выросла; все счастье,
Отрада жизни—въ ней. Ненастья
Давно прошли, насталъ покой.
Одна забота—дочка Катя.
Она ужъ ходитъ, день-деньской
Лепечетъ, кличетъ: „мама, тятя."
Отецъ души не чаетъ въ ней.
Тепло. Во всемъ разгарѣ лѣто,
Кругомъ все зеленью одѣто,
И мягкимъ золотомъ полей.
Степанъ на стрѣлкѣ; онъ дежуритъ,
Онъ то пройдется, то покуритъ,
То въ будкѣ сядетъ, то зѣвнетъ.—
Тоска... А, вотъ свиститъ машина.
Онъ—къ стрѣлкѣ, влѣво отведетъ
И направляетъ исполина

На новый путь. Взовьется паръ,
Минута—и ужъ онъ промчался,
Какъ сонъ тревожный, какъ кошмаръ.
Завадскій снова принимался
Бродить по шпаламъ въ сотый разъ.
— „Теперь не скоро, ровно въ часъ
Курьерка съ Тулы; къ ней товарка
Навстрѣчу... Время бы поѣсть.
Что жъ Маша,—долго ли принесть
Картошки?.. Какъ на солнцѣ жарко;
Къ дождю должно... А, вотѣ идетъ,
Ведетъ и Катеньку голубку.
Вишь, какъ за материну юбку
Схватилась, думаетъ—уйдетъ."
Пошло веселье, ласки, шутки.
Семья усѣлась возлѣ будки
Картошки ѣсть... „Ну, мнѣ пора,
Сказалъ отецъ. Оставь Катюшку;
Смѣнюсь—мы вмѣстѣ до двора
Придемъ. Катюшка, хошь игрушку?"
— Ей время спать.—„А что жъ, уснетъ,
Я въ будкѣ уложу, укрою.
Здѣсь тепло. Больно мнѣ съ тобою
Пріятственно! Пусть мама идетъ,
А ты останься... травка, птички..."
— Боюсь, на рельсы съ непривычки
Залѣзетъ, ты не подпущай.—
— „Ну вотъ! Подъ тятькиной поддевкой
Тепло, укрой себя съ головкой,
Да спи." И мать ушла: „прощай."
— Не хочу спать!—„Усни, касатка,
Ты слышь, свиститъ? Сейчасъ пройдетъ."
Пошелъ на стрѣлку, сталъ и ждетъ,
И такъ ему тепло и сладко...
Грохочетъ поѣздъ, дымъ и громъ
Все ближе, ближе... Ставъ лицомъ
Туда, откуда поѣздъ мчится,
Онъ ждетъ, не отрывая глазъ.
Въ умѣ одна лишь мысль вертится:
— „Товарку влѣво, на запасъ.—
Пройдетъ курьеръ—назадъ товарный...

Чудно, кажинный разъ боюсь.
Вѣдь знаю, что не ошибусь,
А на запасѣ путь не парный—
И боязно...
Другой свистокъ—
Направо тульскій. Недалекъ
И этотъ, мчится ходко, шибко...
Курьеръ обгонитъ хоть кого."
Взглянулъ онъ вправо, и улыбка
Застыла на устахъ его.
На рельсахъ Катя... „Катя, дочка!..
Ко мнѣ, сюда, съ дороги... прочь!.."
Ужъ онъ не въ силахъ ей помочь.
Ея платокъ, ея сорочка
Мелькаютъ у него въ глазахъ...
Неизъяснимый, жгучій страхъ
Сковалъ его... Куда?.. Налѣво?..
Туда?.. Столкнутся поѣзда...
Вотъ поѣздъ, вотъ онъ, вотъ онъ, эво...
На дочь? . Направо... что?.. куда?.."
Свистъ, грохотъ... свѣтъ въ глазахъ затмился.
А онъ безъ памяти, безъ силъ
Рычагъ всѣмъ тѣломъ надавилъ,
И поѣздъ гладко прокатился
Направо, прямо на нее...
На дочь!.. Онъ самъ дитя свое
Убилъ, того не сознавая...
Курьеръ съ товарнымъ разошлись
И, клубы дыма разсѣвая,
Своей дорогой понеслись.
Степанъ—какъ вкопанный. Блуждаютъ
Глаза его, кругомъ туманъ...
Что было?.. что?.. Сонъ, бредъ, обманъ?..
Взаправду?.. Онъ не понимаетъ...
Пронесся поѣздъ въ дымной мглѣ,
Подъ нимъ, придавленный къ землѣ
Лежалъ ребенокъ... „Катя, Катя!.."
Глядитъ—она жива... встаетъ...
Она бѣжитъ, кричитъ, зоветъ,
Поднявши ручки: тятя, тятя!.."
Онъ къ ней... Нѣтъ силъ, его шатаетъ...

Какъ дубъ, подсѣченный грозой,
Онъ рухнулъ наземь... онъ рыдаетъ,
Смѣется онъ, онъ самъ не свой.
. . . .
. . . .
Передъ отцомъ въ испугѣ Катя,
Понять не можетъ, что же съ нимъ?
— „Нельзя ревѣть такимъ большимъ!
Да кто жъ тебя обидѣлъ, тятя?“

А. Ѳедотовъ.

Работникъ.

Невеселый, убогій чердакъ,
Непріятный, сырой и холодный:
Тамъ работаетъ жалкій бѣднякъ,
Утомленный, больной и голодный...
Ни кровинки въ лицѣ молодомъ,
Все въ безсонную ночь поблѣднѣло,
Только очи сіяютъ огнемъ
Да уста улыбаются смѣло.
Нищета его душитъ порой;
А кругомъ-то—насмѣшки, попреки;
Но зато у него подъ рукой
Выливаются чудныя строки,
Вдохновенная, вѣщая рѣчь
Въ палачѣ воскреситъ человѣка...
Это истины пламенной мечъ,
Крестоносецъ суроваго вѣка!

Боецъ науки всепобѣдной,
Служитель истины святой,
Больной, страдающій и бѣдный,
Неси впередъ твой свѣточъ блѣдный
Надъ полусонною толпой.
Египетъ насъ гнететъ сурово,
Вѣка влачимъ мы цѣпь одну,

Гдѣ жъ огнедышащее слово?
О, Моисей, веди насъ снова
Въ обѣтованную страну!..

Пусть кругомъ все молчитъ, какъ въ тюрьмѣ;
Только стоны звучатъ... замираютъ.—
Вдохновенныя рѣчи во тьмѣ
У него никогда не смолкаютъ.
Пусть онъ боленъ и блѣденъ, и слабъ—
Онъ сильнѣе великой душою,
Чѣмъ въ ярмѣ развратившійся рабъ,
Рабъ, съ тяжелой, какъ молотъ, рукою.
Словно вождь, что готовится въ бой,
Передъ арміей строгій и хмурый,—
Въ типографіи чадной порой
Онъ сидитъ надъ своей корректурой.
Торжество боевое у тѣхъ
Обливается братскою кровью;
У него же оружіе—смѣхъ,
Онъ побѣду вѣнчаетъ—любовью!
Въ старину его ждалъ эшафотъ;
Онъ нерѣдко сидѣлъ за рѣшеткой...
А теперь въ нищетѣ онъ гніетъ
Или, проще, кончаетъ чахоткой.
Но взамѣнъ—такова ужъ судьба—
Нарождаются новые люди:
Непосильная, злая борьба
Не пугаетъ ихъ слабыя груди,—
И безропотно крестъ свой несутъ,
И хоронятъ въ сырыя могилы
Иногда—недоконченный трудъ,
А всегда—благородныя силы.
Имена ихъ святыя порой
Подымаемъ и мы, какъ знамена,
Торжествуя побѣду надъ тьмой,
Надъ упавшей стѣной Ерихона!
Много ль знаетъ ихъ русскій народъ?
Наша нива безплодна—немного!
Пусть и блѣденъ ихъ свѣточъ—впередъ
Онъ ведетъ насъ прямою дорогой.
Отступали мы часто впередъ;

Поколѣнія въ безднахъ смолкали,
Землю всю завоевывалъ адъ,
Дикій мракъ завоевывалъ дали...
И въ отчаяньи падали мы—
Но тогда надъ поникшей толпою
Загорался и въ области тьмы
Блѣдный свѣточъ звѣздой путевою.
Подымался великій боецъ—
И за подвигъ, за вѣщіе звуки
Получалъ онъ терновый вѣнецъ
Нищеты... одиночества, муки!
Пусть чудовища мрака кишатъ,
Пусть таятся пороки и мука,
Пусть охватитъ вселенную адъ,—
Свѣтлый рай намъ воротитъ наука!

Боецъ науки всепобѣдной,
Служитель истины святой!
Больной, измученный и бѣдный,
Неси впередъ твой свѣточъ блѣдный
Надъ полусонною толпой.
Египетъ насъ гнететъ сурово,
Вѣка влачимъ мы цѣпь одну,
Гдѣ жъ огнедышащее слово?
О, Моисей, веди насъ снова
Въ обѣтованную страну!

В. И. Немировичъ-Данченко.

Дары Терека.

Терекъ воетъ, дикъ и злобенъ,
Межъ утесистыхъ громадъ.
Бурѣ плачъ его подобенъ,
Слезы брызгами летятъ.
Но, по степи разбѣгаясь,

Онъ лукавый принялъ видъ.
И, привѣтливо ласкаясь,
Морю Каспію журчитъ:
„Разступись, о старецъ-море,
Дай пріютъ моей волнѣ!
Погулялъ я на просторѣ,
Отдохнуть пора и мнѣ.
Я родился у Казбека.
Вскормленъ грудью облаковъ,
Съ чуждой властью человѣка
Вѣчно спорить былъ готовъ.
Я, сынамъ твоимъ въ забаву,
Разорилъ родной Дарьялъ,
И валуновъ имъ на славу
Стадо цѣлое пригналъ."
Но, склонясь на мягкій берегъ,
Каспій стихнулъ, будто спитъ.
И опять, ласкаясь, Терекъ
Старцу на ухо журчитъ:
„Я привезъ тебѣ гостинецъ!
То гостинецъ не простой:
Съ поля битвы кабардинецъ,
Кабардинецъ удалой.
Онъ въ кольчугѣ драгоцѣнной,
Въ налокотникахъ стальныхъ:
Изъ Корана стихъ священный
Писанъ золотомъ на нихъ.
Онъ угрюмо сдвинулъ брови,
И усовъ его края
Обагрила знойной крови
Благородная струя;
Взоръ открытый, безотвѣтный,
Полонъ старою враждой;
По затылку чубъ завѣтный
Вьется черною космой."
Но, склонясь на мягкій берегъ,
Каспій дремлетъ и молчитъ,
И, волнуясь, буйный Терекъ
Старцу снова говоритъ:
„Слушай, дядя:—даръ безцѣнный!
Что другіе всѣ дары!

Но его отъ всей вселенной
Я таилъ до сей поры.
        Я примчу къ тебѣ съ волнами
Трупъ казачки молодой,
Съ темно-блѣдными плечами,
Съ свѣтло-русою косой.
Грустенъ ликъ ея туманный,
Взоръ такъ тихо, сладко спитъ,
А на грудь изъ малой раны
Струйка алая бѣжитъ.
По красоткѣ молодицѣ
Не тоскуетъ надъ рѣкой
Лишь одинъ во всей станицѣ
Казачина гребенской.
        Осѣдлалъ онъ вороного,
И въ горахъ, въ ночномъ бою,
На кинжалъ чеченца злого
Сложитъ голову свою."
        Замолчалъ потокъ сердитый,
И надъ нимъ, какъ снѣгъ бѣла,
Голова съ косой размытой,
Колыхаяся, всплыла.
        И старикъ во блескѣ власти
Всталъ, могучій какъ гроза,
И одѣлись влагой страсти
Темно-синіе глаза.
        Онъ взыгралъ, веселья полный,
И въ объятія свои
Набѣгающія волны
Принялъ съ ропотомъ любви.

М. Ю. Лермонтовъ.

Артистка М. И. Морская.

Противъ теченія.

Други, вы слышите ль крикъ оглушительный:
— „Сдайтесь, пѣвцы и художники! Кстати ли
Вымыслы ваши въ нашъ вѣкъ положительный?
Много ли васъ остается, мечтатели?
Сдайтеся натиску новаго времени!
Міръ отрезвился, прошли увлеченія—
Гдѣ жъ устоять вамъ, отжившему племени,
Противъ теченія?“

Други, не вѣрьте! Все та же единая
Сила насъ манитъ къ себѣ неизвѣстная,
Та же плѣняетъ насъ пѣснь соловьиная,
Тѣ же насъ радуютъ звѣзды небесныя!
Правда все та же! Средь мрака ненастнаго
Вѣрьте чудесной звѣздѣ вдохновенія,
Дружно гребите, во имя прекраснаго,
Противъ теченія!

Вспомните: въ дни Византіи разслабленной,
Въ приступахъ ярыхъ на божьи обители,
Дерзко ругаясь святынѣ награбленной,
Такъ же кричали иконъ истребители:

— „Кто воспротивится нашему множеству?
Міръ обновили мы силой мышленія—
Гдѣ жъ побѣжденному спорить художеству
Противъ теченія.“

Въ оные жъ дни, послѣ казни Спасителя,
Въ дни, какъ апостолы шли вдохновенные,
Шли проповѣдывать слово Учителя,
Книжники такъ говорили надменные:
— „Распятъ мятежникъ! Нѣтъ проку въ осмѣянномъ,
Всѣмъ ненавистномъ, безумномъ ученіи!
Имъ ли, убогимъ, идти галилеянамъ,
Противъ теченія?“

Други, гребите! Напрасно хулители
Мнятъ оскорбить насъ своею гордынею!
На́ берегъ вскорѣ мы, волнъ побѣдители,
Выйдемъ торжественно съ нашей святынею!
Верхъ надъ конечнымъ возьметъ безконечное!
Вѣрою въ наше святое значеніе
Мы же возбудимъ теченіе встрѣчное
Противъ теченія!

А. К. Толстой.

Полишинель.

Мѣсяцъ блѣдными лучами
Мнѣ нашептываетъ сказку;
Вѣетъ прелестью печальной
На завязку и развязку.
Эта сказка дышитъ былью,
Эта быль полна слезами,
Эти слезы вдохновляютъ
И сближаютъ съ небесами.
— Рѣчь идетъ,—такъ шепчетъ мѣсяцъ,—
О простомъ полишинелѣ;
О душѣ его прекрасной,

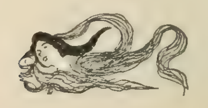
Заключенной въ бренномъ тѣлѣ.
Онъ смѣшонъ. Его движенья
Не обдуманы заранѣ,
Но лишь выйдетъ—и какъ-будто
Просвѣтлѣетъ въ балаганѣ.
Огласятся звонкимъ смѣхомъ
Кресла, стулья и скамейки,
Чуть посыплются остроты
Ядовитыя, какъ змѣйки.
Но, паяцъ не по призванью,
Не такой онъ жаждалъ славы...
Несмотря на то, что точно
Такъ и созданъ для забавы,
Несмотря на то, что съ дѣтства,
Привыкая къ этой роли,
Представлялъ полишинеля
Для товарищей по школѣ...
Но, горбатый и невзрачный,
Не обиженъ онъ судьбою,—
Надѣленъ проникновенной
И возвышенной душою.
Кто, какъ онъ, отзывчивъ сердцемъ?
Кто разсудкомъ столь же гибокъ
И владѣетъ такъ же чудно
Тайной смѣха и улыбокъ?
Чуждый низменныхъ разсчетовъ,
Презирая въ жизни блестки,
Любитъ онъ свое искусство,
Любитъ онъ свои подмостки.
Будь лишь онъ стройнѣе станомъ,
Обладай лицомъ красивымъ,—
На столичной лучшей сценѣ
Сталъ бы трагикомъ любимымъ.
Но, увы! мечты о славномъ,
Героическомъ удѣлѣ,
На бѣду, родятся въ хиломъ
И смѣшномъ полишинелѣ!
И чѣмъ больше полонъ скорби
Обликъ рѣзкій, обликъ хмурый,
Тѣмъ разительнѣе сходство
Съ расписной каррикатурой,

Тѣмъ звучнѣе въ шумной залѣ
Хохотъ слѣва, хохотъ справа,
Тѣмъ восторженнѣе крики:
— „Пульчинелла, браво, браво!"
Лучшій другъ полишинеля—
Молодая Коломбина...
Но, конечно, выйти замужъ
Предпочла за Арлекина.
Что же дѣлать? Согласитесь,
Было бъ шуткой слишкомъ злою,
Если бъ то, что безобразно,
Сочеталось съ красотою.
Но, когда полишинелю
Слишкомъ больно, слишкомъ трудно
Оттого, что полюбилъ онъ
Горячо и безразсудно,—
Въ тѣ мгновенья, только голосъ
Миловидной Коломбины
Воскрешалъ его улыбки,
Разгонялъ его морщины.
И сама она такъ грустно
Говорила съ нимъ вначалѣ,—
Но съ годами понемногу
Измѣнила и печали;
Снова стала шаловлива,
Снова стала дѣлать глазки
И манить его къ восторгамъ
Женской нѣги, женской ласки.
— „Ваши мысли, ваши тайны
Въ томныхъ взорахъ отразились;
Я отлично разгадала,—
Сознавайтесь: вы влюбились?"
Такъ шутила Коломбина,
И, въ отвѣтъ на эти шутки,
Онъ смѣялся и, конечно,
Сыпалъ градомъ прибаутки.
— „Я влюбленъ! Моя богиня,
Хохотунья—королевна.
Я въ любви ей объясняюсь
На подмосткахъ ежедневно,
И въ любви моей несчастной

Даже черпаю усладу,
Если публика довольна
И хохочетъ до упаду!..“
— „Нѣтъ, меня вы полюбили!..“
Коломбина перебила
И прибавила задорно:
— „Это мило, очень мило!“
Улыбается плутовка,
Бьетъ въ ладоши, глазки щуритъ...
Только съ тѣмъ, кто равнодушенъ,
Такъ спокойно балагурятъ!
А межъ тѣмъ полишинелю
Отъ намековъ этихъ жутко;
Коломбина угадала.
Но любовь его—не шутка.
Полюбивъ душою чистой,
Онъ скрываетъ это чувство;
Любитъ тайно, какъ святое,
Вдохновенное искусство.
Даже въ день, когда плясунья
Съ Арлекиномъ обвѣнчалась,
На лицѣ полишинеля
Ничего не отражалось.
Онъ смѣшилъ и самъ смѣялся,
Сыпалъ острыми словами,—
А потомъ всю ночь проплакалъ
Неутѣшными слезами.
Но, назадъ тому съ недѣлю,
Какъ скончалась Коломбина,
Онъ не плакалъ. Замѣнялъ онъ
На подмосткахъ Арлекина.
Арлекинъ—вдовецъ печальный,
Онъ нуждается въ покоѣ,—
Но за то полишинелю
Веселить пришлося вдвое.
И, со смертью въ сердцѣ скорбномъ,
Онъ плясалъ и кувыркался...
Даже ламповщикъ угрюмый
За кулисами смѣялся.
Но, когда замолкли крики,
Улеглись аплодисменты,

Онъ сорвалъ съ себя поспѣшно
Мишуру и позументы,
И тайкомъ изъ балагана,
Позабывъ о снѣ и пищѣ,
Вышелъ за городъ шумливый
На безмолвное кладбище.
Тамъ, надъ прахомъ Коломбины
Отцвѣтали пышно розы,
Лепестки свои роняя
На могилу, точно слезы.
И вокругъ все было тихо,
Все какъ будто притаилось,
Только ночь въ сіяньи звѣздномъ
За усопшую молилась.
И паяцъ на холмъ дерновый
Сѣлъ—и вспомнилъ Коломбину...
Какъ хорошъ онъ въ этой позѣ,—
Хоть пиши съ него картину!
На груди скрестивши руки,
Устремивши къ небу взоры,
Что онъ ищетъ тамъ? очами
Съ кѣмъ ведетъ онъ разговоры?
Онъ и самъ о томъ не знаетъ.
Изваянію подобный,
Онъ умомъ и сердцемъ замеръ,
Точно памятникъ надгробный.
Если бъ зрители случайно,
Въ это скорбное мгновенье,
Посмотрѣли на такое
Небывалое видѣнье,—
То-то всѣ бы хохотали,
Любовались слѣва, справа,
И кричали надрываясь:
— „Пульчинелла, браво, браво!“

К. Н. Льдовъ.



Передъ трупомъ.

—Умеръ? — молвилъ я тихо кому-то
И, не ждавши отвѣта, вошелъ;
Безотрадную въ жизни минуту
Пережилъ я, взглянувши на столъ...
На столѣ, озаренный свѣчами,
Почивалъ мой пріятель. Безъ слезъ,
Но съ гнетущимъ вопросомъ глазами
Я къ знакомому лику приросъ:
Или этотъ покойникъ собою
Представлялъ только трупъ цѣлый вѣкъ,
Или трупъ, созерцаемый мною.
Былъ, какъ прежде, живой человѣкъ?
До того поразительно было
Совершенное сходство во всемъ;
Лишь псалтырщикъ, читавшій уныло,
Могъ о смерти напомнить при немъ...
Какъ при жизни ходилъ ты небритый,
Такъ небритымъ и легъ ты на столъ.
Титулярный совѣтникъ! ужли ты
Даже бритвы себѣ не завелъ?
Въ неизмѣнномъ своемъ вицъ-мундирѣ,
Въ чемъ ты спалъ и на службу ходилъ,
Ты предстанешь и въ будущемъ мірѣ,—
Хоть бы пряжку нарочно забылъ...
Какъ ярлыкъ многолѣтней и тяжкой
Безпорочности въ битвахъ съ нуждой,
И она—эта старая пряжка—
Неразлучно идетъ за тобой...
Не извѣдавъ пристанища въ мірѣ,
Въ обстановкѣ жены и дѣтей,
Ты и умеръ-то даже въ квартирѣ
У почти незнакомыхъ людей,
Пріютившись дня на три, не дольше,
Въ этотъ жалкій чужой уголокъ.
Одинокъ ты въ немъ, право, не больше,
Чѣмъ всю жизнь свою былъ одинокъ;
И все такъ же молчишь ты упорно,

Какъ при жизни, безъ стона, безъ слезъ,
И псалтырщика чтенье покорно
Переносишь, какъ все перенесъ...
Та же робость печально-смѣшная
Разлилась по остывшимъ чертамъ;
Даже руки сложилъ, остывая,
Не на грудь ты, какъ всѣ, а по швамъ.
И мерещится вѣчно такое,
Будто видишь ты этой порой
Выраженье начальника злое,
Слышишь: „чей это почеркъ дурной?“
Перепиской ты началъ карьеру,
Перепиской и кончилъ ее;—
Поддержала лишь смерть твою вѣру
Да воловье терпѣнье твое.
— „Кабы столъ мнѣ!“ твоя золотая,
Заповѣдная дума была...
— Вотъ Ѳома Алексѣичъ,—не чая,
Дослужился и ты до стола...

И. В. Омулевскій.

* * *

Честнымъ порывамъ дай силу свободную,
 Начатый трудъ довершай,
И за счастливую долю народную
  Жизнь всю до капли отдай!
Теплой любви—вѣкового призванія—
  Въ сердцѣ своемъ не гаси,
Чудною силою—свѣточемъ знанія—
  Русь воскреси!

С. Д. Дрожжинъ.

А. М. Ѳедоровъ.

Родина.

Братья, въ комъ сердце застыть не успѣло,
Кто еще молодъ душой,
Къ намъ на защиту великаго дѣла
Шествуйте гордой стопой.
Въ борьбѣ за благо родного народа
Смѣло прольемъ свою кровь,
Нашимъ девизомъ да будетъ свобода,
Знаменемъ свѣтлымъ—любовь!
Родина наша изныла отъ муки,
Скованъ неволей народъ.
Братья, сомкните рабочія руки,
Двинемся дружно впередъ!
Если устанемъ мы въ битвѣ съ врагами,
Если нашъ духъ упадетъ,
Тѣни погибшихъ подымутся съ нами,
Мертвый—живому оплотъ.
Врагъ не щадилъ безоружныхъ, и пали
Въ волны кровавой рѣки
Женщины, дѣти... Ихъ пули пронзали,
Рвали на части штыки...
Гнѣвъ закаляетъ отвагу и силы.
Павшіе къ мести зовутъ.

Горе — убійцамъ! Святыя могилы
Ихъ призываютъ на судъ.
Слава погибшимъ! Мы имъ, какъ молитву,
Пѣсню свободы споемъ.
Съ пѣсней свободы въ кровавую битву
Мы, какъ на праздникъ, пойдемъ;
Братья, побѣда, побѣда за нами!
Правда какъ солнце сильна!
Въ тьмѣ, подъ кипящими злобой волнами,
Вѣстница утра видна;
Хищники ночи безсильны при свѣтѣ.
Если намъ смерть суждена,
Полною грудью вздохнутъ наши дѣти,
Вспомнитъ родная страна.
Смѣло же, братья! Пусть врагъ наготовѣ,—
Правый всегда побѣдитъ...
Капля невинно-пролившейся крови,
Гибельнѣй пули разитъ.

А. М. Ѳедоровъ.

Мученица.

Спокойно стояла она предъ судомъ,
Свободная Рима гражданка,
И громко, съ восторженно-свѣтлымъ лицомъ
Призналась: она христіанка.
Ей лютая пытка и казнь не страшна,
И смерть она приметъ покорно,—
Гоненій за правду пришли времена.
Ей жить съ палачами позорно.
И въ ужасѣ судъ отъ безумныхъ рѣчей
Красавицы гордой и смѣлой!
Имъ жалко, что станетъ добычей звѣрей
Прекрасное нѣжное тѣло.
— „Какъ въ грязную, дикую секту жидовъ
Такая красотка попала?

Нелѣпое стадо клейменыхъ рабовъ!
Однако жъ, какъ много ихъ стало!..
Какъ быстро во тьмѣ разрослося оно—
Его, Назорея, ученье!“
Красавицу въ циркъ отослать рѣшено,
Голоднымъ звѣрямъ на съѣденье.
Она не блѣднѣетъ и въ циркѣ стоитъ
И, вѣры лучами согрѣта,
Пророческимъ окомъ съ восторгомъ глядитъ
На будущность славы и свѣта.
Толпа рукоплещетъ, арена шумитъ...
Она къ истязанью готова.
— „Я вѣрю, я знаю, оно побѣдитъ,
Распятаго вѣщее слово!
Я вижу: кумиры нечистыхъ боговъ
Съ лица исчезаютъ земного...
Мой Богъ воцарится на вѣки вѣковъ,
Богъ равенства, братства святого.
Я вижу: украшены свѣтлымъ крестомъ,
Побѣдно сіяютъ знамена...
Самъ цезарь предъ ними во прахѣ челомъ...
За ними идутъ легіоны.
Великому дѣлу я жизнь отдала;
Побѣда за нами—я вѣрю!“
И съ гордой улыбкой навстрѣчу пошла
Она къ разъяренному звѣрю.

А. Барыкова.

Сумасшедшій.

Кто говоритъ, что я съ ума сошелъ?!
Напротивъ! я гостямъ радешенекъ... садитесь.
Какъ вамъ не грѣхъ? Неужели я золъ!
Не укушу—чего боитесь...
Давило голову, въ груди лежалъ свинецъ...
Глаза мои горятъ, но я давно не плачу—

Я все скрывалъ отъ васъ. Внимайте, наконецъ
Я разрѣшилъ мою задачу!!
Да, господа! міръ обновленъ. Вѣка
Къ благословенному придвинули насъ вѣку...
Вамъ скажетъ всякая приказная строка,
Что счастье нужно человѣку.
Народы поднялись и обнажили мечъ,
Но образумились и обнялись, какъ братья...
Гербы и знамена—все надо было сжечь,
Чтобъ только снять печать проклятья.
Настало царствіе небесное—свѣтло,
Просторно... На землѣ нѣтъ ни одной столицы,
Тирановъ также нѣтъ—и все, какъ сонъ, прошло:
Рабы, оковы и темницы...
Науки царствуютъ: видѣнья отошли,
Одни безумцы ими одержимы...
Чу! слышите—поютъ со всѣхъ концовъ земли
Невидимые херувимы!..
Ликуйте! Вѣчную привѣтствуйте весну!
Свободы райскій гимнъ изъ сердца такъ и рвется!..
И я тянусь, тянусь, какъ лучъ, въ одну струну...
Что если сердце оборвется?!.

Я. П. Полонскій.

Сонъ монахини.

На желѣзную цѣпь ворота заперты,—
Опочила обитель святая;
Не домчится сюда шумъ мірской суеты
И грѣховная пѣснь удалая;
Всюду мракъ и покой,—и темницей сырой
Монастырь этотъ смотритъ уныло;
Сколько жизни цвѣтущей и силы младой
Здѣсь навѣки схоронено было!..

Охватила степная, томящая ночь
Эти кельи—могилы живыя;
Слышна пѣснь соловья: гонитъ сны она прочь
И смущаетъ молитвы святыя...
Ароматомъ весны отъ цвѣтушихъ садовъ
Вѣетъ, словно дыханьемъ любви,
Эта ночь много-много нарушила сновъ,
Зажигая желанья въ крови!..

Въ душной кельѣ святая лампада горитъ,
Въ темный садъ отворилось окно;
Разметавшись въ постели, черница лежитъ,—
Грѣшный сонъ ее мучитъ давно;
Снится ей тотъ чудесный невѣдомый міръ,
Что лежитъ за оградой святою—
Тамъ и пѣсни, и смѣхъ и веселый тамъ пиръ,
Всюду вѣетъ тамъ жизнью иною.

Снится ей, что на балѣ блестящемъ она,
Прислонившись къ колоннѣ, стоитъ—
Любопытства, испуга и нѣги полна,
Въ грудь высокую сердце стучитъ...
И такъ страненъ на ней монастырскій нарядъ—
Эти четки и рясы черницы;
На нее съ изумленьемъ гости глядятъ,
Полны жизни и счастья ихъ лица,

Отдѣлясь отъ толпы, къ ней подходитъ одинъ,
Тихо шепчетъ ей страстныя рѣчи:
— „Сбрось печальный, ненужный нарядъ инокинь
И открой свои юныя плечи;—
И звѣздою роскошной и первою здѣсь
Станешь тотчасъ же, милая, ты!
Полюблю я тебя и отдамся я весь
Дивнымъ чарамъ твоей красоты!“

И, внимая мольбѣ, она нѣжно къ нему
Протянула прекрасныя руки,
Поклялася отдаться навѣки ему,—
И полна была счастья и муки...
И сняла она черный клобукъ съ головы
И, блѣднѣя, откинула прочь,—

И разсыпались до полу, на двѣ волны,
Ея темныя косы, какъ ночь...

Пробудившись мгновенно отъ сладкаго сна,
Оно въ ужасѣ встала съ постели,—
И босая, стыда и испуга полна,
Затворила окно своей кельи;
И, повергнувшись ницъ предъ иконой святой,
Она долго и жарко молилась;
Но мѣшала ей пѣснь соловья,—и душой
Она къ милому сну уносилась...

Ив. Якунинъ.

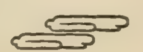
Въ послѣдній разъ.

Изъ В. Мотервелля.

Въ головѣ моей мозгъ хочетъ треснуть,
   Кровью сердце мое истекло,
Измѣняютъ мнѣ ноги... О, Вилли!
Умереть, видно, время пришло.
Приложи свою руку мнѣ къ сердцу
И щекою приникни къ моей,
И скажи, ты меня не забудешь,
Даже тамъ, даже въ царствѣ тѣней?
О, къ чему утѣшать меня? Полно!
Пусть бѣснуется горе въ груди!
Только дай мнѣ наплакаться вволю;
На колѣни меня посади.
Дай обнять твою голову, Вилли,
Дай облить мнѣ слезами ее;
Дай потухшимъ глазамъ наглядѣться
На лицо дорогое твое!
Проклинаю тотъ день, какъ впервые
Образъ твой въ мою душу проникъ!
Рокового съ тобою свиданья

Проклинаю я сладостный мигъ!
И ту рощу, тотъ рай, гдѣ бывало
Не устанемъ всю ночь мы бродить,
И судьбу, что меня допустила
Безпредѣльно тебя полюбить!
О, прости мнѣ, мой милый! Не слушай—
Я сказала тебѣ не въ укоръ!
Но вѣдь я такъ глубоко страдаю:
Вѣдь на долю мнѣ выпалъ позоръ!
Вижу, градомъ внезапныя слезы
Изъ очей покатились твоихъ...
Но о чемъ же ты плачешь, скажи мнѣ?
О грѣхѣ ль? о страданьяхъ людскихъ?
Опостылѣлъ мнѣ міръ этотъ, Вилли!
Я всѣхъ радостей стала чужда;
Чѣмъ была, не могу я остаться
И женой мнѣ не быть никогда.
О, прижми мое сердце больное
Къ своему еще разъ, еще разъ...
Поцѣлуй эти впалыя щеки,
На которыхъ румянецъ погасъ!
Въ головѣ моей мозгъ хочетъ треснуть,
Кровью сердце мое истекло...
Еще разъ передъ вѣчной разлукой
Я твое поцѣлую чело,
Еще разъ - и въ послѣдній, мой милый...
Подогнулись колѣни... прощай...
На кладбище, гдѣ буду лежать я,
Не ходи... надо мной не рыдай.
Этотъ жаворонокъ, звонкою пѣснью
Оглашающій воздухъ полей,
Цѣлый день будетъ пѣть, не смолкая,
Надъ могилою тихой моей.
Эта влажная зелень долины
Скроетъ бѣдное сердце мое,
Что любило тебя такъ безмѣрно,
Какъ тебя не полюбитъ ничье.

А. Н. Плещеевъ.



* * *

...И крики оргіи, и гимны ликованья
Въ сіяньи праздничномъ торжественныхъ огней—
А рядомъ—жгучій стонъ мятежнаго страданья...
И кровь пролитая, и рѣзкій звонъ цѣпей,
Разнузданный развратъ, увѣнчанный цвѣтами—
И трудъ поруганный... Смѣющійся глупецъ
И плачущій въ тиши незримыми слезами,
Затерянный въ толпѣ, непонятый мудрецъ!..
И это значитъ жить?.. И это—перлъ творенья,
Разумный человѣкъ?.. Но въ пошлой суетѣ
И въ пестрой смѣнѣ лицъ—ни мысли, ни значенья,
Какъ съ лихорадочномъ и безобразномъ снѣ...
Но эта жизнь томитъ, какъ склепъ томитъ живого,
Какъ роковой недугъ, гнетущій умъ и грудь,
Въ часы безсонницы томитъ и жжетъ больного—
И некуда бѣжать... и некогда вздохнуть!
Порой прекрасный сонъ мнѣ снится: предо мною
Привольно стелется нѣмая даль полей,
И зыблются хлѣба, и дремлетъ надъ рѣкою
Тѣнистый садъ въ цвѣтахъ и въ золотѣ лучей...
Родная глушь, маня таинственно и внятно,
Зоветъ меня прійти въ объятія свои,
И все, что потерялъ я въ жизни невозвратно,
Вновь обѣщаетъ мнѣ для счастья и любви.
Но не тому сложить трудящіяся руки
И дать бездѣйствовать тревожному уму,
Кто понялъ, что борьба, проклятія и муки—
Не бредъ безумныхъ книгъ, не грезятся ему.
Какъ жалкій трусъ, я жизнь не пряталъ за обманы
И не рядилъ ее въ поддѣльные цвѣты,
Но безбоязненно въ зіяющія раны,
Какъ врачъ и другъ, вложилъ пытливые персты;
Огнемъ и пыткою правдиваго сомнѣнья
Я все провѣрилъ въ ней, боясь себѣ солгать,—
И нѣту для меня покоя и забвенья,
И вѣчно буду я бороться и страдать...

С. Я. Надсонъ.

Артистъ М. Ф. Багровъ.

Во мглѣ.

Была пора,—мы въ міръ вступали
Могучей, твердою стопой;
Сомнѣнья злыя не смущали
Тогда нашъ разумъ молодой.
Мы дѣтски вѣровали въ счастье,
Въ науку, въ правду и людей,
И смѣло всякое ненастье
Встрѣчали грудью мы своей.
Мечты насъ гордо призывали
Жить для другихъ, другимъ служить,
И всѣ мы горячо желали
Не безполезно жизнь прожить.
Мы думали, что близко время,
Когда мы всюду свѣтъ прольемъ,
Когда цѣпей тяжелыхъ бремя
Мы съ мысли скованной сорвемъ,
Когда, какъ дивное сіянье,
Блеснутъ повсюду надъ землей
Свобода, честность, правда, знанье
И трудъ высокій и святой.

Мы выходили на дорогу
Съ желаньемъ пользу принести,
И достигали понемногу
До края нашего пути;
Мы честно шли, и отъ начала
Вплоть до заката нашихъ дней
Звучалъ намъ голосъ идеала:
— „Впередъ за міръ и за людей!"
Но годы тѣ давно промчались:
Жизнь шла обычной чередой...
И съ прошлымъ мы навѣкъ разстались,
И жизнью зажили иной.
Забыли мы свои желанья;
Они прошли для насъ, какъ сны.
И наши прошлыя мечтанья
Намъ стали странны и смѣшны.
Мы входимъ въ міръ, все отрицая.
Безъ жажды пользу приносить;
Нашъ пошлый смѣхъ, не понимая,
Готовъ все свѣтлое клеймить;
Зовемъ мы предразсудкомъ чувство,
Въ груди у насъ сомнѣній адъ,
Сорвавъ вѣнецъ златой съ искусства
Мы увѣнчали имъ развратъ.
И грязь презрѣнія бросая
Въ тѣхъ, кто силенъ еще душой,
Проходимъ жизнь мы, попирая
Святыню дерзкою рукой!..
Проснись же тотъ, въ чьемъ сердцѣ живы
Желанья лучшихъ, свѣтлыхъ дней,
Кто благородные порывы
Не заглушилъ въ груди своей!..
Иди впередъ къ зарѣ познанья,
Борясь съ глубокой мглой ночной,
Чтобъ свѣта яркое сіянье
Блеснуло снова надъ землей!..

С. Я. Надсонъ.

Князь Михайло Репнинъ.

Безъ отдыха пируетъ съ дружиной удалой
Иванъ Васильевичъ Грозный подъ матушкой-Москвой.
Ковшами золотыми столовъ блистаетъ рядъ,
Разгульные за ними опричники сидятъ.
Съ вечерни льются вина на царскіе ковры,
Поютъ ему съ полночи лихіе гусляры;
Поютъ потѣхи брани, дѣла былыхъ временъ,
И взятіе Казани, и Астрахани плѣнъ.
Но голосъ прежней славы царя не веселитъ,
Подать себѣ личину онъ кравчему велитъ:
— „Да здравствуютъ тіуны, опричники мои;
Вы жъ громче бейте въ струны, бояны-соловьи!
Себѣ личину, други, пусть каждый изберетъ—
Я первый открываю веселый хороводъ!
За мной, мои тіуны, опричники мои!
Вы жъ громче бейте въ струны, бояны-соловьи!“
И всѣ подняли кубки. Не поднялъ лишь одинъ;
Одинъ не поднялъ кубка. Михайло князь Репнинъ.
— „О, царь, забылъ ты Бога! Свой санъ ты, царь забылъ!
Опричиной на горе престолъ свой окружилъ!
Разсыпь державнымъ словомъ дѣтей бѣсовскихъ рать!
Тебѣ ли, властелину, здѣсь въ машкерѣ плясать!“
Но царь, нахмуря брови: „Въ умѣ ты, знать, ослабъ.
Или хмѣленъ не въ мѣру? Молчи, строптивый рабъ!
Не возражай ни слова и машкеру надѣнь—
Или, клянусь, что прожилъ ты свой послѣдній день!“
Тутъ всталъ и поднялъ кубокъ Репнинъ, правдивый князь.
— „Опричина да сгинетъ!—онъ рекъ, перекрестясь,—
Да здравствуетъ во вѣки нашъ православный царь!
Да правитъ человѣки, какъ правилъ ими встарь!
Да презритъ, какъ измѣну, безстыдный лести гласъ!
Личины жъ не надѣну я въ мой послѣдный часъ!“
Онъ молвилъ, и ногами личину растопталъ,

Изъ рукъ его на землю звенящій кубокъ палъ...
— „Умри же, дерзновенный!“ царь вскрикнулъ, разъярясь—
И палъ, жезломъ пронзенный, Репнинъ, правдивый князь...
И вновь подъяты кубки, ковши опять звучатъ,
За длинными столами опричники шумятъ.
И смѣхъ ихъ раздается, и пиръ опять кипитъ—
Но звонъ ковшей и кубковъ царя не веселитъ:
— „Убилъ, убилъ напрасно я вѣрнаго слугу!
Вкушать веселье нынѣ я болѣ не могу.“
Напрасно льются вина на царскіе ковры,
Поютъ царю напрасно лихіе гусляры,
Поютъ потѣхи брани, дѣла былыхъ временъ,
И взятіе Казани и Астрахани плѣнъ.

А. К. Толстой.

Сонъ невольника.

Изъ Г. Лонгфелло.

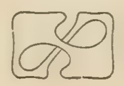
Истомленный, на рисовой нивѣ онъ спалъ,
Грудь открытую жегъ ему зной;
Серпъ остался въ рукѣ; и въ горячемъ пескѣ
Онъ курчавой тонулъ головой.
Подъ туманомъ и тѣнью глубокаго сна
Снова видѣлъ онъ край свой родной.

Тихо царственный Нигеръ катился предъ нимъ,
Уходя въ безграничный просторъ.
Онъ царемъ былъ опять, и на пальмахъ родныхъ
Отдыхалъ средь полей его взоръ.
И звеня и гремя опускалися въ долъ
Караваны съ сіяющихъ горъ.

И опять черноокой царицѣ своей
Съ нѣжной лаской глядѣлъ онъ въ глаза,

И дѣтей обнималъ—и опять услыхалъ
И родныхъ и дѣтей голоса,—
Тихо дрогнули сонныя вѣки его
И съ лица покатилась слеза.
И на борзомъ конѣ вдоль рѣки онъ скакалъ
По знакомымъ роднымъ берегамъ...
Въ серебрѣ повода—золодая узда;
Громкій топотъ звучалъ по полямъ
Средь глухой тишины, и стучали ножны
Длинной сабли коню по бокамъ.
Впереди, словно красный кровавый платокъ,
Ярко-крылый фламинго летѣлъ.
Вслѣдъ за нимъ онъ до ночи скакалъ по лугамъ,
Гдѣ кругомъ тамариндъ зеленѣлъ.
Показались хижины кафровъ, — и вотъ
Океанъ передъ нимъ засинѣлъ.
Ночью слышалъ онъ ревъ и рыканіе льва,
И гіены пронзительный вой;
Слышалъ онъ, какъ въ пустынной рѣкѣ бегемотъ
Мялъ тростникъ своей тяжкой стопой...
И надъ соннымъ пронесся торжественный гулъ,
Словно радостный кличъ боевой.
Миріадой немолчныхъ своихъ языковъ
О свободѣ гласили лѣса;
Кличемъ воли въ дыханьи пустыни неслись
И земли и небесъ голоса...
И улыбка и трепетъ пошли по лицу,
И смежилися крѣпче глаза.
Онъ не чувствовалъ зноя; не слышалъ, какъ
бичъ
Провизжалъ у него надъ спиной...
Царство сна озарила сіяніемъ смерть.
И на нивѣ остался—нѣмой
И безжизненный трупъ: перетертая цѣпь,
Сокрушенная вольной душой.

М. Л. Михайловъ.



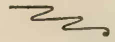
Изъ Эрнста Шернберга.

Только лишь въ буряхъ взрывается страстно
Съ крикомъ: „живи“ молодая весна.
Только лишь въ буряхъ земля полновластно
Рушитъ неволю холоднаго сна.
Пусть разобьются желѣзныя звенья,
Рѣки воспрянутъ отъ мертваго льда.
Крикни, коль жаждетъ душа обновленья:—
Вешнія бури, ломитесь сюда!

Вешнія бури бушуютъ сурово
Во дни пробужденья народныхъ страстей.
Вешнія бури намъ чуются снова
Въ голосѣ нашихъ пророческихъ дней.
Кто передъ ними слабѣетъ душею!
Въ утреннемъ свѣтѣ блѣднѣетъ звѣзда,
Вѣстники блага гремятъ надъ землею:
Вешнія бури, ломитесь сюда!

Братья! Сроднило насъ мысли сіянье!
Въ буряхъ, потомки усталыхъ отцовъ,
Твердо стоимъ мы безъ мукъ колебанья
Съ дружною клятвой отважныхъ бойцовъ.
Пусть мы сегодня сраженные ляжемъ,
Пусть насъ схоронитъ зима:—Не бѣда!
Солнце побѣды мы міру укажемъ.—
Вешнія бури, ломитесь сюда!

А. М. Өедоровъ.



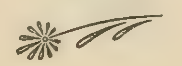
Ермакъ.

Баллада.

За Уральскимъ хребтомъ, за рѣкой Иртышемъ,
На далекихъ отрогахъ Алтая,
Стоитъ холмъ, и на немъ подъ кедровымъ шатромъ
Есть могила совсѣмъ забытая.

Много лѣтъ ужъ стоитъ и курганъ сторожитъ
Этотъ кедръ одинокій угрюмо,
Вкругъ него ни куста, вся вершина пуста
И тиха,—нѣтъ ни звука, ни шума.
Хищный вранъ не летитъ, дикій звѣрь не бѣжитъ
Этимъ мѣстомъ: здѣсь кроется диво.
Заколдованъ курганъ, съ нимъ и кедръ великанъ,
Что разросся такъ пышно, красиво.
Говорятъ, что подъ нимъ великанъ-исполинъ,
И въ броню и въ кольчугу одѣтый,
Безпокойно лежитъ, потому что зарытъ
По обряду отцовъ не отпѣтый.
Триста лѣтъ, говорятъ, это было назадъ,—
Рыбаки въ Иртышѣ неводили,
И въ мережѣ одной здѣсь на берегъ крутой
Вмѣсто рыбъ мертвеца притащили.
Былъ въ бронѣ боевой, былъ въ кольчугѣ стальной,
Росту страшнаго пойманный въ сѣти,
И дивились ему, великану тому,
Рыбаки простодушные эти.
Но, не зная, какъ быть, какъ покойника сбыть,
Чтобъ на грѣхъ не затѣять бы дѣла,
Порѣшили все скрыть и скорѣе зарыть
Это мертвое, страшное тѣло.
И съ тѣхъ поръ, только день перейдетъ въ ночи тѣнь,
Изъ могилы покойникъ выходитъ
И всю ночь напролетъ по холму взадъ-впередъ
Съ тяжкимъ стономъ задумчиво бродитъ.
Этотъ стонъ гробовой надъ уснувшей землей
По расщелинамъ горъ раздается,
Ужасая собой даже кедръ вѣковой,
Что отъ стоновъ отъ этихъ трясется.
Есть въ народѣ молва, что порою слова
Можно слышать:—„Къ могилѣ склонитесь,
Я донской былъ казакъ, по прозванью Ермакъ.
О покоѣ моемъ помолитесь“.

А. А. Д.



Сны.

Я видѣлъ: былъ въ огнѣ отъ зноя сводъ небесный,
Горѣла грудь земли, но въ сладостной тѣни
Разнѣжились рабы подъ кущею древесной.
И хорошо рабамъ—блаженствуютъ они!
Имъ снятся чудеса. Одинъ, какъ храбрый воинъ,
Сражается въ рядахъ такихъ же храбрецовъ,
И не пощечинъ онъ, а лавровъ удостоенъ,
И не слѣдовъ плетей, а вражескихъ рубцовъ.
Другой рожденъ вѣщать про доблесть и свободу,
И, стоя выше всѣхъ ничтожныхъ золъ людскихъ,
Уроки подаетъ мятежному народу
Въ своей родной странѣ, на стогнахъ городскихъ.
А третій... Онъ теперь вкусилъ утѣхи рая:
Увѣнчана его завѣтная любовь,
И, нѣгой истомленъ, дрожа и замирая,
Въ бреду обѣтъ любви онъ шепчетъ вновь и вновь!
„Проснитесь!“ говоритъ имъ жгучій блескъ лазури.
„Проснитесь!“ вопіетъ имъ нестерпимый зной:
„Не вамъ мечтать о томъ, какія въ жизни бури
Не вамъ судить про то, что сдѣлалъ бы герой!“
Но можно ль разбудить того, кто хоть въ мечтаньи,
Хоть въ мимолетномъ снѣ свободу испыталъ,
Того, кто въ первый разъ съ подругой на свиданьи,
Того, кто, наконецъ, храбрѣйшимъ смертнымъ сталъ?..
Ихъ непробуденъ сонъ... Вдругъ тихій отдаленный
Раздался гдѣ-то звукъ хозяйскаго бича—
И прянули, дрожа, ораторъ и влюбленный,
И первый паладинъ свободнаго меча.

С. А. Сафоновъ.

Артистка А. А. Пасхалова.

Городъ вдали.

Тамъ внизу, въ полукругломъ просвѣтѣ холмовъ,
Виденъ городъ вдали.
Тамъ, за блѣдными пятнами селъ и лѣсовъ,
Гдѣ сливаются краски полей и луговъ,
Чуть мерещится городъ вдали.
Не дома, не сады,—что-то тѣнью большой
Залегло сквозь туманъ.
Какъ безстрастье надъ много страдавшей душой,
Какъ усталость надъ много дерзавшей мечтой,
Легъ надъ городомъ мутный туманъ.
Изъ живыхъ испареній труда и страстей
Сотканъ мглистый покровъ.
Изъ пылинокъ, изъ дыма, изъ брызгъ, изъ тѣней,
Изъ дыханій и криковъ несчетныхъ грудей
Сотканъ въ воздухѣ мглистый покровъ.
Между городомъ буйнымъ и взоромъ моимъ
Онъ повисъ навсегда,
Ибо утро и полдень безсильны надъ нимъ.
Храмы, тюрьмы, дворцы для меня, точно дымъ,
Въ отдаленьи слились навсегда.

Лишь порою закатъ стрѣловиднымъ лучемъ
Мглу пронижетъ на мигъ.
И предъ тѣмъ, какъ исчезнуть во мракѣ ночномъ,
Дальній городъ людей угрожающимъ сномъ
Открывается взору на мигъ.

Н. М. Минскій.

Безъ любви.

На мотивъ Теодора Штормана.

Я вѣрила ласкамъ твоимъ, какъ святынѣ,
Мечтала въ нихъ правду найти—
И все поняла я,—не вѣрю отнынѣ,
Не надо объятій—пусти...
Ты думалъ, желаньемъ минутнымъ волнуемъ,
Что сердце подъ ласкою спитъ.
И ты—ты шутилъ, не любя, поцѣлуемъ—
Но этого Богъ не проститъ!
Богъ видитъ неправду: мнѣ страшны объятья,
Въ нихъ—сердце сжигающій ядъ.
Мой ангелъ въ слезахъ: на устахъ, какъ проклятья,
Твой поцѣлуи горятъ.
Уйди—ты узнаешь мученія вскорѣ,
Знай—совѣсть тебя истомитъ...
Меня, не любя, цѣловалъ ты на горе...
И этого Богъ не проститъ!
Любви поцѣлуй передъ Богомъ святится,
Любви поцѣлуй—благодать,
Когда въ немъ любовь можетъ съ правдою слиться,
Но грѣхъ—безъ любви цѣловать.
Уйди!.. Измѣнить мнѣ былого нѣтъ силы,
А сердце тоскуетъ, болитъ...
Меня, не любя, цѣловалъ ты... о, милый,
Пусть Богъ тебѣ грѣхъ твой проститъ!

М. Гербановскій.

Лѣсная сказка.

Дубъ и береза рядомъ въ лѣсу зеленѣли,
Дружно шептались, тайны храня отъ другихъ.
Въ зависти черной хмурились сосны и ели;
Въ злобѣ осины сплетни пускали про нихъ.
Робко и рѣдко
Дубъ къ ней касался вѣтвями,
Хоть ни покоя въ страсти не зналъ онъ, ни сна.

Вздрогнувъ, сосѣдка
Строго качала кудрями,—
И отъ объятій все уклонялась она.
Вдругъ налетѣла буря, какъ смерти угроза,
Съ громомъ и блескомъ въ лѣсъ направляя свой путь.
Падали съ трескомъ ели кругомъ... И береза,
Вскрикнувъ, упала—къ другу на вѣрную грудь.

Дни пролетѣли.
Онъ осушилъ ея слезы,
Лаской любовной раны ея излѣчилъ;
Свадьбу имъ спѣли радостнымъ хоромъ стрекозы
И соловей ихъ гимномъ своимъ союзъ освятилъ...
И перестали хмуриться сосны и ели.
И присмирѣли листья коварныхъ осинъ.
Слившись кудрями, дубъ и береза шумѣли
Съ юности вешней и до осеннихъ сѣдинъ.

Если жъ мятежный
Вихрь налеталъ, и съ испугу
Дико метался трепетный лѣсъ и стоналъ,—
Крѣпко и нѣжно къ сердцу прижавши подругу,
Дубъ противъ бури гнѣвно вѣтвями махалъ...
Снѣгомъ покрыты, словно парчею нарядною,
Спали деревья... И, какъ разбойникъ и воръ,
Хищно подкрался къ нимъ человѣкъ безпощадный.
Въ тѣло березы звонко вонзилъ онъ топоръ.

Съ крикомъ жестокимъ
Вырвалъ онъ жадной рукою
Трупъ изъ объятій, весь изрубилъ и увезъ...,

И одинокимъ
Дубъ пробудился весною,—
И оросилась грудь его каплями слезъ...

А. Колтоновскій.

Побѣжденные.

Изъ Ады Негри.

Сотни ихъ... тысячи... словно морскія
Волны шумящія, вѣтромъ гонимыя,
Движутся полчища эти людскія
Неисчислимыя.
Движутся медленно такъ... рядъ за рядомъ
Волны подходятъ, тяжелыя, ровныя...
Впалыя очи съ горячечнымъ взглядомъ,
Лица безкровныя!
Вотъ подошли ко мнѣ!.. Море разбитыхъ
Жизней въ борьбѣ за грядущее темное;
Грубыхъ одеждъ и головъ непокрытыхъ
Море огромное.
Вотъ окружаютъ—сомкнулись... И ясно
Слышу я медленный хрипъ ихъ дыханія,
Голосъ проклятій, звучащихъ напрасно,
Вздохи, стенанія:
— „Отъ очаговъ мы пришли разоренныхъ,
Гдѣ подъ золою ни искры не тлѣетъ;
Съ бѣдныхъ постелей, гдѣ въ мукахъ безсонныхъ
Тѣло слабѣетъ.
Изъ шалашей, изъ землянокъ пришли мы;
Мрачно ползутъ по землѣ наши тѣни—
Скорби исполненный, необозримый
Сонмъ привидѣній!..
Лучъ идеала сіялъ намъ въ ненастье;
Это сіяніе насъ обмануло.
Счастья любви мы искали; и счастье

Насъ оттолкнуло.
Трудъ насъ отвергъ,—хоть и были бы рады
Силы отдать мы и ночи безсонныя.
Гдѣ же исходъ? гдѣ надежда?.. Пощады!
Мы побѣжденные.
Всюду подъ солнцемъ, въ лучахъ его жгучихъ
Всюду живетъ и смѣется, ликуя,
Счастье труда и усилій могучихъ,
И поцѣлуя.
Трудъ и умы призываетъ и руки:
Мощь ихъ желѣзо и паръ покоряетъ;
Смѣлымъ борцамъ яркій свѣточъ науки
Путь озаряетъ.
Тысячи жизней на подвигъ стремятся,
Къ жертвѣ святой отъ станка и отъ плуга:
Тысячи устъ опьяненныхъ томятся
Жаждой другъ друга...
Мы только лишніе! Къ жизни порогу
Дали намъ стать, но во храмъ не впустили;
Всюду незримыя стѣны дорогу
Намъ преградили.
Кѣмъ же воздвигнуты эти преграды?
Чьимъ же проклятьемъ на вѣкъ осужденные,
Жить не имѣемъ мы права?.. Пощады!
Мы побѣжденные!"

С. Свиридова.

„Слушай!"

Какъ дѣло измѣны, какъ совѣсть тирана,
Осенняя ночка черна.
Чернѣе той ночи встаетъ изъ тумана
Видѣніемъ грознымъ тюрьма.
Кругомъ часовые шагаютъ лѣниво;
Въ ночной тишинѣ, то и знай,
Какъ стонъ раздается протяжно, тоскливо:
„Слушай!"

Хоть крѣпки высокія стѣны ограды,
Желѣзные крѣпки замки,
Хоть зорки и ночью тюремщиковъ взгляды
И всюду сверкаютъ штыки;
Хоть тихо внутри, но тюрьма не кладбище,
И ты, часовой, не плошай:
Не вѣрь тишинѣ, бирегися, дружище!
„Слушай!“

Вотъ узникъ вверху за рѣшеткой желѣзной
Стоитъ, прислонившись къ окну,
И взоръ устремилъ онъ въ глубь ночи беззвѣздной
И словно впился въ тишину...
Ни звука, порой лишь собака зальется,
Да крикнетъ сова невзначай,
Да мѣрно внизу подъ окномъ раздается:
„Слушай!“

Не дни и не мѣсяцы—долгіе годы
Въ тюрьмѣ осужденъ я страдать,
А бѣдное сердце такъ жаждетъ свободы...
Нѣтъ, дольше не въ силахъ я ждать.
Здѣсь штыкъ или пуля, тамъ воля святая...
Эхъ, темная ночь, выручай!
Будь узнику ты хоть защитой, родная...
„Слушай!“

Чу, шелестъ, вотъ кто-то упалъ, приподнялся,
И два раза щелкнулъ курокъ...
Кто идетъ! Тѣнь мелькнула и выстрѣлъ раздался,
И ожилъ мгновенно острогъ.
Огни засверкали, забѣгали люди...
„Прощай, жизнь, свобода, прощай!“
Прорвалося съ воплемъ изъ раненой груди...
„Слушай!“

И снова все стихло, на небѣ несмѣло
Луна показалась на мигъ,
И словно сквозь слезы изъ тучъ поглядѣла,
И скрыла заплаканный ликъ.
Внизу жъ часовые шагаютъ лѣниво...
Въ ночной тишинѣ, то и знай,
Какъ стонъ раздается протяжно, тоскливо:
„Слушай!“

И. И. Гольцъ-Миллеръ.

Двѣ сестры милосердія.

Изъ П. Беранже.

У стопъ Аллы, въ предсѣньи рая,
Сошлась отшельница младая
Съ альмэ, плясуніей площадной,
Гаремовъ жрицею нѣмой:
Онѣ къ пресвѣтлой райской двери
Предстали, кончивъ дни свои:
Одна на легкихъ крыльяхъ пери,
Другая на крылахъ любви.
Изъ устъ привратника имама
Слова обычныя селяма
Онѣ прослушали... Потомъ,
Склонясь нахмуреннымъ челомъ:
— „Всякъ человѣкъ корану слѣдуй!"
Сказалъ имамъ: „иль будь во тьмѣ,
Иль жизнь пророку исповѣдуй!"
И улыбнулся онъ альмэ.
— „Въ дворцахъ и въ хижинахъ," сказала
Отшельница: „я проливала
На раны страждущихъ людей
Медъ и цѣлительный елей."
— Я всѣ серали покорила, —
Альмэ сказала старику:—
Но часто, часто подносила
Щербетъ султана бѣдняку.
— „Имамъ! отшельница гласила:
Я поучала, что могила—
Всѣмъ пристань на земномъ пути,
Что должно къ ней одной идти!"
— Имамъ! ты вѣдалъ сладострастье?
Альмэ спросила.—Можетъ быть,
Со мною вѣрили и въ счастье:
Я заставляла жизнь любить.
— „Я именемъ Аллы просила
Для нищихъ братій," говорила
Раба пророка: „и Творца
Благословляли ихъ сердца..."

— А я, — пророкъ мнѣ будь свидѣтель,—
Альмэ сказала:—я порой
Спасала честь и добродѣтель
Моею ласкою одной.

— „Войди, войди, чета младая!—
Имъ отвѣчалъ привратникъ рая.—
Обѣихъ васъ любовь вела—
И васъ зоветъ къ себѣ Алла,
Всегда того принять готовый,
Кто осушилъ хоть каплю слезъ,—
Носилъ ли онъ вѣнокъ терновый,
Носилъ ли онъ вѣнокъ изъ розъ.“

А. Л. Мей.

* * *

Ты хочешь знать завѣтной тайны слово
И жизни цѣль, и смыслъ ея задачъ,
Поднять хоть край туманнаго покрова—
Плачь, скорбно плачь, въ тиши безмолвно плачь!
Быть можетъ, слезъ источники живые
Еще кипятъ на днѣ твоей души;
Оставь свои вопросы роковые...
Плачь, скорбно плачь, безмолвно плачь въ тиши!

Что міръ тебѣ—огромная темница,
Твой сторожъ—страхъ, судьба—слѣпой палачъ;
Настанетъ часъ, и жребій твой свершится...
Оплачь его, въ тиши одинъ оплачь!
Что жизнь твоя? Раздумья мигъ безплодный
Межъ двухъ нѣмыхъ зіяющихъ пучинъ;
Вокругъ нея клубится мракъ холодный...
Свою судьбу оплачь въ тиши одинъ!
Но не ищи, не требуй жадно свѣта,
Загадку мглы извѣдать не спѣши!
Настанетъ часъ, дождешься ты отвѣта...
Плачь, скорбно плачь, безмолвно плачь въ тиши!

В. Танъ.

Н. П. Розенгеймъ.

Пустая церковь.

Вечерня отошла, послѣдній возгласъ клира
Замолкъ подъ сводами, волнуется народъ,
Молитва кончена, и снова голосъ міра
Въ растворенную дверь дѣтей своихъ зоветъ.
Покорная ему, спѣшитъ толпа густая—
Тѣ къ отдыху, домой, а тѣ—къ ночнымъ трудамъ.
Кто набожно крестясь, кто нищихъ одѣляя,
Народъ расходится, пустѣетъ Божій храмъ.
Пустѣетъ... только тамъ старушка у иконы
Да дряхлый инвалидъ осталися одни,
И тѣ, спѣша уйти, послѣдніе поклоны
Творятъ размашисто; вотъ вышли и они.
За ними вслѣдъ прошелъ священникъ торопливо,
И звукъ его шаговъ, на каменномъ полу,
Замолкъ на паперти, и сторожъ молчаливый
Лампады потушилъ и тихо сѣлъ въ углу.
Послѣдній солнца лучъ, въ окошко проникая,
Скользитъ и движется по стѣнамъ и столбамъ,
И лики темныя, какъ будто оживая,
Глядятъ таинственно, являясь тутъ и тамъ.
Порой блеснетъ окладъ, мелькнетъ рѣзная рама,
Иль сцены библіей завѣщанныхъ картинъ;

Кругомъ и полумракъ и тишь пустого храма...
Вотъ сторожъ задремалъ. Теперь я здѣсь одинъ.
Одинъ... нѣтъ не одинъ... Мнѣ слышится рыданье:
Здѣсь горе и печаль, здѣсь люди быть должны;
Еще здѣсь кто-то ждалъ, тая въ груди страданье,
Уединенія, безлюдья, тишины.
Ищу, кто бъ это былъ? Чье горе, укрываясь,
Пришло наединѣ излиться предъ Творцомъ?
Вотъ группа... женщина, слезами заливаясь,
Съ малютками-дѣтьми склонилась предъ крестомъ.
Невидимъ за столбомъ, я вижу ихъ свободно.
Бѣдняжка думаетъ, что здѣсь она одна,
И, предъ Распятіемъ припавъ къ плитѣ холодной,
Рыдаетъ, жаркою мольбой поглощена,
Какъ будто хочетъ все, весь гнетъ сердечной боли,
Въ ней вылить изъ души растерзанной своей.
Малютки—старшему девятый годъ не болѣ—
Сробѣли бѣдные и плачутъ вмѣстѣ съ ней.
Сынишка, къ матери припавъ и обнимая,
— „Не плачь, мамашенька,“ ей нѣжно говорилъ:
„Скажи мнѣ, кто тебя обидѣть могъ, родная?
Скажи, я заступлюсь, Господь пошлетъ мнѣ силъ...“
И гнѣвомъ и мольбой горятъ его глазенки,
И судорожно сжатъ безвредный кулачокъ;
А рядомъ дѣвочка, сложивъ свои рученки,
Глядитъ сквозь слезъ на мать, и дѣтскій голосокъ
Лепечетъ: „Господи! Утѣшь ее, мамашу,
Я буду умница, не стану я грѣшить,
Тебѣ вѣдь можно все,—верни скорѣй папашу,
Чтобы не плакать намъ, и въ черномъ не ходить.“
И группу скорбную, какъ будто осѣняя,
Воздвиглося надъ ней Распятье въ высотѣ;
И, къ плачущимъ съ него объятья простирая,
Склонился праведникъ, распятый на крестѣ;
Забывъ о собственномъ страданіи суровомъ,
Покрытый язвами и кровію облитъ,
Склонилъ Онъ блѣдный ликъ въ вѣнкѣ Своемъ терновомъ,
И, полный благости, съ любовію глядитъ.
Случайно освѣщенъ въ тотъ мигъ лучемъ заката,

Онъ, мнится, говоритъ имъ взглядомъ кроткихъ глазъ!
— „Идите всѣ ко мнѣ, кого гнететъ утрата,
Ко мнѣ, скорбящіе, я успокою васъ!"

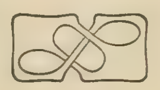
Н. П. Розенгеймъ.

Два голоса.

Голосъ съ горы раздается призывомъ свободнымъ, могучимъ,
И перекатами гордо несется по каменнымъ кручамъ,
И долетаетъ въ равнину: „Взбирайтесь на скалы крутыя,
Смѣло—до самой вершины, гдѣ шапки блестятъ снѣговыя.
Яркое солнце тамъ, синее небо и воздухъ прозрачный.
Нѣтъ тамъ ни горя, ни злобы, ни зависти черной и мрачной."

Голосъ отвѣтный печально и тихо несется съ равнины:
— „Люди сжилися съ туманомъ и скорбью болотной трясины.
Гдѣ имъ взбираться на скалы! Тамъ вольныя птицы гнѣздятся.
Узники къ тьмѣ привыкаютъ и яркаго свѣта боятся
Что имъ свобода? Когда имъ въ тюрьмѣ веселѣй и теплѣе.
Полно смущать ихъ напрасно! Замолкни скорѣе!"

В. Башкинъ.



Кукла.

Изъ Вл. Сырокомли.

Не плачь, моя кукла, не будь своенравной:
Умненько сиди, не мотай головой!
Послушай—о чемъ говорили недавно
Папа и мамаша со мной.
Мнѣ къ празднику платье сошьютъ—заглядѣнье!
Я къ этому времени буду ужъ знать
Молитвы французскія: мы въ воскресенье
Поѣдемъ къ обѣднѣ опять.
А наши крестьяне—вотъ будутъ дивиться
И, слыша молитву, качать головой!
Вѣдь мнѣ неприлично по-польски молиться,
Какъ будто мужичкѣ простой.
Но тихо—по польски просить буду Бога,
Чтобъ мнѣ хорошѣть и рости поскорѣй,
Чтобъ далъ онъ папашѣ такъ много, такъ много
И бѣлыхъ и желтыхъ грошей!...
Ужъ какъ же папаша мой любитъ монеты!
И служитъ молебны, и въ церковь даритъ;
— „Господь,—говоритъ онъ:—заплатитъ за это,
И больше въ сто разъ возвратитъ.“
Такъ вотъ онъ и молитъ усердно у Бога,
И Богъ ему больше и больше даетъ
И скоро накопится денегъ такъ много,
Что потеряемъ и счетъ.
Ахъ, кукла! какая ты, право, смѣшная!
Ты думаешь: Богъ къ намъ появится Самъ,
Иль спустится съ деньгами ангелъ изъ рая
И деньги отдастъ эти намъ?
Нѣтъ,—явится жидъ въ длиннополомъ кафтанѣ
И будетъ онъ деньги папашѣ носить;
За деньги мы купимъ крестьянъ, а крестьяне
Намъ будутъ и жать и косить.
Ты знаешь ли, кто мы? Мы паны, я панна,
А это—холопы, рабочій народъ!
Самъ Богъ имъ велѣлъ, чтобъ они постоянно
Трудились для насъ,—для господъ.

Фи, какъ они грубы, нечисты и пьяны.
Въ дырявыхъ сермягахъ, всегда безъ сапогъ...
Да кто жъ виноватъ въ томъ! Не слушаютъ пана;
За то и караетъ ихъ Богъ.
Папа любитъ лошадь, мамаша—собачку.
Холоповъ же всякій ругаетъ и бьетъ.
Хоть жаль, а нельзя же давать имъ потачку:
Такой ужъ упрямый народъ.
Вчера вотъ: папа отдыхалъ въ кабинетѣ,
Они же—ну, право, ихъ мало бранятъ!—
Вошли, натоптали слѣдовъ на паркетѣ...
— „Ѣсть нечего, баринъ!“ кричатъ.
За то были выгнаны вонъ и прибиты...
Ну, право, когда я начну управлять,—
Пока эти люди не будутъ всѣ сыты,
До тѣхъ поръ не лягу я спать!
Уснешь ли спокойно, когда тутъ толпится
Голодный народъ у окна, у воротъ?
Пожалуй, какой-нибудь нищій приснится
И въ сумкѣ съ собой унесетъ...
А пуще боюсь, чтобы Боженька съ неба
Не зналъ, какъ мы злы съ бѣдняками...
Попросимъ же, кукла, здоровья и хлѣба
Холопамъ, и папѣ, и мамѣ!

С.

Идеалъ.

Онъ свѣтитъ, какъ маякъ, надъ бездною морскою,
Суля намъ тихій рай за далью непогодъ,
Онъ говоритъ душѣ, истерзанной тоскою:
„Впередъ! безъ отдыха впередъ!“
О, кто онъ, дивный вождь? Сквозь этотъ мракъ ненастный
Куда стремится онъ? Кто, дерзкій, хоть во снѣ
Черты его видалъ?—Плѣнительно-прекрасны—
Иль полны ужаса онѣ?
Чему еще вчера молились съ умиленьемъ—

Сегодня стало прахъ, разсѣялось, какъ сонъ,
И то, что въ этотъ мигъ зовется преступленьемъ,—
Святыня завтра и законъ!
Свобода, разумъ, честь, любовь, отчизна, вѣра...
Нѣтъ образамъ твоимъ и именамъ числа.
Ты зажигалъ костры, ты двигалъ изувѣра,
Ты вдохновлялъ бойца на славныя дѣла.
Какъ жаждалъ міръ тебя!... Ты созидалъ кладбища,
Ты посылалъ на смерть невинныхъ и святыхъ—
И все остался чистъ... Какъ воздухъ, солнце, пища,
Какъ радость бытія, ты нуженъ для живыхъ!
Падетъ, падетъ вѣнецъ съ святыни беззаконной,
Предъ свѣточемъ ума померкнутъ ложь и зло.
И изъ развалинъ ты, какъ фениксъ возрожденный,
Поднимешь свѣтлое чело!

П. Я.

* * *

Распни его! Распни! Варравѣ дай свободу!
Вопила яростно толпа—и ей въ угоду
Позорно пролита была святая кровь
Того, кто возвѣстилъ прощенье и любовь...
Съ тѣхъ поръ прошли вѣка. Свершилось искупленье—
И озарило міръ великое ученье:
Пріявшему отъ насъ и муки, и хулы
Возносимъ мы теперь молитвы и хвалы;
Но втайнѣ, внутренно, мы тѣ же фарисеи!
Во мглѣ житейскихъ дрязгъ заря живой идеи
Порою чуть блеснетъ — ужъ въ трепетныхъ сердцахъ
Испытываемъ мы смятеніе и страхъ;
А если прозвучитъ нежданно и сурово
Отважнаго ума бичующее слово—
О! въ тѣ мгновенія, ретивы и дружны,
Безумно яростной враждой ослѣплены,—
Мы полчищу варравъ предать себя готовы,
Чтобъ наложить на мысль безмолвія оковы;
Варравы насъ тогда не устрашаютъ, нѣтъ:
Мы передъ истиной дрожимъ—намъ страшенъ свѣтъ!

В. С. Лихачевъ.

Сбѣжавшая больная.

Стонетъ, мечется малютка,—
Душно ей, въ подушкахъ жарко...
Вьются тѣни надъ свѣтильней
Догорѣвшаго огарка.
Мама спитъ, и, со слезою
На глазу, не замѣчаетъ,
Какъ въ окошко синимъ блескомъ
Ночь таинственно мерцаетъ.
Какъ ея больная дочка
Привстаетъ,—глядитъ,—не знаетъ,
Ночь ли ей въ окно мигаетъ
Или дерево киваетъ?
Вотъ она съ своей постельки
Поднялась—и черезъ сѣни
Пробирается украдкой
Въ сумракъ сада легче тѣни...
Жаръ, знобитъ... она чуть дышитъ...
Губки сухи,—ножки босы,—
До локтей висятъ густыя
Растрепавшіеся косы...
Вотъ она цѣлуетъ розу,—
Вотъ, впивая запахъ тонкій,
Жадно ловитъ вѣтвь сирени
Ослабѣвшею рученкой...
И ей кажется, растенья
Ей лепечутъ: „Ты земною
Красотой налюбовалась—
И простись, простись съ землею!..“
И, закинувши головку,
Вверхъ глядитъ она, нѣмая...
Видитъ: по небу дорожка
Пролегаетъ золотая...
И плывутъ по той дорожкѣ
Звѣзды съ ясными очами,
И мигаютъ ей, и машутъ
Золотыми вѣерами...

И ей кажется, тѣ звѣзды
Ей лепечутъ: „Ты земною
Красотой налюбовалась—
И простись, простись съ землею.
Къ намъ!..“ И звѣзды улыбнулись
И она имъ улыбнулась.
И лучисто-золотая
Къ ней дорожка протянулась.
И бѣжитъ, бѣжитъ малютка
Къ тѣмъ звѣздамъ по той дорожкѣ
И не чувствуетъ, какъ стынутъ
Подкосившiяся ножки...
И ужъ врядъ ли скажетъ людямъ,
Гдѣ,—куда ушла...
Не дышитъ,
И,—какъ мама ищетъ, кличетъ,
Какъ кричитъ надъ ней, не слышитъ.

Я. П. Полонскiй.

Проѣзжайте.

Что вы смотрите такъ подозрительно
На заплаты одежды моей?
Или прихоть пришла—снисходительно
Бросить мнѣ пору мѣдныхъ грошей?
Вы сегодня добры удивительно—
Благодаренъ я вамъ отъ души,
Только знайте:
Не помогутъ мнѣ ваши гроши...
Проѣзжайте!..

Было время,—съ какою охотою
Надъ работой я грудь надрывалъ!..
Я боролся съ нуждой да заботою,
Но не могъ устоять... и упалъ!..
А теперь ничего я не дѣлаю,

Что добуду—тащу все въ кабакъ...
Ну, да, что же? Я пьяница, нищій...
И такъ...
Проѣзжайте!

Было время,—рукою несмѣлою
Я стучался у вашихъ дверей;
Да, я съ матерью жилъ престарѣлою
И съ несчастной сестрою моей;
А теперь я къ вамъ шагу не сдѣлаю—
Миновала невзгоды пора:
Знайте—
Мать умерла... а сестра...
Проѣзжайте!

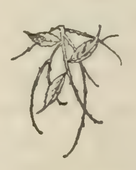
Богдановъ.

Двое похоронъ.

Шелъ я по Литейной... Вижу: тьма народу...
Отъ каретъ, колясокъ нѣтъ почти проходу;
Конные жандармы, стража городская
И предъ пышнымъ домомъ пышная такая
Колесница, видно, въ ожиданьи гроба:
Значитъ, жизнь скончала важная особа.
Вынесли особу важныя все лица,
И зашевелилась шагомъ колесница...
Пѣвчіе въ кафтанахъ синихъ съ галунами,
Черный шелкъ на дамахъ, шеи съ орденами,
Шитые мундиры, звѣзды, аксельбанты,
Пышныя кареты, слуги, музыканты.—
Просто заглядѣнье! Все отлично, гладко,
Все съ печатью строгой пышнаго порядка!
Взоръ нигдѣ не видѣлъ скорби и страданья,

Слуха не смущали стоны и рыданья!
Медленно и ровно шли всѣ эти люди,
Тихо, безмятежно ихъ вздымались груди...
И когда бъ не рамка траурная эта,
Ни одинъ философъ не далъ бы отвѣта—
Для чего сей знати собираться было,
Что ее призвало, что соединило?..
Я пошелъ за ними... Вдругъ на полдорогѣ,
Снова погребенье,—только ужъ не дроги,
Не парча и бархатъ, не порядокъ пышный.
Старая телѣга съ клячей горемычной,
Гробъ сосновый, желтой краскою покрытый,
И за ними слѣдомъ, вмѣсто всякой свиты,
Бѣдная старуха и старикъ убогій
Шли, передвигая еле-еле ноги...
Но въ картинѣ этой, бѣдной и холодной,
Сколько было горя, муки безысходной!
Какъ сквозь эти дыры, ветхія заплаты
Мрачно пробивалась злая боль утраты!
Какъ глухіе стоны ясно говорили,
Что свою всю душу двое хоронили.
Вотъ на перекресткѣ встрѣтились два гроба,
И остановилась на минуту оба;
Бѣдный боязливо повернулъ съ дороги,
И заколыхались величаво дроги...
А на землю солнце сыпало брильянты,
Въ трубы громогласно дули музыканты,
Будто возглашая: „мѣсто, мѣсто гробу,
Въ коемъ уложили важную особу!“
И сквозь эти звуки слышалось мнѣ глухо,
Какъ стонала тяжко бѣдная старуха...

П. И. Вейнбергъ.



Артистка М. И. Велизарій.

Призывъ.

Я звалъ тебя въ тѣ дни счастливыхъ дѣтскихъ грезъ,
Чарующихъ надеждъ и свѣтлыхъ упованій,
Когда мои глаза еще не знали слезъ,
Душа еще не вѣдала страданій.
И ты явилась мнѣ въ сіяньи золотомъ,
Въ вѣнкѣ изъ алыхъ розъ, въ одеждѣ серебристой,—
Вечерней звѣздочкой на небѣ голубомъ,
Голубкою невинною и чистой.
И говорила мнѣ ты, весело смѣясь:
— „Смотри, какъ чуденъ лѣсъ, какъ тихо дремлютъ нивы,
Какъ съ вѣтеркомъ, по ихъ изгибамъ золотясь,
Бѣгутъ огней вечернихъ переливы...
Смотри,—и плескъ ручья, и эхо дальнихъ горъ,
И кроткій лучъ звѣзды, и розъ благоуханье,—
Какъ бы сливаются въ одинъ волшебный хоръ
Лучей и звуковъ, красокъ и дыханья...
Смотри, какъ тихо все и ясно вкругъ тебя,

Въ гармоніи живой, въ согласномъ, стройномъ
клирѣ...
Ты посланъ въ этотъ міръ прекрасный, чтобъ, любя,
Учить любви живущихъ въ этомъ мірѣ..."
Ты лиру мнѣ дала... Съ отвагою живой
По трепетнымъ струнамъ персты зашевелились,
И струны грянули, и звонкою струей
Чарующіе звуки покатились...
Я звалъ тебя, когда въ груди моей впервой
Проснулись бурные порывы и стремленья,
Нахлынулъ мрачныхъ думъ и чувствъ зловѣщихъ рой,
И шевельнулись первыя сомнѣнья...
И ты явилась мнѣ,—спокойна, но блѣдна,
Двѣ капли слезъ въ очахъ задумчивыхъ застыли,
Какой-то кроткій блескъ, святая тишина
По всѣмъ твоимъ чертамъ разлиты были...
И, голову свою склонивъ къ моей груди,
Ты говорила мнѣ съ любовью, утѣшая:
— „Чтобъ свѣтелъ былъ твой путь, ты вѣруй и люби
Другихъ любви и вѣрѣ поучая..."
И жадно я душой ловилъ слова твои...
И новая струна на лирѣ появилась,
И зазвучала пѣснь о вѣрѣ и любви,
И сила въ ней могучая таилась...
Я звалъ тебя, когда, въ рядахъ святыхъ бойцовъ
За правду и любовь поднявъ святое знамя,
Я сталъ изнемогать подъ натискомъ враговъ,
Когда кругомъ губительное пламя,
Клокоча и шипя, сжигало все, что мнѣ
О правдѣ, о любви, о счастьѣ говорило...
И ты явилась мнѣ, святая, вся въ огнѣ...
Невинное чело обвито было
Вѣнкомъ изъ терній... Кровь струилась по щекамъ...
Но искрилась въ очахъ таинственная сила...
И, долгій скорбный взоръ поднявши къ небесамъ,
Ты съ грустью затаенной говорила:
— „Ты видишь эту кровь?.. О будь же, какъ и я,
Неустрашимъ! Будь чуждъ холодному сомнѣнью
И, вѣруя, любя, страдая и терпя,
Учи другихъ страданью и терпѣнью!.."
И въ хорѣ вѣщихъ струнъ еще одной струны

Раздался звукъ глухой, протяжный и печальный,
Какъ темной ночью плескъ объятой сномъ волны,
Какъ стонъ послѣднiй въ пѣснѣ погребальной...
Съ тѣхъ поръ минули дни, и годы протекли,
И все, что въ глубинѣ души моей смирялось
Волшебной силою надежды и любви,
Терпѣнiемъ упорнымъ подавлялось,—
Все это поднялось со дна души больной
Угрюмымъ облакомъ, грозою закипая...
И я теперь опять зову тебя съ тоской,
Въ отчаяньи молясь и проклиная:
Явись, явись ко мнѣ!.. Не стало больше силъ,
Неволя и вражда все сердце истерзали!..
Я вѣренъ былъ тебѣ: я искренно любилъ,
Но на любовь мнѣ смѣхомъ отвѣчали!
Я вѣрилъ, но кругомъ такъ тьма была густа!..
Все чистое и все святое погибало...
И изъ груди змѣей холодной на уста
Невольное проклятье выползало!..
Въ тоскѣ тяжелой я всѣ струны перебралъ
На лирѣ золотой, врученной мнѣ тобою,—
И за струной струна рвалась, и замиралъ
Послѣднiй звукъ подъ трепетной рукою...
Явись же мнѣ теперь! Съ словами ли любви,
Въ терновомъ ли вѣнцѣ, мечемъ ли потрясая...
Явись и научи, какимъ путемъ идти!
Явись, явись, великая, святая!

С. Фругъ.

Русалка.

Мечется и плачетъ, какъ дитя больное
Въ неспокойной люлькѣ, озеро лѣсное...
Тучей потемнѣло, брызжетъ мелкой зернью,
Такъ и отливаетъ серебромъ да чернью.

Вѣтеръ по дубравѣ сѣрымъ волкомъ рыщетъ;
Молнія на землю жгучимъ ливнемъ прыщетъ;
И на голосъ бури, побросавши прялки,
Вынырнули со дна рѣзвыя русалки...
Любо некрещенымъ въ бурю-непогоду
Кипятить и пѣнить жаркой грудью воду,
Любо имъ за вихремъ перелетнымъ гнаться,
Любо звонкимъ смѣхомъ съ громомъ окликаться...
Волны имъ щекочутъ плечи наливныя,
Чешутъ бѣлымъ гребнемъ косы разсыпныя;
Ласточки быстрѣе, легче пѣны зыбкой,
Руки ихъ мелькаютъ бѣлобокой рыбкой;
Огонькомъ подъ пепломъ щеки половѣютъ;
Яркимъ изумрудомъ очи зеленѣютъ.
Плещутся русалки, мчатся вперегонку,
Лишь одна отстала, отплыла въ сторонку...
Къ берегу доплыла, на берегъ выходитъ,
Блѣдными руками ивняки разводитъ;
Притаилась въ листвѣ, на прибрежьи черномъ,
Словно бѣлый лебедь въ тростникѣ озерномъ...
Вотъ ужъ понемногу непогодь стихаетъ;
Вѣтеръ съ листьевъ воду вѣникомъ сметаетъ;
Тучки разлетѣлись, словно птицы въ гнѣзды;
Бисеромъ перловымъ высыпали звѣзды;
Мѣсяцъ двоерогій съ неба голубого
Засвѣтилъ отломкомъ перстня золотого...
Чу! переливаясь межъ густой осокой,
По водѣ несется благовѣстъ далекій—
Благовѣстъ далекій по водѣ несется,
И волною звучной прямо въ душу льется.
Видится храмъ Божій, пѣснь слышна святая—
И сама-собою крестъ творитъ десная...
И въ душѣ русалки всенощные звуки
Пробудили много и тоски и муки,
Много шевельнули страсти пережитой,
Воскресили много были позабытой...
Вотъ въ селѣ родимомъ крайняя избушка,
А въ избушкѣ съ дочкой няньчится старушка:
Бережетъ и холитъ, по головкѣ гладитъ,
Тѣшитъ лентой алой, въ пестрый ситецъ рядитъ.
Да и вышла жъ дѣвка при такомъ уходѣ:

Нѣтъ ея красивѣй въ цѣломъ хороводѣ...
Вотъ и боръ сосѣдній—тамъ грибовъ, да ягодъ,
За одну недѣлю наберешься на годъ!
А начнутъ подъ осень грызть орѣхи бѣлки;
Сыпь орѣхъ въ лукошки—близко посидѣлки.
Тутъ-то погуляютъ парни удалые,
Тутъ-то насмѣются дѣвки молодыя!
Дочь въ гостяхъ за прялкой пѣсни распѣваетъ,
А старуха дома ждетъ да поджидаетъ;
Огоньку добыла—на дворѣ ужъ ночка—
Долго засидѣлась у сосѣдей дочка...
Оттого и долго:—парень приглянулся
И лихой бѣдою къ дѣвкѣ подвернулся;
А съ бѣдою рядомъ ходитъ грѣхъ незванный...
Полюбился парень дѣвкѣ безталанной,
Такъ ей полюбился, словно душу вынулъ;
Да и насмѣялся—разлюбилъ и кинулъ...
Позабылъ голубку сизокрылый голубь,
И остались бѣдной смѣхъ мірской, да прорубь...
Вспомнила русалка,—руки бѣлы гложетъ,
Рада бъ—зарыдала—и того не можетъ;
Сотворить молитву забытую хочетъ:
Нѣтъ для ней молитвы, и она хохочетъ...
Только, пробираясь на село въ побывку,
Мужичекъ проснулся, и стегаетъ сивку,
Лобъ и грудь и плечи крестно знаменуетъ;
Да съ сердцовъ на хохотъ окаянный плюетъ.

Л. А. Мей.

* * *

Эта ночь—нестерпимо холодная!
Звѣзды ярко и рѣзко горятъ.
Ты на улицу вышла голодная—
На продажу, на дикій развратъ...
Вся-то жалкая, чахлая, блѣдная...

Душитъ кашель усталую грудь,
Горломъ кровь показалася... Бѣдная,
Невеселый ты выбрала путь!
Не въ улыбку—улыбка печальная,
Не заманитъ она никого,—
Тамъ, гдѣ гибнетъ краса идеальная,
За тебя не дадутъ ничего!
Передъ дѣвушкой площадь безлюдная,
Оглядясь, зарыдала она:
Злая быль поминается трудная,
Нищеты и позора полна.
Изъ пустыннаго края, далекаго,
Въ этотъ городъ холодный, большой,
Ты пришла для труда одинокаго,
Для борьбы съ непосильной нуждой.
Умъ искалъ плодотворнаго знанія,
Были чисты и ясны мечты,
Но одну нищету и страданія
Находила, усталая, ты!
И не вынесла—пала голодною!
И бродишь ты, головку склоня,
Въ эту ночь нестерпимо холодную,
Ожидая голоднаго дня...
Темный мостъ высоко подымается.
На чугунныя плиты одна
Черезъ силу идетъ и шатается
Надъ гранитною массой она.
А рѣка, почернѣвъ подъ аркадами,
Вся уходитъ въ таинственный мракъ;
Измѣрялъ ее жадными взглядами
Не одинъ истомленный бѣднякъ.
Ты къ рѣшеткѣ подходишь, несчастная,
Только шагъ—и конецъ впереди;
Жажда жизни безмѣрная, страстная,
Какъ струна замираетъ въ груди.
Тише, тише... дрожитъ... обрывается...
И послышался плескъ роковой,
И холодная влага смыкается
Надъ усталой ея головой!

В. И. Немировичъ-Данченко.

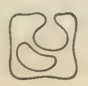
Д. М. Ратгаузъ.

Два врага.

Есть врагъ людей и врагъ тотъ—Голодъ.
Онъ слѣпъ, его ведетъ нужда.
Въ рукахъ его тяжелый молотъ
Лишеній, горя и труда;
А наковальня—люди-братья,
По нимъ онъ бьетъ и день, и ночь...
Простpите къ нимъ свои объятья,
Чтобъ имъ хоть чѣмъ-нибудь помочь!

Есть врагъ другой, тотъ врагъ—Сомнѣнье.
Тотъ врагъ—тоска безцѣльныхъ дней...
Онъ губитъ грезы и стремленья
Всѣхъ лучшихъ, избранныхъ людей;
Полна душа у нихъ проклятій,
А въ сердцѣ холодъ, въ сердцѣ—ночь...
Не простирайте къ нимъ объятій—
Имъ вы не можете помочь!

Д. М. Ратгаузъ.



Смѣшная фигура.

Улицей шумной, въ толпѣ экипажей,
Быстро летящихъ и взадъ и впередъ,
Тащатся роспуски съ странною кладжей—
Гробъ на кладбище кляченка везетъ.
Гробъ не нарядень: онъ просто сосновый.
Даже не крашенъ, не дорого сталъ;
Къ роспускамъ грязнымъ веревкою новой
Крѣпко его гробовщикъ привязалъ.
Тихо по грязи ползетъ колесница.
Сверху, дырявымъ прикрытъ армякомъ,
Плотно на гробѣ усѣлся возница,
Съ бранью кляченку валяя кнутомъ.
Слѣдомъ за гробомъ, нетвердой стопою,
Шелъ, спотыкаясь, одинъ человѣкъ,—
Шелъ безсознательно, только порою
Капали слезы съ напухнувшихъ вѣкъ.
Шелъ онъ, какъ будто какая-то сила
Съ гробомъ невольно влекла и его.
Шелъ, какъ лунатикъ, онъ поступью хилой,
Шелъ онъ, не видя кругомъ ничего.
Мужъ ли, отецъ ли?—Господь его знаетъ!
Лѣтъ не досмотришь на этомъ лицѣ,—
Дочь ли, жену ли бѣднякъ провожаетъ,
Сына ль хоронитъ онъ въ томъ мертвецѣ?..
Старый фрачишко, короткія брюки:
Все это узко, въ обтяжку на немъ,
Тощее тѣло да голыя руки,—
Видно, что нужда заѣла живьемъ.
Сдвинулась на бокъ шляпенка дрянная,
Съ просѣдью космы висятъ надо лбомъ...
Съ перваго взгляда фигура смѣшная,
Кажется, будто бредетъ подъ хмѣлькомъ;
Только лицо-то у ней не хмѣльное,—
Взглянешь, и душу невольно сожметъ,—
Смертнымъ безстрастьемъ глядитъ испитое,
Видишь, что съ жизнью здѣсь конченъ расчетъ,
Видишь, что точно испилъ онъ, бѣдняга,

Только не зелена выпилъ вина,—
Выпита горя имъ жгучая брага
Полною чашей, до капли, до дна.
Въ этомъ созданьѣ, убитомъ и бѣдномъ,
Даже заботы слѣда не прочесть;
Все безразлично въ обличіи блѣдномъ...
Смотришь,—и мнится, что самъ онъ и есть
Этого гроба жилецъ горемычный.
Вѣкъ свой обыкъ онъ пѣшочкомъ ходить,
Ѣхать-то стало ему непривычно,
Вотъ онъ и вылѣзъ свой гробъ проводить...
Если бы люди узнали искусство
Ближняго душу читать хоть на лбу,
Въ этой открыли бъ одно только чувство—
Смутную зависть къ тому, кто въ гробу.
Если бъ сказали ему, что возможно
Мертваго къ жизни земной воротить,
Съ дикой боязнью онъ вамъ бы тревожно
Молвилъ: „Не надо, не надо будить!
Снова на муку! За что жъ?.. Пощадите!
Силъ-то вѣдь, силъ-то не хватитъ у ней.
Богъ съ вами! Лучше меня научите,
Какъ бы и мнѣ-то вотъ также скорѣй...“

М. Розенгеймъ.

Цвѣты.

Я шелъ къ тебѣ... На землю упадалъ
Осенній міракъ, холодный и дождливый...
Огромный городъ глухо рокоталъ,
Шумя своей толпою суетливой;
Загадочно чернѣлъ просторъ рѣки
Съ безжизненно-недвижными судами
И вдоль домовъ ночные огоньки

Бѣжали въ мглу блестящими цѣпями...
Я шелъ къ тебѣ измученъ труднымъ днемъ,
Съ усталостью на сердцѣ и во взорѣ,
Чтобъ отдохнуть передъ твоимъ огнемъ
И позабыться въ тихомъ разговорѣ;
Мнѣ грезился твой теплый уголокъ,
Тетради нотъ и свѣчи на роялѣ,
И ясный взглядъ, и кроткій твой упрекъ
Въ отвѣтъ на рѣчь сомнѣнья и печали,—
И я спѣшилъ... А ночь была темна...
Чуть фонарей струилося мерцанье...
Вдругъ снопъ лучей, сверкнувшихъ изъ окна,
Прорѣзавъ мракъ, привлекъ мое вниманье!
Тамъ за зеркальнымъ, блещущимъ стекломъ,
Въ сіяньи лампъ, горѣвшихъ мягкимъ свѣтомъ,
Обвѣяны искусственнымъ тепломъ,
Взлелѣяны оранжерейнымъ лѣтомъ,
Цвѣли цвѣты... Жемчужной бѣлизной
Сіяли ландыши... Алѣли георгины,
Пестрѣли бархатцы, нарциссы и левкой,
И розы искрились, какъ яркіе рубины.
Роскошные душистые цвѣты—
Они какъ будто радостно смѣялись,
А въ вышинѣ латаніи листы,
Какъ вѣера, надъ ними колыхались.
Садовникъ ихъ въ окнѣ разставилъ напоказъ,
И за стекломъ, глумясь надъ холодомъ и мглою,
Они такъ нѣжили, такъ радовали глазъ
Такъ сладко въ душу вѣяли весною!..
Какъ очарованный стоялъ я предъ окномъ;
Мнѣ чудилось ручья дремотное журчанье,
И птицъ веселый гамъ, и въ небѣ голубомъ
Занявшейся зари стыдливое мерцанье;
Я ждалъ, что ласково повѣетъ вѣтерокъ,
Узорную листву лѣниво колыхая,
И съ бѣлой лиліи взовьется мотылекъ,
И загудитъ пчела, на зелени мелькая...
Но дѣтскій мой восторгъ смѣнился вдругъ стыдомъ.
Какъ!.. Въ эту ночь, окутанную мглою,
Здѣсь, рядомъ съ улицей, намокшей подъ дождемъ,
Дышать такимъ безстыднымъ торжествомъ,

Сіять такою наглой красотою!

. . . .

Ты помнишь,—я пришелъ къ тебѣ больной...
Ты ласкъ моихъ ждала—и не дождалась:
Твоя любовь казалась мнѣ слѣпой,
Моя любовь—преступной мнѣ казалась!..

С. Я. Надсонъ.

* * *

Театръ залитъ волной искусственнаго свѣта...
При свѣтѣ томъ нѣжнѣй открытый мраморъ плечъ,
Плѣнительнѣй игра колецъ, серегъ, браслета,
Моложе цвѣтъ лица и возбужденнѣй рѣчь.
Изъ ложъ глядятъ въ партеръ красивыя головки,
На розовыхъ устахъ—заученный привѣтъ...
Какъ много нужно имъ умѣнья и сноровки,
Чтобъ жениховъ найти, когда нигдѣ ихъ нѣтъ.
Театръ еще гудитъ... Всѣмъ наслажденья надо—
Затѣйливой игры мятущихся страстей,
Для сердца нѣжныхъ чувствъ, красивыхъ позъ для взгляда,
Для слуха—громкихъ фразъ, приподнятыхъ рѣчей.
Вотъ занавѣсъ взвился—и общее вниманье
Удѣлено теперь завязкѣ роковой:
Онъ полюбилъ ее, но лживое созданье
Отвѣтитъ на любовь ему измѣной злой.
Такъ вѣтренна она; его святой тревоги,
Порыва нѣжныхъ чувствъ ей не понять вовѣкъ...
Измѣна... Онъ узналъ... Въ красивомъ монологѣ
Обманутый герой—несчастный человѣкъ—
Спѣшитъ излить тоску... О, какъ эффектны позы,
Какъ въ роль свою вошелъ талантливый актеръ!
У женщинъ на глазахъ сочувственныя слезы...
Растрогана толпа... И вдругъ... Позоръ, позоръ!

Какъ молнія во тьмѣ, въ моемъ воображеньи
Картина вспыхнула болѣзненно-ярка:
Тамъ, гдѣ-то далеко,—голодное селенье
Забылось тяжкимъ сномъ... Въ селѣ—ни огонька.
Простерла ночь покровъ надъ горькой нищетою,
Надъ рванью ветхихъ крышъ затихшаго села,
Пустующимъ гумномъ, стодолою пустою—
Лишь людямъ эта ночь забвенья не дала!
Во мракѣ душныхъ хатъ—стенающіе люди:
Голодная тоска давно мѣшаетъ спать...
Воспалены глаза... огнемъ пылаютъ груди...
И рвется тихій стонъ: „Гдѣ хлѣба намъ достать?"
Здѣсь слышенъ дѣтскій плачъ; надтреснутымъ ры-
даньемъ
Несчастныхъ матерей звучитъ одинъ отвѣтъ:
„Терпите! Богъ великъ!.." И я съ негодованьемъ
Глядѣлъ, какъ надъ игрой расчувствовался свѣтъ—
Довольный, сытый свѣтъ... Пріятная забава—
Надъ нервною игрой поплакать пять минутъ,
Актеру прокричать восторженное „браво!.."
Здѣсь трогаетъ актеръ, а тамъ вѣдь люди мрутъ!
Вамъ драма по душѣ,—тамъ – въ каждой хатѣ драма,
Тамъ сотни страшныхъ драмъ собой покрыла ночь...
Пусть постучится въ дверь голодный къ вамъ упрямо,
Вы грошъ дадите—грошъ...
Я всталъ и вышелъ прочь.

М. Гербановскій.

* * *

(Посвящ. А. Н. Панову).

Я видѣлъ, какъ въ углу подвала умиралъ
Больной старикъ, дѣтьми покинутый своими;
Онъ взоромъ гаснувшимъ кого-то все искалъ,
Устами блѣдными шепталъ онъ чье-то имя...
Онъ одиноко жилъ, и друга не нашлось

Закрыть въ предсмертный часъ померкнувшія очи;
И онъ ушелъ навѣкъ во мракъ загробной ночи,
Одинъ съ своей тоской невыплаканныхъ слезъ...

Я видѣлъ, какъ стоялъ мужикъ надъ полосой,
Распаханной его могучими руками,
Заколосившейся пшеницей золотой
И градомъ выбитой... Горючими слезами
Онъ не встрѣчалъ своей негаданной бѣды;
Угрюмъ и даже дикъ былъ взоръ его унылый,
И молча онъ стоялъ, безпомощный и хилый,
Согбенный тяжестью безвыходной нужды...

Я видѣлъ, какъ дитя единственное мать
Сама несла въ гробу, какъ въ церкви отъ страданья
Она ужъ не могла молиться и рыдать...
Окончился обрядъ печальный отпѣванья—
Она была безъ чувствъ... Малютку понесли
Въ послѣдній путь,—она, собравъ остатокъ силы,
Едва могла дойти до дорогой могилы
И сыну бросить горсть послѣднюю земли...

Я видѣлъ, какъ въ тюрьмѣ на дремлющую степь
Сквозь переплетъ окна задумчиво смотрѣла
Колодниковъ толпа; и слышалъ я, какъ цѣпь
Нежданно въ тишинѣ на комъ-то прозвенѣла.
И лица темныя исполнились у нихъ
Такого жгучаго страданія и боли,
Что сразу понялъ я, что въ этотъ самый мигъ
Забылись узники въ мечтахъ о прежней волѣ.

Я видѣлъ, какъ въ тоскѣ голодной протянулъ
Оборванный бѣднякъ нарядной дамѣ руку,
И, милостыню взявъ, въ лицо ея взглянулъ
И замеръ,—какъ стоялъ,—ни проронивъ ни звука...
Нѣмая скорбь прошла, и бросилъ деньги прочь
Съ рыданіемъ старикъ: въ раскрашенномъ созданьѣ,
Проѣхавшемъ съ толпой гулякъ на посмѣянье,
Бѣднякъ узналъ ее—свою родную дочь!.

Я видѣлъ это все, когда одна печаль
Роднилася съ моей пытливою душою,
Когда до боли мнѣ чего-то было жаль,

Къ кому-то рвался вновь я съ горькою мольбою...
Я видѣлъ это все и понялъ, что тоска—
Тоска моей души, исполненной желанья,
Предъ всѣми этими примѣрами страданья
Ничтожна и мелка...

А. Коринескій.

Гдѣ...

Грязная хата... Глаза разъѣдающій,
Ѣдкій, удушливый чадъ,
Дымъ отъ лучины, треща догорающей,
Грязныя бабы и плачъ не смолкающій
Грязныхъ и дикихъ ребятъ,—
Весь этотъ адъ,
Вся эта жизнь съ тяготой ея голою,
Полною горя, страданій и мукъ,—
Все это снова съ тоской невеселою,
Живо и рѣзко, картиной тяжелою,
Встало въ глазахъ моихъ вдругъ...
Мысль! Облети ты всѣ царства извѣстныя
И... и отвѣть ты мнѣ, гдѣ
Гдѣ въ нихъ злодѣи, глупцы и безчестные
Вѣчно не въ шелкѣ,—а умный и честные
Вѣчно не гибнутъ въ нуждѣ?
Гдѣ?—Да нигдѣ!
Мысль! Гдѣ нашла ты ту землю счастливую,
Землю, гдѣ грязь не противна для глазъ,
Зло не тревожитъ въ насъ душу тоскливую,
И... и не будитъ въ насъ месть справедливую!
Гдѣ она? Гдѣ?—Да у насъ!

Н. Пушкаревъ.

Артистка М. М. Глѣбова.

Бѣдный дроздъ.

Изъ Вл. Сырокомли.

—„Охотникъ, охотникъ, продай мнѣ дрозда!“
Такъ мальчикъ на рынкѣ вскричалъ, подбѣ-
гая къ стрѣлку...
Тотъ взглянулъ: рубашенка худа
На бѣдномъ ребенкѣ...
— „Продать не бѣда,
Да хватитъ ли денегъ? Вѣдь, дичь дорогая!“
Ворчалъ онъ съ презрѣньемъ: „У васъ, голышей,
Я знаю, немного найдется грошей.
Два злота! Дешевле продать нѣтъ разсчета.“
— „Побойся же Бога! Ты просишь два злота.
Я столько имѣю, стрѣлокъ, но теперь
Деньжонки мнѣ нужны: мой братъ, изъ пеленокъ
Едва только вышедшій, бѣдный ребенокъ,
Безъ хлѣба отъ голоду плачетъ, повѣрь.
Иду я за хлѣбомъ, а дальше—въ аптеку:
Хвораетъ и чахнетъ кормилица мать.
Не жить ей, страдалицѣ, долгаго вѣку!

Микстуру ей лѣкарь велѣлъ принимать—
Три ложечки въ сутки, и дичью питаться...
Мой батюшка—слесарь. Злодѣйка-нужна
Его истомила, не будуду скрываться...
За злотъ, ради Бога, продай мнѣ дрозда;
Иначе деньжонокъ въ аптеку не хватитъ.
Тебѣ самъ Господь остальное доплатитъ."
Со смѣхомъ стрѣлокъ отвѣчалъ: „Ей ей,
У матки твоей аппетитъ не по чину!
Не зналъ я, что жены простыхъ слесарей,
Какъ барыни, кушать умѣютъ дичину;
Рецептъ я имѣю, рецептъ дорогой,—
Отъ всякихъ болѣзней; онъ стоитъ бездѣлки:
Скажи, чтобъ больная стаканчикъ-другой
Хватила веселой, цѣлебной горѣлки...
Два злота, не меньше, тебѣ говорятъ;
Для нищихъ невыгодно тратить зарядъ."
— „Охотникъ, охотникъ, поди-ка сюда!"
Такъ баринъ въ коляскѣ вскричалъ торопливо:
„Что просишь, любезный, съ меня за дрозда?"
— Пять злотыхъ, извольте... Не птица, а диво!
— „Охотникъ, охотникъ, возьми полтора."
„Я два заплачу!" торговался малютка:
„Мнѣ некогда ждать, мнѣ въ аптеку пора;
Два злота даю, а, вѣдь, это не шутка!
Ты слово мнѣ далъ, свой товаръ оцѣня..."
А баринъ въ коляскѣ со злобой хохочетъ:
— Вотъ мило, вотъ славно! Мальчишка—онъ хочетъ,
Онъ смѣетъ дичину отнять у меня.—
—„Я милости требую, ясновельможный!"
Воскликнулъ ребенокъ съ тоскою тревожной.
— Какой? Для кого? Не могу я постичь...—
— „Позвольте истратить послѣднiй грошъ мѣдный,
Позвольте купить мнѣ для матушки бѣдной
Лѣкарство ей нужное, свѣжую дичь.
Такъ лѣкарь велѣлъ..."

...Господинъ изъ коляски
Прищурилъ съ насмѣшкой заплывшiе глазки:
— Я, милый, съ базара тебя не гоню,
Сыновное чувство въ тебѣ уважаю,
Но свѣжую, рѣдкую дичь обожаю,

И ею сегодня дополню меню.
Отличное блюдо! Оближешь все пальцы...
А вы, бѣдняки, вы—святые страдальцы,
Не можете прелесть дрозда понимать;
Для васъ не годится роскошное блюдо.
Живется вамъ горько, живется вамъ худо!
Пойди же, утѣшь ненаглядную мать,
Пойди безъ дрозда, но съ отличнымъ совѣтомъ,
Чтобъ кушала борщъ или жирныя щи,
Прибавивши перцу немножко при этомъ,—
И будетъ здорова зимою и лѣтомъ,
А дичь не отдамъ ей... Pardon! Не взыщи!"
Стрѣлку бросивъ талеръ и взявши дрозда,
Онъ быстро умчался, доволенъ развязкой.
Ребенокъ, рыдая, бѣжитъ за коляской,
А кучеръ кричитъ:—„Да куда ты? Куда?
Еще не доволенъ ты барскою лаской?
Такъ вотъ же тебѣ!" И ударилъ бичомъ,
И брызнула кровь изъ ребенка ключомъ.
Охотникъ смѣется:—„Какой ты неловкій,
Ты самъ виноватъ, что попался въ бѣду.
Ступай же домой со своей двухзлотовкой:
А я выпить водки стаканчикъ пойду".
Далеко коляска богатая скачетъ,
Стрѣлокъ распиваетъ въ трактирѣ вино.
Сжавъ деньги въ рученкѣ, ребенокъ все плачетъ...
Какъ глупо онъ плачетъ! Какъ это смѣшно!
Что жъ дальше случилось?.. Три гроба несутъ:
Явилися трое на праведный судъ.
И слесарша въ первомъ некрашеномъ гробѣ
Лежитъ неподвижно, худа и блѣдна;
Не ей—истомленной, а важной особѣ
Дичина достаться была суждена.
Стрѣлокъ занимаетъ вторую колоду;
Онъ сильно на барскія деньги кутилъ
И душу изъ тѣла пустилъ на свободу,
Когда изъ ружья—прямо въ сердце хватилъ.
Послѣднему гробу толпа удивилась:
Подобныхъ гробовъ не видать никогда!
Особа, лежавшая въ немъ, подавилась,
Какъ лакомка, косточкой мелкой дрозда.

Особа подъ пышнымъ покромъ не дышитъ
И ждетъ, что свершится на страшномъ судѣ...
Тамъ ангелъ правдивую повѣсть напишетъ:
„О бѣдномъ дроздѣ."

Л. Н. Трефолевъ.

Мать.

И дни и ночи до утра
Въ степи бураны бушевали,
И вѣшки снѣгомъ заметали,
И заносили хутора.
А домъ стоялъ въ открытомъ полѣ
Печальнымъ сторожемъ степнымъ,
И вѣтеръ бѣшеный надъ нимъ
Какъ будто тѣшился на волѣ.
Онъ крышу снесъ, врывался въ домъ—
И стекла въ рамахъ дребезжали.
И снѣгъ сухой въ старинной залѣ
Кружился въ сумракѣ ночномъ.

Но былъ огонь... Не угасая,
Въ пристройкѣ робко онъ свѣтилъ,
И кто-то тамъ всю ночь ходилъ,
Глазъ до разсвѣта не смыкая.
То мать была. Забывши страхъ,
Она одна насъ не кидала;
Съ больнымъ ребенкомъ на рукахъ,
Она одна душой страдала.
Она мерцавшую свѣчу
Старинной книгой заслонила,
И, положивъ его къ плечу,
Все напѣвала и ходила...
И ночь тянулась безъ конца...

Порой, дремотой обвѣвая,
Шумѣла тише вьюга злая,
Шуршала снѣгомъ у крыльца.
Когда жъ буранъ въ порывѣ дикомъ
Внезапнымъ шкваломъ налеталъ,—
Казалось ей, что домъ дрожалъ,
Что кто-то слабымъ, дальнимъ крикомъ
Въ степи на помощь призывалъ.
И до утра не разъ слезами
Ея усталый взоръ блестѣлъ,
А мальчикъ вздрагивалъ, глядѣлъ
Большими темными глазами...

Далеко хуторъ мой родной...
Давно прошли тѣ дни и ночи,
Когда я видѣлъ предъ собой
Ея заплаканныя очи,—
Но не забыть ихъ никогда!
Во тьмѣ житейскаго ненастья,
Въ часы раздумья и труда
Я вспоминаю ихъ, какъ счастье,
Какъ радость дѣтства моего,
Какъ утѣшенье предъ разлукой,
Какъ ласку нѣжную того,
Кто далъ мнѣ жизнь своею мукой!

Ив. Бунинъ.

* * *

Съ воплемъ безсилія, съ крикомъ печали
Жалокъ и слабъ онъ явился на свѣтъ,
Въ это мгновенье ему не сказали:
Выборъ свободенъ—живи или нѣтъ.
Съ дѣтства твердили ему ежечасно:
Сколько бъ ни встрѣтилъ ты горя, потерь,
Помни, что въ мірѣ все мудро, прекрасно,
Люди всѣ братья,—люби ихъ и вѣрь!
Въ юную душу съ мечтою и думою

Страсти нахлынули мутной волной...
— „Надо бороться," сказали угрюмо
Тѣ, что царили надъ юной душой.
Были усилья тревожны и жгучи.
Но не по силамъ пришлася борьба:
Кто такъ устроилъ, что страсти могучи,
Кто такъ устроилъ, что воля слаба?
Много любилъ онъ,—любовь измѣнила,
Дружба... увы, измѣнила и та;
Зависть къ ней тихо подкралась сначала,
Съ завистью вмѣстѣ пришла клевета,
Скрылись друзья, отвернулися братья...
Господи, Господи, видѣлъ Ты Самъ,
Какъ шевельнулись впервые проклятья
Счастью былому, вчерашнимъ мечтамъ;
Какъ постепенно, въ тоскѣ изнывая,
Видя однѣ лишь неправды земли,
Ожесточалась душа молодая,
Какъ одинокія слезы текли,
Какъ, наконецъ, утомяся борьбою;
Возненавидя себя и людей,
Онъ усумнился скорбною душою
Въ мудрости міра и въ правдѣ Твоей!
Скучной толпой проносилися годы.
Бури стихали, яснѣлъ его путь...
Изрѣдка только, какъ гулъ непогоды,
Память стучала въ разбитую грудь.
Только что тихіе дни засіяли,—
Смерть на порогѣ... откуда? зачѣмъ?
Съ воплемъ безсилія, съ крикомъ печали
Онъ повалился недвиженъ и нѣмъ.
Вотъ онъ, смотрите, лежитъ безъ дыханья...
Боже! къ чему онъ родился и росъ?
Эти сомнѣнья, страданья,—
Боже, зачѣмъ же онъ ихъ перенесъ?
Пусть хоть слеза надъ усопшимъ прольется,
Пусть хоть теперь замолчитъ клевета...
Сердце, горячее сердце не бьется,
Вѣжды сомкнуты, безмолвны уста.
Скоро нещадное, грязное тлѣнье
Ляжетъ печатью на немъ роковой...

Дай ему, Боже, грѣховъ отпущенье.
Дай ему вѣчный покой!

А. Н. Апухтинъ.

Мыслителю.

Орелъ взмахнетъ могучими крылами
И, вольный, отрѣшившись отъ земли,
О немощныхъ, влачащихся въ пыли,
Не думаетъ, паря подъ небесами...
Но, отъ мертвящей лжи освободясь
И окрыленный мыслью животворной,
Когда для сферы свѣтлой и просторной
Ты, возлетѣвъ, покинешь мракъ и грязь;
Когда почувствуешь, какъ послѣ смрадной
И долго угнетавшей тѣсноты,
Трепещетъ грудь отъ радости, и ты
Вдыхаешь воздухъ чистый и прохладный,
О, ты начнешь невольно вспоминать
О долѣ смертныхъ, темной и ничтожной!
Взирая сверху, будетъ невозможно
Тебѣ, счастливому, не пожелать,
Чтобъ братьевъ, пресмыкающихъ долу,
Свѣтъ истины скорѣй освободилъ!
Когда жъ они, безъ воли и безъ силъ,
Не будутъ твоему внимать глаголу,—
Съ высотъ твоихъ ты властно имъ кричи!
Окованныхъ невѣжественнымъ страхомъ,
Заставь ты ихъ разстаться съ тьмой и съ прахомъ
И смѣлому полету научи!..

М. А. Жемчужниковъ.

Eppur si muove!

Изнемогая отъ мученья,
Подъ страшной пыткой палачей
На актъ постыдный отреченья
Уже согласенъ Галилей.
Доволенъ судей сонмъ безстрастный:
Фанатикъ мысли побѣжденъ!
И вотъ предсталъ предъ ними онъ,
Больной, измученный, несчастный...
Онъ шепчетъ:
— „Да! Мое ученье,
Клянусь, съ начала до конца,
Больного мозга заблужденье,
Плодъ бреда жалкаго глупца.
Я—еретикъ! Я безъ боязни
Ученье церкви отрицалъ,
Я въ Бога вѣру колебалъ
И, сознаюсь, повиненъ казни!..
Страдалецъ смолкъ... Онъ еле дышитъ,
Отъ пытки онъ ослабъ въ конецъ,
Онъ блѣденъ, какъ живой мертвецъ,
Но онъ не умеръ... нѣтъ, онъ слышитъ—
Ликуетъ кардиналовъ хоръ,
Надъ нимъ безбожно вслухъ смѣется...
Блеснулъ огнемъ страдальца взоръ
И вотъ подъ сводомъ раздается:
— „Все ложь, что я сейчасъ изрекъ!
Побѣдой рано вамъ кичиться...
Я слабъ, какъ рабъ, я изнемогъ!
Я трусъ... а все-таки вертится!“

П. Кичеевъ.

Артистъ И. Дуванъ-Торцовъ.

Тріумфаторъ.

Рукоплещетъ толпа восхищенная,
Рукоплещетъ вся площадь кругомъ,
И гетера, виномъ опьяненная,
И сенаторъ съ обрюзгшимъ лицомъ.
Плавно мѣдные шлемы колышутся,
Кони пляшутъ, храпятъ и дрожатъ,
И далеко по улицѣ слышится
Тяжкій шагъ загорѣлыхъ солдатъ.
Гулъ растетъ... Показалися плѣнные...
Вотъ и царь молодой въ кандалахъ...
Улыбаются губы надменныя,
И спокойствіе въ ясныхъ очахъ...
Предъ дружиной, въ бояхъ посѣдѣлою,
Онъ идетъ въ кандалахъ,—но царемъ...
Гордымъ шагомъ, съ улыбкою смѣлою,
Словно лавры и пурпуръ на немъ.
И, привставъ въ колесницѣ сверкающей,
Поблѣднѣвъ подъ лавровымъ вѣнкомъ,
Тріумфаторъ сквозь ревъ оглушающій
Безпокойно слѣдитъ за царемъ.

И говоритъ онъ ревнивою душою,
Что не онъ тріумфаторъ, не онъ,
А тотъ царь, что съ дружиной угрюмою
Къ мѣсту казни идетъ, какъ на тронъ!..

А. Н. Будищевъ.

Битва жизни.

Ахъ, безъ жизни проносится жизнь вся моя!..
Поглощаемый мутною тиною,
Я борюсь день и ночь, самъ себѣ—и судья,
И тюрьма, и палачъ съ гильотиною.
И мучительный сонъ наяву и во снѣ
Не даетъ мнѣ покоя желаннаго:
Вижу въ полѣ широкомъ уснувшихъ бойцовъ
Послѣ дѣла великаго браннаго.
Ночь беззвучно плыветъ надъ печальной землей,
Уходя въ вышину безпредѣльную:
Мѣсяцъ смотритъ изъ тучъ—дикій ужасъ разлилъ
По лицу его блѣдность смертельную...
Съ головами разбитыми, къ небу лицомъ,
Посинѣвшіе, кровью облитые,
Тихо спятъ мертвецы; безотвѣтно глядятъ
Ихъ глаза неподвижно раскрытые.
Словно блѣдная тѣнь или призракъ нѣмой,
Обхожу я поляны ужасныя
И считаю, не зная зачѣмъ, мертвецовъ
И гляжу на ихъ лица безстрастныя...
— О, все милыя лица! Все братья, друзья,
Все черты дорогія и близкія!
Всѣ отважно погибли, какъ слѣдуетъ пасть
Тѣмъ, въ комъ жили не помыслы низкіе,
А одна неподкупная, свѣтлая страсть
И одно лишь желанье великое,
Чтобы солнцу любви и свободы святой
Уступило насиліе дикое!

Словно призракъ ночной или блѣдная тѣнь,
Я иду чрезъ поляны унылыя...
— О, рыдай, моя пѣсня: все братья, друзья,
Все черты дорогія и милыя!
Обезумѣвъ отъ горя, припасть я хочу
Съ громкимъ воплемъ на землю холодную,
Чтобъ повѣдать имъ лютую злобу мою,
И любовь и тоску безысходную.
И, склоняясь, хочу я страдальцевъ обнять.
Вдругъ... О, ужасъ! ихъ лица безстрастныя
Стали темны, какъ ночь... На недвижныхъ устахъ
Зазмѣилась усмѣшка ужасная...
И, объятому трепетомъ, чудится мнѣ
Шопотъ злобный, упреки суровые:
— „Гдѣ ты былъ, когда въ битву мы грозную шли,
Побѣдить иль погибнуть готовые?
Отчего не лежитъ твой истерзанный трупъ
Рядомъ съ нами, погибшими братьями?
Отчего ты, какъ воръ, подъ покровомъ ночнымъ
Къ намъ приходишь съ своими объятьями?
Что намъ въ злобѣ твоей, хоть и нѣтъ ей конца,
Что тоска намъ твоя безысходная?
Пѣсни скорбныя громко умѣешь ты пѣть,
Но страшна тебѣ смерть благородная!
Уходи, уходи! намъ противны, смѣшны
Оправданья твои малодушныя...
Гдѣ ты былъ, когда въ бой мы безтрепетно шли,
Зову чести и долга послушные?
О, уйди же, уйди... Мы не знаемъ тебя!"
И помчался я въ даль безпредѣльную...
Мѣсяцъ сумраченъ плылъ... дикій ужасъ разлилъ
По лицу его блѣдность смертельную.
Руки горько ломая, я въ небо глядѣлъ,
Будто вѣря, что, зову послушное,
Усыпитъ оно скорбь мою, жгучую скорбь;
Но синѣло оно, равнодушное,
Равнодушно взирая на правду, на ложь
И на все, что подъ бурею клонится,
И на все, что ликуетъ, царитъ и гнететъ—
Ни мольбой, ни проклятьемъ не тронется!
Я бѣжалъ, словно гнался невѣдомый врагъ

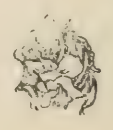
По пятамъ моимъ мертвой поляною,
Брань и крики его, какъ отточенный ножъ,
Наносили мнѣ рану за раною,
И напрасно пощады вымаливалъ я...
— Такъ безъ жизни проносится жизнь вся моя!
Поглощаемый мутною тиною,
Я борюсь день и ночь, самъ себѣ—и судья,
И тюрьма, и палачъ съ гильотиною!..

П. Я.

Нѣтъ любви.

О, если бъ знала ты, какъ мнѣ глубоко жаль,
Что, будучи любимъ, я пресыщенъ любовью.
Съ тобой—въ полночный часъ—прильнувши къ изголовью,
Я былъ душой одинъ, со мной былъ печаль.
Поймешь ли ты меня? Я ждалъ, искалъ обмана,
Я жаждалъ всей душой забыться сладкимъ сномъ,
Но нѣтъ любви въ любви, я убѣдился въ томъ,—
Глаза безсонные прозрѣли слишкомъ рано.
Пойми мои слова! Пойми, что это такъ!
Любовь—миражъ судьбы, дающей намъ мученье,
Она отъ лучшихъ чувствъ нѣмое отреченье,
Любовь—минутный другъ и долголѣтній врагъ.
Молю: не мучь меня своимъ страданьемъ скрытымъ,
Забудь и научись—не плакать, не любить.
О, вѣрь, отраднѣй быть обманутымъ, забытымъ,
Чѣмъ, не любя, любимымъ быть!

К. Д. Бальмонтъ.



Двѣ труженицы.

Барышня, съ разсвѣтомъ воротившись съ бала,
Томно протянула: „Ахъ, какъ я устала!“
Опустилась въ кресло и, закрывши очи,
Предалась мечтаньямъ о минувшей ночи.
Вся ея фигурка жалкій видъ имѣла:
Нѣжное, худое, дрябленькое тѣло—
Какъ-то утомленно-страстно разбросалось;
Въ миломъ, но измятомъ личикѣ, казалось,
Не было кровинки, и, уже больная,
Слабо подымалась грудь полунагая...
Страшная усталость въ каждой складкѣ платья
Видѣлась; и трудно было не устать ей:
Бѣдное созданье, три ужъ ночи сряду
Танцовала въ полномъ смыслѣ до упаду,
И сегодня ночью предстоитъ ей то же...
Дай ей силъ на этотъ трудъ тяжелый, Боже!..

Въ томъ же самомъ домѣ, но гораздо выше,
Въ маленькой, убогой комнаткѣ подъ крышей
Обитала швейка. Ужъ перевалило
За полночь. Бѣдняжка напрягла всѣ силы,
Кончила работу, потянулась сладко,
Кое-какъ раздѣлась, улеглась въ кроватку,
Съежилась и крѣпко-на-крѣпко заснула
Подъ глухую пѣсню уличнаго гула.
Сладко отдыхало тѣло молодое,
Ясно улыбалось личико худое...
Видѣлся, должно быть, сонъ хорошій: вѣрно,
Милый сердцу снился (милый былъ навѣрно),
Бѣдная! А завтра, чуть ужъ свѣтъ, готова—
И съ утра засядетъ за работу снова
До глубокой ночи: впереди все то же...
Дай ей силъ на этотъ трудъ тяжелый, Боже!..

В. С. Лихачевъ.

Владимірка—большая дорога.

(Посвящаю И. И. Левитану).

Межъ чернѣющихъ подъ паромъ,
Плугомъ поднятыхъ полей
Лентой тянется дорога
Изумруда зеленѣй...
То Владимірка...
Когда-то
Оглашалъ ее и стонъ
Безконечнаго страданья
И цѣпей желѣзныхъ звонъ.
По бокамъ ея тянулись
Стройно линіи березъ,
А трава, что зеленѣетъ,
Рождена потокомъ слезъ...
Незабудки голубыя—
Это слезы матерей,
Въ лютомъ горѣ провожавшихъ
Въ даль безвѣстную дѣтей...
Вотъ фіалки... Здѣсь невѣста,
Разбивая чары грезъ,
Попрощавшись съ другомъ милымъ,
Пролила потоки слезъ...
Все цвѣты, гдѣ прежде слезы
Прибивали пыль порой,
Гдѣ гремѣли колымаги
По дорогѣ столбовой.
Помню ясно дни былые,
И картинъ мелькаетъ рядъ:
Стройной линіей березы
Надъ канавами стоятъ...
Вижу торную дорогу
Саженъ тридцать ширины,
Травки нѣтъ по той дорогѣ
Несквончаемой длины...
Телеграфъ гудитъ высоко.
Полосатая верста
Да часовенка въ сторонкѣ,

У ракитова куста.
Пыль клубится предо мною—
Ближе... ближе. Стукъ шаговъ,
Мѣрный звонъ цѣпей желѣзныхъ
Да тревожный лязгъ штыковъ...
— „Помогите намъ, несчастнымъ,
Помогите бѣднымъ—намъ!"
Такъ поютъ подъ звонъ желѣза,
Что приковано къ ногамъ.
Вотъ сквозь пыль штыки сверкаютъ;
Блещутъ ружья на плечахъ,
Дальше сѣрыя шеренги—
Всѣ закованы въ цѣпяхъ.
Врагъ и другъ соединились,
Всѣхъ связалъ желѣзный прутъ,
И подъ строгимъ карауломъ
Люди въ каторгу бредутъ!
Но насталъ конецъ...
Дорога,
Что за мной и предо мной,
Не услышитъ звонъ кандальный
Надъ зеленой пеленой...
Я спокоенъ—не увижу
Здѣсь картинъ забытыхъ дней,
Не услышу пѣсенъ стоны,
Лязгъ штыковъ и звонъ цѣпей...
Я иду впередъ спокойный...
Чу!.. свистокъ. На всѣхъ парахъ,
Вдаль, къ востоку, мчится поѣздъ:
Часовые на постахъ,
На площадкахъ возлѣ двери,
Гдѣ одинъ, гдѣ двое въ рядъ...
А въ оконца, сквозь рѣшетки,—
Шапки сѣрыя глядятъ!

В. Гиляровскій.

Рабыня.

„Нѣтъ милосердія рабамъ!
А ты раба—раба нѣмая.
Подайте бичъ!“ Къ его ногамъ
Она склонилася, рыдая.
Давно ль онъ жадно лобызалъ
Твои тоскующія очи,
И перси дивныя ласкалъ,
И съ страстнымъ трепетомъ искалъ
Тебя во мракѣ знойной ночи!
Увы, поблекли тѣ цвѣты,
Тотъ лугъ увялъ, гдѣ, замирая,
На зовъ его склонилась ты,
Еще любви не понимая.
Царица новая вошла
Въ его роскошные чертоги,
И ты покинута была,
Какъ желтый листъ въ пыли дороги!
— „Нѣтъ милосердія рабамъ,
А ты раба—раба нѣмая.
Подайте бичъ!“ Къ его ногамъ
Она склонилася, рыдая.
И бичъ надъ ней взвился змѣей
И впился въ тѣло молодое!..
Зачѣмъ надъ этою страной
Ты, небо, вѣчно голубое,
Сіяешь дѣвственной красой?..
Буди насъ бѣшеной грозой,
Яви свой гнѣвъ,—огнемъ объятый,
Пади карающей стрѣлой
На юдоль рабства и разврата!
Ея сады, поля, лѣса,
Завѣй пустынными песками,
Твори, какъ древле, чудеса,
Виси, какъ мечъ, надъ палачами!..

В. И. Немировичъ-Данченко.

О лѣсныхъ пожарахъ.

Все горитъ... Всѣ лѣса охватило огнемъ,
Вся окрестность закутана дымомъ.
Тускло солнце, въ чаду нестерпимомъ
Ходитъ краснымъ, кровавымъ пятномъ.
И всю ночь, точно знамена ясныя,
Точно вѣстники близкой борьбы,
Разливаются зарева красныя,
Ходятъ краснаго дыма столбы.
Все горитъ и горитъ. Желты нивы, поля,
Солнцемъ выжгло травы, яровыя;
Пересохли всѣ русла рѣчныя,
Отъ жары раскололась земля.
Стономъ стонутъ деревья зеленыя,
Безнадежно глядятъ съ высоты
И угрюмо, огнемъ опаленныя,
Точно розы, роняютъ листы.
Вотъ и Фролъ отошелъ. Время сѣвъ ужъ кончать,
Да нешто! безъ дождя не посѣешь!
Знай, возись тутъ весь годъ, какъ умѣешь,
И съ семьей и съ оброкомъ опять!
Сбились плуги; разсохлися бороны,
Праздно мирныя сохи лежатъ.
У другого и пашни неораны...
А заботъ-то, а нуждъ, а ребятъ,—
И считай—не сочтешь! На пожаръ, что ни день,
Всю страну (ужъ когда жъ, чай, съ охоты!)
Высылаютъ народъ на работы,
Выгоняютъ со всѣхъ деревень.
И идутъ, и идутъ, горе мыкая.
И гасятъ! Да загасятъ ли? Гдѣ!
Точно рать, точно сила великая,
Разлеталося пламя вездѣ.
Только трескъ день и ночь по зеленымъ идетъ.
Вѣтеръ свищетъ—пожаръ раздуваетъ,
Солнце жаритъ—вѣтрамъ помогаетъ.
А огонь-то, какъ воръ, перейдетъ

По корнямъ, то вдругъ полымемъ хватится,
Какъ шальной, по травѣ побѣжитъ,
Съ страшнымъ трескомъ по мху перекатится
И опять, и опять закуритъ.

Гдѣ загасятъ! Ложатся деревья гуртомъ,
Благо, чисто съ корней подгорѣли;
Съ трескомъ валятся сосны и ели
И массивные дубы кругомъ.

Всѣмъ пришла имъ бѣда неминучая,
Занялась вся зеленая ширь.
Эхъ, ты, рать! Эхъ, ты, сила могучая!
Эхъ, ты, горе-огонь-богатырь!

Не туда, богатырь, не туда ты зашелъ,
Не съ врагомъ, богатырь, ты схватился,
У меня бъ, богатырь, ты спросился,
Я бъ врага тебѣ скоро нашелъ.

Что губить эти рощи зеленыя,
Эту силу родимой земли?
Пусть бы вѣчно, дождемъ орошенныя,
Онѣ людямъ на пользу росли.

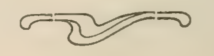
Не за дѣло взялся, богатырь, ты ей-ей!..
Въ дебряхъ дикаго края родного
Много стараго, много гнилого
И безъ нихъ ждетъ работы твоей.

Много хлама и лома негоднаго,
Много всякихъ и пней и колодъ
На пути у развитья народнаго
Безполезно лежитъ и гніетъ.

Вотъ на нихъ тебѣ бъ грянуть всей силой своей,
Вотъ бы тамъ, хоть не вдругъ, понемногу,
Расчищалъ ты прогрессу дорогу
Этой силой, не знавшей цѣпей!

И не стали бъ тогда, горе мыкая,
Мы, какъ здѣсь, не пускать тебя въ ширь...
Эхъ, ты, рать! Эхъ, ты, силища дикая!
Эхъ, ты, горе-огонь-богатырь!

Н. Пушкаревъ.



Артистъ В. О. Степановъ.

Тишина.

Изъ М. Конопницкой.

Какъ тихо?..
        Но чьи же то вздохи? Чей ропотъ
Такъ смутно несется въ ночной тишинѣ?
Какой же невнятный загадочный шопотъ
Отъ дремлющихъ розъ долетаетъ ко мнѣ?
И сердце больное забылось во снѣ...

Какъ тихо?..
        Чей зовъ то? Чей слышится голосъ?
Чья дивная пѣсня трепещетъ, какъ духъ?
И чье дуновенье подъемлетъ мнѣ волосъ,
Чье слово беззвучно закралось въ мой слухъ,
        Безумнаго полное горя?..

Какъ тихо?..
        Шумъ слышенъ, далекій шумъ моря.
О нѣтъ! То отъ вѣтра трясутся лѣса,
То звонъ погребальный плыветъ надъ лугами,
То слезы плывутъ надъ землей, какъ роса,
То падаютъ въ бездну вѣка за вѣками,
И снова мгновенье изъ бездны встаетъ...

Какъ тихо?..
        Какой же то шорохъ неясный?
Не червь ли древесное сердце грызетъ,
Не трубъ ли то отзвукъ пророчески властный,
Полный торжественнымъ гимномъ утра?
Не свистъ ли пожара? Не трескъ ли костра?
Иль первые громы невѣдомой бури,
Готовой промчаться путями лазури,
Со свитой растрепанныхъ тучъ?

Какъ тихо!..
        Но тяжко тому, кто не дремлетъ,
И голосъ молчанья понятливо внемлетъ,
И знаетъ загадки таинственной ключъ;
Тому, кто во мракѣ внимательно слышитъ,
Какъ стонетъ хаосъ, и мятется, и дышитъ,
Творя и рождая во тьмѣ пустоты,
И снова безформеннымъ пальцемъ стираетъ
Своихъ прихотливыхъ твореній черты.

Какъ тихо!..
        И шелестъ березъ замираетъ,
Безсонныя очи звѣзда открываетъ,
Колеблются, словно нѣмые, листы...

В. Танъ.

Чайки.

Только небо, только море...
    Вѣетъ влагой вѣтеръ свѣжій,
        Еле слышны шумы волнъ.
Въ очарованномъ просторѣ,
Мимо сонныхъ побережій
        По волнамъ скользитъ мой челнъ.

И въ безлюдіи великомъ
Чайки носятся толпою:
        То взлетаютъ въ высоту,

То надъ моремъ рѣютъ съ крикомъ,
И закатною зарею
Золотятся на лету.

Чайки вольныя! Любуясь
Вашимъ трепетнымъ полетомъ
Въ блескѣ гаснущаго дня,
Тайнымъ снамъ я повинуюсь,
Тайнымъ думамъ и заботамъ,
Овѣвающимъ меня!

Безпредѣльнымъ миромъ полны
Ваши царства: вѣтеръ свѣжій,
Дали моря, небеса.
Только тихо ропщутъ волны,
Умирая у прибрежій,
Да мелькаютъ паруса,

И, какъ вы, не зная плѣна,
Исчезаютъ безъ возврата
Въ безднахъ зыбкой синевы—
Тоже бѣлые, какъ пѣна,
Золотые въ часъ заката
И свободные, какъ вы...

Нелюдимо ваше счастье!
Межъ утесовъ одичалыхъ
Родились вы и росли.
Васъ баюкало ненастье;
Сосны хмурыя на скалахъ
Ваши гнѣзда стерегли.

Море—вашъ отецъ могучій,
Волны—сестры вамъ родныя.
Все подвластно вамъ—лазурь,
Вѣтры темные и тучи.
Вы—какъ вихри грозовые,
Въ вашемъ крикѣ—эхо бурь.

Чайки вольныя! Скажите,
Изъ какой угрюмой дали
Вы примчались? Много ль дней,
Бѣлокрылыя, летите?
Много ль, странствуя, видали
Незнакомыхъ кораблей?

Надъ хребтами волнъ сердитыхъ
Не всплываютъ ли, какъ прежде,
　　Въ дни норманновъ удалыхъ,
Трупы викинговъ забытыхъ
Въ окровавленной одеждѣ
　　И въ кольчугахъ золотыхъ?

Славя подвиги былые,
Не кочуютъ ли толпою
　　Въ дальнихъ, сѣверныхъ краяхъ
Ихъ дружины боевыя
На украшенныхъ рѣзьбою
　　Темнопарусныхъ ладьяхъ?

И не слышится ль порою
Въ дикомъ воѣ урагана,
　　Въ пѣснѣ мирныхъ рыбарей—
Голосъ ихъ, зовущій къ бою
Изъ гробницы океана
　　Спящихъ въ немъ богатырей?

Сергѣй Маковскій.

* * *

Свободы сѣятель пустынный,
　Я вышелъ рано до звѣзды;
Рукою чистой и безвинной
Въ порабощенныя бразды
Бросалъ живительное сѣмя;
Но потерялъ я только время,
Благіе мысли и труды...
Паситесь, мирные народы:
Васъ не пробудитъ чести кличъ!
Къ чему стадамъ дары свободы?
Ихъ должно рѣзать или стричь!
Наслѣдство ихъ изъ рода въ роды—
Ярмо съ гремушками да бичъ.

А. С. Пушкинъ.

* * *

Завѣса сброшена... Ни новыхъ увлеченій,
Ни тайнъ задумчивыхъ, ни счастья впереди;
Покой оправданныхъ и сбившихся сомнѣній,
Мгла безнадежности въ измученной груди...
Какъ мало прожито,—какъ много пережито!
Надежды свѣтлыя, и юность, и любовь...
И все оплакано... осмѣяно... забыто,
Погребено,—и не воскреснетъ вновь!
Я въ братство вѣровалъ,—но въ черный день невзгоды
Не могъ я отличить собратьевъ отъ враговъ;
Я жаждалъ для людей познанья и свободы,
А міръ—все тотъ же міръ безсмысленныхъ рабовъ.
На грозный бой со зломъ мечталъ я встать сурово
Огнемъ и правдою карающихъ рѣчей,—
И въ храмѣ истины—въ священномъ храмѣ слова,
Я слышу оргію крикливыхъ торгашей!..
Любовь—на мигъ... любовь—забава отъ бездѣлья,
Любовь—не жаръ души, а только жаръ въ крови,
Любовь—больной кошмаръ, тяжелый чадъ похмелья,
Нѣтъ, мнѣ не жаль ея, промчавшейся любви!..
Я не о ней мечталъ безсонными ночами,
И не она тогда являлась предо мной,
Вся—мысль, вся—красота, повитая цвѣтами,
Съ улыбкой дѣвственной и дѣвственной душой!..
Бѣдна, какъ нищая, и, какъ рабыня, лжива;
Въ лохмотья яркія пестро наряжена,
Жизнь только издали нарядна и красива,
И только издали влечетъ къ себѣ она.
Но чуть вглядишься ты, чуть встанетъ предъ тобою
Она лицомъ къ лицу,—и ты поймешь обманъ
Ее величія подъ ветхой мишурою,
И красоты ея подъ маскою румянъ.

С. Я. Надсонъ.

Кузнецъ.

Некрасива пѣснь моя—
Знаю я!
Не похожъ я на пѣвца:
Я похожъ на кузнеца.
Я для кузницы рожденъ,
Я—силенъ!
Пышетъ горнъ въ груди моей;
Не слова, а угли въ ней!
Пѣсню молотомъ кую,
Раздуваетъ пѣснь мою
Грусть моя!
Въ искрахъ я!
Я хотѣлъ бы васъ любить,
Но не въ силахъ нѣжнымъ быть—
Нѣтъ, я грубъ!
Ласки сумрачны мои;
Не идутъ слова любви
Съ жаркихъ губъ.
Кто-то въ сердце шепчетъ мнѣ:
— „Слишкомъ прямъ ты и суровъ,
Не скуешь ты нѣжныхъ словъ
На огнѣ!
Лучше молотъ кузнеца
Подними въ рукѣ твоей
И въ желѣзныя сердца
Бей!“

Скиталецъ.

* * *

Въ убогомъ рубищѣ, недвижна и мертва,
Она покоилась среди пустого поля;
Къ бревну прислонена лежала голова...
Какая выпала вчера ей злая доля?
Зашибъ ли хмель ее среди вечерней тьмы,

Испуганный ли воръ хватилъ ее въ смятеньи,
Недугъ ли поразилъ,—еще не знали мы
И уловить въ лицѣ старались выраженье.
Но вѣяло оно покоемъ неземнымъ...
Народъ стоялъ кругомъ, какъ бы дивяся чуду,
И каждый клалъ свой грошъ въ одну большую груду,
И деньги сыпались къ устамъ ея нѣмымъ.
Вчера ихъ вымолить она бы не сумѣла...
Да, эти щедрые и поздніе гроши,
Что, можетъ быть, спасли бъ нуждавшееся тѣло,
Народъ охотнѣе бросаетъ для души...
Былъ чудный вешній день. По кочкамъ зеленѣли
Побѣги свѣжіе рождавшейся травы,
И дѣти бѣгали, и жаворонки пѣли...
Прохладный вѣтерокъ, вкругъ мертвой головы
Космами жидкими волосъ ея играя,
Казалось, лепеталъ о счастьѣ и веснѣ,
И небо синее въ прозрачной вышинѣ
Смѣялось надъ землей, какъ эпиграмма злая!

А. Н. Апухтинъ.

Агонія.

Изъ Сюлли Прюдома.

Въ часъ кончины моей меньше горестныхъ фразъ!
Горе въ сердцѣ пусть спитъ глубоко!
Но гармоніи сладкой хоть звукъ дайте мнѣ—
И умру я легко...
Звуки музыки въ небо отъ скучной земли
И ея суеты насъ умчатъ;
Пусть баюкаютъ быль мои слезы однѣ,
И пусть люди молчатъ!
Такъ усталъ видѣть ложь я подъ маской любви,
Такъ усталъ отъ сочувственныхъ словъ...
Не понять вамъ тоски безысходной моей,
Не понять моихъ словъ.

Лучше въ тихой мелодіи чувства искать,
Утонуть въ ней больною душой:
Грезы тихо ведутъ къ благодатному сну,
Сонъ же къ смерти самой.
Въ часъ кончины моей меньше горестныхъ фразъ!
Горе въ сердцѣ пусть спитъ глубоко!
Но гармоніи сладкой хоть звукъ дай мнѣ—
И умру я легко...
Мою бѣдную няню пришлите ко мнѣ.
Она стадо въ долинѣ пасетъ.
Извѣстите ее: что, сбираясь навѣкъ
Сдѣлать съ жизнью расчетъ,
Увидать я хочу ея любящій взоръ,
Услыхать ея пѣсню,—и пусть
Монотонный напѣвъ будетъ грустенъ и тихъ:
Мнѣ мила ея грусть!
Вы найдете ее: люди хижинъ живутъ
Дольше насъ... Мы, явившись на свѣтъ,
Прозябаемъ, какъ пальма въ холодной странѣ,
И живемъ... двадцать лѣтъ!
О, оставьте вдвоемъ насъ! Она мнѣ споетъ,
На чело мое руку свою положивъ,—
Звукъ за звукомъ съ любовью ловить буду я,
Все на свѣтѣ забывъ.
И, быть можетъ, одна только грудь и вздохнетъ
Обо мнѣ въ этотъ часъ глубоко.
Я мечтой улечу къ той порѣ, что давно,
Далеко... далеко...
И чтобъ я не слыхалъ, какъ мой остовъ больной
Холодѣетъ, ничемъ не согрѣтъ,
И чтобъ такъ человѣкъ могъ навѣки уснуть,
Какъ явился на свѣтъ...
О, не нужно ни словъ, ни сочувственныхъ фразъ!
Горе въ сердцѣ пусть спитъ глубоко!
Но гармоніи сладкой хоть звукъ дайте мнѣ,
И умру я легко!..

П. Я.

„Пойдемъ!“

Я жду!.. Она придетъ неслышными стопами
 И станетъ, грозная, передъ моимъ одромъ,
И, впившись мнѣ въ уста холодными устами,
 Прошепчетъ мнѣ: „Пойдемъ!“
— Куда?.. Зачѣмъ?.. Постой, ты гость совсѣмъ незваный...
Смотри: весна идетъ... цвѣты цвѣтутъ кругомъ..
Подумай: дѣло ждетъ и умирать мнѣ рано...
 Смерть скажетъ мнѣ: „Пойдемъ!“
— Но нѣтъ, ошиблась ты: не догорѣло пламя
Въ моей больной груди... Еще не грянулъ громъ...
Еще не высится святой свободы знамя...
 Смерть скажетъ мнѣ: „Пойдемъ!“
— Но я еще любимъ! Еще любить хочу я!
Не расквитался я ни съ другомъ, ни съ врагомъ.
И мести жажду я и жажду поцѣлуя...
 Смерть скажетъ мнѣ: „Пойдемъ!“

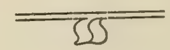
М. Н. Соймоновъ.

* * *

Наше поколѣнье юности не знаетъ,
 Юность стала сказкой миновавшихъ лѣтъ;
Рано въ наши годы дума отравляетъ
Первыхъ силъ размахъ и первыхъ чувствъ расцвѣтъ.
Кто изъ насъ любилъ, весь міръ позабывая?
Кто не отрекался отъ своихъ боговъ?
Кто не падалъ духомъ, рабски унывая?
Не бросалъ щита передъ лицомъ враговъ?
Чуть не съ колыбели сердцемъ мы дряхлѣемъ:
Насъ томитъ безвѣрье, насъ томитъ тоска...
Даже пожелать мы страстно не умѣемъ,
Даже ненавидимъ мы исподтишка!..

О, проклятье сну, убившему въ насъ силы!..
Воздуха, простора, пламенныхъ рѣчей,—
Чтобы жить для жизни, а не для могилы,
Всѣмъ біеньемъ нервовъ, всѣмъ огнемъ страстей!
О, проклятье стонамъ рабскаго безсилья!
Мертвыхъ дней унынья послѣ не вернуть!
Загоритесь, взоры, развернитесь, крылья,
Закипи порывомъ, трепетная грудь!
Дружно за работу, на борьбу съ порокомъ,
Сердце съ братскимъ сердцемъ и съ рукой рука,
Пусть никто не можетъ вымолвить съ упрекомъ:
— „Для чего я не жилъ въ прошлые вѣка!..“

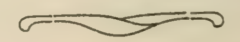
С. Я. Надсонъ.



Молитва.

Она передъ иконой стояла святою:
Скрестилися руки, уста шевелились,
Изъ глазъ ея слезы одна за другою
По блѣднымъ щекамъ жемчугами катились.
Она повторяла все чье-то названье,
И взоръ озарялся молитвеннымъ свѣтомъ,
И было такъ много любви и страданья,
Такъ мало надежды въ моленіи этомъ!
Она преклонилась и долго лежала,
Прильнувъ головою къ землѣ безотвѣтной,
Какъ будто въ томленьи нѣмомъ ожидала,
Что голосъ надъ нею раздастся привѣтный.
Но было все тихо въ молчаніи ночи,
Лампада мерцала во моакѣ тревожномъ,
И скорбно смотрѣли Спасителя очи
На ту, что съ моленьемъ пришла невозможнымъ.

Гр. А. Голенищевъ-Кутузовъ.



Артистъ И. Ѳ. Булатовъ.

Изъ „Пѣсенъ былыхъ годовъ".

Я ее побѣдилъ, роковую любовь,
Я убилъ ее, злую змѣю,
Что безъ жалости жадно пила мою кровь,
Что измучила душу мою.
Я свободенъ, спокоенъ опять,
Но не радостенъ этотъ покой...
Если ночью начну я въ мечтахъ засыпать,
Ты сидишь, какъ бывало, со мной;
Мнѣ мерещатся снова они,
Эти жаркіе лѣтніе дни,
Эти долгія ночи безсонныя,
Безмятежныя моря струи,
Разговоры и ласки твои,
Тихимъ смѣхомъ твоимъ озаренные...
А проснулся я,—ночь, какъ могила, темна
И подушка моя холодна,
И мнѣ некому сердце излить...
И напрасно молю я волшебнаго сна,
Чтобъ на мигъ мою жизнь позабыть.
Если жъ многіе дни безъ свиданья пройдутъ,
Я тоскую, не помня измѣнъ и обидъ;

Если пѣсню, что любишь ты, вдругъ запоютъ,
Если имя твое невзначай назовутъ,
Мое сердце, какъ прежде, дрожитъ.
Укажи же мнѣ путь, назови мнѣ страну,
Гдѣ прошедшее я прокляну,
Гдѣ бы могъ не рыдать я съ безумной тоской
Въ одинокій, полуночный часъ!
Гдѣ бы образъ твой, нѣкогда мнѣ дорогой,
Поблѣднѣлъ и погасъ!
Куда скрыться мнѣ?.. Дай же отвѣтъ!
Но отвѣта не слышно: страны такой нѣтъ.—
И какъ перлы въ загадочной безднѣ морей,
Какъ на небѣ вечернемъ звѣзда.
Противъ воли твоей, противъ воли моей
Ты со мною вездѣ и всегда!

А. Н. Апухтинъ.

Смерть.

„Я жить хочу!“ кричитъ онъ дерзновенный,
„Пускай обманъ! О, дайте мнѣ обманъ!“
И въ мысляхъ нѣтъ, что это—ледъ мгновенный,
А тамъ, подъ нимъ,—бездонный океанъ.
Бѣжать? куда? гдѣ правда, гдѣ ошибка?
Опора гдѣ, чтобъ руки къ ней простерть?
Что ни расцвѣтъ живой, что ни улыбка,—
Уже надъ ними торжествуетъ смерть.
Слѣпцы напрасно ищутъ, гдѣ дорога,
Довѣрясь чувствъ живымъ поводырямъ;
Но если жизнь—базаръ крикливый Бога,
То только смерть—его безсмертный храмъ.

А. А. Фетъ.

Пѣсня молота.

Быстро кружатся колеса машинъ,
Вѣчно дымятся фабричныя трубы,
Къ небу ползутъ по вершинамъ осинъ
Дыма тяжелаго клубы...
Молотъ гигантскій желѣзо куетъ,
Искры фонтаномъ летятъ отъ удара,
Всюду шныряетъ рабочій народъ,
Подлѣ кадильнаго жара...
Въ стукѣ фабричнаго мощнаго молота
Слышится пѣснь всемогущаго золота.
Бѣденъ рабочихъ убогій нарядъ,
Дико сверкаютъ усталыя очи—
Видно, не спать приходилось подъ рядъ
Имъ за работою ночи.
Времени нѣтъ предаваться мечтамъ,
Нужно смотрѣть имъ за огненной лавой,
Грудью вдыхать по цѣлымъ ночамъ
Воздухъ, дышащій отравой.
Слышите въ ударахъ могучаго молота
Вѣчную пѣснь всемогущаго золота.
Взвизгнулъ во быстро мракѣ фабричный свистокъ:
Смѣна рабочихъ настала вторая;
Вотъ заалѣлся румянцемъ востокъ,
Близкій разсвѣтъ предвѣщая...
Даже на нарахъ живительнымъ сномъ
Послѣ тяжкихъ трудовъ забываясь,
Долго рабочій во мракѣ ночномъ
Слышитъ порой, пробуждаясь,
Въ стукѣ фабричнаго мощнаго молота,
Тотъ же все гимнъ всемогущаго золота.

Е. Вернеръ.

Правда.

Ахъ ты гой еси, правда-матушка,
  Велика ты, правда, широка стоишь!
Ты горами поднялась до поднебесья.
Ты степями, государыня, раскинулась,
Ты морями разлилася синими,
Городами изукрасилась людными,
Розрослася лѣсами дремучими!
Не объѣхать кругомъ тебя во сто лѣтъ,
Посмотрѣть на тебя—шапка валится!

Выѣзжало семеро братіевъ,
Семеро выѣзжало добрыхъ молодцевъ,
Посмотрѣть выѣзжали молодцы,
Какова она, правда, на свѣтѣ живетъ?
А и много про нее говорено,
А и много про нее писано,
А и много про нее лыгано.

Поскакали добры молодцы,
Всѣ семеро братьевъ удалыхъ,
И подъѣхали къ правдѣ съ семи концовъ
И увидѣли правду съ семи сторонъ.

Посмотрѣли добры молодцы,
Покачали головами удалыми,
И вернулись на свою родину.
А вернувшись на свою родину,
Всякъ разсказывалъ правду по своему:
Кто горой называлъ ее высокою,
Кто городомъ люднымъ торговымъ,
Кто моремъ, кто лѣсомъ, кто степію.
И поспорили братья промежъ собой,
И вымали мечи булатные
И рубили другъ друга до смерти,
И, рубяся, корилися, ругалися,
И братъ брата звалъ обманщикомъ.
Наконецъ, полегли до единаго
Всѣ семеро братьевъ удалыхъ.

Умирая жъ, каждый сыну наказывалъ,
Рубитися наказывалъ до смерти,
Полегти за правду, за истину.
То жъ и сынъ сыну наказывалъ...
И доселѣ ихъ внуки рубятся,
Всѣ рубятся за правду, за истину
На великое себѣ разоренiе.

А сказана притча не въ осужденiе,
Не въ укоръ сказана—въ поученiе,
Добрымъ людямъ въ уразумѣнiе.

Графъ А. К. Толстой.

* * *

Была пора; вершилось дѣло:
Во мракѣ тюремъ, предъ судомъ,
По строгимъ правиламъ, умѣло
Палачъ терзалъ живое тѣло
Водой, желѣзомъ и огнемъ.
На площадяхъ толпы гудѣли,
Подъ небеса клубился дымъ.
Священный гимнъ монахи пѣли,
И колдуны въ огнѣ горѣли,
И вѣдьмы корчились надъ нимъ.
Упорно свѣтъ боролся съ тьмою
И побѣдилъ!.. Его заря
Блеститъ надъ грѣшною землею:
Больныхъ не жгутъ передъ толпою,
И не клянутъ у алтаря.
Но все жъ мы сдѣлали немного!
Стоятъ темницы, мiръ въ крови,
И люди тщетно ищутъ Бога,
Не зная, гдѣ лежитъ дорога
Къ свободѣ, правдѣ и любви!..

В. И. Немировичъ-Данченко.

* * *

Убыль страсти, убыль гнѣва
  Въ истомившихся сердцахъ...
Таетъ громкій звукъ напѣва,
Таетъ скорбно на устахъ.

Затаенная усталость,—
Взоръ потухъ, къ землѣ поникъ...
О погибшихъ братьяхъ жалость,
О возмездьи слабый крикъ.

Опустились тяжко крылья
Къ обманувшей ихъ землѣ,
Стонъ боязни и безсилья
Глухо ропщетъ въ полумглѣ.

Толсты стѣны старыхъ башенъ;
Врагъ безжалостенъ и дикъ...
Для усталаго онъ страшенъ,
Для безгнѣвнаго—великъ,

Но пройдетъ пора больная,
Хлынетъ свѣжихъ силъ прибой,
Загорится, зажигая,
Снова свѣточъ боевой.

Сбросятъ бремя роковое,
Смѣлы, юны, горячи,
И подымутся для боя
Заостренные мечи.

...Толсты стѣны старыхъ башенъ,
Врагъ безжалостенъ и дикъ,
Но для гнѣвныхъ онъ не страшенъ!
Для безгнѣвныхъ—не великъ!

Л. М Василевскій.

Ссора.

„Не пора ль, Пантелей, постыдиться людей
И опять за работу приняться!
Промоталъ хомуты, промоталъ лошадей,
Вѣрно, по міру хочешь таскаться?
Вѣдь и такъ отъ сосѣдей мнѣ нѣту житья,
Показаться на улицу стыдно:
Словно въ трубы трубятъ: „что, родная моя,
Твоего Пантелея не видно?“
А ты думаешь: гдѣ же опричь ему быть,
Чай, опять загулялъ съ бурлаками...
И сердечко въ груди закипитъ—закипитъ,
И, вздохнувши, зальешься слезами.“
— Не дурачь ты меня, мужъ женѣ отвѣчалъ,
Я не первый денекъ тебя знаю.
Да по чьей же я милости пьяницей сталъ,
И теперь ни за что пропадаю?
Не вино съ бурлаками,—я кровь свою пью.
Ею горе мое заливаю,
Да за чаркой тебя проклинаю, змѣю...
И тебя, и себя проклинаю!
Ахъ, ты время мое, золотая пора,
Не видать уже тебя, вѣрно, болѣ!
Какъ, бывало, съ зарей, на телѣгахъ съ двора
Ѣдешь рожь убирать въ свое поле,—
Сбруя вся на заказъ, кони—либо взглянуть,
Словно звѣри изъ упряжи рвутся;
Не успѣешь, бывало, возжей шевельнуть,—
Ужъ, голубчики, вихремъ несутся.
Пашешь,—пѣсню поешь, косишь,—устали нѣтъ.
Придетъ праздникъ,—помолишься Богу,
По деревнѣ идешь,—и почетъ и привѣтъ:
Старики уступаютъ дорогу!
А теперь... Одного я вотъ въ толкъ не возьму:
Въ закромахъ у насъ чисто и пусто,
Ину пору и нѣту соломы въ дому,
Въ кошелѣ и подавно не густо,—
На тебя жъ поглядишь,—что откуда идетъ,

Что ни праздникъ,—иная обновка...
Оно, можетъ, тебѣ и Господь подаетъ,
Да не вѣрится... что-то не ловко...—
— „Не велишь ли ты мнѣ въ старыхъ тряпкахъ ходить?“
Покраснѣвши жена отвѣчала:
— „Кажись, было на что мнѣ обновки купить,—
Я, вѣдь, цѣлую зимушку пряла.
Вотъ тебѣ-то, неряхѣ, великая честь!
Вишь, онъ рѣчи какія заводитъ!
Самому же лаптишекъ не хочется сплесть,
А зипунъ-то онучи не стоитъ.“
— Поистерся немного! не всѣмъ щеголять;
Бѣдняку что Богъ далъ, то и ладно.
А ты любишь гостей-то по платью встрѣчать:
Сосѣдъ ходитъ недаромъ нарядно.—
— „Ахъ, родные мои,—закричала жена:—
Ужъ и гостя привѣтить нѣтъ воли!
Ну, хорошъ мужечекъ, хороши времена:
Не води съ людьми хлѣба и соли!
Да вотъ на-ка тебѣ! Не по твоему быть!
Я не больно тебя испугалась!
Таки будетъ сосѣдъ ко мнѣ въ гости ходить,
Чтобъ сердечко твое надрывалось!“
— Коли такъ, ну и такъ!—мужъ женѣ отвѣчалъ:
Мнѣ тебя переучивать поздно,
Ужъ и то я грѣха много на душу взялъ,
А сосѣда повыпытать можно...
Перестанемъ кричать! Собери-ка поѣсть:—
Я и то другой день безъ обѣда,
Дай хоть хлѣба ломоть, да влей щей, коли есть,
Молоко-то оставь для сосѣда.
— „Да вотъ хлѣба-то я не успѣла испечь!“
Жена, въ лавки вскочивши, сказала:
— „Коли хочешь поѣсть, почини прежде печь...“
И на печку она указала.
Мужъ ни слова на это женѣ не сказалъ!
Взялъ зипунъ свой и шапку съ постели,
Постоялъ у окна, головой покачалъ
И пошелъ, куда очи глядѣли.
Только онъ изъ воротъ, сосѣдъ вотъ онъ—идетъ.

Шапка на бокъ, халатъ на распашку,
Отъ коневыхъ сапогъ чистымъ дегтемъ несетъ,
И застегнута лентой рубашка.
— „Будь здоровъ, Пантелей! что повѣсилъ, братъ,
носъ?
Аль запала въ головушку дума?"
—Видишь, бойкій какой! А ты мнѣ что за спросъ?—
Пантелей ему молвилъ угрюмо.
— „Что такъ больно сердитъ? Знать, болитъ голова,
Или просто некстати зазнался?"
Пантелей второпяхъ засучилъ рукава,
Исподлобья кругомъ озирался...
— Эхъ... была не была! ну, держися, дружокъ!
И мужикъ во всю мочь развернулся,
Да какъ хватитъ сосѣда съ размаху въ високъ,
И не охнулъ бѣднякъ—протянулся...
Ввечеру Пантелей ужъ сидѣлъ въ кабакѣ
И, слегка подгульнувъ съ бурлаками,
Крѣпко руку свою прислонивши къ щекѣ,
Пѣсни пѣлъ, заливаясь слезами.

И. С. Никитинъ.

Сонъ.

Давненько не бывалъ я въ сторонѣ родной...
Но не нашелъ я въ ней замѣтной перемѣны.
Все тотъ же мертвенный безсмысленный застой,
Строенія безъ крышъ, разрушенныя стѣны,
И та же грязь, и вонь, и бѣдность, и тоска!
И тотъ же рабскій взглядъ, то дерзкій, то унылый...
Народъ нашъ вольнымъ сталъ; и вольная рука
Виситъ, попрежнему, какой-то плеткой хилой.
Все, все попрежнему... И только лишь въ одномъ
Европу, Азію, весь свѣтъ мы перегнали...

Нѣтъ! никогда еще такимъ ужаснымъ сномъ
Мои любезные соотчичи не спали!
Все спитъ кругомъ: вездѣ, въ деревняхъ, въ городахъ,
Въ телѣгахъ, на саняхъ, днемъ, ночью, сидя, стоя...
Купецъ, чиновникъ спитъ; спитъ сторожъ на часахъ
Подъ снѣжнымъ холодомъ—и на припекѣ зноя!
И подсудимый спитъ — и дрыхнетъ судія;
Мертво спятъ мужики: жнутъ, пашутъ—спятъ: молотятъ—
Спятъ тоже; спитъ отецъ, спитъ мать, спитъ вся семья...
Всѣ спятъ! Спитъ тотъ, кто бьетъ, и тотъ, кого колотятъ!
Одинъ царевъ кабакъ—тотъ не смыкаетъ глазъ...
И, штофъ съ очищенной всей пятерней сжимая,
Лбомъ въ полюсъ упершись, а пятками въ Кавказъ,
Спитъ непробуднымъ сномъ отчизна Русь святая!

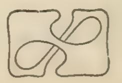
И. С. Тургеневъ.

Сказка.

Призываетъ король Аладинъ
Грознымъ звономъ стального меча
Въ свой дворецъ золотой—палача...
Но ни съ горныхъ вершинъ, ни съ цвѣтущихъ долинъ
Къ королю не пришелъ ни одинъ.

Съ той поры для свободныхъ людей,—
И покоя и счастья полна,—
Точно садъ, расцвѣла та страна.
Нѣтъ тамъ тяжелыхъ цѣпей, ни темницъ, ни бичей,—
Потому что тамъ нѣтъ палачей.

С. Ивановъ-Райновъ.



Артистъ П. Л. Скуратовъ.

Старый капралъ.

Изъ П. Беранже.

Въ ногу ребята идите!
  Полно, не вѣшать ружья!
Трубка со мной—проводите
Въ отпускъ безсрочный меня.
Я былъ отцомъ вамъ, ребята,
Вся въ сѣдинахъ голова...
Вотъ она служба солдата!
    Въ ногу ребята! Разъ! Два!
    Грудью поддайся!
    Не хнычь, ровняйся!..
    Разъ! Два! Разъ! Два!

Да, оскорбилъ офицера!
Молодъ и онъ оскорблять
Старыхъ солдатъ. Для примѣра
Должно меня разстрѣлять.
Выпилъ я... кровь заиграла...
Дерзкія слышу слова—
Тѣнь императора встала...

Въ ногу ребята! Разъ! Два!
Грудью поддайся!
Не хнычь, ровняйся!..
Разъ! Два! Разъ! Два!

Братцы! Солдатскіе годы,
Служба—въ рукахъ у судьбы...
Помню я наши походы,
Время великой борьбы!
Эхъ, наша слава пропала...
Сказкой казарменной стала!..
Въ ногу ребята! Разъ! Два!
Грудью поддайся!
Не хнычь, ровняйся!..
Разъ! Два! Разъ! Два!

Ты, землячокъ, поскорѣе
Къ нашимъ стадамъ воротись,
Нивы у насъ зеленѣе,
Легче дышать... Поклонись
Храмамъ селенья родного.
Боже! Старуха жива!..
Не говори ей ни слова...
Въ ногу ребята! Разъ! Два!
Грудью поддайся!
Не хнычь, ровняйся!..
Разъ! Два! Разъ! Два!

Кто тамъ такъ громко рыдаетъ?
А! Я ее узнаю...
Русскій походъ вспоминаетъ...
Да, отогрѣлъ всю семью...
Снѣжной тяжелой дорогой
Несъ ея сына... Вдова
Вымолитъ миръ мнѣ у Бога.
Въ ногу ребята! Разъ! Два!
Грудью поддайся!
Не хнычь, ровняйся!..
Разъ! Два! Разъ! Два!

Трубка, никакъ, догорѣла?
Нѣтъ, затянусь еще разъ;
Близко, ребята! За дѣло!

Прочь, не завязывать глазъ!
Цѣлься вѣрнѣе! Не гнуться!
Слушать команды слова!
Дай Богъ домой вамъ вернуться...
Въ ногу ребята! Разъ! Два!
Грудью поддайся!
Не хнычь, ровняйся!..
Разъ! Два! Разъ! Два!

В. Курочкинъ.

* * *

Въ судѣ онъ слушалъ приговоръ.
Его галеры ожидали;
Онъ былъ бѣднякъ, и былъ онъ воръ.
Недѣлю дѣти голодали,
И, нищетой удручена,
Глядѣла въ гробъ его жена;
Труды, заботы, огорченья,
Знать, не по силамъ были ей;
И поддался онъ искушенью:
Укралъ на хлѣбъ семьѣ своей.
И осужденіе безстрастно
Прочелъ ему синедріонъ;
Казалось, нищетой ужасной
Никто изъ нихъ не пораженъ.
Примѣръ не новъ, да и напрасно
Жалѣть,—неумолимъ законъ!
Лишь одному людское горе
Доступно было въ этотъ мигъ,
Любовь въ одномъ свѣтилась взорѣ:
Глядѣлъ—и кротокъ, и великъ,—
Среди безмолвной тишины,
Христосъ распятый со стѣны...

А. Н. Плещеевъ.

Растолкуйте мнѣ.

Растолкуйте мнѣ, люди крещеные,—
Не пойму я никакъ, хоть убей,—
Тотъ языкъ и тѣ взгляды мудреные,
Что сложились въ отчизнѣ моей.
Растолкуйте мнѣ: что называется
У насъ глупостью, дурью, умомъ?
Чѣмъ развратъ отъ любви отличается?
Гдѣ граница межъ зломъ и добромъ?
Какъ отъ честныхъ людей намъ безчестнаго,
Какъ отъ правды намъ ложь отличить?
Ничего мнѣ, и всѣмъ-то извѣстнаго,
Моимъ глупымъ умомъ не рѣшить!

Растолкуйте мнѣ, люди крещеные,
Какъ чудакъ тотъ, что тьмы не честитъ,
Что не лѣзетъ въ ослы золоченые
И глупцамъ ѳиміамъ не куритъ,
Тотъ чудакъ, что весь вѣкъ свой сражается
То съ нуждой, то съ неправдой и зломъ,—
Какъ онъ, люди, чай, умнымъ считается?
— Ахъ напротивъ... всегда дуракомъ!

Хорошо! Ну, а тотъ, мои милые,
Кто примѣръ съ дурака не беретъ,
Кто весь вѣкъ свой за деньги постылыя
И себя, и другихъ продаетъ;
Кто тиранитъ, плодитъ преступленія
И стяжаньямъ не знаетъ препонъ,—
Онъ еще, чай, глупѣй безъ сомнѣнія?
— Ахъ, напротивъ... конечно, уменъ!

Растолкуйте еще мнѣ, родимые,
Что развратъ иль любовь то была бъ,
Если дѣвушка въ руки любимыя
Безъ вѣнца свою честь отдала бъ,
И безъ думъ, безъ борьбы и смятенія,
Вслѣдъ за милымъ пошла бы хоть въ адъ?
Знаю, знаю, любовь, безъ сомнѣнія?
— Ахъ, напротивъ... то страшный развратъ!

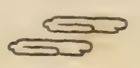
Хорошо! Ну, а что жъ, мои милые,
Будетъ то, если, деньги любя,
Та же дѣвушка въ руки постылыя
Отдаетъ намъ законно себя,
А потомъ безъ стыда и влеченія
Всѣмъ тайкомъ отдаетъ себя вновь?
Знаю, знаю—развратъ, безъ сомнѣнія?
— Ахъ, напротивъ... конечно, любовь!

И еще растолкуйте мнѣ темному,—
Что добро или зло сдѣлалъ тотъ,—
Кто сыскалъ горемыкѣ бездомному
Средства жить безъ нужды и заботъ,
Кто спасъ жертву грѣха, заблужденія
И навѣкъ прояснилъ ей чело?
Знаю, знаю,—добро, безъ сомнѣнія?
— Ахъ, напротивъ... то страшное зло!

Хорошо! Ну, а тотъ, кто, потворствуя
Тунеядству и лѣни родной,
Грошъ иль корку сухую и черствую
Сыплетъ нищему щедрой рукой;
Кто, увлекши на ложе паденія,
Падшихъ съ шикомъ рядитъ въ серебро...
Знаю, знаю,—то зло, безъ сомнѣнія?
— Ахъ, напротивъ... конечно, добро!

Ну, спасибо вамъ, люди крещеные!
Ну, спасибо! Довольно пока...
Вы въ языкъ вашъ и взгляды мудреные
Посвятили меня, дурака.
Я узналъ теперь—что называется
У васъ глупостью, дурью, умомъ,
Чѣмъ развратъ отъ любви отличается,
Гдѣ граница межъ зломъ и добромъ.
А ужъ то, какъ отъ честныхъ безчестнаго,
Иль отъ истины ложь отличать,
То не трудно, по смыслу извѣстнаго,
И безъ васъ ужъ мнѣ, люди, рѣшать.

Н. Пушкаревъ.



На кончину Пушкина.

Изъ чьей руки свинецъ смертельный
Поэту сердце растерзалъ?
Кто сей божественный фіалъ
Разрушилъ, какъ сосудъ скудельный?
Будь правъ или виновенъ онъ
Предъ нашей правдою земною,
Навѣкъ онъ высшею рукою
Въ цареубійцы заклейменъ.
А ты, въ безвременную тьму
Вдругъ поглощенная со свѣта,
Миръ, миръ тебѣ, о тѣнь поэта,
Миръ свѣтлый праху твоему!..
На зло людскому суесловью,
Великъ и святъ былъ жребій твой:
Ты былъ боговъ органъ живой,
Но съ кровью въ жилахъ... знойной кровью.
И сею кровью благородной
Ты жажду чести утолилъ
И, осѣненный, опочилъ,
Хоругвью горести народной.
Вражду твою пусть Богъ разсудитъ,
Кто слышитъ пролитую кровь...
Тебя жъ, какъ первую любовь,
Россіи сердце не забудетъ!

Ѳ. И. Тютчевъ.

* * *

Другъ мой, братъ мой, усталый, страдающій братъ
Кто бъ ты ни былъ, не падай душой:
Пусть неправда и зло полновластно царятъ
Надъ омытой слезами землей.
Пусть разбитъ и поруганъ святой идеалъ
И струится невинная кровь:—

Вѣрь, настанетъ пора—и погибнетъ Ваалъ,
И вернется на землю любовь!
Не въ терновомъ вѣнцѣ, не подъ гнетомъ цѣпей,
Не съ крестомъ на согбенныхъ плечахъ,—
Въ міръ придетъ она въ силѣ и славѣ своей,
Съ яркимъ свѣточемъ счастья въ рукахъ.
И не будетъ на свѣтѣ ни слезъ, ни вражды,
Ни безкрестныхъ могилъ, ни рабовъ,
Ни нужды, безпросвѣтной, мертвящей нужды,
Ни меча, ни позорныхъ столбовъ.
О, мой другъ! Не мечта этотъ свѣтлый приходъ
Не пустая надежда одна:
Оглянись:—зло вокругъ черезчуръ ужъ гнететъ,
Ночь вокругъ черезчуръ ужъ темна!
Міръ устанетъ отъ мукъ, захлебнется въ крови,
Утомится безумной борьбой,—
И подниметъ къ любви, къ беззавѣтной любви,
Очи, полныя скорбной мольбой!..

С. Я. Надсонъ.

Фрина.

Свободная Фрина судей пристыдила,
Когда, обвиненная, до наготы
Роскошное тѣло свое обнажила—
Явилась имъ вся въ божествѣ красоты.
Смутился доносчикъ и ахнулъ судья.
— „Я знаю, кто вы, и вы знайте, кто я,—
Скалъ гетера:—и вотъ, какова я!
Стою на судѣ передъ вами нагая!
Дрожите? За что жъ вы меня такъ безславили?..“
И все зашумѣло; восторженный крикъ:
— „Богиня, богиня!“ на площадь проникъ,
И судьи трибуну, какъ дѣти, оставили
И въ храмъ потекли—и алтарь ей поставили.

Свободная мысль, если ты не больная,
Не тощая мысль, а полна красоты
И силы, явись намъ, какъ Фрина, нагая,
Во всемъ обаяньѣ своей наготы,
И смѣло скажи ты намъ: знайте, кто я!..
Смутится доносчикъ, и ахнетъ судья,
И, полны восторгомъ, и полны смятенiемъ,
Толпы за толпой потекутъ съ увлеченiемъ.

Я. П. Полонскiй.

Больной.

(Б. Н. Орленеву).

Вы говорите, докторъ, я здоровъ,
А между тѣмъ роднымъ моимъ сказали,
Что боленъ я, и чтобъ безъ дальнихъ словъ
Они меня въ больницу отправляли!..
Ахъ, докторъ, докторъ! Право, вы... чудакъ!..
И одного понять не можете никакъ,
Что для меня болѣзнь моя – отрада:
Здоровья жъ вашего и даромъ мнѣ не надо,
Того здоровiя, которымъ вы больны.
Мои слова вамъ кажутся смѣшны?
А между тѣмъ, ей Богу, подъ сомнѣньемъ,
Кого сажать полезнѣй въ желтый домъ:
Меня иль тѣхъ, кто съ дикимъ озлобленьемъ
Бѣснуется кругомъ!..
Судите сами: всѣмъ твердилъ я безъ изъятья,
Что надо жить, какъ намъ Господъ велѣлъ,
Что всѣ несчастные, всѣ сирые – намъ братья,
Что ихъ судьбу я бъ облегчить хотѣлъ.
Богатыхъ звалъ я съ бѣдными дѣлиться;
Я говорилъ, что нашъ священный долгъ
Для блага ближняго работать и трудиться.
И что жъ? Какой же вышелъ толкъ?

Толкъ? Никакого... Да-съ! Подобными рѣчами
Одинъ эффектъ я произвелъ:
Всѣ отходили прочь, слегка пожавъ плечами.
И говорили вслухъ: „Да онъ съ ума сошелъ!"
Я видѣлъ дѣвушку... прекрасная, святая,
Чистѣйшей красоты чистѣйшій образецъ!
Казалось мнѣ, что на землю изъ рая
На утѣшенье намъ послалъ ее Творецъ.
Порывы свѣтлыхъ думъ, возвышенныя чувства,
Умъ, сердце, красота—все было въ ней... Она
Любила музыку, поэзію, искусства,
Но, по несчастію, была бѣдна...
И торгъ, постыдный торгъ свершился. За мильоны
Развратникъ старый молодость купилъ.
Напрасны были жалобы и стоны:
Звонъ золота всѣ крики заглушилъ;
И я рыдалъ... рыдалъ кровавыми слезами!
Вѣдь человѣкъ, поймите жъ, погибалъ
И, жертву обхвативъ нечистыми руками,
Богъ нашихъ дней маммонъ торжествовалъ.
А вы твердили мнѣ, какъ будто бы въ участьи:
— „О чемъ вы плачете? Вѣдь дѣвушка была
Совсѣмъ бѣдна, нуждалася, и счастье
Въ такомъ замужествѣ, навѣрное, нашла:
Чиновный старый мужъ, богатство, экипажи.
Пріемы, выѣзды, всегда роскошный столъ..."
И добавляли тихо:—„глупо даже
Ее жалѣть... Нѣтъ, онъ съ ума сошелъ!"
Изъ грязи пошлости, изъ мелкаго разврата
Я вытащилъ ее... Свое ей имя далъ;
Любилъ какъ божество возвышенно и свято,
Обманщицу считалъ за свѣтлый идеалъ;
А между тѣмъ она безстыдно, безпощадно
Лгала во всемъ, а я не видѣлъ ничего.
Но горькій часъ насталъ; съ тоскою безотрадной
Я вспоминаю часъ позора своего.
Какъ былъ я оскорбленъ! Какъ глубоко униженъ
Когда, войдя, увидѣлъ, что она,
Моя законная любимая жена,—
И мой начальникъ... А!.. Стоялъ я неподвиженъ..
Казалось мнѣ, земля разверзлась предо мной!

О, это свыше силъ!.. Все вмигъ погибло: вѣра,
Любовь, надежда!.. Все!.. Съ такою красотой
Испорченность такая безъ примѣра!..
Я чуть не задушилъ ее за эту ложь!..
А мнѣ пріятели твердятъ кружкомъ согласнымъ:
— „Ты не воспользовался случаемъ прекраснымъ:
Жена начальнику понравилась; такъ что жъ?
Вѣдь это, милый другъ, блестящая карьера!
Да развѣ не было подобнаго примѣра?!
А онъ исторію скандальную завелъ!..
Дуракъ!.. Дуракъ!.. Да ты съ ума сошелъ!..“
Такихъ безумствъ я дѣлалъ очень много...
Недаромъ же меня безумнымъ назвалъ свѣтъ.
Да, докторъ, правы вы! Конечно, судя строго,
Мнѣ, сумасшедшему, здѣсь больше мѣста нѣтъ!
Я въ желтый домъ пойду... Съ условною моралью
И безусловной подлостью смѣшать
Могли вы умъ! Ну, что же, исполать!
Прикрывъ безнравственность приличія вуалью,
Вы будете считать здоровыми себя,
И, соболѣзнуя о сумасшедшемъ другѣ,
Жать, нѣжась, руки, искренно скорбя,
Его „несчастной,“ „брошенной“ супругѣ!..
. . . .

Вы говорите, докторъ, я здоровъ,
А между тѣмъ роднымъ моимъ сказали,
Что боленъ я, и чтобъ безъ дальнихъ словъ
Они меня въ больницу отправляли?!
Да я и самъ пойду... Но долженъ лишь сказать
Всѣмъ подлецамъ грядущимъ и прошедшимъ,
Что предпочту остаться сумасшедшимъ,
Чѣмъ здравымъ смысломъ вашимъ обладать!

В. Мазуркевичъ.

Ада Негри.

Привѣтъ вамъ.

Salute

Привѣтъ мой вамъ, богатыри сохи!
Подъ ревомъ тучъ, подъ солнцемъ нестерпимымъ
Берете вы у жадныхъ глыбъ земли
Свой жалкій хлѣбъ.

И вамъ привѣтъ, богатыри труда!
Кто въ рудникахъ, въ проклятомъ мракѣ черномъ,
Едва дыша, вонзаетъ въ землю ломъ
И день и ночь.

Зловѣщій гулъ воды донесся... Мигъ—
И рухнулъ сводъ съ непобѣдимой силой,
И въ безднѣ, гдѣ крутится прахъ,—царитъ
Печаль и смерть.

Но грудь горы разбита. Паровикъ
Ее насквозь прошелъ побѣдоносно,
И шествіе привѣтствуя его,
Блеститъ Заря!

Привѣтъ мой вамъ, богатыри ума,
Вожди толпы и мученики мысли,

Чьи звѣздами горящія сердца
Зовутъ на бой!

И вамъ привѣтъ, кто бодрствуетъ въ трудѣ,
Въ безвѣстности... Изъ сердца моего
Несется въ небо крикъ: „Вамъ, сильнымъ духомъ,
Святой привѣтъ!“

* * *

Привѣтъ вамъ, желѣзныя груди!
Весь вѣкъ, до доски гробовой,
Вы трудитесь въ шумѣ ревущемъ
Своей мастерской.

Привѣтъ вамъ, постигшимъ отраду
Трудиться до ночи съ утра.
Привѣтъ вамъ, сподвижникамъ мысли,
Сохи, топора!

Я вижу работницъ усталыхъ
Въ своихъ заколдованныхъ снахъ,
Скелеты судовъ несчислимыхъ,
Погибшихъ въ волнахъ;

Несчастные дѣти и старцы,
Калѣки, отверженный людъ,
Разбитыя горемъ. больныя
Идутъ и идутъ...

Ихъ говоръ я издали слышу,
Я ихъ голоса узнаю
И въ сердцѣ рабочаго шума
Свободно пою,

Пою тебя, рать трудовая!
Будь братствомъ своимъ велика,
Надѣйся, борись неустанно!
Жизнь такъ коротка!

Надъ нивой труда, надъ главами
Стоящихъ и павшихъ блестятъ
Безсмертныя звѣзды и солнце,
Какъ Господа взглядъ.

А. Негри (Пер. А. Ѳедоровъ).

Пѣсня объ арестантахъ.

Вижу ль я, какъ порой, подъ охраной штыковъ,
Между массами гражданъ свободныхъ,
Съ потрясающимъ душу бряцаньемъ оковъ
Проведутъ арестантовъ голодныхъ,
И какъ всѣ съ отвращеньемъ при встрѣчѣ такой
Торопливо ряды ихъ обходятъ,
Иль съ кичливой насмѣшкой и ярой враждой
На несчастныхъ лорнеты наводятъ,—
Два враждебныя чувства тревожатъ тогда
Мое сердце,—два чувства несходныхъ:
Чувство жалости къ павшимъ и чувство стыда
За друзей моихъ — гражданъ свободныхъ.
И шепчу я, угрюмъ, безпощаденъ и строгъ:
Братья! намъ ли клеймить ихъ презрѣньемъ?
Мы и сами-то всѣ кандидаты въ острогъ,
Развѣ съ самымъ пустымъ исключеньемъ!

Кто изъ насъ никогда и ни въ чемъ не грѣшилъ,
Кто хоть разъ не сбивался съ дороги,
И хоть разъ по закону не долженъ бы былъ
Въ кандалы заковать свои ноги?
Кто изъ насъ, укажите мнѣ, братья мои,
Былъ всю жизнь свою чуждъ заблужденьямъ,
И отъ нищихъ до баръ, отъ истца до судьи—
Никогда не впадалъ въ преступленья?
Кто изъ насъ,—если бъ судъ знать и видѣть все могъ,
Иль судить о проступкахъ прошедшихъ,—
Ужъ давно, и не разъ, не попалъ бы въ острогъ
И ужъ меньшее въ домъ сумасшедшихъ?
Кто изъ насъ только деньгамъ, связямъ и уму
Не обязанъ подчасъ былъ спасеньемъ?
Всѣ мы, граждане, всѣ кандидаты въ тюрьму,
Развѣ съ самымъ пустымъ исключеньемъ!

Этотъ, бывшій судьей, грабилъ вдовъ и сиротъ,
Не читая, скрѣплялъ приговоры,
То-есть, жилъ, какъ и всякій преступникъ живетъ,

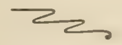
Какъ живутъ и тюремные воры.
Тотъ, родившись купцомъ, весь свой вѣкъ обиралъ
Насъ не хуже, чѣмъ жуликъ острожный,
Тотъ побоями въ гробъ своихъ женъ загонялъ,
Какъ убійца и извергъ безбожный.
Тотъ тиранилъ дѣтей, безъ нужды и конца
Ихъ способности, умъ притупляя,
Сѣкъ и билъ, билъ и сѣкъ, и по праву отца
Идіотовъ готовилъ для края.
Такъ, кого не возьмешь, всѣхъ отмѣтилъ насъ Богъ
Этихъ—тѣмъ, тѣхъ—другимъ преступленьемъ...
Всѣ мы, граждане, всѣ кандидаты въ острогъ,
Развѣ съ самымъ пустымъ исключеньемъ!

Все различье межъ нами и ими лишь въ томъ,
Что мы—нѣтъ, а они попадались.
Что проступки однихъ разбирались судомъ,
А другихъ безъ суда оставлялись.
Что, воруя, тираня и грабя другихъ,
Мы умнѣй только ихъ поступали,
И искуснѣй слѣды преступленій своихъ
Отъ суда и отъ свѣта скрывали.
Да еще развѣ въ томъ, что имѣли въ рукахъ
Много шансовъ судовъ не бояться,
Много власти—внушать имъ покорность и страхъ,
Много денегъ—отъ нихъ откупаться.
Въ остальномъ же во всемъ, съ головы и до ногъ
Эти люди—портреты намъ, братья!
Всѣ мы, граждане, всѣ кандидаты въ острогъ,
Всѣ, почти что совсѣмъ безъ изъятья!

Не смотрите жъ на нихъ, хоть изъ выгодъ своихъ,
Черезчуръ свысока и надменно,
Можетъ быть, между ними не мало такихъ,
Что почище и васъ несравненно.
Можетъ быть, если бъ Богъ намъ увидѣть привелъ
Страшный судъ, вы бъ смѣнились ролями:
Арестантъ бы на судъ тотъ свободенъ пришелъ,
Вы пришли бы, гремя кандалами;
Арестантъ бы возсѣлъ тамъ на кресло судьи,
Вы—съ стыдомъ—на скамьѣ подсудимыхъ.
Какъ тогда поглядѣли бы вы, братья мои,

На людей, вами здѣсь такъ гонимыхъ?
Берегитесь, чтобъ судъ не былъ страшенъ и строгъ,
Лучше кайтесь теперь со смиреньемъ!
Всѣ мы, граждане, всѣ кандидаты въ острогъ,
Развѣ съ самымъ пустымъ исключеньемъ!

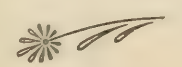
Н. Пушкаревъ.



Приданое.

По городу плачъ и стенанье...
Стучитъ гробовщикъ день и ночь...
Еще бы ему не работать!
Просваталъ красавицу дочь!
Сидитъ гробовщица за крепомъ
И шьетъ—а въ глазахъ, какъ узоръ,
По черному такъ и мелькаетъ
Въ цвѣтахъ подвѣнечный уборъ.
И думаетъ: „справлю жъ невѣсту,
Одѣну ее, что княжну...
Княженъ повидали мы вдоволь—
На дняхъ хоронили одну.
Все розаны были на платьѣ,
Почти подъ вѣнцомъ померла;
Такъ въ брачномъ нарядѣ и клали
Во гробъ-то... Красотка была!
Одѣнемъ и Глашу не хуже,
А въ церкви всѣ свѣчи зажжемъ;
Подумаютъ: графская свадьба!
Ужъ въ грязь не ударимъ лицомъ!..“
Мечтаетъ старушка—у двери жъ
Звонокъ за звонкомъ... „Ну, житье!
Заказовъ-то—Господи Боже!
Ну, Глаша, знать счастье твое!“

А. Н. Майковъ.



Изъ „Пѣсенъ о Стенькѣ Разинѣ“.

Подъ шапкой утреннихъ тумановъ
Молчатъ сосновые лѣса
Про удальство и чудеса
Давно погибшихъ атамановъ...
Давно въ горахъ не свищетъ пуля,
Кистень въ лѣсу не сторожитъ;
Лишь чайка въ воздухѣ дрожитъ,
Свою добычу карауля...
Изъ трубъ поселка дымъ взлетаетъ,
Земля сохою поднята,
Стучитъ топоръ, и выплываютъ
Въ горахъ сѣдые беркута...
Но духъ людей, которымъ тѣсенъ
Казался міръ въ избыткѣ силъ,
Родной напѣвъ поволжскихъ пѣсенъ
Въ своемъ размахѣ сохранилъ.
И пѣсня та путиной долгой –
И величава, и стройна—
Несется вмѣстѣ съ синей Волгой,
Кидая въ душу сѣмена...
Кто пѣсню вольную заслышитъ,
Кто отъ души ее споетъ,—
Любое сердце расколышетъ,
Любыя цѣпи разобьетъ!

Д. Н. Садовниковъ.

Позднее мщеніе.

Она не можетъ спать... Назойливая, злая
Тоска ее грызетъ. Пылаетъ голова,
И душитъ мракъ ее, и давитъ тишь ночная...
Знакомый голосъ, ей по сердцу ударяя,

Лепечетъ страшныя, безумныя слова:
— „Когда, потупивъ взоръ, походкою усталой
Сегодня тихо шла за гробомъ ты моимъ,
Ты думала, что все межъ нами миновало...
Но въ комнату твою вошелъ я, какъ бывало,
И снова мы съ тобой о прошломъ говоримъ.
Ты помнишь, сколько разъ ты вѣрность мнѣ сулила,
А я тебя молилъ о правдѣ лишь одной.
Но ложью ты мнѣ жизнь, какъ ядомъ, отравила,
Всѣ тайны прошлаго сказала мнѣ могила,—
И вся душа твоя открыта предо мной.
Я все тебѣ прощалъ: обманы, оскорбленья,
Я только для тебя хотѣлъ дышать и жить...
Ты предала меня врагамъ безъ сожалѣнья...
И вотъ теперь она пришла, минута мщенья,
Теперь я силенъ тѣмъ, что не могу простить.
Я силенъ потому, что трупъ не шевельнется,
Не запылаетъ взоръ отъ блеска красоты,
Что сердце, полное тобою, ужъ не бьется,
Что въ мой свинцовый гробъ твой голосъ не ворвется,
Что нѣтъ въ немъ воздуха, которымъ дышишь ты!
Я буду мстить тебѣ. Когда, вернувшись съ бала,
Ты, сбросивъ свой нарядъ, останешься одна,
Въ невольномъ забытьи задремлешь ты сначала,
Но въ комнату твою войду я, какъ бывало,
И ночь твоя пройдетъ тревожно и безъ сна.
И все, забытое среди дневнаго гула,
Тогда припомнишь ты: и день тотъ роковой
Когда безжалостно меня ты обманула,
И тотъ, когда меня такъ грубо оттолкнула,
И тотъ, когда такъ зло смѣялась надо мной!
Я мщу тебѣ за то, что жилъ я пресмыкаясь,
Въ безвыходной тоскѣ дары небесъ губя,
За то, что я погибъ, словамъ твоимъ ввѣряясь.
За то, что, чуя смерть и съ жизнью разставаясь.
Я проклялъ эту жизнь и душу, и тебя!..“

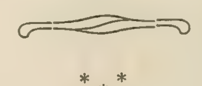
А. Н. Апухтинъ.

Женщинѣ.

Изъ Луи Булье.

Какъ? Такъ и ты лгала, твердя: „люблю тебя?“
  Къ чему жъ? Вѣдь, не меня, о бѣдное творенье,
Обманывала ты, а самое себя...
Могла найти любовь—нашла одно прощенье.
Бери его такимъ, какимъ его даю:
Широкимъ, искреннимъ. Пусть совѣсть не тревожитъ
Души твоей; что я любилъ въ тебѣ, не можетъ
Погибнуть,—я любилъ въ тебѣ мечту мою.
Твой свѣточъ потому лишь ярко такъ свѣтилъ,
Что моего огня я далъ ему избытокъ;
И сердца твоего дешевенькій напитокъ
Въ чистѣйшее вино я чудомъ превратилъ.
Ничтожный инструменъ, ты дивно такъ звучала
Лишь потому, что я, могучій виртуозъ,
Касался струнъ его,—и пѣснь, что вылетала
Оттуда—то пѣснь моихъ волшебныхъ грезъ.
И если было въ ней такъ много обаянья
И гордой мощи,—вѣрь, что ты здѣсь въ сторонѣ:
Чтобъ дать ничтожеству блескъ яркаго сіянья,—
Любить и вѣровать довольно было мнѣ.
Ну, а теперь прощай! Тебѣ—твоя дорога.
Я выпилъ все до дна изъ кубка моего,
И пиръ оконченъ мой. А ежели немного
Осталось тамъ вина... лакей допьетъ его.

П. И. Вейнбергъ.



* * *

Потомство узнаетъ, потомство услышитъ
  Всѣ ваши неправды,—всю нашу печаль.
Оно заклеймитъ васъ, оно васъ запишетъ
Въ кровавую славы скрижаль!
Оно изумится тому, какъ жестоки
И холоды были людскія сердца,

Какъ нагло толпою побиты пророки,
Задушены пѣсни пѣвца!

. . . .

И юность правдивая, вспыхнувши грозно,
Отвагой святой закипитъ:
— „Зачѣмъ, о зачѣмъ родились мы такъ поздно
Для мщенія страшныхъ обидъ?"
Падетъ безошибочно мечъ приговора—
Тираны въ гробахъ затрепещутъ своихъ!
Поставятъ къ столбу роковому позора
Въ тотъ день не тирановъ однихъ,
Но также и васъ, малодущные братья,
Которые мимо распятыхъ идутъ—
И громкаго, страстнаго слова проклятья
Позору въ лицо не швырнутъ!..

П. Я.

* * *

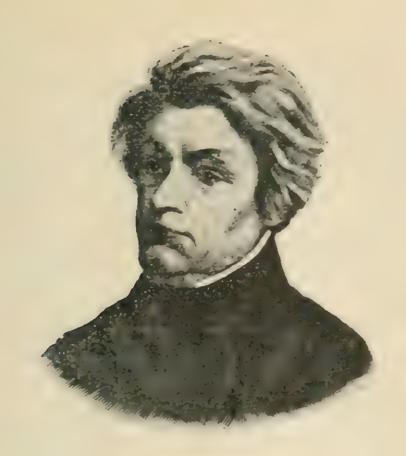
Внимая ужасамъ войны,
При каждой новой жертвѣ боя
Мнѣ жаль не друга, не жены,
Мнѣ жаль не самаго героя...
Увы! утѣшится жена,
И друга лучшій другъ забудетъ;
Но гдѣ-то есть душа одна—
Она до гроба помнить будетъ!
Средь лицемѣрныхъ нашихъ дѣлъ
И всякой пошлости и прозы,
Однѣ я въ мірѣ подсмотрѣлъ
Святыя, искреннія слезы—
То слезы бѣдныхъ матерей!
Имъ не забыть своихъ дѣтей,
Погибшихъ на кровавой нивѣ,
Какъ не поднять плакучей ивѣ
Своихъ поникнувшихъ вѣтвей.

Н. А. Некрасовъ.

Древне-шотландская баллада.

—„Эдвардъ, мой милый сынъ! Я вижу кровь на платьѣ:
Скажи мнѣ, кто тебя могъ ею запятнать?“
— Я сокола убилъ,—о, горе мнѣ, проклятье!
Я сокола убилъ, возлюбленная мать.
— „Эдвардъ, мой милый сынъ! Въ крови и плащъ широкій,—
Едва ли птицы кровь струиться такъ могла?“
— Коня я закололъ... Свершая путь далекій,
Онъ утомленный палъ и смерть его ждала.
— „Эдвардъ, мой милый сынъ! Къ словамъ твоимъ нѣтъ вѣры,—
Нѣтъ, не коня здѣсь кровь, пролитая тобой!“
— Права ты, мать моя!—Пусть гибнутъ лицемѣры—
Не соколъ и не конь,—отецъ зарѣзанъ мной.
— „Какъ смѣлъ ты посягнуть на жизнь отца, несчастный?
Чѣмъ успокоишь ты страдальческую тѣнь?“
— Гонимый совѣстью, подъ пыткой ежечасной,
Безъ цѣли буду я скитаться ночь и день.
— „Судъ строгій надъ собой въ твоей, конечно, волѣ,
Но бросить не дерзай жилище и поля!“
— Пусть рушится мой домъ и оскудѣетъ поле,
Бурьяномъ поростетъ, гдѣ злаки сѣялъ я.
— „Подумай о семьѣ... Что станется съ женою?
Кто защититъ дѣтей-сиротокъ безъ тебя?“
— Господень свѣтъ великъ... Съ протянутой рукою
Пусть по міру идетъ преступника семья.
— „А матери родной что, сынъ мой, оставляешь
И въ жизни будущей и въ этой, до конца?“
— Проклятье, мать моя! Проклятье!.. Вѣдь, ты, знаешь,
Кто ножъ мой наточилъ на бѣднаго отца!

Н. Н. Гельшертъ.



А. Мицкевичъ.

Пѣснь Вайделота.

Изъ А. Мицкевича.

„Когда несетъ въ Литву зараза истребленье,
Провидитъ ходъ ея пророческое зрѣнье:
И, если вѣрите народнымъ вы пѣвцамъ,
Среди глухихъ кладбищъ, по дебрямъ и холмамъ
Является не разъ намъ дѣва моровая,
Вся въ бѣломъ, на челѣ съ пылающимъ вѣнкомъ,
Ростъ бѣловѣжскихъ древъ главою превышая,
И окровавленнымъ въ рукѣ грозитъ платкомъ.

„У замковъ стражи ихъ подъ шлемы очи
кроютъ;
А псы у поселянъ, уткнувши морды въ прахъ,
И чуя злую смерть, на всю окрестность воютъ.

„И устремляется зловѣщій дѣвы шагъ
На веси, города, богатыя владѣнья:
И каждый разъ, когда платкомъ она махнетъ,

Какой-нибудь дворецъ приходитъ въ запустѣнье;
Гдѣ ступитъ, свѣжая могила ужъ растетъ.

Видѣнье горькое, но горшею бѣдою
Съ нѣмецкой стороны грозилъ Литвы покою
Шлемъ свѣтлый, страуса украшенный перомъ,
И съ нимъ широкій плащъ и черный крестъ на
немъ!

„Гдѣ то страшилище прошло, являя силу,
Что гибель поминать тамъ селъ и городовъ?
Тамъ цѣлая страна низринута въ могилу!
Ахъ! въ комъ еще живъ духъ изъ всѣхъ Литвы
сыновъ,

Приди ко мнѣ сюда, на гробъ народовъ взглянемъ,
Въ раздумьѣ сѣвъ на немъ, мы пѣть и плакать
станемъ...

„О, быль народная! Ковчегъ завѣта ты,
Давно отжившаго съ живымъ ты единенье;
Въ тебя кладетъ народъ бойца вооруженье,
И пряди думъ своихъ и чувствъ своихъ цвѣты!

„Ты невредимъ, ковчегъ, пока въ дни испы-
таній
Народъ не запятналъ того, что ты хранишь;
О, пѣснь народная, на стражѣ ты стоишь
У храма дорогихъ его воспоминаній,
И крылья у тебя Архангела, и рѣчь: —
Порой Архангела ты также держишь мечъ...

„Дѣлъ громкихъ истребитъ огонь изобра-
женья,
Богатства разнесетъ губительный злодѣй:
Безвредно пѣснь уйдетъ и обойдетъ людей;
Когда жъ у низкихъ душъ не достаетъ терпѣнья
Питать ее тоской, надеждою поить,
Бѣжитъ въ ущелья горъ, вокругъ развалинъ вьется,
Чтобъ о быломъ еще оттуда говорить...
Такъ и изъ зданія, гдѣ пламя разольется,
Взлетаетъ соловей, на мигъ присядетъ онъ
На крышу— рухнула!—въ лѣса онъ улетаетъ,

И грудью звонкою, гробами окруженъ,
Прохожимъ скорби пѣснь надъ пепломъ запѣваетъ.

„Я слушалъ пѣснь. Сохой за кости задѣвалъ
Столѣтній селянинъ, идя по лону нивы,
И начиналъ играть въ свирѣль изъ вѣтки ивы
Усопшимъ гимнъ, иль васъ онъ пѣснью поминалъ,
Отцы—бездѣтные .. и эхо отвѣчало.
Я слушалъ издали. Казалось, средь долинъ
Тѣмъ выше зрѣлище, тѣмъ пѣснь грустнѣй звучала,
Что видѣлъ я его, внималъ ему—одинъ.

„Какъ въ страшный день суда воздвигнетъ
изъ могилы
Архангела труба давно остывшій прахъ:
Такъ кости изъ-подъ ногъ сдвигались на поляхъ
Отъ пѣсни, въ образы несокрушимой силы.
Изъ пыли—арки вдругъ встаютъ, ряды столбовъ,
Шумятъ подъ веслами озера голубыя,
И видны двери тамъ, отверстія дворцовъ,
Вѣнцы князей, войны доспѣхи боевые;
И пляшетъ дѣвъ кружокъ, пѣвцами оживленъ—
Чудесно грезилъ я—жестоко пробужденъ!

„И нѣтъ лѣсовъ, и горъ родимыхъ предъ очами!
Мысль, утомленными взмахнувъ еще крылами,
Спустилась, сжалася въ домашнемъ уголкѣ,
И лютня замерла въ хладѣющей рукѣ;
Ужъ голосъ прошлаго не слышенъ мнѣ порою,
Когда собратій стонъ доходитъ до меня!
Но искры иного досель во мнѣ огня
Все тлѣютъ въ глубинѣ, вдругъ вспыхнутъ предо
мною
И жизнь въ душѣ зажгутъ, и память озарятъ.
И какъ хрустальная тогда она лампада,
Которой живопись дала красу наряда;
Царапины и пыль ее хоть потемнятъ,
Но красокъ свѣжестью она приманитъ взоры,
Когда свѣтильню ты зажжешь внутри у ней,
И по стѣнамъ она обители царей
Разстелетъ чудные, хоть тусклые, узоры.

„О, если бъ только могъ огонь свой перелить
Я въ души внемлющихъ, у смерти изъ объятій
Могъ вырвать прошлое! Когда бъ сердца собратій
Умѣлъ я звучными словами шевелить,
Быть можетъ, что еще они бы въ то мгновенье,
Когда родная пѣснь глубоко тронетъ ихъ,
Сердецъ, какъ встарину, почуяли біенье;
Отцовъ великій духъ тогда бъ проснулся въ нихъ,
И такъ возвышенно хоть мигъ они бъ прожили,
Какъ предки ихъ всю жизнь когда-то проводили“.

Пер. ***Н. Семеновъ.***

Колоколъ.

Я—гулкій мѣдный ревъ, рожденный жизни бездной,
Злой крикъ набата я!
Грубъ твердый голосъ мой, тяжелъ языкъ желѣзный,
Изъ мѣди—грудь моя!
И съ вашимъ пѣніемъ не можетъ слиться вмѣстѣ
Мой голосъ: онъ поетъ
Обиду кровную, а сердце—пѣсню мести
Въ груди моей куетъ!
Изъ грязи выходецъ, я жилъ въ болотной тинѣ,
Я въ мукахъ возмужалъ.
Суровый рокъ меня отъ юныхъ дней донынѣ
Давилъ и унижалъ.
О, да! Судьба меня всю жизнь нещадно била;
Душа моя—въ крови...
И въ сердцѣ, гдѣ теперь еще осталась сила,
Нѣтъ больше словъ любви!
Я лишь суровыя слова и мысли знаю,
Я весь, всегда въ огнѣ...
И пѣснь моя—дика, и въ слово „проклинаю!“
Слилося все во мнѣ!

Скиталецъ.

Холодно... Голодно!!.

Холодно... голодно!...
Мрачно въ лачугѣ...
Сильнымъ порывомъ
Бушующей вьюги
Вышибло въ рамѣ окно.
Въ уголъ прижавшись,
Тамъ женщина хилая
Нѣжно ласкаетъ дитя.
„Холодно, мамочка,
„Холодно, милая,
„Мама! Согрѣй же меня!"
Грѣетъ несчастная мать
Полумертвая, грѣетъ
Дыханьемъ своимъ,
Спроситъ тревожно: „тепло?"
И подумаетъ: „жизнь ты постылая,
Смерть бы скорѣй принесло"...
Холодно... голодно...
Мысли мѣшаются
Взоръ все безумнѣй глядитъ,
Въ шею ребенка вдругъ
Руки впиваются...
„Мамочка! Мама, пусти!"
„Спи, ненаглядный мой",
Мать усмѣхается,
Лучше тамъ. Къ Богу иди!"...
Холодно... голодно!
Вѣтеръ избенку,
На бокъ склоняя, ломалъ,
Къ мертвому нѣжно
Прижавшись ребенку,
Матери трупъ остывалъ...

Н. Н.

Городъ.

I.

Безумный старый гробовщикъ!
Копаешь ты свои могилы,
И жизнь, и молодость, и силы,
Смѣясь, хоронишь каждый мигъ.

Среди твоихъ гніющихъ стѣнъ
Палачъ, предатель наготовѣ.
Ты весь пропитанъ ядомъ крови,
Ты западня и душный плѣнъ.

Ты весь незримо населенъ
Тѣнями тайнаго страданья.
Твои потухнувшія зданія
Таятъ рыданія временъ.

Людей лукаво ты зовешь
Въ свои порочныя трущобы
И, полонъ старой, чахлой злобы,
Изъ ихъ сердецъ невинность пьешь.

И дряхлый кашель мостовыхъ,
И хриплый вой голодной черни,
И дымъ, и смрадъ, и страхъ вечерній,
И блескъ потоковъ золотыхъ,—

Ты все въ одномъ кошмарѣ слилъ,
На брата злобно поднялъ брата,
И преступленья и разврата
Мечту безумную родилъ.

II.

Въ глухую ночь твой духъ—вампиръ
Къ сердцамъ склоняется съ любовью
И вотъ они, истекши кровью,
Въ тоскѣ клянутъ прекрасный міръ.

О будь же проклятъ, злой паукъ,
Соткавшій имъ, безвиннымъ, сѣти!
О проклятъ будь за стоны эти—
Кошмарныхъ сновъ, ненужныхъ мукъ!

Какъ въ тигровыхъ глазахъ, въ немъ яркій
свѣтъ искрится.
На глубинѣ жъ едва колеблемыхъ зыбей
Купаются суда и стадо лебедей.

Перев. *Н. Луговскій.*

Бѣглецы.

Въ шумящемъ просторѣ запѣнилось море,
И буря трепещетъ, и молнія блещетъ—
Бѣжимъ!
И громъ возрастаетъ, и громъ пропадаетъ,
Какъ будто онъ тонетъ, и тонетъ, и стонетъ—
Спѣшимъ!
Земля, точно море: въ движеньи и въ спорѣ
Все мечется, бродитъ, отъ бури уходитъ—
Бѣжимъ!
„Міръ безбрежный далекъ, одинокъ нашъ челнокъ;—
Не смутитъ насъ ничто, не догонитъ никто“—
Онъ вскричалъ.
А она: „Отплывай! на весло налегай!
Поскорѣй, поскорѣй!“—между темныхъ зыбей
Вѣтеръ всталъ.
Чья-то тѣнь на скалѣ, загорѣлся во мглѣ
Пушки огненный свѣтъ, выстрѣлъ глухъ, и въ отвѣтъ
Грянулъ валъ.
„Мы съ бурей поспоримъ, мы бѣгъ нашъ ускоримъ,
Ты видишь, одни мы, никѣмъ не гонимы,
Только я и ты!“
Четою согласной, прекрасной и страстной,
Они уплываютъ, весь міръ забываютъ,—
Шепчутъ имъ мечты,
А волны, какъ горы, возносятъ узоры,
И бьются, и мчатся, и къ небу стремятся,
Жаждутъ высоты.

Недвижнымъ видѣньемъ, объятый смущеньемъ,
У крѣпости мрачной, склонясь, новобрачный
Сидитъ.
На башнѣ высокой, какъ духъ одинокій,
Отецъ разъяренный, грозой окруженный,
Глядитъ.
Сѣдины склоняетъ и дочь проклинаетъ
И съ вѣтромъ онъ споритъ, и громъ ему вторитъ:
Гудитъ.

Н. Д. Бальмонтъ.

Купанье.

Вечеромъ яснымъ она у потока стояла,
Моя прозрачныя ножки во влагѣ жемчужной;
Струйка воды ихъ съ любовью собой обвивала,
Тихо шипѣла и брызгала пѣной воздушной...
Кто бъ любовался красавицей этой порою,
Какъ надъ потокомъ она, будто лотосъ, склонилась,
Змѣйкою станъ изогнула и бѣлой ногою
Стала на черный обрывистый камень и мылась,
Грудь наклонивши надъ зыбью зеркальной потока;
Кто бъ посмотрѣлъ на нее, облитýю лучами,
Или увидѣлъ, какъ страстно, привольно, широко
Прядали волны на грудь ей толпами
И, какъ о мраморъ кристаллъ, разбивались, блѣднѣя,
Тотъ пожелалъ бы, клянусь я, чтобъ въ это мгновенье
Въ мраморъ она превратилась, какъ мать-Ніобея,
Вѣчно бъ здѣсь мылась, грядущимъ вѣкамъ въ наслажденье!

Н. Ѳ. Щербина.

И. С. Никитинъ.

* * *

Вырыта заступомъ яма глубокая...
Жизнь невеселая, жизнь одинокая,
Жизнь безпріютная, жизнь терпѣливая,
Жизнь, какъ осенняя ночь, молчаливая...
Горько она, моя бѣдная, шла
И, какъ степной огонекъ, замерла.
Что же?.. Усни, моя доля суровая!
Крѣпко закроется крышка сосновая,
Плотно сырою землею придавится,—
Только однимъ человѣкомъ убавится...
Убыль его никому не больна,
Память о немъ никому не нужна!..
Вотъ она—слышится пѣснь беззаботная,—
Гостья погоста, пѣвунья залетная,
Въ воздухѣ синемъ на волѣ купается;
Звонкая пѣснь серебромъ разсыпается...
Тише!.. О жизни поконченъ вопросъ—
Больше не нужно ни пѣсенъ ни слезъ!

И. С. Никитинъ.

Господь съ тобой.

Вся жизнь—обманъ, погоня за мечтою...
    Вѣдь счастье—мигъ: нѣтъ розы безъ шиповъ!
Что сердце жаждало съ безумною тоскою—
Настанетъ часъ—умчится безъ слѣдовъ.
Былъ мигъ, твоихъ очей сіянье говорило,
Что любишь ты, что счастье мнѣ дано.
    Господь съ тобой! То слишкомъ чудно бъ было...
    Господь съ тобой! То мнѣ не суждено...
Житейскихъ бурь и я позналъ волненья,
Встрѣчалъ и ложь и злобу на пути...
Усталый и больной—искалъ самозабвенья,
Когда передо мной явилась ты.
Твоя любовь блаженство мнѣ дарила
И вѣрилъ я, насъ счастье ждетъ одно.
    Господь съ тобой! То слишкомъ чудно бъ было...
    Господь съ тобой! То мнѣ не суждено...
Нависли тучи, въ сумракѣ волшебномъ
Нѣмая тишь, гроза ужъ собралась!
Вокругъ темно,—темно и въ сердцѣ бѣдномъ.
Насталъ, увы! разлуки нашей часъ;
Но, чтобъ судьба въ грядущемъ не сулила,
Въ моей душѣ я сберегу одно:
    Господь съ тобой! То слишкомъ чудно бъ было...
    Господь съ тобой! То мнѣ не суждено.

И. Арбенинъ.

Розы.

Во дни надежды молодой,
    Во дни безоблачной лазури
Намъ незнакомы были бури;
Безпечно жили мы съ тобой.

Для насъ—цвѣты благоухали,
Луна свѣтила—только намъ;
Лишь мнѣ съ тобою—по ночамъ
Пѣлъ соловей свои печали.
Въ тѣ беззаботные года
Не знали мы житейской прозы...
Какъ хороши тогда,
Какъ свѣжи были розы!
Тѣ годы минули давно!
Извѣдавъ горя и печали,
Мы много скорби повстрѣчали.
Но унывать, мой другъ, грѣшно!..
Взгляни, какъ Божiй мiръ прекрасенъ:
Небесный сводъ—глубокъ и чистъ,
Нашъ садъ такъ тѣнистъ, такъ душистъ
И теплый день—и тихъ и ясенъ—
Пахнулъ въ растворенную дверь,
Въ цвѣтахъ—росы сiяютъ слезы...
Какъ хороши теперь,
Какъ свѣжи эти розы!
За все, что выстрадали мы,
Повѣрь, воздастся намъ сторицей.
Жизнь пронесется вереницей;
И послѣ сумрачной зимы
Опять въ расцвѣтшiя долины
Сойдетъ волшебница-весна,
Засвѣтитъ кроткая луна,
Польется рокотъ соловьиный—
И отдохнемъ мы отъ труда.
Вернутся радости и грезы...
Какъ хороши тогда,
Какъ свѣжи будутъ розы!

К. Р.

***

Вѣтеръ полуночи отклики дальніе
  Сонной пустынѣ принесъ.
Чьи же то вздохи принесъ онъ печальные,
Чьи же то вздохи больные, прощальные,
Полные сдержанныхъ слезъ?
    Пусть бы хоть капли упали холодныя,
    Стала бы легче печаль.
    Чьи же то слезы вовѣкъ безысходныя,
    Чьи же то слезы ночныя, безплодныя,
    Въ тучахъ уносятся вдаль?
Странницы-тучи бѣгутъ безпріютныя,
Молча бѣгутъ въ вышинѣ.
Чьи же то тѣни несутся попутныя,
Чьи же то тѣни дрожащія, смутныя
Съ ними бѣгутъ наравнѣ?
    Странницы-волны текутъ неустанныя,
    Тѣшатся шумной игрой.
    Чьи же то взоры мелькаютъ туманные,
    Чьи же то лица неясныя, страстныя
    Въ волнахъ мелькаютъ порой?
Лѣсъ надъ рѣкою наполнился шопотомъ,
Гулъ докатился изъ мглы.
Кто же въ вершинахъ разсѣялся ропотомъ,
Кто тамъ промчался сквозь заросли съ топотомъ,
Быстро шурша о стволы?
    Блеклые листья толпой безпорядочной
    Ринулись слѣпо впередъ.
    Кто ихъ наполнилъ тоской лихорадочной,
    Кто окрыляетъ погоней загадочной
    Ихъ торопливый полетъ?

В. Танъ.

* * *

Снилось мнѣ, что я боленъ, что мозгъ мой горитъ
И отъ жажды уста запеклись,
А твой голосъ мнѣ нѣжно и грустно звучитъ:
— „Дорогой мой, очнись, отзовись...“
Жизнь едва только тлѣетъ во мнѣ, но тебя
Такъ мнѣ жаль, ненаглядный мой другъ,—
И въ тревожной тоскѣ я стараюсь, любя,
Пересилить на мигъ мой недугъ.
И на мигъ я глаза открываю... Кругомъ—
Полумракъ; воспаленный мой взоръ
На обояхъ, при свѣтѣ лампадки, съ трудомъ
Различаетъ знакомый узоръ..
Гдѣ-то хрипло часы завываютъ и бьютъ...
По стѣнамъ отъ цвѣтовъ на окнѣ
Прихотливыя тѣни, какъ руки, ползутъ,
Простираясь отвсюду ко мнѣ.
Ты стараешься ближе въ лицо мнѣ взглянуть
И мучительно отклика ждешь,
И горячую руку свою мнѣ на грудь,
На усталое сердце кладешь...
Я проснулся. Былъ день,—мутный день безъ лучей.
Низко бѣлыя тучи ползли...
Фортепьянныя гаммы и крики дѣтей
Доносились ко мнѣ издали...
Осень вѣяла въ душу щемящей тоской,
Сѣялъ дождь, и, съ утра раздраженъ,
Цѣлый день, какъ въ чаду, проходилъ я больной,
Вспоминая печально мой сонъ...
Ахъ, зачѣмъ онъ былъ сномъ, лишь обманчивымъ сномъ,
И зачѣмъ наяву ты меня
Снова, пошлая жизнь, обступила кругомъ
Суетой и заботами дня?!

С. Я. Надсонъ.

* * *

Это не женщина, другъ мой, что каждому
Ласки свои расточаетъ безумныя,
Юность низводитъ на оргіи шумныя,—
Къ горькимъ лобзаніямъ, къ ложу продажному.
Это не женщина, другъ мой!.. Эдема намъ
Не отверзаетъ она безконечнаго...
Это злой геній, ниспосланный демономъ:
Нѣтъ въ ней прекраснаго, нѣтъ въ ней сердечнаго.
Женщина—кроткое Божье созданіе;
Женщина—мать, Магдалина смущенная,
Та, чья отерла коса благовонная
Ноги Іисуса въ часы покаянія.
Женщина—отблескъ сіянія майскаго,
Лучъ золотой надъ гробницами тлѣнія,
Женщина—тѣнь изъ селенія райскаго,
Женщина—счастье, любовь и прощеніе.

К. Фофановъ.

Гдѣ красота.

Красота—въ упоительныхъ грезахъ,
Что дарятъ тебѣ ангелы сна;
Красота—въ нераскрывшихся розахъ,
Что приноситъ съ собою весна.
Красота—въ этомъ небѣ далекомъ,
Гдѣ вечернія звѣзды блестятъ;
Красота—въ твоемъ взорѣ глубокомъ,
Гдѣ прекрасныя мысли горятъ.
Красота—въ молчаливомъ лобзаньи,
Что мои зажигаетъ уста...
Въ вѣрѣ, въ правдѣ, въ поэзіи, въ знаньи—
И въ любви... и въ тебѣ красота!

Т. Л. Щепкина-Куперникъ.

А. А. Фетъ.

Весна.

Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ
Разсказать, что солнце встало,
Что оно горячимъ свѣтомъ
По листамъ затрепетало;

Разсказать, что лѣсъ проснулся,
Весь проснулся, вѣткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полонъ жаждой...

Разсказать, что съ той же страстью,
Какъ вчера, пришелъ я снова,
Что душа все такъ же счастью
И тебѣ служить готова...

Разсказать, что отовсюду
На меня весельемъ вѣетъ,
Что не знаю самъ, что буду
Пѣть,—но только пѣсня зрѣетъ.

А. А. Фетъ.

Изъ случайныхъ встрѣчъ.

Въ безумно-шумномъ вихрѣ бала
Судьба на мигъ столкнула насъ.
Ты въ свѣтъ вступала въ первый разъ
И вся отъ счастья трепетала.
Была ты вся—мечта и греза
Въ сіяньи блещущихъ огней—
И блѣдно-палевая роза
Дрожала на груди твоей.

Прошли года. Томимъ тоскою,
Въ скитаньяхъ я искалъ отрадъ...
И вдругъ опять твой свѣтлый взглядъ
Сверкнулъ мнѣ яркою звѣздою.
Тебя семьи объяла проза,
Ты шла въ кругу своихъ дѣтей—
И блѣдно-палевая роза
Дрожала на груди твоей.

Дни пролетали, угасая...
И вновь тебя увидѣлъ я,—
Другой шепталъ тебѣ: моя!
А ты внимала, замирая.
Твой грѣхъ душистая мимоза
Скрывала межъ своихъ вѣтвей...
И блѣдно-палевая роза
Дрожала на груди твоей.

Бокаловъ звонъ... Порокъ мятежный
Всѣхъ охватилъ здѣсь, какъ недугъ.
Въ толпѣ блудницъ сверкнулъ мнѣ вдругъ
Знакомый ликъ и взоръ твой нѣжный.
Въ твоихъ глазахъ дрожали слезы,
Шептала ты: „Вина!.. скорѣй!..“
И блѣдно-палевая роза
Дрожала на груди твоей.

Вчера мнѣ путь пресѣкли дроги,
На нихъ въ гробу лежала ты;
И были блѣдныя черты
Полны и муки, и тревоги.

Померкла скорбной жизни греза,
Угасъ огонь твоихъ очей!..
И блѣдно-палевая роза
Дрожала на груди твоей.

Д. М. Ратгаузъ.

* * *

Слеза дрожитъ въ твоемъ ревнивомъ взорѣ—
О, не грусти, ты все мнѣ дорога!
Но я любить могу лишь на просторѣ:
Мою любовь, широкую, какъ море,
Вмѣстить не могутъ жизни берега.
Когда Глагола творческая сила
Толпы міровъ воззвала изъ ночи,
Любовь ихъ всѣ, какъ солнце, озарила,
И лишь на землю, къ нимъ, ея свѣтила
Нисходятъ порознь рѣдкіе лучи.
И порознь ихъ отыскивая жадно,
Мы ловимъ отблескъ вѣчной красоты;
Намъ вѣстью лѣсъ о ней шумитъ отрадной,
О ней потокъ гремитъ струею хладной,
И говорятъ, качаяся, цвѣты.
И любимъ мы любовью раздробленной
И тихій шопотъ вербы надъ ручьемъ,
И милой дѣвы взоръ, на насъ склоненный,
И звѣздный блескъ, и всѣ красы вселенной,—
И нечего мы вмѣстѣ не сольемъ.
Но не грусти: земное минетъ горе;
Пожди еще—неволя не долга—
Въ одну любовь мы всѣ сольемся вскорѣ,
Въ одну любовь, широкую, какъ море,
Что не вмѣстятъ земные берега.

А. К. Толстой.

Фантазія.

Мы одни. Изъ сада въ стекла оконъ
Свѣтитъ мѣсяцъ. Тусклы наши свѣчи.
Твой душистый, твой послушный локонъ,
Развиваясь, падаетъ на плечи...

Что жъ молчимъ мы? Или самовластно
Царство тихой, свѣтлой ночи мая?
Иль поетъ и ярко такъ, и страстно,
Соловей, надъ розой изнывая?
Иль проснулись птички за кустами
Тамъ, гдѣ вѣтеръ колыхалъ ихъ гнѣзда,
И, дрожа ревнивыми лучами,
Ближе, ближе къ намъ нисходятъ звѣзды?
На суку извилистомъ и чудномъ,
Пестрыхъ сказокъ пышная жилица,
Вся въ огнѣ, въ сіяньѣ изумрудномъ,
Надъ водой качается жаръ-птица;
Расписныя раковины блещутъ
Въ переливахъ чудной позолоты,
До луны жемчужной пѣной мещутъ
И амазной пылью водометы;
Листья полны свѣтлыхъ насѣкомыхъ,
Все растетъ и рвется вонъ изъ мѣры,
Много сновъ проносится знакомыхъ,
И на сердцѣ много сладкой вѣры...
Переходятъ радужныя краски,
Раздражая око свѣтомъ ложнымъ:
Мигъ еще—и нѣтъ волшебной сказки
И душа опять полна возможнымъ!..

Мы одни. Изъ сада въ стекла оконъ
Свѣтитъ мѣсяцъ... Тусклы наши свѣчи.
Твой душистый, твой послушный локонъ,
Развиваясь, падаетъ на плечи...

А. Фетъ.

Дорога.

Глухая степь—дорога далека,
Вокругъ меня волнуетъ вѣтеръ поле,
Вдали туманъ—мнѣ грустно поневолѣ,
И тайная беретъ меня тоска.
Какъ кони ни бѣгутъ, мнѣ кажется, лѣниво
Они бѣгутъ. Въ глазахъ одно и то жъ:
Все степь да степь, за нивой снова нива...
— Зачѣмъ, ямщикъ, ты пѣсни не поешь?..—
И мнѣ въ отвѣтъ ямщикъ мой бородатый:
— „Про черный день мы пѣсни бережемъ."
— Чему жъ ты радъ?—„Недалеко до хаты—
Знакомый шестъ мелькаетъ за бугромъ."
Вотъ крытый дворъ. Покой, привѣтъ и ужинъ
Найдетъ ямщикъ подъ кровлею своей,
А я усталъ—покой давно мнѣ нуженъ;
Но нѣтъ его... Мѣняютъ лошадей.
— Ну-ну, живѣй!.. Долга моя дорога;
Сырая ночь—ни хаты, ни огня...
Ямщикъ поетъ. Въ душѣ опять тревога...
Про черный день нѣтъ пѣсни у меня!..

Я. П. Полонскій.

* * *

Чувствъ и думъ несмѣтный рой
И толпа воспоминаній
Всюду слѣдуетъ за мной
По пути моихъ страданій...
Надо высказать мнѣ ихъ:
Мой замкнутый міръ имъ тѣсенъ...
Сердце въ память дней былыхъ
Проситъ пѣсенъ!
Спѣлъ бы я, какъ въ эти дни,
Мнѣ свѣтя, не заходило

Всеобъемлющей любви
Лучезарное свѣтило,
Какъ оно, сгорѣвъ до тла,
Меркло, грустно потухая,
И ужъ нѣтъ его... Пришла
Ночь глухая.
Душу вылилъ бы я всю,
Воплотилъ бы сердце въ звуки!
Пѣсни про любовь мою,
И про счастье, и про муки,
Про глубокую тоску—
Ихъ святыни не нарушатъ...
Спѣлъ бы я, да не могу—
Слезы душатъ...

А. М. Жемчужниковъ.

* * *

Изъ-подъ таинственной холодной полумаски
Звучалъ мнѣ голосъ твой, отрадный, какъ мечта,
Свѣтили мнѣ твои плѣнительные глазки,
И улыбалися лукавыя уста.
Сквозь дымку легкую замѣтилъ я невольно
И дѣвственныхъ латитъ и шеи бѣлизну.
Счастливецъ! видѣлъ я и локонъ своевольный,
Родныхъ кудрей покинувшій волну...
И создалъ я тогда въ моемъ воображеньи
По легкимъ признакамъ красавицу мою:
И съ той поры безплотное видѣнье
Ношу въ душѣ моей, ласкаю и люблю.
И все мнѣ кажется: живыя эти рѣчи
Въ года минувшіе слыхалъ когда-то я,
И кто-то шепчетъ мнѣ, что послѣ этой встрѣчи
Мы вновь увидимся, какъ старые друзья.

М. Ю. Лермонтовъ.

А. И. Бунинъ.

Листопадъ.

М. Горькому.

Лѣсъ, точно теремъ расписной,—
Лиловый, золотой, багряный,—
Веселой, пестрою стѣной
Стоитъ надъ свѣтлою поляной.
Березы желтою рѣзьбой
Блестятъ въ лазури голубой;
Какъ вышки, елочки темнѣютъ,
А между кленами синѣютъ
То тамъ, то здѣсь въ листвѣ сквозной
Просвѣты въ небо, что оконца...
Лѣсъ пахнетъ дубомъ и сосной,—
За лѣто высохъ онъ отъ солнца,
И Осень тихою вдовой
Вступила нынче въ теремъ свой.

Какъ хорошо ей! На полянѣ,
Среди широкаго двора,
Воздушной паутины ткани
Блестятъ, какъ сѣть изъ серебра.
Просѣка узкая, какъ сѣни,
Уходитъ въ теремъ, а по ней
Лежитъ коверъ листвы осенней

Среди кустарниковъ и пней.
Тамъ, въ потаенномъ чернолѣсьи,
Всегда затишье: частый боръ
Надъ нимъ темнѣетъ въ поднебесьи
И окружаетъ свѣтлый дворъ.
Сегодня цѣлый день играетъ
Въ дворѣ послѣдній мотылекъ,
И, точно бѣлый лепестокъ,
На паутинѣ замираетъ,
Пригрѣтый солнечнымъ тепломъ...
Сегодня такъ свѣтло кругомъ,
Такое мертвое молчанье
Въ лѣсу и въ синей вышинѣ,
Что можно въ этой тишинѣ
Разслышать листика шуршанье.
Лѣсъ, точно теремъ расписной,—
Лиловый, золотой, багряный,—
Стоитъ надъ солнечной поляной,
Завороженный тишиной.
Заквохчетъ дроздъ, перелетая
Среди подсѣда, гдѣ густая
Листва янтарный отблескъ льетъ;
Играя въ небѣ, промелькнетъ
Скворцовъ разсыпанная стая—
И снова все кругомъ замретъ...
Лѣсъ точно дремлетъ. А въ ворота,
Среди двухъ высохшихъ осинъ,
Глядятъ и синева долинъ,
И мелколѣсье, и болота,
И даль лиловыхъ деревень...
Какъ хорошо! Но жаль кого-то,
И грустно Осени весь день.

Порой задумчиво выходитъ
Она на солнце изъ воротъ
И бродитъ въ полѣ и не сводитъ
Очей съ желтѣющихъ болотъ.
Тамъ, по лощинамъ и полянамъ,
Густыхъ кустарниковъ бугры
Раскинулись широкимъ станомъ,
Какъ темно-красные шатры.

Тамъ путь на югъ... Съ нѣмой печалью
На край небесъ глядитъ она,
Гдѣ даль слилась съ небесной далью,
Мечтами тихими полна.
Онѣ зовутъ, но нѣтъ названья
Мечтамъ далекимъ. Въ нихъ—любовь
И красота Воспоминанья,
Которымъ не воскреснуть вновь...
А день уходитъ. Небо ясно,
Прозрачный воздухъ сухъ и тихъ,
Лѣса безмолвны... И безгласно
Уходитъ свѣтлый день отъ нихъ.

Онъ умираетъ, точно счастье...
Ужъ знаетъ Осень, что такой
Глубокій и нѣмой покой—
Предвѣстникъ долгаго ненастья.
Все строже въ даль она глядитъ,
Все рѣзче тайное страданье
Въ ея нѣмыхъ очахъ сквозитъ...
Какое вѣщее молчанье!
Глубоко, странно лѣсъ молчалъ
И на зарѣ, когда съ заката
Пурпурный блескъ огня и злата
Пожаромъ теремъ освѣщалъ.
Потомъ угрюмо въ немъ стемнѣло...
Луна восходитъ, а въ лѣсу.
Ложатся тѣни на росу...
Вотъ стало холодно и бѣло
Среди полянъ, среди сквозной
Осенней чащи помертвѣлой,
И жутко Осени одной
Въ пустынной тишинѣ ночной!

Теперь ужъ тишина другая:
Прислушайся—она растетъ...
А съ нею, блѣдностью пугая,
И мѣсяцъ медленно встаетъ.
Всѣ тѣни сдѣлалъ онъ короче,
Прозрачный дымъ навелъ на лѣсъ—
И вотъ ужъ смотритъ прямо въ очи
Съ туманной высоты небесъ.

О, мертвый сонъ осенней ночи!
О, жуткій часъ ночныхъ чудесъ!
Въ сребристомъ и сыромъ туманѣ
Свѣтло и пусто на полянѣ;
Лѣсъ, бѣлымъ свѣтомъ залитой,
Своей застывшей красотой
Какъ будто смерть себѣ пророчитъ.
Сова и та молчитъ: сидитъ
Да тупо изъ вѣтвей глядитъ...
Порою дико захохочетъ,
Сорвется съ шумомъ съ высоты,
Взмахнувши мягкими крылами,
И снова сядетъ на кусты
И смотритъ круглыми глазами,
Водя ушастой головой
По сторонамъ, какъ въ изумленьи...
А лѣсъ стоитъ въ оцѣпенѣньи,
Наполненъ блѣдной, легкой мглой
И листьевъ сыростью гнилой;
Луна съ небесъ, какъ привидѣнье,
Глядитъ, застывши безъ движенья,—
И жутко Осени одной
Въ полночной тишинѣ лѣсной!

На утро блѣдной и больною
Она проснется. На дворѣ
Темно и хмуро. За стѣною
Бушуетъ боръ, какъ въ ноябрѣ.
Теперь ужъ долго не проглянетъ
На небѣ солнце. Дождь и мгла
Холоднымъ дымомъ лѣсъ туманятъ...
Недаромъ эта ночь прошла!
Но Осень затаитъ глубоко
Все, что она пережила
Въ нѣмую ночь, и одиноко
Запрется въ теремѣ своемъ:
Пусть боръ бушуетъ подъ дождемъ!
Пусть мрачны и ненастны ночи,
И на полянѣ волчьи очи
Зеленымъ свѣтятся огнемъ!
Лѣсъ, точно теремъ безъ призора,

Весь потемнѣлъ и полинялъ,
Сентябрь, кружась по чащамъ бора,
Съ него мѣстами крышу снялъ,
А входъ сырой листвой усыпалъ;
Потомъ зазимокъ ночью выпалъ
И, хоть растаялъ, но кругомъ
Уже повѣяло морозомъ...
Зачѣмъ же предаваться грезамъ,
Зачѣмъ и думать о быломъ?..

Трубятъ рога въ поляхъ далекихъ;
Звенитъ ихъ мѣдный переливъ,
Какъ грустный вопль, среди широкихъ
Ненастныхъ и туманныхъ нивъ.
Сквозь шумъ деревьевъ, за долиной,
Теряясь въ глубинѣ лѣсовъ,
Угрюмо воетъ рогъ туриный,
Скликая на добычу псовъ,
И звучный гамъ ихъ голосовъ
Разноситъ бури шумъ пустынный...
Льетъ дождь, холодный, точно ледъ,
Кружатся листья по полянамъ,
А ночью гуси караваномъ
Надъ лѣсомъ держатъ перелетъ...
Но дни идутъ. Свѣжѣетъ просинь
Студеныхъ далей. Ихъ просторъ
Живитъ и ободряетъ Осень...
Близка зима, стихаетъ боръ...

И вотъ ужъ сизые туманы
Встаютъ на утренней зарѣ;
Сквозитъ въ туманѣ лѣсъ багряный,
Земля въ морозномъ серебрѣ.
И въ горностаевомъ шугаѣ,
Умывши блѣдное лицо,
Послѣдній день въ лѣсу встрѣчая,
Выходитъ осень на крыльцо.
Дворъ пустъ и холоденъ. Въ ворота,
Среди двухъ высохшихъ осинъ,
Видна ей синева долинъ
И ширь пустыннаго болота,—
Дорога на далекій югъ...

Туда отъ зимнихъ бурь и вьюгъ,
Отъ бурной ледяной метели
Давно ужъ птицы улетѣли;
Туда и Осень по утру
Свой одинокій путь направитъ,
И навсегда въ пустомъ бору
Раскрытый теремъ свой оставитъ...

Прости же, лѣсъ! Прости печаль!
День будетъ теплый и хорошій,
А за ночь мягкою порошей
Одѣнется и близь, и даль.
Какъ будутъ странны въ этотъ бѣлый,
Пустынный и холодный день
И боръ, и теремъ опустѣлый,
И крыши тихихъ деревень,
И небеса, и безъ границы
Въ нихъ уходящія поля!
Какъ будутъ рады соболя,
И горностаи, и куницы,
Рѣзвясь и грѣясь на бѣгу
Въ сугробахъ мягкихъ на лугу!
А тамъ поднимутся метели,—
Ворвутся въ голую тайгу
Вѣтры изъ тундръ, ломая ели,
Гудя въ крутящемся снѣгу
И завывая въ полѣ звѣремъ...
Они разрушатъ старый теремъ,
Оставятъ колья и потомъ
На этомъ остовѣ пустомъ
Повѣсятъ инеи сквозные,
Воздвигнутъ арки кружевныя—
И будутъ въ небѣ голубомъ
Сіять чертоги ледяные
И хрусталемъ, и серебромъ.
А въ ночь, межъ бѣлыхъ ихъ разводовъ,
Взойдутъ огни небесныхъ сводовъ,
Заблещетъ звѣздный щитъ Стожаръ—
Въ тотъ часъ, когда среди молчанья
Морозный свѣтится пожаръ,
Расцвѣтъ Полярнаго Сіянья.

И. А. Бунинъ.

Т. Л. Щепкина-Куперникъ.

Credo.

Я хочу быть свободной, какъ вѣтеръ степей,
Какъ волшебная пѣсня поэта,
Вырвать душу свою изъ мертвящихъ цѣпей,
Изъ оковъ лицемѣрнаго свѣта.

Я хочу никого никогда не просить,
Я хочу безграничной свободы—
Я хочу безъ стѣсненья ласкать и любить
Межъ красотъ вѣчно юной природы.

Я хочу, чтобъ къ тебѣ приводила луна,
Въ часъ скользящихъ и призрачныхъ тѣней
Лишь меня: чтобы я наполняла одна
Рой весеннихъ твоихъ сновидѣній.

Я хочу, о, мой другъ, любоваться съ тобой
И звѣздами, и алой денницей;
Я хочу быть твоею безвольной рабой—
Я хочу быть твоею царицей!

Т. Л. Щепкина-Куперникъ.

* * *

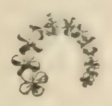
Зрѣютъ травы благовонныя, сладко шепчутся кусты,
Дышатъ нѣгой опьяненные блѣдныхъ ландышей цвѣты.
Разрослись, прозрачно бѣлые, тамъ, гдѣ влаженъ полусвѣтъ,
Перезвоны ихъ несмѣлые шлютъ таинственный привѣтъ.
На крылахъ, незримо вѣющихъ, къ нимъ доноситъ вѣтерокъ
Колокольчиковъ синѣющихъ серебристый голосокъ;
А вблизи, въ красѣ застѣнчивой, одуванчики таятъ
Свой воздушный, свой измѣнчивый, облетающій нарядъ...
Прихожу я въ ночь безсонную, чтобъ у ландышей спросить,
Какъ надежду опьяненную вѣчно чистой сохранить?
Колокольчики желанные, улыбнитесь мнѣ въ травѣ!
Научите, нѣжно-тканные, какъ молиться синевѣ,
Какъ лазурность безпредѣльную съ робкимъ сердцемъ сочетать,
Какъ мнѣ пѣсню колыбельную въ дѣтской радости слагать?..
Вы же—призраки сквозистые, въ блескѣ ночи голубой,
Одуванчики пушистые, осребренные луной,
Лишь на мигъ одинъ согрѣтые вздохомъ зыбкой красоты,
Словно облакомъ одѣтые, свѣтло-дымные цвѣты!—
Душу, вѣрить вамъ готовую, на земномъ ея пути,
Научите ризу новую, ризу ясную найти,
Сбросить ткани обветшалые, омраченныя судьбой,
И смѣнить мечты усталыя новой сказочной мечтой.

М. Пожарова.

* * *

Дождя отшумѣвшаго капли
Тихонько по листьямъ текли,
Тихонько шептались деревья,
Кукушка кричала вдали.
Луна на меня изъ-за тучи
Смотрѣла, какъ будто въ слезахъ,
Сидѣлъ я подъ кленомъ и думалъ,
И думалъ о прежнихъ годахъ.
Не знаю, была ли въ тѣ годы
Душа непорочна моя,
Но многому бъ я не повѣрилъ,
Не сдѣлалъ бы многаго я:
Теперь же мнѣ стали понятны
Обманъ, и коварство, и зло,
И многія свѣтлыя мысли
Одну за другой унесло.
Такъ думалъ о дняхъ я минувшихъ,
О дняхъ, когда былъ я добрѣй,
А въ листьяхъ высокаго клена
Сидѣлъ надо мной соловей.
И пѣлъ онъ такъ нѣжно и страстно,
Какъ будто хотѣлъ онъ сказать:
— „Утѣшься, не сѣтуй напрасно,
То время вернется опять."

А. К. Толстой.



За гробомъ.

Изъ Уейскаго.

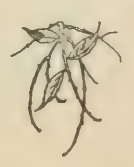
Колокольный звонъ, гудѣнье!.. Или мнѣ сдается?..
Точно совъ зловѣщихъ пѣнье гдѣ-то раздается!..
Въ двухъ шагахъ передо мною черный возъ катится,
И глаза мнѣ затемняетъ!.. Что могло случиться?..

Вкругъ меня толпа большая; крестъ вдали мигаетъ,
Тускло свѣчи восковыя, капая, мелькаютъ;
А меня ведутъ куда-то подъ руки!.. Свободно,
Точно сами, ноги ходятъ и куда угодно!..
Хорошо!.. Легко, поспѣшно двигаются ноги!..
Пусть ведутъ... Вѣдь самъ не знаю никакой дороги!..
Какъ во снѣ брожу безъ мысли, безъ малѣйшей воли.
Въ головѣ лишь, въ сердцѣ чую страшныя я боли!..
Что-то когти запускаетъ, острыя, кривыя,
Въ мозгъ и въ сердце! Что за боли страшныя такія!..
А гудѣнье раздается все сильнѣй—сильнѣе!..
Звонъ по воздуху несется все мрачнѣй—мрачнѣе!..
Чу!.. И музыку я слышу!.. Жаръ въ глазахъ пылаетъ,
По щекамъ струи холодной влаги внизъ стекаютъ!..
На меня такъ смотрятъ странно, подходить не смѣютъ.
Что жъ въ лицѣ моемъ такое, передъ чѣмъ робѣютъ?..
А подъ чернымъ покрываломъ кони тянутъ дроги,
Медленно переставляя равномѣрно ноги...
И влечетъ меня за ними роковая сила!
И плетусь я шагъ за шагомъ имъ во слѣдъ уныло...
Боже!.. Этотъ гробъ, служащій ей теперь пріютомъ!..
Жизни всей моей задачи въ томъ гробу, въ гробу томъ!..
На атласѣ, улыбаясь, точно сладко спишь,
Со скрещенными руками на груди лежишь!..
Нѣтъ, не спишь ты, и не дышишь, и не видишь грезъ;
Запаха вѣнка не слышишь изъ душистыхъ розъ!..
Сна ты вѣчнаго съ себя ужъ не стряхнешь оковъ,
Поцѣлуй тебя мой нѣжный не разбудитъ вновь!..
Свѣтлымъ ангеломъ была ты на моемъ пути!
Точно грезы пролетѣли быстро счастья дни!..
Былъ и самъ я безпороченъ, чистъ вблизи тебя:
Отъ грѣховъ священный взоръ твой очищалъ меня!..
Ты предметомъ вдохновенья для меня была,
Ко вратамъ небесъ и рая ты меня вела!..
Для чего тебя ростила матушка твоя,—
Чтобъ холодная могила отняла тебя?..
Это ль свадебное ложе мужа твоего?..
И я живъ еще?.. О, Боже!.. Живъ, и для чего?..

О, куда, куда надежда свѣтлая моя
Послѣ столькихъ испытаній довела меня?
Шелъ я къ пропасти подъ солнцемъ!.. Всѣхъ надеждъ вѣнецъ—
То, что гробъ твой предъ собою вижу наконецъ!
Вотъ гдѣ свадебное ложе мужа твоего!..
И я живъ еще!.. О, Боже!.. Живъ, и для чего?..
Сняли гробъ; его уносятъ; вслѣдъ за нимъ иду я.
— „Не пускать меня кто смѣетъ?.. Прочь, вамъ говорю я.
Прочь съ дороги!.. Прочь отсюда!.. Васъ предупреждаю:
Молодъ я, взбѣшенъ и силой мощной обладаю!
Я одинъ при ней быть въ правѣ! Кто изъ васъ посмѣетъ
Преградить мнѣ путь? Кто право здѣсь на то имѣетъ?
Чье вмѣститъ сердце столько горя и страданья,
Какъ мое?.. Еще такого въ мірѣ нѣтъ созданья!"

И отхлынули!.. Пошелъ я узкою тропою,
Королемъ страданій тяжкихъ твердою стопою!
Среди шума, удивленья, среди гула, звона
Подхожу къ могилѣ, къ мѣсту моего я трона.
— „Ты съ лопатою, могильщикъ! Молви-ка мнѣ слово:
Что возьмешь за погребенье короля такого?
Закопай меня глубоко; жизнь моя—мученье!..
Тяжелѣй земли могильной воздуха давленье!..
Отойди отецъ въ водою, я одинъ межъ вами
И безъ васъ ее моими окроплю слезами!"
Изъ подъ ризы протянулась длань, меня касаясь,
И упалъ я, передъ нею духомъ преклоняясь...
Подняли меня мгновенно, понесли тотчасъ же!...
Да куда жъ меня уносятъ отъ нея, куда же?..

Д. Александровъ.



Ночь.

Отчего я люблю тебя, свѣтлая ночь?
Такъ люблю, что, страдая, любуюсь тобой!
И за что я люблю тебя, тихая ночь?
Ты не мнѣ, ты другимъ посылаешь покой!

Что мнѣ звѣзды, луна, небосклонъ, облака,
Этотъ свѣтъ, что, скользя на холодный гранитъ,
Превращаетъ въ алмазы росинки цвѣтка,
И, какъ путь золотой, черезъ море бѣжитъ!

Ночь, за что мнѣ любить твой серебряный свѣтъ?..
Усладитъ ли онъ горечь скрываемыхъ слезъ?
Дастъ ли жадному сердцу желанный отвѣтъ?
Разрѣшитъ ли сомнѣнья тяжелый вопросъ?

Что мнѣ сумракъ холмовъ, трепетъ сонныхъ листовъ,
Моря темнаго вѣчно шумящій прибой,
Голоса насѣкомыхъ во мракѣ садовъ,
Гармоническій говоръ струи ключевой!

Ночь! За что мнѣ любить твой таинственный шумъ?
Освѣжитъ ли онъ знойную бездну души—
Заглушитъ ли онъ бурю мятежную думъ—
Все, что жарче впотьмахъ и слышнѣе въ тиши?

Самъ не знаю, за что я люблю тебя, ночь.
Такъ люблю, что, страдая, любуюсь тобой!
Самъ не знаю, за что я люблю тебя, ночь...
Оттого, можетъ быть, что далекъ мой покой.

Я. П. Полонскій.

С. Я. Надсонъ.

Мечты королевы.

На мотивъ изъ Тургенева.

Шуменъ праздникъ,—не счесть приглашенныхъ
гостей...
Море звуковъ и море огней...
Садъ, и замокъ, и арки сверкаютъ въ огняхъ,—
И цвѣтной ихъ каймой, какъ вѣнкомъ, окруженъ
Прудъ и спитъ, и не спитъ, и смѣется сквозь сонъ,
И чуть слышно журчитъ въ камышахъ...
Шуменъ праздникъ и веселъ,—и только грустна
Королева одна...
Что ей въ льстивыхъ рѣчахъ восхищенныхъ гостей
И въ стихахъ серенадъ знаменитыхъ пѣвцовъ!
Эти рѣчи—продажныя рѣчи рабовъ,
Въ этой музыкѣ слышатся звуки цѣпей...
Съ колыбели ея появленье встрѣчалъ
Общій рокотъ корыстныхъ похвалъ,—
И наскучила ложь ей, и сердце въ груди
Сжалось грустью,—и въ эту душистую ночь
Страстно шепчетъ ей сердце: Не вѣрь имъ... уйди,
Убѣги отъ нихъ прочь!
Брось свой пышный нарядъ и вѣнецъ золотой
Жадной стаѣ шутовъ и льстецовъ!

Здѣсь такъ душно, а въ рощѣ надъ тихой рѣкой
Такъ живителенъ воздухъ, согрѣтый весной,
Такъ присталъ бы къ головкѣ твоей молодой
    Ароматный вѣнокъ изъ цвѣтовъ!..
Пусть подъ сводами залъ и въ затишьи аллей
Вѣютъ перья беретовъ и шпоры звенятъ,—
Тамъ, за садомъ, въ тѣни наклоненныхъ вѣтвей
Статный юноша ждетъ: волны русыхъ кудрей
Упадаютъ на грудь, а въ лазури очей
    Одинокія слезы горятъ!

С. Я. Надсонъ.

Вальсъ.

I.

Въ сіяніи огней
Блестящій длился балъ.
Все тише, все нѣжнѣй
Старинный вальсъ игралъ.
    Въ кругу нарядныхъ паръ
    Плыву я сквозь туманъ.
    Гирляндой нэнюфаръ
    Обвитъ мой тонкій станъ.
Болотная трава
Скрываетъ мраморъ плечъ;
Условна и мертва
Моя пустая рѣчь.
    Чужой руки едва
    Касается рука,
    Отвѣтныя слова
    Звучатъ издалека.

II.

Этотъ вальсъ мнѣ напомнилъ сгорающій день,
    Золотисто-румяный закатъ,

Не террасѣ акацій подвижную тѣнь,
Майскихъ дѣвственныхъ розъароматъ.
Въ дымкѣ алой, съ весеннимъ цвѣткомъ на груди,
Я смотрю въ безпредѣльную даль.
„Гдѣ ты, радостный мой?—я твержу—погляди
На мою молодую печаль!“
Но была я чиста и, какъ снѣгъ, холодна,
И свободна, какъ вѣтеръ степной.
Никого не любя, я томилась одна,
Отчего же ты не былъ со мной?

III.

Отъ пламени огней
Устало никнетъ взоръ,
Чело тѣснитъ больнѣй
Опаловый уборъ.
Затоптанъ мой нарядъ
Въ толпѣ безумныхъ паръ.
Увядшія висятъ
Гирлянды нэнюфаръ,
Въ чужой рукѣ мертва
Забытая рука,
Обычныя слова
Звучатъ издалека.
И въ пестрой суетѣ
Померкъ блестящій балъ.
О дѣвственной мечтѣ
Старинный вальсъ рыдалъ.

М. А. Лохвицкая.

Въ глуши.

Для кого расцвѣла? Для чего развилась?
Для кого это небо,—лазурь ея глазъ,
Эта роскошь,—волнистыя кудри до плечъ,
Эта музыка,—устъ ея тихая рѣчь?

Ясно можетъ она своимъ чуткимъ умомъ
Слышать голосъ души въ разговорѣ простомъ;
И для міра любви, и для міра искусствъ
Много въ сердцѣ у ней незатронутыхъ чувствъ.
Прикоснется ли клавишъ,—заплачетъ рояль;
На ланитахъ огонь, на рѣсницахъ печаль...
Подойдетъ ли къ окну—безотчетно грустна,
Въ безотвѣтную даль долго смотритъ она...
Чтó звенитъ тамъ вдали,—и звенитъ и зоветъ?
И зачѣмъ тамъ, въ степи, пыль столбами встаетъ?
И зачѣмъ та рѣка широко разлилась?
Оттого ль разлилась, что весна началась?
И откуда, откуда тотъ вѣтеръ летитъ,
Что, стряхая росу, по цвѣтамъ шелеститъ,
Дышитъ запахомъ липъ и, концами вѣтвей
Помавая, влечетъ въ сумракъ влажныхъ аллей?
Не природа ли тайно съ душой говоритъ?
Сердце ль проситъ любви и безъ раны болитъ?
И на грудь тихо падаютъ слезы изъ глазъ...
Для кого расцвѣла? Для чего развилась?

Я. П. Полонскій.

* * *

Вечеромъ душнымъ, подъ черными тучами, насъ похоронятъ!
Молнія вспыхнетъ, заропщетъ рѣка, и дубрава застонетъ;
Ночь будетъ бурная: необозримою властью могучи,
Громомъ, огнемъ и дождемъ разразятся угрюмыя тучи,—
И надъ могилами нашими, радостный день предвѣщая,
Радугу утро раскинетъ по небу отъ края до края.

М. Л. Михайловъ.

Менестрель.

Провансальская легенда.

Жилъ-былъ менестрель въ провансальской землѣ,
Въ почетѣ онъ жилъ при самомъ королѣ.
Молчите, проклятыя струны!
Король былъ неровня другимъ королямъ:
Свой родъ возводилъ онъ къ безсмертнымъ богамъ.
Молчите, проклятыя струны!
И дочь онъ, красавицу Берту, имѣлъ!
Смотрѣлъ лишь на Берту пѣвецъ, когда пѣлъ...
Молчите, проклятыя струны!
Когда же онъ пѣлъ, то дрожала она,
То вспыхнетъ огнемъ, то, какъ мраморъ, блѣдна.
Молчите, проклятыя струны!
И самъ императоръ посватался къ ней...
Глядитъ менестрель все угрюмѣй и злѣй...
Молчите, проклятыя струны!
Данъ знакъ менестрелю, когда будетъ балъ,
Чтобъ въ темной аллеѣ у грота онъ ждалъ.
Молчите, проклятыя струны!
Что было, чью руку лобзалъ онъ въ слезахъ
И чей поцѣлуй у него на устахъ,
Молчите, проклятыя струны!
Что Кесаря значитъ внезапный отъѣздъ,
Чей въ склепѣ фамильномъ стоитъ новый крестъ,
Молчите, проклятыя струны!
Изъ казней какую король изобрѣлъ,
О чемъ съ палачемъ долго рѣчи онъ велъ,
Молчите, проклятыя струны!
Погибъ менестрель, бѣдный вешній цвѣтокъ,
Король даже лютню разбилъ самъ и сжегъ.
Молчите проклятыя струны!
И лютню онъ сжегъ, но ни грезы, ни сонъ,
Вездѣ его лютни преслѣдовалъ звонъ.
Молчите, проклятыя струны!
И слышитъ: незримыя струны звучатъ
И страшныя снова слова говорятъ.
Молчите, проклятыя струны!

Не ѣстъ онъ, не пьетъ онъ, и ночи не спитъ,
Молчитъ, лишь порой, какъ безумный, кричитъ:
—Молчите проклятыя струны!

А. Н. Майковъ.

Это было давно...

(Памяти Шопена).

Это было давно... Я не помню, когда это было...
Пронеслись, какъ видѣнья—и канули въ вѣчность года...
Утомленное сердце о прошломъ теперь позабыло...
Это было давно... Я не помню, когда это было,—
Можетъ быть—никогда...

Я не знаю тебя... Послѣ долгой печальной разлуки
Какъ мнѣ вспомнить твой голосъ, твой взглядъ, очертанья лица,
И ласкавшія нѣкогда, милыя, нѣжныя руки?—
Я не знаю тебя послѣ долгой, печальной разлуки,
Послѣ слезъ безъ конца...

Иногда... иногда мнѣ сдается, тебя я встрѣчаю
Въ вихрѣ жизни безумной, въ разгарѣ людской суеты,
Жду тебя и зову, всѣ движенья твои замѣчаю...
Иногда... иногда мнѣ сдается, тебя я встрѣчаю...
Но вгляжусь,—нѣтъ, не ты!..

Это было давно... Я не помню, когда это было,—
Но безсонныя ночи, но думы... Какъ жутко тогда,
Какъ мнѣ хочется счастья, какъ прошлое близко и мило...
Это было давно... Я не помню, когда это было,—
Но со мной ты всегда!

С. А. Сафоновъ.

Н. П. Огаревъ.

Дорога.

Тускло мѣсяцъ дальній
Свѣтитъ сквозь туманы,
И лежатъ печально
Снѣжныя поляны.
Бѣлыя съ морозу,
Вдоль пути, рядами,
Тянутся березы
Съ голыми сучками.
Тройка мчится лихо,
Колокольчикъ звонокъ,
Напѣваетъ тихо
Мой ямщикъ спросонокъ,
Я въ кибиткѣ валкой
Ѣду да тоскую:
Скучно мнѣ да жалко
Сторону родную!

Н. П. Огаревъ.

Путникъ.

Долъ туманенъ, воздухъ сыръ;
Туча небо кроетъ;
Грустно смотритъ тусклый міръ,
Грустно вѣтеръ воетъ.
Не страшися, путникъ мой!
На землѣ все—битва,
Но въ тебѣ живетъ покой,
Сила да молитва.

Н. П. Огаревъ.

Розы.

Розы, роскошныя, бѣлыя розы
Смяты безжалостно-грубой рукой;
На лепесткахъ, окропленныхъ росой,
Точно брильянты, играя порой,
Ярко блестятъ серебристыя слезы.
Васъ пощадили весеннія грозы,
Вамъ не страшны были даже морозы:
Въ свѣтлой теплицѣ, подъ солнца лучомъ,
Вы расцвѣтали, какъ юныя грезы
Съ сердцѣ порою цвѣтутъ молодомъ.
Если природа васъ долго щадила,—
Не пощадила васъ прихоть людей;
Тамъ, гдѣ не ждали, тамъ ваша могила...
Брошены кѣмъ-то, лежите уныло
Вы на дорожкахъ душистыхъ аллей...
Такъ, зачастую, за наши стремленья
Мы не боимся тревогъ и борьбы,
Чужды боязни и чужды сомнѣнья...
Годы идутъ... Но довольно мгновенья,
Чтобы васъ смяло капризомъ судьбы.

Ниркомскій.

Сонъ въ лѣтнюю ночь.

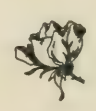
Долго ночью вчера я заснуть не могла.
Я вставала, окно растворяла...
Ночь нѣмая меня и томила, и жгла,
Ароматомъ цвѣтовъ опьяняла.
Только вдругъ шелестнули кусты подъ окномъ,
Распахнулась шумя занавѣска,—
И влетѣлъ ко мнѣ юноша, свѣтелъ лицомъ,
Точно весь былъ изъ луннаго блеска.
Разодвинулись стѣны свѣтлицы моей,
Колоннады за ними открылись;
Въ пирамидахъ изъ розъ вереницы огней
Въ алебастровыхъ вазахъ свѣтились...
Чудный гость подходилъ все къ постели моей,
Говорилъ онъ мнѣ съ кроткой улыбкой:
— „Отчего предо мною въ подушку скорѣй
Ты нырнула испуганной рыбкой?
Оглянися,—я богъ, богъ видѣній и грезъ,
Тайный другъ я застѣнчивой дѣвы;
Чудныхъ грезъ, чудныхъ сновъ для тебя я принесъ,
Для тебя, для моей королевы!.."
Говорилъ—и лицо онъ мое отрывалъ
Отъ подушки тихонько руками;
И щеки моей край горячо цѣловалъ,
И искалъ моихъ устъ онъ устами.
Подъ дыханьемъ его обезсилѣла я...
На груди разомкнулися руки...
И звучало въ ушахъ: „ты моя, ты моя!"
Точно арфы далекіе звуки,
Протекали часы... я открыла глаза...
Мой покой ужъ былъ облитъ зарею...
Я одна... вся дрожу... распустилась коса...
Я не знаю, что было со мною...

А. Н. Майковъ.

* * *

Ароматная ночь и тепла и темна,
Серебрится туманная даль,
И поетъ и цвѣтетъ молодая весна,
А на сердцѣ любовь и печаль.
Растворилъ я окно, колыхнуло свѣчу,
Заглянула въ окошко сирень,
И я чую душой, что приникла къ плечу
Чья-то милая, кроткая тѣнь.
Это ты, мой любимый, далекій мой другъ,
Моя радость, голубка моя,
Ты пришла исцѣлить мой сердечный недугъ,
Подкрѣпить и утѣшить меня.
Посмотри, какъ кругомъ все поетъ и цвѣтетъ!
Отчего же мнѣ грустно теперь?
Облегчи поскорѣй этотъ тягостный гнетъ,
Эту боль невозвратныхъ потерь.
Я не въ силахъ заснуть; въ эту ночь не до сна...
Мнѣ такъ хочется вѣрить и жить,
Точно въ сердце мое воротилась весна,
Точно снова могу я любить!..

В. Мазуркевичъ.



* * *

Говорятъ, я мила... Говорятъ, что мой взглядъ
То голубитъ, то жжетъ, какъ огнемъ.
Звонкій смѣхъ мой весельемъ звучитъ, говорятъ...
Ты не любишь? такъ что же мнѣ въ немъ!
Говорятъ, небеса вдохновенье дарятъ
Часто музѣ капризной моей.
Моя жизнь дорога для людей, говорятъ...
Ты не любишь?.. Такъ что же мнѣ въ ней?..

Т. Л. Щепкина-Куперникъ.

* * *

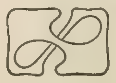
Колокольчики-бубенчики звенятъ,
Простодушную разсказываютъ быль...
Тройка мчится, комья снѣжные летятъ,
Обдаетъ лицо серебряная пыль!
Нѣтъ ни звѣздочки на темныхъ небесахъ,
Только видно, какъ мелькаютъ огоньки.
Не смолкаетъ звонъ малиновый въ ушахъ,
Въ сердцѣ нѣту ни заботы, ни тоски.
Эхъ, лети, душа, отдайся вся мечтѣ,
Потоните, хороводы блѣдныхъ лицъ!
Очи милыя мнѣ свѣтятъ въ темнотѣ
Изъ-подъ черныхъ, изъ-подъ бархатныхъ рѣсницъ...
Эй, вы, шире, сторонитесь, раздавлю!
Безконечно, жадно хочется мнѣ жить!
Я дороги никому не уступлю,
Я умѣю ненавидѣть и любить...
Ручка нѣжная прижалась въ рукавѣ...
Не пришлось бы мнѣ лелѣять той руки,
Да отъ снѣжной пыли мутно въ головѣ,
Да баюкаютъ бубенчики-звонки!
Простодушные бубенчики-друзья,
Говорливые союзники любви,
Замолчите вы, лукаво затая
Тайны нѣжныя, завѣтныя мои!
Ночь окутала насъ бархатной тафтой,
Звѣзды спрятались, лучей своихъ не льютъ,
Да бубенчики подъ кованной дугой
Про любовь мою болтаютъ и поютъ.
Пусть узнаютъ люди хитрые про насъ,
Догадаются о ласковыхъ словахъ
По бубенчикамъ, по блеску черныхъ глазъ,
По растаявшимъ снѣжинкамъ на щекахъ.
Хорошо въ ночи бубенчики звенятъ,
Простодушную разсказываютъ быль...
Сквозь рѣсницы очи милыя блестятъ.
Обдаетъ лицо серебряная пыль...

Скиталецъ.

Элегія.

Дробись, дробись, волна ночная,
И пѣной орошай брега въ туманной мглѣ.
Я здѣсь стою близъ моря на скалѣ,—
Стою, задумчивость питая,
Одинъ, покинувъ свѣтъ, и чуждый для людей,
И никому тоски повѣрить не желая.
Вблизи меня палатки рыбарей;
Межъ нихъ блеститъ огонь гостепріимный;
Семья безпечная сидитъ вкругъ огонька
И, внемля повѣсть старика,
Себѣ готовитъ ужинъ дымный.
Но я далекъ отъ счастья ихъ душой:
Я помню блескъ обманчивый столицы,
Веселій пагубныхъ невозвратимый рой...
И что жъ? Слеза бѣжитъ съ рѣсницы,
И сожалѣніе мою тревожитъ грудь;
Года погибшіе являются всечастно,—
И этотъ взоръ, задумчивый и ясный...
Твержу, твержу душѣ: забудь!
Онъ все передо мной! я все твержу: напрасно!
О, если бъ я въ семъ мѣстѣ былъ рожденъ,
Гдѣ не живетъ среди людей коварность,—
Какъ много бы я былъ судьбою одолженъ—
Теперь у ней нѣтъ правъ на благодарность!
Какъ жалокъ тотъ, чья младость принесла
Морщину лишнюю для стараго чела,
И, отобравъ всѣ милыя желанья,
Одно печальное раскаянье дала...
Кто чувствовалъ, какъ я, чтобъ чувствовать страданья.
Кто рано свѣтъ узналъ и съ страшной пустотой,
Какъ я, оставилъ брегъ земли своей родной
Для добровольнаго изгнанья!

М. Ю. Лермонтовъ.



Артистка В. Л. Юренева.

Mistica.

Изъ Ады Негри.

Ей нравились воздушные порталы
Готическихъ церквей
И умирающія свѣчи, и хоралы,
И сумракъ алтарей.

Она молилася въ какомъ-то горѣ страстномъ
Не испытавъ его,
Свѣтла, какъ лилія, въ своемъ сіяньи ясномъ,
Чиста, какъ божество.

Она казалася вся сотканной изъ свѣта.
...Въ тѣни нѣмыхъ аркадъ
Однажды ей въ глаза, горячъ, какъ солнце лѣта,
Вонзился чей-то взглядъ.

Она вся вспыхнула, головку опустила,
Но взоръ не отвела—
И въ глубинѣ ея невѣдомая сила
Живой огонь зажгла.

При блескѣ дымныхъ свѣчъ, въ тѣни пустого храма
Они сошлися вновь.
Въ ней сердце дрогнуло и назвало упрямо
Огонь въ груди—любовь!

— „Люблю тебя“—шепнулъ ей голосъ, полный яда,
Въ нѣмомъ монастырѣ...
Былъ ангелъ ея добръ и свѣтелъ, какъ отрада...
И въ прахъ разбилася еще одна лампада
На чистомъ алтарѣ.

Пер. ***А. М. Ѳедоровъ.***

Жизнь.

К. П. Апухтиной.

Пѣсня туманная, пѣсня далекая,
И безконечная, и заунывная,—
Доля печальная, жизнь одинокая,
Слезъ и страданія цѣпь непрерывная...
Грустнымъ аккордомъ она начинается...
Въ звукахъ аккорда простого и длиннаго
Слышу я, вопль изъ души вырывается,
Вопль за утратою дѣтства невиннаго.
Далѣе звуковъ раскаты широкіе—
Юнаго сердца мечты благородныя:
Вѣра, терпѣнія чувства высокія,
Страсти живыя, желанья свободныя.
Что же находимъ мы? Въ чувствахъ—страданія,
Въ страсти—мученья залогъ безконечнаго,
Въ людяхъ—обманъ... А мечты и желанія?
Боже мой, много ли въ нихъ долговѣчнаго!
Старость подходитъ часами невольными.
Тише и тише аккорды печальные...
Ждемъ, чтобъ надъ нами, въ гробу безглагольными,
Звуки кругомъ раздались погребальные...
Послѣ... Но если и есть за могилою
Пѣсни иныя, живыя, веселыя,
Жаль намъ допѣть нашу пѣсню унылую,
Трудно намъ сбросить оковы тяжелые!..

А. Н. Апухтинъ.

За что?

Любили ль вы, какъ я? Безсонными ночами
Страдали ль за нее съ мучительной тоской?
Молились ли о ней съ безумными слезами
Всей силою любви, высокой и святой?

Съ тѣхъ поръ, когда она въ землѣ была зарыта,
Когда вы видѣли ее въ послѣдній разъ,
Съ тѣхъ поръ была ль для васъ вся ваша жизнь разбита,
И свѣтъ, послѣдній свѣтъ, угаснулъ ли для васъ?

Нѣтъ!.. Вы, какъ и всегда, и жили и желали;
Вы гордо шли впередъ, минувшее забывъ,
И послѣ, можетъ быть, сурово осмѣяли
Страданій и тоски утихнувшій порывъ.

Вы, баловни любви, слѣпыя дѣти счастья,
Вы не могли понять души ея святой,
Вы не могли цѣнить ни ласки, ни участья
Такъ, какъ цѣнилъ ихъ я, усталый и больной!

За что жъ, въ печальный часъ разлуки и прощанья,
Вы, только вы одни, могли въ нѣмой тоскѣ
Приникнуть пламенемъ послѣдняго лобзанья
Къ ея безжизненной и мраморной рукѣ?

За что жъ, когда ее въ могилу опускали
И погребальный хоръ ей о блаженствѣ пѣлъ,
Вы ранній гробъ ея цвѣтами увѣнчали,
А я лишь издали, какъ чуждый ей, смотрѣлъ?

О, если бъ знали вы безумную тревогу
И боль души моей, надломленной грозой,
Вы разступились бы и дали мнѣ дорогу
Стать ближе всѣхъ къ ея могилѣ дорогой!

С. Я. Надсонъ.

* * *

Люби, пока любить ты можешь,
Иль часъ ударитъ роковой—
И станешь съ позднимъ сожалѣньемъ
Ты надъ могилой дорогой.

О, сторожи, чтобъ сердце свято
Любовь хранило, берегло,
Пока его другое любитъ
И неизмѣнно, и тепло.

Тѣмъ, чья душа тебѣ открыта,—
О, дай имъ больше, больше дай,
Чтобъ каждый мигъ дарилъ имъ счастье,
Ни одного не отравляй!

И сторожи, чтобъ словъ обидныхъ
Порой языкъ не произнесъ;
О, Боже, онъ сказалъ безъ злобы,
А друга взоръ ужъ полонъ слезъ!

Люби, пока любить ты можешь,
Иль часъ ударитъ роковой,—
И станешь съ позднимъ сожалѣньемъ
Ты надъ могилой дорогой!

Вотъ ты стоишь надъ ней уныло,
На грудь поникла голова...
Все, что любилъ, на вѣкъ сокрыла
Густая влажная трава...

Ты говоришь: „хоть на мгновенье
Взгляни! Изныла грудь моя!
Прости язвительное слово:
Его сказалъ безъ злобы я!“

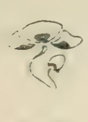
Но другъ не видитъ и не слышитъ,
Въ твои объятья не спѣшитъ;
Съ улыбкой кроткою, какъ прежде,
— „Прощаю все“—не говоритъ!

Да, ты прощенъ... Но много, много
Твоя язвительная рѣчь

Мгновеній другу отравила,
Пока успѣлъ онъ въ землю лечь...

Люби, пока любить ты можешь,
Иль часъ ударитъ роковой,—
И станешь съ позднимъ сожалѣньемъ
Ты надъ могилой дорогой!

А. Плещеевъ.



***

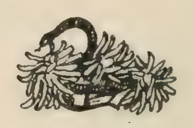
Снова сонъ на усталыя очи нейдетъ.
Я одинъ,—но въ нѣмой тишинѣ
Кто-то тихо мнѣ грустныя пѣсни поетъ,
Наклоняется нѣжно ко мнѣ.
Замираетъ душа, очарованный слухъ
Ловитъ звуки знакомыхъ рѣчей...
То не ты ли, желанный, невѣдомый другъ,
Греза дѣтскихъ умчавшихся дней?
То не ты ли, къ кому тщетно рвусь я всегда
И къ кому я взываю душой!—
О, подруга души! то не ты ль?—если да,
То явись поскорѣй предо мной.
Истомилася грудь отъ вседневныхъ тревогъ,
Гаснетъ въ сердцѣ желаній всѣхъ пылъ,
И давно уже мнѣ мой безжалостный рокъ
Всѣ дороги къ блаженству закрылъ.
Догораетъ свѣча. Ночь глухая плыветъ...
Я одинъ,—но въ нѣмой тишинѣ
Кто-то тихо мнѣ грустныя пѣсни поетъ,
Наклоняется нѣжно ко мнѣ.

Д. М. Ратгаузъ.

Изъ женскихъ писемъ.

Простите мой порывъ! Быть можетъ... О, конечно!
Сердясь, промолвите брезгливо вы: „опять!“
Да! да, мой милый другъ, я смѣю къ вамъ писать.—
Тамъ, гдѣ живете вы такъ весело, безпечно,
Гдѣ за пирами дни несутся безъ заботъ,
Гдѣ мнится вамъ: какъ сонъ пройдетъ за годомъ годъ,
Гдѣ можете излить страстей своихъ избытокъ,—
Тамъ ваше счастіе.—А здѣсь въ тиши глухой,
Блаженства „прѣснаго“ вамъ опостылъ напитокъ,
Вамъ надобно любви и страсти не такой:
Отжившая душа не въ томъ находитъ радость,
Что я вамъ принесла, какъ лучшій сердца даръ.
Вамъ сладострастія необходима сладость,
Животной похоти сжигающій угаръ!
Не смѣйтесь надо мной, что я такъ безобразно,
Безстыдно говорю позорныя слова,—
Вѣдь вы учитель мой! Но, съ вами мысля разно,
Предъ совѣстью своей чиста я и права.—
Какъ бабочка на свѣтъ, неопытный ребенокъ,
На жаркій вашъ призывъ отдалась вамъ, любя...
Вы все шептали мнѣ: „Я научу тебя
Любить по своему—мой вкусъ изященъ, тонокъ...“
И стали вы учить! Вы отворили дверь
Въ такую бездну мнѣ позора и паденья!
Вы погубили все, всѣ лучшія стремленья...
И вы пресытились теперь...
За то, что ты убилъ во мнѣ, что было свято—
Всѣ чувства чистыя, невинныя мечты,
И что меня вовлекъ въ свой темный міръ разврата,—
Мнѣ ненавистенъ ты!

Д. Ратгаузъ.



К. М. Фофановъ.

Мелодія.

Я вижу: сыплется въ избыткѣ красоты
Душистый снѣгъ весны—черемухи молочной
Весенніе цвѣты, какъ дѣвы непорочной
Отвергнутой любви невинныя мечты.
Душистый снѣгъ весны—опавшіе цвѣты!

Я вижу въ золотѣ, въ румянцѣ облаковъ
Послѣдніе лучи—вечернее сіянье.
Длиннѣе тѣнь легла, слышнѣе трепетанье
Поникнувшихъ вѣтвей и слаще вздохъ цвѣтовъ,—
Послѣдній ароматъ—послѣднее прощанье!

Я слышу, какъ весна, боясь мечты своей,
И дышитъ и дрожитъ въ цвѣтущемъ упоеньи,
И слышу, какъ въ кустахъ рыдать о наслажденьи
Проснулся на зарѣ вечерній соловей,—
Рыдающій пѣвецъ въ стыдливомъ пробужденьи!

И чувствую,—подъ пѣснь рыдающей любви
Растетъ моя печаль, растутъ воспоминанья,
И нѣтъ имъ отзвука, и нѣтъ въ нихъ очертанья,
И слабо тлѣетъ жизнь въ хладѣющей крови,—
Отцвѣтшая любовь ожившаго страданья!

К. М. Фофановъ.

Въ альбомъ.

Простите безумца за прошлые звуки,
За дерзкіе звуки, пропѣтые вамъ:
Въ нихъ не было правды, — то праздные руки
Просились опять къ позабытымъ струнамъ...
Съ людьми не схожусь я давно ужъ,—и съ вами
Не ближе душой, чѣмъ съ другими, я былъ,—
Я лгалъ вамъ; какъ мальчикъ, я тѣшился снами,
Какъ мальчикъ, святынею дружбы шутилъ.
Какъ могъ я мгновенный обмѣнъ впечатлѣній
И свѣтскую ласку за близость принять?
Какъ могъ я такъ скоро, безъ думъ и сомнѣній,
По первому слову всю душу отдать?
И мало ли, сердце, какіе обманы
И въ прошлые годы владѣли тобой?
Еще и теперь незажившія раны
Горячею кровью сочатся порой!..
А вы... въ васъ не стану искать я причину
Моей настоящей тоски и тревогъ:
Не вы виноваты, что я вполовину
Быть близкимъ—ни съ кѣмъ пріучится не могъ.
Прошелъ мимолетный порывъ ослѣпленья,
И въ васъ узнаю я все ту же толпу...
Простите жъ меня,—не ищите сближенья,
И дайте уйти мнѣ въ свою скорлупу.

С. Я. Надсонъ.

* * *

Не повторяй, что радости превратны
И кратковременны мечты:
Безпечнымъ дѣтямъ суеты
Слова печали непонятны.
Насъ тѣшитъ міръ,
Какъ шумный пиръ,

Гдѣ ярко свѣтитъ газъ и женщины смѣются,
И звуки вальса раздаются.
Пускай нѣмая ночь, за мраморной стѣной,
Черна, какъ трауръ погребальный,—
Не заразится воздухъ бальный
Ея безжизненною тьмой.
Взгляни: тяжелый штофъ, и тюль, и кружева
На окнахъ складками повисли.
Мы гонимъ сумрачныя мысли,
Въ насъ жажда счастія жива!
Иди съ своей тоской, задумчивый пророкъ,
Въ лѣсныя дебри и пустыни,
Гдѣ, въ созерцаніи святыни,
Ты будешь вѣчно одинокъ.
Тамъ рѣчи дальнихъ звѣздъ отшельникамъ понятны
Тамъ тихо падаютъ листы,
Тамъ будешь повторять, что радости превратны
И кратковременны мечты...

С. Андреевскій.

* * *

Много чувствъ и огня
На душѣ у меня
Притаилося;
Много въ пѣсняхъ моихъ
Думъ и грезъ молодыхъ
Отразилося,
Отчего жъ предо мной
Бѣлый свѣтъ темнотой
Покрывается?
Ахъ, въ тѣхъ пѣсняхъ тоска
Да нужда бѣдняка
Отзывается!

С. Д. Дрожжинъ.

Письмо.

Прости меня. Быть можетъ—эти строки
Нарушатъ временно душевный твой покой
И отвлекутъ отъ счастья въ край далекій
Тебя минутною, но грустною мечтой.
Быть можетъ—лучше мнѣ страдать въ уединеньи
Отъ ранъ въ груди, неисцѣлимыхъ ранъ,
И вѣрить въ сладостный обманъ,
Что для меня спасеніе—въ забвеньи!
Но въ наболѣвшемъ сердцѣ мѣста нѣтъ,
Какъ въ дни минувшіе, ни вѣрѣ, ни надеждѣ,
Одна любовь таится въ немъ, какъ прежде,
И порывается, какъ ласточка, на свѣтъ,
Къ веснѣ, къ теплу, къ тебѣ, къ тебѣ, мой
милый!
Прости, прости!.. Но для молчанья силы
И воли нѣтъ, къ несчастью, у меня!..
Ты долженъ знать: я—на краю могилы,
Но не боюсь, какъ прежде, смерти дня...
Еще вчера я начала посланье
Свое къ тебѣ. Въ душѣ воскресли вновь:
Твой образъ дорогой, и первое свиданье,
И радость встрѣчъ, и ласки, и любовь!..
Я взволновалася... Меня воспоминанье
Разстроило... Вновь приступъ кашля, кровь...
Я не страшусь ея. Но тетя испугалась.
Сейчасъ за докторомъ. Онъ прибѣжалъ въ отель,
Грудь выслушалъ мою и уложилъ въ постель,
Какъ я ни спорила и какъ ни защищалась
Отъ слишкомъ нѣжныхъ обо мнѣ заботъ.
Сегодня встала я. Лежать въ постели—скука.
Я рано поднялась безъ шороха и стука,
Чтобъ тетю не будить; накинула капотъ,
Прошла въ гостинную, окно открыла...
И воздухъ утренній душистою волной
Ворвался въ комнату. Выходитъ наша вилла
Въ садъ окнами. Какъ сѣткою сквозной,
Ее отъ пыли улицъ ограждая,

Сплелась жасминовъ зелень молодая,
Цвѣтетъ сирень...
Ты помнишь, какъ, бывало,
Съ тобой любили мы срывать ея цвѣты,
Какъ тщетно счастье я въ ихъ крестикахъ искала
И какъ всегда найдешь его, бывало, ты!
У насъ цвѣтетъ сирень, свиваютъ гнѣзда птицы—
А дома—что, въ окрестностяхъ столицы?
Конечно—холодно, и снѣгъ, и дождь, и грязь;
То—вѣтеръ съ озера, то—съ Финскаго залива.
Но, доктора и тети не спросясь,
Въ суровый край я бъ чайкой понеслась
На дальній кличъ мнѣ близкаго призыва!
Призывъ какой? откуда? отъ кого?
Къ чему, къ чему несбыточныя грезы?
Чередъ другихъ—срывать у счастья розы.
Все для другихъ. Больной мнѣ—ничего!
Сгорѣла жизнь моя. Чуть теплится лампада.
Пахнуло вѣтеркомъ и—нѣтъ ея огня!..
Какъ зацвѣтетъ сирень у насъ въ аллеѣ сада,
Забудь меня!

Хвостовъ.

* * *

Растворилъ я окно,—стало грустно не въ мочь,—
Опустился предъ нимъ на колѣни,
И въ лицо мнѣ пахнула весенняя ночь
Благовоннымъ дыханьемъ сирени.
И вдали гдѣ-то чудно такъ пѣлъ соловей;
Я внималъ ему съ грустью глубокой
И съ тоскою о родинѣ вспомнилъ своей,
Объ отчизнѣ я вспомнилъ далекой,
Гдѣ родной соловей пѣснь родную поетъ
И, не зная земныхъ огорченій,
Заливается цѣлую ночь напролетъ
Надъ душистою вѣткой сирени...

К. Р.

Убаюкай меня.

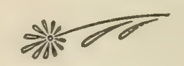
Изъ Фелиціи Гименсъ.

Убаюкай, родная, больную меня,
Какъ баюкала, въ люлькѣ качая,
Мнѣ изнывшее сердце, родная,
Убаюкай, крестомъ осѣня!

Головой утомленной склонилась бы я!
Засыпаетъ цвѣтокъ ночью темной;
Отдыхаетъ и странникъ бездомный...
Убаюкай, родная, меня!

Непогодой запугана птичка твоя...
Тяжела ты мнѣ, жизнь молодая!
И зачѣмъ я любила, родная?..
Ахъ, баюкай, баюкай меня!

М. Л. Михайловъ.



* * *

Мнѣ снилось вечернее небо
И крупныя звѣзды на немъ,
И блѣдно-зеленыя ивы
Надъ блѣдно-лазурнымъ прудомъ;
И весь утонувшій въ сирени
Твой домикъ, и ты у окна,
Вся въ бѣломъ, съ поникшей головкой,
Прекрасна, грустна и блѣдна...
Ты плакала... Свѣтлыя слезы
Катились изъ свѣтлыхъ очей
И плакали гордыя розы,
И плакалъ въ кустахъ соловей.
И съ каждою новой слезою
Внизу, въ ароматномъ саду,
Мерцая, свѣтлякъ загорался
И небо роняло звѣзду.

С. Я. Надсонъ.

Артистка Р. А. Карелина-Раичъ.

Бѣгство.

Ужъ какъ гляну я на поле—
Поле чистое дрогнетъ,
Нагуститъ свои туманы,
Въ нихъ одѣнется на ночь.

Я изъ поля въ лѣсъ дремучій—
Лѣшій по лѣсу шумитъ,
Про любовь свою къ русалкѣ
Съ быстрой рѣчкой говоритъ.

Крикну лѣсу, топну въ берегъ—
Лѣшій за горы уйдетъ,
Съ тихимъ трепетомъ русалка
Въ берегахъ своихъ уснетъ.

Я чрезъ рѣчку, огородомъ,
Всю слободку обойду,
Съ темной полночью глухою
Къ дому барскому приду.

Свисну—въ теремѣ высокомъ
Вмигъ растворится окно;
Подъ окномъ душа-дѣвица
Дожидается давно.

Скучно въ теремѣ весною
Одинокой горевать;
То ли дѣло, на просторѣ,
Друга къ сердцу прижимать!

Поднимайся, туча-буря,
Съ полуночною грозой!
Зашатайся, лѣсъ дремучій,
Страшнымъ голосомъ завой, —

Чтобъ погони злой бояринъ
Вслѣдъ за нами не послалъ:
Чтобъ я съ милою до свѣта
На Украйну прискакалъ.

Тамъ всего у насъ довольно;
Будетъ гдѣ намъ отдохнуть.
Отъ боярина сокроютъ,
Хату славную дадутъ.

Будемъ жить съ тобой по-пански...
Эти люди—намъ друзья;
Что́ душѣ твоей угодно,
Все добуду съ ними я!

Будутъ платья дорогія,
Ожерелья съ жемчугомъ;
Наряжайся, одѣвайся
Хоть парчою съ серебромъ!

А. В. Кольцовъ.

Колокольчики и колокола.

Изъ Эдгара По.

I.

Слышишь, сани мчатся въ рядъ,
Мчатся въ рядъ!
Колокольчики звенятъ,
Серебристымъ легкимъ звономъ слухъ нашъ сладостно томятъ,
Этимъ пѣньемъ и гудѣньемъ о забвеньи говорятъ.
О, какъ звонко, звонко, звонко,
Точно звучный смѣхъ ребенка.
Въ ясномъ воздухѣ ночномъ
Говорятъ они о томъ,
Что за днями заблужденья
Наступаетъ возрожденье,
Что волшебно наслажденье—наслажденье нѣжнымъ сномъ.
Сани мчатся, мчатся въ рядъ,
Колокольчики звенятъ,
Звѣзды слушаютъ, какъ сани, убѣгая, говорятъ,
И, внимая имъ, горятъ,
И мечтая и блистая, въ небѣ духами парятъ;
И измѣнчивымъ сіяньемъ,
Молчаливымъ обаяньемъ,
Вмѣстѣ съ звономъ, вмѣстѣ съ пѣньемъ, о забвеньи говорятъ.

II.

Слышишь къ свадьбѣ зовъ святой,
Золотой!
Сколько нѣжнаго блаженства въ этой пѣснѣ молодой!
Сквозь спокойный воздухъ ночи
Словно смотрятъ чьи-то очи;
И блестятъ.
Изъ волны пѣвучихъ звуковъ на луну они глядятъ.
Изъ призывныхъ дивныхъ келій,
Полны сказочныхъ веселій,
Наростая, упадая, брызги свѣтлыя летятъ.

Вновь потухнутъ, вновь блестятъ,
И роняютъ свѣтлый взглядъ
На грядущее, гдѣ дремлетъ безмятежность нѣжныхъ
снов,
Возвѣщаемыхъ согласьемъ золотыхъ колоколовъ!

III.

Слышишь воющій набатъ,
Точно стонетъ мѣдный адъ!
Эти звуки, въ дикой мукѣ, сказку ужасовъ твердятъ.
Точно молятъ имъ помочь,
Крикъ кидаютъ прямо въ ночь,
Прямо въ уши темной ночи.
Каждый звукъ,
То длиннѣе, то короче,
Выкликаетъ свой испугъ,—
И испугъ ихъ такъ великъ,
Такъ безуменъ каждый крикъ,
Что разорванные звоны, неспособные звучать,
Могутъ только биться, виться, и кричать, кричать
кричать!
Только плакать о пощадѣ,
И къ пылающей громадѣ
Вопли скорби обращать!
А межъ тѣмъ огонь безумный,
И глухой и многошумный,
Все горитъ,
То изъ оконъ, то по крышѣ,
Мчится выше, выше, выше,
И какъ будто говоритъ:
— Я хочу
Выше мчаться, разгораться, встрѣчу лунному лучу,
Иль умру, иль тотчасъ-тотчасъ вплоть до мѣсяца
взлечу!
О, набатъ, набатъ, набатъ,
Если бъ ты вернулъ назадъ
Этотъ ужасъ, это пламя, эту искру, этотъ взглядъ,
Этотъ первый взглядъ огня,
О которомъ ты вѣщаешь, съ плачемъ, съ воплемъ,
и звеня!
А теперь намъ нѣтъ спасенья,

Всюду пламя и кипѣнье,
Всюду страхъ и возмущенье!
Твой призывъ,
Дикихъ звуковъ несогласность
Возвѣщаетъ намъ опасность,—
То ростетъ бѣда глухая, то спадаетъ, какъ приливъ!
Слухъ нашъ чутко ловитъ волны въ перемѣнѣ звуковой,
Вновь спадаетъ, вновь рыдаетъ мѣдно-стонущій прибой!

IV.

Похоронный слышенъ звонъ,
Долгій звонъ!
Горькой скорби слышны звуки, горькой жизни конченъ сонъ.
Звукъ желѣзный возвѣщаетъ о печали похоронъ!
И невольно мы дрожимъ,
Отъ забавъ своихъ спѣшимъ,
И рыдаемъ, вспоминаемъ, что и мы глаза смежимъ
Неизмѣнно-монотонный,
Этотъ возгласъ отдаленный,
Похоронный тяжкій звонъ,
Точно стонъ,
Скорбный, гнѣвный,
И плачевный,
Выростаетъ въ долгій гулъ,
Возвѣщаетъ, что страдалецъ непробуднымъ сномъ уснулъ.
Въ колокольныхъ кельяхъ ржавыхъ,
Онъ для правыхъ и неправыхъ
Грозно вторитъ объ одномъ:
Что на сердцѣ будетъ камень, что глаза сомкнутся сномъ.
Факелъ траурный горитъ.
Съ колокольни кто-то крикнулъ, кто-то громко говоритъ,
Кто-то черный тамъ стоитъ,
И хохочетъ, и гремитъ,
И гудитъ, гудитъ, гудить,
Къ колокольнѣ припадаетъ,

Гулкій колоколъ качаетъ.
Гулкій колоколъ рыдаетъ,
Стонетъ въ воздухѣ нѣмомъ
И протяжно возвѣщаетъ о покоѣ гробовомъ.

К. Д. Бальмонтъ.

Весенняя элегія.

Она вошла ко мнѣ неслышными стопами
И, къ изголовію припавши моему,
Впилась въ мои уста горячими устами
И ложе бѣдняка усыпала цвѣтами—
И рѣчи страстныя послышались ему:
— „Пойдемъ, пойдемъ со мной, дитя весны душистой,
Цѣпями ржавыми закованный поэтъ!
Смотри: на головѣ моей вѣнецъ лучистый
И пальмы вѣтвь въ рукѣ, и я съ улыбкой чистой
Страдальцу принесла цѣленье и привѣтъ.
Прислушайся кругомъ,—подъ вешнимъ солнцемъ тая,
Ручьями зажурчалъ серебряный покровъ
Красавицы земли и, воздухъ оглашая,
Звучитъ, какъ гимнъ любви, гармонія святая,
Сотканная весной изъ дивныхъ голосовъ.
И если есть въ душѣ больной хоть звукъ единый,—
Пусть отзовется онъ, души поправши гнетъ,
Пусть сердца разобьетъ застывшія онъ льдины:
Въ нихъ мѣста больше нѣтъ для злобы и кручины—
Весна зеленая, цвѣтущая идетъ!“
Я съ трепетомъ внималъ глаголамъ вдохновеннымъ,
Но не очнулся я отъ тягостнаго сна,
Но не увѣровалъ обѣтамъ я блаженнымъ...
И, осѣнивъ мой трупъ своимъ крыломъ нетлѣннымъ,
Умчалась отъ меня цвѣтущая весна.

М. Н. Соймоновъ.

Артистъ Н. П. Рощинъ-Инсаровъ.

Господь съ тобой!

Судьба даритъ намъ въ жизни счастья мало,
И безъ шиповъ нѣтъ розы никогда;
Все то, чѣмъ сердце жило, трепетало,
Придетъ пора,—исчезнетъ безъ слѣда.
Тебѣ я несъ всѣ чистыя желанья,
И думалъ я—мнѣ счастье суждено!
Господь съ тобой!.. А какъ бы чудно было.
Господь съ тобой! того быть не должно!

Среди людей встрѣчалъ лишь озлобленье...
Усталый путникъ, думалъ я найти
Хотя на мигъ тревогамъ всѣмъ забвенье.
Когда ты мнѣ явилась на пути,
Твоихъ очей сіянье озарило
Всю глубь души, гдѣ грустно и темно.
Господь съ тобой! А какъ бы чудно было...
Господь съ тобой! того быть не должно.

Смотри!.. Гроза готова разразиться,
Въ лѣсу темно, сгустились облака,
Въ печальный часъ приходится проститься,
Слеза въ очахъ, а на сердце тоска...

Впередъ! Впередъ!.. Со мною что бъ ни было,
Гдѣ бъ ни былъ я,—скажу всегда одно:
Господь съ тобой! А какъ бы чудно было...
Господь съ тобой! того быть не должно!

Н. П. Рощинъ-Инсаровъ.

* * *

За что тебя люблю?—спросила ты меня
Вчера, когда вдвоемъ укрыла насъ аллея...
Ты рядомъ шла со мной, головку наклоня,
Едва шепча слова, дышать почти не смѣя...
За что тебя люблю?—Я не сказалъ въ тотъ мигъ.
И знаешь, что меня, дитя, остановило?—
Такъ нѣженъ былъ закатъ, такъ воздухъ свѣжъ и тихъ,
Такъ молчаливо все въ пустой аллеѣ было...
За что тебя люблю?—За то, что въ вешнемъ днѣ
Я понялъ красоту, невѣдомую прежде;
За то, что милъ мнѣ рядъ деревьевъ въ полуснѣ,
Нарядныхъ, молодыхъ въ ихъ дѣвственной одеждѣ.
За что тебя люблю?—За то, что хороши
И тѣни на пескѣ, и неба трепетъ смутный...
Пойми же: для моей измученной души
Доступны снова грусть—и счастья блескъ минутный,
За что тебя люблю?—Невинна и чиста,
Ты подошла ко мнѣ желанной и любимой,—
Въ дни осени моей послѣдняя мечта
О дняхъ весны невозвратимой...

С. А. Сафоновъ.

Западъ гаснетъ въ дали блѣдно-розовой...

Западъ гаснетъ въ дали блѣдно-розовой,
Звѣзды небо усѣяли чистое,
Соловей свищетъ въ рощѣ березовой,
И травою запахло душистою.
Знаю, что тебѣ въ думушку вкралося,
Знаю сердца немолчныя жалобы.
Не хочу я, чтобъ ты притворялася
И къ улыбкѣ себя принуждала бы.
Твое сердце болитъ безотрадное,
Въ немъ не свѣтитъ звѣзда не единая.
Плачь свободно, моя ненаглядная,
Пока пѣсня звучитъ соловьиная,
Соловьиная пѣсня унылая,
Что какъ жалоба катится слезная.
Плачь, душа моя, плачь, моя милая,
Тебя небо лишь слушаетъ звѣздное!

А. К. Толстой.

Изъ Гейне.

Скажи мнѣ, кто вздумалъ часы изобрѣсть,
Въ минуты, въ секунды все время расчесть?
— Холодный и мрачный то былъ нелюдимъ;
Онъ въ зимнія ночи, хандрою томимъ,
Все слушалъ, какъ мышка скребется въ подпечекъ
Да въ щелкѣ куетъ запоздалый кузнечикъ.—
А кто изобрѣлъ поцѣлуй, и когда?
— Пылавшія счастьемъ и нѣгой уста.
Безъ счету, безъ думъ цѣловались они.
То было въ прекрасные майскіе дни...
И солнце играло, и птицы запѣли,
И ярко цвѣтами луга запестрѣли.

М. Л. Михайловъ.

Матери.

Если, товарищъ, на волю ты выйдешь,
Всѣхъ кого любишь—увидишь, обнимешь,
То не забудь мою мать.
Ради всего, что есть въ жизни святого,
Нѣжнаго, чистаго, намъ дорогого,
Дай обо мнѣ ты ей знать.
Ты ей скажи, что жива я, здорова,
Что не ищу я удѣла другого—
Всѣмъ идеаламъ вѣрна...
Было мнѣ трудно здѣсь первое время:
Страшно разлуки, тяжелое бремя,
Думала, сломитъ она.
Нѣтъ, не сломила. Теперь не блѣднѣю,
Что ужъ надежды въ душѣ не имѣю—
Мать дорогую обнять.
Чувству глубокому здѣсь не сломиться,
Вѣкъ будетъ сердце любовью къ ней биться:
Чувства нельзя, вѣдь, отнять.
Мать не прошу я любить: сердце чуетъ,
Что и безъ просьбъ она любитъ, горюетъ,
Образъ мой въ сердцѣ хранитъ.
Но, пусть, не тужитъ, меня вспоминая:
Я весела, я бодра... пусть, родная,
Горемъ себя не томитъ.
Пусть лишь въ молитвахъ меня вспоминаетъ.
Пусть лишь крестомъ издали осѣняетъ,—
Дочь трудный путь да свершитъ.

В. Н. Фигнеръ.

* * *

Обманчиво нѣма глухая тишь ночей...
Въ ней смутно слышатся таинственные звуки,
Какъ будто цѣлый міръ видѣній и тѣней
Наполнилъ тишину рыданьемъ горькой муки.

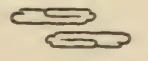
То слышится вдали неудержимый плачъ,
Какъ будто бы излить всѣ слезы кто-то хочетъ,
И злобно въ тьмѣ ночей безжалостный палачъ
Надъ нимъ презрительно хохочетъ;
То пронесется вдругъ восторга полный крикъ,
Безумно дикій крикъ желанія и счастья,
Какъ будто бы къ устамъ устами кто приникъ
И позабылъ весь міръ въ порывѣ сладострастья;
То смѣхъ послышится, веселый, звонкій смѣхъ,
То голосъ нищеты, унылый и печальный;
Нестройный гулъ толпы средь праздничныхъ потѣхъ
Вдругъ звонъ колоколовъ покроетъ погребальный...
О, сколько въ немъ тоски, въ безмолвіи ночномъ!
Недвижна и мертва, ночь говоритъ и дышитъ,—
И трижды счастливъ тотъ, кто знаетъ жизнь лишь
днемъ,
Кто ночью сладко спитъ и тишины не слышитъ!

Бескинъ.

* * *

Я проснулся... Мнѣ счастіе спать не даетъ!
Рано утромъ оно ворвалось вмѣстѣ съ солнцемъ
ко мнѣ,
Вмѣстѣ съ пѣніемъ птицъ, не смолкая, звучитъ и
поетъ,
И всю ночь мнѣ звучало, сіяло и пѣло въ снѣ.
И я знаю, что если окно мнѣ открыть,
Вѣтерокъ съ дальнихъ горъ принесетъ мнѣ душистый привѣтъ,
И когда бъ было можно еще мнѣ сильнѣй полюбить,
Полюбилъ бы сильнѣй я и утро, и горы, и свѣтъ...

Allegro.



Разбитая ваза.

Ту вазу, гдѣ цвѣтокъ ты сберегала нѣжный,
Ударомъ вѣера толкнула ты небрежно,
И трещина, едва замѣтная, на ней
Осталась... Но съ тѣхъ поръ прошло немного дней.
Небрежность дѣтская твоя давно забыта,
А вазѣ ужъ грозитъ нежданная бѣда!
Увялъ цвѣтокъ; ушла ея вода...
Не тронь ее: она разбита.

Такъ сердца моего коснулась ты рукой—
Рукою нѣжной и любимой—
И съ той поры на немъ, какъ отъ обиды злой,
Остался слѣдъ неизгладимый.
Оно, какъ прежде, бьется и живетъ,
Отъ всѣхъ его страданье скрыто,
Но рана глубока и каждый день растетъ...
Не тронь его: оно разбито.

А. Н. Апухтинъ.

* * *

Если бъ счастье мое было вольнымъ орломъ,
Если бъ гордо онъ въ небѣ парилъ голубомъ,
Натянула бъ я лукъ свой пѣвучей стрѣлой,
И живой, или мертвый, а былъ бы онъ мой!
Если бъ счастье мое было чуднымъ цвѣткомъ,
Если бъ росъ тотъ цвѣтокъ на утесѣ крутомъ,—
Я достала бъ его, не боясь ничего,
Сорвала бъ и упилась дыханьемъ его!

Если бъ счастье мое было рѣдкимъ кольцомъ
И зарыто въ рѣкѣ подъ сыпучимъ пескомъ,—
Я бъ русалкой за нимъ опустилась на дно,
На рукѣ у меня заблистало бъ оно!
Если бъ счастье мое было въ сердцѣ твоемъ,—
День и ночь я бы жгла его тайнымъ огнемъ,
Чтобы, мнѣ безъ раздѣла навѣкъ отдано,
Только мной трепетало и билось оно!..

М. А. Лохвицная.

* * *

„Она была твоя!“—шепталъ мнѣ вечеръ мая,
Дразнила долго пѣсня соловья.
Теперь онъ замолчалъ и эта ночь нѣмая
Мнѣ шепчетъ вновь: „она была твоя!“
Какъ листья тополей въ сіяньи серебристомъ,
Мерцаетъ прошлое, погибшее давно;
О немъ мнѣ говорятъ и звѣзды въ небѣ чистомъ,
И запахъ резеды, ворвавшійся въ окно.
И некуда бѣжать, и мучитъ ночь нѣмая,
Рисуя милыя, знакомыя черты...
О, незабвенная, о, вѣчно дорогая,
Откликнись, отзовись, скажи мнѣ: гдѣ же ты?
Вотъ видишь: безъ тебя мнѣ жить невыносимо,
Я изнемогъ, я выбился изъ силъ;
Обиды, горе, зло,—я все забылъ, простилъ,
Одна любовь во мнѣ горитъ неугасимо!
Дай подышать съ тобой мнѣ воздухомъ однимъ,
Откликнись, отзовись, явись хоть на мгновенье,
А тамъ пускай опять хоть годы заточенья
Съ могильнымъ холодомъ своимъ!

А. Н. Апухтинъ.

Въ Альпахъ.

Сонетъ.

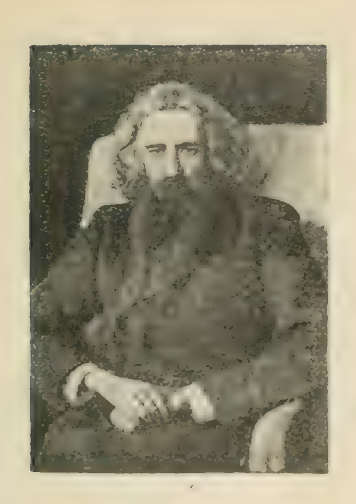
На высотѣ, на снѣговой вершинѣ,
Я вырѣзалъ стальнымъ клинкомъ сонетъ.
Проходятъ дни. Быть можетъ, и донынѣ
Снѣга хранятъ мой одинокій слѣдъ.
На высотѣ, гдѣ небеса такъ сини,
Гдѣ радостно сіяетъ зимній свѣтъ,
Глядѣло только солнце, какъ стилетъ
Чертилъ мой стихъ на изумрудной льдинѣ.
И весело мнѣ думать, что поэтъ
Меня пойметъ. Пусть никогда въ долинѣ
Его толпы не радуетъ привѣтъ!
На высотѣ, гдѣ небеса такъ сини,
Я вырѣзалъ въ вечерній часъ сонетъ
Лишь для того, кто бродитъ на вершинѣ.

Ив. Бунинъ.

* * *

Вѣтку сирени ты держишь въ рукѣ,
Съ грустной улыбкой цвѣты разбирая,
Счастья ты ищешь въ бездушномъ цвѣткѣ...
Полно, о полно, моя дорогая!
Сила и радость повержены въ прахъ;
Намъ ли съ тобою мечтамъ предаваться?..
Косы твои точно снѣгъ серебрятся.
Снѣгъ и въ моихъ ужъ блеститъ волосахъ.
Только надъ сердцемъ, изнывшимъ въ тоскѣ,
Видно, безсильны гроза и ненастье...
Вѣтку сирени ты держишь въ рукѣ,—
Счастья въ ней ищешь, не вѣруя въ счастье.

П. Я.



В. С. Соловьевъ.

* * *

У царицы моей есть высокій дворецъ,
О семи онъ столбахъ золотыхъ.
У царицы моей семигранный вѣнецъ,
Въ немъ безъ счету камней дорогихъ.
И въ зеленомъ саду у царицы моей
Розъ и лилій краса расцвѣла,
И въ прозрачной волнѣ серебристый ручей
Ловитъ отблескъ кудрей и чела.
Но не слышитъ царица, что шепчетъ ручей,
На цвѣты и не взглянетъ она:
Ей туманитъ печаль свѣтъ лазурныхъ очей,
И мечта ея скорби полна.
Она видитъ: далеко, въ полночномъ краю,
Средь морозныхъ тумановъ и вьюгъ,
Съ злою силою тьмы въ одиночномъ бою
Гибнетъ ею покинутый другъ.

И бросаетъ она свой алмазный вѣнецъ,
Оставляетъ чертогъ золотой,
И къ невѣрному другу, нежданный пришлецъ,
Благодатной стучится рукой.
И надъ мрачной зимой молодая весна,
Вся сіяя, склонилась надъ нимъ
И покрыла его, тихой ласки полна,
Лучезарнымъ покровомъ своимъ.
И низринуты темныя силы во прахъ,
Чистымъ пламенемъ весь онъ горитъ,
И съ любовію вѣчной въ лазурныхъ очахъ
Тихо другу она говоритъ:
— „Знаю, воля твоя волнъ морскихъ не вѣрнѣй:
Ты мнѣ вѣрность клялся сохранить,—
Клятвѣ ты измѣнилъ,—но измѣной своей
Могъ ли сердце мое измѣнить?.."

В. С. Соловьевъ.

* * *

Городъ полуночной грезой объятъ;
Точно дыханіе спящей земли,
Струны воздушныя тихо звенятъ
Гдѣ-то вдали...

Точно въ аккордъ мелодичный слились
Отзвуки въ вѣчность ушедшаго дня...
Кто-то мнѣ шепчетъ, какъ будто: „молись,
Другъ, за меня.

Я истомился въ чаду суеты,
Скинуть не въ силахъ я бремя заботъ,
Скорбь тяжелѣе могильной плиты
Сердце гнететъ.

День пережитый прошелъ безъ слѣда,
Нечѣмъ въ могилѣ его помянуть...

Больно безъ милаго сердцу труда
Жить какъ-нибудь.

Плакать—нѣтъ слезъ, и молиться—нѣтъ словъ...
Другъ, если можешь, поплачь за меня,
И помяни на молитвѣ рабовъ
Празднаго дня!"

К. Н. Льдовъ.

* * *

Счастье, призракъ ли счастья,—не все ли равно?
Клятвъ не нужно, моя дорогая...
Только было бъ усталое сердце полно,
Только бъ тихой отрадой забылось оно,
Какъ больное дитя, отдыхая.
Я впередъ не смотрю—и покуда нѣжна,
И покуда тепла твоя ласка,
Не спрошу у тебя я, надолго ль она,
Не капризомъ ли женскимъ она рождена,
Не обманетъ ли душу, какъ сказка...
Но зато и себя я не стану пытать,
Чтобъ не вызвать сомнѣній невольно;
Я люблю твои пѣсни и рѣчи слыхать,
Мнѣ съ тобою легко и свободно дышать,
Мнѣ отрадно съ тобой—и довольно...
А наскучу тебѣ я, скажи... не жалѣй
Отравить мою душу тоскою:
Мнѣ не нужно неволи и жертвы твоей:
Въ жизни много и такъ безполезныхъ цѣпей,—
Что за радость быть вѣчно рабою?
И простимся съ тобой мы... И крѣпко тебѣ
Я пожму на прощаніе руку,—
Какъ сестрѣ въ пережитой житейской борьбѣ,—
И сумѣю, безъ словъ и упрековъ судьбѣ,
Неизбѣжную встрѣтить разлуку...

С. Я. Надсонъ.

* * *

Садикъ запущенный, садикъ заглохшій,—
Старенькій, сѣренькій домъ;
Дворикъ заросшій, прудокъ пересохшій,—
Ветхія службы кругомъ.

Нѣсколько шаткихъ ступенекъ крылечка,
Стекла цвѣтныя въ дверяхъ;
Лавки вдоль стѣнъ, изразцовая печка
Въ низенькихъ, темныхъ сѣняхъ.

Въ комнатѣ стулья съ обивкой сафьяной,
Образъ съ лампадкой въ углу,
Книги на полкахъ, каминъ, фортепьяно,
Мягкій коверъ на полу...

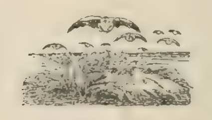
Въ комнатѣ этой и зиму и лѣто
Столько цвѣтовъ на окнѣ...
— Какъ мнѣ знакомо и мило все это,
Какъ это дорого мнѣ!

— Юныя грезы! счастливыя встрѣчи
Въ полѣ и въ мракѣ лѣсномъ...
Подъ вечеръ долгія, тихія рѣчи
Рядомъ за чайнымъ столомъ...

Годы минувшіе, лучшіе годы,
Чуждые смутъ и тревогъ!
Ясные дни тишины и свободы!
Мирный, родной уголокъ!

— Нынѣ жъ одно только на сердцѣ бремя
Незамѣнимыхъ потерь...
Гдѣ это доброе, старое время,
Гдѣ это счастье теперь?

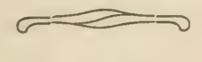
К. Р.



* * *

Дубовый листокъ оторвался отъ вѣтки родимой
И въ степь укатился, жестокою бурей гонимый;
Зачахъ и увялъ онъ отъ холода, зноя и горя,
И вотъ, наконецъ, докатился до Чернаго моря.
У Чернаго моря чинара стоитъ молодая,
Съ ней шепчется вѣтеръ, зеленыя вѣтки лаская;
На вѣтвяхъ зеленыхъ качаются райскія птицы,
Поютъ они пѣсни про славу морской царь-дѣвицы.
И странникъ прижался у корня чинары высокой,
Пріюта на время онъ молитъ съ тоскою глубокой.
И такъ говоритъ онъ: „Я бѣдный листочекъ дубовый,
До срока созрѣлъ я и выросъ въ отчизнѣ суровой.
Одинъ и безъ цѣли по свѣту ношуся давно я,
Засохъ я безъ тѣни, увялъ я безъ сна и покоя.
Прими же пришельца межъ листьевъ своихъ изумрудныхъ—
Не мало я знаю разсказовъ мудреныхъ и чудныхъ.“
— На что мнѣ тебя! отвѣчаетъ младая чинара:
Ты пыленъ и желтъ, и сынамъ моимъ свѣжимъ—не пара.
Ты много видалъ, да къ чему мнѣ твои небылицы?
Мнѣ слухъ утомили давно ужъ и райскія птицы...
Иди себѣ дальше, о странникъ, тебя я не знаю.
Я солнцемъ любима, цвѣту для него и блистаю;
По небу я вѣтви раскинула здѣсь на просторѣ,
И корни мои омываетъ холодное море.

М. Ю. Лермонтовъ.



* * *

Долгая, скучная ночь приближалась къ концу,
Тихо вершины шумѣли...
Думы тѣснились надъ пологомъ душной постели,
Слезы текли по лицу.

Слабо дышали цвѣты сквозь прозрачныя вазы...
Бѣлый разсвѣтъ серебрилъ облака...
Вѣтеръ качалъ освѣженные темные вязы,
И утомленной волною плескалась рѣка.
Вѣяло утромъ... Зажглася заря золотая!
Сладкою дрожью и сочною влагой дыша,
Лебедь проснулся, изъ тощихъ стеблей камыша
Выплылъ онъ, грудью волну разсѣкая,
Тѣни погасли, какъ блѣднаго мѣсяца грезы...
Грезы, какъ тѣни, исчезли вдали...
Рѣютъ, гудя надъ цвѣтами, шмели,
Рѣютъ, кружася, стрекозы...
Утро и счастье! И солнце, и гимны Творцу...
Шумно къ порогу стучится забота...
Думы тѣснятся, исчезла дремота,—
Слезы текутъ по лицу...

К. Фофановъ.

* * *

Свѣча горитъ и меркнетъ и вновь горитъ сильнѣй,
Но меркнетъ безвозвратно сіянье юныхъ дней.
Гори же, разгорайся, пока еще ты юнъ,
Сильнѣй, полнѣй касайся сердечныхъ звонкихъ струнъ,
Чтобъ было что припомнить на склонѣ трудныхъ лѣтъ,
Чтобъ старости холодной свѣтилъ нетлѣнный свѣтъ—
Мечтаній благородныхъ, порывовъ молодыхъ,
Безумныхъ, но прекрасныхъ, безумныхъ и святыхъ.

К. Д. Бальмонтъ.

Музыка.

И струны рыдали и пѣли, рыдая...
И, страсти и трепета полны,
Стремились, какъ вешнія волны,
Приливы созвучій живыхъ...
А въ окна полночныя звѣзды, мерцая,
Глядѣли съ высотъ голубыхъ.
Аккордъ за аккордомъ, волна за волною,
Катились ликующимъ строемъ;
И грезы плѣнительнымъ роемъ
За звонкимъ потокомъ текли...
И садъ, озаренный полночной луною,
Мнѣ грезился въ синей дали.
Журчали фонтаны и розы алѣли,
И въ мягкомъ, прозрачномъ туманѣ,
На свѣтлой зеленой полянѣ,
Я блѣдную тѣнь увидалъ...
На темныхъ рѣсницахъ слезинки блестѣли,
Вѣнокъ на челѣ трепеталъ...
И двигалась тѣнь межъ нѣмыми стволами,
По розамъ надъ клумбой душистой;
Сіянье волной серебристой
Лилось съ высоты на нее...
И призракъ... тотъ призракъ, вѣнчанный цвѣтами,
Былъ—старое горе мое...

С. Фругъ.

* * *

День ли царитъ, тишина ли ночная,
Въ снахъ ли тревожныхъ, въ житейской борьбѣ,—
Всюду со мной, мою жизнь наполняя,
Дума все та же, одна, роковая,—
Все о тебѣ!

Съ нею не страшенъ мнѣ призракъ былого...
Сердце воспрянуло, снова любя...
Вѣра, мечты, вдохновенное слово,—
Все, что въ душѣ дорогого, святого—
Все отъ тебя!

Будутъ ли дни мои ясны, унылы,
Скоро ли сгину я, жизнь загубя,—
Знаю одно, что до самой могилы
Помыслы, чувства и пѣсни, силы,—
Все для тебя!

А. Н. Апухтинъ.

Придорожныя травы.

Спите полумертвые, увядшіе цвѣты,
Такъ и не узнавшіе расцвѣта красоты,
Близъ путей заѣзженныхъ взрощенные Творцемъ,
Смятые невидѣвшимъ тяжелымъ колесомъ.
Въ часъ, когда всѣ празднуютъ рожденіе весны,
Въ часъ, когда сбываются несбыточные сны,
Всѣмъ дано безумствовать, лишь вамъ одинъ нельзя:
Возлѣ васъ раскинулась заклятая стезя.
Вотъ, полуизломаны, лежите вы въ пыли,
Вы, что въ небо дальнее свѣтло глядѣть могли,
Вы, что встрѣтить счастіе могли бы какъ и всѣ,
Въ женственной, въ дѣвической, въ нетронутой красѣ.
Спите же, взглянувшіе на страшный пыльный путь,
Вашимъ равнымъ—царствовать, а вамъ—навѣкъ уснуть.
Богомъ обдѣленные на праздникѣ мечты,
Спите, не видавшіе расцвѣта красоты.

К. Д. Бальмонтъ.

Артистъ Я. В. Орловъ-Чужбининъ.

Вѣтерокъ.

Изъ М. Замакоиса.

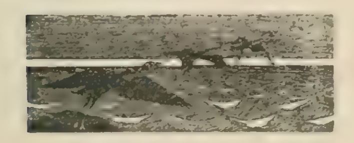
Безпечный вѣтерокъ, свободенъ, юнъ и смѣлъ,
Скитаясь по свѣту, любя и смѣхъ и шутки,
Въ старинный замокъ залетѣлъ.
Волненьемъ трепетнымъ коснулся онъ малютки.
Она, не вѣдая ни горя ни тоски,
Спокойно шерсть пряла... Ея глаза свѣтились,
Какъ голубые васильки,
А кудри нѣжные на солнцѣ золотились...
Движеньемъ маленькой, изнѣженной руки,
Очаровательной и дѣвственно-прекрасной,
Съ прелестнаго чела стряхнула волоски...
И въ тотъ же мигъ Зефиръ—болтаютъ остряки,
Что вѣтрены ужасно вѣтерки—
Почувствовалъ въ груди какой-то шумъ неясный...
То сердце пылкое, любившее не разъ,
И расточавшее и юный жаръ, и силы,
Пришло въ смятеніе, въ лирическій экстазъ,—
Влюбилось—навсегда, навѣки, до могилы!
И съ этихъ поръ Зефиръ, какъ тайный нѣжный другъ,

Ея не покидалъ, весь день порхалъ вокругъ,
Невидимый, оказывалъ услуги
И наполнялъ ея досуги...
Едва онъ замѣчалъ въ ея глазахъ печаль,
За пѣснями тотчасъ онъ отправлялся вдаль
И приносилъ ихъ съ дуновеньемъ,
Горя священнымъ вдохновеньемъ...
Собравши бабочекъ изъ рощъ, лѣсовъ, полей,
Онъ ихъ сплеталъ въ букетъ волшебный, разно-
цвѣтный
И ей дарилъ его съ любовью беззавѣтной,—
И міръ казался ей прекраснѣй и свѣтлѣй...
Онъ часто приносилъ ей влажный запахъ мяты,
Душистыхъ травъ и сосенъ, и березъ,
Онъ приносилъ ей ароматы
Фіалокъ, ландышей и розъ.
Въ палящій зной дарилъ прохладу,
А въ зимній холодъ—теплоту.
Днемъ перелистывалъ страницы налету,
А ночью прилеталъ, чтобъ испытать отраду,—
Прильнувъ къ пылающимъ устамъ,
Дышать ея благоуханьемъ
И слить себя съ ея дыханьемъ,
Отдавшись сладостнымъ мечтамъ,
Едва-едва, тайкомъ, несмѣло
Касаться дѣвственнаго тѣла
И помогать волшебнымъ снамъ...
Но счастья дни прошли, промчался сонъ блажен-
ный...
Однажды къ дѣвушкѣ является синьоръ,
Красивый, молодой, блестящій и надменный...
И сталъ мой вѣтерокъ печаленъ съ этихъ поръ.
Краса и грація, и нѣжные напѣвы,
Роскошные дары и ласковая рѣчь
Сумѣли безъ труда красавицу увлечь
И покорили сердце дѣвы...
Дары онъ сыпалъ безъ числа...
Увы! рубины и сапфиры
Сильнѣй, чѣмъ бѣдные зефиры.
И подъ вѣнецъ она пошла!...
Исполненъ мукъ и мести жгучей,

Хотѣлъ разгнѣванный Зефиръ
Разрушить замокъ, брачный пиръ...
Онъ грозно взвылъ—и черной тучей
Понесся къ замку въ день вѣнца,
Чтобъ планъ исполнить до конца...
Онъ всѣ цвѣты сорвалъ съ дороги,
Ведущей въ брачные чертоги;
Когда жъ во храмѣ служба шла,—
Чтобъ омрачить обрядъ вѣнчальный,
Онъ зазвонилъ въ колокола,—
И звонъ раздался погребальный...

Зефиръ пустился въ путь, снѣдаемый тоскою,
Летѣлъ изъ края въ край, не находя покою,
Блуждалъ среди пустынь далекихъ мрачныхъ странъ,
Какъ дикій, бѣшеный, свирѣпый ураганъ.
Два года странствовалъ, стремясь къ жестокой цѣли:
Набраться новыхъ силъ,—чтобъ сокрушить чертогъ.
Вернулся въ замокъ онъ, какъ злой и сильный богъ...
Вернулся... и дитя увидѣлъ въ колыбели...
Увидѣлъ мать,—и больше мстить не могъ!...
Въ ея глазахъ свѣтилось столько ласки,
Въ груди сіялъ любви священный храмъ,
Зефиръ взглянулъ, вздохнулъ—и палъ къ ея ногамъ;
То былъ послѣдній вздохъ, прощальный вздохъ развязки...
Зефира больше нѣтъ,—и нѣтъ волшебной сказки!

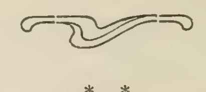
Пер. *Lolo (Мунштейнъ).*



Утро.

Звѣзды меркнутъ и гаснутъ. Въ огнѣ облака.
Бѣлый паръ по лугамъ разстилается.
По зеркальной водѣ, по кудрямъ лозняка
Отъ зари алый свѣтъ разливается.
Дремлетъ чуткій камышъ. Тишь—безлюдье вокругъ.
Чуть примѣтна тропинка росистая.
Кустъ задѣнешь плечомъ,—на лицо тебѣ вдругъ
Съ листьевъ брызнетъ роса серебристая.
Потянулъ вѣтерокъ,—воду морщитъ, рябитъ,
Понеслись утки съ шумомъ и скрылися,
Далеко, далеко колокольчикъ звенитъ.
Рыбаки въ шалашѣ пробудилися.
Сняли сѣти съ шестовъ, весла къ лодкамъ несутъ...
А востокъ все горитъ, разгорается.
Птички солнышка ждутъ, птички пѣсни поютъ,
И стоитъ себѣ лѣсъ, улыбается.
Вотъ и солнце встаетъ, изъ-за пашенъ блеститъ,
За морями ночлегъ свой покинуло;
На поля, на луга, на макушки ракитъ
Золотыми потоками хлынуло.
Ѣдетъ пахарь съ сохой, ѣдетъ—пѣсню поетъ;
По плечу молодцу все тяжелое...
Не боли ты, душа! отдохни отъ заботъ!
Здравствуй, солнце, да утро веселое!

И. С. Никитинъ.



* * *

Глубже все въ грудь проникаетъ безстрастья цѣлительный холодъ,
Крѣпче по сердцу стучитъ закаляющій времени молотъ,
Гаснетъ въ душѣ моей жизни огонь безпокойный и юный,
Тихо на арфѣ моей замираютъ послѣднія струны.

Можетъ быть, въ сердцѣ остывшемъ огни бы опять
запылали,
Можетъ быть, вѣщія струны тѣ вновь бы, какъ
встарь, зазвучали,—
Если бъ нежданно коснулось ихъ бури живое ды-
ханье,
Если бъ отъ сна пробудило ихъ страсти всесильной
желанье!

Но не примчится гроза, не нагрянетъ веселіе бури;
Тихо и нѣмо безоблачье чистой небесной лазури.
Спите же, вѣщія струны, угасни, огонь вдохновенья,
До незакатнаго, свѣтлаго... близкаго дня пробуж-
денья!

Въ день тотъ, для сердца желанный, иные пробу-
дятъ васъ звуки,
Чуждые буйныхъ страстей, вожделѣній, тревоги и
муки.
Пламенемъ новымъ зажжется въ воскресшей груди
вдохновенье,
Чистой струею польется любви неземной пѣснопѣнье!

А. Голенищевъ-Кутузовъ.

* * *

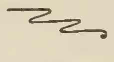
Распустилась черемуха въ нашемъ саду,
На сирени—цвѣты благовонные;
Задремали деревья... Листы, какъ въ бреду,
Съ вѣтромъ шепчутся, словно влюбленные.
А отливы заката, алѣя, горя,
Синеву ужъ румянятъ небесную!
На весну наглядѣться не можетъ заря,
Жаль покинуть ей землю чудесную.
Напоенный душистымъ дыханьемъ березъ,
Воздухъ въ юную грудь такъ и просится,
И волшебныхъ, чарующихъ полная грезъ
Далеко моя пѣсня разносится!

К. Р.

* * *

Уныло двѣ поблекшихъ розы,
Горюя, на пескѣ лежатъ;
Прощальнымъ блескомъ озаряетъ
Листки ихъ блѣдные закатъ.
— „Меня невѣста молодая
Носила на груди своей,
Когда блаженствомъ безпредѣльнымъ,
Любовью сердце билось въ ней!..“
— „Меня сорвалъ онъ въ часъ разлуки
Съ ея груди, когда она,
При блескѣ свѣчъ, въ гробу лежала,
Какъ изваянье, холодна!..“
Уныло двѣ поблекшихъ розы,
Горюя, на пескѣ лежатъ,
И тихо, тихо догораетъ
На блѣдныхъ листьяхъ ихъ закатъ...

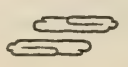
А. Н. Плещеевъ.



* * *

Бѣдный другъ! истомилъ тебя путь,
Теменъ взоръ, вѣнокъ твой измятъ.
Ты войди же ко мнѣ отдохнуть.
Потускнѣлъ, дорогая, закатъ...
Гдѣ была и откуда идешь,
Бѣдный другъ, не спрошу я, любя;
Только имя мое назовешь—
Молча къ сердцу прижму я тебя.
Смерть и Время царятъ на землѣ,—
Ты владыками ихъ не зови;
Все, кружась, исчезаетъ во мглѣ:
Неподвижно лишь солнце любви!

В. С. Соловьевъ.

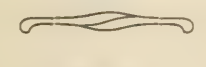


Двѣ судьбы.

(Мелодекламація).

Я видѣлъ, что несли дорожный
И грубый ящикъ на рукахъ.
„Здѣсь арфа... арфа... осторожно“—
Читалъ я надпись на доскахъ.
Она—въ толпѣ... Глядитъ тревожно,
Какъ лань предъ гибелью, въ слезахъ.
„Здѣсь сердце, сердце... осторожно“—
Читалъ въ испуганныхъ глазахъ.
Межъ досокъ арфа уцѣлѣла,
И безмятежно вновь запѣла...
Душѣ, какъ нѣкогда, звучитъ.
Разбито сердце одинокой
Глухой толпой, слѣпой, жестокой!
Разбито сердце и молчитъ...

И. Гриневская.



* * *

Отцвѣтаетъ сирень у меня подъ окномъ,
Осыпаются кисти пушистыя...
Ужъ пахнуло, повѣяло лѣтнимъ тепломъ;
Гуще зелень березъ; солнце знойнымъ лучомъ
Золотитъ ихъ стволы серебристые.
Скоро лѣто придетъ и опять уберетъ
Васильками всю ниву зеленую;
Скоро жимолость въ нашемъ саду зацвѣтетъ.
И опять незабудками сплошь заростетъ
Мшистый берегъ надъ рѣчкой студеною.
Скоро скошеннымъ сѣномъ запахнетъ кругомъ...
Какъ бы досыта, власть, грудью жадною
Надышаться мнѣ этимъ душистымъ тепломъ,
Пока міръ ледянымъ не уснулъ еще сномъ,
Усыпленный зимой безотрадною!

К. Р.

Дай мнѣ.

Дай мнѣ восторговъ любви съ ихъ обманомъ,
Дай мнѣ безумья желаній живыхъ,
Дай мнѣ погаснувшихъ сновъ съ ихъ туманомъ,
Думъ животворныхъ и грезъ золотыхъ.

Дай—и возьми всю увѣренность знанья,
Всю эту ношу убитыхъ страстей,
Эту обдуманность словъ и дѣянья
Въ мѣрномъ теченьи и знаньи людей.

Все ты возьми, въ чемъ не знаю сомнѣнья,
Въ правдѣ моей разувѣрь, обмани,
Дай мнѣ минувшихъ годовъ увлеченья,
Дай мнѣ былые мятежные дни!

К. К. Случевскій.

* * *

Не грусти, что листья
Съ дерева валятся,—
Будущей весною
Вновь они родятся,—
А грусти, что силы
Молодости таютъ,
Что черствѣетъ сердце,
Думы засыпаютъ...
Только лишь весною
Теплою повѣетъ—
Дерево роскошно
Вновь зазеленѣетъ...
Силы жъ молодыя
Сгибнутъ, не вернутся,
Сердце очерствѣетъ,
Думы не проснутся.

И. З. Суриковъ.

Артистка Е. В. Чарусская.

Призывъ.

Изъ П. Б. Шелли.

Мой лучшій другъ, мой нѣжный другъ,
Пойдемъ туда, гдѣ зеленъ лугъ!
Ты вся свѣтла, какъ этотъ День,
Что гонитъ прочь и скорбь и тѣнь
И будитъ почки ото сна,
И говоритъ: „пришла Весна!"
Пришла Весна, и свѣтлый Часъ
Блеститъ съ небесъ, глядитъ на насъ,
Цѣлуетъ онъ лицо земли,
И къ морю ластится вдали,
И нѣжитъ шепчущій ручей,
Чтобъ онъ журчалъ и пѣлъ звончѣй,
И дышитъ лаской между горъ,
Чтобы смягчить ихъ нѣжный взоръ,

И, какъ предтеча Майскихъ сновъ,
Раскрылъ отъ чашечки цвѣтовъ,—
И просіялъ весь міръ кругомъ,
Объятый свѣтлымъ торжествомъ,
Какъ тотъ, кому смѣешься ты,
Кто видитъ милыя черты.
Уйдемъ отъ пыльныхъ городовъ,
Уйдемъ съ тобою въ міръ цвѣтовъ,
Туда, гдѣ—мощные лѣса,
Гдѣ ярко искрится роса,
Гдѣ новый міръ, особый міръ,
Поетъ звучнѣе нашихъ лиръ,
Гдѣ вѣтерокъ бѣжитъ, спѣша,
Гдѣ раскрывается душа
И не боится нѣжной быть,
Къ другой прильнуть, ее любить,
Съ Природой жить, и съ ней молчать,
И гармонически звучать.
А если кто ко мнѣ придетъ,
На двери надпись онъ найдетъ:
„Прощайте! Я ушелъ въ поля,
Гдѣ въ нѣжной зелени земля.
Хочу вкусить блаженства часъ,
Хочу уйти, уйти отъ васъ.
А ты, Разсудокъ, погоди,
Здѣсь у камина посиди,
Тебѣ подругой будетъ Грусть;
Читайте съ нею наизусть
Свой утомительный разсказъ
О томъ, какъ я бѣжалъ отъ васъ.
За мной, Надежда, не ходи,
Нѣтъ словъ твоихъ въ моей груди,
Я не хочу грядущимъ жить.
Хочу мгновенію служить,
Я полонъ весь иной мечты,
Непредвкушенной красоты!“

Сестра лучистыхъ Вешнихъ Дней,
Проснись, пойдемъ со мной скорѣй!
Подъ говоръ птичьихъ голосовъ,
Пойдемъ въ просторъ густыхъ лѣсовъ,

Гдѣ стройный стволъ сосны могучъ,
Гдѣ еле свѣтитъ солнца лучъ,
Едва дрожитъ среди тѣней,
Едва цѣлуетъ сѣть вѣтвей.
Среди прогалинъ и кустовъ
Мы встрѣтимъ сонмъ живыхъ цвѣтовъ,
Фіалки намъ шепнутъ привѣтъ,
Но мы уйдемъ,—насъ нѣтъ, какъ нѣтъ,
Мы ускользнемъ отъ анемонъ,
Увидимъ синій небосклонъ,
Ото всего умчимся прочь,
Забудемъ день, забудемъ ночь,
И къ намъ ручьи журча придутъ,
Съ собою рѣки приведутъ,
Исчезнутъ рощи и поля,
И съ моремъ встрѣтится земля,
И все потонетъ, все—въ одномъ,
Въ безбрежномъ свѣтѣ неземномъ.

К. Д. Бальмонтъ.

* * *

Пой, моя малютка! Сумракъ наступаетъ.
И, какъ будто съ грустью, вонъ за той горой
Золотая зорька тихо догораетъ...
Пой, моя малютка, я одинъ съ тобой...

Русую головку съ пышною косою
Тихо буду гладить на груди своей,
Обниму тихонько любящей рукою...
Пой, моя малютка! Пой, мой соловей!

Въ чудныхъ переливахъ голоса родного
Отдохну мятежной, страждущей душой.
Любящаго друга, грустнаго, больного,
О, моя малютка, пѣсней успокой!

Л. Косуновичъ.

Блѣднорозовая тучка.

Блѣднорозовая тучка
Съ золотистыми краями
Въ этотъ вечеръ благодатный
Въ вышинѣ плыветъ надъ нами.
Изъ кустовъ несутся трели
Соловьиной пѣсни страстной...
Какъ съ тобою въ этотъ вечеръ
Счастливъ я, мой другъ прекрасный!
Всѣ тревоги, всѣ сомнѣнья
Отлетѣли прочь куда-то,
И опять ко мнѣ вернулось
Все,, чѣмъ я дышалъ когда-то.
И опять хочу я вѣрить
И хочу я жить, какъ прежде,
Отдавая умъ усталый
И стремленьямъ и надеждѣ.
А въ блѣднѣющей лазури,
Въ вышинѣ плыветъ надъ нами
Блѣднорозовая тучка
Съ золотистыми краями.

Д. М. Ратгаузъ.

* * *

Осень! Обсыпается весь нашъ бѣдный садъ,
Листья пожелтѣлые по вѣтру летятъ.
Лишь вдали красуются тамъ, на днѣ долинъ,
Кисти ярко-красныя вянущихъ рябинъ.
Весело и горестно сердцу моему,
Молча, твои рученки грѣю я и жму.
Въ очи тебѣ глядючи, молча слезы лью,
Не умѣю высказать, какъ тебя люблю!

А. К. Толстой.

* * *

И смѣхъ, и пѣсни, и солнца блескъ!
Челнокъ нашъ легкій качаютъ волны;
Я въ немъ съ друзьями, веселья полный,
Плыву безпечно... Вдругъ слышенъ трескъ—
И разлетѣлся въ куски челнокъ!
Друзья пловцами плохими были:
Родныя волны ихъ поглотили,
Меня жъ далеко умчалъ потокъ.
И вотъ, сработалъ въ чужой странѣ
Другой челнокъ я. Но бьютъ сурово
Чужія волны въ челнокъ мой новый...
Мой край далеко! Какъ грустно мнѣ!
Друзья иные теперь со мной,—
И снова пѣсни! Но воютъ бури,
И гаснутъ звѣзды въ ночной лазури...
Прости навѣки, мой край родной!

А. Н. Плещеевъ.

* * *

Нынче ночью кто-то долго пѣлъ,
Далеко скитаясь въ темномъ полѣ:
Голосъ грустной удалью звенѣлъ,
Пѣлъ о прошломъ счастьѣ и о волѣ.

Я открылъ окно и сѣлъ на немъ.
Ты спала... Я долго слушалъ жадно...
Съ поля пахло рожью и дождемъ,
Ночь была безмолвна и прохладна.

Что въ душѣ тотъ голосъ пробудилъ,
Я не знаю. Но душа грустила,
И тебя такъ нѣжно я любилъ,
Какъ меня когда-то ты любила.

И хотѣлось мнѣ простить тебѣ
Все, что въ сердцѣ я скрывалъ глубоко,
Покориться горестной судьбѣ
И уйти—навѣкъ, и одиноко

Выплакать страданія свои,
И, скитаясь ночью въ темномъ полѣ,
Пѣть о прошломъ счастьѣ и о волѣ,
О своей загубленной любви!

И. Бунинъ.

***

Унеси мою душу въ ту синюю даль,
Гдѣ степь золотая легла на просторѣ,
Широка, какъ моя роковая печаль,
Какъ мое безысходное горе.
Разбужу я былыя надежды мои
И теплую вѣру, и свѣтлыя грезы—
И широкой волной по раздольной степи
Разолью я горячія слезы.
И по звонкимъ струнамъ я ударю звучнѣй,
И хлынутъ потокомъ забытые звуки;
Разомъ выльетъ душа всѣ созрѣвшія въ ней,
Безконечныя, тяжкія муки...
Унеси мою душу въ ту чудную даль,
Гдѣ степь золотая лежитъ на просторѣ—
Широка, какъ моя роковая печаль,
Какъ мое безысходное горе!..

С. Фругъ.

Май.

Блѣдный вечеръ весны, и задумчивъ и тихъ,
Зарумяненъ вечерней зарею,
Грустно въ окна глядитъ;—и слагается стихъ,
И тѣснится мечта за мечтою.
Что-то грустно душѣ, что-то сердцу больнѣй,
Иль взгрустнулося мнѣ о бываломъ?
Это май баловникъ, это май чародѣй
Вѣетъ свѣжимъ своимъ опахаломъ.

Тамъ, за душной чертою столичныхъ громадъ,
На степяхъ свѣтозарной природы,
Звонко птицы поютъ и плыветъ ароматъ,
И журчатъ сладкоструйныя воды,
И дрожитъ подъ росою душистыхъ полей
Блѣдный ландышъ склоненнымъ бокаломъ.—
Это май баловникъ, это май чародѣй
Вѣетъ свѣжимъ своимъ опахаломъ.

Дорогая моя, если бъ встрѣтиться намъ
Въ звучномъ праздникѣ юнаго мая
И сиренью дышать, и внимать соловьямъ,
Міръ любви и страстей обнимая,—
О, какъ счастливъ бы сталъ я любовью твоей,
Сколько грезъ въ моемъ сердце усталомъ
Этотъ май баловникъ, этотъ май чародѣй
Разбудилъ бы своимъ опахаломъ.

К. М. Фофановъ.

* * *

Не думала ли ты, что, блѣдный и безмолвный,
Я вновь къ тебѣ приду какъ нищій умолять,—
Тобой отвергнутый, тобою вѣчно полный,—
Чтобъ ты позволила у ногъ твоихъ рыдать?
Напрасная мечта! слыхала ль ты порой,

Что въ милой праздности не всѣ, какъ ты, живутъ,
Что гдѣ-то есть борьба, и мысль, и честный трудъ,
И что предъ ними ты ничто съ твоей красой?
Смотри!—меня зоветъ огромный, свѣтлый міръ:
Есть у меня безсмертная природа,
И молодость, и гордая свобода,
И Рафаэль, и Данте, и Шекспиръ!
И думать ты могла, что я томиться буду,
Или у ногъ твоихъ безпомощно рыдать?
Нѣтъ, стыдно предъ тобой мнѣ слезы расточать!—
Забудь меня скорѣй, какъ я тебя забуду!
О, неразумное, прелестное дитя,
Ты гнѣва моего, повѣрь, не заслужила,—
Но, еслибъ ты могла понять, какая сила
Была у ногъ твоихъ, когда со мной шутя,
Играла ты въ любовь, и все потомъ разбила,—
Тогда лицо твое зардѣлось бы стыдомъ,
И надъ поруганной любовью, надъ мечтами,
Что ты разрушила своими же руками,
Не я,—а ты въ отчаяньи нѣмомъ
Рыдала бы теперь горючими слезами!

Д. С. Мережковскій.

* * *

Ты уймись, кручинушка, смолкните страданія!
Не вернуть погибшаго жгучею слезой,—
И замретъ безъ отзыва крикъ негодованія,
Крикъ, изъ сердца вырванный злобою людской.
Не поймутъ счастливые горя и мученія,
Не спасутъ упавшаго братскою рукой,
И насмѣшкой ѣдкою злобнаго презрѣнія
Заклеймятъ разбитаго жизненной грозой.
А кругомъ надвинулась ноченька глубокая,
Безъ просвѣтовъ счастія, безъ огня любви,
И желѣзнымъ пологомъ эта мгла жестокая
Давитъ силы гордыя и мечты мои.

С. Я. Надсонъ.

Артистъ С. В. Горѣловъ.

Я боюсь разсказать.

Я боюсь разсказать, какъ тебя я люблю.
Я боюсь, что, подслушавши повѣсть мою,
Легкій вѣтеръ въ кустахъ вдругъ въ веселіи пьяномъ
Пролетитъ надъ землей ураганомъ...

Я боюсь разсказать, какъ тебя я люблю.
Я боюсь, что, подслушавши повѣсть мою,
Звѣзды станутъ недвижно средь темнаго свода,
И висѣть будетъ ночь безъ исхода...

Я боюсь разсказать, какъ тебя я люблю,
Я боюсь, что, подслушавши повѣсть мою,
Мое сердце безумья любви ужаснется
И отъ счастья и муки... порвется!..

Н. М. Минскій.

Метель.

Разстилаетъ метель
Снѣговую постель,
Серебристая кружится мгла.
Я стою у окна,
Я больна, я одна,
И на сердце тоска налегла.

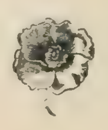
Сколько звуковъ родныхъ,
Голосовъ неземныхъ,
Зимній вѣтеръ клубитъ въ вышинѣ.
Я внимаю—и вотъ
Колокольчикъ поетъ.
То не милый ли мчится ко мнѣ?

Я бѣгу на крыльцо.
Вѣтеръ бьетъ мнѣ въ лицо,
Вѣтеръ вздохъ мой поймалъ и унесъ:
— „Милый другъ мой, скорѣй
Сердцемъ сердце согрѣй,
Дай отраду утраченныхъ слезъ!

Не смотри, что измятъ
Мой вѣнчальный нарядъ.
Что отъ мукъ поблѣднѣли уста
Милый другъ мой, скорѣй
Сердцемъ сердце согрѣй,—
И воскреснетъ моя красота“.

Жду я. Тихо вдали.
Смолкли звуки земли.
Другъ далеко,—забылъ обо мнѣ,
Только вѣтеръ не спитъ
И гудитъ, и твердитъ
О свиданьи въ иной сторонѣ.

М. А. Лохвицкая.



* * *

Только утро любви хорошо: хороши
  Только первыя робкія рѣчи,
Трепетъ дѣвственно-чистой, стыдливой души,
Недомолвки и бѣглыя встрѣчи,
Перекрестныхъ намековъ и взглядовъ игра,
То надежда, то ревность слѣпая...
Незабвенная, полная счастья пора,
На землѣ—наслажденіе рая!..
Поцѣлуй—первый шагъ къ охлажденью: мечта
И возможной, и близкою стала;
Съ поцѣлуемъ роняетъ цвѣтокъ чистота,
И кумиръ низведенъ съ пьедестала;
Голосъ сердца чуть слышенъ, зато говоритъ
Голосъ крови и сердце опьяняетъ:
Любитъ тотъ, кто безумнѣй желаньемъ кипитъ,
Любитъ тотъ, кто безумнѣй лобзаетъ...
Свѣтлый храмъ въ сладострастный гаремъ обращенъ,
Смолки звуки священныхъ моленій,
И грѣховно-пылающій жрецъ распаленъ
Знойной жаждой земныхъ наслажденій.
Взглядъ, прикованный прежде къ прекраснымъ очамъ
И горѣвшій стыдливой мольбою,
Нагло бродитъ теперь по открытымъ плечамъ,
Обнаженнымъ безстыдной рукою...
Дальше—мигъ наслажденья, и пышный цвѣтокъ
Смятъ и дерзостно сорванъ, и снова
Не отдастъ его жизни кипучій потокъ,
Безпощадныя волны былого...
Праздникъ чувства оконченъ... погасли огни,
Сняты маски и смыты румяна;
И томительно тянутся скучные дни
Пошлой прозы, тоски и обмана!..

С. Я. Надсонъ.

Мухи.

Мухи, какъ черныя мысли, весь день не даютъ мнѣ покою:
Жалятъ, жужжатъ и кружатся надъ бѣдной моей головою!
Сгонишь одну со щеки, а на глазъ ужъ усѣлась другая;
Некуда спрятаться, всюду царитъ ненавистная стая.
Валится книга изъ рукъ, разговоръ упадаетъ, блѣднѣя...
Эхъ! кабы вечеръ придвинулся, эхъ! кабы ночь поскорѣе.

Черныя мысли, какъ мухи, всю ночь не даютъ мнѣ покою:
Жалятъ, язвятъ и кружатся надъ бѣдной моей головою!
Только прогонишь одну, а ужъ въ сердце впилася другая.
Вся вспоминается жизнь, такъ безплодно въ мечтахъ прожитая;
Хочешь забыть, разлюбить, а все любишь сильнѣй и больнѣе...
Эхъ! кабы ночь, настоящая, вѣчная ночь поскорѣе!

А. Н. Апухтинъ.

Молитва.

Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою
Предъ твоимъ образомъ, яркимъ сіяніемъ,
Не о спасеніи, не передъ битвою,
Не съ благодарностью, иль покаяніемъ,
Не за свою молю душу пустынную,

За душу странника въ свѣтѣ безроднаго,—
Но вручить хочу дѣву невинную
Теплой Заступницѣ міра холоднаго.
        Окружи счастьемъ счастья достойную,
Дай ей сопутниковъ, полныхъ вниманія,
Молодость свѣтлую, старость покойную.
Сердцу незлобному миръ упованія.
        Срокъ ли приблизится часу прощальному
Въ утро ли шумное, въ ночь ли безгласную,
Ты воспріять пошли къ ложу печальному
Лучшаго ангела—душу прекрасную.

М. Ю. Лермонтовъ.

* * *

Я мечтою ловилъ уходящія тѣни,
Уходящія тѣни погасавшаго дня,
Я на башню всходилъ, и дрожали ступени,
И дрожали ступени подъ ногой у меня.

И чѣмъ выше я шелъ, тѣмъ яснѣй рисовались,
Тѣмъ яснѣй рисовались очертанья вдали,
И какіе-то звуки вокругъ раздавались,
Вкругъ меня раздавались, отъ небесъ и земли.

Чѣмъ я выше всходилъ, тѣмъ свѣтлѣе сверкали,
Тѣмъ свѣтлѣе сверкали выси дремлющихъ горъ,
И сіяньемъ прощальнымъ какъ будто ласкали,
Словно нѣжно ласкали отуманенный взоръ.

И внизу подо мною ужъ ночь наступила,
Уже ночь наступила для уснувшей земли,
Для меня же блистало дневное свѣтило,
Огневое свѣтило догорало вдали.

Я узналъ, какъ ловить уходящія тѣни,
Уходящія тѣни потускнѣвшаго дня,
И все выше я шелъ, и дрожали ступени,
И дрожали ступени подъ ногой у меня.

К. Д. Бальмонтъ.

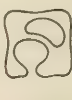
Усни.

Уснуть бы мнѣ навѣкъ, въ травѣ, какъ въ колыбели,
Какъ я ребенкомъ спалъ въ тѣ солнечные дни,
Когда въ лучахъ полуденныхъ звенѣли
Веселыхъ жаворонковъ трели
И пѣли мнѣ онѣ:
„Усни, усни!“

И крылья пестрыхъ мухъ съ причудливой окраской
На вѣнчикахъ цвѣтовъ дрожали, какъ огни,
И шумъ деревъ казался чудной сказкой,
Мой сонъ лелѣя, съ тихой лаской
Баюкали они:
„Усни, усни!“

И убѣгая въ даль, какъ волны золотыя,
Давали мнѣ прıютъ въ задумчивой тѣни,
Подъ кущей вербъ, поля мои родныя,
Склонивъ колосья наливные,
Шептали мнѣ они:
„Усни, усни!“

Д. С. Мережковскій.



* * *

Не буди воспоминаній. Не волнуй меня,
Мнѣ отраденъ мракъ полночный,
Страшенъ свѣточъ дня.
Былъ и я когда-то счастливъ. Вѣрилъ и любилъ,
Но когда и гдѣ – не помню. Все теперь забылъ.
Съ кѣмъ я жизнь свою размыкалъ?
И зачѣмъ? зачѣмъ?
Самъ не знаю. Въ сердце пусто;
Умъ безсильный нѣмъ.
Дождь струится безпощадный. Вѣтеръ бьетъ въ окно;

Смѣхъ безпечный стихъ и замеръ далеко, давно...
Для чего жъ ты вновь со мною, позабытый другъ,
Точно тѣнь встаешь и манишь?
Но темно вокругъ.
Мнѣ не нуженъ запоздалый, горькій твой привѣтъ.
Не хочу изъ тьмы могильной выходить на свѣтъ.
Нѣтъ въ душѣ ни думъ, ни звуковъ. Нѣтъ въ глалахъ огня.
Тише, тише,—засыпаю! Не буди меня.

К. Д. Бальмонтъ.

Серенада.

Тянутся по небу тучи тяжелыя,
Мрачно и сыро вокругъ.
Съ плачемъ деревья качаются голыя...
Не просыпайся, мой другъ!
Не разгоняй сновидѣнья веселыя,
Не размыкай своихъ глазъ.
Сны беззаботные,
Сны мимолетные
Снятся лишь разъ.

Счастливъ, кто спитъ, кому въ осень холодную
Грезятся ласки весны.
Счастливъ, кто спитъ, кто про долю свободную
Въ тѣсной тюрьмѣ видитъ сны.
Горе проснувшимся! Въ ночь безысходную
Имъ не сомкнуть своихъ глазъ.
Сны беззаботные,
Сны мимолетные
Снятся лишь разъ...

Н. М. Минскій.

Розы.

Розы весеннія—розы любви.
Ихъ напоенное нѣгой дыханье
Страсть навѣваетъ и будитъ желанье,
Тайный огонь зажигая въ крови.
Розы весеннія—розы любви,
Розы осеннія—розы надежды!
Минули легкія дымки весны,
Минули жгучіе лѣтніе сны.
Лѣсъ пожелтѣлый теряетъ одежды.
Розы осеннія—розы надежды!—
Память пронесшихся лѣтнихъ тревогъ,
Новаго счастья въ васъ вѣрный залогъ,
Новой весны въ васъ открытыя вѣжды!
Взоръ вашъ задумчивъ и шопотъ вашъ милъ,
Но для кого я васъ холилъ, вспоилъ,
Розы осеннія—розы надежды?..

С. Норманскій.

* * *

Каждый разъ, какъ только въ сердце,
Въ сердце я твое взгляну,
Вижу солнце, вижу розы,
Вижу свѣтлую весну.
Каждый разъ, какъ ты запрешься
Въ строгой логикѣ ума—
Предо мной и снѣгъ, и холодъ,
И мертвящая зима.
Ахъ, дитя мое, на свѣтѣ
Зябну я и безъ того...
Что жъ ты прячешь въ мозгъ холодный
Солнце сердца твоего?..

П. И. Вейнбергъ.

Сюлли Прюдомъ.

Разбитая ваза.

Изъ Сюлли Прюдома.

Случайно вѣеромъ была задѣта ваза,
Гдѣ вянуть сталъ теперь вербены пышный цвѣтъ;
Въ ней ранка сдѣлалась чуть видная для глаза.
Ударъ хоть легокъ былъ—оставилъ вѣчный слѣдъ.
И ранка все растетъ на матовомъ фарфорѣ,
По каплѣ изъ нея уходитъ прочь вода;
Вербена бѣдная должна увянуть вскорѣ.—
Лишь выйдетъ влага вся, цвѣтокъ погибъ тогда.
Но поврежденія никто не замѣчаетъ,
И ваза проживетъ еще не мало дней;
А влага медленно, какъ слезы, вытекаетъ...
Разбита ваза та! Не прикасайся къ ней!

И въ сердцѣ такъ иномъ таится рана злая...
Слезами тихими все изошло оно;
Въ немъ вянетъ, какъ цвѣтокъ, его любовь былая,
И радость чистая изсякла въ немъ давно.

Но сердце слезы тѣ умѣетъ скрыть отъ свѣта,
Не выдаетъ оно страданья своего,
И гаснетъ медленно... Разбито сердце это,
Разбито навсегда! Не трогайте его!...

Вѣра Н.

Шелестъ листьевъ.

Осенняя пѣсня.

Изсушили насъ вѣтры дыханіемъ гнѣвнымъ,—
Мы, какъ вѣтеръ, легки, мы безъ вѣтра слетимъ.
Опалило насъ солнце лобзаньемъ полдневнымъ,—
Мы, какъ полдень, свѣтлы, мы безъ солнца блестимъ.
Мы лепечемъ предъ смертью, какъ дѣти больныя,
Съ каждымъ днемъ все нѣжнѣй, съ каждымъ днемъ все мертвѣй.
Облеклись мы предъ смертью въ одежды цвѣтныя,—
Намъ не жаль ни корней, ни родимыхъ вѣтвей.
Пусть весна отшумѣла зелеными снами,—
Сонъ осенній свѣтлѣй, сна осенняго ждемъ.
Пусть земля опустѣло чернѣетъ подъ нами,—
Мы на землю слетимъ золотистымъ дождемъ.
Въ часъ ненастья ночного или въ полдень холодный
Мы одни, свою смерть въ красоту превратя,
Отъ вѣтвей отдѣлимся, легки и свободны,
И слетимъ-полетимъ, шелестя и блестя.

Н. М. Минскій.

* * *

Блѣднѣютъ полночныя тѣни.
Я въ комнату тихо вошелъ...
Букетъ изъ лиловой сирени
Поставилъ мнѣ кто-то на столъ.

Вокругъ все полно ароматомъ
Весеннихъ душистыхъ цвѣтовъ,—
И въ сердцѣ, волненьемъ объятомъ,
Слагается пѣсня безъ словъ.

Какой-то мелодіей дивной
Душа молодая полна,—
И слышится голосъ призывный,
И манитъ меня изъ окна...

Я знаю, ты спишь, дорогая,
И слышится все-таки мнѣ,
Какъ, имя мое называя,
Уста твои шепчутъ во снѣ...

Во снѣ ты цвѣты мнѣ бросаешь,—
Такъ сладко волнуется грудь,—
Ты нѣжно меня призываешь
И хочешь меня оттолкнуть...

Томительно радостны грезы,
Ты вся—вдохновенье любви,
И льются счастливыя слезы
На бѣлыя руки твои...

Но завтра, я знаю, сурово
Ты будешь себя упрекать,—
И къ вечеру влюбишься снова,
И утромъ разлюбишь опять!

К. Н. Льдовъ.

Кэтъ.

I.

Спитъ... полуоткрыла губки...
Тише... подойду...
Миренъ сонъ моей голубки
На травѣ, въ саду.

Въ знойный день и розы словно
Въ полуснѣ цвѣтутъ...
Какъ малютка дышитъ ровно,
Какъ ей славно тутъ!..

Сколько нѣги, сколько лѣни...
Безмятежна высь...
Свѣта отблески и тѣни
Въ кружева сплелись...

Поцѣлую... Не проснется!
Кэтъ, люблю... люблю!..
— Ай!..
Вскочила—и смѣется:
— Думаете, сплю?

II.

Въ чащѣ кустовъ притаилась, плутовка,—смѣется...
Личико такъ и пылаетъ, а сердце какъ бьется!
Духъ переводитъ, сжимая ручонками грудь...
Вдругъ онъ догонитъ, увидитъ, найдетъ какъ-нибудь!

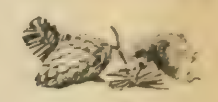
— Вотъ ты гдѣ, Кэтъ?! Ну, попробуй теперь увер-
нуться!
Вскрикнула, бьется, дрожитъ—а глазенки смѣются!

С. А. Сафоновъ.

* * *

Свѣтлый ангелъ, не мрачи
Горизонта жизни нашей;
Будемъ то, что намъ дано,
Пить до дна полнѣйшей чашей.
Если я тебя подчасъ
Прогнѣвлю, смущу, разстрою—
Ну, сорви тогда на мнѣ
Все, что въ этотъ мигъ тобою
Овладѣетъ, пронесись
Жгучей молньей въ гнѣвѣ бурномъ,
Чтобы скоро засвѣтить
Солнцемъ на небѣ лазурномъ.
Но не мучь, не истязай
Недовольства долгой пыткой,
Не давай тянуться днямъ
Отвратительной улиткой.
Лучше грозы на года,
Чѣмъ затишье на мгновенье:
Тамъ чудесно бьется жизнь,
Здѣсь—недвижность омертвенья...

П. И. Вейнбергъ.



* * *

Край ты мой, родимый край!
Конскій бѣгъ на волѣ!
Въ небѣ крикъ орлиныхъ стай!
Волчій голосъ въ полѣ!

Гой, ты, родина моя!
Гой, ты, боръ дремучій!
Свистъ полночный соловья!
Вѣтеръ, степь да тучи!

А. К. Толстой.

Доброй ночи!

Изъ П. Б. Шелли.

Доброй ночи?—О, нѣтъ дорогая! Она
Не добра, если гонитъ любовь мою прочь;
Проведемъ ее вмѣстѣ съ тобою безъ сна,
И тогда будетъ добрая ночь!

Развѣ можетъ быть добрая ночь безъ тебя?
Развѣ въ силахъ я грусть о тебѣ превозмочь?
Нѣтъ,—весь міръ позабыть, трепеща и любя,—
Это добрая ночь!

Ночь лишь тѣмъ хороша, что мы ночью нѣжнѣй,
Отъ влюбленныхъ сердецъ скорбь уносится прочь,
Но не будемъ совсѣмъ говорить мы о ней,—
И тогда будетъ добрая ночь!

К. Д. Бальмонтъ.

Умѣй страдать.

Когда тебя клеймятъ, какъ женщину и мать,
За мигъ, одинъ лишь мигъ, украденный у счастья,
Безмолвствуя, храни покой безстрастья,
Умѣй молчать!

И если радостей—короткой будетъ нить,
И твой кумиръ тебя осудитъ скоро
На гнетъ тоски, и горя, позора,—
Умѣй любить!

И если на тебѣ избранія печать,
Но суждено тебѣ влачить ярмо рабыни,—
Неси свой крестъ съ величіемъ богини,
Умѣй страдать!

М. А. Лохвицкая.

Капли осеннія.

Объ одномъ, все объ одномъ
 Шепчутъ капли подъ окномъ...
О, какъ внятенъ ихъ языкъ
Для того, кто къ нимъ привыкъ!
Ты впивался ль въ эту рѣчь
При мерцаньи позднихъ свѣчъ,
Направляя взоръ стальной
Въ глубь души твоей больной?
Мѣрный маятника бой,—
Стоны вѣчности сѣдой,
Вторя каплямъ за окномъ,
Тоже шепчутъ объ одномъ:
„Знаешь?—Помнишь?—Не забылъ?
Иль утратилъ?—схоронилъ?
Поздно вѣрить!—поздно ждать!
Поздно юность вспоминать!“

А. Курсинскій.

* * *

Передъ луною равнодушной,
 Одѣтой въ радужный туманъ,
Въ отлива часъ волной послушной,
Прощаясь, плакалъ океанъ.

Но въ безднахъ ночи онѣмѣвшей
Тонулъ безслѣдно плачъ валовъ,
Какъ тонетъ гулъ житейскихъ словъ
Въ душѣ свободной и прозрѣвшей.

Н. М. Минскій.

Утѣшеніе.

Малютка, сядь сюда, къ окну, со мною рядомъ!
Мнѣ надо кой-о-чемъ съ тобой поговорить.
Во-первыхъ, не изволь упорно такъ грустить,
А, во-вторыхъ, взгляни: какимъ сейчасъ нарядомъ

Румяная заря одѣла тучекъ цѣпь!
Тамъ всѣ цвѣта найдешь: лиловый, темносиній,
Какъ блескъ очей твоихъ, серебряный, какъ иней,
И нѣжно-золотой, какъ днемъ осеннимъ степь!

Ты знаешь, почему онѣ такъ нарядились?
На небѣ солнышко даетъ прощальный балъ!
(Объ этомъ вѣтерокъ секретно мнѣ сказалъ).
И вотъ онѣ на зовъ по бальному явились!

А поле? посмотри, оно, какъ изумрудъ,
Лежитъ зеленое—все въ золотистомъ блескѣ!
Ты, можетъ быть, найдешь, что краски слишкомъ рѣзки?
Но, право, въ этотъ часъ онѣ къ полямъ идутъ

И даль лиловую премило оттѣняютъ.
Но тихо гаснетъ все: и небо и земля.
Съ заката ночь идетъ; и чутко слышу я,
Какъ яблони цвѣтутъ и тополя вздыхаютъ.

Послушаемъ, сейчасъ заплачетъ соловей
Въ долинѣ у рѣки, гдѣ грустно никнутъ лозы,
Гдѣ мрачно дубъ стоитъ и шепчутся березы,
И щеткой жесткою щетинится репей...

А тамъ сѣдой туманъ поднимется въ поляхъ,
Одѣнетъ озеро и надъ долиной встанетъ;
И мѣсяцъ изъ-за тучъ, какъ грустный инокъ, взглянетъ
На землю грѣшную, заснувшую въ слезахъ,—

Въ слезахъ раскаянья, какъ горькая блудница,
Палимая стыдомъ... Но, только день придетъ
И яркимъ полымемъ охватитъ неба сводъ,
И въ радостныхъ водахъ зарею отразится,—

Земля проснется вновь и станетъ вновь грѣшить
И повторять зады, какъ ученикъ лѣнивый...
И тщетно сѣятель работаетъ надъ нивой,
Способной лишь волчецъ да плевелы родить!...

Но, впрочемъ,—погодимъ пока хандрить, малютка!
Быть можетъ, времена другія подойдутъ!
И будетъ на землѣ въ почетѣ скромный трудъ,
И истинѣ нагой не будетъ въ залахъ жутко

За наготу свою, а люди будутъ жить,
Какъ подобаетъ имъ—безхитростно и честно.
Пока жь грядущее навѣрно неизвѣстно,
Не надо и хандрить!

А. Н. Будищевъ.

* * *

Ты какъ тѣнь замерла на порогѣ,
Я иду,—не могу не идти.
Видно боги, всесильные боги,
Не хотятъ насъ сегодня спасти!
Ты меня цѣлый день избѣгала.
Я не шелъ, хоть горѣлъ, какъ въ огнѣ...
О, какою ты блѣдною стала!
Эти слезы, зачѣмъ же онѣ?
Ты страдаешь? Мы оба преступны?
О, не мучь! О, отвѣть мнѣ! Спаси,
Коль тебѣ эти чары доступны!
И любовь, какъ свѣчу, загаси!
Иль не надо, не надо, не надо
Ни мучительныхъ слезъ, ни борьбы!
Пусть любви всепобѣдной отрада
Намъ не дастъ убѣжать отъ судьбы!
Пусть грозы отшумѣвшей зарница
Озаряетъ сквозь кружево шторъ
Виноватыя, блѣдныя лица
И, какъ звѣзды, мерцающій взоръ!..

А. Н. Будищевъ.

Звѣзды.

Другъ мой... Какъ звѣзды сіяютъ, взгляни!..
Помнишь минуты прощанья,
Нашу любовь и страданья?
Тѣхъ же созвѣздій огни...

Много съ тѣхъ поръ промелькнуло ночей!
Мы ничего не забыли
И навсегда схоронили
Отблескъ прекрасныхъ лучей...

Пусть наше счастье въ далекой мечтѣ—
Звѣзды намъ пусть освѣщаютъ!...
И, оторвавъ отъ земли, приближаютъ
Къ вѣчной своей красотѣ.

Г. А. Галина.

* * *

Рыдаетъ и плачетъ тоскливая скрипка...
И слышится въ звукахъ мнѣ голосъ родной,
И тихо сквозь слезы мерцаетъ улыбка
Надъ юностью падшей, надъ жизнью больной.
Рыдайте и плачьте, печальныя струны!
Рыдайте—мнѣ сладокъ вашъ трепетный плачъ!
Какъ первыя грезы, вы страстны и юны,
Безжалостны вы, какъ жестокій палачъ.
Вы вновь пробудили пѣвучія думы,
Вы вновь окрылили восторгомъ меня...
И грусть моя таетъ, какъ сумракъ угрюмый
Предъ алымъ сіяньемъ веселаго дня,
И вижу я снова изъ мрака забвенья,
Какъ блѣдный туманъ изъ глубокихъ лощинъ,
Встаютъ и киваютъ былыя видѣнья
Сквозь черную дымку угасшихъ годинъ...

К. М. Фофановъ.

Артистка И. И. Мальская.

* * *

Солнца лучъ промежъ липъ былъ и жгучъ и высокъ,
Предъ скамьей ты чертила блестящій песокъ,
Я мечтамъ отдавался, я вѣрилъ веснѣ,—
Ничего ты на все не отвѣтила мнѣ.

Я давно угадалъ, что мы сердцемъ родня,
Что ты счастье свое отдала за меня,
Я рвался, я твердилъ не о нашей винѣ,—
Ничего ты на все не отвѣтила мнѣ.

Я стоналъ, повторялъ, что нельзя намъ любить,
Что минувшіе дни мы должны позабыть,
Что въ грядущемъ цвѣтутъ всѣ права красоты,—
Ничего мнѣ и тутъ не отвѣтила ты.

Съ опочившей я глазъ былъ не въ силахъ отвесть,
Всю погасшую тайну хотѣлъ я прочесть,
И лица твоего мнѣ простили ль черты?—
Ничего, ничего не отвѣтила ты!

А. А. Фетъ.

Непорочная.

Цвѣла вечерняя заря.
Струи кораллъ и янтаря
Въ волнахъ рябилъ зефиръ,
Когда приплылъ въ нашъ скучный міръ
Волшебникъ юный Джанъ-Агиръ,
Прекрасный Джанъ-Агиръ.

Подъ злато-пурпурнымъ шатромъ,
Въ одеждѣ, шитой серебромъ,
Онъ въ легкомъ плылъ челнѣ,
И подъ искусною рукой
Въ аккордахъ арфы гулъ морской
Роапталъ, какъ въ знойномъ снѣ.

На скучный міръ, на тѣсный міръ,
Взглянулъ волшебникъ Джанъ-Агиръ,
Взглянулъ онъ—и запѣлъ.
И чары звуковъ понеслись
Въ морскую ширь, въ нѣмую высь,
Въ тоскующій предѣлъ:

— „Зоветъ волна, поетъ волна
О чудесахъ морского дна.
Какъ жизнь, какъ юность, какъ весна,
Пропѣвъ, замретъ она.
Такъ я зову, такъ я пою
О чудесахъ въ моемъ краю.
Тебя зову, тебѣ пою,—
Приди на пѣснь мою.
Спѣши! Зайдетъ твоя звѣзда,
Въ заботѣ дня уйдутъ года.
Найдешь ли миръ?—Быть можетъ—да.
Блаженство?—Никогда!
Но я взамѣнъ за жизнь твою—
Блаженный сонъ тебѣ даю,
Блаженный сонъ въ земномъ раю...
Приди на пѣснь мою!“

Такъ пѣлъ волшебникъ Джанъ-Агиръ.
И сонмы дѣвъ, забывъ весь міръ,
Пошли за нимъ толпой,
И всѣ, рыдая и стеня,
Взывали съ трепетомъ: „Меня!..
Меня возьми съ собой!"

И только тихая одна
Прошла, безмолвна и ясна,
И не поднявъ чела.
Сквозь дикій стонъ безумныхъ дѣвъ,
Сквозь страсти огненный напѣвъ—
Она, какъ вздохъ, прошла...

Погасли отблески зари,
Дробя кораллъ и янтари
На глыбахъ мертвыхъ скалъ.
Въ свой дальній міръ, въ свой знойный міръ
Уплылъ волшебникъ Джанъ-Агиръ,—
И слѣдъ его пропалъ.

Она же, чистая, спала,
Душой свободна и свѣтла,
Въ невѣдѣньи грѣха.
И сны беззвучные надъ ней
Взвивали рой нѣмыхъ тѣней:—
Она была... глуха.

М. А. Лохвицкая.

* * *

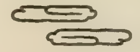
Эти юныя лица съ ихъ нѣжнымъ и бархатнымъ взглядомъ,
Эти тихія рѣчи съ ихъ музыкой гибкой и страстной
Опьянили меня своимъ тонкимъ, чарующимъ ядомъ
И наполнили сердце томленьемъ и жаждой неясной.

Теплой лунною ночью въ аллеяхъ уснувшаго сада
Слышу часто я шопотъ серебряный, тонкій, красивый—
Темный вздохъ повторяетъ: „Мой милый, не надо, не надо..."
И зоветъ, и тревожитъ, и манитъ куда-то стыдливо.

Тихо носится дымъ отъ пахучихъ полночныхъ куреній,
Синій мракъ словно замеръ, и вѣтеръ кусты не колышетъ.
Въ милый образъ сплетаются мутныя, сизыя тѣни,
Кто-то близко склонился ко мнѣ и порывисто дышитъ.

Ароматныя липы мнѣ шепчутъ прозрачныя рѣчи...
Сердцемъ чуткимъ ловлю я намеки и трепетъ признанья,
И мнѣ снятся весеннія, тихія, нѣжныя встрѣчи—
Эти сказки изъ блѣдныхъ лучей голубого сіянья.

В. Башкинъ.



Камыши.

Полночной порою въ болотной глуши
Чуть слышно, безшумно шуршатъ камыши.
О чемъ они шепчутъ? О чемъ говорятъ?
Зачѣмъ огоньки между ними горятъ?
Мелькаютъ, мигаютъ,—и снова ихъ нѣтъ,
И снова забрезжилъ блуждающій свѣтъ.
Полночной порой камыши шелестятъ.
Въ нихъ жабы гнѣздятся, въ нихъ змѣи свистятъ.
Въ болотѣ дрожитъ умирающій ликъ:
То мѣсяцъ багровый печально поникъ.
И тиной запахло. И сырость ползетъ.
Трясина заманитъ, сожметъ, засосетъ.

„Кого? Для чего?“—камыши говорятъ—
„Зачѣмъ огоньки между нами горятъ?“
Но мѣсяцъ печальный безмолвно поникъ.
Не знаетъ. Склоняетъ все ниже свой ликъ.
И, вздохъ повторяя погибшей души,
Тоскливо, безшумно шуршатъ камыши.

К. Д. Бальмонтъ.

* * *

Благословенъ, кто въ дѣтствѣ избранъ свыше
Глашатаемъ искусствъ, прекраснаго жрецомъ!—
Тому жизнь стелется заманчивымъ путемъ,
И цѣль ея полнѣй, и въ бурю волны тише!
Тотъ гостемъ дорогимъ вселенную пройдетъ,
Нося, какъ талисманъ, съ собою вдохновенье,
И всюду встрѣтитъ онъ привѣтъ и одобренье,
И всюду онъ друзей и братьевъ обрѣтетъ.
Глаголъ данъ генію отъ неба повсемѣстный:
Блаженъ, кому знакомъ духовныхъ силъ языкъ,
Кто тайну творчества постигнулъ и проникъ,
Кто счастливъ и богатъ своей мечтой чудесной,
Кто словомъ, кистію, струнами иль рѣзцомъ владѣетъ,—
Какъ небесъ наслѣдіемъ безцѣннымъ,
Кто можетъ оживить толпу огнемъ священнымъ,
И небо избраннымъ отверзть въ быту земномъ!

Е. П. Растопчина.

Волна.

По глади широкой, по глади родной
Безбрежнаго моря весенней порой
Она покатилась на вольный просторъ,
Туда, гдѣ, сквозь дымку, бѣлѣетъ цѣпь горъ;
Туда, гдѣ надъ зеркаломъ трепетныхъ водъ
Жемчужныхъ тучъ бродитъ вдали хороводъ,
Гдѣ въ ясной лазури, алѣя, горя,
Какъ радуга, блещетъ цвѣтами заря...
И долго съ немолчною пѣсней своей,
Подъ теплымъ сіяньемъ полдневныхъ лучей,
Свободно носилась по морю она,
Отваги, и силы, и блеска полна;
Тревожно стремилась въ дни свѣтлой весны
Къ далекимъ предѣламъ безвѣстной страны,—
Пока о суровый гранитный утесъ
Она не разбилась подъ брызгами слезъ!

Н.

Изъ „Принцессы Грезы".

Изъ Э. Ростана.

Любовь—это сонъ упоительный,
Свѣтъ жизни, источникъ живительный!
Въ ней муки, восторгъ, въ ней весна
Блаженства и горя полна.
И слезы
И грезы
Такъ дивно даритъ намъ она!..
Но чужды мнѣ дѣвы прекрасныя
Объятья безумныя, властныя,
И шелковыхъ косъ ароматъ,
И очи, что жгутъ и томятъ,
И лепетъ,
И трепетъ,

И устъ упоительный ядъ.
Люблю я любовью безбрежною,
Нѣжною,
Какъ смерть безнадежною,
Люблю мою Грезу прекрасную,
Принцессу мою свѣтлоокую,
Мечту дорогую, неясную,
Далекую.
Изъ царства видѣній слетая,
Лазурнымъ огнемъ залитая,
Нисходитъ на землю она,
Вся сказочной тайны полна.
И слезы
И грезы
Такъ дивно даритъ намъ она.
Люблю—и отвѣта не жду я,
Люблю—и не жду поцѣлуя;
Вѣдь въ жизни одна красота—
Мечта, дорогая мечта.
И сладкой
Загадкой
Теперь моя жизнь объята.
Люблю я любовью безбрежною,
Нѣжною,
Какъ смерть безнадежною.
Люблю мою Грезу прекрасную,
Принцессу мою свѣтлоокую,
Мечту дорогую, неясную,
Далекую.

Т. Л. Щепкина-Куперникъ.

На зарѣ.

I.

Въ безотчетномъ, смутномъ страхѣ предъ грядущею зарею
Уходили тѣни ночи,—уходили и ушли...
Разсвѣтало... Все поблѣднѣй надъ застывшею землею
Небо призрачно свѣтлѣло, зарумянившись вдали.

То боролись съ новой силой, съ новой злобой два начала,
Искони непримиримыхъ и враждебныхъ — тьма и свѣтъ...
Разсвѣтало... Ночь смятенно и измученно дышала...
На востокѣ ярко брезжилъ разгорающійся свѣтъ.

И заря на полѣ брани выступала торжествуя,
Упоенная побѣдой, улыбалася свѣтло...
Поднималось въ аломъ блескѣ солнце, празднично ликуя,—
Это доброе начало, обезсилившее зло.

II.

И подъ солнечными ласками,
Поцѣлуями влюбленными,
Просыпалася природа
Отъ томительнаго сна...

Ей мечты казались сказками,
На зарѣ любви рожденными,
Сладко грезилась свобода,
Сладко грезилась весна...

И она въ мечтахъ, счастливою
Озаренная улыбкою,
Передъ свѣтлымъ пробужденіемъ
Безмятежно расцвѣла...

Вѣтерокъ вспорхнулъ надъ нивою...
Пробѣжалъ волною зыбкою,
Ароматнымъ дуновеньемъ
Прогоняя сны съ чела...

Надъ кристальными озерами
Млѣли тучки бѣлоснѣжныя,
Точно юныя надежды,
И прекрасны и чисты.

И дрожашими узорами
Покрывали ткани нѣжныя
Зеленѣющей одежды
Съ недоступной высоты...

III.

Ночь ушла. Для новой жизни
Призываетъ бодро день—
Не подвластна укоризнѣ
Убѣгающая тѣнь.

Если мракъ царилъ надъ міромъ,—
Этотъ мракъ—въ пережитомъ...
Жизнь манитъ желаннымъ пиромъ
Подъ лазуревымъ шатромъ.

Счастью вѣрится безпечно,
Даже слезъ былыхъ не жаль,—
Безгранична, безконечна
Ослѣпительная даль!..

М. Гербановскій.

Первая любовь.

Передъ закатомъ набѣжало
Надъ лугомъ облако—и вдругъ
На взгорье радуга упала
И засверкало все вокругъ.
Стеклянный, рѣдкій и ядреный,
Съ веселымъ шорохомъ спѣша,
Промчался дождь, и лѣсъ зеленый
Затихъ, прохладою дыша.

Вотъ день! Ужъ это не впервые:
Прольется—и уйдетъ изъ глазъ...
Какъ эти ливни золотые,
Пугая, радовали насъ!
Едва лишь добѣжимъ до чащи,—
Все стихнетъ... О, росистый кустъ!
О взоръ, счастливый и блестящій,
И холодокъ покорныхъ устъ!

И. А. Бунинъ.

* * *

На балконѣ цвѣтущей весною,
Какъ запѣли въ садахъ соловьи,
Любовался я молча тобою,
Глядя въ кроткія очи твои.

Тихій голосъ въ ушахъ раздавался,—
Но твоихъ я не слушалъ рѣчей:
Я какъ будто мечтой погружался
Въ глубину этихъ мягкихъ очей.

Все, что радостно, чисто, прекрасно,
Что живетъ въ задушевныхъ мечтахъ—
Все сказалось такъ просто и ясно
Мнѣ въ чарующихъ этихъ очахъ.

Не могли бы ихъ тайнаго смысла
Никакія слова превозмочь...
Словно ночь надо мною нависла,
Свѣтозарная, вешняя ночь!

К. Р.

Звѣзды.

Посреди свѣтилъ ночныхъ,
  Далеко мерцающихъ,
Изъ тумановъ, млечными
Пятнами блуждающихъ
И переплывающихъ
Небеса полярныя,
Новыя созиждутся
Звѣзды свѣтозарныя.
    Такъ и вы, туманныя
    Мысли, тихо носитесь.
    И, неизъяснимыя,
    Въ душу глухо проситесь;
    Такъ и вы надъ нашими
    Темными могилачи
    Загоритесь нѣкогда
    Яркими свѣтилами...

Я. П. Полонскій.

* * *

Всю-то, всю мою дорожку
Раннимъ снѣгомъ занесло!
Было время золотое,
Да какъ сонъ оно прошло.
Было время—и блистало
Солнце въ яркой синевѣ,
И цвѣтовъ пестрѣло много
Въ зеленѣющей травѣ.
Шумомъ радостнымъ шумѣли
Безконечные лѣса,
И звенѣли въ темной чащѣ
Вольныхъ птичекъ голоса.
И рѣка спокойно въ море
Волны чистыя несла;
И дрожащимъ въ этихъ волнахъ,
Звѣздамъ не было числа!

Но разнесъ осенній вѣтеръ
Пожелтѣвшіе листы;
И подъ холодомъ поникли
Запоздалые цвѣты...
Улетѣли въ край далекій,
Подъ иныя небеса,
Птички вольныя, покинувъ
Обнаженные лѣса!
И въ волнахъ рѣки шумящихъ
Не лазурный, чистый сводъ,
Не безчисленныя звѣзды—
Тучи смотрятся съ высотъ...
Было время—молодое
Сердце билося въ груди,
Жизнь и счастье и свободу
Обѣщала впереди!
Божій міръ казался тѣсенъ
Для могучихъ юныхъ силъ;
Какъ орелъ ширококрылый,
Въ безпредѣльность духъ парилъ!
Жажда подвиговъ высокихъ
Волновала смѣлый умъ;
Много въ сердцѣ было страсти,
Въ головѣ—кипучихъ думъ!
Жизнь! зачѣмъ же обѣщаній
Не сдержала ты своихъ,
И зачѣмъ не пощадила
Упованій молодыхъ?
Сгибло все: надежды, силы...
Какъ ненастною порой
Зеленѣющіе всходы
Подъ дыханьемъ бури злой!
Было время золотое,
Да какъ сонъ оно прошло!
Всю-то, всю мою дорожку
Раннимъ снѣгомъ занесло!

А. Н. Плещеевъ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

САТИРА
И
ЮМОРЪ

Артистъ Н. Н. Соловцовъ.

Охота.

Охота. Всюду сборы, толки,
Собачій лай. Въ поляхъ, въ лѣсахъ
Блестятъ и хлопаютъ двухстволки,
Охотниковъ повсюду страхъ!..
Я на охотѣ двѣ недѣли:
И ничего-съ, ягташъ пустой!
— Да что жъ? мы дичью обѣднѣли?..—
Нѣтъ, дичи страсть, запасъ большой.
Мнѣ скажутъ: „э, да полно, что ты:
Стрѣлять не мастеръ, мой дружокъ!"
Неправда-съ, въ обществѣ охоты
Всѣ говорятъ, что я стрѣлокъ.
Да-съ, я стрѣляю превосходно.
— Такъ въ чемъ же дѣло?—Дѣло въ томъ,
Пожалуй, если вамъ угодно,
Я вамъ признаюсь, все въ одномъ,
Во мнѣ-съ, въ характерѣ... не знаю,
Какъ это выразить яснѣй...
Я такъ животныхъ обожаю,
Я такъ люблю ихъ, ей-же-ей,
Что, право, совѣстно признаться...

Собаки лаютъ, рогъ трубитъ,
А сердце хочетъ разорваться,
Глаза въ слезахъ, въ виски стучитъ,
И баста... мучусь, заставляю
Себя... пойду убью!.. такъ нѣтъ!
Нарочно зайца выбираю
Постарше, въ 20-30 лѣтъ.
Вѣдь жалко: дѣти, можетъ статься,
Жена, семья...
Что-съ? вамъ смѣшно?
Грѣшно, грѣшно, такъ улыбаться,
Ей Богу, право же, грѣшно!
Вѣдь мы гуманность забываемъ.
Положимъ, заяцъ... но вопросъ,
Кого мы въ зайцѣ убиваемъ?
А онъ бы, можетъ быть, принесъ
Семейству пользу? вы смѣетесь?
А если бъ онъ не заяцъ былъ?
Посмотримъ, какъ вы улыбнетесь,
Когда бы я да вдругъ убилъ
Не зайца, глупаго, смѣшного,
А вашего отца родного?
Нѣтъ, надо справедливымъ быть!
Нельзя всегда и всѣмъ шутить!
Никто навѣрное не знаетъ,
Кто нынче больше уважаетъ
Родителей въ нашъ черствый вѣкъ,
Скотина, или человѣкъ?
Гдѣ чаще дѣти помираютъ,
У нихъ ли, или здѣсь, у насъ?
Гдѣ жизнь семейству посвящаютъ,
У нихъ ли, или здѣсь, у насъ?
Я не видалъ нигдѣ, чтобъ утка
На няньку бросила дѣтей...
А воспитанiе не шутка!
Кокетокъ женъ и матерей
Встрѣчали вы между дроздами,—
Чтобъ разоряли такъ мужей
Какъ вы, mesdames? И, между нами:
Ни волкъ, ни заяцъ, ей-же-ей,
Олени даже не носили

Такихъ роговъ, какъ носимъ мы.
Не я-съ—мужья, кого женили;
Я отъ невѣстъ, какъ отъ чумы,
Я холостой... А вы видали,
Чтобъ въ ресторанахъ кулики
Всю ночь, какъ гуси, гоготали,
И, разстегнувши сюртуки,
Плясали, пили, пѣли, ѣли,
И спать ложились по утру,
Ползкомъ добравшись до постели?
Видали? Нѣтъ? Не понутру
Имъ это, нѣтъ, имъ пьянство гадко,
Они честнѣй, скромнѣй живутъ.
Слыхали вы, чтобъ куропатка,
Когда всѣ въ городѣ уснутъ,
На тройкѣ въ „Самаркандъ" летѣла?
Вѣдь, нѣтъ? А рябчикъ взятки бралъ?
Какое волкъ обдѣлалъ дѣло?
А тетеревъ, кому онъ вралъ?
Ну развѣ дупель, защищая
Лисицу, могъ посмѣть сказать:
„Я судъ народный презираю
И мнѣ на общество плевать!"
Вѣдь это прямо невозможно!
Вѣдь правда? Вы согласны? Да?
Скажите, кто неосторожно
Изъ птицъ, изъ дичи, господа,
Родныхъ полей, лѣсовъ не знаетъ?
Посмотрите—дергачъ и тотъ
Свое болото стережетъ.
Замѣтьте, волкъ не грабитъ волка
А мы?—и въявь, и втихомолку
Всечасно, всячески, всегда...
Ну, развѣ лгу я, господа?
Оставимъ мрачныя картины,—
Вѣдь мы серьезнаго бѣжимъ.
Вѣдь такъ-съ? Что день, то именины,
Что день, то праздника хотимъ.
Не даромъ въ карты Русь играетъ,
И крики: „пасъ," „безъ козырей"
Россію нынче оглашаютъ,

Какъ прежде крикъ лѣсныхъ звѣрей.
Медвѣжье жъ, волчье, птичье племя
Живетъ безъ картъ, живетъ въ трудѣ,
Они не убиваютъ время...
Пари держу, что вы нигдѣ
Въ лѣсу или въ любомъ болотѣ
Такихъ курьезовъ не найдете,
Такихъ идей, такихъ газетъ,
Какіе есть у насъ! Ихъ нѣтъ тамъ, нѣтъ.
Шантажи, напримѣръ, тамъ рѣдки,
Ихъ нѣту даже у лисицъ.
Кафе-шантаны, оперетки
И хоры сиплые дѣвицъ
Имъ даже вовсе неизвѣстны.
Ну, и не тащутъ, не крадутъ,
Живутъ скромненько, просто, чесгно
И сыты тѣмъ, что поклюютъ...
Повѣрьте, еслибъ мы учились
У нихъ... хоть даже у волковъ,
У насъ бы крахи не случались!
И тотъ...
Кончается на „овъ..."
Ну тотъ, что помните, попался,—
На Невскомъ не гулялъ бы онъ,
Онъ бы далеко прогулялся!
А тотъ чуть-чуть не осужденъ...
Ну, этотъ, помните, устроилъ...
Ага, знакомы? Онъ, небось,
Домовъ бы здѣсь теперь не строилъ,
Не толковалъ бы вкривь и вкось
О правдѣ, совѣсти и чести,
А пребывалъ бы въ злачномъ мѣстѣ.
А та красавица... а тѣ...
Ну вотъ, что мы по простотѣ
Вездѣ любезно принимаемъ...
Однако жъ, что мы совершаемъ?
Я говорю о томъ о семъ,
О ворѣ, плутѣ, конокрадѣ...
А вы... скажите, Бога ради!
Да вы ихъ знаете! И вы
На нихъ спокойно такъ глядите?..

Нѣтъ, звѣри, нѣтъ, не таковы.
Тамъ что про нихъ не говори,
А у звѣрей: хорошъ - лизнетъ,
А нѣтъ—и шкуру обдеретъ.
Такъ вотъ-съ...
Ну развѣ хватитъ силы
При этихъ чувствахъ убивать?
Повѣрьте, такъ мнѣ звѣри милы,
Такъ близки къ сердцу... цѣлюсь чтобъ стрѣлять,
Вдругъ чувство... Ну, и пуделяю...
Чѣмъ больше знаю я людей,
Чѣмъ больше жизнь я изучаю,
Тѣмъ больше я люблю звѣрей.

А. Ѳедотовъ.

Капризы влюбленныхъ.

Г. Гейне.

(Истинная исторія, вновь разсказанная по старымъ документамъ и переложенная въ прекрасные нѣмецкіе стихи).

Влюбленный въ муху съ давнихъ поръ,
Вздыхая, жукъ сѣлъ на заборъ:

—О, будь моей женою, муха,
И тѣла моего, и духа!

„Тебѣ шепну я на ушко:
Изъ золота мое брюшко,

„Передъ моей спиной всѣ спины—
Ничто: смарагды въ ней, рубины".

— „Я не сошла съ ума пока,
Чтобъ замужъ выйти за жука,

„Рубины жъ золото... они ли
Намъ въ жизни счастье приносили?

„Нѣтъ, къ идеалу я стремлюсь—
Я муха, этимъ я горжусь“.

Жукъ улетѣлъ, вздохнувъ уныло,
А муха ванну взять спѣшила.

— „Гдѣ жъ фрейлина моя, пчела?
Хочу, чтобъ мыть она пришла

„Мнѣ тѣло нѣжное, какъ тѣсто...
Вѣдь я теперь жука невѣста.

„Мой выборъ, кажется, хорошъ:
Красивѣй мужа не найдешь.

„Его спина... на ней играетъ
Смарагдъ, рубинъ на ней сверкаетъ.

„Изъ золота его брюшко...
Всѣ мухи взбѣсятся легко...

„Причесывай же пчелка, ну же,
Скорѣй,—и зашнуруй потуже,

„Эссенцій не жалѣй, смотри,
И ими ноги мнѣ натри,

„Чтобъ не могла отнюдь вонять я,
Упавши жениху въ объятья...

„Уже стрекозы вкругъ снуютъ,
Какъ дружки, честь мнѣ отдаютъ,

„Въ мой свадебный вѣнокъ вплетая
Цвѣты и весело летая;

„Сверчки-пѣвцы приглашены,
И музыканы быть должны;

„Шмели и осы, тараканы
Трубить начнуть, бить въ барабаны

„И брачный пиръ мой оживлять...
Ужъ гости стали прибывать...

„Отъ знатныхъ лицъ пестрѣетъ зала...
И разной сволочи не мало.

„Полѣзла всякая родня,
Звукъ трубъ привѣтствуетъ меня,

„Кротъ-пасторъ въ черномъ одѣяньѣ
Пришелъ вѣнчать... Всѣ въ ожиданьѣ.

„Раздался колокольный звонъ...
Гдѣ жъ мой женихъ? что медлитъ онъ?“

Бимъ-бамъ, бимъ-бамъ! звонъ колокольный.
Но улетѣлъ женихъ бездольный.

Колокола бимъ-бамъ, бимъ-бамъ!
„Что жъ мой женихъ не ѣдетъ къ намъ?“

А онъ, женихъ, мрачнѣе тучи.
Сидѣлъ среди навозной кучи

И просидѣлъ на ней семь лѣтъ—
А мухи и въ живыхъ ужъ нѣтъ.

Д. Д. Минаевъ.

* * *

Изъ В. Сырокомли.

Дворцовъ богатыхъ не цѣня,
Приди, душа, въ чуланчикъ мой;
Но рухлядь захвати съ собой,
За тѣмъ, что пусто у меня.
Да, мрачно, пусто, глухо всюду...
Но не заботься ты о хлѣбѣ:
Тебя разсказами о небѣ
И нѣжностью кормить я буду!
На завтракъ дамъ тебѣ мечты я,
Къ обѣду сладкій шумъ ручья,
За чаемъ пѣсни соловья,
На ужинъ—думы золотыя!
Когда жъ поэзьи геній чистый
Взнесетъ тебя, все выше, выше,
Тогда ты черезъ щели въ крышѣ
Увидишь небосводъ звѣздистый...

Наивный.

Грамотка.

Дарья молодка отъ радости плачетъ:
Есть письмецо къ ней,—изъ Питера, значитъ.
Стало быть, мужъ посылаетъ поклонъ.
Скоро ли самъ-то воротится онъ?
Незачѣмъ медлить въ холодной столицѣ,
Время вернуться къ женѣ-молодицѣ,
Платьемъ-обновкой утѣшить ее...
Славное будетъ въ деревнѣ житье!
Сбѣгала Дарья къ дьячку Еремѣю,
Проситъ его:—„Я читать не умѣю.
Ты прочитай мнѣ, хоть ради Христа!
Дамъ я за то новины и холста“.
Горло прочистивъ забористымъ квасомъ,
Началъ читать онъ октавою—басомъ,
Свиснулъ отчаянно, въ носъ промычалъ,
И бородою, съ тоской, покачалъ.
— „Дарья голубушка! Вѣсти о мужѣ...
Жаль мнѣ тебя, горемычная, вчуже!
Слезъ понапрасну ручьями не лей...
Умеръ въ больницѣ твой мужъ Пантелей.“
Грохнулась óземь со стономъ бабенка.
— „Ка̀къ воспитаю безъ мужа ребенка?
Я вѣдь на сносяхъ!“—„Сіе вижу самъ.
Значитъ, угодно сіе небесамъ;
Значитъ, сіе испытаніе свыше.
Ты причитай, ради чада, потише!
Главное дѣло, терпѣнье имѣй!
(Молвилъ любовно дьячокъ Еремѣй.)
Слушай, что пишутъ тебѣ изъ артели:
„Васъ письмецомъ извѣстить мы хотѣли,
Что уже давненько, Великимъ постомъ,
Умеръ супругъ вашъ, и спитъ подъ крестомъ.
Плохи у насъ, у рабочихъ, квартеры:
Гибнемъ, какъ мухи, отъ тифа, холеры.
Всякихъ недуговъ нельзя перечесть,
Сколько ихъ—дьяволовъ—въ Питерѣ есть!

Тифъ и спалилъ, какъ огонь, Пантелея.
Грѣшную душеньку слёзно жалѣя,
Мы пригласили попа. Причастилъ,
Добрый такой: всѣ грѣхи отпустилъ.
Гробъ мы устроили цѣлой артелью;
Вырыть могилу велѣли Савелью;
Дядя Гаврило и дядя Орестъ
Сдѣлали живо березовый крестъ.
Сенька (онъ грамотенъ больно, разбойникъ!)
Надпись наляпалъ:—„Спи, добрый покойникъ!"
Баринъ ее, эту надпись, читалъ,
Въ стеклышко щурясь, и вдругъ засвисталъ.
— „Что ты свистишь?"—обозлился Ананій.
— „Знаковъ не вижу..."—„Какихъ?" — „Препинаній!"
Добрые люди, чтобъ намъ удружить,
Знакъ и на мертвыхъ хотятъ наложить.
Знаковъ наложено слишкомъ-довольно!..
Тутъ, умилясь, по душѣ, сердобольно
Выпили мы на поминкахъ..."
...За симъ
Слѣдуетъ подпись: „Артельщикъ Максимъ".

* * *

Дальше нѣтъ рѣчи о Дарьиномъ горѣ,
Дальше—поклоны: невѣсткѣ Θедорѣ,
Бабкѣ Оринѣ и братцу Θомѣ,
Теткѣ Матренѣ и Феклѣ кумѣ.

Л. Н. Трофелевъ.

Пѣсня шута.

То не въ полѣ головки сбиваетъ дитя
Съ одуванчиковъ бѣлыхъ, играя,—
То короны и митры сметаетъ, шутя,
Всемогущая Смерть, пролетая.

Смерть приходитъ къ шуту: „Собирайся, Дуракъ,
Я возьму и тебя въ мою ношу,
И къ вѣнцамъ и тіарамъ твой пестрый колпакъ
Въ мою общую сумку я брошу.“
Но, какъ векша, горбунъ ей на плечи вскочилъ
И колотитъ онъ Смерть погремушкой,
По костлявому черепу бьетъ что есть силъ,
И смѣется надъ бѣдной старушкой.
Стонетъ жалобно Смерть: „Ой, голубчикъ, постой!“
Но герой нашъ уняться не хочетъ;
Какъ солдатъ въ барабанъ, бьетъ онъ въ черепъ пустой,
И кричитъ, и безумно хохочетъ:
— „Не хочу умирать, не боюсь я тебя!
Жизнь, и солнце, и смѣхъ всей душою любя,
Буду жить-поживать, припѣвая:
„Громъ побѣдъ отзвучитъ, красота отцвѣтетъ,
Но Дуракъ никогда и нигдѣ не умретъ,—
Но безсмертна лишь глупость людская!“

Д. С. Мережковскій.

* * *

Печально все въ родимой сторонѣ...
Грядущее окутано туманомъ—
И счастіе только грезится во снѣ
Чарующимъ и сладостнымъ обманомъ!..

И снилось мнѣ: дыханіемъ весны
Согрѣта грудь любимаго народа,
И счастіе излюбленной страны
Вѣнчаетъ лавромъ юная свобода.

Но сонъ прошелъ—остался лишь кошмаръ
Да мрачныя пугающія грезы!..
На сценѣ вновь—съ телятами Макаръ,
Опять все тѣ же—Сидоровы козы.

Юр. П.

Д. Д. Минаевъ.

Свой своему вовсе не братъ.

Комическій дуэтъ.

Стремясь къ сближенію съ народомъ, сошелся баринъ съ мужикомъ и разговоръ съ нимъ мимоходомъ подобнымъ началъ языкомъ.

Баринъ.

Дай руку, пахарь! По принцицамъ
Я демократъ и радикалъ...
Но какъ же звать тебя?

Мужикъ.

Антипомъ.

Баринъ.

Я, твой гражданскій идеалъ,
Желалъ бы знать, хотя отчасти,
Защитникъ ты какой же власти—
Консервативной, или нѣтъ?
Въ свои „дорожные наброски“
Вписать хочу я твой отвѣтъ.

Мужикъ.

Ты это баишь по-каковски?

Баринъ.

Чего жъ боишься ты, хитрецъ,
Мнѣ отвѣчать категорично?
Сообрази же, наконецъ,
Другъ друга мы поймемъ отлично
При полномъ тождествѣ идей.
„Свободу совѣсти“ людей
Ты признаешь и понимаешь?

Мужикъ.

Чаво?

Баринъ.

Ну, то-есть... отрицаешь
Ты право каждаго имѣть
Свою религію, любезный.
Вопросъ весьма не безполезный,
Чтобъ сообща его рѣшить...
Міръ старины приходитъ въ гнилость...

Мужикъ.

Да что вамъ нужно, ваша милость?
Вы темно говорите такъ,
Что васъ понять мнѣ трудновато...

Баринъ.

Да ты не бойся же, чудакъ!
На томъ стоимъ мы, чтобъ, какъ брата,
Теперь встрѣчали мужика;
Мы всѣ на томъ стоимъ пока,
Чтобъ реставрировать картину
Всей вашей жизни бытовой
И вѣковѣчную кручину
Смѣнить на праздникъ вѣковой...
А ты на чемъ стоишь, другъ мой?

Мужикъ.

На чемъ?.. да на землѣ, извѣстно!..

Баринъ.

Ахъ, все не то! Ну, какъ тутъ честно
Къ нимъ относиться! Насъ поймутъ
Скорѣй колбасники изъ Риги...

Мужикъ.

Что хлѣба мало въ нашей ригѣ—
Могу сказать...

Баринъ (наставительно).

Хлѣбъ тамъ, гдѣ трудъ.
И васъ, повѣрь, mon cher, спасутъ
Отъ вашей бѣдности и спячки
Ассоціаціи и стачки.
Я безъ ума отъ нихъ!..

Мужикъ.

Эхъ ма!
Признался самъ, что безъ ума!..

Баринъ.

Читалъ ли ты хотя Жоржъ-Занда?

Мужикъ.

Да я, кормилецъ, не ученъ.

Баринъ.

Возможна ль съ ними пропаганда!
Намъ нужно лѣнь забыть и сонъ,
Вступить въ борьбу открыто, смѣло
Намъ нужно всѣмъ, карая зло.
Чтобы въ рукахъ горѣло дѣло...

Мужикъ.

У насъ сгорѣло все село,
Такъ не поможешь ли мнѣ, баринъ?—

Баринъ.

Ну, какъ тутъ будешь солидаренъ
Съ подобнымъ скиѳомъ. Какъ его
Встряхнуть, чтобъ онъ отъ сна проснулся?

Мужикъ.

Мой баринъ, кажется... того...
Немножко головой рехнулся.

Смущенный страннымъ языкомъ мужикъ пришелъ въ недоумѣнье, и прогрессиста съ мужикомъ на этомъ кончилось сближенье:—одинъ изъ нихъ пошелъ домой, себя бесѣдой растревожа, другой домой побрелъ бы тоже, да домъ его сгорѣлъ зимой.

Д. Д. Минаевъ.

Барышнѣ.

Нравится мнѣ твоя поза унылая,
Робко опущенный взглядъ;
Я бы любилъ тебя, но, моя милая:
Барышни замужъ хотятъ.

Слушалъ бы все голосокъ твой плѣнительный:
Не говоришь ты, поешь;
Но—съ одной ноты всю душу мучительно
Схватитъ обидная дрожь.

Глазки твои зажигаютъ желаніе;
Взгляда ихъ только я жду:
Всюду пойду—на край свѣта, въ изгнаніе...
Но подъ вѣнецъ не пойду.

Ты поблѣднѣла? сказалъ ли не въ мѣру я,
Или ужъ всѣ заурядъ,
Страсти не вѣдая, въ чувство не вѣруя,
Барышни замужъ хотятъ.

В. Курочкинъ.

Витязь.

Вышелъ витязь на поляну;
Конь тяжелый въ поводу...
— „Гдѣ, молъ, быть бѣдѣ, изъяну,
Я туда теперь пойду.
Тамъ, гдѣ въ тучахъ за морями
Мучитъ дѣву Черноморъ;
Злыми гдѣ богатырями
Полонъ темный, темный боръ;
Гдѣ недобрый царь изводитъ
Войско добраго царя;
Аспидъ-змѣй по людямъ ходитъ,
Ядомъ жжетъ и дышитъ зря,—
Тамъ нужда въ мой защитѣ...“

Смотритъ витязь: старичокъ
Вдругъ предсталъ! Въ помятой свитѣ,
Желтъ, морщинистъ—какъ сморчокъ;
Сгорбленъ долгими годами,
Очи востры, насъ крючкомъ,
Борода виситъ клоками,
Словно сбита колтуномъ.
— „Здравствуй, витязь! Ты отколѣ,
А еще вѣрнѣй: куда?“
— Погулять хочу на волѣ,
Посовѣтуй, борода!—
— „Про какую жъ это волю
Ты задумалъ погулять?“
— Злымъ я людямъ не мирволю!
Черномора бъ мнѣ сыскать!
Отъ него спасу дѣвицу!
Злого змѣя поборю
И отдамъ свою десницу
Въ помощь доброму царю!—
—„Значитъ, ищешь Черномора?
Да какой же онъ на видъ?
Много, знать, въ тебѣ задора,
Сильно кровь въ тебѣ кипитъ!
Ну, да быть тебѣ съ побѣдой,

И прославишься ты въявь!"
— Старче! Знаешь, что—повѣдай?
Силу витязя направь!—
— „Что жъ, могу..."

И началъ старче
Мiра зло перечислять...
Что ни сказъ, то лучше, ярче...
Мастеръ былъ живописать!
Говоритъ ему день цѣлый,
И другой онъ говоритъ...
Витязь, словно очумѣлый,
Жадно слушаетъ, молчитъ!
Созерцаетъ онъ крамолу,
Дерзость мерзости людской;
Опустилъ онъ очи долу
И поникнулъ головой...
И туда бы, значитъ, надо,
И туда, и тамъ бѣда!
И, своимъ разсказамъ рада,
Продолжаетъ борода...
Ѣсть бы нужно... Выпить въ пору...
И давно уже время въ путь—
Больше въ росказняхъ задора,
Не кончаются ничуть!
Конь издохъ—лежитъ стреноженъ,—
Точитъ ржавчина копье!
Мечъ глядитъ изъ ветхихъ ноженъ,—
Борода же все свое.
Витязь повѣсти внимаетъ...

Говорятъ, что до сихъ поръ
Выйти въ путь ему мѣшаетъ
И морочитъ—Черноморъ!

К. К. Случевскій.

Свобода, равенство и братство.

Сначала шелъ я въ ногу съ вѣкомъ,
О всякой штукѣ не мечталъ,
И могъ быть дѣльнымъ человѣкомъ,
Но зазѣвался и—отсталъ.

Пренебрегая капиталомъ,
Искалъ сокровищъ для души;
Всю жизнь стремился къ идеаламъ,
И увидалъ—одни шиши!

Кричалъ я громко о свободѣ,
Клеймилъ стѣснительную власть,
Скорбѣлъ о страждущемъ народѣ
И угодилъ съ народомъ въ часть!..

Какъ либералъ, поэтъ и баринъ,
Въ стихахъ о равенствѣ трубилъ,
Пока швейцаръ нашъ, Власъ Тугаринъ,
Мнѣ съ пьяныхъ глазъ не нагрубилъ!..

О братьяхъ-сербахъ какъ я плакалъ!
Купилъ револьверъ и кинжалъ;
Но страхъ попасть въ турчину на колъ
Меня отъ братства удержалъ!..

Лишенный сладостныхъ мечтанiй,
Въ безсильной злобѣ и тоскѣ
Пошелъ я въ волковскiя бани
Распарить кости на полкѣ...

И что жъ? О, радость! о, прiятство!
Я свой прiятный идеалъ
Свободы, равенства и братства
Въ торговыхъ баняхъ увидалъ!

П. В. Шумахеръ.

Слива.

Изъ А. Додэ.

Если вы хотите знать,
  Какъ влюбляются отъ сливы,—
Я могу вамъ разсказать,
Если вы хотите знать.
О, любовь вползетъ какъ тать,
Какъ бы дверь не стерегли вы...
Ну-съ послушайте, чтобъ знать,
Какъ влюбляются отъ сливы.

Былъ у дяди старый садъ,
У меня была кузина;
О, я былъ ужасно радъ:
Былъ у дяди старый садъ!..
Пѣли въ немъ на всякій ладъ
Птички... Чудная картина!
Былъ у дяди старый садъ,
У меня была кузина.

Раннимъ утромъ, до жары,
Мы въ саду гуляли съ Машей,
Свѣжи, молоды, добры.
Раннимъ утромъ, до жары,
Пчелки, мушки, комары
Пѣли гимны дружбѣ нашей;
Раннимъ утромъ, до жары,
Мы въ саду гуляли съ Машей.

Брали птички, насъ хваля,
Много нотъ довольно трудныхъ:
Si bémol и ut, и la
Брали птички, насъ хваля.
А вокругъ—кусты, поля
Всѣ въ цвѣтахъ пестрѣли чудныхъ.
Брали птички, насъ хваля,
Много нотъ довольно трудныхъ.

Маша, рѣзвое дитя,
Вся сіяя, шла аллеей,
Майской розою цвѣтя.
Маша, рѣзвое дитя,

Бойко прыгая, шутя,
Мнѣ казалась легкой феей...
Маша, рѣзвое дитя,
Вся сіяя, шла аллеей.

Въ темной зелени, въ глуши,
Маша сливы увидала,
Засмѣялась отъ души,
Въ темной зелени, въ глуши:
„Ахъ, какъ сливы хороши!“
И одну изъ нихъ сорвала.
Въ темной зелени, въ глуши,
Маша сливы увидала.

Мнѣ она сказала: „на,“
Откусивъ сама кусочекъ,
(О, святыя времена!)
Мнѣ она сказала: „на,“
Сливу зубками она
Обвела узоромъ точекъ...
Мнѣ она сказала: „на,“
Откусивъ сама кусочокъ.

Вотъ и все. Но тутъ романъ.
Слива многое открыла...
(О, какой же я профанъ!)
Вотъ и все. Но тутъ романъ.
И я съѣлъ тотъ талисманъ,
Что кузина укусила.
Вотъ и все. Но тутъ романъ...
Слива много открыла...

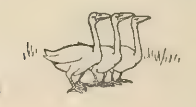
Вы, mesdames, хотѣли знать,
Какъ влюбляются отъ сливы?
Вотъ: прошу не забывать!
Вы, mesdames, хотѣли знать.
Можетъ быть, въ любви встрѣчать
Вамъ пришлось не тѣ мотивы—
Жаль, а я лишь могъ узнать,
Какъ влюбляются отъ сливы.

А. Вигилянскій.

Безразсудныя слезы.

Солнце въ тучахъ непроглядныхъ
 Грустно ликъ свой прячетъ;
У воротъ двора сквозного
 Бѣдный Ванька плачетъ.
Цѣлый день онъ по столицѣ
 Съ юнкеромъ катался;
Пять рублей ему дать юнкеръ
 За день обѣщался,
Но чрезъ дворъ сквозной, подъ вечеръ,
 Онъ отъ Ваньки скрылся;
Ванька съ клячей понапрасну
 Цѣлый день морился.
Успокойся, бѣдный Ванька:
 Есть тебѣ защита.
Какъ тебя обидѣлъ юнкеръ,—
 Будетъ всѣмъ открыто.
Отъ обидъ и отъ обмановъ
 Ужъ прошла опасность!
Нынче время не такое—
 Процвѣтаетъ гласность!
Завтра жъ я во всѣхъ газетахъ
 Публикую ясно:
„Ѣздилъ съ юнкеромъ извозчикъ
 Цѣлый день напрасно.
Дать хотѣлъ онъ пять цѣлковыхъ,
 Не далъ ни копѣйки!"
И предамъ его позору
 Я въ моей статейкѣ...
Но, не внемля утѣшеньямъ,
 Глупый Ванька плачетъ...
Солнце гнѣвно ликъ прекрасный
 Въ черныхъ тучахъ прячетъ.

Н. А. Добролюбовъ.



Артистка Т. П. Инсарова.

Кѣмъ быть Колѣ.

—„Я бъ желала, чтобъ мой Коля
Былъ извѣстнымъ адвокатомъ,“
Говоритъ мамаша Коли:
„Будетъ онъ тогда богатымъ“.
— „Адвокатомъ?.. Эко счастье!“
Возражаетъ ей подруга:
„Пожелай ему вращаться
Въ сферахъ избраннаго круга!“
— „Нѣтъ, ужъ это вы оставьте!“
Въ разговоръ отецъ вступаетъ:
„Инженеръ—вотъ это дѣло...
Пусть мосты сооружаетъ.“
— „Лучше доктора на свѣтѣ
Я профессіи не знаю.“
Говоритъ тутъ тетка: „Колѣ
Я быть докторомъ желаю.“
— „Фи!.. мужчина—и вдругъ статскій,“
Морщитъ носъ сестрица Саша:
„Кавалерія, драгуны,
Вотъ краса и гордость наша!“

Мамка Колина другое
Говоритъ:—,,Зачѣмъ военнымъ
Быть барченку? Что за сладость?
Будетъ пусть купцомъ степеннымъ."
— „Фигнеръ душка!.. и Мазини!..
Ими быть, я понимаю...
И отъ всей души Колюшѣ
Быть теноромъ я желаю!"—
Шепчетъ дѣва лѣтъ подъ сорокъ,
Зина, съ видомъ очень скромнымъ,
И, сложивши въ бантикъ губки,
Обвела всѣхъ взглядомъ томнымъ.
Аграфена же, кухарка,
Про себя соображаетъ
И, тайкомъ отъ всѣхъ, ребенку
Быть брантмейстеромъ желаетъ.
А виновникъ сихъ дебатовъ,
Запихнувъ въ ротъ кулаченки,
На всю публику таращитъ
Свои черные глазенки.
Ну, а мы уже, понятно,
Не пойдемъ за нашимъ вѣкомъ
И дадимъ совѣтъ малюткѣ:
— „Будь ты просто человѣкомъ."

М. П. Розенгеймъ.

* * *

На классной скамейкѣ сидитъ одиноко
Въ мундирчикъ одѣтый болванъ.
И дремлетъ, качаясь, и слушать не можетъ:
Глаза застилаетъ туманъ...
И снится ему, что отъ класса далеко,
Тамъ, тамъ, гдѣ родитель живетъ,
Родной его братецъ—оболтусъ лѣнивый—
Такой же дубиной растетъ.

И. И.

У болота.

У пруда съ зеленой тиной,
Надъ которымъ молчаливо
Наклонилася вершиной
Зеленѣющая ива,

На коврѣ изъ мха пушистомъ,
Гдѣ кувшинчиковъ не мало,
Подъ весеннимъ небомъ чистымъ
Птичка мертвая лежала.

А кругомъ, тѣсня другъ друга,
Ужъ слеталися пичужки,
И въ болотѣ, съ перепуга,
Громко квакали лягушки.

— Какъ? Убилась? Добровольно?
Вотъ такъ случай! И съ чего бы?
Возмущалися невольно
Царства птичьяго особы.

— Вѣдь народъ-то нынче спятилъ!
Гдѣ приличія законы?—
Возгласилъ суровый дятелъ.
— Вѣрно!—каркнули вороны.

— Случай просто небывалый,
(Дайте мнѣ понюхать соли...)
И другіе вѣдь, пожалуй,
Пожелаютъ также воли;

И другимъ, пожалуй, скоро
Лѣсъ покажется нашъ тѣсенъ—
Не найдутъ онѣ простора
Для своихъ безумныхъ пѣсенъ.

Съ жаждой солнечнаго свѣта,
Съ жаждой „новаго“ чего-то,
Улетятъ онѣ, какъ эта,
Отъ родимаго болота!—

— Что имъ въ солнцѣ—не пойму я?
Молвилъ сычъ, сердито хмурясь:

Въ темнотѣ всегда живу я
И отъ солнца только жмурюсь.—

— Безполезно это пѣнье!—
Крикъ послышался насѣдки;
Лишь въ курятникѣ спасенье,
И всего нужнѣе—дѣтки...

— Жизнь дана для наслажденья!
Молвилъ чижъ, съ цвѣткомъ въ петличкѣ,
Поощренный, безъ сомнѣнья,
Взоромъ ласковымъ синички.

— Ахъ, что слышу я?—крикливо
Тутъ вмѣшалася сорока,
Не сдержавъ нетерпѣливо
Словъ язвительныхъ потока:

— Глупость—эти дарованья,
И поэзія, и чувство...
Въ мірѣ есть одно призванье—
Акушерское искусство!

Нѣтъ почетнѣе занятья,
И прекраснѣе, и выше,—
И объ этомъ прокричать я
Хоть сейчасъ готова съ крыши!..

Такъ, собравшися толпою
Подъ весеннимъ небомъ чистымъ,
Птицы, споря межъ собою,
Оглашали воздухъ свистомъ...

А подъ сѣнью ивъ зеленыхъ
Птичка мертвая лежала,—
И сужденій просвѣщенныхъ,
Къ сожалѣнью, не слыхала...

О. Н. Чюмина (Михайлова).

Индюкъ.

Въ какомъ-то обществѣ пернатыхъ,
Разнокалиберныхъ крылатыхъ
Случился разговоръ про птицъ,
Извѣстныхъ въ государствѣ лицъ.
Конечно, всѣхъ критиковали,
(У насъ должно быть переняли);
Но больше всѣхъ терпѣлъ индюкъ.
— „Ну, что за птица? вонъ изъ рукъ!
И посмотрѣть-то даже жалко!..“—
Подругамъ говорила галка:—
„Не мѣсто индюкамъ въ лѣсу.“
— „А посмотрите, на носу
Какую онъ таскаетъ штуку!
А ноги-то его! а ростъ!
Какъ неуклюжъ онъ! что за хвостъ!—
Ужъ намъ не наложить ли руку,—
Прибавилъ гусь:—на индюка,
Прогнать урода, дурака...“—
— „Конечно, подхватила утка:—
Онъ глупъ, какъ пень, угрюмъ, сердитъ;
Собою онъ насъ всѣхъ срамитъ,
А это, господа, не шутка!..“
Вотъ такъ честили индюка
До самой той поры, пока,
Благодаря его супругѣ,
А можетъ быть и по заслугѣ,
Судьба его не возвела
Въ министры у царя-орла.
Какъ только принялъ онъ портфели—
Къ нему всѣ птицы налетѣли!
Кричатъ, что онъ уменъ, красивъ,
И величавъ, и не спѣсивъ;
Изъ первыхъ галка поскакала
И комплиментовъ насказала.
— „Пустите, загорланилъ гусь:—
Ему я первый поклонюсь!“
А утка индюку твердила,
Что бабушка ея ходила

На томъ дворѣ, гдѣ его дѣдъ,
Пройдя, оставилъ какъ-то слѣдъ:
Такъ, значитъ, вовсе не чужая
Она ему, почти родня,
Чуть не племянница!

Такъ вотъ,
Какой случился оборотъ,
Какая значитъ сила въ чинѣ!
Такъ было прежде, такъ и нынѣ:
Покуда не въ чинахъ Ѳедотъ.
Позоръ онъ всѣмъ, дуракъ, уродъ,
Его по шеѣ всякій тычетъ.—
Судьба жъ Ѳедота возвеличитъ,—
И около него возня!
Рабы всѣ передъ нимъ! родня!

А. Франкъ.

Ищите женщину.

Ищите женщину во всемъ, что чисто, ясно,
Какъ чистъ весенній день, какъ ясенъ неба сводъ,
Во всемъ, что радостно, безгрѣшно и прекрасно,
Вездѣ, гдѣ нѣтъ нужды, нѣтъ горя и заботъ!..

Ищите женщину во всемъ, что грязно, мрачно,
Какъ грязенъ тучи цвѣтъ, какъ ночь безъ звѣздъ мрачна,
Во всемъ, что холодно, порочно и невзрачно,
Вездѣ, гдѣ сѣетъ зло и слезы сатана!..

Ищите женщину во всемъ, что ваши очи
Слезами радостно заставило блеснуть,
Во всемъ, что вызвало молитву въ тихой ночи
И облегчило грудь, измученную грудь!..

Ищите женщину во всемъ, что выжметъ слезы,
Слезу отчаянья изъ вашихъ грустныхъ глазъ,
Во всемъ, что разобьетъ мечты, развѣетъ грезы,
Какъ жерновомъ, нуждой къ землѣ придавитъ васъ!..

Ищите женщину и на землѣ, и въ небѣ,
И въ мірѣ сказочной фантазіи своей,
Въ той радужной странѣ, гдѣ о насущномъ хлѣбѣ
Забота не темнитъ и не печалитъ дней!..

Ищите женщину и тамъ, гдѣ вы хотите
Ее всегда найти, и тамъ, гдѣ вы найти
Ее не думали... Вездѣ ее ищите,
Вездѣ,—на каждой пяди вашего пути.

Ищите женщину: вездѣ, неудержимо
Въ любую щель она прокрадется, войдетъ...
Ищите женщину, не пропускайте мимо...
Но горе будетъ вамъ, коль васъ она найдетъ!..

Графъ Бенгальскій.

Элегія.

Въ даль пораскинулась степь одинокая,
Вьется дорога змѣей...
Въ сумракѣ тонетъ деревня далекая.
Ѣду въ кибиткѣ, вздыхая и охая,
Полонъ зловѣщей тоской.

Тихо плетутся убогія пѣгія...
Пѣсню ямщикъ застоналъ...
Душу терзаетъ мужичья элегія!..
Такъ бы сейчасъ соскочилъ изъ телѣги я,
Такъ бы по шеѣ и далъ.

А. А. Измайловъ.

Подъ вѣткой сирени.

(Безконечное стихотвореніе).

Подъ душистою вѣткой сирени
Предъ тобой я упалъ на колѣни;
Ты откинула кудри за плечи,
Ты шептала мнѣ страстныя рѣчи,
Ты склонила стыдливо рѣсницы...
А въ кустахъ заливалися птицы,
Стрекотали немолчно цикады...
Сливъ уста и объятья, и взгляды,
До зари мы съ тобою сидѣли
И такъ сладко-мучительно млѣли...
А когда золотистое утро
Показалось въ лучахъ перламутра,
Ты сказала, открывъ свои очи:
„Милый, вновь я приду къ полуночи,
Вновь мы сядемъ подъ вѣткой сирени,
Ты опять упадешь на колѣни,
Я закину вновь кудри за плечи
И шептать буду страстныя рѣчи,
Опущу я стыдливо рѣсницы,
И въ кустахъ защебечутъ вновь птицы...
Просидимъ мы, о милый мой, снова
До утра, до утра золотого...
И когда золотистое утро
Вновь заблещетъ въ лучахъ перламутра,
Я скажу, заглянувъ тебѣ въ очи:
„Милый, вновь я приду къ полуночи,
Вновь мы сядемъ подъ вѣткой сирени..."
(И такъ далѣе, безъ конца).

В. П. Буренинъ.

Отъ 200 тысячъ до четвертака.

— „Если бъ двѣсти тысячъ онъ имѣлъ въ кар-
манѣ",—
Мыслитъ куртизанка, лежа на диванѣ:—
„Если бъ содержанья больше могъ назначить,
Стоило бы франта дольше подурачить.
А теперь не стоитъ... Бросивши мальчишку,
Я съ богатымъ старцемъ заведу интрижку."

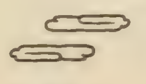
— „Если бъ сотню тысячъ мужъ имѣлъ въ кар-
манѣ,"—
Говоритъ купчиха, выходя изъ бани:—
„Поддержать сумѣла бъ я свою особу,
Всѣмъ бы услаждала грѣшную утробу.
Выдала бы дочку я за генерала,
И сама, пожалуй, барыней бы стала!"

—„Если бъ двадцать тысячъ я имѣлъ въ карманѣ,"—
Думаетъ хапуга въ старомъ вицъ-кафтанѣ:—
„Быстро дослужившись до восьмого класса,
Бросилъ бы я службу и открылъ бы кассу;
Всѣмъ давалъ бы деньги... Эта цѣль гуманна,
Для души полезна—да и для кармана!"

— „Если бъ хоть сотняжку я имѣлъ въ карманѣ,"—
Разсуждаетъ парень съ дѣвкой въ сарафанѣ:—
„По хозяйству всѣ бы я порядки справилъ
И въ деревнѣ домикъ новый бы поставилъ...
Какъ же мнѣ жениться на тебѣ, голубкѣ,
Если все богатство въ этомъ полушубкѣ!"

— „Если бъ мы имѣли четвертакъ въ карманѣ,"—
Вставши на работу, говорятъ крестьяне:—
„То, братъ, по косушкѣ важно бъ мы хватили,
Силы подкрѣпили, счастливы бы были,
И, чайку напившись до седьмого поту,
Принялись бы дружно за свою работу!"

Ивановъ-Классикъ.



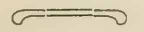
Латинская грамматика.

Изъ В. Сырокомли.

„Въ монастырь мнѣ хочется! Я ищу святыни,
Но у насъ всѣ молятся только по-латыни.
Я ея не вѣдаю... какъ читать „Служебникъ?“
Дайте мнѣ наставника, дайте мнѣ учебникъ!“
Такъ я горько плакала. Мать съ родною теткой
Старичка мнѣ наняла.—Менторъ добрый, кроткій;
Бредитъ онъ Вергиліемъ, мѣсяцы и годы
Радъ читать Горація пламенныя оды.
Онъ меня, страдалицу, безпощадно мучитъ,
„Падежамъ,“ „склоненіямъ“ и „родамъ“ все учитъ.
— „Это feminini родъ, это—masculini...“
Я ушами хлопаю отъ его латыни.
Начались спряженія. Я молчу упрямо;
Хоть убей, не вѣдаю, какъ спрягать мнѣ „amo!“
Видятъ тетка съ матушкой, что смотрю я букой,
Что никакъ не справлюся съ хитрою наукой;
Польскую грамматику знаю просто чудо.
А латынь мудреную male, ergo худо.
И рѣшила матушка, съ теткой на совѣтѣ:
— „Вѣрно, ей приходится жить въ лукавомъ свѣтѣ?
Вѣрно, что въ монашенки бѣдной не постричься?
У другого ментора нужно ей учиться.
Старичекъ старается, не щадя усилій:
Толку нѣтъ въ Гораціи, плохъ его Вергилій!
Пригласить не лучше ли намъ изъ-за границы
Добраго племянника, съ пользой для дѣвицы?
Онъ въ наукѣ опытенъ: курсъ начнетъ онъ прямо...
Пусть она внимательно съ нимъ спрягаетъ „amo!“—
Изъ Берлина въ гости къ намъ Станиславъ примчался,
Разнымъ чуднымъ мудростямъ тамъ онъ обучался,
Стройный и хорошенькій, съ черными усами,
Онъ дипломъ свой докторскій развернулъ предъ нами:
Онъ, какъ братъ двоюродный, цѣловался нѣжно
И со мной наукою занялся прилежно.
Начались въ ученьи новые порядки:

Сразу мнѣ понравились книжки и тетрадки.
Я учусь старательно, живо, по-латыни,
Отличу „родъ мужескій," ergo masculini;
Я сильна въ спряженіяхъ: безъ ошибки, прямо,
На зубокъ, спрягаю съ нимъ: „Amo! Amo! Amo!"

Л. Н. Трефолевъ.



Намордникъ.

Изъ Гюйо.

Съ поноскою въ зубахъ, подъ тѣнью липъ картинной,
Степенно выступалъ большой свирѣпый догъ.
Всѣ кости взрослому онъ раздробить бы могъ,—
Но за малюткой шелъ такъ сдержанно и чинно,
Понять давая всѣмъ, осанкой, блескомъ глазъ,
Какъ полонъ гордости служебной онъ сейчасъ,
(Хоть, въ общемъ, быть слугой, казалось, не ему бы).
И стоило къ нему ступить хоть два шага
Иль руку протянуть,—ужъ чуялъ онъ врага
И начиналъ рычать, оскаливая зубы.
Что же было у него? что такъ берегъ нашъ песъ?
Онъ... догадайтесь-ка!.. онъ свой намордникъ несъ!

О, псы послушные! Васъ ловко пріучаютъ
Къ шнурку хозяина. Вамъ даже поручаютъ
Нести съ достоинствомъ свою же цѣпь за нимъ,—
И вы щетинитесь, съ ворчаніемъ глухимъ,
Когда захочетъ другъ отнять у васъ оковы!
Умѣрьте пылъ смѣшной! Сокровища такого
Пусть лучше поскорѣй лишитъ васъ добрый воръ!
Его благословитъ потомъ вашъ приговоръ.
Все зло твое, народъ повинности, мученья,
Законы ветхіе, поборы, притѣсненія,
Весь грузъ намордниковъ,—тебѣ ль такъ дорогъ онъ?
Лишь зубы разожми—и ты освобожденъ!

И. И. Тхоржевскій.

Щука.

На щуку поданъ въ судъ доносъ,
Что отъ нея житья въ прудѣ не стало;
Уликъ представленъ цѣлый возъ,
И виноватую, какъ надлежало,
На судъ въ большой лохани принесли.
Судьи невдалекѣ сбирались,—
На ближнемъ ихъ лугу пасли;
Однакожъ, имена въ архивѣ ихъ остались:
То были два осла,
Двѣ клячи старыя да два иль три козла;
Для должнаго жъ въ порядкѣ дѣлъ надзора
Имъ придана была лиса за прокурора;
И слухъ между народа шелъ,
Что щука лисанькѣ снабжала рыбный столъ.
Со всѣмъ тѣмъ не было въ судьяхъ лицепріязни;
И то сказать, что щукиныхъ проказъ
Удобства не было закрыть на этотъ разъ;
Такъ дѣлать нечего; пришлось писать указъ,
Чтобъ виноватую предать позорной казни,
И, въ страхъ другимъ, повѣсить на суку.
— „Почтенные судьи!“ лиса тутъ приступила:
„Повѣсить мало—я бъ ей казнь опредѣлила,
Какой не видано у насъ здѣсь на вѣку.
Чтобъ было впредь плутамъ и страшно и опасно,—
Такъ утопить ее въ рѣкѣ.“
— „Прекрасно!“
Кричатъ судьи. На томъ рѣшили всѣ согласно,
И щуку бросили въ рѣку!

И. А. Крыловъ.

Артистъ Ѳ. Д. Смирновъ.

Федорушка.

— „Барыня-сударыня, матушка Федорушка,
Что сидишь невесело,
Голову повѣсила?“
— Охъ, отстань, родименькій, отвяжись, невпорушка!
Безъ тебя тошнехонько,
Безъ тебя больнехонька.
Не мѣшай мнѣ морщиться,
Не мѣшай мнѣ корчиться!
— „Не пригоже, матушка, не идетъ, сударушка,
Ты вѣдь дама важная,
Барыня вальяжная!“
— Охъ была, родименькій, охъ слыла, невпорушка,
Дамою я знатною
Очення пріятною,
Сытою, богатою,
Къ людямъ тароватою.
— „Знамо дѣло, матушка, вѣдомо, Федорушка!
Златомъ, серебромъ, поди,
У тебя хоть прудъ пруди.“
— Было все, родименькій, было все, невпорушка,
Нынѣ же съ натяжками
Я живу бумажками

Пестрыми, красивыми,
Заурядъ фальшивыми.
— „Какъ же такъ, сударыня? какъ же такъ, Федорушка?
Гдѣ жъ твои рублевики,
Звонкіе цѣлковики?“
— Вышли всѣ, родименькій, вышли всѣ, невпорушка,
На бумаги новыя,
Кабаки дешевые,
Нѣмцамъ за границею,
Дома—на полицію.

— „Поищи, сударыня, поищи, Федорушка!
Ты хоть не опаслива,
Встарь была запаслива.“

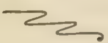
— Не найти, родименькій, не сыскать, невпорушка,
Въ небѣ ясна сокола:
Обнищала до гола,
Пропилась, прокралася,
Вся изворовалася!—
— „Дѣло дрянь, сударыня, дѣло дрянь, Федорушка!
Что объ насъ повѣдають,
Коль сосѣди свѣдають?“

— Свѣдали, родименькій, свѣдали, невпорушка,
Плачутъ всѣ отъ радости,
Дѣлаютъ мнѣ гадости,
Плюютъ, да ругаются,
Вздуть меня сбираются.

— „Ты сама бы матушка, ты бъ сама, Федорушка,
Помянувъ родителей,
Въ морду бы хулителей!“
— „Не молчу, родименькій, не молчу, невпорушка,
Я и обижаюся;
Плюнутъ—утираюся
И прошу прощенія
За свое смиреніе.—
— „Дрянь ты стала, матушка, дрянь совсѣмъ, Федорушка,
Надо бы красавица
Намъ съ тобой поправиться!“
— Поправляюсь, родненькій; дѣйствую, невпорушка:

Отдаю юстицію
Подъ надзоръ полиціи,
Обрываю армію,
Завожу жандармію!—
— „На кого же, матушка, на кого жъ, Федорушка,
Рать твоя татарская,
Силиша жандармская?“
— На себя родименькій, на себя, невпорушка,
Чтобы я приникнула,
Чтобы я не пикнула,
Чтобъ не ныла жалобой,
Чтобъ „ура“ кричала бы.

А. К. Толстой.



Неужели.

Я сказалъ ей: тротуары грязны,
Небо мрачно, всѣ уныло ходятъ...
Я сказалъ, что дни однообразны
И тоску на сердце мнѣ наводятъ,
Что балы, театры—надоѣли...
„Неужели?“

Я сказалъ, что въ городѣ холера,
Тѣ—скончались, эти—умираютъ...
Что у насъ поэзія—афера,
Что таланты въ пьянствѣ погибаютъ,
Что въ Россіи жизнь идетъ безъ цѣли...
„Неужели?“

Я сказалъ: вашъ братъ идетъ стрѣляться;
Онъ безчестенъ, предался пороку...
Я сказалъ, прося не испугаться,
Вашъ отецъ скончался! Ночью къ сроку
Доктора пріѣхать не успѣли...
„Неужели?“

К. К. Случевскій.

Сны.

Скажите, вѣрите вы снамъ?
Неужели нѣтъ?—Не вѣрите?—Напрасно!
Иные сны пророчатъ правду намъ
И поразительно и ясно.
Вы усмѣхнулись легковѣрью моему?
Мнѣ все равно, мнѣ горя мало:
Вѣдь не могу не вѣрить я тому,
Что на себѣ самой я испытала.
Да, испытала, да,—и много разъ.
Пускай смѣшу я этимъ васъ,
Пускай за эти увѣренья
Наивной, глупой прослыву,
Я сознаюсь, что часто наяву
Случалось оправдать мнѣ сновидѣнье.
Ужъ въ дѣтствѣ случай былъ одинъ.
Я наканунѣ именинъ,
Лѣтъ девяти, ужасно волновалась:
Подарка я желаннаго ждала.
Хоть рано съ вечера легла,
Мнѣ какъ-то все не засыпалось.
Вдругъ! слышу говоръ вкругъ меня,
Тревога, шумъ и суетня...
Всѣ окна сразу заблестѣли...
Вскочила я скорѣй съ постели
И вижу, рядомъ комната въ огнѣ.
Такъ душно, жарко стало мнѣ.
Бросаюсь къ двери!—тамъ пылаетъ...
„Пожаръ! пожаръ!“ кричатъ кругомъ.
Къ окну!—ужъ занялся весь домъ,
Огонь вдоль стѣнъ перебѣгаетъ.
Трещитъ, обрушилась труба,
И плачъ, и стоны, и мольба...
О, Господи, куда дѣваться?
Ужъ потолокъ сталъ загораться,
Ужъ пламень близко надо мной,
Кричу: „спасите!“
И проснулась.

Все тихо, кто-то шепчетъ:
— „Богъ съ тобой,
Чего кричишь?“
Смотрю, нагнулась
Старушка нянюшка ко мнѣ.
— „Ахъ, няня,“—говорю, вздыхая,—
„Пожаръ я видѣла во снѣ.“
— „Пожаръ? голубушка родная!
Да это къ золоту, ей-ей...
Бери-ка, на, бери скорѣй.“
И часики суетъ подъ одѣяло.
— „Мамаша такъ и приказала:
Какъ только будешь глазки протирать,
Поздравить съ ангеломъ и передать.“
Часы!—о чемъ я такъ мечтала,
Съ цѣпочкой, золотые!.. нѣтъ...
О, чудный сонъ, о, милый бредъ,
Ты далъ мнѣ то, что я желала!
Ну что же, этого вамъ мало?

Семнадцать лѣтъ мнѣ минуло и я...
Зачѣмъ скрывать—давно прошло все это...
Къ подругѣ ѣздила на лѣто
И тамъ...
Мы были съ ней друзья.
У ней былъ братъ—и я... въ него влюбилась.
А онъ въ меня... ну, дѣло объяснилось,
Хотѣлъ ужъ онъ просить моей руки,
Да, какъ студентъ, считалъ что это рано;
Зато въ глуши аллеи, у бурьяна,
Мы въ вѣрности клялись до гробовой доски.
Пришлось растаться... что тутъ было!—
Рыданья и потоки слезъ!
Меня, ей Богу, даже удивляло,
Откуда все это бралось.
Я до-сыта наплакалась, устала,
Легла въ постель и задремала;
И вотъ во снѣ я вижу дивный садъ;
Веселый день и солнышко сіяетъ;
И цвѣтниковъ роскошный рядъ
Въ тѣни деревьевъ утопаетъ.

Иду и вижу,—предо мной
Летаетъ бабочка, какой
Нигдѣ и никогда я не видала;
Какъ яркій радужный цвѣтокъ,
Какъ разноцвѣтный огонекъ,
Она горѣла и блистала.
Бѣгу за ней, хочу поймать,
Она изъ-подъ руки умчится;
Остановлюсь,—она опять
Надъ головой моей кружится,
И на плечо ко мнѣ садится,
Какъ будто пробуетъ мой нравъ.
Я внѣ себя за ней гоняюсь,
Споткнулась, падаю стремглавъ
И въ ту минуту просыпаюсь.
Объ этомъ снѣ сказала я друзьямъ;
Мнѣ отвѣчали: „ой, не ладно!
Шалунья бабочка наглядно
Непостоянство выказала вамъ."
И знайте, какъ онъ не былъ пламенъ,
Мой первый, нѣжный идеалъ,
Едва лишь кончилъ свой экзаменъ,
Онъ обо мнѣ и думать пересталъ.
И я... я тоже очень скоро
Утѣшилась въ страданіяхъ моихъ;
Ему простила безъ укора;
И не скажу, чтобъ долго взора
Не обращала на другихъ.
Намъ сонъ пророчилъ справедливо;
А васъ, пожалуй, даже онъ
Не убѣдитъ краснорѣчиво?
Да мало ли примѣровъ?—Милліонъ!..
Предъ тѣмъ, какъ бабушка скончалась,
Приснился черный воронъ ей.
У насъ кухарка въ плутовствѣ созналась,
Когда ей сонной показалось
Что волки воютъ у дверей.
Я видѣла во снѣ папашу,
Какъ ѣздилъ онъ вь деревню нашу,
Какъ тамъ на дерево взлѣзалъ,
И сонъ имѣлъ ужъ подтвержденье:

По службѣ вышло повышенье,
Теперь папаша генералъ.
Кузинѣ снится безпрестанно
Большой турецкій барабанъ,
И, какъ ни глупо, какъ ни странно,
Всѣхъ обуялъ такой дурманъ,
Что сплетнямъ про нее нѣтъ мѣры...
Ну что жъ? еще нужны примѣры?
Да вотъ недавно былъ со мной
Курьезный случай...
Пресмѣшной...
Мнѣ наканунѣ нашей свадьбы
Приснилось, будто я сижу
Въ воротахъ дядиной усадьбы
И слышу...
Нѣтъ, про это не скажу.
Такъ, если убѣжденный мною,
И не дразня насмѣшкой злою,
Захочетъ кто-нибудь изъ васъ
Понять значенье сна, просите,—
Я разберу вамъ все сейчасъ.
Все объясню вамъ, что хотите.
Ну, напримѣръ, увидите вы сонъ,
Что вамъ готовятъ баню,—быть распечкѣ;
Услышите вы колокольный звонъ,
Такъ новости придутъ со всѣхъ сторонъ;
Приснится тараканъ на печкѣ,
Такъ лучшаго вамъ нечего желать,
Гдѣ тараканъ, тамъ въ домѣ благодать;
Пригрезится военный у порога,
Такъ предстоитъ далекая дорога;
Во снѣ начнете золото дѣлить—
Ужъ непремѣнно будетъ ссора;
Съ газетой время проводить—
Не избѣжать пустого разговора;
Увидѣть банкъ,—навѣрно къ воровству;
Себя красавцемъ,—къ фатовству;
Идти прямой дорогой,—къ неудачѣ;
Владѣть казной общественной есть знакъ,
Что вы, конечно, не дуракъ—
И жить вамъ въ собственной богатой дачѣ.

Кто видитъ льва, разинувшаго пасть—
Тому судьба въ полицію попасть;
Кто видитъ ласковую кошку—
Того ужъ изведутъ, бѣднягу, понемножку;
Блины—къ болѣзни; зеркало—успѣхъ;
Заря намъ предвѣщаетъ смѣхъ;
Застава—тщетное желанье;
А плеточка сулитъ вѣнчанье.
Приснится ласточка—къ веснѣ,
Приснятся тучи—быть ненастью:
Меня увидите во снѣ,
Такъ это ужъ, навѣрно, къ счастью!

В. А. Крыловъ.

Худыя предзнаменованія.

Въ уютной гостиной царитъ полумракъ.
Красотка лежитъ на кушеткѣ;
И млѣетъ старикъ передъ нею.
— „Дурrракъ!"
Кричитъ попугай громко въ клѣткѣ.
Но старецъ не внемлетъ. Въ бреду, въ полуснѣ,
Цѣлуетъ и ручки и ножки...
Межъ тѣмъ, какъ эмблема, надъ нимъ на стѣнѣ
Висятъ позлащенные рожки.
— „Тебя я деньгами осыплю, Аннетъ!"
Въ гостинной, какъ стонъ, раздается...
Съ камина улана-красавца портретъ
Надъ старцемъ какъ будто смѣется!
— „Ты будешь моею женою, вѣдь такъ?
Пойдутъ у насъ куколки-дѣтки?"
— Конечно, конечно, мой милый..."
— „Дурrракъ!"
Кричитъ попугай снова въ клѣткѣ.

Тоже поэтъ.

Жены.

Кабардинская сказка.

Джанботъ—кабардинецъ, джигитъ удалой,
Домой возвращался вечерней порой,
Съ добычей богатой съ набѣга лихого.
Вотъ гонитъ онъ вихремъ коня вороного
И птицы быстрѣе къ аулу летитъ:
Жена молодая тамъ дома сидитъ.
Доѣхалъ; въ аулѣ все тихо, темно...
— „Моя Хатиматъ, вѣрно, спитъ ужъ давно.
Я сонную крѣпко ее поцѣлую,
И ласками кровь разбужу молодую!"—
Мечтаетъ наѣздникъ... Но, что это? Свѣтъ...
Бѣдняжка!.. Безъ мужа и сна тебѣ нѣтъ!..
Она меня ждетъ, дорогая жена,
Какъ солнце прекрасна, какъ шашка вѣрна,
Она меня ждетъ... Ненаглядная крошка!..
Съ коня соскочилъ и подкрался къ окошку...
Взглянулъ—задрожалъ и отринулъ назадъ,
Какъ раненый звѣрь... Не вѣрна Хатиматъ!..
Лежитъ на тахтѣ, рядомъ съ нею другой,
И дерзкой горячею смуглой рукой
Ласкаетъ роскошныя бѣлыя плечи,
И шепчетъ беззвучно безсвязныя рѣчи...
Джанботъ за винтовку, Джанботъ за кинжалъ.
Мигнуть не успѣли—убилъ наповалъ.
Цѣпную собаку зарѣзалъ потомъ,
И рядомъ ихъ трупы засыпалъ пескомъ,
— „Чтобъ тамъ, въ темнотѣ оскверненнаго гроба
Вы мясомъ собачьимъ питалися оба!"—
Убійца сказалъ и, зубами стуча,
Онъ вновь вороного ударилъ съ плеча.
И скачетъ и мчится. А ночь хороша!
Чуть свѣтится, небомъ на землю дыша,
Все стадо безчувственныхъ звѣздъ золотое,
Какъ будто смѣется надъ злою тоскою
Джанбота-убійцы... И крѣпко заснулъ
Подъ тѣнью черешенъ родимый аулъ.

Спокойно изъ тучъ выплываетъ луна,
Холоднымъ лучомъ озаряла она
Страданья людскія, ихъ злобу и горе,
Купаясь въ лазури небеснаго моря.
А сердце Джанбота язвила змѣя:
— „Довольно ль обиду имъ вымѣстилъ я?
Зачѣмъ не помучилъ? И казнь имъ страшнѣй
Зачѣмъ не придумалъ? И пытку больнѣй,“—
Шепталъ онъ, истерзанный адскою мукой.
Вдругъ ѣдетъ на встрѣчу ему Хатакчуко.
Кунакъ и товарищъ въ разбоѣ лихомъ.
Джанботъ разсказалъ кунаку обо всемъ.
— „Ты честь свою вымылъ, Джанботъ удалой!
Отвѣтилъ убійцѣ товарищъ лихой,
Обидѣ крававой—крававое мщенье...
Умѣть отомстить велико наслажденье!..
Но только, пріятель, ты самъ виноватъ:
Не строго держалъ ты свою Хатиматъ!
Родъ женскій съ лукавствомъ шайтана знакомъ:
Я женамъ не вѣрю—держу подъ замкомъ.
Вонъ видишь мой садъ, освѣщенный луною?
Какъ много гвоздей надъ высокой стѣною!
Домъ запертъ... А ключъ ежечасно со мной...
Умѣю я ладить съ плутовкой женой!..“
Подъѣхали ближе къ высокой стѣнѣ...
Что жъ видятъ? Въ душистомъ саду, при лунѣ,
Обнявшись гуляютъ двѣ стройныя тѣни.
Сомнѣнія нѣтъ: Хатакчуко въ измѣнѣ...
— „Гляди—и твоя запертая жена
Съ пріятелемъ ночью гуляетъ одна,“—
Съ насмѣшкою ѣдкой промолвилъ Джанботъ.
Тѣмъ временемъ мимо тихонько идетъ,
Съ большою корзиной за старой спиною,
Поникнувъ надъ нею сѣдой бородою,
Горбатый и дряхлый старикъ Асланбекъ,
Извѣстный во всей Кабардѣ человѣкъ.
— „О чемъ?.. О невѣрности женъ разговоръ?“
Спросилъ двухъ мужей старикашка въ упоръ.
— „Извѣстное дѣло... Природы законы
Велѣли, чтобъ вѣчно шалили всѣ жены...
Одна лишь моя вотъ старуха вѣрна...

Всю жизнь тутъ въ корзинѣ сидѣла она,
Всю жизнь я корзинку носилъ за спиной...
Чтобъ знало ревнивое сердце покой...
Безропотно милую ношу таская,
Я зналъ, что вѣрна мнѣ моя дорогая...
И такъ мы состарились, прожили вѣкъ,
И не былъ обманутъ мудрецъ Асланбекъ...
Но стала тяжеле старуха моя
Съ тѣхъ поръ, какъ слабѣю и старѣюсь я...
Корзинку таскать, что ни день, все труднѣе."—
Вздохнулъ старикашка и, снявъ ее съ шеи,
Поставилъ... Открылъ... Тамъ обнявшись вдвоемъ
Сидѣла старуха... съ чужимъ старикомъ.

А. П. Барыкова.

Обиженный воръ.

Къ актеру разъ залѣзъ въ квартиру воръ.
(Хозяинъ былъ въ то время на прогулкѣ).
Воръ всѣ обшарилъ закоулки
И ни на чемъ не могъ остановить свой взоръ.
Въ шкафу, въ комодѣ—пустота;
Бумаги на столѣ, а подъ столомъ газета...
Квартира хоть и заперта,
Но въ ней нельзя украсть ни одного предмета.
Воръ злобно плюнулъ и сказалъ:
— „Чертъ побери! Такой скандалъ
Впервые отъ роду со мною лишь бываетъ:
И взять-то нечего, ей-ей!..
Ишь ж у л и к ъ... на замокъ квартиру запираетъ
И только вводитъ въ грѣхъ порядочныхъ людей!"

Н. С. Стружкинъ.

Свободный человѣкъ.

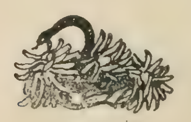
Изъ Гофмана.

Свободный человѣкъ! Божественныхъ идей
Исполненъ ты; душой великою своей
Ты можешь черпать все изъ самыхъ нѣдръ творенья
И твой могучій взоръ безъ страха и смущенья
Встрѣчаетъ грозный ликъ любого божества.—
Но, ахъ! безъ паспорта способенъ ты едва,
Свободный человѣкъ, съ послѣднимъ псомъ сравняться,
И врядъ ли онъ съ тобой захочетъ помѣняться.

Свободный человѣкъ! Ты щедро надѣленъ
Дарами высшими; такъ дивно сотворенъ,
Что можешь видѣть все и трогать все руками,
И услаждать себя житейскими дарами,
И жить въ довольствіи блаженномъ цѣлый вѣкъ.
Но, ахъ! безъ золота, свободный человѣкъ,
На что годишься ты? Безъ полнаго кармана,
Сознайся, ниже ты послѣдняго барана.

Свободный человѣкъ! Безъ шапки мѣховой
Не выходи гулять, чтобъ боли головной
И флюса не нажить. Въ тебѣ живетъ свобода—
Но нынче на дворѣ прескверная погода.
Ты чудный образецъ могучей красоты—
Но безъ калошъ какъ разъ промочишь ноги ты.
Ахъ, паспортъ, золото и климатъ превосходный—
Три штуки важныя, о, человѣкъ свободный!

П. И. Вейнбергъ.



Артистка Л. В. Болотина.

Стрекоза и одуванчикъ.

Сказка.

Былъ май, веселый мѣсяцъ май,—
Кому же грустно въ маѣ?
Цвѣтовъ въ поляхъ хоть убавляй.
А лѣсъ? а птичьи стаи?
А небо въ звѣздахъ и лунѣ?
А тучи на закатѣ,
То въ перламутровомъ огнѣ,
То въ пурпурѣ, то въ златѣ?
Итакъ, былъ май; поля цвѣли,
Въ аллеяхъ пѣли пчелки.
На межникахъ коростели,
А въ просѣ перепелки.
Былъ старый лѣсъ веселый днемъ.
А ночью—тайны полный,
Тамъ пѣлъ ручей, обросшій мхомъ,
И лѣсъ смотрѣлся въ волны;
Тюльпаны, пьяные отъ розъ,
На берегу шептались,

А одуванчики въ стрекозъ
Какъ юнкера влюблялись!
И вотъ одинъ изъ нихъ сказалъ:
— „Я простъ и бѣденъ съ вида,
Но страстью жаркой запылалъ
Къ вамъ, милая сильфида!
Среди своихъ подругъ стрекозъ,
Вы прямо—балерина!
Вы рождены для свѣтлыхъ грезъ,
Для ласкъ и серпантина!
И даже пьяница тюльпанъ
Влюбленъ былъ въ ножки эти,
Когда плясали вы канканъ
Въ лѣсу при лунномъ свѣтѣ.
А въ сердцѣ пламенномъ моемъ
Царицей вы живете!
Для васъ я сдѣлаю заемъ
У медуницы—тети.
Потомъ и свадьбу въ добрый часъ
Отпразднуемъ мы съ вами,
И буду я глядѣть на васъ
Влюбленными глазами.
Перецѣлую, какъ кадетъ,
У васъ я каждый пальчикъ!..“
А стрекоза ему въ отвѣтъ:
— Какой вы глупый мальчикъ!
— „Для васъ я сдѣлаю заемъ
У медуницы—тети!“
— А много ли, вопросъ весь въ томъ,
У тети вы найдете?
Питаться солнцемъ да росой,
Повѣрьте, я не стану!
Нѣтъ,—балерина, милый мой,
Для васъ—не по карману!—
Она умолкла; лѣсъ дремалъ,
Не шевелились травы,
И только вѣтерокъ вздыхалъ:
— Ну, времена! ну, нравы!..
Настала осень; лѣсъ желтѣлъ;
Листъ падалъ въ позолотѣ,

Косматый шмель въ гостяхъ сидѣлъ
У медуницы—тети.
И тетя бѣдная въ слезахъ
Печально говорила,
Что одуванчика на дняхъ
Она похоронила,
А повѣнчался съ стрекозой,
Какой-то жукъ рогатый,
Въ параличѣ, полуживой,
Но знатный и богатый.
Шмель слушалъ молча. Лѣсъ дремалъ,
Не шевелилисъ травы,
А вѣтерокъ въ кустахъ вздыхалъ:
— Ну, времена! Ну, нравы!..

Ал. Будищевъ.

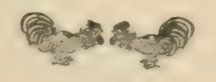
Изъ дѣтскихъ разговоровъ.

Въ іюлѣ, по деревнѣ нашей,
Спѣша домой, въ жару дневную,
Брели два брата, Коля съ Яшей,
И встрѣтили свинью большую.

— „Смотри, свинья какая съ поля
Идетъ!..—замѣтилъ Колѣ Яша:—
Она, пожалуй, будетъ, Коля,
Толстѣй на видъ, чѣмъ нашъ папаша.“ —

Но Коля молвилъ:—Полно, Яша,
Къ чему сболтнулъ ты эту фразу.
Такихъ свиней, какъ нашъ папаша,
Я не видалъ еще ни разу!

А. Ф. Ивановъ.



Оселъ и волъ.

Съ работы воротясь дневной
Домой,
Сказалъ ослу рабочій волъ:
„Оселъ!
За что меня хозяинъ такъ не любитъ,—
Тебя же холитъ и голубитъ.
Я день-деньской работаю на полѣ,—
Ты жъ въ нѣгѣ, холѣ
Стоишь, не вѣдая труда.
Ты сытъ овсомъ и свѣжею травою,—
А я соломою гнилою
Не наѣдаюсь никогда.
Ты сытъ и у тебя на шерсткѣ глянецъ.“
— „Эхъ волъ!
Послушай, что скажу,“ сказалъ оселъ,
„Да я, вѣдь, иностранецъ!“

—

Случается у насъ
Не разъ,
Что русскіе волы
Замучены въ работѣ,
А иностранные ослы
Безъ дѣла и въ почетѣ.

Н.

Милость Провидѣнія.

Баллада.

Вернулся воинъ изъ похода—
Здоровъ, и цѣлъ, и невредимъ.
Онъ былъ въ отсутствіи три года—
И вотъ родной очагъ предъ нимъ.
Но, что за чудо:—прежней хаты
Теперь едва ему узнать...

Ну, просто—пышныя палаты,
Хоть и вельможѣ бы подъ-стать!
И вотъ, исполненъ изумленья,
Онъ вопросительно глядитъ.
— „Мой другъ, то—милость Провидѣнья!"
Жена тихонько говоритъ.
Идетъ онъ въ садъ; тамъ, гдѣ крапива
Росла когда-то да бурьянъ,—
Средь пышныхъ розъ блеститъ на диво
Въ бассейнѣ мраморный фонтанъ,
Оранжерейныя растенья
Колышутъ въ клумбахъ пышный цвѣтъ.
— „Мой другъ, то—милость Провидѣнья!"
Супруга нѣжная въ отвѣтъ.
Глядь на жену—вся кружевами
Она роскошно убрана
И драгоцѣнными серьгами
Сверкаетъ, прелести полна.
На ручкѣ, полонъ изумленья,
Онъ видитъ золотой браслетъ.
— „Мой другъ, то—милость Провидѣнья!
Она опять ему въ отвѣтъ.
Но вотъ два маленькихъ ребенка.
(Тутъ лишь замѣтилъ онъ плутовъ).
— „Вотъ мама! мама!"—дѣти звонко
Кричатъ, мелькнувши изъ кустовъ.
Сильнѣе въ мужѣ изумленье...
Онъ помнитъ, не было дѣтей...
— „И это милость Провидѣнья?"
Теперь онъ самъ промолвилъ ей...

А. И. Пальминъ.

Въ защиту маленькихъ.

Мнѣ говорятъ, что ростомъ я мала.
На это часто я сердилась
И много слезъ я пролила
О томъ, что маленькой родилась.
Прошли недѣли, мѣсяцы, года,
И стало мнѣ теперь понятно,
Что это вовсе не бѣда,
Что это даже препріятно.
Товарки мнѣ по росту моему,
Которыхъ небо вверхъ не тянетъ
И на которыхъ потому
Подчасъ иной съ насмѣшкой глянетъ!
Пускай смѣется, кто настолько простъ.
Но я за васъ, за всѣхъ, вступаюсь,
И этотъ маленькій нашъ ростъ
Я вамъ возвысить постараюсь.
Кто русской поговорки не слыхалъ
И кто ее не повторяетъ,
Что золотникъ, хотя и малъ,
Да очень дорогъ намъ бываетъ.
Родимся злыми; но съ тѣхъ поръ,
Какъ зло въ кого-нибудь попало,—
Въ большомъ ему большой просторъ,
А въ маленькомъ и мѣста мало.
„Жена, какъ ноша, мужу тяжела"—
Твердятъ иные.—Ну, прекрасно!
Такъ, если женщина мала,
И ноша легче,—это ясно.
Любовь къ супругу, преданность ему
Прочнѣе въ маломъ человѣчкѣ.
Вѣдь, только, только одному
Уютно въ маленькомъ сердечкѣ.
Соблазну меньше для того, кто малъ:
Мы къ почвѣ лѣпимся такъ близко,
Что если кто изъ насъ упалъ,
Никто не упадаетъ низко.
Свой станъ сгибать приходится большимъ,
Большіе внизъ глядятъ несмѣло,

Мы гордо вверхъ всегда глядимъ—
И спину гнуть не наше дѣло.
Гроза ломаетъ крѣпкіе дубы,
Но мелкой травки не ломаетъ.
Насъ, маленькихъ, гроза судьбы
Совсѣмъ въ конецъ не разрушаетъ.
Мы твердо сносимъ всякую печаль,
Не утомляемся борьбою,
Вѣдь малымъ жертвовать не жаль;
Не жаль намъ жертвовать собою.
А потому совсѣмъ я не тужу,
Что такъ мала я по природѣ:
Я въ этомъ счастье нахожу...
Безъ маленькихъ въ любомъ народѣ
Ни прочной силы, ни величья нѣтъ,
Въ нихъ—все народное богатство,
И маленькимъ обязанъ свѣтъ
Войной за равенство и братство.

В. Крыловъ.

Носъ и Ноги.

Однажды предъ Ногами Носъ
Сталъ похваляться горделиво
(Онъ былъ изъ крупныхъ, лоснился, какъ слива.
И волосками жесткими поросъ):
— „Вы, дескать, что?! Въ моемъ высокомъ положеньи—
Взглянуть вамъ на меня—и то ужъ оскорбленье,
А вы нашли со мной какую-то тамъ связь...
Молчать!..“

Но вдругъ.. О, что случилось, боги!—
Скользнули въ лужу Ноги—
Носъ ткнулся въ грязь...

С. Г. Фругъ.

Многоженство.

(Истинное происшествіе).

Разъ на раутѣ блестящемъ
У персидскаго посла
Опрометчивая дама
Рѣчь такую повела:
— „Excellence, pardon... скажите,
Неужели по сей часъ
Многоженство,—этотъ ужасъ,
Принятъ въ Персіи у васъ?“
Не смутился персіянинъ,
Дипломатъ большой руки,
Лишь въ восточныхъ черныхъ глазкахъ
Засверкали огоньки.
— „Да, сказалъ онъ, многоженство,
Этотъ ужасъ,—на бѣду,
Совершенно какъ въ... Европѣ,
И у насъ въ большомъ ходу.
Но условно многоженство
Разрѣшаетъ намъ законъ:
Прокормить своихъ должны мы,
А чужихъ не трогать женъ!..
Ну... а здѣсь мужья,—насколько
Я обычаи постигъ,—
Многихъ женъ имѣютъ тайно
И... не очень кормятъ ихъ!..

В. Величко.

Рѣдкостное явленіе.

Мужъ съ женой живутъ прекрасно,
И, повѣрьте, съ давнихъ поръ
Жизнь течетъ ихъ плавно, ясно,
Безъ упрековъ, дрязгъ и ссоръ,

Вѣчно веселы ихъ лица,
Днемъ и ночью тишина...
Онъ свободенъ, словно птица,
И она не стѣснена...
Нѣтъ четы подобной въ мірѣ,
Всѣхъ счастливѣе она,
Потому что...
Мужъ въ Сибири,
А въ Италіи жена.

Я отца съ сыночкомъ знаю,
Недоступенъ имъ азартъ...
И они, васъ увѣряю,
Не дотронутся до картъ.
Оба трезвы, скромны въ пищѣ,
Черный хлѣбъ ѣдятъ и щи...
Тихи такъ въ своемъ жилищѣ,
Что подобныхъ поищи.
Лица постны ихъ и строги,
Денегъ нѣтъ у нихъ въ рукахъ.
Потому что...
Сынъ въ острогѣ,
А папаша въ рудникахъ.

При любви къ „нему" безмѣрной,
Дѣва ницъ всегда предъ „нимъ..."
Ну, а онъ, высокомѣрный,
Для любви недостижимъ.
И когда, съ желаньемъ ласки,
Шепчетъ дѣва: „мной плѣнись!.."
Онъ, въ своей блестящей каскѣ,
Смотритъ гордо сверху внизъ.
Не снисходитъ къ ней коварный
Этотъ рыцарь въ епанчѣ,
Потому что...
Онъ пожарный
И всегда на каланчѣ.

Л. Гуляевъ.

Одной изъ многихъ.

Я видѣлъ васъ въ блескѣ кипучаго свѣта,
Въ нарядѣ изъ газа, изъ блондъ и цвѣтовъ,
Прекрасны и юны, какъ греза поэта,
Вы шли, окруженная сонмомъ рабовъ;
Предъ вами и зависть и злость умолкали,
Вамъ не было равныхъ соперницъ, подругъ;
Вы шли и, какъ солнце, весь залъ озаряли,
И дань удивленій сбирали вокругъ.
И думалъ въ тотъ мигъ я, глазами поэта
Впиваясь въ черты неземного чела:
То гурія рая съ небесъ Магомета
На грѣшную землю сошла!
Я видѣлъ васъ въ мірѣ скорбей и страданья,
На грязномъ базарѣ дневной суеты,
Въ юдоли проклятій, молитвъ и стенанья,
Въ толпахъ прокаженныхъ, въ чаду нищеты.
И было такъ много любви и участья
Въ то время на вашемъ лицѣ молодомъ,
И сыпалось столько блаженства и счастья
Изъ вашихъ хорошенькихъ ручекъ кругомъ,
Что весь отъ восторга и тая и млѣя,
Въ нѣмомъ удивленьи я думалъ тайкомъ:
О, нѣтъ, то не дама,—то дивная фея
То фея съ волшебнымъ жезломъ!
Я видѣлъ васъ въ храмѣ, въ минуту моленья,
Всю въ черномъ предъ образомъ Дѣвы Святой;
Со взоромъ, горящимъ огнемъ вдохновенья,
Вы грустно стояли съ поникшей главой.
И было такъ много безгрѣшно-святого
Въ чертахъ, обращенныхъ на дѣвственный ликъ,
Такъ полно, казалось, въ васъ все неземного,
Что, право, мнѣ трудно рѣшить бы въ тотъ мигъ,
Простая ли дама съ мольбой и обѣтомъ
Предъ Матерью Бога склоняетъ главу,
. . . .
. . . .

И видѣлъ я васъ, наконецъ, въ будуарѣ,
Безъ всѣхъ украшеній: въ измятомъ чепцѣ,

Въ измятомъ и старомъ ночномъ пенюарѣ,
Съ слѣдами бѣлилъ и румянъ на лицѣ.
Какъ на зло, проснувшись, съ чего-то не въ духѣ,
Вы злились на мужа, знакомыхъ и слугъ,
И даже, о Боже, какой-то старухѣ
(Знать ключницѣ) дали пощечину вдругъ.
И понялъ тогда я, отъ злости краснѣя,
Что вы не жилица восточныхъ небесъ,—
Не гурія рая и даже не фея,
И даже не дама,—а бѣсъ.

Н. Пушкаревъ.

Сверчокъ.

Басня.

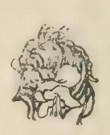
За печкой жилъ Сверчокъ
И, какъ порядочный, зналъ только свой шестокъ.
Запрячется, бывало, втихомолку
За глиняный горшокъ
И тамъ трещитъ себѣ безъ толку.
О чемъ трещалъ?—сказать навѣрно не берусь;
Но, разумѣется, хвалилъ онъ кухонную Русь.
И такъ какъ гимны пѣлъ стряпухамъ безпрестанно,
То по шестку онъ прыгалъ невозбранно...
Ну, просто былъ Сворчокъ, какъ всѣ сверчки.
Однако, гимны да горшки
Ему порядкомъ надоѣли,
И нашъ Сверчокъ пустилъ иныя трели.
Сверчокъ задумалъ пѣть,
Что незачѣмъ горшкамъ кипѣть,
Что стѣны дымомъ прокоптѣли,
Что настоятельность онъ чувствуетъ реформъ
И требуетъ для кухонь новыхъ нормъ...
Такихъ рѣчей наслушавшись, стряпуха,
Не выносившая свободомыслья духа,

Поймала на шесткѣ Сверчка.
— „Ишь расхрабрипся какъ! Пока
Ты гимны пѣлъ,—тебя терпѣли,—
Но ты ужъ слишкомъ обнаглѣлъ
И, вмѣсто прежней канители,
Пустилъ такія трели,
Что оторопь беретъ... Да какъ ты смѣлъ?
Какъ могъ рѣшиться, дерзкій,
На сей поступокъ мерзкій?..“
Такую рѣчь уразумѣлъ Сверчокъ:
Натужился, какъ могъ,
Въ рукахъ стряпухиныхъ забился,
Рванулся, затрещалъ,
Да силъ своихъ не разсчиталъ—
И въ щи кипящія попалъ
И въ нихъ сварился...

—

Читатель! Будь не слишкомъ строгъ!
Я бъ написалъ мораль руками и ногами
И пояснилъ бы, кто есть сей Сверчокъ,—
Да въ томъ-то и бѣда, что близъ меня—горшокъ
Со щами...

Чужъ-Чуженинъ.



* * *

Когда будете, дѣти, студентами,
Не ломайте головъ надъ моментами,
Надъ Гамлетами, Лирами, Кентами,
Надъ царями и надъ президентами,
Надъ морями и надъ континентами...
Не якшайтесь хитро съ оппонентами,
Поступайте хитро съ конкурентами.
А какъ кончите курсъ эминентами
И на службу пойдете съ патентами,—

Не глядите на службѣ доцентами
И не брезгайте, дѣти, презентами!
Окружайте себя контрагентами,
У начальниковъ будьте кліентами,
Утѣшайте ихъ женъ инструментами,
Угощайте старухъ пепермантами.—
Воздадутъ вамъ за это съ процентами:
Обошьютъ вамъ мундиръ позументами,
Грудь украсятъ звѣздами и лентами!..
А когда доктора съ орнаментами
Назовутъ васъ, увы! паціентами
И уморятъ васъ медикаментами,—
Отпоетъ васъ іерей съ регентами,
Хоронить понесутъ съ ассистентами,
Обезпечатъ дѣтей вашимъ рентами,
Чтобъ имъ въ оперѣ быть абонентами,
И прикроютъ вашъ прахъ монументами.

А. Н. Апухтинъ.

Изъ пѣсенъ о скотахъ и людяхъ.

Когда собакѣ въ день холодный
Я далъ ненужную мнѣ кость,
Лизнулъ мнѣ руку песъ голодный,
Забывъ свою собачью злость.
Когда жъ отъ бѣдствій, горшихъ казни,
Спасенъ былъ мной пріятель мой,—
По человѣческой пріязни
Онъ заплатилъ мнѣ клеветой.
Забавно, право, въ нашемъ вѣкѣ,
Гдѣ такъ горды собою всѣ,
Скотство отмѣтить въ человѣкѣ,
И человѣчность въ бѣдномъ псѣ!

Ф. Черниговецъ.

Дубинушка.

Эхъ, дубинушка родная,
Раскачай-ка да и грянь!
Раздроби-ка, дорогая,
Злую кляузу и дрянь,
Дрянь, которая мѣшаетъ
Бодро намъ впередъ идти,
И повсюду заграждаетъ
Прогрессивные пути...
Эхъ, дубинушка, ухни!..
Раздроби все то, что дико,
Всю невѣжества кору...
Нашихъ барынь отучи-ка
Лѣзть въ азартную игру...
Растрепавшись точно вѣникъ,
Кушъ желая пріобрѣсть,
Наши дамы, кромѣ денегъ,
Потерять готовы честь...
Эхъ, дубинушка, ухни!..
Ухни, ухни-ка родная!..
Отъ рысачниковъ спаси,
Коихъ шайка озорная
Безобразитъ на Руси...
Чтобъ желѣзныя дорожки
Не ломали бы у насъ
Ручки, ребрышки и ножки
Каждый день и каждый часъ...
Эхъ, дубинушка, ухни!..
Поучи-ка всѣхъ нахаловъ,
Чтобъ были почестнѣй!..
Чтобъ издатели журналовъ
Были бъ съ публикой скромнѣй!..
Отъ конторъ псевдо-банкировъ,
Что плутуютъ даже въявь...
Отъ закладчиковъ-вампировъ
Бѣдный русскій людъ избавь!..
Эхъ, дубинушка, ухни!

Н. Н.

Артистъ Р. Чинаровъ.

Брито—стрижено.

Изъ А. Мицкевича.

Прихворнуть слегка случится,
Каждый къ доктору стучится;
А опасно захвораетъ—
Знахарей къ себѣ сзываетъ.
Эти лѣчатъ отъ подагры,
Отъ чахотки, отъ хирагры,
Кровь, когда придется, мечутъ,
Глухоту и глупость лѣчатъ;
Но у нихъ—пройди все царство—
Отъ упрямства нѣтъ лѣкарства...
Жилъ Мазуръ одинъ. Пропала
У него однажды сука,
Что весь домъ оберегала.
Безъ нея Мазуру мука.
Онъ туда-сюда; однако,
Воротилась вдругъ собака,
Но увы, на половину
Кто-то выбрилъ сукѣ спину.
— „Ахъ, разбойники! Рѣшились

На такую злую штуку:
Выбрить пса не постыдились!..“
— Ты скажи:—остригли суку,
Возразила мужу женка,
Псовъ стригутъ; а ты вдругъ—брита.—
— ,,Вотъ какъ бабы судятъ тонко!“
Мужъ замѣтилъ ядовито:
,,Ахъ, ты умница! Лицо-то
Голо, какъ ладонь, у бабы,
А учить пришла охота
Насъ, усатыхъ... Ты могла бы
Увѣрять всѣхъ, мнѣ сдается,
Что нашъ лысый панъ стрижется.“—
— А усы у эконома,
Что повисли, словно плети,
Видѣлъ ты?—хозяйка дома
Прервала:—усищи эти
Скажешь стрижены, иль бриты?—
— „Къ чорту всѣхъ пановъ на свѣтѣ!
Бога лишь благодари ты,
Что нашъ песъ домой приплелся.
Только бъ брить его не надо.“
У жены отвѣтъ нашелся:
— Я сама ужасно рада,
Хоть смотрѣть на суку гадко:
Можно ль было стричь такъ гладко?—
— ,,Ты глупа!“—Жена сердито:
— Съ дурнемъ мнѣ самой докука.—
— ,,Присмотрись-ка—сука брита.“
— Врешь ты, выстрижена сука.—
Мужъ съ женою препирался,
А кругомъ народъ собрался:
Шумный споръ велся открыто,—
И одинъ крикъ раздавался:
,,Брита!“—Стрижена!—,,Нѣтъ, брита!“
Шелъ сосѣдъ. Къ нему пристали.
— ,,Я ли правъ, скажи,—она ли?“
Шелъ еврей: „скажи намъ, ну-ка,
Ты по правдѣ, безъ обману:
Брита ль, стрижена ли сука?“
Отъ жида къ ксендзу и къ пану

Перешли потомъ, и—что же?
Ксендзъ и панъ сказали то же,
Что сосѣдъ и жидъ, въ ту пору
Прекративши тѣмъ ихъ ссору,
Что жена Мазура—дура,
И что выбритъ песъ Мазура.
На пути возвратномъ въ полѣ
Мужъ сказалъ: „Ну, недотрога!
Вновь ты спорить будешь, что ли?“
Но жена молчала строго.
Песъ ихъ встрѣтилъ у порога.
— „Вотъ и бритый нашъ... Здорово!“
Мужъ кричитъ, а баба снова:
— Здравствуй, стриженый...—Ни слова
Не сказалъ Мазуръ на это,
Но, задумавши расправу,
Вмѣсто всякаго отвѣта,
Потащилъ жену въ канаву
И топить сталъ бабу. Съ роду
Такъ нырять ей не случалось:
Захлебнулась, бултыхалась;
Но ее толкалъ онъ въ воду,
Говоря: „Твоя защита—
Правда: стрижена иль брита?“
Гибель видѣла бѣдняжка,
Умирать ей было тяжко,
Но два пальца выставляла
Изъ воды она наружу
И, какъ ножницами, стала
Ими стричь, переча мужу.
Это видя, мужъ въ тревогѣ
Поскорѣй давай Богъ ноги.
Доползла жена до хаты,
А Мазуръ пошелъ въ солдаты.

Д. Д. Минаевъ.

Дамскіе часы.

Мой сосѣдъ—большой философъ,
Что ни слово—то совѣтъ,
И на каждую остроту
Непремѣнно дастъ отвѣтъ.

Я спросилъ его однажды:
— Для нужды иль для красы
На груди подъ самымъ сердцемъ
Носятъ женщины часы?

И съ улыбкой ядовитой
Былъ таковъ отвѣтъ его:
— „Пусть хоть что-нибудь да бьется,
Гдѣ не бьется ничего."

Ивановъ-Классикъ.

* * *

Изъ Гофмана ф.-Фаллерслебена.

Съ коня узду снимите,
Ярмо съ вола:
Свобода долго будетъ
Имъ не мила.
Походятъ на привольи
И конь и волъ—
И, смотришь, каждый въ стойло
Опять побрелъ.
Ахъ еслибъ такъ скоты лишь
Себя вели,
Какъ былъ бы радъ я, чадо
Родной земли!

В. Лихачевъ.

Охотникъ.

(Монологъ Грене-Данкура).

Пора настала; раздается
Собакъ веселый лай въ поляхъ,—
Сердца дрожатъ у куропатокъ,
Напалъ на зайцевъ прыткихъ страхъ.
Съ ружьемъ я цѣлыхъ двѣ недѣли
Съ утра до вечера бродилъ
И, хоть встрѣчалъ я массу дичи,
Но ничего не подстрѣлилъ.
Конечно, мнѣ съ усмѣшкой скажутъ:
— „Въ стрѣльбѣ вы вѣрно новичекъ?"
Нѣтъ, извините,—я извѣстенъ
Всѣмъ, какъ отличнѣйшій стрѣлокъ!
— „Такъ что жъ за вздоръ вы говорите?"
Клянусь, не лгу я, господа:
Животныхъ всѣхъ до обожанья
Люблю я—вотъ моя бѣда!
Какъ разсуждать я ни старался
И какъ себя я ни стыдилъ
За непростительную слабость,
А сладить съ сердцемъ нѣту силъ!
Но каждый день себѣ, однако жъ,
Я говорю, возставъ отъ сна:
Нѣтъ, ужъ сегодня непремѣнно
Нужна мнѣ жертва... хоть одна.
Я буду твердъ, не промахнуся
И зайца принесу домой;
Но только... какъ бы это сдѣлать,
Чтобъ заяцъ былъ... не молодой?
Чтобъ это старецъ былъ маститый,
Прожившій лѣтъ... такъ двадцать пять,
А въ молодого—преступленьемъ
Большимъ считаю я стрѣлять.
Вы посудите: могутъ дѣти
Вдругъ оказаться у него...
Но вамъ смѣшно? Убитый заяцъ
Для васъ не значитъ ничего!

Изъ васъ,—я въ томъ увѣренъ,—каждый
Его готовъ зажарить самъ...
Въ васъ нѣтъ ни капли состраданья
Къ его несчастнымъ сиротамъ!

Когда бъ у васъ отца убили,
Вѣдь вамъ бы не было смѣшно?
Конечно, вашъ отецъ не заяцъ,
А человѣкъ,—но все равно.
Кто знаетъ: можетъ быть у зайцевъ
Любовь къ родителямъ сильнѣй,
Чѣмъ у враговъ ихъ безпощадныхъ,
У ихъ губителей—людей!..

Я убѣжденъ, что куропатки
И перепелки во сто кратъ
Способнѣй насъ къ семейной жизни,
Побольше ею дорожатъ:—
Поручитъ ли зайчиха мамкамъ
Своихъ дѣтенышей кормить,
Самой чтобъ ѣздить по визитамъ
Да ночи въ танцахъ проводить?

Кокетство есть ли въ перепелкахъ?
И разоряютъ ли мужей
Онѣ, подобно нашимъ женамъ,
Нелѣпой роскошью своей?
Слыхалъ ли кто-нибудь, чтобъ зайца
Лобъ былъ украшенъ иногда
Тѣмъ... что мужья, къ несчастью, носятъ
У насъ частенько, господа?

Кто видѣлъ, чтобъ подъ утро пьяный
Вернулся перепелъ домой
И, волю давъ натурѣ дикой,
Вступилъ въ побоище съ женой?
Кому животныя мѣшаютъ?
Кому?—я спрашиваю васъ!
Они въ хищеньи неповинны
И не обкрадываютъ кассъ;

Не добиваются концессій,
Не лѣзутъ въ банкъ въ деректора
И никогда-то биржевая
Не соблазняла ихъ игра!

Ихъ за публичные скандалы,
За нарушенье тишины
Не привлекаютъ къ мировому:
Они приличны и скромны...
Статеекъ пасквильныхъ въ газетахъ
Перомъ продажнымъ не строчатъ
И на торжественныхъ обѣдахъ
Плохихъ рѣчей не говорятъ.
Они живутъ себѣ спокойно
Въ поляхъ иль въ зелени лѣсовъ,
Вдали отъ суетнаго свѣта,
Отъ нашихъ шумныхъ городовъ.
За что жъ ихъ гонятъ? Неужели
Ужъ такъ преступно пощипать
Немножко травки въ чистомъ полѣ,
Немножко зеренъ поклевать?
Нѣтъ, я все больше убѣждаюсь,
Поближе всматриваясь въ нихъ,
Что ихъ преслѣдовать—разумныхъ
Нѣтъ основаній никакихъ.
И потому, когда порою
Мелькнетъ вдругъ зайчикъ предо мной
Иль я замѣчу куропатку,
Я тронутъ... плачу... самъ не свой...
Я вынимаю изъ кармана
Платокъ... сморкаюсь... и когда
Мой выстрѣлъ, наконецъ, раздастся,
То ихъ ужъ нѣту и слѣда.
Довольный, что бѣдняжки скрылись,
Я говорю себѣ: впередъ
Они не будутъ такъ безпечны,
Урокъ имъ этотъ въ прокъ пойдетъ.
Луга поблекшіе, гдѣ нынѣ
Брожу я медленной стопой,
О, неужели обагритесь
Вы кровью жертвъ, убитыхъ мной?
Нѣтъ! чѣмъ я больше изучаю
Нашъ родъ людской, друзья мои,
Тѣмъ больше чувствую къ животнымъ
И уваженья, и любви!..

А. Плещеевъ.

Акулина и кондукторъ.

(Посв. Россійскимъ Акулинамъ).

Въ углу сидѣла Акулина,
Ждала.
Какъ вдругъ застукала машина,
Пошла...
Какъ спохватилась наша баба:
— „Ахти!
Али спросить мнѣ кондуктора
Пойти...
Туда ли сѣла ненарокомъ?!
Бѣда!..“
— Вишь, дура баба спохватилась
Когда...
Идетъ машина полнымъ ходомъ
Гляди!
Теперь попробуй-ка, разиня,
Сойди!
Ужъ, видно, надо покориться
Судьѣ...
Сидѣть бы дома Акулина,
Тебѣ!..

А.

Ахметъ на минаретѣ.

—„Двадцать лѣтъ живу на свѣтѣ,—
Самъ себѣ Ахметъ сказалъ—
А еще не побывалъ
Никогда на минаретѣ!“
И немедленно Ахметъ
Влѣзъ на стройный минаретъ.
И предъ нимъ, какъ на ладони,
Городъ всталъ: дома, базаръ,

Купы темныя чинаръ...
Копошились люди, кони...
Чуть замѣтны съ высоты
Были люди и скоты...
— Двадцать лѣтъ живу на свѣтѣ—
Онъ воскликнулъ въ тотъ же мигъ,
А теперь лишь я постигъ
Стоя здѣсь на минаретѣ,
Какъ ничтоженъ родъ людской,
Какъ малы всѣ предо мной!..—
Вдалекѣ жъ играя дѣти
Разсуждали межъ собой:
— „Посмотри-ка, кто такой
Тамъ торчитъ на минаретѣ!"
И рѣшилъ весь хоръ дѣтей:
— „Это просто воробей!"

В. Л. Величко.

Задача.

Шейхъ, потомокъ Магомета,
Слылъ въ странѣ любимцемъ Бога:
По молитвѣ шейха было
Можно благъ добыть премного.
И пришли за той молитвой
Къ шейху въ Мекку, городъ древній,
Земледѣлецъ и горшечникъ—
Два сосѣда по деревнѣ.
Первый молвилъ: „Старецъ вѣщій,
Испроси мнѣ дождь у неба:
Безъ того погибнутъ нивы
И останусь я безъ хлѣба!.."
Но въ слезахъ прервалъ горшечникъ:
— „Въ дождь не выжечь мнѣ посуду!
Старецъ! вымоли бездождье.
А не то я нищимъ буду!.."

Въ этотъ день премудрый старецъ
Былъ душой не очень свѣтелъ:
— „Уходите, братцы, съ міромъ,"
Онъ просителямъ отвѣтилъ:
— „Пусть изъ васъ пребудетъ каждый
Въ Божьей милости увѣренъ,—
А втупикъ Аллаха ставить
Изъ-за васъ я не намѣренъ!.."

В. Л. Величко.

Труженики.

(Посвящается П. И. Никитину).

Много тружениковъ въ мірѣ,
И, скорбя о нихъ, не разъ
Слезы тяжкія, какъ гири,
Заливая полъ въ квартирѣ,
У меня срывались съ глазъ.
Трудъ ихъ—истинно великій,
Клика ихъ—краса славянъ,
И знакомство съ этой кликой
Можетъ горькой быть уликой
Для бездѣльниковъ всѣхъ странъ.
На любого взглядъ свой бросьте,
Сонъ забывшаго, покой,
И воскликните безъ злости:
Экой труженикъ какой!
По головкѣ мота гладя,
Жизнь дары ему несетъ...
Мотъ живетъ впередъ не глядя:
То умретъ богатый дядя,
Или бабушка умретъ,
Или тесть протянетъ ноги,—
И вотъ тутъ-то тяжкій трудъ

Предстоитъ ему, о боги!-
Строитъ виллы онъ, чертоги,
Неустанно—здѣсь и тутъ—
За капризы щедро платитъ,
Силы, золото, покой
Тратитъ, тратитъ, тратитъ, тратитъ...
Экой труженикъ какой!..

Патентованный обжора!
Онъ свершаетъ тяжкій трудъ,
У столоваго прибора
Пожирая страшно скоро
Груду всякихъ жирныхъ блюдъ;
Вѣчно жадный, безъ притворства
Всюду можетъ заявить
Геніальное проворство
Въ дѣлѣ лютаго обжорства:
Пьетъ, чтобъ ѣсть, и ѣсть, чтобъ пить.
Мыслитъ столько же, какъ муха,
Но въ работѣ день-деньской
Брюхо, брюхо, брюхо, брюхо!..
Экой труженикъ какой!..

Вотъ онъ, стоющій участья,
Канцеляріи герой,
Наживающій, порой,
Пенсіонъ—при полномъ счастьи,
А безъ счастья—геморрой.
Изъ-за крестика иль чина
У него трещитъ спина,
И съ покорностью кретина,
Безучастенъ, какъ машина,
И выносливъ, какъ она,
Онъ единой службой дышитъ,
Проливаетъ потъ рѣкой
И все пишетъ, пишетъ, пишетъ...
Экой труженикъ какой!..
На служителя Беллоны
Обратите тоже взглядъ:
Принятъ въ модные салоны,
Такъ и смотритъ въ селадоны,
Но конецъ его—парадъ.

Изъ любви, не хлѣба ради,
Разгоняетъ онъ мигрень
Въ боевомъ своемъ нарядѣ
Маршировкой на парадѣ,
Иль въ манежѣ каждый день.
Онъ не то что занятъ славой,
Но девизъ его святой:
„Лѣвой—правой! Лѣвой—правой!..“
Экой труженикъ какой!..

Посѣтитель всѣхъ гостиныхъ,
Враль всесвѣтный съ мѣднымъ лбомъ,
Каждый день на именинахъ,
На поминкахъ, на крестинахъ—
Съ цѣлымъ городомъ знакомъ.
Общій кумъ, партнеръ, пріятель,
Общій шаферъ, другъ дѣтей,
Пикниковъ предприниматель,
Безкорыстный собиратель
Сплетенъ, слуховъ и вѣстей;
Только въ домѣ дверь отворитъ,
Дичь, войдя въ любой покой,
Поретъ, поретъ, поретъ, поретъ...
Экой труженикъ какой!..

Денди корчащій Емеля
И бульварный пустозвонъ,
Лакирующій панели,
Словно выросъ у Бореля
И Донономъ посвященъ.
Онъ трудиться можетъ за три
Человѣка: онъ вездѣ,
Гдѣ есть публика—въ судѣ,
Въ циркѣ, клубѣ и театрѣ,
На пожарѣ... Хоть нигдѣ
Ничего, бѣднякъ, не ищетъ,
Но всю жизнь, гонимъ тоской,
Рыщетъ, рыщетъ, рыщетъ, рыщетъ...
Экой труженикъ какой!..

На балахъ, какъ „по наряду,“
Завсегдатай бальный радъ

Танцовать хоть до упаду,
Хоть четыре ночи кряду—
Польки, вальсъ и галопадъ.
Разсуждая человѣчно
Про такой печальный рокъ,
Жаль бѣдняжку намъ, конечно,
Но безъ устали безпечно
Не щадитъ своихъ онъ ногъ.
Отдохнетъ, платкомъ помашетъ
И опять, махнувъ рукой,
Пляшетъ, пляшетъ, пляшетъ, пляшетъ...
Экой труженикъ какой!..

Въ высшемъ обществѣ и въ нижнихъ
Сферахъ—каждый ловкій плутъ
Грабитъ, грабитъ, грабитъ ближнихъ,
А грабежъ вѣдь тоже трудъ.
Тотъ, печать грязня, злословитъ,
Безконечно лжетъ за двухъ,
Тотъ, фискаля, каждый слухъ
Ловитъ, ловитъ, ловитъ, ловитъ...
За бездѣлье обвинитъ
Этихъ тружениковъ кто же?
Каждый дѣйствовать спѣшитъ
Стоя, сидя, ходя, лежа;
Всѣ съ сноровкой мастерской
Напрягаютъ силы дружно,
И сказать о каждомъ нужно:
Экой труженикъ какой!..

Литературное Домино.

* * *

Я всталъ однажды рано утромъ,
Сидѣлъ впросонкахъ у окна.
Рѣка играла перламутромъ,
Была мнѣ мельница видна—
И мнѣ казалось, что колеса
Напрасно мельницѣ даны:

Что ей, стоящей возлѣ плеса,
Приличнѣй были бы штаны.
Вошелъ отшельникъ. Велегласно
И неожиданно онъ рекъ:
— „О ты, что въ горести напрасно
На Бога ропщешь, человѣкъ!"
Онъ говорилъ—я прослезился...
Сталъ утѣшать меня старикъ...
Морозной пылью серебрился
Его бобровый воротникъ.

Козьма Прутковъ.

Бѣсъ.

Кружевной мантильей скрыта,
Въ покаяніи грѣховномъ
Горько плачетъ Карменита
Предъ отцомъ своимъ духовнымъ:
— „Падре, падре! Предъ тобою
Исповѣдаться должна я;
Душу всю тебѣ раскрою:
Знай, я грѣшница большая!
Грѣхъ великъ мой... Боже правый,
Нѣтъ мнѣ болѣе прощенья,
Нынче ночью духъ лукавый
Ввелъ меня во искушенье.
Какъ его я ни просила,
Какъ молиться ни старалась,
Эта демонская сила
Ничего не испугалась.
Слушай, падре,—все, какъ надо,
Разскажу тебѣ про бѣса...
Легъ туманъ, дыша прохладой
Съ береговъ Мансанареса.

Ночь настала... Божьи очи
Съ неба на землю глядѣли,
И въ молчаньи тихой ночи
Вдалекѣ гитары пѣли.
Напоенный страстью знойной
Воздухъ ночи ароматной
Объялъ духъ мой неспокойный
Силой чудной, непонятной.
Что со мною,—я не знала,
Вся горѣла какъ въ огнѣ я,
То ложилась, то вставала,
Трепеща и холодѣя.
Но напрасно я боролась,—
Спорить съ бѣсомъ не легко намъ..
Вдругъ, я слышу, чей-то голосъ
Раздается подъ балкономъ:
— Карменита, Карменита!
О, зачѣмъ меня ты губишь?
Будетъ жизнь моя разбита,
Коль меня ты не полюбишь.
Карменита! Другъ отъ друга
Далеки мы... Будемъ ближе!
Счастье, жизнь моя, подруга,
О, впусти меня, впусти же!—
Хитрый бѣсъ!—я отозвалась—
Тщетно ты меня смущаешь:
Дома я одна осталась,
Мужа нѣтъ, ты это знаешь...
И шептала я заклятья:
— Сгинь, разсыпься, духъ лукавый!—
Что жъ еще могла сказать я,
Научи, о Боже правый!
Вдругъ, я слышу, по ступенямъ
Кто-то входитъ,—дверь толкаетъ
И, приникнувши къ колѣнямъ,
Крѣпко станъ мой обнимаетъ.
Бѣсъ вошелъ... Огнемъ дыханья
Жегъ уста мои и плечи...
Въ погасающемъ сознаньѣ
Все смѣшалось:—клятвы, рѣчи...
Я не помню, что тутъ было,

Что ему я говорила...
Сердце билось, сердце ныло...
Ахъ, сильна ты, вражья сила!“
— Но послушай, Карменита,—
Дверь-то, дверь была открыта?
Какъ иначе бы вошелъ онъ?
Это странно! Неужели
Дверь замкнуть ты не старалась?—
— „Дверь замкнуть? А! Въ самомъ дѣлѣ!
Падре, я не догадалась!“

В. Мазуркевичъ.

Предостереженіе.

Какъ-то разъ съ лѣсовъ высокихъ
Каменщикъ свалился...
Прежде пыль съ себя стряхнулъ онъ,
Всталъ, перекрестился
И сказалъ другимъ рабочимъ,
Не сердясь, безъ шума:
— „Мнѣ пришла на умъ, ребята,
Вотъ какая дума:
Надо сдѣлать безпремѣнно
Наверху перила,
Потому что падать этакъ
Никому не мило!
Хорошо, что я бывалый,—
А другой сорвется,
Да, пожалуй, съ непривычки
До смерти убьется!“

Н. С. Стружкинъ.

Артистка В. Н. Ильнарская.

Просвѣщеніе.

За богатымъ столомъ Просвѣщенье сидитъ,
 Принимаетъ сегодня просителей;
Передъ нимъ вереницей толпа ихъ стоитъ—
Франтовато одѣтыхъ мыслителей.
Просвѣщенье довольно одеждою ихъ:
По послѣдней по модѣ все скроено...
Благодушный напалъ на него, значитъ, стихъ:
Что ни спроситъ—все мигомъ устроено.
Только робко выходитъ тутъ Сѣрость впередъ,
Наша Сѣрость россійская, родная...
Просвѣщенье вспылило:—Ты что за уродъ?
Куда лѣзешь, въ грязи вся, негодная!..
— Къ вашей милости я, значитъ, грамота мнѣ
Полюбилась, да нѣту учителей!..
— Знаю васъ, фантазеровъ: причуды однѣ!..—
Просвѣщенье позвало служителей.
И въ лохмотья одѣтая Сѣрость тотчасъ
Во дворѣ на грязи оказалася...
Съ той поры повторяла на спросы не разъ:
— И не рада была, что связалася!..

Евг. С—о.

Оселъ.

Лишь гяуръ не слышалъ дикій
  Про муллу Агу-Бабай—
Это книжникъ превеликій,
Звѣздочетъ и краснобай;

  Онъ и рядитъ, онъ и судитъ,
  Въ Меккѣ трижды побывалъ,
  И что было, есть и будетъ,
  Онъ всегда навѣрно зналъ.

Съ нимъ на дняхъ такой былъ случай:
Прибѣжалъ къ нему Ахметъ—
Такъ и льетъ слезой горючей
И лица на бѣдномъ нѣтъ.

  — „Помоги!—кричитъ,—въ ночь эту
  Мой оселъ,—тотъ вѣрный другъ,
  Что кормильцемъ былъ Ахмету,—
  О, Аллахъ!.. украденъ вдругъ!..“

— Ты зѣвалъ и вотъ награда,—
Отвѣчалъ ему Агу,—
Отъ меня тебѣ что жъ надо,
Чѣмъ же я-то помогу?
  Тотъ опять:—„Ты тайны знаешь,
  Мнѣ ты можешь указать,
  Если только пожелаешь,
  Гдѣ и какъ осла сыскать.

Сжалься,—молитъ онъ, рыдая,—
Наградитъ тебя пророкъ...“—
И, простершись ницъ, Бабая
Въ кончикъ желтой туфли—чмокъ.
  Звѣздочетъ, подумавъ малость,
  Поглядѣлъ на туфли слѣдъ,
  И—проснулась, видно, жалость:—
  Вдругъ полѣзъ на минаретъ,

И хоть не былъ часъ обычный,
Чтобъ молитвы начинать,
Все же гласъ его привычный
Правовѣрныхъ сталъ скликать.

Собрались сыны пророка—
Часъ и время имъ пустякъ—
Ждутъ приказа иль урока..
И мулла сказалъ имъ такъ:

— Вотъ, у этого разини
Въ ночь украденъ былъ оселъ,
И меня онъ проситъ нынѣ,
Чтобы я осла нашелъ.
Отчего не попытаться,
Только помощь тутъ нужна,
А межъ вами, можетъ статься,
И обрящется она;

Пособитъ, скажу вамъ сразу,
Только тотъ мнѣ человѣкъ,
Кто для женщины ни разу
Не сглупилъ во весь свой вѣкъ,
Кто и въ юности прекрасной,
Средь избытка буйныхъ силъ,
Жизнью мудрой и безстрастной
Старикамъ примѣромъ былъ.

Коль такой не за горами
Существуетъ экземпляръ,
Пусть онъ явится предъ нами,
Принеся намъ скромность въ даръ.
Пусть впередъ онъ выйдетъ смѣло.
И, Аллахомъ я клянусь,
Что тогда Ахмета дѣло
Разрѣшить сейчасъ берусь...

Смолкъ и, взоръ метнувъ летучій,
Сталъ отвѣта ждать Агу;
Но народъ столпился кучей
И на вызовъ ни гу-гу;
Старики блюсти старались
Видъ серьезно-дѣловой;
Молодые ухмылялись,
По усамъ водя рукой.

А сосѣднихъ мѣстъ джигиты
Только крякнули въ кулакъ
И подумали: „Поди ты!
Захотѣлъ чего, чудакъ!"

Такъ минутъ прошло не мало;
Вновь успѣлъ всплакнуть Ахметъ,
Ужъ иныхъ дрема склоняла,
А отвѣта—нѣтъ и нѣтъ.

Вдругъ, работая локтями,
Сквозь опѣшившій народъ,
Мужъ, покрытый сѣдинами,
Продираться сталъ впередъ.

И, отдавъ муллѣ, какъ надо
По обычаю, поклонъ,
Подъ огнемъ нѣмого взгляда
Рѣчь такую началъ онъ:

— Сколько глупостей творится
Изъ за гурій молодыхъ,
Сколько юношей стремится
На погибель изъ за нихъ!

„Берегись ихъ ласки знойной,
Берегись ихъ власти злой,"—
Такъ родитель мой покойный
Мнѣ говаривалъ порой.

Этотъ плодъ его раздумья
На носу я зарубилъ
И, клянусь, благоразумья
Въ жизнь мою не преступилъ.

Я боролся, что есть мочи!
Мнѣ теперь за пятьдесятъ,
И мои давно ужъ очи
На красавицъ не глядятъ;

Но и въ юности, бывало,
Если съ дѣвой говорю,—
Чтобъ со мной чего не стало,
Я намазъ въ душѣ творю!

Если жъ дѣва улыбнется,
То—повѣришь ли, Агу,—
Я, какъ въ жилахъ кровь ни бьется,
Что есть духу прочь бѣгу.

И зато, какъ день безтучный,
Миновала жизнь моя:
Тихо, ясно, однозвучно;
Знай, Агу Бабай, что я...

Но мулла рѣчь прервалъ эту.
Указавши на него,
Громко молвилъ онъ Ахмету:
— „Вотъ оселъ—возьми его!..“

В. Абакумовъ.

Кумушкамъ.

— Иванъ Иванычъ Фанъ-деръ-Флитъ
Женатъ на теткѣ Воронцовой;—
Изъ нихъ который-то убитъ
Въ отрядѣ славнаго Слѣпцова.
— Иванъ Иванычъ Фанъ-деръ-Флитъ
Былъ только раненъ—я то знаю.—
А Воронцовъ?—Тотъ былъ убитъ...
— Ахъ нѣтъ! Не то! Припоминаю.
Ни Воронцовъ, ни Фанъ-деръ-Флитъ,
Изъ нихъ никто не былъ убитъ,
Ни даже тетка Воронцова...
Одно извѣстно: люди эти
И вовсе не были на свѣтѣ,
И даже, кажется, наврядъ
Была и тетка Воронцова?
Но былъ дѣйствительно отрядъ,
Да только вовсе не Слѣпцова...
— Затѣмъ пронесся слухъ таковъ,
Что вовсе не было отряда,
А былъ поручикъ Пироговъ...
— Да былъ ли? Справиться бы надо.
И справками, въ концѣ концовъ,
Одна лишь истина добыта:
Иванъ Иванычъ Воронцовъ
Женатъ на теткѣ Фанъ-деръ-Флита.

А. Н. Апухтинъ.

Знатный пріятель.

Изъ П. Беранже.

Я всей душой къ женѣ привязанъ;
Я въ люди вышелъ... Да чего!
Я дружбой графа ей обязанъ,
Легко ли—графа самого!
Дѣлами царства управляя,
Онъ къ намъ заходитъ, какъ къ роднымъ.
Какое счастье! Честь какая!
Вѣдь я червякъ въ сравненьи съ нимъ,
Въ сравненьи съ нимъ,
Съ лицомъ такимъ—
Съ его сіятельствомъ самимъ!

Прошедшей, напримѣръ, зимою,
Назначенъ у министра балъ:
Графъ пріѣзжаетъ за женою—
Какъ мужъ, и я туда попалъ.
Тамъ, руку мнѣ при всѣхъ сжимая,
Назвалъ пріятелемъ своимъ!..
Какое счастье! Честь какая!
Вѣдь я червякъ въ сравненьи съ нимъ!
Въ сравненьи съ нимъ,
Съ лицомъ такимъ—
Съ его сіятельствомъ самимъ!

Жена случайно захвораетъ—
Вѣдь онъ, голубчикъ, самъ не свой:
Со мною въ преферансъ играетъ,
А ночью ходитъ за больной.
Пріѣхалъ, весь въ звѣздахъ сіяя,
Поздравить съ ангеломъ моимъ...
Какое счастье! Честь какая!
Вѣдь я червякъ въ сравненьи съ нимъ!
Въ сравненьи съ нимъ,
Съ лицомъ такимъ—
Съ его сіятельствомъ самимъ!

А что за тонкость обращенья!
Пріѣдетъ вечеромъ, сидитъ...

— „Что вы все дома... безъ движенья?
Вамъ нуженъ воздухъ..." говоритъ.
— Погода, графъ, весьма дурная...
— „Да мы карету вамъ дадимъ!"
Предупредительность какая!
Вѣдь я червякъ въ сравненьи съ нимъ!
Въ сравненьи съ нимъ,
Съ лицомъ такимъ—
Въ его сіятельствомъ самимъ!

Зазвалъ къ себѣ въ свой домъ боярскій:
Шампанское лилось рѣкой...
Жена уснула въ спальной дамской...
Я въ лучшей комнатѣ мужской.
На мягкомъ ложѣ засыпая,
Подъ одѣяломъ парчевымъ,
Я думалъ, нѣжась: честь какая!
Вѣдь я червякъ въ сравненьи съ нимъ!
Въ сравненьи съ нимъ,
Съ лицомъ такимъ—
Съ его сіятельствомъ самимъ!

Крестить назвался непремѣнно,
Когда Господь мнѣ сына далъ—
И улыбался умиленно,
Когда младенца воспріялъ.
Теперь умру я, уповая,
Что крестникъ взысканъ будетъ имъ...
А счастье-то, а честь какая!
Вѣдь я червякъ въ сравненьи съ нимъ,
Въ сравненьи съ нимъ,
Съ лицомъ такимъ—
Съ его сіятельствомъ самимъ!

А какъ онъ милъ, когда онъ въ духѣ.
Вѣдь я за рюмкою вина
Хватилъ однажды: ходятъ слухи...
Что будто, графъ... моя жена...
— Графъ, говорю, пріобрѣтая...
Трудясь... я долженъ быть слѣпымъ...—
Да ослѣпитъ и честь такая!
Вѣдь я червякъ въ сравненьи съ нимъ!

Въ сравненьи съ нимъ,
Съ лицомъ такимъ—
Съ его сіятельствомъ самимъ!

В. Курочкинъ.

Затменіе.

—„Экое диво! Климъ Сидорычъ! Глянь изъ оконца!
Въ полдень стемнѣло—ей-Богу! Вѣдь убыло солнца.
Въ небѣ ни тучки, ни-ни... то-есть—пятнышка нѣту,
Ради чего жъ недоимка Господняго свѣту?"
— Эхъ, голова, голова! Ничего-то ни знаетъ.
Временемъ это такое затменье бываетъ.—
— „Эва! А кто жъ тамъ на солнце потемки наводитъ?"
— Это, по книгамъ, вишь—солнце за мѣсяцъ заходитъ.—
— „Полно, Климъ Сидорычъ! Экъ ты не ладно отвѣтилъ!
Солнце вѣдь свѣтлое солнце, и мѣсяцъ-то свѣтелъ:
Какъ же бы сталось, что свѣтъ какъ со свѣтомъ сдвоится—
Не свѣтлоты прибываетъ, а темень родится?"
— Истинно такъ. Не хули моего ты отвѣта!
Вѣрь, аль не вѣрь, а и свѣтъ пропадаетъ отъ свѣта.
Ну, да примѣромъ—ты въ толкъ не возьмешь ли скорѣе?—
Умъ—дѣло свѣтлое, разумъ—еще и свѣтлѣе,
А въ головѣ-то вѣдь темно становится разомъ,
Если случиться, что умъ въ ней заходитъ за разумъ.

В. Г. Бенедиктовъ.

Хвостикъ.

Не знаю, какъ и почему
Звѣрей владыка, левъ могучій,
Велѣлъ народу своему
Къ нему собраться въ лѣсъ дремучій.
— „Кто явится ко мнѣ скорѣй,
Тотъ будетъ мнѣ другихъ милѣй.
Того по-царски награжу;
А прочихъ строго накажу!“
Сказалъ онъ. А къ нему дорога
Трудна, длинна была немного.
Вотъ звѣри и пустились въ путь.
Сперва прошли кто познатнѣе;
За ними тѣ, кто половчѣе;
А прочіе ужъ какъ-нибудь...
Верблюды, мулы и коровы,
Бараны, овцы, волъ здоровый,—
Полезный все, но смирный скотъ
Весь позади другихъ идетъ.
Толпа звѣрей... И шумъ и топотъ,—
Тѣснятся, лѣзутъ всѣ впередъ;
Никто дороги не даетъ,
Повсюду давка, свалка, ропотъ.
Вдругъ... поросенокъ прибѣжалъ.
Визжитъ, вертитъ хвостомъ, хлопочетъ,
Впередъ скорѣй пробиться хочетъ.
Но гдѣ тутъ! тѣсно! глупъ онъ, малъ,
И позади бы всѣхъ остался,
Да къ счастью съ теткой повстрѣчался.
— „Mon Dieu! ma tante! совсѣмъ бѣда!
Не знаю, какъ попасть туда!
Идти со всѣми—несподручно,
Такъ трудно, далеко и скучно;
Пожалуй, можно и устать.
Ma tante! нельзя ль похлопотать!“
— „Ахъ! милый мой, я непремѣнно!
Ты сынъ моей сестры безцѣнной,
Ступай за мной; сейчасъ иду;

У льва я кое съ кѣмъ въ ладу:
Мнѣ тамъ знакомъ кабанъ, роденька:
Ахъ! вотъ и онъ: Cousin de grace!
Большая просьба есть до васъ!
Нельзя ли намъ помочь маленько,
Вотъ этихъ обогнать скотовъ?"
— „Ma chere cousine! для васъ готовъ
Avec plaisir! За мной ступайте."
Смотрите же, не отставайте."
И вотъ кабанъ въ толпу идетъ;
Толкаетъ, давитъ всѣхъ, грызетъ.
Столкнуться съ нимъ—плохое дѣло!
Пырнетъ клыкомъ—не камень тѣло!
Попробуй-ка не пропусти,
Да и у льва-то онъ въ чести.
Пройти ему труда не много;
Въ толпѣ просторъ, вездѣ дорога!
Такъ онъ легко и безъ хлопотъ,
Скорехенько прошелъ впередъ;
А вплоть за нимъ прошла кузина,
Съ нимъ видно близкая скотина.
И поросенокъ впереди!..
Да онъ-то какъ впередъ пробрался?
За хвостикъ тетинькинъ держался.
Попробуй-ка другой пройти!
Вѣдь, право, какъ это иной,
Далеко бывши за тобой,
Впередъ такъ скоро поспѣваетъ?
Посмотришь: глупъ, лѣнивъ и малъ,
Какъ поросенокъ замаралъ
Себя давно, а пролѣзаетъ!
Знать, тоже хвостикъ помогаетъ...

А. Франкъ.

Свѣтскіе контрасты.

Въ нашемъ мірѣ все не въ мѣру,
Все смотря по глазомѣру:
Что къ однимъ идетъ отлично,
То другихъ караетъ строго;
Что немногихъ славитъ много,
То для многихъ неприлично.

Если дама—не украдкой,
И не въ спальнѣ, а въ гостиной—
Поцѣлуется съ мужчиной,
Всякій скажетъ: „Фи! какъ гадко!
Цѣловаться, и—публично,
Крайне, крайне неприлично!"

— Ну-съ, а если не публично,
Но и такъ, что каждый знаетъ,—
Дама мужа надуваетъ,
Это—тоже неприлично?
— Нѣтъ, совсѣмъ, мой другъ, не то же:
Не публично,—отчего же!

Если франтикъ элегантный
Бѣдняку протянетъ руку,
Всѣ мы, видя эту штуку,
Вспыхнемъ злостью всѣмъ понятной:
— „Знаться съ нищимъ и публично
Крайне, крайне неприлично!"

— Ну съ, а если, къ пользамъ личнымъ
Полонъ рвеніемъ обильнымъ,
Онъ жметъ руки плутамъ сильнымъ
Это—тоже неприлично?
— Нѣтъ, совсѣмъ, мой другъ, не то же:
Сильнымъ... сильнымъ,—отчего же?

Если нищій, голодая,
Хоть на грошъ у сытыхъ стянетъ,
Судъ молвы, не размышляя,
Надъ виновнымъ тотчасъ грянетъ:
— „Воровать и—такъ публично
Гадко, мерзко, неприлично!"

— Ну-съ а если кто хронично,
Отъ висковъ до самыхъ пятокъ,
Одержимъ недугомъ взятокъ,
Это—тоже неприлично?
— Нѣтъ! совсѣмъ, мой другъ, не то же:
Благодарность,—отчего же?

Если женщина изъ нужды
Впала въ грѣхъ любодѣянья,
Всѣ мы въ бѣдную не чужды
Бросить камень порицанья:
— „Жить развратомъ, и—публично
Крайне, крайне неприлично!"

— Ну-съ, а если левъ столичный,
Левъ, что въ нѣгѣ утопаетъ,
Тѣмъ же дѣломъ промышляетъ,
Это—тоже неприлично?
— Нѣтъ! совсѣмъ, мой другъ, не то же:
Намъ, мужчинамъ,—отчего же?

Если часомъ подчиненный,
Не стерпѣвъ обиды рѣзкой,
Самъ отвѣтитъ фразой дерзкой,
Всякій вскрикнетъ, изумленный:
— „Грубіянить и—публично,
Гадко, мерзко, неприлично!"

— Ну-съ, а если, энергично
Управляя данной силой,
Старшій младшихъ хлещетъ въ рыло,—
Это—тоже неприлично?
— Нѣтъ! совсѣмъ, мой другъ не то же:
Старшій младшій,—отчего же?

Н. Пушкаревъ.

Артистъ А. П. Смирновъ.

Добродѣтельный песъ.

Изъ Г. Гейне.

Былъ пудель Брутъ. Могу сказать я смѣло,
На имя то имѣлъ онъ всѣ права:
Про умъ его и доблести гремѣла
По всей странѣ стоустая молва.
Терпѣнія и правилъ самыхъ строгихъ
И вѣрности являлъ онъ образецъ;
Блестящій перлъ межъ всѣхъ четвероногихъ,
Людьми былъ чтимъ онъ, какъ Натанъ мудрецъ.
Цѣня его достойно, по заслугамъ,
Ему во всемъ хозяинъ довѣрялъ;
Считалъ его онъ преданнѣйшимъ другомъ
И къ продавцу за мясомъ посылалъ;
И отдавалъ ему мясникъ корзину,
И, взявши въ ротъ ее, почтенный песъ
Баранину, телятину, свинину
По улицамъ спокойно, гордо несъ.
Хоть запахъ былъ заманчивъ—не плѣнялся
Имъ честный Брутъ: въ душѣ онъ стоикъ былъ;
Онъ ни костей, ни мяса не касался
И въ цѣлости домой все приносилъ.

Но межъ собакъ есть много, къ сожалѣнью,
(Какъ и межъ насъ) безчувственныхъ скотовъ,
Что преданы плотскому наслажденью
И лишены всѣхъ нравственныхъ основъ.
И эти-то дворные псы изъ мести
Задумали составить заговоръ:
Бѣсило ихъ, что вѣренъ долгу чести
Всегда былъ Брутъ, а не былъ гнусный воръ...
И вотъ, когда однажды онъ изъ лавки,
Неся свою корзину, шелъ домой,
Вся эта дрянь—барбосы, жучки, шавки—
Вдругъ на него накинулись гурьбой
И вырвали добычу дорогую!
Онъ отражать не въ силахъ былъ враговъ;
Попадали куски на мостовую,
И начался дѣлежъ у алчныхъ псовъ.
Сперва на нихъ глядѣлъ спокойнымъ взглядомъ,
Какъ истинный философъ, честный Брутъ;
Но, наконецъ, взяла его досада,
Что сладко такъ мерзавцы эти жрутъ,
И, волю давъ объявшей сердце злости,
Самъ уплетать онъ сталъ филей и кости.

Мораль.

„Какъ Брутъ, и ты, который былъ такъ чистъ!"
Скорбя душой, воскликнетъ моралистъ.
Увы! Дурной примѣръ собьетъ съ дороги!
И даже Брутъ—краса четвероногихъ—
Не совершененъ самъ: онъ жретъ,
Какъ всякій скотъ!

А. Н. Плещеевъ.

Комическое попурри изъ басенъ.

Въ іюлѣ, въ самый зной, въ полуденную пору,
Сыпучими песками въ гору,
Изъ дальнихъ странствій возвратясь,
По улицамъ слона водили,
Какъ видно напоказъ.—
Извѣстно, что слоны въ диковинку у насъ,—
Такъ за слономъ толпы зѣвакъ ходили...
Какой-то поваръ грамотѣй
Съ поварни убѣжалъ своей,
Со всѣхъ дворовъ собакъ сбѣжалося съ полсотни.
Какъ вдругъ изъ подворотни,
Проказница-мартышка,
Оселъ,
Козелъ
Да косолапый мишка
Затѣяли сыграть квартетъ.
Когда въ товарищахъ согласья нѣтъ,
На ладъ ихъ дѣло не пойдетъ,
И выйдетъ изъ того не дѣло—только мука.
Однажды лебедь, ракъ да щука,
Собака, левъ да волкъ съ лисой,
Везти съ поклажей возъ взялись,
И вмѣстѣ всѣ въ него впряглись.
Изъ кожи лѣзутъ вонъ, а возу все нѣтъ ходу·
Поклажа бы для нихъ казалась и легка,
Да лебедь рвется въ облака,
Ракъ пятится назадъ, а щука тянетъ въ воду...
Случилось соловью на шумъ ихъ прилетѣть.
Тутъ съ просьбой всѣ къ нему,
Чтобъ ихъ рѣшилъ сомнѣнье...
Пожалуй, говорятъ, возьми на часъ терпѣнья.
И говоритъ такъ сладко, чуть дыша:
Сосѣдушка, мой свѣтъ!
Пожалуйста покушай.
Сосѣдушка, я сытъ по горло. Нужды нѣтъ,—
Еще тарелочку. Послушай:
Что за уха! да какъ жирна,—

Какъ-будто янтаремъ подернулась она...
Какія бабочки, букашки,
Козявки, мушки, таракашки,
Какія перышки, какой носокъ!
И вѣрно ангельскій быть долженъ голосокъ!
Спой, свѣтикъ, не стыдись! что ежели, сестрица,
При красотѣ такой и пѣть ты мастерица;
Вѣдь ты бъ у насъ была Царь-птица!
Вѣщуньина съ похвалъ вскружилась голова;
И на привѣтливы лисицыны слова
Запѣли молодцы, кто въ лѣсъ, кто по дрова—
И у кого что силы стало.
Въ ушахъ у гостя затрещало
И закружилась голова...
Тутъ бѣдный Фока мой,
Схватя въ охапку
Кушакъ и шапку,
И изъ гостей домой...
Пришелъ свинья-свиньей,
И съ той поры къ Демьяну ни ногой...

Басню эту лишнимъ я считаю толковать,
Но какъ здѣсь къ слову не сказать:
„Науки юношей питаютъ,
Отраду старцамъ подаютъ!“

Иванъ Щегловъ.

Попугай, Ницше и котъ.

Басня.

Однажды попугай, примѣръ непостоянства,
Всѣ прежнія идеи позабывъ,
Набрался гдѣ-то ницшеанства,
И вдругъ себя—какое окаянство!—
„Сверхъ-попугаемъ“ возомнилъ.

Въ сей ражъ придя, онъ удержу не знаетъ,
Не вѣдаетъ стыда онъ ни при комъ,
И даже статскаго совѣтника ругаетъ
При всемъ народѣ дуракомъ!
Примѣра нѣтъ сему въ россійскомъ декадансѣ.
Вотъ, находясь въ подобномъ трансѣ,
Нашъ попугай узрѣлъ,
Что нерадѣніемъ распущенной прислуги—
Открыта въ клѣткѣ дверца, други!..
Сверхъ-попугай сейчасъ пролѣзъ въ нее—и сѣлъ
На самомъ наивысшемъ кругѣ.
Закрывъ глаза, онъ нѣсколько минутъ,
Не болѣ,
Мечталъ на волѣ,
Что этотъ скверный міръ перевернутъ
Сверхъ-попугаи, не иначе.
Одначе,
Въ томъ барскомъ домѣ жилъ сверхъ-котъ.
И вотъ,
Томимъ сверхъ-скукою, сверхъ-подлостью ль, не знаю,
Онъ подобрался къ попугаю,
Вильнулъ хвостомъ, прилегъ, вильнулъ опять—
(Читатель, предъ тобой здѣсь истина нагая,)—
Сверхъ-котъ на клѣтку прыгъ—и хвать
Мечтавшаго сверхъ-попугая!
Дальнѣйшее зачѣмъ намъ излагать:
Коты всегда въ дѣлахъ подобныхъ мѣтки.
Но вотъ что, дѣтки,
Нравоученье надобно сказать:
„Сверхъ-попугаемъ будь, но не сиди сверхъ клѣтки.“

Печоринъ.

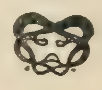
Упрямый пассажиръ.

На Волгѣ, на Дону ли,
Осла на пароходъ веревками тянули.
Оселъ, извѣстно вамъ,
Упрямъ;
Хотя, при помощи дубины,
Ввели его на трапъ до половины,
Но тутъ онъ силой всѣхъ копытъ
Уперся и стоитъ.
Напрасно грузчики удвоили отвагу:
Оселъ впередъ—ни шагу!
Тогда одинъ находчивый матросъ
Иначе разрѣшилъ вопросъ:
— „Я вамъ на случай этотъ
Особый указалъ бы методъ.
Онъ очень простъ:
Осла назадъ тяните вы за хвостъ,
И такъ какъ онъ упрямъ на диво,
То я готовъ на споръ,
Что, вамъ наперекоръ,
Впередъ онъ побѣжитъ ретиво...“
Совѣтъ исполнили, и вотъ
Оселъ въ моментъ вбѣжалъ на пароходъ...

—

Отлично и упрямцевъ за носъ водятъ,
Когда въ ихъ глупости союзника находятъ...

Символистъ.



* * *

Тамъ, гдѣ синею волною
Море бьетъ о берега,
Гдѣ надъ грозною скалою
Блещутъ вѣчные снѣга,

Гдѣ орелъ ширококрылый
По поднебесью паритъ,
Гдѣ все грустно, все уныло,
Гдѣ безмолвіе царитъ,
Тамъ, гдѣ съ огненной клюкою
Вѣдьма старая живетъ,
Гдѣ полночною порою,
Привидѣній хоръ поетъ,
Тамъ, гдѣ фуріи мгновенно
Дикій голосъ завывалъ,
Тамъ—признаться откровенно—
Никогда я не бывалъ.

Н. Н.

Царь природы.

„Человѣкъ есть царь природы."
Букварь.

Одарило небо щедро
Благодатный этотъ край—
Жирнымъ хлѣбомъ, жирной пашней,
Жирной дичью—просто рай!..
Но среди природы жирной
Тощъ и скорбенъ, весь въ пыли,
Человѣкъ,—вѣнецъ созданья,
Перлъ природы, царь земли..."
— Эй, мужикъ! Ты—царь природы!..
Понимаешь? Это все—
Хлѣбъ роскошный, звѣри, птицы—
Что ни видишь,—все твое...
Шапку снялъ:—„не становой ли..."
Тощій, скорбный, весь въ пыли,
Человѣкъ, „вѣнецъ созданья,
Перлъ природы, царь земли..."

А. Л. Боровиковскій.

Мышь, удалившаяся отъ свѣта.

Изъ Лафонтена.

Восточны жители, въ преданіяхъ своихъ,
Разсказываютъ намъ, что нѣкогда у нихъ
Благочестива мышь, наскуча суетою,
Слѣпого счастія игрою,
Оставила сей шумный міръ
И скрылась отъ него въ глубокую пещеру—
Въ голландскій сыръ.
Тамъ святостью одной свою питала вѣру.
Къ спасенію души трудиться начала:
Ногами
И зубами
Голландскій сыръ скребла, скребла,
И выскребла досужнымъ часомъ
Изрядну келейку съ достаточнымъ запасомъ...
Чего же болѣе?—Въ такихъ-то мышь трудахъ
Разъѣлась такъ, что страхъ!
Короче:—на порогѣ рая...
Самъ Богъ блюдетъ того,
Работать міру кто отрекся для Него.
Однажды передъ ней предстало, воздыхая,
Посольство отъ ея любезныхъ земляковъ;
Оно идетъ просить защиты отъ дворовъ
Противу кошачья народа,
Который вдругъ на ихъ республику напалъ,
И Крысополисъ ихъ въ осадѣ ужъ держалъ.
— „Всеобща бѣдность и невзгода—
Посольство говоритъ—причиною, что мы
Несемъ пустыя лишь сумы;
Что было съ нами—все проѣли,
А путь еще далекъ: и для того посмѣли
Зайти къ тебѣ и бить челомъ—
Снабдить насъ въ крайности посильнымъ подаяньемъ.“
Затворница на то, съ душевнымъ состраданьемъ,
И лапки положа на грудь свою крестомъ,
— „Возлюбленны мои!—смиренно отвѣчала:—

Я отъ житейскаго давно уже отстала...
Чѣмъ, грѣшная, могу помочь?
Да ниспошлетъ вамъ Богъ!.. а я и день и ночь
Молить Его за васъ готова".
Поклонъ имъ, заперлась, и болѣе ни слова.
Кто, спрашиваю васъ, похожъ на эту мышь?..
Монахъ?—Избави Богъ и думать!—Нѣтъ,—дервишъ.

И. И. Дмитріевъ.

Помѣщикъ и трава.

Басня.

На родину со службы воротясь,
Помѣщикъ молодой, любя во всемъ успѣхи,
Собралъ своихъ крестьянъ: „Друзья, межъ нами связь —
Залогъ утѣхи!
Пойдемте же мои осматривать поля!"—
И, преданность крестьянъ сей рѣчью воспаля,
Пошелъ онъ съ ними купно...
— „Что жъ здѣсь мое?"—Да все,—отвѣтилъ голова:—
Вотъ тимоѳеева трава...
— „Мошенникъ!" тотъ вскричалъ: ты поступалъ преступно!
Корысть мнѣ недоступна;
Чужого не ищу; люблю свои права!
Мою траву отдать, конечно, пожалѣю,
Но эту возвратить, немедля, Тимоѳею!"

Оказія сія, по мнѣ, ужъ не нова:
Антоновъ есть огонь,—но нѣтъ того закону,
Чтобы всегда огонь принадлежалъ Антону.

Козьма Прутковъ.

Бѣдовыя дѣти.

Кого изъ насъ не потѣшаютъ дѣти?
Кому не милъ ихъ лепетъ молодой?
Нерѣдко забываешь все на свѣтѣ,
Слѣдя за ихъ невинной болтовней...
Намъ любо ихъ наивное признанье—
И все-таки я часто замѣчалъ,
Какъ говорятъ:
„прелестное созданье!“
А думаютъ:
„чтобъ чортъ тебя побралъ!“

Я видѣлъ, какъ съ сынишкою вельможи
Прислужникъ ловкій вздумалъ поиграть;
Онъ лаялъ по-собачьи, корчилъ рожи,
И принималъ щелчки, какъ благодать...
Свершая храбро этотъ подвигъ трудный,
Когда свой носъ мальчишкѣ подставлялъ,
Онъ говорилъ:
„что за ребенокъ чудный!“
Но думалъ онъ:
„чтобъ чортъ тебя побралъ!“

Поэтъ читалъ свои стихотворенья
Красавицѣ, и таялъ передъ ней;
Но сынъ ея разрушилъ міръ забвенья,
Сказавъ поэту: „кончи поскорѣй!
Вѣдь это скучно;—ты вели, мамашка,
Чтобъ онъ со мной въ лошадки поигралъ...“
Поэтъ отвѣтилъ:
„погоди, милашка!“
Но думалъ онъ:
„чтобъ чортъ тебя побралъ!“

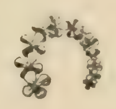
— „Послушай, мама,“ молвилъ мальчикъ крошка:
„Обшарили мы съ няней весь буфетъ;
Тамъ хересъ есть, малаги есть немножко;
Но только водки тамъ ни капли нѣтъ...“
И чувствуя, что рѣчью неумѣстной

Мальчишка тайну няньки разболталъ,
Она твердитъ:
„ахъ, андилъ нашъ небесный!“
Но думаетъ:
„чтобъ чортъ тебя побралъ!“

Введя гусара въ комнату папаши,
— „Вотъ видишь, папа“—мальчикъ говоритъ:
„И мнѣ онъ другъ, и другъ моей мамаши,
Ее цѣлуетъ, а меня даритъ...“
Гусаръ смущенъ, краснѣетъ, какъ мальчишка,
Болтливаго ребенка приласкалъ,
И шепчетъ:
„ахъ! ужасный ты плутишка!“
А думаетъ:
„чтобъ чортъ тебя побралъ!“

Лаская дядю, дѣвочка сказала:
— „Ахъ, дядюшка, когда же ты умрешь?
Вчера еще мамаша поминала,
Что долго намъ наслѣдства не даешь...“
Старикъ вздохнулъ, качая головою,
И, помолчавъ, болтуньѣ отвѣчалъ:
— „Ну что жъ, я радъ могильному покою;“
Но думалъ онъ:
„ахъ чортъ бы васъ побралъ!“

В. Крыловъ.



Латынь классическая.

Изъ Баумбаха.

Сіяетъ солнце знойными лучами,
Ни облачка на тверди голубой;
Тѣнистый паркъ не шелохнетъ вѣтвями;
Спитъ у забора песъ сторожевой...

Весь монастырь затихъ, какъ будто вымеръ;
Спитъ пріоръ самъ и даже видитъ сны,
Но и во снѣ—„о, Господи, спаси міръ!“
Порою шепчетъ въ царствѣ тишины...“
Нѣтъ, спятъ не всѣ и въ этотъ часъ истомный...
Чу, звукъ шаговъ!.. Три патера сѣдыхъ
Походкою замедленной и скромной
Проходятъ между келій запертыхъ...
Томимы жаждой, страстной жаждой знаній,
Въ библіотеку патеры идутъ,—
Тамъ ихъ давно, въ условный часъ свиданій,
Не только книги, но и кружки ждутъ...

Одно другому—вовсе не помѣха,
Особенно въ такой-то душный зной:
Читать и пить, пить и читать—утѣха
Всѣмъ, кто возжаждетъ истины душой...
— „Достань-ка намъ, любезный братъ Иларій,
Хоть „Ars amandi...“ Лишнее ли знать,
Какъ въ древности, любя безъ комментарій,
Боговъ умѣли люди побѣждать!“

И вотъ—Овидій легъ передъ отцами
Межъ полныхъ кружекъ съ искристымъ виномъ;
Вооружась огромными очками,
Раскрылъ его почтенный экономъ.
И—полилось размѣренное слово:
Сказанія угаснувшихъ вѣковъ,
Забытый міръ забытаго былаго,
Жизнь праотцевъ, героевъ и боговъ...

Вотъ Актеонъ-охотникъ... Вотъ—Венера,
Рожденная изъ бѣлой пѣны водъ;
А вотъ—и мать-зиждительница Гера
И юныхъ нимфъ веселый хороводъ...
Отецъ Юпитеръ—страстной полнъ отваги,
Везущій нимфу молодымъ воломъ,
Кропящій землю, жаждущую влаги,
Плодотворящимъ золотымъ дождемъ...

Доволенъ чтецъ и слушатели—тоже;
Въ одну улыбку трое расцвѣли...
„Вотъ какъ писать тогда умѣли!.. Боже!..

Вотъ какъ любить, какъ жить тогда могли!..“
Пустыя кружки снова полны стали,
И, возведя свой взоръ къ лицу святынь,
Отцы запѣли: „сгиньте, всѣ печали!
Да здравстуетъ, да царствуетъ латынь!..“

Пер. ***А. Коринфскій.***

Заяцъ-Обличитель.

(Басня).

— „Я—Заяцъ! Я—извѣстный либералъ!
Консерватизмъ претитъ моимъ принципамъ...
Весь вѣкъ я пѣной бѣшеной плевалъ:
Дубамъ сатиры посвящалъ,
Читалъ я обличенья липамъ,
Бранилъ за легкомысліе стрекозъ,
Негодовалъ на приставанье осъ,
Бранилъ траву за шумъ безпечный,
И даже разъ дошелъ до дерзости такой,
Что путь на небѣ млечный
Жестоко выругалъ! О, да!.. Я—заяцъ злой!..
И тамъ, гдѣ попранныя блага,
Гдѣ слабый никнетъ головой,—
Тамъ—я и тѣмъ я—свой!.
О, если бъ...“
Вдругъ какая-то бумага
Отъ вѣтра шевельнулася въ кустахъ...
Исчезла заячья отвага,
Объялъ его понятный страхъ...
Мгновеніе,—и либерала ушки
Мелькаютъ гдѣ-то у опушки...

Чужъ-Чуженинъ.

Сравненіе.

Солнце за гору садилось,
Возвращался съ поля скотъ,
А помѣщикъ на коровокъ
Любовался у воротъ.

Колокольчикъ за плотиной
Прозвенѣлъ, и въ тотъ же мигъ,
Глядь... сосѣдъ его въѣзжаетъ
Въ дворъ на дрожкахъ бѣговыхъ.

— „Ба!—воскликнулъ тутъ хозяинъ—
Петръ Иванычъ! Вотъ не ждалъ!
Я иду встрѣчать скотину,
А Господь мнѣ васъ послалъ!“

Ежъ.

Сельскіе воротилы.

Кабатчикъ Язва, попъ Данило,
Урядникъ, писарь волостной—
Въ селѣ у насъ большая сила:
Мужикъ предъ ними крѣпостной.

Кто не признавать ихъ сильной власти
Дерзнетъ, поднявши кверху носъ,
Тотъ не минуетъ ужъ напасти:
Они сейчасъ строчатъ доносъ.

Всѣхъ держатъ въ страхѣ, въ подчиненьѣ...
И рабство полное царитъ..
— „Довлѣетъ власти уваженье!“
Всѣмъ попъ Данило говоритъ.

Соло.

Артистъ Н. А. Степановъ.

* * *

У приказныхъ воротъ собирался народъ
Густо;
Говоритъ въ простотѣ, что въ его животѣ
Пусто.
— Дурачье!—сказалъ дьякъ,—изъ васъ долженъ быть всякъ
Въ тѣлѣ:
Еще въ думѣ вчера мы съ трудомъ осетра
Съѣли!—
На базаръ мужикъ везъ черезъ рѣку обозъ
Пакли;
Мужичокъ-то, вишь, простъ: знай, везетъ черезъ мостъ.—
Такъ ли?
— Вишь дуракъ!—сказалъ дьякъ:—тебѣ мостъ, чай, пустякъ,
Дудки?
Ты бъ его поберегъ, вѣдь плыли жъ поперекъ
Утки!
Какъ у Васьки Волчка воръ стянулъ гусачка,
Вишь ты!

Въ полотенце свернулъ, да поймáлъ караулъ,
Ништо!
Дьякъ сказалъ:—Дурачье! Полотенце-то чье?
Васьки?
Стало, Васька и тать! Стало Васькѣ и дать
Таску!
Пришелъ къ дьяку больной, говоритъ:—Ой, ой, ой,
Дьяче!
Очень больно нутру, а ужъ вотъ поутру
Паче.
И не лечь, и не сѣсть, и не можно мнѣ съѣсть
Столько!
— Вишь дуракъ! сказалъ дьякъ, ну, не ѣшь натощакъ—
Только!
Пришелъ къ дьяку истецъ, говоритъ:—Ты отецъ
Бѣдныхъ!
Кабы ты мнѣ помогъ—видишь денегъ мѣшокъ
Мѣдныхъ—
Я бъ те всыпалъ, ей ей, въ шапку десять рублей,
Шутка?
— Сыпь сейчасъ!—сказалъ дьякъ, подставляя колпакъ,—
Нутка!

А. К. Толстой.

Бараны.

Вотъ идетъ барановъ стадо. Что за глупыя все рожи,
Точно все родные братья, такъ они другъ съ другомъ схожи;
Лбы у всѣхъ равно покаты. Я, взглянувши на барановъ,
Вспомнилъ нашихъ модныхъ франтовъ, нашихъ свѣтскихъ донъ-жуановъ.—

Всѣ причесаны „ка́пулемъ,“ въ глазъ воткнута
одноглазка;
На всѣхъ лицахъ фатовская и нахальная гримаска.
Очень тщательно завиты, всѣ съ прямымъ, англій-
скимъ рядомъ;
Такъ же смотрятъ, какъ бараны, и тупымъ и мерт-
вымъ взглядомъ.

Разодѣты всѣ прекрасно по послѣдней самой модѣ!..
Точно сдѣланы по мѣркѣ на какомъ-нибудь заводѣ.
Въ молодые годы въ школахъ не даются имъ науки;
Книгъ они терпѣть не могутъ и берутъ ихъ рѣдко
въ руки,
И хоть правильно двухъ строчекъ не напишутъ вамъ
по-русски,
Но за то пребойко „блекътъ“ межъ собою по
французски...

Эти милые барашки никогда нигдѣ не служатъ;
О трудѣ, о пользѣ ближнимъ никогда они не тужатъ,
Но для тона и приличья всѣ имѣютъ аттестатъ:
Всѣ они при комъ-то и причемъ-то со-
стоятъ!
Съ головой свободной, праздной вѣкъ не чувствуютъ
тоски,
Мысль благая не залѣзетъ въ ихъ пустые чердаки,
Отъ волненій благородныхъ не волнуются ихъ груди,
И выходитъ, что барашки пресчастливѣйшіе люди!!
Хоть бараны, большей частью, съ ограниченнымъ
познаньемъ,
Но зато всѣ обладаютъ превосходнымъ состояньемъ.
И фортуна о баранахъ позаботилась сама,
Потому что деньги, право, выше всякаго ума!
Вѣдь, съ деньгами, будь ты самымъ вреднымъ па-
разитомъ,
Прослывешь ты человѣкомъ умнымъ, острымъ и
развитымъ.
Въ наши лучшіе салоны имъ открытъ свободный
входъ!
(Много значитъ въ наше время состоянье и доходъ!)
Всѣ невѣсты и сердца къ нимъ и объятья прости-
раютъ.

(Нынче въ деньгахъ толкъ дѣвицы превосходно
понимаютъ!)
А мамаши суетятся, не жалѣя потроховъ,
Сбыть товаръ за этихъ глупыхъ, но богатыхъ женихов!
И живется имъ на свѣтѣ и тепло и благодатно...
Да! Съ хорошимъ состояньемъ и бараномъ быть
пріятно!

Н. Стружкинъ.

Легенда.

Изъ В. Гете.

Когда-то жилъ въ пустынѣ мужъ святой.
Разъ дикій фавнъ, съ козлиною ногой,
Пришелъ къ нему и молвитъ со смиреньемъ:
— „Ахъ, помолись, чтобы Господь открылъ
Мнѣ доступъ къ свѣтлымъ райскимъ наслажденьямъ,
Чтобъ фавновъ онъ на небѣ пріютилъ.“
Тутъ мужъ святой отвѣтилъ съ удивленьемъ:
— „Странна твоя мнѣ просьба, милый мой!
И какъ могу я за тебя молиться?
Прилично ль будетъ фавну поселиться
Межъ ангеловъ съ козлиною ногой?“
— „Что вамъ за дѣло до ноги козлиной?“
Вскричалъ дикарь: „когда я вижу самъ,
Какъ удается многимъ господамъ
Всходить на небо съ головой ослиной!“

Холодковскій.

Скромница.

О! до чего молва несправедлива!
Иной разъ даже зло беретъ!
Прославили меня, что я болтлива...
Вотъ удивительный народъ!
Что надобно меня остерегаться,
Что очень часто болтовня
Приводитъ къ сплетнямъ у меня...
Ну какъ же мнѣ не возмущаться!
Я сплетница!..
Но отчего?
Слыхали ль вы, что про кого
Когда-нибудь дурное я сказала?
Меня и у другихъ-то удивляло,
Что вздоръ такой ихъ можетъ занимать:
Разузнавать и разглашать.
Я сплетница!..
Оно забавно!
Не оттого ль, что весела,
Со всѣми вѣжлива, мила.
А не скажу, какъ...
Вѣра Николавна,
Съ невозмутимой кротостью лица,
Съ несокрушимою улыбкой...
Да, Вѣра Николавна безъ конца
Молчать умѣетъ золотистой рыбкой,
Она вовѣки даже и ошибкой
Не проронитъ умнаго словца.
Не спорю я: она красива...
Но бойтесь вы такого дива:
У ней болѣзнью смотритъ бѣлизна;
Въ ея румянцѣ свѣжесть не видна
А взглядъ ея...
Въ такомъ онъ родѣ,
Какъ будто на фарфоровомъ заводѣ
Сработали ей пару черныхъ глазъ.
Я говорю не осуждая;
Предъ красотой ея не разъ

Благоговѣла и сама я,—
Но если вы хоть полчаса
Съ ней проведете не зѣвая,
Такъ это будутъ чудеса.
Такой красавицей плѣниться
Способенъ только нашъ кассиръ.
О! для него она кумиръ!
Да и чему тутъ удивляться?—
Вѣдь никогда онъ прежде не встрѣчалъ
Порядочной особы женской
И, кромѣ бабы деревенской,
Другихъ онъ женщинъ не знавалъ,—
Ему и кукла идеалъ.
Недаромъ же на службѣ въ банкѣ гдѣ-то
Вся плутовская жизнь его прошла...
Его въ салонъ большого свѣта
Княгиня старая ввела
И познакомила...
Вотъ это
Мнѣ непонятно, хоть убей:
Въ какихъ дѣлахъ княгинѣ нуженъ
Прожженый старый воробей,
И почему онъ съ нею друженъ?
А впрочемъ...
Кто ихъ разберетъ?
Я слышала, княгиня разорилась;
Теперь спасайся, хоть изъ кожи лѣзь.
Что дѣлать?—обнищала спѣсь!
Она съ мошенниковъ сдружилась:
У ней протекція родства,
А онъ... онъ геній воровства!..
Тутъ сила съ силою сплотилась.
Зато ужъ про ея салонъ
Не оберешься всякихъ жалобъ:
Частенько тамъ такой встрѣчаешь тонъ,
Что безъ оглядки убѣжала бъ.
Клянусь вамъ, я злословить не хочу;
Но, гдѣ коснется правды, не смолчу...
Бываетъ тамъ одна жидовка...
Ей, вѣрно, лѣтъ за пятьдесятъ,
Но рядится она въ такой нарядъ,

Что за нее становится неловко.
Открытые и лифъ и рукава,
Роскошный бархатъ, шелкъ и кружева,
И жемчуга, и брилліанты,—
Ужъ за какіе тамъ таланты
И за какія тамъ права
Она все это получила,
Сказать вамъ будетъ мудрено:
Ея прошедшее темно;
А въ настоящемъ закупила
Она бездарнаго птенца
Изъ адвокатовъ неумѣлыхъ,
И таетъ онъ въ восторгахъ смѣлыхъ
Отъ штукатурки дряблаго лица.—
Но никого оно не возмущаетъ.
Княгиня любитъ ихъ, ласкаетъ.
Мужчины, дамы,—свѣтскій людъ,
Который у нея бываетъ,
Къ такимъ явленьемъ далеко не крутъ.
Всѣ хороши!—Должно быть, сами
Всѣ сознаютъ, что за плечами
У каждаго есть множество грѣшковъ...
И развѣ только не таковъ
Тамъ главный гость,—ихъ идолъ баснословный...
Зато ужъ онъ не скажетъ и двухъ словъ
Безъ вопіющихъ пустяковъ,
Хоть нахваталъ отличій и чиновъ,—
Служилый генералъ сановый...
Ну! я не стану продолжать:
Ужъ дальше будетъ нецензурно.
А въ жизнь мою, могу сказать,
Я ни о комъ не отзывалась дурно.
Равнять себя съ подобнымъ людьми,
По чести,—я не въ состояньи.
Вотъ ихъ такъ хлѣбомъ не корми,
Но дай поплавать въ порицаньи.
Они со сплетней такъ сжились,
Что сплетня ихъ доводитъ до дуэли,
Другъ друга такъ укорами заѣли,
Что... на прошедшей, кажется, недѣлѣ
За картами едва не подрались...

Кричали, спорили, шумѣли...
И это общество могло
Сказать, что я ужасно легковѣрна,
Что къ нимъ строга я непомѣрно,
Что мой языкъ болтаетъ зло!..
Когда я только тамъ счастлива,
Гдѣ ото всѣхъ ихъ сторонюсь...
Позвольте!—я на васъ сошлюсь:
Скажите, неужели я болтлива?..

Викторъ Крыловъ.

Загадка.

Въ шумномъ обществѣ былъ я недавно.
Тамъ сошлись всѣхъ сословій образчики:
Молчаливыя дамы, разсказчики,
Говорившіе очень забавно,
Бюрократы, артисты, военные
И какія-то дѣвы нетлѣнныя,
Съ выраженьемъ въ глазахъ: мы—невѣсты!
Замѣчалъ я улыбки и жесты
И движенья почти деревянныя,—
И одно заключеніе странное
Неожиданно въ умъ мнѣ пришло:
Что такое ихъ вмѣстѣ свело—
По какой непонятной причудѣ?
Гдѣ росли эти самые люди?
Словно каждый привыкъ жить особо;
Вмѣстѣ какъ будто дышать тяжело
Въ пестромъ обществѣ. Тайная злоба,
Недовольство замѣтно на всѣхъ,
Невеселый, искусственный смѣхъ...
Только модный костюмъ одинаковъ.
Кромѣ дамскихъ нарядовъ и фраковъ,
Все различно у этихъ людей

Посреди ихъ торжественной скуки:
Интересы, волненья и муки.
То—обрывки неясныхъ идей,
Несложившихся взглядовъ и мнѣній
И практически грязныхъ стремленій...
Истощилась бесѣда,—и стихнулъ весь залъ,
Нѣтъ, казалось, отъ скуки исхода...
Вдругъ, какъ бомба, вопросъ передъ всѣми упалъ
— „Что такое свобода?"
Съ выразительнымъ, дѣтскимъ лицомъ
(Встрепенулось все общество наше)
Мальчикъ съ книжкой стоялъ предъ отцомъ:
— „Что такое свобода, папаша?"
Подивившись вопросу ребенка
И уму его въ ранніе годы,
Каждый гость о значеньи свободы
Началъ мысль развивать очень тонко.
— „Свобода,—изрекъ бюрократъ,—
Есть строгій порядокъ, во-первыхъ;
Свобода—священный обрядъ:
Служи и трудись, какъ велятъ,
Забывши о волѣ и нервахъ.
Покорность дастъ людямъ почетъ,
Порядокъ—вся сила народа...
        По моему, вотъ
        Что значитъ свобода!"
— „Свобода,—лепечетъ поэтъ,—
Въ могучей и творческой лирѣ.
Свобода—нашъ новый завѣтъ,
Незнанье всѣхъ жизненныхъ бѣдъ,
Забвенье о людяхъ и мірѣ.
Свобода—широкій полетъ
Къ тебѣ, наша матерь-природа!..
        По моему, вотъ
        Что значитъ свобода!"

. . . .

— „Свобода,—замѣтилъ умно
Редакторъ салонной газеты,—
Народу вредила давно:
Развратъ, самовольство, вино—
Вотъ этой свободы примѣты.

Свободу не всякій пойметъ!
Тутъ нужно развитье, порода...
По моему, вотъ
Что значитъ свобода!"
— „Свобода,—сказалъ Скалозубъ,—
Въ одной дисциплинѣ, повѣрьте.
Фельдфебель во фронтѣ былъ грубъ,
Пропалъ у солдата тулупъ—
И я запорю ихъ до смерти.
Войду—пусть на мѣстѣ замретъ
Весь полкъ до послѣдняго взвода...
По моему, вотъ
Что значитъ свобода!"
. . . .
— „Свобода,—сказалъ адъютантъ,—
Есть комфортъ, какъ вы тутъ ни спорьте,
Что бъ тамъ ни писала Жоржъ-Зандъ;
Свобода—великій талантъ
Жить въ вѣчномъ довольствѣ, въ комфортѣ,
Жену взять съ приданымъ—и въ годъ
Открыть два кирпичныхъ завода...
По моему, вотъ
Что значитъ свобода."
— „Въ замужствѣ стѣсненья не знать,
Имѣть добронравнаго мужа,
И, если полюбишь опять..."
(Вдова не рѣшилась кончать,
Завѣтную мысль обнаружа).
„Ну, словомъ,—незнанье заботъ,
Въ нарядахъ—послѣдняя мода...
По моему, вотъ
Что значитъ свобода!"
Однако, довольно!.. Ребенокъ пытливый
Остался при той же мудреной загадкѣ.
И думалъ онъ ночью, въ дремотѣ лѣнивой,
На дѣтской уютной кроваткѣ:
— „Престранное дѣло! Написано въ книжкѣ
Совсѣмъ не о томъ, что у насъ толковали..."
Но гости забыли давно о мальчишкѣ—
И ужинать начали въ залѣ.

Д. Д. Минаевъ.

Воспоминаніе.

Ночь была упоительной нѣги полна.
Ароматъ разливали сирени.
Въ облакахъ серебристыхъ ныряла луна
И бросала волшебныя тѣни.
Наше общество перешло все на балконъ,
Третью пульку начавъ хладнокровно.
Всѣхъ въ тотъ вечеръ (я помню, какъ будто сквозь сонъ)
Обыграла Авдотья Петровна.
Передъ нами пейзажъ въ лунномъ блескѣ сіялъ,
Серебрилась рѣка изъ тумана,
Соловей канцонетту изъ рощи свисталъ
Слаще тающей скрипки Вьетана.
— „Что за чудная ночь! какъ поетъ соловей!“—
Молвилъ толстый Порфирій Иванычъ.
— „Да!“—отвѣтилъ подрядчикъ,—пяти бы рублей
Мнѣ не жаль подарить ему за ночь!..“
Тутъ шепнула одна изъ дѣвицъ пожилыхъ,
Томно вспомнивъ про юность былую:
— „Такъ когда-то мнѣ пѣлъ вѣроломный женихъ.
Но увы! промѣнялъ на другую!..“
— „Пасъ“ – угрюмо промолвилъ бухгалтеръ старикъ
И подумалъ, очки протирая:—
— „Охъ, не по сердцу мнѣ соловьиный языкъ:
Въ немъ иронія слышится злая...“
— „Ночь была бъ не дурна.. да идеи въ ней нѣтъ...“
Молвилъ фатъ и сотрудникъ журнала:
— „Соловей же поетъ безъ тенденцій, какъ фатъ,
А луна и подавно отстала...“
Каждый въ обществѣ высказалъ мнѣнье про ночь.
Только Лиза и я промолчали.
Но украдкой ушли отъ играющихъ прочь
И въ объятья другъ другу упали.

И. И. Пальминъ.

Земной рай.

— Что будетъ,—вопросите вы,—
Въ дали вѣковъ обѣтованной,
Когда исполнятся мечты
Людей теоріи гуманной?

Ахъ, господа, въ тѣ времена,
Глаза и разумъ ослѣпляя,
Явиться смертному должна
Картина жизни вотъ какая:

Всѣ рѣки медомъ потекутъ,
Конечно, въ берегахъ кисельныхъ,
А сверху меда поплывутъ
Большія крынки сливокъ цѣльныхъ.

Въ извѣстный часъ польютъ дождемъ
Горячій чай и кофе рядомъ,
Съ густымъ, конечно, молокомъ,
И будетъ сахаръ падать градомъ.

. . . .

Всему однако свой чередъ,
Я долженъ здѣсь оговориться:
Все это будетъ... для господъ,
А для народа не годится...

Для мужиковъ вездѣ пойдутъ
Изъ каши гречневой болота;
Тамъ кочки лукомъ поростутъ,—
Закусывай, кому охота!

Вдали воздвигнется хребетъ
Изъ мягкихъ массъ ржанаго хлѣба;
Его вершину, словно ледъ,
Покроетъ масло вплоть до неба.

Съ хребта прелестный, будетъ видъ,—
Глазамъ представятся два моря:
Въ одномъ—сивуха забурлитъ,
Ужъ, разумѣется, не съ горя;

Въ другомъ—отличный кислый квасъ
(Ликуйте, Ваньки, Васьки, Өедьки!)

У скалъ запѣнится, крутясь;
А скалы будутъ всѣ изъ рѣдьки.

Для бабъ,—а пуще въ тѣхъ видахъ,
Чтобъ не орали ребятишки,—
Во всѣхъ появятся борахъ
Грибы изъ вяземской коврижки.

Вездѣ—такая благодать!
Тепло, какъ послѣ доброй порки,
И самый воздухъ, такъ сказать,
Пронзится запахомъ махорки!..

Да, будетъ времячко... но тутъ
Я, господа, поставлю точки:
Боюсь, что слюнки потекутъ
На недописанныя строчки.

И. В. Омулевскій.

Слухъ.

Идетъ, бредетъ нелѣпый Слухъ
Съ беззубыхъ ртовъ сѣдыхъ старухъ,
Вездѣ пройдетъ, все подглядитъ,
Къ чему коснется—зачернитъ;
Тутъ порычитъ, тамъ заоретъ,
Здѣсь прочихнется, отойдетъ.
Онъ вѣрно здѣсь? Посмотришь—нѣтъ,
Пропалъ за нимъ и духъ и слѣдъ,

А онъ далеко за глаза
Гудитъ, какъ дальняя гроза...
Съ нимъ много разъ вступали въ бой:
Стои́тъ, какъ витязь онъ чудно́й,
Неясенъ обликомъ своимъ,
Громаденъ, глупъ и недвижимъ;
Сквозь сталь и бронзу шишака,
Сквозь лобъ, проходятъ облака!

Въ немъ тѣла даже вовсе нѣтъ:
Сквозитъ на тѣнь, сквозитъ на свѣтъ!
Ступнями Слухъ травы не мнетъ...
Но пусть, кто смѣлый, нападетъ:
Что ни ударъ, что ни рубецъ,—
Онъ все растетъ и подъ конецъ
Подступитъ вплоть, упрется въ грудь,
Не дастъ и руку замахнуть...

А иногда своихъ сынковъ
Напуститъ Слухъ, какъ комаровъ;
Жужжитъ и вьется ихъ народъ
И лѣзетъ въ уши, въ носъ и въ ротъ;
Какъ ни отмахивай рукой,
Все тотъ же шумъ, все тотъ же рой...
А Слухъ-отецъ сидитъ при нихъ,
Читая Житія Святыхъ...

К. К. Случевскій.

Пѣснь торжествующей свиньи.

Изъ Ж. Ришпена.

Да, я свинья,
И пѣснь моя
Въ хлѣву побѣдная слышна,
Всегда одна, звучна, ясна,
И откровенности полна;
Я гордо, смѣло говорю:
. . . .
Хрю-хрю
Луны и солнца свѣтъ, цвѣтовъ благоуханье
Пусть воспѣваетъ вамъ какой-нибудь поэтъ—
Худое, жалкое, голодное созданье—
А я—свинья—хрю-хрю!.. До нихъ мнѣ дѣла нѣтъ.
Пусть брешутъ, будто есть какой-то „воздухъ чистый,

Лѣсовъ зеленый шумъ, просторъ родныхъ полей,
Душистая фіалка, ландышъ серебристый,
Свобода, родина...• Хрю-хрю,—мнѣ хлѣвъ милѣй.

Къ чему намъ солнца свѣтъ? Къ чему намъ запахъ
розы?...
Какъ будто бы нельзя отлично въ темнотѣ,
Впивая ароматъ питательный навоза,
Налопаться... хрю-хрю... и спать на животѣ?

Что значитъ родина? По-моему—корыто,
Гдѣ пойло вкусное, такъ щедро, черезъ край
Для поросятъ моихъ и для меня налито—
Хрю-хрю—вотъ родина, хрю-хрю,—вотъ свѣтлый
рай!

Есть много, говорятъ, другихъ свиней голодныхъ...
Такъ мнѣ-то что жъ?—хрю-хрю—была бы я сыта.
Какое дѣло мнѣ до бѣдъ и нуждъ народныхъ,
До поросятъ чужихъ?.. Все вздоръ, все суета!

Пусть гибнутъ дураки за бредни идеала,
За стадо глупое обиженныхъ свиней...
И вовсе нѣтъ его. Насъ кормятъ до отвала,
Хрю-хрю! Все выдумка крамольниковъ-людей!

Пускай колбасники торгуютъ колбасою,
Изъ братьевъ и сестрицъ готовятъ ветчину,
Мнѣ—что?... Вѣдь я жива. Я жру свои помои,
И слышу ревъ и визгъ, и глазомъ не моргну.

Да, я—свинья,
И пѣснь моя
Въ хлѣву побѣдная слышна,
Всегда одна, звуча, ясна,
И откровенности полна;
Я гордо, смѣло говорю:
. . . .
Хрю-хрю!

А. Барыкова.

* * *

На небесахъ горятъ паникадила,
А снизу—тьма.
Ходила ты къ нему, иль не ходила,
Скажи сама!
Но не дразни гіену подозрѣнья,
Мышей тоски!
Не то смотри, какъ леопарды мщенья
Острятъ клыки!
И не зови сову благоразумья
Ты въ эту ночь!
Ослы терпѣнья, слоны раздумья
Бѣжали прочь.
Своей судьбы родила крокодила
Ты здѣсь сама.
Пусть въ небесахъ горятъ паникадила,
Въ могилѣ—тьма.

В. С. Соловьевъ.

Станъ и голосъ.

Хорошій станъ, чѣмъ голосъ звучный,
Имѣть пріятнѣй во сто кратъ.
Вамъ пояснить я басней радъ.
Какой-то становой, собой довольно тучный,
Надѣвши войлочный халатъ,
Присѣлъ къ открытому окошку
И молча началъ гладить кошку.
Вдругъ голосъ горлицы внезапно услыхалъ...
— „Ахъ, если бъ голосомъ твоимъ я обладалъ,"—
Такъ молвилъ приставъ:—„Я бъ у тещи
Пріятно пѣлъ въ тѣнитой рощѣ,
И сродниковъ своихъ плѣнялъ и услаждалъ!"
А горлица на то головкой покачала,
И становому такъ, воркуя, отвѣчала:
— А я твоей завидую судьбѣ:
Мнѣ голосъ данъ, а с т а н ъ тебѣ!

Козьма Прутковъ.

Демьяновъ окорокъ.

Сосѣдъ Ѳока зашелъ къ Демьяну въ праздникъ,
А ужъ сосѣдъ Демьянъ
Былъ пьянъ
Съ утра проказникъ.
Но все жъ сосѣда принялъ онъ
Честь-честью, какъ и подобаетъ;
Отвѣсивши Ѳокѣ поклонъ
За столъ его сажаетъ,
Стаканчикъ выпить предлагаетъ
И придвигаетъ ветчину.
— А, ну!
Попробуйка-ка кусочекъ любовинки,
Ни у кого, братъ, нѣтъ такой ветчинки:
Изъ поросеночка свинью самъ воспиталъ
Ее и холилъ и питалъ.
Вотъ я тебѣ кусокъ отрѣжу съ бока.
Кусокъ съѣлъ Ѳока.
— Ну?
Какъ ты находишь ветчину.
—„Прекрасная"!—Спасибо, мой дружечекъ,
За похвалу свиньѣ... Ну, съѣшь еще кусочекъ,
Отрѣжу я теперь наискосокъ.
Ѳока оплелъ еще кусокъ.
Демьянъ же потчуя упрямо
Сказалъ:—А ну-ко, я еще кусокъ отрѣжу прямо.
Ѳока плотнѣй присѣлъ
И третій съѣлъ.
Демьянъ четвертый отрѣзаетъ,
Ѳока—четвертый уплетаетъ.
Тамъ пятый, тамъ шестой, седьмой, восьмой...
„Вотъ аппетитъ проклятый"
Подумалъ нашъ Демьянъ, кладя кусокъ десятый
Передъ обжорою Ѳокой,
Который вмѣстѣ съ ветчиной
Баклагу выпилъ квасу.
Ну, словомъ, не прошло и часу
Какъ окорокъ исчезъ, осталась только кость.

— Ну, гость!
Вскричалъ Демьянъ и, полонъ злостью,
Въ Ѳоку отъ окорока костью
Демьянъ мой запустилъ.
А Ѳока на лету кость ловко ухватилъ
И говоритъ Демьяну:
— „Ты съ пьяну
„Чуть костью не нанесъ мнѣ рану.
„Чтобъ ты не запустилъ въ другого кость, другъ мой,
„Чтобъ не было тебѣ жъ за это послѣ плохо,
„Я кость возьму домой,
„Она мнѣ пригодится для гороха“.

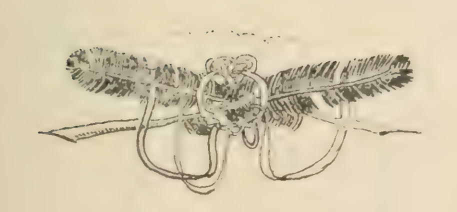
Нравоученье басни сей
Я выражаю мыслью смѣлой!
На столъ не ставьте окорокъ вы цѣлый,
И помните, что межъ людей
Есть множество такихъ прожорливыхъ свиней,
Которые, придя къ вамъ въ гости,
И мясо-то съѣдятъ да и обгложутъ кости.

А. А. Соколовъ.

Алфавитный указатель.

Русскіе авторы.

Иностранные авторы.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ I-Я.

Сцены, разсказы, монологи и стихотворенія въ прозѣ.

ЧАСТЬ II-я.

Declamatorium.

ЧАСТЬ III-я.

Мелодекламаціи и лирическія стихотворенія.

ЧАСТЬ IV-я.

Сатира и юморъ.